

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ИМ. АБУ РАЙХАНА БЕРУНИ
МИРЗА МУХАММАД ХАЙДАР

ТА'РИХ-И РАШИДИ

Введение, перевод с персидского
А. УРУНБАЕВА, Р. П. ДЖАЛИЛОВОЙ, Л. М. ЕПИФАНОВОЙ
Примечания и указатели Р. П. ДЖАЛИЛОВОЙ И Л. М. ЕПИФАНОВОЙ
Ташкент
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
1996

ОТ ОТВЕТСТВЕННОГО РЕДАКТОРА

Выдающийся памятник XVI в. по истории Центральной Азии «Та'рих-и Рашиди» Мирзы Мухаммад Хайдара широко известен в научных кругах и является объектом пристального внимания ученых. Несмотря на исключительную важность данного сочинения как источника по истории обширного региона, включавшего в себя территории нынешних Узбекистана, Казахстана, Кыргызстана и др., содержащиеся в нем материалы еще не до конца использованы, на что указывают обращавшиеся к нему исследователи. Основная причина этого — отсутствие как критического текста «Та'рих-и Рашиди», так и современного его перевода (английский перевод Е. Д. Росса, увидевший свет в 1895 г. и переизданный без изменений в 1972 г., является библиографической редкостью). Учитывая данное обстоятельство, в Институте востоковедения АН РУз было решено осуществить научно-комментированный перевод этого большого труда (321 лист по ташкентской рукописи) с персидского на русский язык, результатом чего явилось настоящее издание.

В основу публикуемого перевода положен ташкентский список (Институт востоковедения АН РУз, инв. № 1430), датируемый по палеографическим данным XVII в. и наиболее полный в сравнении с другими, использованными при работе рукописями. Отсутствие критического текста сочинения создавало определенные трудности при переводе. Переводчики старались в какой-то мере разрешить их привлечением к работе трех ленинградских (ныне Санкт-Петербургских) списков (Подробно о них см. во «Введении» к переводу (в условных обозначениях списков сохранена буква Л.) английского перевода Е. Д. Росса, выполненного на [5] основе нескольких рукописей и изданий сочинений «Зафар-наме» Шарафаддина 'Али Йазди и «Та'рих-и джахангушай» Джувейни, отрывки из которых Мирза Хайдар включил в свое произведение.

Большая часть сочинения «Та'рих-и Рашиди» — мемуары, в которых исторические события переплетаются с воспоминаниями автора о своей жизни и жизни своих современников — в них немало бытовых зарисовок, стихотворных вставок, принадлежащих перу самого Мирзы Хайдара, философских рассуждений автора о бренности земного существования, нравственных ценностях и пр. Все это изложено образным литературным языком, полным красочных метафор, эпитетов и метких сравнений. Автор «Та'рих-и Рашиди», бесспорно, обладал литературным дарованием, поэтому его повествование захватывает читателя, заставляет сопереживать и воспринимать описываемые им события с неослабным интересом. Однако само повествование весьма неровно: оно либо точно и кратко, либо в основном в отвлеченных рассуждениях не всегда ясно. Сличение текста с другими списками «Та'рих-и Рашиди» показало, что изменения, внесенные переписчиками в текст на протяжении нескольких веков, столь значительны, что на сегодняшний день можно говорить о наличии двух редакций сочинения. Так, две рукописи из Института народов Азии РАН (инв. № В 648 и С 394) с небольшими сокращениями трудных для понимания мест текста дальше от авторского текста, чем рукописи ташкентская (инв. № 1430), Санкт-Петербургского университета (инв. № 272), а также списки, использованные Д. Россом.

Стиль «Та'рих-и Рашиди» отличается непоследовательностью. Автор постоянно переходит от описания одного события к другому, затем вновь возвращается к нему и так по нескольку раз. Повторы — характерная особенность Мирзы Хайдара; создается впечатление, что он писал свои мемуары, не перечитывая их. Однако в целом сочинение написано образным литературным языком, насыщенным богатой лексикой и арабизмами.

Рассматривая «Та'рих-и Рашиди» не только как исторический, но и как литературный памятник, переводчики стремились как можно точнее передать стиль и образность языка Мирзы Хайдара. В переводе сохранены многочисленные стихотворные вставки, принадлежащие в основном перу самого Мирзы Хайдара, его философские раздумья о жизни, а также включенные им в [6] свое сочинение суфийские трактаты известных его современников. Одним словом, настоящее издание предоставляет этот ценный памятник в полном объеме, за исключением четырех мест в сочинении, приведенных в переводе в подробном пересказе: это лл. 1б—3а; 185 а, б; 259б—269б — отрывки из сочинений других авторов, ничего нового к труду Мирзы Хайдара не добавляющие, а по вычурности стиля трудные как для перевода, так и для понимания их читателем, а также заключительная глава (л. 321а, б), содержащая традиционную благодарность Аллаху за помощь в завершении труда и извинения перед читателями за возможно допущенные ошибки.

Публикуемый научно-комментированный перевод «Та'рих-и Рашиди» обсуждался на двух ученых советах: в Ташкенте, в Институте востоковедения АН РУз (1985 г.) и в Ленинграде (ныне Санкт-Петербург) в Отделении Института востоковедения РАН (1987 г.). Исполнители настоящей публикации благодарят своих официальных рецензентов: доктора исторических наук Р. Г. Мукминову и кандидата филологических наук А. В. Вильданову, а также известного специалиста по истории Моголистана О. Ф. Акимушкнна, взявшего на себя нелегкий труд ознакомиться с работой и дать расширенную рецензию.

А. Урунбаев

[7] ВВЕДЕНИЕ

К числу значительных исторических памятников, содержащих ценные сведения по истории народов Центральной Азии, относится «Та'рих-и Рашиди» («Рашидова история») Мирзы Мухаммад Хайдара дуглата (род. в 905/1499 — уб. в 958/1551 г.). Этот труд, составленный очевидцем и участником многих описанных им событий, содержит богатый материал для историков, этнографов, географов и других специалистов, изучающих общественный строй, быт и топонимику феодальных государств указанного региона в XV—XVI вв. Это уникальный первоисточник при изучении прошлого народов Узбекистана, Казахстана, Восточного Туркестана (совр. Синьцзян КНР) и частично Афганистана, Тибета, Индии; в нем содержится разнообразный и оригинальный материал по истории узбеков, казахов, киргизов, ойратов (калмаков) и уйгуров, проливающий свет на их взаимоотношения в эпоху средневековья.

Автор «Та'рих-и Рашиди», о жизни которого мы черпаем сведения в основном из его настоящего труда, — Мирза Мухаммад Хайдар, чаще именуемый современниками Мирза Хайдар (л. 856)¹, принадлежал к высшим слоям могольского общества. Предки его пользовались потомственными привилегиями, пожалованными им Чагатаидами, и были наследственными владельцами и правителями Кашгарии. Отец Мирзы Хайдара Мухаммад Хусайн гураган был в большой дружбе с моголистанским ханом Султан Махмуд ханом (892/1487— 913/1508) и в 899/1493—1494 г. стал ханским зятем, женившись на его сестре Хуб Нигар ханим, будущей матери автора (отсюда его титул «гураган» — «ханский [8] зять»). В 900/1495 г. он получил от Султан Махмуд хана в управление область Ура-тепе, несколько лет жил в Ташкенте, где в 905/1499—1500 г. родился Мирза Хайдар (л. 87 а, б). Мать Мирзы Хайдара была младшей дочерью моголистанского правителя Йунус хана (866/1462—892/1487) и родной сестрой матери Бабура Кутлук Нигар ханим.

В 908/1503 г. после неудачного сражения Султан Махмуд хана с войсками Шейбани хана (905/1500,-916/1510) при Ахси Мухаммад Хусайн был вынужден оставить Ура-тепе и отправиться в Каратегин. В 912/1506—1507 г. в Кабуле он, участвовал в заговоре против Бабура, но был им прощен, однако оставаться там больше не мог и вернулся в Фергану, где по приказу Шейбани хана в 914/1508—1509 г. был убит (л. 134б).

После смерти отца под угрозой оказалась жизнь самого Мирзы Хайдара. С большими трудностями его спас доверенный его отца Маулана Мухаммад, бежав с ним из Бухары в Бадахшан. Из Бадахшана Мирза Хайдар в 915/1509 г. прибыл к Бабуру в Кабул, где нашел самый теплый прием (по словам Мирзы Хайдара Бакур заменил ему отца — л. 148б). Через три года, в 918/1512—1513 г., Мирза Хайдар ушел к Султан Са'ид хану (920/1514-939/1533 г.) в Андижан и с того времени до конца жизни хана постоянно находился при нем (л. 171б). После установления власти Султан Са'ид хана в Кашгарии в 920/1514 г. Мирза Хайдар ушел туда вместе с ним и занял видное положение («он вверил мне все дела армии и государства, дал мне неограниченную власть во всем» — л. 171б—173а, — пишет Мирза Хайдар). Ему было поручено также воспитание сына и наследника Са'ид хана — Абдарашида.

При Султан Саид хане Мирза Хайдар возглавлял многие военные экспедиции — в Бадахшан, Кафиристан, Ладак, Тибет. После смерти Султан Са'ид хана в 1533г. и вступления на престол его сына Абдарашида (939/1533—978/1570 г.), враждебно настроенного к дому дуглатов, Мирза Хайдар был вынужден покинуть страну. Сначала он скитался по Бадахшану, затем ушел в Лахор к сыну Бабура Камрану мирзе. В 946/1539—1540г. в Агре он присоединился к Хумайуну (937/1530—963/1556), а в 948/1541 г. завоевал Кашмир, которым правил от имени Бабуридов, однако фактически был независимым правителем. В 958/1551 г. Мирза [9] Хайдар был убит во время стычки с горными племенами.

Мирза Хайдар получил прекрасное по тому времени образование — сначала им занимался Бакур, затем Султан Са'ид хан, о чем Мирза Хайдар подробно сообщает в «Та'рих-и Рашиди» (л. 149б, 171б—173а). О себе он пишет так: «Я стал лучшим, даже искусным среди родственников в каллиграфии, грамоте, поэзии, стилистике, рисовании и золочении... В остальных ремеслах, как-то в инкрустации, резьбе, ювелирном мастерстве, шорном деле, изготовлении брони, стрел и лука, орнаментировании, изготовлении попоны, в строительном деле, столлярничестве и в других ремеслах... я был искусен благодаря старанию хана, так что мастера по этим ремеслам оказались слабыми в обучении меня» (л. 4 а, б). Слова Мирзы Хайдара находят подтверждение в характеристике, данной ему Бабуром в «Бакур-наме», где он отмечал, что «к писанию и к рисованию, к изготовлению стрел, наконечников стрел и колец для натягивания лука — ко всему его руки были ловки. Дарование к стихам у него тоже есть. Ко мне пришло от него прошение, слог его недурен»².

Кроме исторического сочинения, до нас дошел еще тюркский стихотворный трактат по географии «Джаханнаме», также принадлежащий перу Мирзы Хайдара³.

Труд Мирзы Хайдара «Та'рих-и Рашиди» получил широкое распространение на Востоке. В настоящее время его списки есть во многих рукописохранилищах мира, и все последующие восточные авторы исторические и географические сведения по Центральной Азии, Восточному Туркестану, Индии и др. черпали у него. Так, Амин б. Ахмад Рази в «Хафт иклим» (напис. в 1002/1593—1594 г.) почти полностью заимствовал у Мирзы Хайдара сведения о Восточном Туркестане⁴; Хайдар б. Али Рази в «Та'рих-и Хайдари» (напис. в 1028/1618—1619 г.) при освещении чагатайских правителей Иарканда (Яркенда) и Кашгара опирался на материалы «Та'рих-и Рашиди»⁵; использовали сочинение Мирзы Хайдара Хайдар Малик в «Та'рих-и Кашмир»⁶, [10] Махмуд б. Вали в «Бахр ал-асрар фи манакиб алахйар» (напис. около 1050/1640—1641 г.) и Шах Махмуд Чурас (XVIII в.), который первую часть своей «Хроники» фактически построил на материалах «Та'рих-и Рашиди»⁷. Труд Мирзы Хайдара привлек к своему сочинению «Та'рих-и Амийния» и Мулла Муса б. Мулла Иса Сайрами⁸. Мухаммад Касим Фиришта в истории Индии описание Кашгара приводит по «Та'рих-и Рашиди». На этот труд опирались также Мухаммад А'зам в «Истории Кашмира» и Хафиз Таниш в «Абдаллах-наме»⁹. В XVIII—XIX вв. «Та'рих-и Рашиди» Мирзы Хайдара был переведен на уйгурский язык Мухаммад Садиком Кашгари и Мухаммад Нийазом б. Абдалгафуром¹⁰. Список перевода с продолжением истории до середины XIX в. хранится в Институте востоковедения АН РУз¹¹.

Из западноевропейских ученых впервые сочинение Мухаммад Хайдара привлек к своим исследованиям В. Эрскин¹². Он воспользовался его сведениями при освещении истории Центральной Азии и Восточного Туркестана XV—XVI вв., привел выдержки из «Та'рих-и Рашиди» при изложении истории моголов и дал ссылки на эту книгу в своих комментариях. В дальнейшем материалы из «Та'рих-и Рашиди» по истории моголов, Центральной Азии и Восточного Туркестана были использованы в трудах Г. М. Эллиота¹³ и в книге Скрайна¹⁴.

Широкую известность среди западноевропейских ориенталистов сочинение «Та'рих-и Рашиди» получило после выхода в свет в 1895 г. его английского перевода, осуществленного Е. Д. Россом¹⁵.

[11] В. В. Бартольд отозвался на данное издание рецензией¹⁶, в которой приветствовал появление в свет труда Мухаммад Хайдара в английском переводе и одновременно указывал на некоторые неточности в нем и недостатки.

Русских востоковедов сочинение «Та'рих-и Рашиди» Мирзы Хайдара привлекло еще задолго до появления его английского издания. Впервые как основной и ценный источник его использовал в своем труде В. В. Вельяминов-Зернов¹⁷. После него сведениями данного сочинения пользовались А. Н. Куропаткин в своем историко-географическом очерке о Кашгарии¹⁸ и В. И. Масальский при описании Туркестанского края¹⁹.

В последующий период из «Та'рих-и Рашиди» были извлечены и изданы в двух сборниках материалы о казах²⁰, а ряд таких исследователей истории казахов, как В. Л. Вяткин²¹, Т. И. Султанов²², К. А. Пищулина²³, привлекли данные Мухаммад Хайдара к своим трудам.

Сведения Мухаммад Хайдара о киргизах вошли в такой фундаментальный труд, как «История Киргизии»²⁴, в котором глава «Феодальная раздробленность на Тянь-Шане во второй половине XIV — начале XVI в.» полностью основана на «Та'рих-и Рашиди», а также использованы в работах К. И. Петрова²⁵ и С. М. Абрамзона²⁶.

Материалы Мухаммад Хайдара по истории Моголистана привлечены в работах Б. А. Ахмедова²⁷, О. Ф. Акимушкина²⁸ и К. А. Пищулиной²⁹. Обращались к [12] «Та'рих-и Рашиди» и составители «Истории народов Узбекистана» и последующих ее изданий³⁰ при освещении вопросов о происхождении узбеков и событий, связанных с Шейбани ханом.

Не прошли мимо «Та'рих-и Рашиди» историки и при изучении кочевых племен Центральной Азии, их откочиков и военных дружин, а также в решении вопроса о происхождении термина «казах»³¹.

Свидетельства Мухаммад Хайдара об участии туркмен в битве при Кул-и Малике в 918/1512 г. приведены в «Материалах по истории туркмен и Туркмении»³²; его сведения об уйгурах использованы и в работе Д. И. Тихонова³³.

К труду Мухаммад Хайдара обращались историки и при освещении некоторых социально-политических вопросов той далекой эпохи. Так, исследователь эпохи правления Бабура С. А. Азимджанова при изложении вопроса о применении рабского труда во второй половине XV в. в феодальном обществе Тимуридов преимущественно опиралась на сведения, извлеченные ею из «Та'рих-и Рашиди»³⁴.

Богатый материал, содержащийся в сочинении Мухаммад Хайдара, широко используют и археологи при изучении средневековых городов Центральной Азии³⁵. Обращаются к «Та'рих-и Рашиди» и уйгурские историки, ибо значительная часть данного труда посвящена вопросам истории Кашгара³⁶.

И, наконец, «Та'рих-и Рашиди» послужил основным источником для ряда исследовательских работ В. В. Бартольда, который привлек сведения Мухаммад Хайдара ко многим своим научным публикациям, посвященным политической истории, истории культуры, городов, этнических групп и народов Центральной Азии.

[13] Исторический труд «Та'рих-и Рашиди» Мирза Хайдар писал в Кашмире на протяжении нескольких лет. Сочинение состоит из двух частей — «дафтаров» (книг). Первый, в котором в систематическом порядке излагается история ханов-Чагатаидов Моголистана и Кашгарии со времени Туглук Тимура (год вступления на престол 748/1347—1348 г.) до 'Абдаррашид хана (940/1533 год - начало правления), был написан в

952/1546 г. (л. 85б), позже второго. Второй «дафтар», заверченный в 948/1541 — 1542 гг. (л. 92а), по объему почти в четыре раза превышает первый и представляет собой мемуары автора, которые наряду с известным сочинением Захираддин Мухаммад Бабура (род. в 888/1483 — ум. в 937/1530 г.) «Бабур-наме», написанном на узбекском языке, является образцом мемуарной литературы XVI в. на фарси.

Оба этих автора принадлежали к одному и тому же правящему кругу людей, даже были двоюродными братьями. Захираддин Мухаммад Бабур — известный правитель ряда центральноазиатских областей, основатель государства Бабуридов в Индии, был образованным человеком, оставившим яркий след в истории культуры народов Центральной Азии. Мирза Хайдар, как и Бабур, был высокообразованным человеком своего времени, сочинял стихи, которыми изобилуют его мемуары. Оба труда — и «Бабур-наме», и «Та'рих-и Рашиди», — написанные на основе личных наблюдений; авторов, освещают один и тот же исторический период, часто касаются одних и тех же событий и лиц и существенно дополняют друг друга.

Выдающийся исследователь истории Центральной Азии В. В. Бартольд писал о том, что труд Мирзы Хайдара во многом напоминает записки его двоюродного брата Бабура, ибо историческое повествование Мирзы Хайдара отличается такой же правдивостью и беспристрастностью, а главы географического содержания — такой же ясностью и наглядностью³⁷.

... Сопоставляя оба сочинения, историки приходят к выводу о том, что, хотя по систематичности изложения, точности хронологии, описанию мелких деталей «Та'рих-и Рашиди» и уступает «Бабур-наме», в первом содержатся уникальные сведения по истории Моголистана и ни один источник их почти не дублирует, в то время как [14] события, нашедшие отражение в «Бабур-наме», в значительной мере получили освещение в ряде других сочинений³⁸. Однако если «Бабур-наме» Захираддина Мухаммада Бабура неоднократно издавалось в тексте и в переводах на современные европейские языки³⁹, то «Та'рих-и Рашиди» Мирзы Хайдара, кроме ряда извлечений из него⁴⁰, полностью увидел свет только в английском переводе Росса в прошлом столетии (1895г.), переизданном без изменений в 1972г.

Мемуарная и историческая части «Та'рих-и Рашиди» представляют собой единое и неразрывное целое. Так, история современных автору могольских ханов, начиная с Йунус хана (866/1462 г. — начало правления), во второй книге сочинения иногда описывается с большими подробностями, чем в первой, и Мирза Хайдар в таких случаях отмечает, что «эти события изложены во втором «дафтаре».

Во вступлении к первому «дафтару» Мирза Хайдар оговаривает три причины, по которым он дал сочинению название «Та'рих-и Рашиди»: первая — в честь шейха Аршададина, обратившего в ислам Туглук Тимура; вторая — в честь правильного пути (рушд), по которому вел свой народ Туглук Тимур, и третья — в честь могольского хана 'Абдаррашида.

Значимость сочинения «Та'рих-и Рашиди» Мирзы Хайдара для исторической науки весьма велика, о чем свидетельствует постоянное обращение к нему исследователей истории Центральной Азии и сопредельных стран XVI в. Так, известный историк Востока В. В. Бартольд назвал «Та'рих-и Рашиди» едва ли не самым любопытным памятником мусульманской исторической литературы XVI в. и одним из важнейших источников по истории Восточного Туркестана⁴¹. Исследователь истории Центральной Азии П. П. Иванов писал, что «Та'рих-и Рашиди» — единственный источник, на котором основываются наши сведения о жизни Моголистана XV— XVI вв.⁴². Русский востоковед В. В. Вельяминов-Зернов так отзывался о данном сочинении: «Та'рих-и Рашиди», в особенности вторая часть его, составляет труд весьма значительный. Это — источник единственный в своем [15] роде для позднейшей истории Джагатаидов... Рассказ его везде добросовестен и отчетлив. Впрочем, этих достоинств и следовало ожидать от автора «Та'рих-и Рашиди». Само общественное положение его давало ему возможность знать происшествия и изображать их а настоящем виде»⁴³.

Итак, описывая в «Та'рих-и Рашиди» в основном историю восточной части улуса Чагатая, или Моголистана, с XIV по XVI в., который в тот период территориально был ограничен Сырдарьей, Сары-Су, Балхашем, Иртышом и южными склонами Центрального Тянь-Шаня, т.е. практически сводился к территории современного Кыргызстана и Юго-Восточного Казахстана, Мирза Хайдар приводит массу ценных сведений о политической и хозяйственной жизни проживавших там народов, освещает историю кочевого и полукочевого населения этого региона: узбеков, казахов, киргизов, калмаков (ойратов) и др.

Возглавляя военные экспедиции в Тибет и Индию, Мирза Хайдар оставил нам весьма ценные исторические, этнографические, географические и иные сведения. Помимо этого, «Та'рих-и Рашиди» содержит обильный материал и по истории культуры того периода, в частности, много места в своем сочинении Мирза Хайдар уделил гератскому культурному кругу людей времени Алишера Навои (л. 113а—126а). В своем сочинении он разделил представителей науки и культуры на группы и подробно остановился на каждой из них: ученые (л. 119а—120б), поэты (л. 120б—123а), сочинители му'амма (л. 123а), каллиграфы (л. 123а—124б), живописцы (л. 124б—125б), орнаментальщики-позолотчики (л. 125б), т.е. оформители рукописных книг, певцы и музыканты (л. 126а). Имеется в сочинении и раздел «Суфийские шейхи» (л. 113б—119а), который он начинает с упоминания имени выдающегося поэта-классика 'Абдаррахмаида Джами (1414—1492), включив его также в раздел, посвященный поэтам.

Много места в своем труде Мирза Хайдар уделил и знаменитому поэту-классику Алишеру Навои (1441 — 1501). Он, в частности, касается дружеских взаимоотношений Джами и Навои, затрагивает их отношение к окружающим их людям, приводит перечень их сочинений [16] и т. д. В разделе «Поэты» Мирза Хайдар упоминает имена Сухайли, Хилали, Бинаи и многих других, знакомит с образцами их творчества. В разделе

«Живописцы» Мирза Хайдар называет имена современных ему художников, в частности, освещает творчество знаменитого Бехзада, перечисляет его учеников и характеризует манеру письма каждого из них. Среди музыкантов он упоминает имя известного историка и поэта из окружения Алишера Навои Ходжа 'Абдаллах Марвариды, который, по его сведениям, прекрасно владел музыкальным инструментом канун и даже усовершенствовал его конструкцию.

Несмотря на неоднократные обращения историков к сочинению «Та'рих-и Рашиди», содержащиеся в нем сведения, по единодушному мнению исследователей, до конца еще не исчерпаны⁴⁴. Поскольку современное издание труда Мирзы Хайдара в значительной степени позволило бы заполнить этот пробел, сотрудники Института востоковедения АН РУз предприняли попытку осуществить настоящий научно-комментированный перевод «Та'рих-и Рашиди» с фарси на русский язык.

* * *

В основу публикуемого перевода положен отмеченный выше список Института востоковедения АН РУз, инв. № 1430, который содержит 321 лист. Размер листа — 13,3х23,3 см, на каждой странице 19 строк. Почерк — хороший, довольно крупный четкий, местами торопливый насталик. Текст написан черными чернилами; названия глав — киноварью, имеются пайгиры. На полях встречаются исправления текста и вставки. При реставрации полей листов 1—7 текст листа 2а, б частично восстановлен.

Бумага восточного производства, по-видимому, кашмирской выработки; тонкая, лощеная, светло-кремового цвета, хорошего качества. Некоторые листы подкрашены лиловой краской.

Переплет картонный, обтянут темно-красной кожей. В центре крышек переплета имеется три картуша с растительным орнаментом. Рукопись не датирована; по палеографическим данным ее можно отнести к первой половине XVII в.

[17] В процессе работы над переводом использованы еще три Санкт-Петербургских (Ленинградских) списка сочинения «Та'рих-и Рашиди»⁴⁵. Один из них — список Восточного отдела библиотеки университета, инв. № 272⁴⁶, содержит 224 листа, размер каждого — 34,5х20,5, на каждой странице 26 строк. Полный, хорошо сохранившийся список с подробным фихристом. Почерк — четкий насталик; написан черной тушью, заглавия — киноварью, имеются пайгиры. Текст заключен в рамки из красных линий. Бумага русская, фабричная, с маркой «Асеевской фабрики А № 4». Переплет картонный, покрыт кожей, сильно потертый, корешок потрепанный. Переписан в 1259/1843 г. (л. 64б и 224а). В. В. Вельяминов-Зернов утверждает, что этот список, возможно, переписан в Казани⁴⁷. Переписчик — 'Убайдаллах ибн Калималлах ал-Булгари ал-Казани ас-Салабаши⁴⁸. Данный список обозначен нами сиглом Л₁.

Два других списка — из Института народов Азии РАН, инв. № В 648 и С 394, — обозначены сиглами Л₂ и Л₃. Рукопись за № В 648 (Л₂) содержит 250 листов, 1 после 184 листа имеет лакуну; переписана в 972/1564—1565г.⁴⁹ Список за № С 394 (Л₃) содержит 218 листов, после 187 листа имеет лакуну; переписан в 972/1564—1565г.⁵⁰ При переводе использованы фотокопии этих списков, поэтому палеографическое описание их не приводится.

В процессе работы над текстом привлекался также английский перевод «Та'рих-и Рашиди», выполненный Е. Д. Россом⁵¹ по рукописи Британского музея, основанной на нескольких персидских и тюркских списках, которые в свою очередь описаны издателем перевода «Та'рих-и Рашиди» Н. Илайесом в предисловии к переводу Росса (обозначен нами сиглом R). Н. Илайес в частности отмечал, что персидские списки «Та'рих-и Рашиди», хранящиеся в Англии, не полные, и поэтому Е. Д. Росс при переводе использовал в своей работе и тюркские списки труда Мухаммад Хайдара⁵².

Сличение находившихся у нас на руках четырех списков и английского перевода показало, что мы имеем дело с двумя вариантами текста сочинения: более полный, к которому относятся ташкентский список (Т), один Санкт-Петербургский (Л₁) и перевод Росса, и менее полный вариант (списки Л₂, Л₃), однако не за счет фактического содержания материала, а из-за стилистических упрощений. Более полный вариант, на наш взгляд, ближе к авторскому тексту, поэтому в основу своего перевода мы положили ташкентский список (Т) несмотря на то, что он переписан позднее списков Л₂ и Л₃.

Текстологические разночтения приведены в сносках внизу страниц под переводом, примечания к тексту помещены за переводом к каждой главе отдельно. При передаче восточных имен и географических названий в работе использована транслитерация, общепринятая в настоящее время при издании переводов восточных текстов.

Перевод выполнен А. Урунбаевым, Р. П. Джалиловой⁵³ (л. 16—43б; 149б—269б); А. Урунбаевым, Л. М. Епифановой (л. 43б—149б; 269б—321б). Примечания и указатели к соответствующим листам перевода составлены Р. П. Джалиловой и Л. М. Епифановой.

1 Здесь и далее указаны листы ташкентской рукописи «Та'рих-и Рашиди» (Институт востоковедения АН РУз, инв. № 1430).

2 Бабур-наме. С. 21.

3 Стори, II. С. 1202, № 1068.

4 Чурас. Хроника. С. 112, прим. 1.

5 Там же.

- 6 Pertsch, IV, № 512.
- 7 Чурас. Хроника. С. 68.
- 8 «Та'рих-и Амийе» Муса Сайрами Изд. П. Н. Пантусова. Казань, 1903. С. 18—19.
- 9 Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. Ч. II. Спб., 1864. С. 135—136.
- 10 Мугинов. Описание, 31—37; Дмитриева, Мугинов. Описание, № 87—93.
- 11 СВР. Т. VII. С. 25, № 5014.
- 12 Erskine W. History of India under the two first sovereigns the house of Taimur, Babur and Humaiyn, vv., I—II, London, 1854.
- 13 Elliot H. The history of India as told by its own historians. The Muhammadan period. Calcutta, Second Edition, 1953.
- 14 Skrine F. H., Ross E. D. The Heart of Asia. A History of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from earliest time. London, 1899.
- 15 A History of the Moghuls of Central Asia being the Tarikh-i-Rashidi of Mirza Muhammad Haidar Dughlat. An English version ed. with commentary, notes and map by N. Elias, the translation by Denisson Ross, London, 1895 (переиздания: 1898, 1972 гг.).
- 16 Бартольд В. В. Рецензия. Соч. Т. VIII. С. 63.
- 17 Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о Касимовских царях и царевичах.
- 18 Куропаткин. Кашгария.
- 19 Масальский. Россия.
- 20 Прошлое Казахстана в источниках и материалах (V в. до н. э.—XVIII в. н. э.).
- 21 Очерки по истории Казахской ССР. М., 1941.
- 22 Некоторые замечания о начале казахской государственности.
- 23 Юго-восточный Казахстан в середине XIV — начале XVI в.
- 24 История Киргизии, Фрунзе, 1963.
- 25 К истории движения киргизов на Тянь-Шане и их взаимоотношений с ойратами в XIII—XV вв.
- 26 Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи.
- 27 Государство кочевых узбеков; Улугбек.
- 28 К вопросу о внешнеполитических связях Могольского государства с узбеками и казахами в 30-х гг. XVI в.—60-х гг. XVII в. Палестинский сборник. Вып. 21 (84). Л., 1970.
- 29 Юго-восточный Казахстан в середине XIV — начале XVI в.
- 30 История Узбекской ССР. Т. I. Кн. 1. Ташкент, 1955; История Узбекской ССР. Т. I. Ташкент, 1967.
- 31 Иванов П. П. Очерки; Ибрагимов С. К. Еще раз о термине «казак»; Его же. К истории Казахстана в XV в.
- 32 Труды ИВ, VIII. М.; Л., 1938.
- 33 Тихонов. Хозяйство.
- 34 Азимджанова С. А. Черты социально-экономической жизни Ферганы на рубеже XV—XVI вв.
- 35 Бернштам А. Н. Архитектурные памятники Киргизии; Ерзакович Л. Б. О позднесредневековом городище Аспара; Пищулина К. А. Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV—XVII вв.
- 36 Пулад Кадири. Улка тарихи, 1-кисм. Урумчи, 1947.
- 37 Бартольд В. В. Иран. С. 309.
- 38 Материалы. С. 189.
- 39 Стори, II. С. 833 и сл. № 690.
- 40 Стори, II. С. 1204 и сл.; № Ю68.
- 41 Бартольд В. В. Рецензия. С. 63, 73.
- 42 Иванов П. П. Очерки.
- 43 Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о Касимовских царях и царевичах
- 44 Материалы. С. 191.
- 45 В ссылках на данные списки использованы сиглы Л₁ Л₂, Л₃.
- 46 Тагирджанов. Описание.
- 47 Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. Ч. II. С. 137.
- 48 Там же. С. 134—135.
- 49 Акимушкин, Кушев. Персидские и таджикские рукописи. Ч. 1. 1964. С. 91.
- 50 Там же. С. 91.
- 51 The Tarikh-i Rashidi of Mirza Muhammad Haicb.r Dughlat. An English version, ed. with commentary, notes and map by N. Elias. The translation by E. Denisson Ross.
- 52 Ibid. p. IX—XI.
- 53 Рано Пулатовна Джалилова, иранист-источниковед, автор ряда работ по истории Центральной Азии, скончалась осенью 1995г.

КНИГА ПЕРВАЯ [ВСТУПЛЕНИЕ]

(Первые страницы вступления (л. 1б—3а — до середины содержат славословие Аллаху, пророку Мухаммаду и четырем правоверным халифам, целиком заимствованное, как указывает и сам Мухаммад Хайдар, у Шарафадина Али Йазди из «Мукаддима» («Вступления») к его известному труду «Зафар-наме». Из-за чрезмерной вычурности стиля изложения, затрудняющего понимание текста, эта часть в переводе опущена — А У.) .../3а/ А за сим, да не скроется от разума мужей проникательных и от ума людей ученых, что преславное небесное Слово (Коран) — достохвальное Ниспослание различения [истины и лжи], которое относится к величайшим из чудес Мухаммада и к яснейшим доводам пророка и по особенностям своего поступления характеризуется как «Собрание речей», содержит три части. Первая — единство единого Аллаха, <да славится его величие>. Вторая — предписания шариата Мухаммада, <да благословит Аллах его и его потомков и да приветствует. Следующая — истории, как третья часть цели Книги, <да прикасаются к ней только очищенные>¹, [служат] познанию жизни предшественников. И это — очевидное доказательство достоинств науки истории. Все группы людей единодушны в признании пользы этой науки. Большинство людей, даже все люди мира пользуются этой наукой — передают предания и рассказы о своих предках, приводят их как доказательство и придерживаются их; особенно тюркские народы, которые все речи, дела и большинство споров основывают на рассказах и преданиях своих предков.

И поэтому я, низжайший из рабов божьих, нуждающийся в Аллахе, ни в чем не нуждающемся, Мухаммад Хайдар б. Мухаммад Хусайн гураган, известный среди людей как Мирза Хайдар, несмотря на отсутствие возможностей и недостаточность знания, приступаю к [20] этому большому делу, так как могольские ханы вот уже много времени, отойдя от завоевания стран, довольствуются из [всех] обитаемых мест мира степями, и по этой причине [никто] из них не написал истории, и они вспоминают /3б/ о своих предках в устных преданиях. В настоящее время, когда идет 951 (1544—1545) год, из тех людей, кто помнил те рассказы, никого не осталось. Моя дерзость в этом важном деле основана на необходимости, так как если бы я не отважился на это, то история могольских ханов полностью стерлась бы со страниц времени.

Сколько бы я ни размышлял и ни задумывался, я не нашел в себе [уверенности], что смогу справиться с началом книги и с развязыванием речи, которые [обычно] украшаются хвалой и славословием.

Я немощный, несчастный скиталец,

Как смогу повести речь в восхваление Господа

Я и [воспевание] Его единства! — увы, мое сердце трепещет!

Довольствуюсь тем, что привожу о Нем предания

Итак, в начале [книги] ради доброго напутствия и благословения я дословно привел предисловие к «Зафар-наме»² господина предводителя ученых, цвета [людей], идущих праведным путем, знатока основ и деталей [законоведения], объединяющего в себе знания, передаваемые [предшественниками], а также постигаемые своим умом маулана Шарафадина Али Йазди, <да будет Аллах добрым к нему своим прощением>, до [слов] «За сим» из его сочинения.

О моголах и их ханах в исторических сочинениях написано начиная с Чингиз хана до Туглук Тимур хана³, однако о ханах, [правивших] после Туглук Тимур хана, ничего не написано. Точнее, там, где ход речи связывался с этими ханами, о них [историки] писали мельком, а на большее не обращали внимания.

Итак, я начал писать эту историю с Туглук Тимур хана по трем причинам. Первая та, что до Туглук Тимур хана [о ханах] писали, а после него [ничего] не приведено, и я счел нужным сообщить о том, о чем не написано в исторических книгах. Писать же о том, что было до Туглук Тимур хана при наличии солидных благословенных историй, [значит] рыть колодезь на берегу Евфрата. Вторая [причина] — та, что после Туглук Тимур хана ни у одного хана не было такого великолепия и размаха, как у него. Третья — та, что из могольских [21] ханов [именно] он удостоился счастья принять ислам, и после него шея у моголов освободилась от ярма неверия, и они, подобно другим людям, стали мусульманами. По этой причине эта история начинается с его славного имени и с повествования о нем.

Эта история была названа «Та'рих-и Рашиди» («Рашидовой историей») по трем обстоятельствам. Первое то, что Туглук Тимур хан принял ислам благодаря маулана Аршададину⁴, о чем вскоре будет написано. Второе — то, что до Туглук Тимур хана уже принимали ислам Барак хан⁴, а после /4а/ Барак хана — Кебек хан⁵, однако эти ханы, а также улус моголов не нашли верной дороги в исламе и, отступив от него и «пятыся к своей злополучной природе», оказались впереди шествующих в ад. А этот могущественный хан и счастливый улус пошли по верному пути (В тексте «Рошд», что значит «пробывание на верном пути»), и так как эта история начинается с упоминания этого дела, то я назвал ее «Историей Рашиди» («Рашиди» — производное от «рошд», означает «следующий истинному вероучению», «пробывающий на верном пути»). Третье — то, что в настоящее время могольским ханом является 'Абдаррашид хан⁶, и эта история составляется в его честь и для него. Вот благодаря этим трем обстоятельствам эта история названа «Та'рих-и Рашиди» («Рашидова история»).

Эта история состоит из двух книг. Первая книга: от начала жизни Туглук Тимур хана до упоминания о жизни 'Абдаррашид хана, присутствием которого украшено ныне ложе трона ханства. Вторая книга — о

жизни сего раба и о том, что я видел и знал о султанах, ханах, узбеках, чагатайцах и других и о событиях, [происшедших] с теми людьми, современником которых я являюсь. Хотя славный Всевышний Господь по своей непорочной милости вывел и удалил меня из улуса моголов и даже возвысил меня и сделал независимым, со [стороны] ханов и улуса моголов, которые были людьми одного [со мной] рода и даже сыновьями [моих] дядей и теток, исходили дурные поступки, непристойные действия и недоброжелательное отношение [ко мне]. Кое-что из этого будет изложено во второй книге.

Жестокость их сердец дошла до того, что, например, если бы они смогли понять смысл моего имени «Хайдар» («Отважный»), указывающего на жизнь, то они, я думаю, выбрали бы себе смерть. Стихи:

[22] Если ты захочешь отправиться в рай,
Другие выберут себе ад

Что касается моего отношения к ним, то оно таково:

Ты тот, чьи горести и печали являются
моей заботой постоянной,
Жестокость и все, что исходит от
тебя, для меня желанны.
Мне довольно и того счастья, что если
ты, увидя меня,
Подумаешь; «Этот нищий — мой пленник».

Моя мать, и мать матери, и в таком же порядке несколько поколений — все являются тетками ханов. Такое же родство и с другой [отцовской] стороны. Несмотря на это, я, круглый сирота в тринадцатилетнем возрасте, оказался на службе у Султан Са'ид хана⁷. Он с отеческой любовью укрыл меня от печали сиротства своим покровительством и проявлял такую любовь и привязанность ко мне, что я стал объектом зависти его братьев и сыновей. Находясь при нем двадцать четыре года, /46/ я обретал знания и постигал добродетели, жил в полном довольстве и великолепии. Я отличался среди сверстников, став лучшим и искусным в письме, грамоте, поэзии, стилистике, в рисовании и в золочении, а также в остальных ремеслах, как-то: в инкрустировании, резьбе, ювелирном мастерстве, шорном деле, изготовлении брони, стрелы и лука, ножа, в орнаментировании, в изготовлении попон, строительстве, столярном деле и в других ремеслах, изложение которых было бы длинно. И я стал настолько искусен во всем этом, что мастера этих ремесел не годились мне в ученики, и все это благодаря поддержке хана. Кроме того, он был моим учителем и наставником в делах государства и делопроизводстве, в ведении, войны от казакования до ночного похода, в стрельбе, организации и ведении охоты и во всем, что понадобится в государственных делах. Моим учителем и наставником во всем этом был он. В большинстве упомянутых дел я целиком был учеником хана. И если от его сыновей мне достается такое, хуже которого не бывает, я тем не менее, сравнивая все это с теми [милостями хана], эту краткую историю составляю в честь его сына, примет ли он ее или нет, от меня ему останется память, а от него — людям. Название этой книги происходит от его славного имени, а его почитаемые титулы кратко [следующие]: хакан сын [23] хакана, султан сын султана, уповающий на Аллаха, милостивый повелитель Абу-л-Музаффар 'Абдаррашид хан сын покойного султана, усопшего хакана, счастливого и погибшего мученической смертью Абу-л-Фатх Султан Са'ид хана: Стихи:

У меня немного слов для тебя,
Как смеет Хайдар говорить о тебе?
Океан величия — шах 'Абдаррашид,
Он является горой Каф могущества,
О твоём могущественном сане, о государь,
Продолжать говорить значит докучать тебе

ГЛАВА 1. НАЧАЛО «ТА'РИХ-И РАШИДИ»

Всевышний и всеславный Творец в начале сотворения [мира], создавая души, обратился к ним так: <Разве не Господь ваш я>¹. Некоторым, которых он удостоил счастья, <поистине Аллах наделяет, кого желает>², он дал возможность ответить «да». У группы людей, которую он подверг несчастью по айату <Наложил печать Аллах на сердца их и на слух, а на взорах их — завеса>³, он припечатал на лбу пятно отрицания и им был предначертан стих: <Они глухи и немые>⁴. Мудрость, заключающаяся в поддержке первой группы людей, и наказание второй группы, несмотря на отсутствие причины, не подвластны разуму и размышлять об этом запрещено, а сей раб обязан передать это. Хотя вера утверждается душой и признается словами, однако суть веры — /5a/ это уверование в сокрытое, и это счастье нельзя постигнуть разумом. Стихи:

Путь разума есть ни что иное, как ничто,
Кроме бога, в мире нет ничего

Извечная поддержка — это божественная милость: быть удостоенным этой поддержки — значит уверовать в сокрытое, а это является даром свыше и не приобретается.

Автор «Кашф ал-махджуб» («Раскрытие скрытого за завесой»)⁵ рассказывает: у эмира правоверных 'Али <да будет Аллах милостив к нему> спросили о познании [истины]. Он сказал: <Я узнал Аллаха с помощью Аллаха, а то, что ниже Аллаха, узнал я посредством луча Аллаха>. Итак, Всевышний Господь, сотворив тело, поручил душе вдохнуть в него жизнь, а [24] создав сердце, оживление его взял на себя. Следовательно, у разума нет силы оживить тело и невероятно, чтобы он оживил душу, как сказал Аллах: <Разве тот, кто был мертвым, и Мы оживили его>⁶, и оживление [души] он взял на себя. Тогда он сказал: <И дали ему свет, с которым он идет среди людей>⁷. Творец сказал «Лучом, в котором находится свет правоверных, являюсь я». И Аллах сказал также: <И не повинуйся тем, сердце которых Мы сделали небрежным к пониманию о Нас>⁸. Так как распоряжение сердцем принадлежит Ему (Аллаху), то невозможно проводнику, который знает, что все, что ниже Его — это повод и причина, объяснить повод и причину без милости Обуславливающего их [Аллаха]. До сих пор были приведены объяснения из «Кашф ал-махджуб», ибо моих знаний для этого недостаточно.

Когда повеет зефир извечного руководства, то из розового куста сердца начинает распускаться бутон веры. Если же не будет милости божественного руководства, то поднимутся все ветры племени Ад⁹ и вырвут с корнем розовый куст души и не появится ни один лепесток цветка. Стихи:

От утреннего ветра рассыпается цветок,
Не бревно же он, которое расколет только топор

Так Гератский старец¹⁰, <да будет над ним милость Аллаха>, говорит: «Абу-л-Джахл идет из Ка'абы, а Ибрахим Халил — из капища. Оба хотят удостоиться Его милости, а все остальное — предлог для достижения цели».

Цель этого вступления — причина принятия Туглук Тимур ханом ислама. К нему привели Шайха Джамаладдина, а хан [в то время] кормил собак мясом свиньи и спросил: «Ты лучше или эта собака?». Шайх ответил: «Если вера со мной, я лучше, а если со мной не будет веры, то собака лучше меня». Эти слова тронули хана, и у него в сердце утвердилась любовь к исламу, о чем скоро будет написано, <если будет угодно Всевышнему Аллаху>.

Туглук Тимур хан является сыном Исан Буга хана¹¹, и вот родословная Исан Буга хана: Исан Буга хан б. Давадж хан б. /56/ Барак хан б. Кара Исун б. Мамхан б. Чагатай б. Чингиз хан б. Йусукай б. Биртай б. Кабал б. Тумана б. Байсунгар б. Кайду б. Думанин б. Бука б. Бузанджир хан, сын Аланкуа Курклук. Она была [25] целомудренной женщиной. Вот как рассказывается о ней в предисловии к «Зафар-наме»: «Тот свет и луч проникли в нее, и она обнаружила в себе беременность так же, как веянием Джабраила, <привет ему>, без мужа забеременела Марйам, дочь Имрана. Оба [случая] — благодаря могуществу Бога. Стихи:

Если услышишь рассказы, Марйам,
То согласишься и жизни Аланкуа.

Цель этой книги — не эти рассказы. Этот Бузанджир родился от матери без отца. Что касается родословной его матери Аланкуа Курклук, то она уже записана во всех исторических книгах и доведена до Йафет б. Нуха, <да будет над ними мир>. О каждом предке Аланкуа Курклук имеются подробные сведения в историях, и здесь они не приведены, чтобы не растянуть речь.

В этой книге, как оговорено [раньше], будет рассказано о моголах после принятия ими ислама, а до ислама — нет. Об этом сообщалось в начале книги.

ГЛАВА 2. О РАННЕМ [ПЕРИОДЕ] ЖИЗНИ ТУГЛУК ТИМУР ХАНА

Из уст достойных доверия моголов я так слышал и так рассказывали отец мой и дядя [по отцу], <да поселит их Аллах в садах рая>, что у Исан Буги хана, который является отцом Туглук Тимур хана, была старшая жена по имени Сатилмиш Хатун. У него была и другая жена по имени Манлик. У хана не было детей. Сатилмиш Хатун была бесплодной. Хан уехал с войском. У моголов есть древний обычай, по которому женщинами гарема распоряжается старшая жена: кого хочет оставляет, кого хочет — выдает замуж. Эта Сатилмиш Хатун узнала, что та Манлик Хатун забеременела от хана. Она завидовала ей и отдала ее Ширавул Духтую. Ширавул Духтуй принадлежал к крупным эмирам. Когда хан вернулся из похода, спросил о Манлик, Сатилмиш Хатун сказала: «Я подарила ее одному человеку». Хан сказал: «Она была в положении от меня». Хан огорчился, но поскольку у моголов был такой обычай, то он ничего не сказал.

... Вскоре Исан Буга хан скончался. В улусе моголов ни осталось хана; моголы жили каждый сам по себе, и улус начал разоряться. Эмир Буладжи¹ дуглат, который приходится мне дедом, /6а/ взялся подыскать хана и [26] восстановить порядок в государстве. Он послал [человека] по имени Таш Тимур, чтобы тот нашел Духтуй Ширавула, разузнал о Манлик и о том, как разрешилась она от бремени и, если у нее родился сын, то пусть он украдет его и привезет. Таш Тимур сказал: «Для выполнения этих дел требуется много времени,

а провизии и верховых животных недостаточно для такого путешествия. Соболаговолите выделить триста голов коз, чтобы питаясь их молоком и идя от народа к народу, я достиг желаемой цели». Эмир Буладжи выдал ему то, что тот просил, и отправил его.

Таш Тимур долго ездил по всему Моголистану². Когда у него из тех трехсот коз осталась одна серая коза, он добрался, наконец, до людей Духтуй Ширавула и спросил у них о Манлик и ее ребенке. Они сказали: «Манлик родила сына. У нее есть сын и от Духтуя. Они находятся вместе. Сына хана назвали Туглук Тимур ханом, а сына Ширавула — Инджу Маликом». Короче говоря, каким-то образом он забрал Туглук Тимура, бежал с ним и направился к эмиру Буладжи.

Эмир Буладжи находился в Аксу³. Когда Чагатай хан разделил свои владения, то он отдал Манглай Субе⁴, что означает «солнечная сторона», Ургубу, деду эмира Буладжи. На востоке Манглай Субе находятся Кусан⁵ и Тарбугур⁶, на западной его границе — Самгар⁷ и Джакишман, который является окраиной Ферганского вилайата. На севере ее находится Иссик Куль, на юге — Черчен⁸ и Сариг Уйгур⁹. Эту территорию называют Манглай Субе и ею владел эмир Буладжи. В то время в этих краях было несколько городов. Самыми крупными из них были Кашгар¹⁰, Хотан¹¹, Йарканд¹², Кашан¹³, Ахсикет¹⁴, Андижан, Аксу, Ат Баши¹⁵, Кусан. Эмир Буладжи из числа этих городов избрал своей резиденцией Аксу.

Когда Таш Тимур вернулся с ханом, у него оставалась одна серая коза, поэтому его прозвали «Кук учку» («Серая коза»). И сейчас потомки его носят это прозвище.

Когда они подошли близко к Аксу, то присоединились к купцам. При переходе через покрытый льдом перевал хан свалился в ледяную расщелину. Таш Тимур поднял крик, но никто не обратил на это внимание. Перейдя через перевал, караван остановился. Таш Тимур подошел к одному из купцов, которого звали Бекджак, рассказал ему историю хана, а тот передал это [27] своим спутникам, /66/ и они вместе с Таш Тимуром пришли к той ледяной расщелине. Тот же Бекджак спустился вниз, нашел хана невредимым и там же, заручившись от хана обещанием милости и из-за осторожности, извинившись перед ханом, сказал: «Если сначала подниметесь Вы, то меня может быть и не вытащат. Вначале поднимусь я, а Вас обязательно вытащат». После обильных извинений он крикнул, чтобы сбросили веревку. Веревку сбросили и вначале поднялся он, а затем вытащили хана. Вместе они привезли его в Аксу к эмиру Буладжи. Там эмир Буладжи объявил его ханом, и [Туглук Тимур] во время своего правления захватил [не только] весь Моголистан, но даже большую часть владений Чагатая, о чем будет изложено дальше.

ГЛАВА 3. УПОМИНАНИЕ О ПРИНЯТИИ ИСЛАМА ТУГЛУК ТИМУР ХАНОМ

Раб божий маулана Ходжа Ахмад, <да освятит Аллах его тайну>, принадлежал к потомкам маулана Аршададина, был почитаемым, святым, благочестивым и относился к высокой родословной ходжагон, <да освятит Аллах их души>. Сей раб двадцать раз приходил на поклонение к нему. Кроме двух соборных мечетей другого места для поклонения ему я не нашел. Он всегда находился в уединении, в углу своего храма и постоянно сидел в позе созерцания [Аллаха], обратив лик: к кибле. Он очень хорошо передавал слова этой группы [святых], так что даже тот, кто не имел никакого отношения к ним, обязательно оказывался под их воздействием. Я слышал, как он рассказывал: «В исторических сочинениях о моих предках записано так: «Маулана Шуджааддин Махмуд был братом Хафизаддин Кабира Бухари. Ходжа Хафизаддин был одним из последних муджтахидов и после него муджтахидов не появлялось. Во времена Чингиз хана собрали всех имамов Бухары и, как было заведено Чингиз ханом, предали мученической смерти Ходжу Хафизаддина, а маулану Шуджааддин Махмуда по обычаю [насильственного] переселения отправили со всем семейством в Каракорум¹. Маулана скончался там. Во время беспорядков в Каракоруме его сын уехал в Луб [и] Катак², представлявшие собой значительные города между Турфаном³ и Хотаном. Там он был уважаемым и почитаемым человеком и оставил несколько последователей. Их имена полностью приводил маулана [Ходжа Ахмад] и [28] рассказывал о жизни каждого из них, но в моей памяти детали рассказа не сохранились. Имя последнего из них было Шайх Джамаладдин. Он был обладателем сокровенных знаний и жил в Катаке. Однажды, в пятницу, после молитвы он читал проповедь и сказал людям /7а/ «Мы много раз до этого поучали и наставляли вас, [однако] никто не прислушался к тем словам. Сейчас нам стало известно, что всеславный и всевышний Господь ниспослал великое несчастье на этот город. Я получил повеление [свыше] и разрешение бежать и спастись от этого бедствия. Эта моя последняя проповедь вам, прошу вас отпустить меня, и я прошусь с вами, так как следующая наша встреча будет [в день] страшного суда».

Шейх сошел с кафедры. Му'аззин мечети пошел за ним и увидел, что [шейх] собирается в путь. Он полностью поверил словам шейха и попросил разрешения сопровождать его. Шейх ответил: «Очень хорошо», — и му'аззин присоединился к нему. Они остановились в трех фарсах от города. Потом му'аззин с разрешения шейха вернулся в город, выполнил какое-то дело, по которому приехал, и снова отправился к шейху. По пути он дошел до соборной мечети и подумал: «Дай-ка я на прощание прочту призыв к ночной молитве». Он поднялся на минарет и стал призывать к молитве. Во время призыва к молитве он заметил, что с неба сыплется что-то вроде сухого снега. Он закончил призыв, постоял некоторое время, помолился и спустился вниз. Он увидел, что дверь минарета не открывается. Не найдя выхода, он вновь поднялся на минарет и огляделся по сторонам. Он увидел, что с неба сыплется песок, который покрыл весь город. Через некоторое время он заметил, что земля близка. Присмотревшись внимательно, он увидел, что до нее остался

какой-то шаг, прыгнул вниз и, дрожа от страха, пустился в путь. В полночь он добрался до шейха и рассказал ему эту историю. Шейх тотчас же отправился в путь, говоря: «Лучше бежать подальше от гнева господнего», — и они бежали.

Тот город и поныне засыпан песком. Иногда бывает, что когда ветер уносит песок, то выступает верхушка минарета или верх его купола. Часто случается, что ветер обнажает дом так, что люди могут зайти во внутрь его — все домашние предметы на месте и сохранились без изъяна, а кости обитателей дома [29] побелели. Подобное видели часто. Итак, город Катак, засыпанный песком, был крупным городом.

Короче говоря, оттуда шейх приехал в Айкул⁴, примыкающий к Аксу. В то время Туглук Тимур хан находился в Аксу. Ему было шестнадцать лет, когда его привезли в Аксу, а когда он встретился с шейхом, ему было восемнадцать. Это случилось так. Хан охотился и приказал, чтобы никто не уклонился от этой охоты. Во время охоты они заметили, что в одном месте расположилась группа людей со своим скарбом. /76/ Тавачии направились к ним, схватили их, связали и привели к хану, так как они нарушили приказ и не явились на охоту. Тавачии спросили хана, что с ними делать. Хан сказал: «Почему вы нарушили мой приказ?». Шейх доложил: «Мы чужестранцы, едем из разрушенного Катака и не ведаем об охоте и о вашем приказе, иначе бы не нарушили ваш приказ». Хан сказал: «Таджики — не люди». [В это время] он кормил нескольких собак мясом кабана и в гневе спросил: «Ты лучше или эта собака?». Шейх ответил: «Если вера будет со мной, то я лучше, а если не будет со мной веры, то собака лучше меня». Хан удалился и послал человека, чтобы он посадил того таджика на своего коня и с почестями привел.

Тот могол подвел своего коня к шейху: Шейх увидел, что все седло измазано кровью кабана, и сказал: «Я пойду пешком». Могол настаивал на том, что таков приказ — надо сесть на коня. Маулана накрыл седло полотенцем для омовения и сел верхом. Он увидел, что и на хане, который сидел один, видны следы крови. Когда шейх подъехал, хан спросил у него: «Что это за предмет, имея который, человек становится лучше собаки?». Шейх ответил: «Это вера», — и ясно описал мусульманскую веру и мусульманство. Хан заплакал и сказал: «Если я стану ханом и получу независимость, то Вы обязательно придите ко мне, я непременно стану мусульманином», и он с почетом и уважением отпустил шейха.

После этого события шейх преставился. У него был сын по имени маулана Аршададдин, также из людей, постигающих истину. Шейх завещал ему: «Я видел сон, будто поднял светильник на возвышенность так, что осветилась вся восточная сторона. После этого я встретился в Аксу с Туглук Тимур ханом». И он рассказал дальше то, о чем уже было упомянуто, и продолжил: [30] «Поскольку мне не хватило жизни, то [теперь] ты подожди, пока тот юноша станет ханом, и иди к нему; возможно, он исполнит свое обещание и примет ислам. Ревнителем того счастья явись ты, так что весь мир озарится благодаря тебе». Сделав это завещание, шейх переселился в иной мир.

Вскоре хан стал ханом. Как только весть об этом дошла до маулана Аршададдина, он отправился из Аксу в Моголистан. Хан был величественным государем и сколько [маулана Аршададдин] ни старался встретиться и поговорить с ним, ему не удавалось. И вот тогда каждое утро он стал возглашать призыв на молитву недалеко от ханской ставки. Однажды утром /8а/ хан вызвал к себе одного из мулазимов и сказал: «Ты слышишь этот голос? Вот уже некоторое время по утрам кто-то так кричит. Иди и приведи его». Господин маулана не успел еще закончить призыва к молитве, как явился тот могол, схватил маулана за горло и волоком притащил к хану. Хан подозвал его и спросил: «Что ты за человек, что каждый день на рассвете кричишь во время сладкого сна?». Тот сказал: «Я сын того человека, которому ты когда-то обещал стать мусульманином» и изложил упомянутый выше рассказ. Хан сказал: «Хорошо, что ты пришел, а где твой отец?» [Маулана Аршададдин] сказал: «Отец скончался и завещал мне это дело». Хан сказал: «С той поры, как я стал ханом, я всегда вспоминал, что дал такое обещание, а тот человек не являлся. Хорошо, что ты пришел сейчас. Что нужно делать?»

В то утро солнце руководства стало подниматься с востока благосклонности и уничтожило тьму неверия. Господин маулана предложил хану ритуальное омовение и объяснил веру. Хан стал мусульманином. И еще они составили план для распространения и успешного продвижения ислама и порешили на том, что будут вызывать эмиров по одному и приказывать, чтобы каждый принял ислам, в противном же случае они применят стих священного Корана <Сражайтесь все с многобожниками>⁵.

Когда настал день, то первым вызвали эмира Тулака, который являлся предком сего раба [по материнской линии] и имел тогда звание дуглата. Когда он явился к хану, то увидел, что хан сидит с каким-то таджиком. Эмир Тулак вошел и тоже сел. Хан начал говорить и предложил ему принять ислам. Эмир Тулак заплакал и сказал: «Три года тому назад я принял религию [31] ислама благодаря праведным людям Кашгара и стал мусульманином. Боясь вас, я не мог открыться. Какое счастье может быть лучше этого?» Хан встал и обнял его. Трое стали мусульманами. Затем таким же образом вызывали эмиров по одному и предлагали веру, пока очередь не дошла до Чураса. Он отказался и поставил условие: «У меня есть человек по имени Сангани Буга. Если этот таджик сможет свалить его, то я приму религию». Хан и другие эмиры сказали: «Что это за бессмысленное условие?» Господин маулана сказал: «Хорошо, пусть будет так. Если я не свалю его, то не предложу тебе стать мусульманином». Хан сказал маулане: «Я знаю того человека. Он поднимает двухлетнего верблюда. Он — неверный /8б/, так что он не принадлежит к человеческому роду». Господин маулана сказал: «Если всеславный и всевышний Господь пожелает, то обязательно даст мне силу». Хан и те, которые приняли ислам, не согласились с этим. Как бы там ни было, собрались люди, привели того неверного, и он выступил вперед. Маулана тоже поднялся и вышел вперед. Тот неверный, гордый своей

силой, надменно и важно приблизился; маулана показался ему ничтожным. Когда они сцепились руками, то маулана схватил его за грудь, и тот неверный упал и лишился чувств. Через некоторое время он пришел в себя и встал, читая калима-и шаходат и плача, бросился в ноги мауланы. Народ закричал и зашумел. В тот день сразу обрили головы и стали мусульманами сто шестьдесят тысяч человек. Хан сам над собой совершил обряд обрезания. Лучи ислама поглотили мрак неверия и ислам распространился в юрте Чагатай хана. <Слава Аллаху и благодарение ему>, что по сей день счастье ислама прочно в том высокопоставленном семействе. После этого счастливый хан в противоположность своим предкам проявил старание в укреплении религии, как об этом будет сказано. Эти рассказы я слышал от маулана Ходжа Ахмада, <да освятит Аллах его тайну>, человека обаятельного. У моголов нет больше сведений, кроме этого рассказа о том, что Туглук Тимур хан стал мусульманином благодаря маулане Аршададдину. Подробности этого никто не знает. Что касается остальной жизни Туглук Тимур хана, то она совсем не упоминается в устных рассказах моголов, однако [сведения о ней] есть в «Зафар-наме», откуда они будут приведены нами.

[32] ГЛАВА 4. ОТРЫВОК ИЗ «ЗАФАР-НАМЕ». УПОМИНАНИЕ О ПОХОДЕ ТУГЛУК ТИМУР ХАНА В ОБЛАСТИ МАВЕРАННАХРА

Поскольку положение областей Мавераннахра расстроилось вследствие вышеописанных событий (Имеются в виду события, описанные в «Зафар-наме»), то Туглук Тимур хану б. Исан Буга хан б. Дава хан, из рода Чагатай хана, который был правителем Джете¹, соответственно происхождению полагалось управление теми областями. Собрав свою свиту и подчиненных и приведя в порядок войско, он с целью завоевания страны в месяце раби-И 761 (февраль-март 1360) года, соответствующего году мыши, обратил лицо надежды в сторону Мавераннахра.

Со времени кончины Гармаширин хана² до настоящего времени прошло тридцать лет. В этом столетии в улусе Чагатай хана царствовало восемь ханов. Когда Туглук Тимур хан прибыл в местность Чанак Булак (Приведено по ташкентскому изданию «Зафар-наме», с. 210 и R 15 (в Т — Хак Булак; Л₁ 8а, Л₂ 10а, Л₃ 9а — Джек Булак)), расположенную недалеко от реки Ходжент, /9а/ в степях Ташкента, он устроил совещание с эмирами и сановниками. Эмиры сочли целесообразным, чтобы Улуг Тук-тимур, авмаком которого является племя карант³, и Хаджи бек, авмаком которого является племя арканут⁴, и Бекджак, авмаком которого является [племя] кангали⁵, выступили вперед в качестве авангарда войска. Эти три эмира, повинаясь приказу, приступили к делу. Когда они переправились через реку Ходжент, то эмир Байазид джалаир шагом повиновения ступил на путь согласия, присоединился к ним со своим родом, и они вместе направились в Шахрисабз⁶. Эмир Хаджи барлас, собрав войско Кеша⁷, Карши⁸ и его окрестностей, оседлал коня с намерением обороняться и сопротивляться, однако посчитав нецелесообразным осуществление этого намерения, он до того, как столкнулись войска двух сторон, повернул вожжи направления в сторону Хорасана. Стихи:

До того, как разрешатся дела,
Лучше сохранить мир, чем вступить в бой

[33] ГЛАВА 5. ОТРЫВОК ИЗ «ЗАФАР-НАМЕ» О СОВЕЩАНИИ САХИБКИРАНА¹ С ЭМИРОМ ХАДЖИ БАРЛАСОМ, О ВОЗВРАЩЕНИИ ЕГО С БЕРЕГОВ ДЖЕЙХУНА² И О ВСТРЕЧЕ С ЭМИРАМИ ТУГЛУК ТИМУР ХАНА

<Разум предшествует мужеству храбрых,
Он на первом месте, мужество — на втором
Когда они оба соединяются,
То разум достигает высшего предела высоты всех мест>.

Совершенная мудрость всемогущего Мудреца, который свершение каждого дела поставил в зависимость от наличия какой-либо причины, а достижение всякой цели связал с посредничеством какого-нибудь события, великое дело царствования, которое является тенью божественного достоинства, связал с двумя похвальными свойствами человека. Первое — пронизательный ум, сиянием лучей которого в темную бедственную ночь можно достичь убежища спасения. Стихи:

Умом ты рассечешь спину войска,
Мечом же убьешь [только] от одного до сотни [воинов].

Второе — полная отвага, [с помощью которой] во время всплеска волн сражений и смут силой души и разумной храбростью можно укрепить ногу стойкости и непоколебимости.

Там, где дело дошло до крайности,
нужны смелость и удар палицы.

По степени достоинства разум предшествует отваге. Пользы от рассудительности больше, чем от меча и стрел. Хотя стрела выразительна сама по себе, но [смысл]: <явная победа>³ дается ей разумом. Когда бы не сверкало копьё на поле битвы /96/ свет победы оно обретает от блеска здравого суждения. Если действие Меча будет направлено указом разума, то оно больше подействует на шею врагов. Если весть стрелы исходит от правильного решения, то она займет место в сердце врага. Блеск очей счастья увеличится от пыли поля битвы, а в темноте сражения пригодится свет ясного ума. Стихи:

Во время разрешения дел одно [здоровое]
суждение лучше,
Чем сотня войск, где воинов столько,
как песка в море

[34] Смысл этой речи заключается в том, что когда эмир Хаджи Барлас, опасаясь продвижения войска джете, оставил свой древний юрт и направился в Хорасан, то его величество Сахибкиран, —

Властелин мира, с могуществом Джамшида
и величием неба,
Внушающий страх судного дня, с войском
как скопление звезд,
Подобный небу Тимур, щедрый как море,
Да будет над ним милость Всевышнего,—

точно представил себе, что если он и дальше будет проявлять сдержанность, больше, чем до сих пор, то его родина будет разрушена, а его наследственное владение уничтожено дотла, так как его отец, эмир Турагай в том году присоединился к милости Аллаха —

Отец скончался, дядя бежал,
Страна расстроена чужеземцами,
Враги господствуют, улус в опасности,
Орел несчастья распустил крылья.

В этом положении, несмотря на то, что его благословенный возраст еще не перешагнул за двадцать пять лет, и зеркало его сердца еще не покрылось полировкой испытаний времени, он направил свой разрешающий трудности разум, в котором отражались лучи божественной помощи и сосредоточились тайны Его беспредельных милостей, на разрешение опасного события. Применив к делу [стих Корана] <И советуйся с ними о деле>⁴, он начертал в качестве совета на странице сердца эмира Хаджи, что «если страна останется без правителя, то в ней непременно найдет дорогу явный ущерб, а жители ее от гнета и вероломства врагов полностью будут уничтожены» — стихи:

Царство без главы подобно телу без души,
Тело без головы, несомненно, погибнет.

«Правильным кажется то, что поскольку Вы едете в Хорасан, я вернусь в Кеш и, успокоив улус, поеду оттуда к хану, повидаясь с эмирами и государственными сановниками, чтобы владение не разрушилось, /10a/ а подданные, которые отданы нам Господом на хранение, не испытали бы трудностей и волнений».

Эмир Хаджи из этих слов, которые были плодом божественного вдохновения, вдохнул в себя аромат счастья и одобрил то мнение. Его величество [35] Сахибкиран повернул поводья счастья в сторону той области, и он прибыл в местность Хузар, то увидел, что Хаджи Махмуд шах Йасури стал проводником авангарда большой группы войска джете, и они спешно продвигаются вперед, точа зубы алчности на разорение и ограбление той области и наполнив карманы жадности желанием грабежа добра и имущества тех краев. Его величество Сахибкиран с помощью сопутствующего ему счастья успокоил Хаджи Махмуд шаха Йасури и сказал: «Вы немного задержитесь, пока я поеду и встречу с эмирами, и с их одобрения будет сделано то, что нужно для настоящего момента».

Поскольку славная речь его величества целиком была внушением небесного счастья, то как решение судьбы ни в чем не получила отказа и не была отвергнута, и они поневоле, несмотря на огромное желание продвигаться вперед, остановились там.

Его величество Сахибкиран благополучно отправился в путь. Когда он прибыл в Кеш, эмиры джете уже находились там. Он встретился с тремя эмирами. Поскольку они увидели на его благословенном челе отблеск божественного света, то отметили его августейшее прибытие почетом и уважением и похвалили его за изъявление покорности хану [Туглук Тимуру]. Туман эмира Карачара и область Кеш с подвластными и принадлежащими ей районами утвердились за Сахибкираном. Благодаря его уму, развязывающему узлы, отступил поток гнева и бедствия, который направился было в тот край, и начал лить дождь милости благодеяний, на что потеряли было надежду его жители, и стал ясен смысл этого рубаи:

Печаль благодаря тебе станет радостью,
Жизнь от твоего взгляда станет вечной,
Если ветер унесет пыль с твоей дороги в ад,
Весь огонь [там] станет водой жизни

Недальновидные люди полагали, что на долю его величества [Сахибкирана] выпало великое счастье, однако судьба тысячами слов доводила до него смысл двустихия:

Утренний ветер еще не распространил
твой аромат,
Ты еще жди, пока не подует на тебя
утренний зефир

[36] Его величество Сахибкиран возвратился от эмиров джете и направил свое внимание /106/ на управление и защиту улуса. Он отдал приказ на сбор войска от Шахрисабза до берегов реки Джейхун, и в короткий срок собралось большое войско. Выступив оттуда, он присоединился к эмиру Хизру Йасури. Между тем среди эмиров джете возникло разногласие, и они со всем своим войском ушли из тех районов и присоединились к Туглук Тимур хану. Эмир Байазид джалаир со всеми своими людьми присоединился к его величеству Сахибкирану и эмиру Хизру Йасури.

ГЛАВА 6. ОТРЫВОК ИЗ «ЗАФАР-НАМЕ». УПОМИНАНИЕ О ПОХОДЕ ТУГЛУК ТИМУР ХАНА В ОБЛАСТИ МАВЕРАННАХРА ВО ВТОРОЙ РАЗ

Поскольку претензия на правление в Мавераннахре вновь схватила подол намерения Туглук Тимур хана, то он, собрав неисчислимое войско, в месяце джумада-I 762 (март 1361) года, соответствующего году быка, направился в тот край. Как только он добрался до Ходжента¹, эмир Байазид джалаир повязал поясом повиновения талию покорности. Эмир Байан сулдуз, вступив на путь покорности, по обычаю отправился его встречать и дошел до Самарканда. Эмир Хаджи барлас, несмотря на то, что в первый раз проявил неповиновение, поехал к хану, уповая на Аллаха.

Тем временем хан отдал приказ схватить эмира Байазид и убить. Эмир Хаджи барлас, испугавшись и ужаснувшись этого, предпочел бегство и направился в вилайат Кеш. Часть своего улуса он поднял и переправил через реку Джейхун. Много воинов из войска джете погнались за ним. Произошло сражение, в котором был убит Джугам барлас, а эмир Хаджи направился в Хорасан. Когда он прибыл в Хараше, — селение владения Джувайн² вилайата Сабзевар, — то дурные люди тех мест неожиданно схватили его вместе с его братом Идику и убили. Вскоре после завоевания Хорасана в качестве мести завоеватель мира Сахибкиран мечом гнева казнил группу людей из них, а деревня та в виде суйургала стала владением наследников эмира Хаджи. Тамошнее население до сих пор подчинено им.

Из эмиров джете свободный доступ к хану имел эмир Хамид, авмаком которого был курлакут и который отличался среди равных себе здравомыслием, [37] проницательным умом и способностями. И все, что он /11а/ ни предлагал хану в качестве совета или пожелания, одобрялось. Между тем он кое-что рассказал хану о безграничном мужестве его величества Сахибкирана и попросил пощадить область, которая по праву наследования принадлежала его величеству. Хан согласился с его мнением и, отправив посла, потребовал к себе его величество Сахибкирана. Когда его величество согласно требованию приехал к хану, хан отнесся к нему с большой благосклонностью и милостью и пожаловал ему область и наследственный туман с подвластными ему землями.

Хан в эту зиму решил выступить против эмира Хусайна³ и пошел на него. Эмир Хусайн тоже собрал войско, подошел к берегу реки Вахш⁴ и разбил там войсковой лагерь. Когда хан, пройдя через Дарбанд-и Аханин⁵, прибыл туда, и войска обеих сторон увидели друг друга и построили ряды, то Кайхусрау Хутталани со своими подчиненными покинул эмира Хусайна и, расстроив его ряды, примкнул к войску хана. Когда эмир Хусайн увидел это, то пустился бежать, а победоносный хан стал преследовать его и, переправившись через Джейхун, дошел до Кундуза⁶. Его воины разграбили жителей тех краев и районов до горного перевала Гиндикуша. Весну и лето они провели в его окрестностях и районах.

ГЛАВА 7. ОТРЫВОК ИЗ «ЗАФАР-НАМЕ». УПОМИНАНИЕ О ВОЗВРАЩЕНИИ ТУГЛУК ТИМУР ХАНА В СВОЙ СТОЛЬНЫЙ ГОРОД

Когда наступила осень, хан отправился в Самарканд и по пути отдал приказ казнить эмира Байан сулдуза. Когда он прибыл в Самарканд, все владения Мавераннахра уже находились под его властью, и все эмиры и нуйоны волей-неволей подчинились ему. Группу людей, которых он подозревал в смуте, казнил, а некоторых, заслуживающих доверия, областал. Своего сына Илийас ходжи угла на он назначил правителем того края и определил при нем большое количество воинов и эмиров джете во главе с Бекджаком, самым

достойным и выдающимся из эмиров и воинов /116/ джете, а его величества Сахибкирана, проявляя к нему особую милость и внимание оставил возле сына. Поскольку [хан] видел [в Сахибкиране] признаки доблести и строгости, то вверил его твердому суждению управление делами то [38] страны, а [сам] со славой и счастьем вернулся в столицу царства — стихи:

Победа — слуга его, помощь [Аллаха] и
счастье сопутствуют ему,
Тыл его крепок благополучной поддержкой.

Туглук Тимур хан вернулся из Мавераннахра. Старшинство над эмирами джете было возложено на эмира Бекджака, а управление делами подданных той страны поручено распорядительности его величества Сахибкирана. Эмир Бекджак не следовал указаниям хана, распростер длань гнета и притеснения и дерзко ступил на путь вражды и смуты.

Когда его величество Сахибкиран воочию увидел, что установления хана не выполняются, и дела государства закончатся расстройством, то счел нужным покинуть тот край, отправиться на поиски эмира Хусайна и устремил свои высокие помыслы на дорогу. Поскольку об эмире Хусайне ничего не было известно, то в поисках его он скитался по пустыням и степям.

Короче говоря, в устных преданиях моголов об этом событии говорится лишь то, что под властью Туглук Тимур хана находилась [территория] до Самарканда. Больше этого ничего не известно.

Ранее уже упоминалось об эмире Буладжи, что он возвел ханство Туглук Тимур хана и что Туглук Тимур хан подписал для него указ на девять привилегий, которые Чингиз хан дал предкам эмира Буладжи. Указ остался в наследство моему семейству, я его видел и там было написано по-могольски: «написано в Кундузе». Дело в том, что моголы этим указом доказывали, что под властью хана находилась [территория] до Кундуза. А из «Зафар-наме» известно, что хан скончался в 764 (1362—1363) году. В устных преданиях моголов говорится, что эмир Буладжи привез хана от калмаков¹ в шестнадцатилетнем возрасте, /12а/ а в восемнадцать лет он стал ханом. В двадцать четыре года он принял ислам и в возрасте тридцати четырех лет скончался. Родился он в 730 (1329—1330) году.

ГЛАВА 8. УПОМИНАНИЕ ОБ ИЛЙАС ХОДЖА ХАНЕ¹

Об Илйас ходжа хане моголам ничего не известно. Я вспоминаю то, что слышал об Илйас ходжа хане от своего отца, <да освятит Аллах его могилу>. В [39] Зафар-намэ о нем сказано постольку, поскольку его касался ход речи. Я привожу здесь то, что там сказано.

ГЛАВА 9. ОТРЫВОК ИЗ «ЗАФАР-НАМЕ».

ГЛАВА О ВЫСТУПЛЕНИИ ЭМИРА ХУСАЙНА И ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА САХИБКИРАНА В ТАЛИКАН¹ И БАДАХШАН² И О ЗАКЛЮЧЕНИИ МИРА С ПАДИШАХАМИ

[Эмир Хусайн и Сахибкиран] вместе отправились в Кундуз и, собрав там людей из племени булдай, направили бразды намерения в сторону Бадахшана. Когда они прибыли в Таликан, то около реки Аб-и Шур («Соленая вода») они подсластили вкус согласия приправой: <Ведь согласие — лучше>³. Падишахи Бадахшана вошли в дверь благоразумия, и была полностью удалена горечь страха вражды, которая непременно вызывает мрачность на лице государства. Оттуда они возвратились в Арханг⁴. Переправившись через реку в сторону Сали-Сарая⁵, они направились в Хатлан⁶ и вышли в степь. Пройдя степь, в местности Дашт-и Кулак (Гулак)⁷ они разбили лагерь.

Ночью, когда естество по изречению <Ночь он делает покоем>⁸ желает отдохнуть, его величество Сахибкиран, намереваясь отдохнуть, только снял одежду и вынул из сапога свою благословенную ногу, как эмир Хусайн прислал за ним человека. Сахибкиран отправился и, когда вошел в собрание (маджлис), то среди присутствующих увидел Пулад Бугу и Шир Бахрама. Эмир Хусайн стал жаловаться его величеству Сахибкирану на Шир Бахрама: «В такое время, когда мы настигли врага, он намеревается уйти, хочет отделиться и не шагает ногою благородства и верности по пути согласия и дружбы». Сахибкиран по-разному наставлял его и порицал, однако ответ того был краток согласно полустихию:

У меня нет ушей, чтобы слышать /12б/

Хотя у эмира Хусайна от этого упрямства и упорства вспыхнуло пламя гнева, он соответственно обстановке нужным стерпеть это. Стихи:

Как бы ни был человек силен и могуществен,
Но и он должен проглотить свой гнев.

В конце концов Шир Бахрам отправился в Бальджуан. В это время подтвердилось известие [о том], что **[40]** Туглук сулдуз и Канхусрау возглавили войско джете и выступили со множеством эмиров. Тимур, сын Тумя кана, Сарик, Шанкум, Туглук ходжа, брат Хаджи бека, Кудж Тимур, сын Бекджака, и другие эмиры хазаре кушуна с двадцатью тысячами человек сидели от Джала⁹ до Пул-и Сангина¹⁰. С этой же стороны, в августейшем лагере, было не более шести тысяч человек. Сахибкиран, поддерживаемый чистой верой, услышал ушами искренности и преданности тайный голос божественной поддержки: <Сколько небольших отрядов победило отряд многочисленный с доизволения Аллаха>¹¹, — и в зеркале возрастающего день ото дня счастья, которое обрело блеск победы от полировки небесной поддержки, он увидел, что — стихи:

Если даже мировой океан будет полон акулами,
Если даже горы и степи будут полны барсами,
У человека, которому оказывает помощь высокое
счастье.
Ни один волос не упадет с головы.

Сахибкиран выступил вперед с двумя тысячами отважных бойцов и, уповая на Аллаха, обратил свой лик к врагу. Войска обеих сторон встретились при Пул-и Сангин и с утра, когда водрузили знамя царства [стиха Корана] <Клянусь утром>¹², до той поры, как приколоты к древку флага [айат] <И ночью, когда она густеет>¹³, огонь битвы напоминал [айат] <Горят в огне пылающем>¹⁴, а Земля от шума атак и отступлений пеших и конных напоминала [айат] <Когда сотрясется земля своим сотрясением>¹⁵. Полет стрелы доносил до ушей жизни свет падающего метеора; блеск копьев перед глазами высвечивал [айат] <Молния готова отнять их зрение>¹⁶; язык меча с веским доказательством произносил смысл [айата] <И начал он поглаживать их по голени и шеем>¹⁷ и губительный удар палицы являлся убедительным доводом ниспослания [айата] <Поражающее>¹⁸. В тот день до самой ночи отважные воины обеих сторон проявляли у Пул-и Сангина такое рвение, /13а/ что ни у одного богатыря не осталось и капли терпения в сердце мужества.

Ночью, когда обе стороны, подобно искусному наезднику неба, оттянули с поля боя поводья, поскольку число воинов противника было сверх всяких мер, его количеству Сахибкирану по счастливому откровению стало ясно, что до тех пор, пока он не отполирует меч **[41]** храбрости ясным умом, он не увидит в нем лик победы, и если стрела смелости вылетит без тщательного обдумывания [положения], то из-за ее свиста он не услышит весть о победе. Он направил свой благородный ум на обдумывание тех дел, пока перо [небесной] поддержки не начертало на скрижалях его лучезарного ума корзину благоприятного исхода.

ГЛАВА 10. ОТРЫВОК ИЗ «ЗАФАР-НАМЕ».

ГЛАВА О ВЫСТУПЛЕНИИ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА САХИБКИРАНА С БЕРЕГА ПУЛ-И САНГИН И О БЕГСТВЕ ВОЙСКА ДЖЕТЕ

Его величество [Сахибкиран] держал у Пул-и Сангина против вражеского войска эмира Мусу, эмира Муаййада арлата и Уч Кара бахадура с полутора тысячько всадников, каждый из которых не уступал и тысяче [воинов]. Сам же он лично с полторатысячько всадников, которые пыль с поля боя считали сурьмой для глаз желания, направился с верховьев реки на <Исан Майдан (Переведено по ташкентскому изданию «Зафар-наме») и в середине Исан Майдана, <протянув веревку (Переведено по ташкентскому изданию «Зафар-наме») через реку, в полночь они перешли ее вплавь и поднялись в горы.

На следующий день дозорные врагов узнали по следам копыт лошадей, что войско переправилось через реку, и среди них поднялась тревога. Так как была ночь, — стихи:

Мир покрыл голову синим шелком,
Рога месяца вошли в темную тетиву [неба],—

его величество Сахибкиран, завоеватель стран, одолевающий врагов, приказал, чтобы на вершинах гор разожгли много костров. Страх и ужас овладели вражеским войском при виде этого, пошатнулась у них нога твердости и стойкости, и от ужаса они поставили ногу страха в стремя, и вручили поводья намерения в руки смятения, и обратили лик несчастья в сторону бегства. И многочисленное войско, в котором против одного всадника стояло десять воинов, бьющих мечом и разящих копьем, благодаря содействию Творца рассыпалось без тягости боя и сражения: <Ведь Аллах подкрепляет Своей помощью, кого пожелает>¹. Как прекрасен блеск правильного победоносного ума, /13б/ когда от огня костров, зажженных им вдали, сгорает гумно **[42]** славы и гордости целого мира злобных противников, возглавляемых столькими эмирами и военачальниками:

Там, где один пехотинец прибавляет ему
решительности,
Силой одного всадника можно захватить
целое царство.

Не удивительно, что тому, кого поддерживает милость Аллаха, не может противостоять никто. Недоброжелатели избранника, которого Господь сделал почитаемым, обязательно станут презренными и отвергнутыми.

Когда враги пришли в замешательство и пустились в бегство, его величество Сахибкиран, подобно свирепому льву и бурному потоку, рыча и бурля, с победоносным войском устремился с гор вниз и, погнав их до поля Куджрат², искоренил их уничтожающим жизнь мечом и раздирающим душу копьем:

На том пути было убито столько врагов,
Что вся степь покрылась холмиками [тел].

Победитель, споспешествуемый богом, радостный и веселый, остановился в той местности, а эмир Хусайн тоже подошел следом с остальным войском. Благодаря зефиру этой желанной победы выросло деревце счастья и окрепла ветка государства, а у сада надежд и желаний снова появились свежесть и безмерная краса. Надежды всех на силу возрастающей мощи достигли апогея; блеск и великолепие государя и войска увеличились а тысячу раз.

У войска окрепли руки и сердце
Снова, благодаря Сахибкирану.

Поскольку его величеству Сахибкирану был предопределен судьбой и подтвержден высший ранг на арене царства и власти, то он вновь выступил с двумя тысячами человек. Когда он добрался до Кахлаги³, то жители Кеша и его окрестностей стали толпами прибывать к нему и присоединяться к его счастливым мулазимам. Его величество отобрал триста человек из числа тех двух тысяч человек, которых он привел с собой, и, сделав их мулазимами, отправился в путь. Остальным он приказал оставаться на том же месте. Двести человек из тех трехсот всадников он отправил в Кеш вместе с эмиром Сулайманом барласом, эмиром Джакуй барласом, Бахрамом джалаиром, эмиром [43] Джаладжином барласом, эмиром Сайфаддином и Йултимуром. /14a/ Он приказал им, чтобы они разделились на четыре кушуна и чтобы каждый всадник повесил с обоих боков коня по две связки больших веток со множеством листьев, чтобы поднять неимоверную пыль, и если там окажется даруга, он сбежит, [увидев это].

Они поступили согласно приказу, и задуманное получилось, как было определено судьбой. Когда они появились в долине Кеша, то даруга джете бежал, испугавшись той пыли. Они вошли в город Кеш и занялись устройством дел города. Волею бесконечной божественной милости иногда опоры царства рушатся от зажженной войском головни, а иногда страна завоевывается поднятой пыли — полустиише:

Долой дурной глаз, ибо больше этого
сделать невозможно.

В то время стан Илйас ходжа хана находился в Таш Ариги, расположенном в четырех фарсах от Кеша. При нем находились именитые эмиры и бесчисленное войско. В то время в своей столице скончался Туглук Тимур хан, и Улуг Тук Тимур и эмир Хамид явились с целью увести Илйас ходжа хана, чтобы он занял место своего отца.

Его величество Сахибкиран с сотней всадников, которые удостоились счастья быть его мулазимами, отправившись в путь перед рассветом, прибыл в Хузар. Как только люди узнали об августейшем прибытии его величества, то поспешили достичь счастья целования земли перед ним. Его величество приказал собрать войска Хузара и Кеша и поставил Ходжу Салимбари в арьергарде. С этими доблестными войсками он отправился обратно к Джигдалику⁴ и, когда прибыл туда и благополучно расположился там, к его величеству присоединился Шайх Мухаммад, сын Байан сулдуза, с семьей кушунами войска. Они стояли там семь дней. Туда подъехал также эмир Хусайн со своим войском и [войско], которое его величество Сахибкиран оставил в Кахлаге. /146/ Шир Бахрам, который отделился от в Дашт-и Кулак и ушел в свой иль, после сорокатрехдневного отсутствия также присоединился к нему с войском Хутталана. Эмир Хусайн и его величество Сахибкиран, снявшись оттуда со всем войском, направились в Хузар. Там они посетили славную гробницу Ходжа Шамсадина, испросили у святого духа того [44] великого мужа веры помощи своим высоким помыслам, скрепили узы согласия обещаниями и клятвами и подкрепили прежнюю дружбу и верность единством в действиях и согласием. Полустиише:

Да, благодаря согласию можно овладеть
миром.

ГЛАВА 11. ОТРЫВОК ИЗ «ЗАФАР-НАМЕ». ГЛАВА О СНЕ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА САХИБКИРАНА, ОБ УСМАТРИВАНИИ В НЕМ ХОРОШЕГО ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЯ И О ЕГО НАМЕРЕНИИ СРАЗИТЬСЯ С ИЛЙАС ХОДЖА ХАНОМ

Сказал пророк <да благословит его Аллах и приветствует> «Доброе сновидение — один из сорока шести даров пророчества». Когда извечная воля по милости Всевышнего и Всеведущего [Аллаха], поставив на чистом челе какого-нибудь избранника отличительный знак и украсив стан его счастья почетным халатом из сокровищницы [айата] <Мы сделали тебя наместником на земле>¹ отшлифует зеркало его лучезарного сердца своей поддержкой, чтобы в нем отразились лица невест сокрытых тайн и чтобы целомудрие скрытых дел сняло перед его разумом покрывало ошибок до их свершения, и чтобы через дверцу потустороннего мира человеческий дух увидел будущее положение дел до того, как они проявятся, как это следует из содержания приведенного выше благословенного хадиса. Стихи:

Как прекрасно, что живописец моего
воображения задумал
Нарисовать картину возлюбленной.

Йусуф-и Сиддик <да будет благословение ему> картину признания отцу и братьям, о чем сообщает [айат] <И поднял он своих родителей на трон, и пали они пред ним ниц>², видел через дверцу сновидения за долгие годы до свершения этого события. Добрая весть о завоевании Мекки <да увеличит Аллах славу ее>, как явствует из содержания [айата] <Аллах верно исполнил свое обещание, данное своему посланнику в сновидении>³, также была [заранее] начертана на открытом божьему гласу сердце /15a/ султана Посланников [Мухаммада], <да будет им наилучшее из благословений и приветствий>. Этот дар сообразно с важными делами государства и интересами царства дается [45] величайшим султанам и хаканам в силу того, что они являются наместниками [Аллаха] во внешнем мире, как это случилось с его величеством Сахибкираном. В том положении, когда возникло такое трудное дело, как противостояние вражескому войску, превосходящему по силе, [Сахибкиран] однажды в полдень задумался над этим и во время размышлений его охватил сон. Он услышал отчетливый голос, который красноречиво произнес: «Радуйся и не печалься, так как всевышний Господь даровал тебе помощь и победу». Как только он пробудился ото сна, он, чтобы устранить сомнения, спросил у присутствующих: «Кто-то что-то сказал сейчас?» Все ответили: «Нет». Он уверился, что те слова, которые дошли до его ушей, были гласом неба, и тот зефир с приятным ароматом радостной вести подул из цветника всеобъемлющей божеской милости. Благодаря божественной поддержке его уверенность стала более крепкой. Окрыленный и уверенный в себе, он явился к эмиру Хусайну и рассказал ему о случившемся. От этой вести у всех возросли уверенность в поддержке и радость. Сердца подчиненных и господина, сжатые подобно бутону, расцвели от этой вести, как роза от утреннего ветерка:

От дум сердце царя и войска находилось
в печали,
От этой радостной вести оно обрадовалось
и повеселело.

ГЛАВА. 12. ОТРЫВОК ИЗ «ЗАФАР-НАМЕ». О БИТВЕ ЭМИРА ХУСАЙНА И ЭМИРА ТИМУРА С ВОЙСКОМ ДЖЕТЕ И ОБ ИХ ПОБЕДЕ [НАД ДЖЕТЕ]

Эмир Хусайн и его величество Сахибкиран, воздав хвалу и благодарность Всемогущему Повелителю повелителей, благополучно оседлали коней и, соблюдая осторожность, привели в порядок два крыла войска. Эмир Хусайн, возглавив правое крыло, поднял победоносное знамя [войска], а его величество Сахибкиран, поскольку во время сражения он обычно являлся сердцем битвы, сделал левое крыло средоточием своего победоносного знамени. Построив ряды в таком порядке, /15b/ они выступили. Вражеское войско, находившееся в Таш Ариги, также составило два крыла; левый фланг украсился сиянием Илийас ходжа хана и эмира Хамида, а правый фланг — великолепием эмира Тук Тимура и эмира [46] Бекджака. Войска обеих сторон выстроились и обратили лик вражды друг против друга:

Земля и время пришли в движение,
Ты сказал бы. «Мир хочет взлететь».
От ржания коней и от пыли войска
Не светит ни солнце, ни луна.
Воины разом подняли крик,
Подняли пики до облаков.

Войска двух сторон встретились в местности Каба Матин. Бой барабанов и крик храбрецов поднялись до небес. Сначала авангард вражеского войска, высокомерно полагаясь на свою многочисленность и воинственность, погнал коней сражения на поле состязания против его величества Сахибкирана. Его величество Сахибкиран как полюс укрепил ногу устойчивости в центре непоколебимости, подобно основе

своего государства, и, опираясь на победоносные стремена, протянул проворные руки к тетиве лука, сделав левую руку алифом, а правую далом¹:

Его стрела из сгиба нуна и дала
Устремилась как алиф к сердцу злодеев.

Воины, подобно своему государю, как звезды вокруг луны, выпустили из луков в сторону врагов рассыпающие огонь стрелы. Острые стрелы написало кровью храбрецов толкование [айата] <И сделали их побиением для дьяволов>², и их состояние напоминало изложенное [в айате] <И пали ,они пред ним ниц>³. Богатыри вражеского войска, которые в яростном огне злобы мчались, как ветер, падали на землю, как дождь. Некоторые из них расплескали воду жизни по ветру, а некоторые из-за жгучих ран от огненных стрел положили свою полную вражды грудь на землю,— двустишие:

Воитель, который от ветра самомнения зажег
огонь битвы,
Уронит на землю свою честь, как и кровь из раны
от стрелы.

Среди именитых людей, павших в бою, были: Думаса (Приведено по ташкентскому изданию «Зафар-наме», с. 237) из племени бахрин⁴, который был в море битвы акулой, пожирающей людей, а в лесу сражения — львом, охотящимся на слона, [другой] — Чанпу (Приведено по ташкентскому изданию «Зафар-наме», с. 237) — из [47] приближенных хана, пользовавшийся авторитетом у государя. Из погибших были также Тук Тимур /16а/ бахадур; Беки, брат Бекджак; Даулатшах и еще два царевича, каждый из которых был предводителем и опорой войска, — стихи:

Никто из отважных не устоял,
Все убиты, растоптаны и унижены.

Войска обеих сторон разом смешались и сцепились друг с другом. Небо над полем боя плакало тысячами кровавых глаз над горестным состоянием сражающихся противников, — двустишие:

Они тронулись с места разом, как гора,
С обеих сторон раздавался клич. «Даешь!»
Степь превратилась в кровавое море,
Ты сказал бы: «Тюльпаны выросли на земле».

Когда атаки воинов стали непрерывными и забурили волны моря боя, то согласно обещанию, данному тайным добрым Вестником его величеству Сахибкирану, поддержка [айата] <Слава Аллаху, который оправдал свое обещание>⁵ стала спутником столпов государства, а для могущественных врагов исполнился смысл [айата] <Потом вы повернулись, обратив тыл>⁶, <Поворачивайтесь вспять>⁷. Такое большое войско, которое своей многочисленностью напоминало капли дождя и листья деревьев, было развеяно и рассеяно по сторонам, подобно осенним листьям и апрельскому дождю, меньшим числом войска, <помощь — только от Аллаха>⁸. Илийас ходжа, эмир Бекджак, Искандар углан, эмир Хамид и эмир Йусуф ходжа попали в плен. Однако преклонение перед ханским достоинством, свойственное натуре тюрков, одержало верх, и те несколько воинов, которые схватили хана, узнали его и, не сообщая об этом своим военачальникам, посадили его и Бекджак на коней и отпустили. Другие пленники остались в оковах плена. В ту же ночь его величество Сахибкиран, двигаясь ночью, достиг реки Бам⁹. Там он вновь преградил путь врагам и многие из них были убиты. Стихи:

Вода в ручье от крови стала как вино,
Посмотри, жемчуг с рубином стали ничтожными

Эмир Джаку и эмир Сайфадин согласно приказу отправились в Самарканд. Эта славная победа [48] произошла в 765 (1363—1364) году, соответствующему году дракона. Его величество могущественный Сахибкиран не успокаивался до тех пор, пока его высокие помыслы не доводили каждое дело до цели. /16б/ Он держал совет с эмиром Хусайном и Шир Бахрамом, затем выступил вперед и пошел след за врагом. Переправившись через реку Ходжент, он разбил в Ташкенте августейший лагерь, и здесь у него, чтобы отразить дурной глаз, на несколько дней лицо счастья покрылось краской болезни, — двустишие:

Всему тому, что бросается в глаза,
Сглаз непременно нанесет вред.

И его величество Сахибкиран и эмир Хусайн каждый заболел в том месте, где находился. Вскоре благодаря лечению [айата] <И мы низводим из Корана то, что бывает исцелением и милостью для верующих>¹⁰ [болезнь] сменилась здоровьем. Высокая Колыбель Улджай Туркан счастливо и благополучно прибыла из Гармсира Хирмана (Приведено по ташкентскому изданию «Зафар наме», с. 238):

Билкис¹¹ времени вновь прибыла к Сулайману¹².

Его величество Сахибкиран решил вернуться назад и переправился через реку Ходжент. Там он решил устроить джиргу (охота с облавой). Эмир Хусайн тоже согласился на охоту и устройство облавы в местности Дизак Булбул. Выступив с двух сторон, они завершили охоту в Акаре и несколько дней провели в увеселениях и радости, согласно полустихию:

Не упускай случая веселиться, сколько сможешь.

А оттуда, оседлав коней, счастливо и благополучно они вернулись в Самарканд. Тот раеподобный край украсили в честь прибытия [Сахибкирана], дарящего процветание. Глаза надежды жителей страны осветились от пыли коней августейшей свиты. Млад и стар, которым был причинен вред несчастными событиями времени, в бальзаме ласки и милости [Сахибкирана] нашли для себя исцеление. Слава Аллаху за его милость, который вернул истину на свое место.

[49] ГЛАВА 13. ОТРЫВОК ИЗ «ЗАФАР-НАМЕ». О СОЗЫВЕ КУРУЛТАЯ ЭМИРОМ ХУСАЙНОМ И САХИБКИРАНОМ И О ВОЗВЕДЕНИИ НА ХАНСТВО КАБИЛШАХ УГЛАНА

Когда Мавераннахр и Туркестан были освобождены со всеми подчиненными и зависимыми от них областями из-под власти джете, то верхушка крупных эмиров загородных нуйанов не покорялась и не подчинялась власти и приказам друг друга. Поскольку опора власти у каждого из предводителей больших племен держится на обилии его подчиненных и сторонников, то никто из них не склонял голову покорности и подчинения перед другим. Божий закон таков, что у каждого многочисленного народа, /17а/ у которого нет единства, сохраняющего его, дела закончатся смутой. Порядок и дела любой страны непременно придут в расстройство, если в ней нет правителя, подчинение приказу которого все жители признали бы обязательным и ни в коем случае не уклонились бы от его распоряжений:

Мир без правителя подобен телу без головы,
Тело без головы — ниже праха с дороги.

Согласно этому эмир Хусайн и его величество Сахибкиран, посоветовавшись друг с другом, сочли целесообразным посадить на ханство одного из потомков Чагатай-хана. Для подписания того договора они в том же 765 (1363 — 1364) году собрали всех эмиров и нуйанов и, созвав курултай, повели речь об интересах царства и важных делах государства. Они пришли к решению вытащить Кабилшах углана, сына Дурджи, [сына] Илджикдая, сына Давахана из крепости одежды бедности и дервишизма, в которой он укрепился от страха перед превратностями судьбы, и облачить его счастливый стан в величественный халат ханства. Для завершения этого серьезного дела

Устроили они прекрасный пир с музыкой,
Описание его удлинит рассказ,
Серебром и золотом, дарами и добром
Украсилась вся площадь мира.

И единодушно посадили Кабилшах углана на трон царства, и по обычаю тюркских султанов преподнесли ему кубок. Стихи:

Все непокорные гордецы,
Все разом, девять раз преклонили колено.

[50] Эмира Хайдара Андхуди, находившегося в заключении, выдали Зинда Чашму, который в ту же ночь покончил с его делом, и трон его бытия освободился от властелина жизни. Стихи:

Не поднимется больше, когда приходит к концу
Человек, преступивший свой предел.

Так как тот край издавна принадлежал его величеству Сахибкирану и его высокому роду, то его царственная щедрость потребовала устроить пиршество в честь эмира Хусайна. /176/ Доверенные его величества лица организовали такой пир, что при виде его Венера-музыкант запела мотив восторга и, исполняя эту мелодию, она напевала стихи:

Что за пир! Возможно, здесь цветник желаний,
Хизр желает здесь испить глоток вина,
Дары приготовлены и предметы наслаждения обильны,
Здесь собрание избранных и место увеселения простых
людей,
Мелодия саза счастья увеличивает веселье ночью и
днем,
Вращение чаши по кругу постоянно здесь.

Благосклонность [его величества Сахибкирана] всех оделила милостью соответственно их положению, а эмиру Хусайну он преподнес достойные его подарки — стихи:

Конь и меч, шапка и пояс,
Из всех вещей, которые были достойны его.

Поскольку у отца эмира Хамида с отцом Сахибкирана прежде была крепкая дружба и привязанность, то по изречению <Дружба отцов равна родству пророков> его величество посоветовался на том торжестве с эмиром Улджайту Апарди относительно освобождения эмира Хамида и Искандар углана. Зеркало ума и пронизательности [эмира Улджайту Апарди] шлифовалось годами различных испытаний, и все в разных случаях обращались к его разрешающему трудности мнению. [По его совету Сахибкиран] попросил эмира Хусайна сохранить им жизнь. Эмир Хусайн, хотя его собственное мнение соответствовало смыслу этих стихов—

Если враг попался в твои руки, вздерни его за
ноги,
Чтобы потом не кусать палец сожаления,

[51] пошел навстречу той просьбе ради его величества и отдал распоряжение освободить их. Несмотря на все это, к ним уже было близко обещание [айата] <Для всякого предела — свое писание>¹ и ничего не помогло. Когда эмир Хусайн, намереваясь посетить древний юрт, направился в Сали-Сарай, счастливый Сахибкиран послал эмира Дауда и эмира Сайфаддина, чтобы они освободили из заключения эмира Хамида и привели его с почестями и уважением.

Байазид и Имин, в руки которых попал эмир Хамид, как только заметили издали двух эмиров, подумали,— [айат] <И вы думали скверную думу>², — что они идут убивать эмира Хамида, и, поспешив, один ударил его булавой, а другой — мечом, и мученик эмир Хамид вместо меда спасения /18a/, который дошел было до губ надежды, проглотил, яд смерти— [айат] <И нет задерживающего его суд>³ — стихи:

Тот, в ручье которого судьба перекрыла воду жизни,
Не увидит в чаше Хизра ничего, кроме вина смерти.

Когда эмир Хусайн узнал об этом, то сказал: «Дело низшего наукара в этом случае лучше [дела] старшего михтара и, спешно отправив посла, вызвал к себе Искандар углана и убил —

От стрелы судьбы не бывает щита

Ту зиму и эмир Хусайн, и его величество Сахибкиран, каждый счастливо отдохнул в своей резиденции; дела и жизнь шли соответственно желаниям и надеждам, а чаша желаний и надежд наполнялась чистотой дружбы и счастья, <слава Аллаху благодетельному и милостивому >.

ГЛАВА 14. ОТРЫВОК ИЗ «ЗАФАР-НАМЕ». РАССКАЗ О «ГРЯЗЕВОЙ БИТВЕ» И ОПИСАНИЕ ЕЕ ОСОБЕННОСТЕЙ

Из цветника [айата], показывающего шипы и розы <И, может быть, вы ненавидите что-нибудь, а оно для вас благо>, до обоняния душ людей, разбитых на арене огорчений и печали, доносится зефир благой вести, что невесты желаний и целей обретут блеск в одежде огорчений и напастей, а разнообразные блага и милости будут преподнесены на скатерти мщения и [52] тяжкого труда. И все это является покоряющей божественной мудростью — стихи:

Тот влюбленный, который познал скрытую милость
Друга,
Благом для себя считает все, что встречается ему
на пути колочка или роза

Часто причиной счастья является несчастье, а иногда причиной спокойствия и благоденствия являются расстройство и невезение — стихи:

Многу дыр, которые являются основой прочности,
Много горестей, в которых содержится радость,
Много замков, цепи которых не видны,
Кода разглядишь, то это не замок, а ключ

Эти образы и подобию соответствуют событиям жизни его величества Сахибкирана.
Когда подошла к концу зима, которую его величество провел в покое в своей счастливой резиденции, и герой весны, подняв флаг тюльпана, стянул войско растений в зеленом кафтане в садах и цветниках,—

Утренний ветерок повел войско к ручью, /186/
Приготовил снаряжение и оружие для боя,
Сделал из бутона наконечник стрелы, а из розы — щит,
Закалил кольчугу водой и заострил колочки,—

вновь поступило сообщение, что войско джете выступило и направляется в эту сторону.
Его величество Сахибкиран, приступив к сбору войска, послал человека к эмиру Хусайну, чтобы поставить его об этом в известность. Эмир Хусайн приказал Пуладу Буге и Зинда Чашму, сыну Мухаммада хаджа Апарди и Малик бахадуру выступить вместе с войском передовым отрядом и как можно скорее присоединиться к его величеству Сахибкирану. Когда они соединились с его величеством, то вместе с войском, грозным, как небо, во время атак и подобным звездам во время передвижения, стали двигаться в сторону врага. Когда они прибыли в местность Акар, то из-за лошадей и вьючных животных задержались там на несколько дней на пастбище. Снявшись с того места, они отправились в путь и, переправившись через реку Худжанд остановились.

Эмир Хусайн, собрав большое войско, пустился следом за ними. Когда он достиг берега реки, отсюда стала близка передняя часть войска неприятеля. Его [53] величество Сахибкиран разбил лагерь на берегу реки между Чинасом² и Ташкентом, приказал воинам соблюдать осторожность и укреплять свои места щитами. Эмир Хусайн со всем войском, которое находилось позади, переправился через Сейхун, и они остановились на своих определенных местах [в войске]. С той стороны войско неприятеля, добравшись до берега реки Канд-и Бадам, тоже остановилось.

Эмир Хусайн и его величество Сахибкиран снялись с того места и отправились в путь. Когда дозорные обеих сторон увидели друг друга, то занялись приведением в порядок войска и построили ряды. С правого фланга эмир Хусайн поднял знамя величия до выси небесной, позади его находился Тиланджи арлат. Его авангард составляли Улджайту Апарди, Шир Бахрам, Пулад Буга, Фархад Апарди, Малик бахадур и другие именитые бахадур. Его величество Сахибкиран, который был душой мира /19a/ и сердцем сражения на левом фланге, сделал полумесяц своего победоносного знамени третьим светилом. В передний ряд он определил эмира Сари Бугу вместе с племенем кипчак, в авангарде поставил Тимур хаджа углана. Эмира Джаку, эмира Сайфаддина, эмира Мурада барласа и Аббас бахадура вместе с другими храбрыми бойцами он держал в центре. Вот в таком порядке грозное, многочисленное войско, превышающее по численности войско врага, выступило вперед. Однако, согласно [айату]: <И в день Хунайна, когда вас восхитила ваша многочисленность>³, они не убереглись от неожиданного возмездия. Так же как войско джете в сражении в Каба Матине потерпело поражение от войска этой стороны несмотря на численное превосходство, на этот раз, когда войско этой стороны было больше их войска, они прибегли к хитрости и обратились к помощи санг-и джада⁴, свойство которого относится к чудесам Создателя:

У войска джете не было достаточно сил,
чтобы сразиться,
В колдовстве с камнем оно искало средства,
Привел мир в изнеможение от ветра и дождя,
Заклинатель с помощью камня «джада».
Загрохотала туча, завыл ветер,
Разом молнией мир был охвачен.

Несмотря на то, что солнце находилось в созвездии Близнецов, черное войско тучей — стихи:

[54] Подняло ветер подобно Сулайману⁵,
Загремел гром, молнии сверкали,—

ринулось из засады судьбы на воздушный простор и огласило голубой небосвод грохотом барабана и грома; выпустило стрелы молний из лука грома, разметав их в разные стороны, и начало стрелять стрелами из дождя. У судьбы в те дни снова вспыхнула любовь к смуте и смятению. Из глаз туч вылилось столько слез, что произошел потоп — стихи:

Произошел потоп в той стране, может быть туча
Услышала в тот момент молитвенный призыв Ноя

Из-за обилия воды и влаги, которыми пропиталась земля, бык, держащий землю, плавал как рыба в воде. Ноги боевых коней так погружались в глину, что шерсть их живота касалась земли. От постоянной сырости древко лука ослабело и стало дрожать, его начала сводить судорога, как паралитика, /196/ и оно испортилось. У птицы стрелы выпали перья, и клюв отвалился. От обилия влаги одежда и другие доспехи так отяжелели, что не было сил двигаться ни конным, ни пешим. Несмотря на это, благодаря чрезвычайным усилиям и мужеству, воины той стороны выступили вперед. Воины врага, не двигаясь со своего места, натянули на головы кошмы и как только можно защищали от дождя одежду и оружие. Когда войско подошло к ним, они сбросили с головы кошмы и на отдохнувших конях, с сохраненным от дождя оружием бросились в битву — стихи:

Шум и возгласы поднялись от двух войск,
Слева и справа мир наполнился криками
«Ну ка», «Дашь!»
Крики храбрецов и звуки карная стали такими,
Что небесная сфера сдвинулась с места.
В этой суматохе и в дыхании стужи
Были крики воинов, дождь и стрелы,
От «любви» к душе наконечника стрелы,
рассекающего волос,
Пуп укрылся в спинном позвонке.
От «ласки» прошивающей глаз стрелы
Дыхание обжигает грудь, проходя по телу.

Его величество Сахибкиран с божьей помощью пошел в наступление с левого крыла и разбил правое крыло противника, передовую часть которого возглавлял Шанкум нуйан, брат эмира Хамида. Илийас ходжа хан, [55] увидев это, обратился в бегство. Но поскольку судьба отошла от справедливости, левое крыло войска противника, авангард которого возглавляли Ширавул и Хаджи бек, одолело правое крыло этой стороны и, погнав Тиланджи и Зинда Чашма, довели их до эмира Хусайна, крыло, которым он командовал, расстроилось и побежало. Шир Бахрам и Пулад Буга стояли твердо, проявив мужество. Когда Хаджи бек погнал правое крыло этой стороны, Фархад и Бек Тимур, видя это обстоятельство, в растерянности остановились. С той стороны эмир Шамсадин тоже с многочисленной группой, засучив рукава смелости, проявил мужественное усилие. У его величества Сахибкирана вспыхнуло пламя рвения /20a/ и сильной рукою, поддерживаемой [божественной] помощью — стихи:

Мечом он высек огонь
Такой, что от него затмилось солнце.
Он, подобно ревущему льву, направил коня,
На нем — железный шлем, под ним — дракон,—

он напал на них с семнадцатью кушунами и обрушил огонь из ветра атаки на хирман их стойкости. Эмир Шамсадин от страха перед натиском его величества, убрав поводья превосходства с поля боя, обратил лик слабости и немощи к бегству — стихи:

У каждого, кому стало ясно, что это его атака,
Нога бытия окажется [в стремях] сомнения

От победы Сахибкирана у эмира Хусайна окрепла надежда на поддержку и, собрав свое войско, он остановился — стихи.

Благодаря победе шаха, разбивающего войска
[врага]
Вновь появилась жизнь в теле войска.

Его величество послал своего наукара Табан бахадур к эмиру Хусайну [со словами]: «Правильным для настоящего момента является то, чтобы эмир приблизился к нам, и мы, объединившись, потрясли бы столпы их величия, так как у них нет силы ни для противостояния нам, ни для противоборства». Поскольку звезда счастья эмира Хусайна начала меркнуть перед силой восхода счастья Сахибкирана, и день его власти приблизился к вечеру несчастья, то, согласно указанию [56] [айата]: <Поистине Аллах не меняет того, что с людьми, пока они сами не переменят того, что с ними> его натура в те дни изменилась. С его стороны последовали недостойное поведение и неправильные действия. Когда Табан бахадур приблизился к нему, то он после бранных слов ударил его так, что тот упал. Его величество Сахибкиран снова послал к нему Малика и Хамди, которые были из бахадуров эмира Хусайна, [со словами]: «Он обязательно должен прийти, чтобы не упустить удобного случая». Как только [эмир Хусайн услышал эти слова, он разразился бранью, побил их и надменными словами обрушил на них предупреждения и угрозы, [заявляя]: «Разве я сбежал, что он зовет меня? Если одержите победу вы — [хорошо], а если враг, то никто из них не спасется от моего возмездия». Обиженные Малик и Хамди вернулись назад, /206/ поспешили к его величеству Сахибкирану и, повиснув на августейших поводьях, [сказали]: «Больше не надо стараться в деле этого бездельника, и Вы больше не прилагайте к этому усилий». Его величество не пошел против их слов и убрал руку своего намерения. Поскольку левые крылья обеих сторон погнались противостоящие крылья противника, оба войска расстроились и, достигнув позиции [противника], остановились там, куда дошли:

Как только мир (солнце) сошел с коня,
Его войско также остановилось,
Расположилось для отдыха,
Не сдвинулось с места до наступления дня.

В ту ночь эмир Хусайн несколько раз посылал человека к его величеству Сахибкирану с просьбой явиться к нему. Поскольку благословенное сердце его величества охладело к нему из-за его неуместных действий, то его величество не ответил на это, и просьба осталась неудовлетворенной — стихи:

На следующий день, когда шлем султана великолепия
(солнца)
Поднялся из китайского моря и оседлал гору,
Оба войска, жаждавшие крови,
Подняли знамена, подобные горе Бисутун,
Раздался звук трубы как в день воскресения
из мертвых,
Стрелы сказали уснувшей смерти: «Встань»,
И смерть стала сотоварищем острию стрелы,
У акулы несчастья раскрылась пасть.

[57] Когда испытанные в боях храбрецы двух сторон решались и вцепились друг в друга, войско джете потерпело поражение и обратилось в бегство. Войско этой стороны устремилось следом подобно их душе, убегающей из бессильного тела, и действовало как карающая судьба. В это время появился отряд войска со знаменем эмира Шамсадина, который отделился от него и блуждал. Войско этой стороны, преследовавшее беглецов, натянуло поводья и повернуло к тому знамени. А убегающее войско собралось вновь и тут же напало на них, потрясая землю и небо — стихи:

Со всех сторон погнались быстрых коней,
Набросились с мечом друг на друга,
От стрел все щиты превратились в кольчуги,
А пики, воткнувшись в сердца и глаза, затупились.

Время по присущему ему непостоянству опрокинуло в теснину беды развернутое с удачей знамя, /21a/ и войско этой стороны, ранее одержавшее верх, потерпело поражение и обратилось в бегство — стихи:

У переменчивого неба такое свойство
Оно дает успокоение, но больше причинит боли.

В смятении бегства много людей было затоптано в грязи и глине. Побежденные [ранее] враги одержали верх и направили меч мести на удовлетворение своего желания. Погибло около десяти тысяч человек — [айат]: <Дело Аллаха было решением предрешенным>⁷. Это событие произошло в начале рамазана 766 (22 мая 1365) года, соответствующего году змеи. Согласно единодушному мнению восьмое соединение из соединений зодиакальных триад, происшедшее в созвездии Скорпиона и называемое астрологами раздельным соединением, случилось, примерно, в это время. Эти слова приведены в довершение рассказа, а

не для того, чтобы подтвердить земные дела действием небесных светил — <И нет оказывающего действия на бытие, кроме Аллаха>.

Когда эмиры ушли оттуда и прибыли в Кеш, каждый из них решил переправить свой иль через Джейхун. Эмир Хусайн сказал его величеству Сахибкирану: «Целесообразно сейчас переправить семью и иль через реку». Его величество ответил: «Они ушли, чтобы переправиться. Однако нравственное величие мне не позволяет оставить область, поскольку она будет полностью [58] растоптана предательством и несправедливостью. Я вновь соберу войско и встречу с противником на поле брани».

Эмир Хусайн направился оттуда в Сали-Сарай. По прибытии туда он поднял свой иль и всех подчиненных и переправился через реку. Миновав холмы и горные тропы, он остановился в местности Шибарту⁸ и назначил осведомителей с тем, чтобы при их сообщении о выступлении войска джете уйти в Индию.

Как только эмир Хусайн уехал из Кеша, могущественный Сахибкиран начал собирать войско и благодаря своей распорядительности создал двенадцать кушунув. Тимур ходжа углана, Джаварчи и Аббас бахадура с семью кушунами из тех [двенадцати] он отправил в Самарканд в качестве авангарда. /216/ Джаварчи предался там питью вина, которое подействовало на него согласно арабским [стихам]:

Вино как ветер — когда доносит приятный аромат —
нравится,
Но когда проходит мимо гнили, доносит зловоние,

пламя злобы, вспыхнувшее в очаге его внутренностей, начало бить [с помощью] языка из его рта. Он запугал Дауда ходжу и Хиндушаха: дескать такой-то, т. е. его величество Сахибкиран, замышляет схватить вас и отправить к эмиру Хусайну, а он без промедления уничтожит вас. Тех охватили страх и ужас, и они, предпочтя бегство, поспешили уйти к врагу. Когда они достигли местности Куланг, из войска джете туда прибыли в качестве авангарда Кепек Тимур, сын Улуг Тук Тимура, Ширавул, Ангирчак, Хаджи бек. Став их проводниками, они направили их против Тимур ходжа углана, Джаварчи и Аббаса. [Моголы] разгромили их и разорвали этим узел единства того войска.

Когда Сахибкиран узнал об этом, то понял, что в деле государства еще существуют помехи и задержка и чрезвычайное упорство не принесет пользы — арабские [стихи]:

Ему следует постоянно улучшать свое положение,
Однако настоящее время не благоприятствует этому —

он переправился через реку Амуйе. Разбив в Балхе августейший лагерь, он собрал там рассеявшиеся [до этого] свой туман и иль. Он приказал также собрать туман [59] Кепек хана и туман Илчи Буга сулдуза и назначил группу людей, чтобы удерживать и защищать берег реки, и чтобы они, соблюдая благоразумие и осторожность, были бы в курсе всех происходящих здесь, даже самых мелких дел. Тимур ходжа углана он наказал за совершенный им проступок. В ожидании выхода солнца счастья и управления миром он занялся утренним питьем вина и удовольствиями. Стихи:

Когда можешь, проводи каждый миг в наслаждении.
Пользуйся моментом, о ходжа, в этом брэнном мире

ГЛАВА 15. ОСАДА САМАРКАНДА ВОЙСКОМ ДЖЕТЕ

Когда войско джете подошло к Самарканду, а [город] в то время не имел крепости, то Мауланазде Самарканди, /22a/ он же маулана Хурдак Бухари, и Абу Бакр Кулуй Наддаф побудили жителей города заняться укреплением улиц и обороной города. Те храбрые подданные некоторое время без грозного падишаха сражались с таким многочисленным и коварным войском. Они так противостояли врагам и отражали их, что руки насилия и захвата тех не дотянулись до подола чести и имущества жителей того города. Когда народ из-за продолжительной осады оказался в очень стесненном положении, то содействующая несчастным милость всеславного и всевышнего [Аллаха] поспешила на помощь, и повеял оживляющий зефир из места божеской милости— [айат]: <Ведь поистине, с тягостью легкость>. И на коней джете напала чума. Погибло столько коней, что из четырех всадников только у одного осталась лошадь. По этой причине ослабленные и растерянные они вынуждены были вернуться назад. Большинство из них принуждены были возвращаться привязав седло к спине. Поскольку эта защита владения и сопротивления такому войску, которые можно сравнить по достоинству только с высокими подвигами правителей и мужеством их наивов, осуществились руками подданных, то некоторые из них возгордились, поставили ногу дерзости выше своего положения и раскрыли длань насилия, кровопролития и смуты — стихи

Не дай бог, чтобы нищий стал уважаемым

В то время, когда войско джете намеревалось вернуться, его величество Сахибкиран послал Аббас [60] бахадура в Кахлагу (Приведено по ташкентскому изданию «Зафар наме». с. 246 (в тексте кал'а —

«крепость»)), чтобы узнать о положении джете. После расследования их положения он доложил его величеству в том виде, как об этом уже было сказано. Когда высокий ум (Сахибкиран) узнал о возвращении войска [джете], то послал человека к эмиру Хусайну известить его об этом и сказать, что следует двигаться в эту сторону. Как только посланный принес эту весть, эмир Хусайн чрезвычайно обрадовался. Он тотчас выступил из Шибарту и направился в Сали-Сарай. Его величество /226/ Сахибкиран, переправив через реку свою семью и иль, отослал их в древний юрт, а сам сел на коня, чтобы встретить эмира Хусайна. Встреча состоялась на равнине Баклан². Они заключили друг друга в объятия, и с обеих сторон был соблюден церемониал [встречи], поговорили о прошлом и будущем. В отношении прошедшего и грядущего они просверлили жемчужины [слов] алмазом совещания и остановились на том, что ранней весной они вместе отправятся в Самарканд. Его величество Сахибкиран благополучно вернулся назад. Переправившись через Джейхун и покрыв большое расстояние, он остановился в Карши. Город получил название Карши потому, что Кебек хан построил замок в двух фарсах от Несефа и Нахшаба, а [слово] «замок» по-могольски «карши». Его величество зиму провел там и приказал построить крепость в Карши. Благодаря могуществу с каждым днем возрастающего счастья [Сахибкирана] крепость была закончена той же зимой — стихи:

Судьба дала все, что хотела его душа,
Взошло семя надежды, которое он посеял.

ГЛАВА 16. РАССКАЗ О ЗАВЕРШЕНИИ ДЕЛ ИЛЙАС ХОДЖА ХАНА И [О СОБЫТИЯХ], КОТОРЫЕ ПРОИЗОШЛИ ПОСЛЕ ЕГО СМЕРТИ; О БОРЬБЕ И УСТАНОВЛЕНИИ ВЛАСТИ ЭМИРА КАМАРАДДИНА¹

В устных преданиях моголов нет ни одного рассказа и упоминания об Илийас ходжа хане. Вот что известно о нем из «Зафар-наме»: После смерти Туглук Тимур хана ханство установилось за ним. После [смерти] отца, «Грязевой битвы» и победы в ней, после осады Самарканда и возвращения оттуда из-за гибели коней, он [61] процарствовал недолго. [События] после смерти Туглук Тимур хана, о которых рассказывают моголы, и о которых вскоре будет написано, произошли большей частью после смерти Илийас ходжа хана, «а Аллах знает лучше».

Что касается событий, происшедших после смерти Туглук Тимур хана, то в устных преданиях моголов сказано так: эмир Буладжи, упомянутый во время изложения обстоятельств жизни Туглук Тимур хана, был одним из пяти братьев. Первый из них — эмир Тулак, о котором было сказано при описании принятия ханом ислама. Второй — упомянутый Буладжи. Третий /23а/ из них — эмир Шамсадин, о котором сказано в «Зафар-наме» [при описании] «Грязевой битвы» и приведено также здесь. Четвертый из них — эмир Камараддин, о котором будет сказано, и пятый — эмир Шайх Даулат, о котором ничего не известно.

После эмира Тулака должность улусбеги утвердилась за эмиром Буладжи. Эмир Буладжи вслед за старшим братом переселился в мир вечный, а должность улусбеги была передана сыну Буладжи, эмиру Худайдаду, «да осветит Аллах его тайну». Эмир Камараддин опустился перед ханом на колени и сказал: «Более достоин должности брата я. Его сыну семь лет, и это дело не подходит ему». Туглук Тимур хан, конечно, не отказался от принятого решения и закрепил [должность] за эмиром Худайдадом, которому было семь лет.

Эмир Камараддин был человеком отчаянным и известен тем, что в его сапог вмещался семилетний ребенок. Одним словом, он очень обиделся, но ничего не смог поделать. Когда хан скончался, он выступил. Однако из «Зафар-наме» явствует, что он выступил после смерти Илийас [ходжа] хана, что расходится с преданиями. Поскольку [в то время] не осталось сильного, независимого хана, то эмир Камараддин выплеснул наружу злость, которая накопилась у него в душе. Среди моголов ходит и такая [молва], что в один день он будто бы убил восемнадцать ханов, присвоил себе титул «хан», и дела Моголистана расстроились.

От Туглук Тимур хана оставался один грудной сын. Эмир Худайдад спрятал его вместе с его матерью, которую звали Мир Ага. Эмир Камараддин послал людей на их поиски, и каждый раз их прятали так, что сыщики эмира Камараддина его не находили.

[62] Эмир Камараддин занялся управлением и устройством дел Моголистана, однако из-за противодействия эмиров положение его было непрочным. Приход эмира Тимура и его войска в Моголистан не способствовали устройству дел эмира Камараддина. /23б/ Что касается эмира Худайдада, то он отправил Хизр ходжа хана из Кашгара в горы, расположенные между Кашгаром и Бадахшаном, чтобы он, находясь там, спасся от бед эмира Камараддина. Об этом вскоре будет написано. Последовательность хода речи требует сначала изложения обстоятельств жизни Камараддина.

ГЛАВА 17. РАССКАЗ О ЖИЗНИ ЭМИРА КАМАРАДДИНА

Как уже упоминалось, эмир Камараддин стремился к власти. Каждый эмир старался противодействовать ему, чем мог. Так, Куфра¹ и Узбек Тимур, происходивший [из племени] караит, стали искать сближения с эмиром Тимуром, а потом опять проявили враждебность к нему. Эмир Тимур повел [против них] войско, сам остался в пределах своего вилайата, а [с войском] отправил эмира Бахрама джалаира, Хитай бахадура и Шайх 'Али бахадура. Они дошли до рубежей Алматы² и на берегу реки Айша Хатун³ произошла битва с людьми [племени] караит. После битвы они заключили мир и вернулись к эмиру Тимуру; тот не одобрил

этот мир, и сам отправился в те края. Эти события в «Зафар-наме» описаны так: поскольку согласно [изречению] <Поистине всевышний Аллах любит возвышенные помыслы и ненавидит низкие>, нравственное величие счастливого Господина [Сахибкирана] в каждом деле, которое он предпринимал, не довольствовалось иным результатом, кроме окончательного, и он отверг ту снисходительность, которую эмиры проявили к врагам, сменив поле боя и борьбу на мир — стихи:

Если собака — [хитрая] лисица, уклоняющаяся от битвы.
То мир со львом ей кажется избавлением от сражения, —

поэтому славная Особа приняла твердое решение направиться в ту сторону. Повсюду был разослан августейший указ о сборе войска, и повсюду победоносные воины пришли в движение. Стихи:

Войско собралось в шахском стане,
Воинственное убежище победы,
Числом больше, чем песка в пустыне,
[63] А в битве подобное льву, охотящемуся на врага,
Воины все как один подобны грозовой туче,
В битве войско, как разящий меч,
Счастливый шах послал войско, /24а/
[Числом] подобное песку пустыни и листьям дерева.
Пришло в движение войско, от жара которого
Расплавилась бы гора.

Когда победоносное знамя [Сахибкирана] благополучно прошло через Сайрам⁴ и Йанги⁵, то благодаря любви, которую его величество питал к славному семейству его светлости [Мухаммада], <да благословит его Аллах и приветствует>, а также благодаря чуду, выраженному в изречении: <Победа с утрачением>, прогулка его величества по городу оказалась счастливой, и войско противника от одного только слуха о нем бежало. Его величество Сахибкиран с многочисленным войском шел за противником до местности Санкиз Йагач, и победоносное войско захватило много пленных и бесчисленное [количество] добычи; победное знамя [Сахибкирана] с несметной добычей вернулось под защитой Творца. В местности Адун Кузи⁶ эмир Муса и Зинда Чашм, несмотря на прежние милости и дары, которыми не раз одаривал их его величество Сахибкиран, вновь затеяли смуту и козни. Договорившись с сыном Хизра Йасури Абу Исааком, они поклялись друг другу, что как только его величество прибудет в местность Карасман, они хитростью схватят его во время охоты. Однако разум посмеялся над ними — стихи:

Не замышляй зло, ибо могучий лев
Не будет обманут и побежден лисой.

Ханзада Абу-л-Ма'ани Термизи и Шайх Абу-л-Лайс Самарканди, которые до этого заключили между собой договор о противодействии его величеству, вступили в союз с ними. Кто-то узнал об этом и начертал пером на скрижалях лучезарного сердца его величества. Был издан подлежащий исполнению приказ на их поимку. Всех их, поставив на колени, допросили, и их измена была доказана. Поскольку великая госпожа Сарай Мулк ханим была племянницей [по сестре] эмира Мусы, и покрытая покровом чистоты и величия Ага беги была помолвлена с его сыном, то его величество Сахибкиран сказал ему: «Хотя ты совершил преступление, но поскольку между [64] мной и вами имеется [родственная] связь, то я его перечеркнул и простил — стихи: /24б/

Узы родства и белая борода
Принесли тебе радостную весть о жизни.
А не то я приказал бы, чтобы твою голову
Злая рука снесла с плеч.

Ханзаде он сказал: «Поскольку твоя родословная примыкает к семье пророка, <да благословит и приветствует Аллах его и весь его род>, то ни в коем случае не позволю, чтобы прах вреда осел на подол твоей жизни, и [поскольку] ты не оставишь своеволия, то будет лучше, если ты уедешь из этого вилайата, а Шайху Абу-л-Лайсу он повелел уехать в Хиджаз. Так как сын Хизра Йасури был братом жены эмира Сайфаддина, то благодаря его заступничеству и просьбе тот избавился от той опасности, и следы его преступлений были смыты прозрачной водой царского милосердия. Был издан обязательный к исполнению указ — арестовать Зинда Чашма и доставить его в Самарканд. Его схватили в собрании, преградив путь к выходу так, что — стихи:

Лучше, если враг уничтожен, а див — в цепях,
Лучше, если он уничтожен целиком с корнем,

до основания,—

ибо не секрет для пронизательного ума, который развязывает тугой узел и указывает верный путь, что держать змею в кармане и предполагать врага другом — очень неблагоприятно,— стихи:

Не раскается в своей хищности
Волк, пока не сломают ему зубы,
Не откажется от укуса змея,
Пока не раздробят ей камнем голову.

Когда его величество Сахибкиран вернулся в свою резиденцию [Самарканд], то правление в Шибургане⁷ и место Зинда Чашма он отдал Байан Тимуру, отцу Ак Буги — стихи:

Вот таким образом его счастье проявило себя,
У государей он отнимает и рабам дарит.

[65] ГЛАВА 18. ОТРЫВОК ИЗ «ЗАФАР-НАМЕ». РАССКАЗ ОБ АВГУСТЕЙШЕМ ПОХОДЕ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА САХИБКИРАНА В ТРЕТИЙ РАЗ НА ДЖЕТЕ, Т. Е. В МОГОЛИСТАН

В четверг в первый день месяца ша'бана 776 (5 января 1375) года его величество Сахибкиран, собрав победоносное войско, при поддержке Господа двух миров отправился в Джете, т. е. в Моголистан. Когда Рабат-и Катаган¹ стал местом пребывания августейшего присутствия, солнце /25a/ от крайней стужи внезапно скрылось за облаками. Туча, обучившись у щедрой руки шаха рассыпать жемчужины, постоянно сыпала дождь и снег. Стихи:

Никто никогда не видел такого снега.
Ты сказал бы, что мир — это ломтик во рту у снега,
Подобно хлопковому семени, завернутого в вату,
Горные массивы скрылись под снегом.

Стужа достигла такой степени, что сильный человек стал никчемным: сила покинула тела — ни рука не могла подняться, чтобы взять и дать, ни нога, чтобы двигаться и сделать шаг. Люди настолько ослабели, что не могли беречь лошадей. Таким образом погибло много людей и пали некоторые из коней. Его величество Сахибкиран проникся жалостью и состраданием к ним и ушел оттуда.

В Самарканде он пробыл два месяца, пока не ослабел холод. И вновь в понедельник, в первый день месяца шавваля, соответствующего началу года мыши, отточив свою решимость и приведя в порядок победоносные войска, он двинулся в сторону Джете, т. е. в Моголистан. Царевича Джахангира он отправил вперед в качестве авангарда, а Шайх Мухаммад сулдуза и 'Адил шаха, сына Бахрама джалаира, которому после смерти его отца его величество Сахибкиран передал управление племенем джалаир, он сделал мулазимами победоносной свиты царевича. Когда они, миновав Сайрам, прибыли в местность Джарун², то схватили одного человека из джете и отправили его к Сахибкирану. Когда у того человека спросили о положении Камараддина, который был из аймака дуглатов³, то он сообщил: «Он (Камараддин) собрал свое войско, сидит в местности Кук Туба и ждет Хаджи бека. О выступлении вашего войска он не ведает».

[Сахибкиран] повелел, чтобы авангард двигался без остановки, и сам поспешно выступил за ним. Когда [66] Камараддин узнал о прибытии небоподобных войск, то не смог [дольше] оставаться там. /25b/ Он укрылся в неприступном месте, которое называют Аргашлар⁴. То [место] представляет собой три чрезвычайно глубоких ущелья, где протекают три крупные реки. Камараддин, пройдя со своим войском через два ущелья, остановился в третьем и укрепил подходы. Царевич Джахангир, приведя в порядок войско, полонящее врагов и покоряющее страны, ринулся на него, огласив небо торжественными звуками барабана и литавр. Бахадурь выступили вперед и выпустили из гнезд лука стрелы, подобные орлам, охотящимся за душой. После того, как ранами от стрел, отнимающих жизнь, они утвердили в сердце врагов доказательство своего могущества, они остановились напротив них. Сообщение, передаваемое стрелой, осело в памяти войска Камараддина и, когда настала ночь, все обратилось в бегство, так что к утру никого из войска Джете, т. е. Моголистана, там не осталось. Победоносные бахадурь, погнавшись за ними, многих из тех неверных предали смерти.

Когда повелитель планет (солнце) поднял знамя восхода, его величество Сахибкиран прибыл с остальным войском. Он послал вдогонку за врагом эмира Саййид Дауда, Хусайна и Уч-Кара бахадурь. Согласно приказу они отправились к низовью реки Ила⁵. Хусайн утонул в реке, и огонь его жизни погас. Когда они достигли племени врага, то разорили его, забрали имущество и животных, а хазаре, которые покорились, они разделили на группы и отправили в Самарканд.

Его величество Сахибкиран с намерением встретиться с противником дошел до местности Пайтак⁶ и отправил царевича Джахангира с отрядом победоносного войска, чтобы тот отыскал эмира Камараддина, поймал его и обезвредил. Царевич согласно приказу отправился с войском и разорил хазаре Джете, которые

обосновались в местности Уч Фарман⁷. Обнаружив Камарадина в горах, они пустились по его следу. Выгнав его из своего улуса, они разорили все его места и стоянки и забрали /26а/ жену эмира Шамсадина Туман Агу⁸ и их дочь Дилшад Агу. Царевич послал гонца и доложил об этом его величеству Сахибкирану. Его величество Сахибкиран уже пятьдесят три дня оставался в том месте (в Пайтаке). Когда эта радостная весть дошла до его высокого слуха, он выступил оттуда и прибыл в Кара Касмак⁹. Царевич Джахангир благополучно вернулся и в том месте удостоился чести целования ног [его 67] величества. Он поднес ему много добычи — невольников, коней и овец — и осчастливил Дилшад Агу целованием ковра его величества. Двустиише:

Пусть всегда будет весел Сахибкиран,
Пусть тысячи его невольниц будут подобны Дилшад.

Несмотря на молодость [царевича Джахангира], благодаря свету счастья его величества Сахибкирана, его рукой было сделано крупное дело — полустишие:

Перед могуществом [Сахибкирана] свершение этих
дел не удивительно.

Его величество Сахибкиран, выступив оттуда, остановился в Ат Баши, а затем отправился в степь Арпа Йази¹⁰. Он провел там несколько дней в наслаждении и счастье. Мубарак шах макрит, принадлежавший к эмирам хазаре и старым доброжелателям его величества, устроил в [честь Сахибкирана] празднество и торжества и пытался снискать его расположение разными видами приличествующих услуг. Стихи:

Он крепко повязал пояс служения
Во дворце могущественного повелителя.

И царская благосклонность пожаловала его сыну Худайдаду владения Салар углана и Хусайна, которые погибли в этом походе.

ГЛАВА 19. ОТРЫВОК ИЗ «ЗАФАР-НАМЕ». РАССКАЗ ОБ АВГУСТЕЙШЕЙ СВАДЬБЕ САХИБКИРАНА С ДИЛШАД АГОЙ

Всеславный и всевышний Аллах сказал: <Женитесь на тех, что приятны вам, женщинах — и двух, и трех, и четырех>¹. Поскольку милость Аллаха пожаловала повеление многобрачия и соединения парами, то согласно призыву: <Женитесь и размножайтесь> ухватилось за подол высоких помыслов счастливого Сахибкирана в той благословенной местности и чарующей степи, и птица-феникс его желания бросила счастливую тень на ветвь дерева во владении Дилшад аги. /266/ Придворные слуги занялись приготовлением всех предметов свадьбы и подготовкой ее обрядов. Стихи:

Подготовили они одно радостное празднество,
Пожелали они вина, музыки и певцов.
[68] Устроили они такой блестящий пир, что солнце и луна
Засмотрелись на то празднество.
В тот же день, когда все было наполнено счастьем
И взгляды были склонны к соединению,
Завоеватель мира по обычаю своих предков
Сделал красавицу своей парой.

Время раскрыло уста радости для поздравления, а небо наполнило свой подол жемчугом для церемонии рассыпания жемчужин — стихи:

Чтобы на том августейшем пиршестве рассыпать жемчужины,
Небо с самого своего создания имело чашу с жемчугом.

Ликующее счастье призвало всех, простых и знатных, к увеселению. И все, что ни приходило на ум из предметов наслаждения сообразно с желанием сердца, все было уготовлено, и глаза мечты куда бы ни посмотрели, видели — стих:

Розу без повреждения от осеннего ветра,
И новую весну на ветке молодости.

[Виночерпий], держа на ладони золотую чашу, полную пурпурного вина, раздавал его повсюду. В какую бы сторону ни обращались уши, они слышали — стихи:

[Кравчий] с красотой Йусуфа, хотя и не попал в колодец,
Лицо его вобрало блеск Венеры и Луны.

Настроив саз по канонам наслаждения, они доводили мелодию этой песни на пиру Луны до дворца Венеры — стихи:

Да будет вечно радостным Сахибкиран,
Да будет его сердце веселым, а его царство
благоустроенным.

А затем, выступив оттуда, он прошел через перевал Йасси² и в Узгенде³ разбил августейший лагерь. Великая госпожа Кутлиг Туркан Ага со своей свитой, нуйонами и эмирами, выехала из Самарканда, чтобы встретить [Сахибкирана] и была ошастливлена там честью целования ковра августейшего. Исполнив обычаи поздравления и преподнесения даров, они занялись веселым пиршеством.

Когда они выехали из Узгенда и добрались до Худженда, 'Адил шах, сын Бахрама джалаира, подвязав пояс служения, устроил Сахибкирану пир, предоставил быстрых коней и внешне оказывал ему подобающие [69] услуги, однако в душе у него было другое. Он замыслил до время пира вероломство. /27a/ Поскольку божественная забота оберегала его величество Сахибкирана при всех обстоятельствах, он, благодаря своей счастливой интуиции, разглядел по признакам и приметам собрания то скрытое коварство и догадался по обстановке об их вероломстве и измене. Он вышел из собрания, сел на коня и вернулся в августейшую ставку. В то время, когда его величество направился к Камараддину, Шайх Мухаммад Байан сулдуз, 'Адил шах джалаир и Туркан арлат договорились, если им удастся, схватить Сахибкирана — стихи:

Тому, кого оберегает бог,
Никто не сможет причинить зла,
Дело его он целиком сделает удачным,
А у завистников от огорчения сгорит душа,

поэтому его величество, поддержанный счастьем, благополучно вернулся. Воинам он разрешил разойтись [по домам], а сам [повернул] к Занджир Сараю, расположенному в двух стоянках к западу от Карши, и там устроил зимовку. В ту же зиму 'Адил шах, опоясавшись ихрамом целования ковра [его величества], явился во дворец убежища мира и, согласно [айату]: <И они признались в своем грехе>⁴, своими устами доложил его величеству о тех порочных замыслах, которые он имел [на его счет]. Когда его величество Сахибкиран услышал это, то благодаря своему правильному суждению и умной распорядительности он сделал так, что будто не слышал об этом и удостоил 'Адил шаха царской милости.

Когда зима подошла к концу и с Йусуфом-солнцем произошло то, что заключено в смысле [айата] относительно Йунуса: <И поглотил его кит>⁵, был издан высочайший указ, чтобы к убежищу наместничества [Сахибкирану] собрались для похода на Хорезм многочисленные как звезды и воинственные подобно Марсу воины. Когда все нуйоны и эмиры с войсками выступили со всех краев и сторон — стихи:

Войско собралось в царском дворце
Испытанное в боях и разящее [врага] войско,

его величество Сахибкиран приказал схватить Шайх Мухаммад Байан сулдуза и допросить о его измене.

[70] После допроса стала ясна его вина, и день его счастья померк, а нить его жизни оборвалась. /276/ Его передали брату Харималик сулдуза, который был его родственником и погиб от его несправедливого меча, и он заставил его выпить тот же шербет в отместку за брата и понять смысл [изречения]: «В один день ты купишь то, что продавал весь год». [Сахибкиран] подверг также наказанию двух сыновей Байазид джалаира — 'Али Дарвиша и Мухаммад Дарвиша⁶ <Разве мы воздаем кому-нибудь, кроме неверных?>⁷. Владение туманом [Байан] сулдуза и управление им отдали Ак Тимур бахадуру.

ГЛАВА 20. ОТРЫВОК ИЗ «ЗАФАР-НАМЕ». О ПОХОДЕ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА САХИБКИРАНА В ХОРЕЗМ В ТРЕТИЙ РАЗ; О ЕГО ВОЗВРАЩЕНИИ С ПУТИ ИЗ-ЗА МЯТЕЖА САР БУГИ, 'АДИЛ ШАХА И БАХРАМА ДЖАЛАИРА

В начале весны 777 (март—апрель 1376) года, соответствующего году дракона, когда по приказу султана природы повсюду, придя в движение, выступили войска зелени, а полководец цветения, назначенный на защиту города, крепости, сада и деревьев, повел войско зелени в степи — стихи:

Войско зелени с победоносным султаном весны
Направило августейшие знамена в степи.
Вода исчезла благодаря искусству золотошвея-зефира,
Роза стала щитом, а колючка — метателем копья,

его величество Сахибкиран, благодаря внушению своего счастья и предвидящий исход прозорливости — стихи:

Твердо решил идти на Хорезм,
Его высокие помыслы предпочли сражение пиру.

Для управления Самаркандом он оставил эмира Ак Бугу, а эмира Сар Бугу, 'Адил шаха джалаира, Хитай бахадура, Илчи Бугу и других эмиров хазаре с тридцатью тысячами всадников послал в Джете, т. е. в Моголистан, и приказал им, приложив старание к поимке Камараддина, покончить с ним там, где они его найдут,— стихи:

Тридцать тысяч богатырей и храбрецов
Выступили в поисках сражения.

[71] А победоносное знамя под покровительством Творца выступило на Хорезм — стихи:

С войском, превосходящим пределы счета,
По храбрости все — не имеющие себе равных,
Свирепые львы леса сражения,
Отважные, ловкие в бою, разящие мечом. /28а/

Когда местность Се Пайе на берегу реки Джейхун благодаря прибытию полумесяца знамени, достигающего неба, стала предметом зависти четвертого небосвода, Туркан арлат со своим войском приблизился с той стороны реки к августейшему лагерю. Поскольку предопределенный срок его жизни подошел к концу, он по неверному суждению бежал в свой юрт в сторону Курзвана¹. Его величество Сахибкиран отправил вслед за ним Пулада [бахадура] с группой людей. Они гнались за ним день и ночь, и, миновав Андхуд², настигли на берегу реки Фарйаб. Туркан и его брат Турмиш Арлат, захватив со своими людьми берег реки, вступили в бой. Стихи:

Враг встал, чтобы проявить ту дерзость,
Которую проявляет анагр перед львом.
Там, где сражаются львы,
Какой прок от лисы с ее когтями.

Потерпев поражение, они рассеялись и бежали: победоносное войско пустилось вслед за ними. Пулад бахадур один настиг Туркана [арлата]. Конь Туркана устал; Туркан спешился и большой стрелой свалил [на землю] коня Пулада. Не успел Пулад подняться, как [Туркан] послал в него стрелу, однако она прошла через шапку, не причинив вреда его голове. Пулад пришел в ярость, смело напал на него, и они сцепились друг с другом. Благодаря свету счастья его величества Сахибкирана Пулад свалил Туркана на землю — стихи:

Ищущую вражду голову от тела
Отделил он клинком и вернулся довольным.

Аман Сарбадал, пустившись вслед за его братом Турмишем, схватил его и покончил с его делом — стихи:

В тот же миг он отделил его голову от тела
И сделал из его [одного] тела два.

[72] Головы обоих он доставил к подножию высокого трона. Действительно, царский порог его величества Сахибкирана был местом, куда стекались головы глав времени. Каждая голова, которую не привели туда свои ноги, была доставлена рукой других. Стихи:

Голову, которая своим челом не бьется об тот порог,
Судьба приведет туда с насилием и жестокостью.

Из группы эмиров, которых его величество [отправил] в Джете, т. е. Моголистан, /28б/ Сар Буга и 'Адил шах, зная, что вилайат [Самарканд] пустой, задумали неверное и схватили Хитай бахадура и Илчи Бугу. Хамди, которого его величество Сахибкиран оставил в Андижане на должности даруги, вступил в сговор с

ними. Собрав свои племена — джалаир и кипчак, они отправились в Самарканд и начали осаждать крепость города. Жители города ударом ослепляющей глаза и уничтожающей стрелы не допустили окружения города.

Эмир Ак Буга — правитель города — сообщил о происшедшем [слугам], стоящим у подножия царского трона. Когда войско августейшего, пройдя через Кят⁴, прибыло в Хасс⁵, это известие дошло до высочайшего слуха, и он вернулся обратно. Царевича Джахангира он направил авангардом вперед, а сам с центром войска пошел следом. Когда [Сахибкиран] прибыл в Бухару, то привел в порядок небоподобное войско и, выступив оттуда, остановился в Рабат-и Малик⁶. Царевич настиг врага в местности Кермине⁷. С обеих сторон были стянуты ряды и произошло сражение — стихи:

Уши времени наполнились грохотом барабанов,
Дракон ненависти рассыпал яд гнева.
Ты сказал бы, что от алмаза [меча] сыпится жемчуг,
Что там жемчуг! От злобы рассыпается сама жизнь⁸

Царевич Джахангир при поддержке [айата]: <Как прекрасен помощник⁹, который постоянно держал под своим покровительством победы этого государства, да будет оно вечно, одержал победу над врагами, и они бежали и отправились в Дашт-и Кипчак.¹⁰ Они нашли убежище у Урус хана и стали мулазимами его двора. Победоносный и могущественный его величество Сахибкиран благополучно прибыл в свою столицу. Разделив улус джалаир между эмирами, он рассеял и разбросал его. Царевича 'Умар Шайха он послал править Андижаном.

[73] 'Адил шах и Сар Буга стали служить Урус хану. В конце концов их порочная природа и испорченность пришли в движение. Когда Урус хан уехал на летовье, они решили бежать, вынули меч измены из ножен вероломства и вступили в бой с Учи бием, доверенным лицом хана. Убив его, /29а/ они бежали оттуда, поехали в улус Джете, т. е. в Моголистан, к Камарадину, и стали подстрекать его к мятежу и смуте. Стихи:

Все плохое происходит от дурной сути:
Сумятица, зло, бедствие и мятеж.

ГЛАВА 21. ОТРЫВОК ИЗ «ЗАФАР-НАМЕ». РАССКАЗ О ПОХОДЕ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА САХИБКИРАНА НА ДЖЕТЕ, Т. Е. В МОГОЛИСТАН В ЧЕТВЕРТЫЙ РАЗ

Когда Сар Буга и 'Адил-шах присоединились к Камарадину, они постоянно раздували [в нем] огонь давней вражды, присущей его натуре. Камарадин выступил с войском и вместе с ними прибыл в область Андижан. Хазара казахов, изменив царевичу 'Умар Шайху, примкнули к Камарадину. Царевич, укрепившись в горах, послал к его величеству Сахибкирану человека по имени Данишманд¹ и доложил, что враг прибыл с большим войском и опустошил Андижан. От этой вести у его величества вспыхнуло пламя гнева, и он поспешно отправился в путь.

Когда Камарадин узнал о выступлении его величества, нога его твердости сдвинулась с места и он без промедления повернул обратно. В местности Ат Баши он отправил назад свою семью и людей, а сам с четырьмя тысячами снаряженных всадников устроил засаду. Когда его величество Сахибкиран прибыл в ту местность, он не знал о засаде Камарадина и отправил вслед за врагом эмиров со всем войском. С ним остались пять тысяч отборных всадников с группой военачальников, таких как эмир Муаййад, Хитай бахадур, Шайх 'Али бахадур и Ак Тимур. Хитай бахадур и Шайх 'Али бахадур говорили об уничтожении противника, о храбрости и геройстве, и пламя гнева вспыхнуло. Они тоже поскакали за врагом, и остальные присоединились к ним. Таким образом, с его величеством Сахибкираном остались не более двухсот человек. Камарадин, воспользовавшись удобным случаем, выскочил из засады с четырьмя тысячами беспощадных разящих мечом всадников и, /29б/ безжалостно обнажив меч ненависти, направился к его величеству Сахибкирану. [74] Вдохновение увеличивающегося день ото дня predetermined счастья донесло до ушей жизни его величества [айат]: < Сколько небольших отрядов победило отряд многочисленный с доизволения Аллаха², и никакой страх и волнение не нашли доступа к его благословенной душе. Ободряя своих людей, он придал им смелость [словами]: «Победа и удача принадлежат к дарам щедрого Господа, и не следует связывать их с обилием рати и снаряжения; надо проявить храбрость, а если мы допустим малейшее промедление, то дело уйдет из рук». Стихи:

Сказал он это и пустил коня с места,
Вступил он на поле боя с помощью Господа.
Бил он мечом и тяжелой палицей,
Нападая, он поворачивал коня во все стороны,
При каждой атаке сокрушал один отряд,
Из каждой раны выпускал ручей крови,
И всех их опрокидывал он разом,

Погнал он коня на центр [врага].
Таким образом тот благородный государь
Палицей, пикой, мечом и арканом
Громил, рубил, бросал и связывал
Головы главарей, шеи, ноги и руки.

Поскольку его величество могущественный Сахибкиран сам лично самоотверженно участвовал в бою и приложил такое старание, которое может быть только результатом небесного содействия, то и его победоносные войны также проявили отвагу и мужество и, будучи в незначительном количестве, разгромили, обратили в бегство и рассеяли четыре тысячи прославленных всадников. Стихи:

Такие дела не совершаются сами по себе,
Ибо превосходство и победу дает Творец.

Если глубоко подумать о ходе дел, положении его величества и совершенных им удивительных вещах, то станет ясно, что внешние и внутренние [сущности] того великого, обладающего могуществом неба [государя] являются местом, куда падает божественная поддержка. Например, в тот день со стороны внешнего [проявления поддержки] руками его величества были совершены те [упомянутые] дела. А с точки зрения внутреннего [проявления поддержки] — это выявилось в том, что ночью, когда окошки чувств по повелению [айата]: <И сделали сон Вам отдыхом>³, закрылись занавесом сна и естественное дыхание естества направилось [75] вовнутрь, он увидел в праведном сне, являющемся одной частью из сорока /30а/ шести частей пророчества, через чистоту зеркала своей светлой души лик Шайха Бурханадина Килича, <да помилует его Аллах и будет им доволен>. С большой учтивостью [Сахибкиран] подошел [к нему] и попросил помощи превосходному царевичу Джахангиру, которого он оставил больным в Самарканде, и сказал: «Выпроси у всевышнего Аллаха моего сына». Шайх ответил: «Будь с Аллахом», — и ничего не сказал о его сыне. Когда Сахибкиран проснулся, то понял, что [исход] того дела будет не по его желанию. От сильного беспокойства он тотчас же отправил из Санг Куля⁴ с письмом своего личного секретаря Кутлуга, чтобы тот привез достоверную весть [о сыне]. Когда тот (секретарь) уехал, он вновь увидел сон о сыне. Тревога в его благословенной душе возросла. Эмирам и мулазимам он сказал: «Не скрывайте от меня, что с ним» (Приведено по «Зафар-наме», с. 330.). Они пали ниц и самыми сильными клятвами уверяли, что мы, мол, рабы божьи, об этом ничего не ведаем и о царевиче ничего не знаем.

Он снялся оттуда и пустился в путь. В Санкиз Йагаче они вновь настигли Камараддина и произошло сражение. [Камараддин] вновь потерпел поражение и бежал. Эмир Уч Кара, преследуя его, погнался за ним. Когда они прошли часть пути, Камараддин повернул назад с восемью наукарами. Его окружили, коня свалили стрелой; ему тоже нанесли много ран. В конце концов пешим и измученным он спас свою жизнь. Пулат бахадур <в том бою был ранен в руку. По божьему повелению по дороге случился пожар. Пулад бахадур хотел потушить огонь и от чрезмерных движений (Дополнено по «Зафар-наме», с. 331.) его рана раскрылась, и он скончался от нее.

ГЛАВА 22. ОТРЫВОК ИЗ «ЗАФАР-НАМЕ». О КОНЧИНЕ ЦАРЕВИЧА ДЖАХАНГИРА

Когда его величество Сахибкиран вернулся из Ата Кума и, переправившись через Сейхун, прибыл в стольный город Самарканд, все столпы государства, вельможи страны, люди знатные и благородные — стихи:

Все, одетые в черные и синие [платья],
Проливая реки крови сердца из глаз,
Все от горя, посыпая на голову прах, /30б/

Разорвав подобно их одеждам свои груди, [76] поспешили встретить его. Обнажив головы и накинув на плечи черные паласы и войлок, собравшиеся люди вышли из города и от плача шли по волнам крови, крича и стеная, поднимая до высоты Сатурна слова стиха:

Как жаль того Джахангира благочестивого и справедливого,
Жизнь которого развеялась по ветру подобно цветку
в молодости.

А слова стиха:

Как жаль того могущественного царя,
Который ушел, и с ним завершилось дело времени —

они донесли до ушей [ангелов], совершающих молитвы на вращающемся небосводе.

Увидев это, его величество Сахибкиран понял, что случилось то, что подсказывало его предчувствие. Стихи:

Как только шах узнал о кончине сына,
Мир померк в его глазах,
По щекам катились слезы, а тело [одело] траур.
Разгневалось время на себя.

Вся страна, которая должна была быть благодаря блеску шагов его величества Сахибкирана цветником радости и веселья, превратилась в место траура и рыданий от ужаса того терзающего душу и сжигающего сердце события — стихи:

Все воины погрузились в траур,
Все одежды их — синие и черные.
Головы склонились к темной земле,
Глаза у всех наполнены кровью, а сердца разорваны.
Все собравшиеся стали рыдать и плакать,
Они как бы жарились на горящих углях.

Его величество Сахибкиран от этого события погрузился в печаль и был подавлен, ибо [изречение гласит]: <Наши потомки — наши сердца>. Однако высокий ум понимал, что смерть каждого сотворенного относится к обязательным [предписаниям], а вечность каждого созданного — к невозможному. Поэтому [Сахибкиран] сделал бальзамом для той раны указание благой вести (айата): <И обрадуй терпеливых>¹ <и тех, которые, когда их постигнет бедствие, говорят: «Поистине, мы принадлежим Аллаху, и к нему мы возвращаемся»>².

[77] И для успокоения души покойного блаженного царевича он осуществил благотворительные дела, раздал нуждающимся милостыню, приступил к выполнению обряда раздачи еды бедным людям. Стихи:

/31a/ Построили великолепную гробницу для него
Украсили ее так, как подобает царям.

Он прожил двадцать лет и от него осталось два сына: царевич Мухаммад Султан от Ханзаде и царевич Пир Мухаммад, родившийся через сорок дней после кончины царевича от Бахт Аулк Аги, дочери Илійаса Йасури. Смерть [Джахангира] произошла в 777 (1375—1376) году, соответствующему году дракона. Из-за этого несчастного события эмир Сайфаддин охладел к этому непрочному и вероломному миру и, испросив разрешения у его величества Сахибкирана, уехал в Хиджаз.

ГЛАВА 23. ОТРЫВОК ИЗ «ЗАФАР-НАМЕ». РАССКАЗ ОБ ОТПРАВЛЕНИИ САХИБКИРАНОМ ВОЙСКА ПРОТИВ КАМАРАДДИНА

От горя из-за смерти сына его величество Сахибкиран убрал тень своего внимания от устройства дел царства и управления страной. Стихи:

Этот мир не стоит того,
Чтобы из-за него у меня в душе была боль.
Для одного унылого холмика земного
Зачем удерживать свою душу [в этом мире?]
Зачем ради такого краткого дела [как жизнь]
Бежать во все стороны?

Знатные эмиры и нуйаны, явившись к подножию трона убежища наместничества [Сахибкирана], облобызали губами искренности землю покорности и доложили устами доброжелательства, что мудрость могущественного Творца мира сделала зависимым устройство мира от существования могущественных царей, а средством спокойствия и благополучия человечества, которое является целью создания [мира], Аллах сделал справедливость и правление высокостепенных миродержцев. Стихи:

Дозволенное и недозволенное исчезнет из мира,
Если шахский кинжал находится в ножнах.
А если меч султана заржавеет,
То поверхность зеркала веры помутнеет.
Падишах — тень всемогущего [Аллаха] и
От этой тени мир обретает красу.

[78] Блеск правосудия счастливого царя
Для мира лучше, чем свет солнца.

До тех пор, пока небо служит местом поклонения ангелов,
Будут существовать добро и зло.
Да будет в твоих объятиях невеста мира,
Да будут брошены к твоим ногам все богатства мира

Если цель августейшего добиться одобрения Творца, /316/ то лучшего средства для этого, чем справедливость и оберегание подданных, нельзя и вообразить, ибо первый и последний, совершеннейший и ученейший [пророк], <да будут над ним благословения и лучшие приветствия>, предпочел шестидесятилетнему поклонению результат часа жизни, потраченного на проявление справедливости:

Твори справедливость, ибо в области правосудия
В дверь пророчества постучит справедливый

Его величество Сахибкиран ушами согласия внял словам своих рабов, так как они исходили от доброжелательства и искренности и, направив энергию на устройство дел страны, отдал приказ готовить войска.

В это время пришло сообщение о том, что 'Адил шах джалаир с несколькими людьми бродит в горах Караджик¹. Его величество Сахибкиран послал на его поиски Барат ходжа кукалдаша и Илчи Бугу с пятнадцатью всадниками. Выступив из Самарканда, они пустились в путь. По прибытии в Отрар² они отобрали группу людей и стали искать 'Адил шаха в тех горах. Его схватили в местности Ак Сума³ и казнили. Ак Сума представляет собой столбообразное сооружение, построенное на горе Караджик в качестве сторожевой башни; отсюда велось наблюдение за Дашт-и Кипчаком.

Сар Буга, отклонившийся от правильного пути, затеял смуту и бежал. Через два года, благодаря руководству указывающего [правильный] путь разума, он вновь явился к порогу убежища мира [Сахибкирана]. Царское милосердие простило ему его грехи и пожаловало в управление территорию его племени.

Затем украшающее мир мнение (Сахибкиран) приказало царевичу 'Умар шайху вместе с Ак Бугой, Хитай бахадуром и другими эмирами выступить против Камараддина и приложить большие старания для его уничтожения.

Согласно приказу они выступили и, двигаясь как можно быстрее, настигли Камараддина у подножия Карату и благодаря счастью державы (Сахибкирану) превратили в битве с ним изумрудный цвет меча в [79] гранатовый. Лица врагов пожелтели от страха, /32a/ и они рассеялись подобно соломе от порыва ураганного ветра. После бегства Камараддина победоносное войско, разорив его улус, вернулось с большой добычей и рабами. Стихи:

Войско шаха, убежище подданных, уничтожающее врагов,
Куда бы не направлялось оно, возвращается с добычей.

ГЛАВА 24 ОТРЫВОК ИЗ «ЗАФАР-НАМЕ». РАССКАЗ ОБ АВГУСТЕЙШЕМ ПОХОДЕ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА САХИБКИРАНА С НЕБОПОДОБНЫМ И ОБИЛЬНЫМ КАК ЗВЕЗДЫ ВОЙСКОМ В ДЖЕТЕ, Т. Е. МОГОЛИСТАН, В ПЯТЫЙ РАЗ

Когда победоносное войско с обильной добычей вернулось из похода в Джете, т. е. Моголистан, его величество Сахибкиран в том же году вновь решил отправиться туда. Мухаммад бека, сына эмира Мусы, удостоившегося чести стать свояком его величества, эмира Аббаса и Ак Тимур бахадур он отправил вперед в качестве авангарда. Двигаясь согласно приказу ночью и днем, они настигли Камараддина в Бугаме Иссик Куля¹. Обратив его в бегство одним мужественным сражением, они разорили его иль и, полонив его людей, увели их в рабство. Его величество могущественный Сахибкиран сам, своей славной особой, преследовал их до местности Кочкар². В той местности высокому слуху (Сахибкирану) сообщили, что прибывает Туктамиш углан, который, опасаясь Урус хана узбека, обратил лицо надежды к порогу убежища мира [Сахибкирана]. Его величество Сахибкиран приказал эмиру Туману соблюсти обряд встречи, принять его с почетом и уважением. Сам он благополучно возвратился через дорогу на Йумгал³ и прибыл в Узгенд. Выступив оттуда, он счастливо расположился в Самарканде.

Эмир Туман привел Туктамиш углана, которого столпы государства доставили к его величеству Сахибкирану. Его величество отнесся с большим почтением к его прибытию, и царское благородство не упустило ни одной минуты в оказании ему почестей. После исполнения обряда приема Сахибкиран одарил его и его людей таким количеством даров — золото, жемчуг, халат, пояс, оружие, ткани, /32b/ конь, щит, палатки, шатер, барабан, знамя, войско, свита и другие атрибуты царского величия, — что описание их не вмещается в [80] изложение и невозможно описать их пером. От глубокого уважения и заботы он назвал его своим сыном.

ГЛАВА 25. ЗАВЕРШЕНИЕ ДЕЛА ЭМИРА КАМАРАДИНА

Я слышал от надежных людей Моголистана, что будто в Кул-и Качуре эмир Камараддин заболел водянкой в такой степени, что [кожа] разорвалась выше лобка и потекла жидкость. Между тем поступило сообщение о выступлении войска Амира Тимура. У Камараддина не осталось сил даже сидеть на коне и держать поводья. [Его люди] увели его в лес и оставили там с двумя рабынями и с провизией на несколько дней. [Остальные] люди бежали. Сколько бы его [потом] ни искали в лесу, не нашли и следа ни от него, ни от его спутниц, ни живых ни мертвых. Его злодеяния люди постепенно стали забывать. После него Амир Тимур успокоился на счет Моголистана и в шестой раз не пошел туда. Одним словом, моголы обрели спокойствие.

ГЛАВА 26. УПОМИНАНИЕ О РАННЕМ ПЕРИОДЕ ЖИЗНИ ХИЗР ХАНА Б. ТУГЛУК ТИМУР ХАНА¹

Ранее было изложено, что последним из детей Туглук Тимур хана был Хизр ходжа хан, которого грудным ребенком спасла от жестокости Камараддина Мир Ага, мать эмира Худайдада. Когда Хизр хан достиг двенадцатилетнего возраста, то, опасаясь Камараддина, его увезли из Кашгара. Эмир Худайдад хотел, чтобы его сопровождали надежные люди. Мир Ага воспрепятствовала этому и сказала: «Не делай никого из своих мулазимов его спутником, потому что, когда он (Хизр) станет ханом, эти люди невольно окажутся в почете. Когда они окажутся в почете, твои сыновья станут их врагами, так как будут думать, что люди их не уважают, и будут говорить, что настоящие слуги [хана]—это они, по этой причине начнется вражда. Ты сделай его спутниками посторонних людей, а не своих мулазимов».

Итак, для сопровождения [Хизра] назначили двенадцать человек из посторонних людей. /33а/ Все они стали эмирами, [потомки их] есть и сейчас. Один был из [племени] чагирак — эмиры итарджи принадлежат к его роду. Другой — купец из Хорезма; эмиры кунджи² из его потомков. Еще один — охотник из Чалиша³. Его сыновья тоже стали эмирами, их называют «кушчи» — «сокольничий» и еще называют «кукалдашами». Вот те [81] люди, которые достигли эмирского звания. Остальные из двенадцати человек также стали обладателями высоких должностей.

Одним словом, Хизр ходжа хана увезли в горы, расположенные между Бадахшаном и Кашгаром. Когда лазутчикам эмира Камараддина стало известно об этом, они убежали из тех гор и направились в горы Хотана. Поскольку они опасались [оставаться] и там, то ушли в сторону Сариг Уйгура, Черчен (В Т, Л₁ 28а неясно — Хайрхан; R — Джурджан.) и Луб Катака. В тех краях они прожили двенадцать лет. Как только Камараддина не стало, народ стал искать себе хана. Эмир Худайдад послал в те края человека и привез оттуда Хизр ходжа хана. Собрался народ и провозгласил его ханом, и на лице государства и ханства моголов появился блеск. Дела Моголистана стали процветать. С Амиром Тимуром они заключили мир и сосватали за него Тукал ханом, одну из добродетельных [девиц] кельи целомудрия ханства. Так сказано в «Зафар-наме». Изложение того длинно, и вот [краткое] содержание [тех событий].

Во время своего правления хан вел священную войну с Хитаем. Турфан и Караходжа⁴ входили в Хитай и являлись важнейшими городами того края. [Хан] сам лично ходил туда со священной войной, одержал победу, распространил там ислам, так что и ныне [те места] являются обителью ислама, и трон могольских ханов после Кашгара находится там.

Рассказывают, что во время той священной войны [Хизр хан] разделил владения по священному шариату. На долю хана пришелся один [кусочек] атласа и одна серая корова. Он был ханом, придерживающимся норм ислама, некогда принятого Туглук Тимур ханом.

Амир Тимур в его время переселился в обитель вечности. В «Зафар-наме» /33б/ записано, что после того как Амир Тимур успокоился на счет западных и северных областей, он направился в страны Востока, самой крупной из которых являлся Хитай. Он привел в порядок войско. Изложение того длинно. Краткое изложение этого таково: он создал восьмисоттысячное войско, снабдил его фуражом на семь лет, так же, как он снабдил в походе войско в Ираке и Руме (Малой Азии). Поскольку области между Хитаем и Мавераннахром мало благоустроены, то после огромных стараний в [создании] больших запасов провианта он отдал [82] приказ взять на каждого человека по две дойные коровы и по десять дойных коз с тем, чтобы когда кончатся припасы, сначала пойдет в пищу их молоко, когда же кончится и оно, продуктом питания станет скот.

Устроив все таким образом, он выступил из Самарканда. Ту зиму он провел в Туркестане. К Хизр ходжа хану он послал человека, чтобы тот по возможности приложил старание к земледелию и подготовил провиант для войска.

Не раз я слышал от отца, <да сделает Аллах лучезарным его блеск>, что ранней весной в Кул Туба, в известной местности Моголистана, появился первый кумыс, и по древнему обычаю моголов в тот день устроили пир. Эмир Худайдад держал перед ханом чашу с кумысом, и когда один из знатных столпов государства доложил о прибытии посла Тимура и содержании привезенного послом письма, хан сказал: «Тяжко, когда нет силы для сопротивления. Надо освободиться, уплатив дань». Держа чашу кумыса в руке, хан погрузился в размышление. Эмир Худайдад сказал, что сейчас нужно пить чашу услады, и привел содержание этого бейта:

Печаль о завтрашнем, ненаступившем, дне причиняет

мне сейчас беспокойство,
Лучше, если я отложу на завтра завтрашние дела.

И он добавил: «Говорят, что если яблоко бросить в небо, то до того, как оно упадет на землю, всевышний господь совершит <сотню благодеяний, так и до следующего года у всевышнего будет несколько тысяч благодеяний (Добавлено по Л₁ 286; Л₃ 18a). Этот миг вы должны провести в веселье».

Не успел он закончить свою речь, как они увидели скачущего на черном коне с берега Керйаса⁵ человека в белой одежде. Он доскакал до лобного места — «джаллад-хана». /34a/ Среди людей существовала условность, что около этого места они сходили с коней, а тот человек проскакал мимо и доехал до того собрания, где сидели люди. Йасаулы поднялись со всех сторон, чтобы удержать его, а он продолжал скакать, пока не приблизился к хану и не крикнул, что Амир Тимур скончался в Отраре. Затем он повернул назад и таким же образом ускакал. Сколько ни кричали ему: «Стой, сообщи толком»,— он не обратил на это внимания и [83] скакал. За ним послали много людей, но сколько они ни гнались за ним, его не догнали. Кроме этого, ничего не было известно. Через сорок пять дней пришло известие, что Амир Тимур скончался в Отраре. Действительно, это оказалось правдой, и хан избавился от той печали и заботы [о земледелии].

Хан (Хизр) родился до 770 (1368—1369) года, а это упомянутое событие произошло в 807 (1405) году. И не известно, через сколько лет после Амира Тимура скончался Хизр ходжа хан, «а Аллах знает лучше». Когда [Хизр] хан утвердился на троне ханства и на престоле царства, основа ханствования, которую трясло из-за власти эмира Камарадина и господства Амира Тимура, упрочилась. Он вновь придал блеск древним обычаям и правилам, которые стали исчезать. Он восстановил дела страны и права столпов государства. Одним из них было дело эмира Худайдада. Предка эмира Худайдада, жившего при Чингиз хане, которому Чингиз хан пожаловал семь привилегий, звали Уртубу. Вот их перечень: первая — барабан, вторая — знамя, которое по-тюркски называют «туман туг» — «тысячное знамя», и «нагара» — литавры; третья — двум из своих мулазимов он вручает «кушун туг», который состоит из «чар-бар туга»; четвертая — в собрании хана он имеет право носить оружие, а у моголов есть такое правило: никто, кроме хана, в собрании не должен иметь при себе /346/ колчан. Пятая — каждый, кто будет участвовать в его охоте, будет ли то охота на птиц или на зайцев, будет его наукаром. Это по-тюркски передали так: «Нацелившийся на журавля и окруживший зайца пусть не выходит из ряда его охоты». Шестая — он является эмиром всего улуса моголов и в указах его имя пишут так: «Сардар («глава») улуса моголов». Седьмая — он должен сидеть во главе дивана, а [эмиры] садятся подале, с двух сторон от него на расстоянии лука. Вот семь привилегий, пожалованных Чингиз ханом Уртубу.

Когда эмир Бутаджи привез Туглук Тимур хана из земли калмаков и посадил на трон ханства, о чем уже было сказано, [Туглук Тимур] прибавил к тем семи привилегиям еще две, так что их стало девять. Первая он получил право, не докладывая хану, самостоятельно снимать или назначать на должность эмира кушуна, т. е. [эмира] над тысячей наукаров. Вторая — потомков эмира Буладжи до совершения ими девяти проступков не привлекали к ответу. Когда же кто-нибудь из них совершит девять проступков, его везут к [84] месту допроса на белом двухгодовалом коне. Под ноги коня в знак уважения стелят девять белых войлоков, его слова к хану будет передавать [эмир из рода] барлас, а слова хана к нему — [эмир] из рода арканут. И после такого допроса, если будут установлены девять его проступков и вина его будет доказана, он заслуживает казни — ему вскроют яремную вену, а два упомянутых выше эмира будут держать его с двух сторон. Когда из его тела вытечет вся кровь и он погибнет, эти два эмира, рыдая, вынесут его.

[Туглук Тимур хан] подписал указы, подтверждающие девять привилегий. Я видел тот указ Туглук Тимур хана, который достался моему отцу от предков, «да сделает Аллах лучезарным его блеск». [Указ] исчез в смутную пору Шахибек хана⁶. Он был написан по-могольски и [могольской] графикой весной, в год свиньи, в Кундузе. Основываясь на этом, считали, что власть Туглук Тимур хана простиралась до Кундуза. /35a/ Никто ничего не знает о жизни хана, однако я в этой «Истории» привел все, что написано о нем в «Зафарнаме».

Когда стараниями эмира Худайдада, сына эмира Буладжи, Хизр ходжа хан спасся от той страшной пропасти эмира Камарадина и на троне ханствования восстановил обычай своего благородного отца, в устройстве дел эмира Худайдада он проявил большое старание и к девяти упомянутым привилегиям добавил еще три (Далее во всех списках приведены только две привилегии из трех), и их стало двенадцать. Первая состоит в том, что два дня в дни празднества йасавул хана и йасавул эмира [Худайдада] должны стоять на конях первый по правую сторону хана с вином с чашей хана, а второй — по левую сторону с чашей эмира Худайдада (Приведено по Л₁ 296 (в Т текст испорчен)). И те две чаши специально предназначены для хана и Худайдада. Вторая [привилегия] — право ставить печать на указе таким образом: там, где кончается указ, ставит печать эмир Худайдад, а в начале той же строки «ставит печать хан (Добавлено по Л₃ 20a). Указы на эти двенадцать привилегий Хизр ходжа хан подписал на имя Худайдада.

Двенадцать привилегий после [смерти] эмира Худайдада перешли к его сыну, эмиру Мухаммад шах гурагану. «После эмира Мухаммад шаха они перешли к [85] его племяннику со стороны брата, к эмиру Саййид Али гурагану (Добавлено по R 56). После эмира Саййида 'Али [эти привилегии] перешли к его сыну Мухаммад Хайдару мирзе гурагану, а после Мухаммад Хайдара мирзы — к его сыну Мухаммад Хусайну мирзе гурагану. Этот Мухаммад Хусайн гураган является отцом сего раба, Мухаммад Хайдара, более известного среди людей как Мирза Хайдар.

После мученической смерти моего отца, <да сделает Аллах лучезарным его блеск>, мой дядя Саййид Мухаммад мирза примкнул к султану-мученику Султан Са'ид хану. Мученик хан Са'ид, <да введет Аллах его в райский сад>, утвердил за моим дядей эти привилегии. Об этом написано во второй книге «Та'рих-и Рашиди». Действие этих привилегий, начало которым было положено при Чингиз хане, до 625 (1227—1228) года, продолжалось до кончины [Султан Са'ид] хана и убийства моего дяди, которое произошло в мухарраме 940 (июль—август 1533) года. /356/

Когда время [жизни Султан Са'ид хана] истекло, ханство досталось Султан Рашиду. Он заменит порядки предков другими, противоположными. Слава Необходимо существу, благосклонному Творцу, что когда он довел очередь до меня, то сделал меня свободным от рабства к кому бы то ни было и не нуждающимся в каком-либо хане. Какие там его привилегии! О боже, твоя беспредельная милость бескорыстна. Частица ее — спасение людей в этом и потустороннем мире. Таким же образом, как внешне ты освободил меня от рабства из-за хлеба насущного, так освободи и мой внутренний мир от всего и сделай своим пленником. Стихи:

О боже, отврати всех людей от меня,
Держи меня подальше от мирян,
Очисти мое середе от всего,
В моей жизни направь меня в одну только сторону

ГЛАВА 27. УПОМИНАНИЕ О МУХАММАД ХАНЕ¹

Этот Мухаммад хан является сыном Хизр ходжа хана. Кроме Мухаммад хана, у Хизр ходжа хана были еще сыновья. Среди них — Шам'-и Джахан хан, Накш-и Джахан хан и другие. После Исан Буга хана, кроме Туглук Тимур хана, из чагатайских ханов никого не осталось в стране моголов. Об этом уже сказано. [86] После [смерти] Туглук Тимур хана эмир Камараддин уничтожил всех потомков Туглук Тимур хана, кроме Хизр ходжа хана. Об этом тоже было сказано. После Хизр ходжа хана осталось много сыновей и внуков. Подробности их жизни не сохранились в заслуживающих доверия преданиях моголов. В общем мне достоверно известно только то, что относится к [жизни прямых] предков хана, что же касается жизни их дядей, двоюродных братьев, то подробно [о них ничего] не известно. Из детей Хизр хана упоминается только Мухаммад хан, на котором завершается род могольских ханов.

Мухаммад хан был могущественным правителем хорошим, справедливым мусульманином. Он приложил много усилий для того, чтобы большая часть улуса моголов в его благословенное время приняла ислам. Он проявлял чрезмерную строгость в деле распространения ислама среди моголов. Так, например, известно, что если какой-нибудь могол не надевал чалму, то в голову ему вбивали подковный гвоздь. Такого рода усилий он приложил много, <да воздаст Аллах ему добром>. В устах моголов бытует, что эмир /36a/ Худайдад своими руками возвел на трон шестерых ханов. Одним из них был этот Мухаммад хан.

Мухаммад хан построил рабат на северной стороне перевала ЧаDIR Кул². При его постройке использовали такие крупные камни, которые, кроме как в постройках Кашмира, больше нигде не встречались. Тот рабат имеет арку, высота которой составляет двенадцать газдов. Когда войдете через его ворота и пройдете от ворот вперед около тридцати газдов, будет очень красивый купол [высотой] примерно около двадцати газдов. Перед куполом есть проход, вокруг купола построены небольшие удобные кельи. На западной его стороне выстроена мечеть в пятнадцать газдов [высоты]. Соединительных швов [у здания] не более двадцати, и все они целиком сделаны из камня. Над всеми его дверьми положено по одному большому куску камня — [строения] казались очень необыкновенными пока я не увидел зданий Кашмира. Тот [перевал] ЧаDIR Кул называют еще по названию того рабата перевалом Таш Рабат³.

В пору Мухаммад хана в Мавераннахре от имени Мирзы Шахруха⁴ правил ученый Мирза Улугбек⁵, который [известен] по обсерватории и «Зидж-и Гурагани»⁶. Мирза Шахрух был государем Хорасана и Ирана. Даты рождения и смерти [Улугбека] не известны. Но если сопоставим даты тех времен, [то найдем], что он [87] скончался приблизительно до 860 (1455—1456) года (Правильные даты жизни Мирзы Улугбека: 19 джумада I 896/22 марта 1394 — 8 рамазана 853/25 октября 1449 г.), <а Аллах знает лучше>.

ГЛАВА 28. УПОМИНАНИЕ О ШИР МУХАММАД ХАНЕ Б. МУХАММАД ХАНЕ¹

У Мухаммад хана были потомки — в их числе Шир Мухаммад хан и Шир Али углан. После [смерти] своего отца Мухаммад хана Шир Мухаммад хан стал независимым ханом. В его пору было спокойно, и народ благоденствовал. Брат его Шир Али углан скончался во время его правления в восемнадцатилетнем возрасте и не стал ханом. От него остался сын по имени Вайс хан². Между Вайс ханом и Шир Мухаммад ханом возникли разногласия, о чем кратко будет изложено. Он процарствовал дольше Мухаммад хана и тоже был современником Мирзы Шахруха.

ГЛАВА 29. УПОМИНАНИЕ О РАННЕМ [ПЕРИОДЕ ЖИЗНИ] /366/ ВАЙС ХАНА

Султан Вайс хан — сын Шир Али [углана]. После смерти отца он находился при дяде Шир Мухаммад хане, а когда достиг совершеннолетия, то стал тяготиться этим, ушел от него и начал появляться в разных местах по обычаю казакования. В улусе моголов каждый юноша, считающий себя бахадуром и претендующий на это, шел к нему. К их числу принадлежал и эмир Саййид 'Али, мой благородный прадед. Со стороны матери я прихожусь Вайс хану правнуком, а эмир Саййид 'Али был моим [прадедом] со стороны отца. Этот мир Саййид 'Али был сыном <Саййид Ахмада мирзы, а Саййид Ахмад мирза является сыном эмира Худайдада (Добавлено по Л₂ 206; Л₃ 21а; R, 61). Для порядка необходимо написать здесь об эмире Саййиде 'Али.

ГЛАВА 30. УПОМИНАНИЕ О МИР САЙЙИДЕ АЛИ И РАССКАЗЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К НЕМУ

Эмир Худайдад пребывал в Моголистане на службе у ханов, как уже было упомянуто. Кашгар, который является родиной [эмира] Худайдада, достался предкам упомянутого эмира в качестве икта от Чингиз хана. Об этом написано во второй книге при упоминании Кашгара.

[88] Этот эмир Саййид Ахмад заикался. Его слова могли понимать только те, у которых была практика общения с ним. Был он и туг на ухо, так что говорить с ним нужно было погромче. Его благородный отец [Худайдад] послал его правителем в Кашгар. В Кашгаре он правил долго. Из кашгарской знати большую власть тогда обрел человек по имени Ходжа Шариф. Все люди обращались к нему за советом и помощью. Был он человеком остроумным и жизнерадостным. Недовольный Саййид Ахмадом мирзой он обратился к Мирзе Улугбеку и передал ему Кашгар. Эмир Саййид Ахмад бежал из Кашгара к отцу и вскоре скончался там.

Эмир Саййид 'Али, сын Саййид Ахмада мирзы, находился возле деда. Эмир Худайдад отличал своей любовью Саййида 'Али, и отдавал ему предпочтение перед остальными сыновьями, так как не было ему равных ни по росту, ни по силе и храбрости, ни по уму и смелости. Его называли «Саййид 'Али Алиф» — «Саййид 'Али [длинный] как [буква] алиф».

Когда эмир Саййид 'Али взял дочь Исан Буга хана [в жены] для своего сына Мухаммад Хайдара, о чем будет упомянуто, /37а/ то для гушаки он забил гвоздь в стену, и я его видел. Если один человек встанет прямо, а другой, встав ему на плечи, вытянет руку, то рука не достанет до гвоздя примерно на один газ. Вот из-за чего эмир Худайдад любил эмира Саййида 'Али больше других своих сыновей.

В те дни прибыл сюда некий Ахмад мирза из тимуридских мирз, бежав из дома Мирзы Шахруха. У него была сестра, в которую влюбился эмир Саййид 'Али. Эмир Худайдад и [другие] люди стали посредниками и сватали ее. Однако сколько они ни уговаривали [ее брата], он не соглашался, [говоря]: «Я не могу оставаться в Моголистане. Если он вместе со мной поедет в мою страну, то это может быть улажено». Вскоре они уехали в свой вилайат [Мавераннахр]. Эмир Саййид 'Али поехал вместе с ними в тот вилайат. Когда они приехали в Андижан, Мирза Улугбек подослал человека, убил Ахмада мирзу и сам сочелся браком с его сестрой, а эмира [Саййида] 'Али заключил в тюрьму в Самарканде. Год он находился под арестом, в конце концов он заболел расстройством желудка. Поскольку он был близок к смерти, Мирза Улугбек послал лекарей. Сколько они ни лечили его, не помогло. Тем временем однажды кто-то принес кумыс. Мир [Саййид 'Али] попросил у лекарей, [говоря]: «Поскольку нет **[89]** действенного лекарства, то дайте мне кумыса». Лекари сказали: «Возможно, кумыс придаст ему силу»,— и дали ему кумыса столько, сколько он хотел. Сразу у него появились признаки выздоровления. На другой день дали ему еще, и он выздоровел.

В те дни Мирза Улугбек поехал навестить своего благородного отца Мирзу Шахруха. Поскольку эмир Саййид 'Али выздоровел, он приказал выдать ему коня и оружие, чтобы тот поехал вместе с ним в Хорасан. Целью Мирзы [Улугбека] было показать людям Хорасана эмира Саййида 'Али, [как бы говоря]: «Вот какие у нас в Моголистане противники». Однажды ночью в Карши Мирза [Улугбек] находился в палатке, а факельщики проходили мимо. Из /37б/ палатки он вдруг увидел стрелу Саййида 'Али, длина которой составляла четырнадцать кулаков, а об остальном можно было судить по этому. Мирза подумал: «Если он выстрелит в меня и уйдет, то кто помешает ему?» Мирза [Улугбек] испугался, тут же вызвал Мир Саййида 'Али и сказал: «Ваша поездка в Хорасан очень тяжела для вас. Вам нужно вернуться назад и побыть в Самарканде. Когда я вернусь из Хорасана, то отпущу вас в Моголистан. Вы будете посредником между нами и Шир Мухаммад ханом, пока дела не устроятся миром». Он сказал еще кое-что в этом роде и разрешил ему ехать назад. Вместе с ним он послал человека, [говоря]: «Пусть окажут Мир Саййиду 'Али почет и уважение и берегут». Однако секретно он сказал: «Передайте правителю, чтобы он держал Мир Саййида 'Али в заключении».

Когда Мир Саййид 'Али вместе с тем человеком прибыл в Самарканд, то по поведению того человека догадался, что он ведет его не для оказания ему почестей. Когда они вместе приехали в Самарканд, тот человек оставил Мир Саййида 'Али в одном доме, а сам пошел к правителю. В тот же миг Мир оставил тот дом и пешком отправился в Ташкент. Когда тот человек вместе с правителем вернулся в дом Мира, то там находились конь, снаряжение и мулазимы эмира, а сам Мир исчез. Они спросили у мулазимов Мира, те ответили: «Он только что ушел пешком». Сколько они не искали его, не нашли.

Мир по пути примкнул к Каландарам, и в одежде Каландара прибыл в Ташкент. Каландары прозвали Мира «Уштур Абдал» — «Дервиш-верблюдо». Каждый нагружал на Мира провизию, шкуры и всякий ненужный груз. Так в качестве Каландара он дошел до **[90]** Тараза, который называется еще Йанги. Шайх гробницы «асхаб-и кахф» — «товарищи по пещере», которого по-могольски называют «Ишан мулкат Ата», узнал

эмира [Сайида 'Али]. Он поручил своему сыну по имени Шади́ка сопровождать эмира, и тот доставил эмира в Моголистан к эмиру Худайдаду. Этот Шади́ка Шайх стал одним из приближенных эмира [Сайида 'Али] и получил прозвище «Шади́ка-вафадор» — «преданный Шади́ка». И ныне есть его потомки, но у них уже нет такого почета.

Короче говоря, когда Мир [Сайид 'Али] был осчастливлен службой своему благородному деду Худайдаду, в это время Султан Увайс (Вайс) хан, отойдя от Шир Мухаммад хана, своего дяди, /38a/ занялся казакованием. Эмир Худайдад сказал эмиру Саййиду 'Али: «Мне кажется, что лучше тебе отправиться к Увайс хану, потому что здесь ты пропадешь». Эмир [Худайдад] дал Мир Саййиду 'Али в спутники шестьдесят (В Л₂ 346 — «шесть») человек из молодых людей и отправил к Увайс хану.

Эмир [Сайид 'Али] оказал Увайс хану подобающие услуги. Хан отдал в жены эмиру Саййиду 'Али свою сестру Урун Султан ханим. Заслуги Мир Сайи́да 'Али в деле Увайс хана чрезвычайно велики. Изложение их длинно, о некоторых из них будет написано при упоминании о Вайс хане.

ГЛАВА 31. КРАТКО О СОБЫТИЯХ. [ПРОИСШЕДШИХ] МЕЖДУ ШИР МУХАММАД ХАНОМ И УВАЙС ХАНОМ

Когда Вайс хан бежал от своего дяди Шир Мухаммад хана, как уже было изложено, к нему присоединились другие люди. Он казаковал неподалеку от Шир Мухаммад хана. Некоторое время он находился недалеко от Луб Катака и Сариг Уйгура.

В те дни он выдал замуж свою сестру Урун Султан ханим за Мир Сайи́да 'Али. Рассказывают, что когда ханим выдавали [замуж] за Мир Сайи́да 'Али, то для устройства свадебного торжества он поехал на охоту и убил двух оленей — из мяса этих животных приготовили кушанья. Об остальных предметах свадьбы можно судить по этому.

Ничего не было устроено в тех краях. Оттуда [Вайс хан] поехал в Туркестан. В то время правителем [91] Туркестана был эмир Шайх Нураддин б. эмир Сар Буга кипчаки, принадлежавший к числу выдающихся военачальников эмира Тимура, и [Вайс хан] ушел к нему. Поскольку между Шайх Нураддином и Шир Мухаммад ханом существовала вражда, он отдал Увайс хану [в жены] свою дочь Даулат Султан Сакандж и оказал помощь [Увайс] хану с тем, чтобы он выступил против Шир Мухаммад хана.

Между Увайс ханом и его дядей долгое время существовала взаимная вражда. Чаще одерживал верх Шир Мухаммад хан. Одно из столкновений было такое. Шир Мухаммад хан находился в одной из местностей Моголистана под названием Кара (В Т — нет; в R 64 — Каранг; Л₂ 35а, Л₃ 22а — неясно) Каинлик¹. Однажды ночью, прибыв издалека, Увайс хан напал на лагерь Шир Мухаммад хана. Их было четыреста человек. Когда поднялся шум, /38б/ [Шир Мухаммад] прыгнул в овраг. Увайс хан, окружив лагерь Шир Мухаммад хана, искал его до утра, убивая всех, кого находил. Однако сколько они ни искали и ни выпытывали у людей из лагеря, они не нашли никакого следа Шир Мухаммад хана. Когда настал день, они ускакали. Шир Мухаммад хан выбрался из оврага, его люди собрались вокруг него и стали преследовать Увайс хана, так что тот едва спасся от них. Одним словом, такой страх стоял постоянно, пока, [наконец], Шир Мухаммад хан не скончался естественной смертью. Власть в ханстве утвердилась за Увайс ханом б. Шир Али.

ГЛАВА 32. О ПРАВЛЕНИИ УВАЙС ХАНА

Так очередь на ханство подошла к Увайс хану. Он был чрезвычайно благочестивым мусульманином, благородным и отличался отвагой в том семействе. Поскольку хан не позволял джете (Добавлено по Л₁ 35б; Л₃ 22 б) совершать набеги на мусульман и находился близко от неверных калмаков, то постоянно вел войны против тех неверных. Несмотря на частые поражения, он не отказывался от священной войны и дважды попадал в плен к тем неверным. Первый раз его пленили в сражении в местности под названием Минг Лак¹. Его схватили и, предполагая, что он — хан, повели к Исану Тайши² — предводителю калмаков. Исан Тайши про себя подумал: «Если он действительно принадлежит к роду Чингиз хана, то [92] должно быть не окажет мне почтения, а посмотрит на меня как на наукара». Когда привели хана, Исан Тайши был на коне. Он спешился, отвесил низкий поклон и подошел к нему, чтобы выразить почтение хану. Хан отвернулся от него и не подал руки. [Исан Тайши] проникся полным доверием к хану, оказал ему много почестей и отпустил. Когда у хана спросили, почему он обошелся неучтиво с [Исаном Тайши], он ответил: «Если бы он подошел ко мне просто, то я из-за страха за свою жизнь непременно обратился бы к нему с поклоном, но он подошел по древним обычаям неверных с поклоном и мне пришлось в голову, что настало время моей мученической смерти, а смотреть на действия какого-то неверного противоречит мусульманству. Поэтому я не поклонился». Благодаря верности религии хан спасся от такой бездны. /39а/

В другой раз он вновь дал бой этому Исану Тайши около Биш Каба, который находится на окраине Моголистана. Там хан тоже потерпел поражение. Коня хана свалили стрелой и самого его должны были вот-вот схватить. Тогда эмир Саййид 'Али спешился, отдал ему своего коня, а сам лег на землю вниз лицом. Неверные подумали, что он мертв, и стали собираться вокруг эмира. Когда они приблизились, эмир вскочил и схватил одного из них. Кстати, тот оказался одним из известных людей племени. Подняв его за джуббу как ребенка, эмир защищался им как щитом от летевших в него стрел и пешим шел впереди хана. Вот

поэтому они не могли стрелять в эмира. Подняв мужчину, облаченного в джуббу, он таким образом вел бой и прошел один фарсах, пока они не достигли реки Ила. Калмака он бросил в воду, схватил коня хана за поводья и вошел в реку; вода доходила эмиру до груди. Другие люди потонули в реке. Конь хана поплыл. Эмир, поддерживая голову коня хана, перевел хана через реку на коне и одетым в джуббу. В тот день в реке утонуло много людей.

Рассказывают, что у хана было два двоюродных брата: одного звали Султан Хусайн, другого — Лукман Султан. Один был одет в красную джуббу, другой — в синюю. Когда они вошли в воду, то оба стали тонуть. Эмир Саййид 'Али, держа одной рукой узду ханского коня, другую руку дважды протягивал к ним, пытаясь схватить одного из тонущих, но не смог дотянуться до них. Хан рассказывал, что еще долго мелькали на воде красная и синяя джуббы.

[93] После этих событий Увайс хан пожаловал эмиру Саййиду 'Али пять наград за каждую [услугу]. Первую — за то, что он отдал хану своего коня, а сам остался пешим. Вторую — за то, что схватил калмака. Третью — за то, что держал его, как щит [на протяжении] одного фарсаха [пути]. Четвертую — за то, что перевел конного и одетого в джуббу хана через реку Ила. Пятую — за то, что он, хотя держал хана, дважды протянул руку, чтобы спасти тех тонущих. Хан [впоследствии] говорил: «Я видел в эмире такую решимость, что уверен, если бы /396/ один из двух моих двоюродных братьев попал в руки эмира, то он и его перевел бы через реку». За эти пять дел он пожаловал ему пять аймаков. Первый — Туркат; второй — Хибат Ширанут (?), третий — аймак Узбек, расположенный в Хотане; четвертый — Даруга, тоже находится в Хотане. Пятый — аймак Куку (Л₂ 36а; Л₃ 23а; R 67 — Кукунот), который тоже находится в Хотане.

Султан Увайс еще раз дал бой Исану Тайши недалеко от Турфана и потерпел поражение. Хан попал в плен. Исан Тайши сказал: На этот раз я не отпущу Вас безвозмездно. В качестве выкупа Вы должны отдать мне свою сестру Махтум ханим». Хан вынужден был отдать Махтум ханим и получил свободу. Говорят, что хан шестьдесят один раз выступал против калмаков и только один раз не проиграл битвы, а в остальных [случаях] терпел поражение, <а Аллах знает лучше>.

Я не раз слышал от господина Маулана Ходжа Ахмада о том, что хан был чрезвычайно благочестивым [человеком]. Каждый год он обычно отправлялся на охоту на степного верблюда, который обитает в окрестностях Тарима³, Луба и Катака, о чем изложено во второй книге, и шерсть верблюда, которого он сам убивал и сам стриг, он приносил своей матери Султан Хатун. Она собственноручно делала пряжу и вязала из нее рубашку и штаны, поверх которых он надевал царские одежды.

В Турфане воды мало. Хан занимался земледелием и поливал посев непроточной водой из колодца, который он вырыл. Господин Маулана [Ходжа Ахмад], рассказывая мне о своих дядях [по отцу], говорил: «Мы часто видели хана, как он ко время зноя с помощью слуг поливал свои посеы, таская воду из колодца в [94] кувшинах. Посевы его были настояло ничтожными, что урожаем никогда не доходил до десяти харваров. Они служили ему продуктами питания на год».

[Увайс хан] был мюридом маулана Мухаммада Кашани. Маулана Мухаммад был мюридом Хазрата Ходжа Хасана 'Аттара, <да освежит Аллах благоуханием его могилу>, Ходжа был мюридом Хазрата полюса опоры наставничества /40а/ Ходжа Бахааддина Накшбанда⁴, <да освятит Аллах его могилу>. Вот так, несмотря на управление царством, Султан Увайс хан проводил свою славную жизнь. Эмир Худайдад уехал в Мекку в пору этого счастливого хана. Среди моголов известно, что эмир Худайдад собственными руками сделал ханами шестерых. Первым из них был Хизр ходжа хан, о котором упомянуто выше, [затем] Шам'-и Джахан хан, Накш-и Джахан хан, Мухаммад хан, Шир Мухаммад хан и последним был Увайс хан.

ГЛАВА 33. УПОМИНАНИЕ ОБ ЭМИРЕ ХУДАЙДАДЕ, ЕГО ПОЕЗДКЕ В МЕККУ И ПОСЛЕДНИХ ДНЯХ ЕГО ЖИЗНИ

О жизни и славной родословной эмира Худайдада уже было упомянуто, но в этом разделе будет сказано о других делах и о конце его славной жизни. Все моголы единого мнения о его правлении. Его славные деяния и образ правления доказывают правильность мнения моголов. Я слышал от заслуживающих доверия моголов, от своего отца, <да освятит Аллах его могилу> и от своих дядей [по отцу], <да простит Аллах их всех>, которые рассказывали о своем предке, что на протяжении всего долгого срока своего эмирства при нем находилось не менее двадцати четырех тысяч семейств. Эмир начал править еще до 765 (1363—1364) года, а отправился в Мекку до 850 (1446—1447) года. Правил он девяносто лет. Весь Кашгар, Йарканд, Хотан, Аксу, Бай¹ и Кусан целиком принадлежали эмиру. Несмотря на все это, у него не было ни табунов, ни отар [овец], часто у него не было и верхового коня. Каждый раз, когда ему надо было перекочевать с места на место, его близкие приводили ему верховых животных и переселяли его. Так было и во время походов. Вез его доходы и харадж от его владений уходили на освобождение пленных мусульман. В те времена моголы постоянно совершали набеги на Туркестан, Шаш и Андижан и вводили в плен семьи и жен мусульман. Эмир выкупал тех пленных у моголов за двойную цену [95] и отправлял их [домой], снабжая дорожной провизией. Все, что у него было, полностью уходило на это. Каждый раз [он готовил] несколько шатров для пленных. /40б/ По ночам в углу палатки с пленными эмир отделил для себя столько места, чтобы можно было сидеть там и отправлять молитву, и занавешивал его. Здесь было место для моления эмира. Все свое славное время эмир проводил таким образом.

О нем рассказывают много необычайного. Одно из них то, что я слышал от господина Маулана Ходжа Ахмада, который говорил: «Ходжа Захид Кашгари был человеком благочестивым и великим. Эмир Худайдад послал кого-то из Моголистана к жене Ходжа Захида с просьбой, [чтобы она дала] платок Ходжа Захида. Жена последнего подумала, что не подобает посылать в Моголистан какому-то моголу платок Ходжи и послала другой платок. Когда человек принес тот платок эмиру, он протер свое лицо тем платком как благословенным. В тот же миг он вернул его тому человеку и сказал: «Если это действительно платок Ходжа Захида, то у меня нет нужды в нем». Сказав это, он вернул [платок] обратно. Тот человек отнес платок обратно и отдал его жене Ходжи. Жена Ходжи очень удивилась и рассказала об этом Ходже Захиду. Ходжа Захид упрекнул свою жену и сказал: «Эмир принадлежит к разряду святых [людей], зачем ты так поступила?» Затем Ходжа послал свой платок. Когда тот человек доставил платок эмиру, последний, взяв платок, вытер им лицо, сказав: «Да, это и есть платок Ходжи». Об эмире рассказывают много необычного, подобного этому.

В том числе и это: когда славный возраст эмира дошел до девяноста семи, у него появилось сильное желание совершить хадж. Сколько бы он ни просил Вайс хана отпустить его, не удавалось. Эмир тайком отправил человека к Мирзе Улугбеку, [говоря]: «Если Мирза придет, то я, расстроив моголов, передам их ему». Поскольку моголы причиняли много вреда Мирзе Улугбеку и он давно намеревался разгромить их, он тотчас же оседлал коня. Когда он достиг окрестностей Чу², одной из известных местностей Моголистана, то эмир [Худайдад], бежав, примкнул к Мирзе Улугбеку, а моголы разбежались в разные стороны. /41a/ Когда эмир явился к Улугбеку, он сказал Мирзе: «Я поступил так потому, что мне не разрешали совершить хадж. С этим я и пришел к вам. Теперь я не вижу надобности [96] двигаться Вам дальше». Мирза Улугбек с того же места вместе с эмиром Худайдадом повернул назад и оказал много почестей и уважения Мир Худайдаду. Когда они прибыли в Самарканд, Мирза Улугбек попросил эмира, [говоря]: «Никто, как вы, не знает туры (уложения) Чингиза. Расскажите о всех его предписаниях, так как мы нуждаемся в них во всех делах». Мир сказал: «Мы посчитали уложение Чингиза плохим, целиком отказались от него и стали следовать закону шариата. Если Чингизово уложение нравится Мирзе и он, несмотря на свою ученость, оставив шариат, стал следовать ему, то мы обучим Мирзу этому уложению». Мирза смутился от этих слов, и больше об этом разговора не было.

Одним словом, эмир уехал в Мекку, где и скончался. В то время, когда мой отец, <да освятит Аллах его могилу>, поехал в Хорасан, о чем рассказано во второй книге, он встретил там одного из эмиров Султана Хусайна мирзы по имени Султан 'Али барлас, человека пожилого, в возрасте около ста лет и очень почитаемого [Султан Хусайном] Мирзой. Отец мой спросил о его предках и о нем самом. Он ответил: «Моего отца звали Шах Хусайн барлас; он принадлежал к могольским барласам. [Сюда] он приехал из Моголистана вместе с [человеком] по имени эмир Худайдад, очень почитаемым эмиром». Когда тот старец сказал это, отец мой еще больше заинтересовался и попросил его рассказать обо всем подробно. Тот рассказал: «Я был малолетним, когда Мир Худайдад отправился в Мекку. Мой отец сопровождал эмира, потому что постоянно находился у него на службе. Из-за отсутствия разрешения мы бежали из Моголистана и таким образом странствовали по городам, пока не удостоились чести поклонения славному святилищу Мекки. Когда мы возвращались из Мекки и были уже несколько дней в пути, эмир справился о Медине. Сказали: Медина осталась на другой стороне». Эмир очень огорчился и сказал: «Я проделал далекий и трудный путь и невозможно возвращаться назад, не поклонившись благоуханному саду посланника божия, <да благословит его Аллах и приветствует>». Своим мулазимам с грузом и вьюками /41b/ он разрешил возвращаться домой вместе с караваном, а сыновьям в Моголистан он отправил письма и послания, в том числе «Божье слово» (Коран), которое ныне у меня и досталось мне от предков, его берегли в нашем семействе как благословение. Одним [97] словом, эмир [Худайдад] и его жена отправились в Медину. Мой отец взял меня с собой, и мы отправились вместе с эмиром. Пройдя долгий путь, мы прибыли в Медину. Эмир удостоился чести совершить поклонение Священной могиле посланника, <да будут на нем лучшие благословения>. На ночь мы остановились в доме одного бедняка. Когда настала ночь, эмир почувствовал себя плохо. Он велел моему отцу, Шах Хусайну барласу, прочесть суру «Йа-син». Когда мой отец дошел до айата «Мислахум бала», у эмира остановилось Дыхание. Совершилось удивительное, и мы были изумлены, когда настал день, пришли благородные люди Медины и много народу и спросили: «Умер ли кто-нибудь сегодня здесь ночью?» Мы подтвердили. Пришли все, выразили соболезнование и сказали: «Мы все сегодня целую ночь видели во сне пророка. Он сказал: «Сегодня ночью к нам прибыл издалека гость, чтобы поклониться мне. Он скончался здесь. Похороните его у подножия могилы халифа 'Усмана». Затем [пророк] начертал линию острием посоха. Когда мы проснулись, утром мы все пошли туда и увидели линию». Как счастлив раб божий, который удостоился этой чести. Вся мединская знать с большими почестями и уважением похоронила эмира у подножия [могилы] халифа 'Усмана. В следующую ночь скончалась жена эмира. Ее похоронили рядом с эмиром». Когда Султан 'Али барлас дошел до этих слов, отец мой очень обрадовался. Тот спросил о причине радости. Отец мой сказал: «Этот эмир Худайдад был моим [пра]дедом». Султан 'Али барлас встал, обнял моего отца и сказал: «Все, что я рассказал Вам, правда. В Моголистане о смерти эмира ничего не известно, потому что когда мы возвращались обратно, /42a/ надолго остались жить в Ираке, а затем остались в Хорасане. Никто не сообщил об этом в Моголистан. Слава Аллаху, что я известил Вас о том, какой чести всевышний Господь удостоил эмира».

Рассказы об эмире Худайдаде, подобные этому, [бытуют] среди моголов. Когда эмир уехал в Мекку, должность эмира Худайдада Вайс хан передал его старшему сыну, Мухаммад шаху.

ГЛАВА 34. УПОМИНАНИЕ О МУЧЕНИЧЕСКОЙ СМЕРТИ УВАЙС ХАНА

Когда эмир Худайдад уехал в Мекку, а эмир Мухаммад шах сел на место почтенного отца, не прошло [98] и немного времени, как кончился срок жизни Вайс хана. Эго случилось так. Был один человек по имени Сатук хан, из ханов Тимура. Как было заведено Амиром Тимуром, одного из ханов возводили на ханство и помещали его в городе в определенном месте, обнесенном стенами. Ныне то место в Самарканде называется «Хайат-и хан» — «Двор хана». Это место занимает большую площадь [с несколькими кварталами], и у каждого квартала свое название. К их числу принадлежит и «Хауз-и бустан-и хан» — «Водоем ханского сада», который относится к очень известным местам Самарканда. Короче говоря, в пору Амира Тимура в том квартале пребывал Суйургатмиш хан. Во время [похода] Амира Тимура в Ирак он поехал с ним и там скончался. После него в Хайат-и хан на его место посадили Султан Махмуд хана. Все указы Амира Тимура составлены от имени этих двух ханов в такой форме: «Суйургатмиш йарлигин Тимур гураган сузум» — «Согласно грамоте Суйургатмиша мои, Тимур гурагана, слова». Таким же образом указы Мирзы Улугбека [составлены] от имени Сатук хана. Мирза Улугбек удалил этого Сатук хана из Хайат-и хана и назначил на ханство другого, а Сатук хана отправил в Моголистан.

[Увайс] хан находился недалеко от Иссик Куля в местности Бакабулунг¹. Я слышал от господина маулана Ходжа Ахмада, который говорил: «У меня был двоюродный брат [сын дяди по отцу] по имени 'Абдалкарим. Он был очень близок к Увайс хану и рассказывал: «Однажды в пятницу до пятничной молитвы Увайс хан совершил ритуальное омовение, обрил голову, затем сказал: /426/ «Чего достойна моя голова в такой чистоте?» Я ответил: «Украшения венцом». Он сказал: «Нет, она достойна мученической смерти». Когда мы говорили об этом, прискакал человек [и сообщил], что подошел Сатук хан. Хан тотчас же приказал протрубить [сбор], а сам занялся одеванием доспехов. Разом собрались и те, которые находились рядом, и отправились навстречу [противнику]. Между ними был ручей и, когда оба войска сблизилась, хан поскакал на коне и хотел перескочить через него, но передние ноги коня завязли на противоположном берегу ручья, и конь застрял там. У [Увайс] хана был мулазим по имени Джакир из племени кайкадил (?) барин. Раньше он был мулазимо эмира Мухаммад шаха и очень метко стрелял, так что не имел себе равных, поэтому Увайс хан выпросил его у эмира Мухаммад шаха и сделал его [99] своим мулазимо. Когда хан упал, подоспел этот Джакир. Приняв его за противника, он выстрелил в пах хана. Когда стрела попала в пах, хан упал на спину. Джакир узнал хана и бросился к нему. Об этом стало известно Сатук хану. Он подъехал, сошел с коня и обнял голову хана. Последнее дыхание, которое оставалось, этим покинуло хана.

Улус моголов расстроился, они не повиновались Сатук хану. Сатук хан не мог больше оставаться в Моголистане и уехал в Кашгар. Там Каракул Ахмад мирза, один из внуков эмира Худайдада, убил Сатука. Вскоре Мирза Улугбек послал туда войско. Схватив Каракул Ахмада мирзу, увезли в Самарканд и разрубили на две части.

ГЛАВА 35. УПОМИНАНИЕ О ПОРАЖЕНИИ ИРАЗАНА¹ ПОСЛЕ МУЧЕНИЧЕСКОЙ СМЕРТИ УВАЙС ХАНА

После мученической смерти Вайс хана улус моголов пришел в расстройство. А когда был убит Сатук хан, люди немного успокоились. Вайс хан оставил двух сыновей, Йунус хана² и Исан Бугу хана³. Йунус хану, который был старшим, было тогда тринадцать лет. Из-за разногласий эмиров получилось так, что Иразан барин и Мирак туркман⁴ — эти два человека из уважаемых людей эмира Худайдада находились при его сыне эмире Мухаммад шахе — после смерти Увайс хана оба ушли от эмира Мухаммад шаха со своими людьми и оружием, /43а/ присоединились к Йунус хану и заложили основу смуты. Таким же образом другие [люди] присоединились к Исан [Буге]. Поскольку большинство мирз находилось на стороне Исан Буги хана, то те не могли больше оставаться в Моголистане. Возглавив тридцать тысяч могольских семейств, Иразан и Мирак туркман взяли Йунус хана и ушли в Самарканд. Исан Буга хан и остальные моголы остались в Моголистане.

ГЛАВА 36. О ПОЕЗДКЕ ЙУНУС ХАНА И ИРАЗАНА В САМАРКАНД К МИРЗЕ УЛУГБЕКУ

Когда Мирза Улугбек получил весть о [прибытии] Иразан барина и Мирак туркмана, то вышел из Самарканда встретить их. Он обещал моголам [снабдить их] провизией и сказал: «Пусть каждая семья придет отдельно и, пройдя через крепость, запишется для получения провизии». Каждый могол с семьей, отделившись от других, входил в крепость в надежде получить [100] провизию. Когда они выходили через другие ворота, там их ждала группа людей — главу дома убивали, а членов семьи брали в плен. Тот, кто входил в крепость, больше уже не выходил оттуда, так что Мирза Улугбек за несколько дней справился с этим делом. Йунус хана же он отправил вместе с пятой частью добычи к своему отцу Мирзе Шахруху. Хану было тринадцать лет. Когда его привели к Мирзе Шахруху, он упрекнул Мирзу Улугбека за его [поступок] с ханом, отделил хана от других пленных, по-отечески обласкал его и [поручил его] маулана Шарафаддину

'Али Йазди, чтобы хан приобретал у господина маулана знания. У маулана есть множество муамма с именем хана, стихов и касид в его честь, в том числе и эти стихи:

О ты, который говоришь, что со стороны царства Хитая
прибыл хан,
Пусть разрушится твой дом; не говори
«хан» — пришла душа

Одним словом, хан провел с маулана в келье воспитания [в Йазде] двенадцать лет, пока тот был жив, и получал от него знания, как подобает. Когда маулана скончался, Йунус хан из Йазда отправился в путешествие в Арабский и Персидский Ирак. /436/ До двадцатичетырехлетнего возраста хан находился при маулана [Шарафаддине]. В сорок один год он стал государем Моголистана, о чем скоро будет изложено.

ГЛАВА 37. УПОМИНАНИЕ О ХАНСТВОВАНИИ ИСАН БУГИ ХАНА Б. ВАЙС ХАНА ПОСЛЕ ПОРАЖЕНИЯ ИРАЗАНА

Когда Иразан и Мирак туркман увезли Йунус хана в Самарканд, весь Моголистан утвердился за Исан Бугой. Все эмиры служили ему. Дела хана [Исан Буги] полностью наладились. <Амир Саййид 'Али проявил в том много старания. Когда хан утвердился (Добавлено по Л₁ 356; Л₂ 41а; Л₃ 26а) [на троне], Амир Саййид 'Али испросил у него разрешения отправиться в Кашгар, потому что, как было раньше написано, Ходжа Шариф Кашгари передал Кашгар Мирзе Улугбеку и прогнал Мир Саййид Ахмада, отца Амир Саййида 'Али. Мирза Улугбек послал править Кашгаром Мир Султан Малика дуладаи (В Л₂ 41а; Л₃ 26а — дуглат); после него он назначил [человека] по имени Хаджи Мухаммад Шаиста, а после него послал Пир Мухаммад барласа.

[101] Мир Саййид 'Али доложил [Исан Буге]: «Сейчас настал удобный момент отправиться мне в Кашгар, я что-нибудь предприиму, чтобы вернуть столицу моих предков, которая вот уже четырнадцать лет как ушла из наших рук, а если наше старинное владение не будет возвращено нами, то мы будем окончательно опозорены». Хан дал на это разрешение.

ГЛАВА 38. УПОМИНАНИЕ О ВЫСТУПЛЕНИИ МИР САЙЙИДА АЛИ В КАШГАР И О ВЗЯТИИ ИМ КАШГАРА

В те дни большая часть Манглай Субе, так уже было описано, находилась под властью дуглатов, а Андижан и Кашгар были возвращены в ведение самаркандского дивана.

В пределах Иссик Куля из-за разных перемен царил беспорядок. Остальные [территории] преимущественно находились в руках эмиров дуглатов. В то время в Аксу, Кусане (Приведено по Л₂ 416; Л₃ 266) и Баи сидели брат и двоюродные братья Мир Саййида 'Али. Мир Саййид 'Али прибыл в Аксу, оставил в Аксу свою семью, а сам направился в Кашгар. Об этом ходят различные рассказы. Когда Мир [Саййид 'Али] прибыл в Аксу, между ним и его братьями 'Адил Мумин мирзой и Саййид Махмуд (Приведено по Л₂ 416; Л₃ 266) мирзой начались распри. В конце концов он одержал верх над всеми и произошло тяжкое истребление его родственников. При описании этого [события] /44а/ ходили противоречивые рассказы, и мы не будем подробно освещать их. Смысл этих рассказов таков, что после победы над родственниками Мир Саййид 'Али направился в Кашгар. Семь тысяч человек находились на службе у Мир [Саййида 'Али]. Когда он достиг пределов Кашгара, Хаджи Мухаммад Шаиста с тридцатью тысячами всадников и пеших выступил из Кашгара в Уч-Бархан, находящийся в трех фарсах от Кашгара, чтобы оказать ему сопротивление. Но при первом же натиске Мир [Саййида 'Али] они обратились в бегство. Могол догонял чагатая¹, а чагатай до того, как могол наносил ему удар, бросал оружие и взывал [о пощаде], и потому тот бой получил название «Салай бегим», что означает: «О господин, я бросаю [оружие]». Бой «Салай бегим» — одно из самых знаменитых сражений в тех краях, стал датой отсчета времени.

[102] Люди Кашгара, беженцы, укрылись в цитадели, а Мир [Саййид 'Али] все, что нашел вне [цитадели], разграбил, разорил и ушел. На следующий год он пришел во время восхода хлебов, но никто не осмелился выйти к нему. Хаджи Мухаммад Шаиста засел в крепости. Мир Саййид 'Али разграбил окрестности Кашгара, осадил одну из крепостей предместий Кашгара под названием Алаку, которая была неприступней крепостью, с боем взял ее и сделал все, что только смог, и вернулся назад.

Ходжа Шариф поехал в Самарканд к Мирзе Улугбеку просить помощи. В те дни, когда он был у Мирзы [Улугбека], однажды Мирза [Улугбек] спросил его: «Имеются ли в Кашгаре...?» (Написание слова искажено переписчиками: в Л₁ 36а — хизан; Л₂ 416 — хизха; Л₃ 27а — джизха (в Т — хизан). Если первая буква была «хан хаваз («х»), то слово «хиз» означает «женоподобный».) Ходжа Шариф сказал: «С тех пор, как в Кашгар пришли Чагатаи, их много появилось».

Благодаря убедительным просьбам и настойчивости Ходжи Шарифа, он привез в Кашгар Пир Мухаммад барласа, а Мирза Улугбек увез Хаджи Мухаммад Шаисту в Самарканд. Когда Пир Мухаммад барлас

появился в Кашгаре, люди Кашгара прозвали его Пир Мухаммад банги («опиоман»); и никакой пользы от него не было. Ходжа Шариф перестал надеяться на Чагатаев. Когда наступил третий год, Мир Саййид 'Али вновь отправился в Кашгар. Жители Кашгара стали упрекать Ходжу Шарифа, что уже два года подряд посева пропадают, если и в этом году они пропадут, то наступит голод. Когда Мир [Саййид 'Али] достиг пределов Кашгара, /446/ жители Кашгара связали Пир Мухаммад барласа и потащили его к Миру. Мир [Саййид 'Али] сменил халат жизни Пир Мухаммад барласа на одежду смерти и, войдя в Кашгар, установил там справедливость и правосудие, обласкал подданных и уничтожил насилие. Двадцать четыре года он правил достойным образом, и благоустройство государства достигло предела, так что о нем говорят до настоящего времени. Мир в этот период старался заботиться об устройстве государства, о земледелии, о достаточном количестве скота. После Мира остались три сына и две дочери и долю [наследства] одного его сына — Мухаммад Хайдара мирзы, который является дедом сего раба, составили сто шестьдесят тысяч баранов.

[103] Я слышал от Ходжа Фахраддина Артуджи, известного купца, благочестивого и правдивого, как он говорил: «Мир каждую зиму три месяца охотился. Мир [Сайид 'Али] привлекал к этим охотам только воинов, а из них он брал с собой столько [людей], сколько его распорядители могли обеспечить пропитанием. В эти три месяца для каждого человека на каждой стоянке от Мира были [припасены] мука и мясо. Бывали дня, когда расходовалось по пятьсот баранов и соответственно этому было истрачено ячменя и сена. В некоторые годы в услужении [при Мире] находилось до трех тысяч человек, и всех их Мир обеспечивал пропитанием. Жители селений молили бога, чтобы он остановился у них, потому что если войско остановится поблизости, то от угощений и от милостей Мира жителям селений будет выгода.

Ходжа Фахраддин рассказывал, что один раз они остановились в селении Артудж². Начальник охоты (мир-и шикар) принес одной женщине муку и сказал: «Ты испеки хлеб, а я отдам тебе одну лепешку из шести». Та женщина испекла хлеб, положила его перед начальником охоты и попросила обещанное. Начальник охоты сказал: «И дрова, и соль, и мука — все мое; и за такую услугу, как испечь хлеб, ты просишь плату?» — и не дал ей хлеба. Когда Мир Саййид 'Али садился на коня, к нему подошла та женщина, рассказала об этом и попросила защиты. Мир позвал этого начальника охоты, тот подтвердил эти самые слова. Мир сказал ему: «Почему же ты сам не печешь [хлеб], а возложил это дело на эту бедную [женщину]?» И он решил так. Из кузницы принесли щипцы, вытащили у него зуб и вбили в его голову. /45a/ Цель [этого рассказа показать], как управлял Мир и до какой степени он был справедлив. Добрых дел и благотворительных обителей до сегодняшнего дня еще много осталось от Мира в Кашгаре.

И на протяжении двадцати четырех лет [его правления] произошло еще много событий, которые после этого будут описаны по мере возможности и с соблюдением точности рассказа.

ГЛАВА 39. УПОМИНАНИЕ О СОПРОТИВЛЕНИИ ЭМИРОВ ИСАН БУГЕ ХАНУ И О ТОМ, ЧТО ПРОИЗОШЛО В ТЕ ДНИ

Когда Йунус хан ушел [в Мавераннахр] весь улус подчинился Исан Буге хану, все общество [моголов] повиновалось ему. В таком положении прошло несколько лет.

[104] Хан по причине молодости и несовершеннолетия проявлял к эмирам неуважение. Некого Тимура из Турфана из племени уйгур¹ он избрал своим наибом и в заботе о нем преступил пределы умеренности. Эмиры не выдержали его (Тимура) возвышения и своего унижения, и однажды на собрании у хана они рукою насилия изрубили Тимура на куски и все сразу разбежались. Хан испугался до крайности и тоже бежал.

Когда известие об этом дошло до Мир Саййида 'Али, он отправился в Моголистан, нашел хана на Ак-Куйаше². С небольшим количеством людей [Мир Саййид 'Али] привез [Исан Бугу] хана в Аксу и вручил хану Аксу. Между тем каждый из могольских эмиров что-нибудь предпринимал. Мир Мухаммад шах поселился в Ат Баши. После переписки и обещаний при посредничестве своего племянника Мир Саййида 'Али он отправился к хану в Аксу и прожил там до конца своей славной жизни.

В то же время другой [эмир] — Мир Каримберди, тоже дуглат, построил на границе Моголистана со стороны Андижана и Ферганы в местности под названием Алабуга³, на верху вала, хорошую крепость, следы которой видны до сих пор, и занялся набегами на Андижан и мусульман.

Мир Хаккберди бекчак на Иссик Куле, в местности под названием Кой Суй⁴, построил крепость. На острове⁵, на Иссик Куле, он оставил свою семью, чтобы обезопасить их от притеснений калмаков, а сам занялся опустошением Туркестана и Сайрама.

Эмиры [племени] чурас⁶ и племени барин /456/ ушли к сыну Исана Тайши Амасанджи Тайши⁷ к калмакам.

Другая группа — калучи, булгачи⁸ и ряд других племен — отправилась к Абу-л-Хайру⁹ в Узбекистан¹⁰. Эмиры кунджи и некоторые другие устроили в степях Моголистана смуту и полнейший беспорядок. Однако Исан Буга хан утвердился в Аксу, первым пришел к нему Мир Мухаммад Шах, а после него все люди вновь вернулись к хану. Хан также раскаялся в содеянном и стал хорошо обращаться с

людьми. Когда он обрел полную силу, то первый раз совершил набег на Сайрам, Туркестан и Ташкент. Он напал внезапно, сильно опустошил [эти места] и вернулся назад. Это нападение произошло до 855/1451 года. Таким же путем он напал на эти места и в другой раз.

В то время государем Мавераннахра стал Султан Абу Са'ид Мирза¹¹. Он стал преследовать [Исан Бугу] [105] хана, довел его до Йанги, который в исторических книгах называется Тараз, моголы бежали без боя, а Мирза Абу Са'ид вернулся в свой вилайат.

Когда Мирза Абу Са'ид овладел Хорасаном¹² и ушел в Хорасан, Исан Буга хан отправился в Андижан. Эмиром в Андижане был некий Мирза 'Али кучак, ставленник Мирзы Султан Абу Са'ида, он укрепил андижанскую крепость.

Войска хана было настолько многочисленно, что окружило андижанскую крепость тремя рядами и со всех сторон сделало подкоп. Оно захватило внешнюю крепость. В арке оставался Мирза 'Али кучак; в конце концов, сделав большие подношения, он пошел на заключение мира. Хан захватил в плен всех [жителей] Андижана и [с ними] ушел. И сейчас потомки тех взятых в плен людей живут в Кашгаре и Моголистане.

Когда Султан Абу Са'ид мирза получил весть об этом, он не смог отразить Исан Бугу хана, потому что если бы он отправился в Моголистан, Исан Буга хан ушел бы на окраины Моголистана, и самаркандское войско не смогло бы туда добраться. А если бы оно и добралось туда, то при возвращении его [Исан Буги хана] тоже последовал бы за ним, и это продолжалось бы бесконечно. Выделить же кого-нибудь против него тоже не удастся, так как многочисленность [воинов] и сила у Исан Буги хана /46а/ не допускали того, чтобы эмиры могли справиться с ним.

Вместе с тем у Султан Абу Са'ида было намерение повести войско в Ирак, однако из-за трудностей с Исан Бугой ханом он не смог поехать туда. Затем он послал в Ирак человека, который привез оттуда Йунус хана, старшего брата Исан Буги (Добавлено по Л₂ 43б; Л₃ 28а; R, 81) хана, оказавшегося в Ираке, как об этом писалось раньше, и вскоре будет опять упомянуто, и отправил его против Исан Буги хана [с мыслью], что до тех пор, пока два брата будут драться между собой, границы его государства будут в безопасности.

Могольские эмиры, которые отделились от хана, и каждый из которых построил для себя крепость, полностью не повиновались хану. Хан также не мешал им в надежде, что, может быть, они вновь вернуться к нему.

В те дни Абу-л-Хайр хан целиком овладел Дашт-и Кипчаком. Он напал на султанов-джучидов — [106] Джанибек хан и Кирай хан¹³ бежали от него и прибыли в Моголистан. Исан Буга хан хорошо принял их и отдал им Козы Баши¹⁴, которое находится на западе Моголистана, на реке Чу. Пока они спокойно пребывали там, улус узбеков после смерти Абул-Хайр хана пришел в расстройство, там возникли большие разногласия и большинство [людей] ушло к Кирай хану и Джанибек хану, так что число их достигло двухсот тысяч человек и их стали называть «узбек-казаками». Начало правления казахских султанов пошло с 870 (1465— 1466) года, «а Аллах знает лучше», и до 940 (1533— 1534) года казахи имели полную власть над большей частью Узбекистана.

После Кирай хана был Бурундук хан¹⁵, а после него (Добавлено по Л₂ 44а; Л₃ 28б) сын Джанибек хана — Касим хан¹⁶, который управлял всем (Добавлено по Л₂ 44а; Л₃ 28б) Дашт-и Кипчаком и численность его войска превышала тысячу тысяч [человек]. После Джучи хана¹⁷ в этом юрте не было сильнее правителя, чем он. После него был сын его — Мамаш хан¹⁸, а затем — его (Касима) племянник Тахир хан¹⁹. Во время [правления] этого Тахир хана [численность] казахов уменьшилась. После него стал править его брат Буйдаш (Приведено по Л₂ 44а; Л₃ 28б (в Т — Буйлаш; Л₁ 38а — Бутлаш; R, 82 — Бирилаш)) хан²⁰, однако во времена Буйдаш хана казахов сеталось [всего] двадцать тысяч. /46б/ После 940 (1533—1534) года его (Буйдаш хана) также не стало и казахов [здесь] совершенно не осталось.

Одним словом, с периода Исан Буги хана до времени Рашид хана между моголами и казахами существовали дружба и согласие, однако Рашид султан нарушил их. Это обстоятельство будет упомянуто в жизнеописании Рашид хана, «если будет угодно Аллаху».

Г Л А В А 40. УПОМИНАНИЕ О НАЧАЛЕ ХАНСТВОВАНИЯ ЙУНУС ХАНА

Султан Абу Са'ид мирза б. Султан Мухаммад мирза б. Мираншах мирза б. Амир Тимур одержал верх над всеми своими двоюродными братьями по отцу. Самарканд он отобрал у 'Абдаллаха мирзы Ширази¹, а Хорасан присоединил после смерти Мирзы Бабур Каландара б. Мирза Байсункара б. Мирза Шахруха б. Амир Тимура². Абу Са'ид был знаменитым [107] государем и в управлении страной [подобного ему] другого государя в роду Тимура не было. Когда он взял Хорасан, его высокие помыслы были обращены на завоевание Ирака. Из-за трудностей с Исан-Бугой ханом, о которых уже упоминалось, он не смог выступить [в Ирак]. Тогда он послал человека и тот привез из Ирака Йунус хана, старшего брата Исан Буги хана. О причине отъезда [Йунус] хана в Ирак уже упоминалось ранее.

В Хорасане он поместил [Йунус хана] в Баг-и заган³ и устраивал [в честь] хана царственные пиршества. Между ними были заключены договора, приняты обязательства, ряд условий. В их числе

было и такое: Султан Абу Са'ид мирза сказал [Йунус] хану: «В начале выступления Амира Тимура эмиры не повиновались ему должным образом. А если бы он приказал их всех уничтожить, то это нанесло бы урон его собственным силам. Эмиры сказали ему: «Надо назначить хана, чтобы мы ему повиновались». Тогда Амир Тимур возвел на ханство Суйургатмиш хана, и эмиры выразили хану свою покорность. Амир Тимур держал хана под надзором, тюркские указы (фирманы) и тугра были от имени хана. Когда [Суйургатмиш] умер, вместо него назначили его сына — Султан Махмуд хана⁴. После Амира Тимура до времени Мирзы Улугбека этот порядок соблюдался. Однако от ханства у [подставного хана] ничего не было, кроме имени [хан]. В конце своей жизни [этот подставной] хан в основном пребывал в Самарканде. А теперь, когда очередь царствования дошла до меня, моя независимость достигла такого предела, /47a/ что я не нуждаюсь ни в каком хане. Сейчас я вытасил Вас из платья бедности, надел на Вас царский халат и отправляю Вас в Ваш родной юрт. Условия мои таковы: отныне, чтобы Вы в противоположность предшественникам и прежним ханам не делали такого заявления, как они, что, мол, «Мир Тимур и потомки Мир Тимура из рода в род — наши наукары». Если прежде было так, то теперь не так. Теперь я самостоятельный государь, и другие считают себя моими наукарами. Теперь следует, чтобы Вы из понятия «дружба» исключили бы слова «слуга» и «господин» и, подобно прежним ханам, не писали бы: «Тимуридским мирзам», а соблюдали бы дружественную переписку. Впредь от сына к сыну этот порядок пусть будет соблюден».

[108] На основании этой речи они заключили договор. Йунус хан на все с охотой согласился. Эти условия и обязательства они скрепили торжественной клятвой. [Абу Са'ид] отпустил хана. Всех моголов, находившихся в тех местах, он присоединил к хану.

Г Л А В А 41. ПОДРОБНОЕ УПОМИНАНИЕ О ЖИЗНИ ЙУНУС ХАНА

Хотя раньше кратко было изложено о начале деятельности Йунус хана, подробности этого таковы. Йунус хан — сын Вайс хана б. Шир 'Али Углана б. Мухаммад хана б. Хизар Ходжа хана б. Туглук Тимур хана. О дате его рождения хотя мне не довелось слышать, но из даты его смерти и из дней прожитой им жизни следует, что он родился в 819 (1416—1417) году — «а Аллах знает лучше». Когда его отец Вайс хан был убит, он стал ханом и между ним, его братом Исан Бугой ханом и эмирами возникли разногласия. Иразан и Мирак туркман, главари низких людей племени, с группой подонков из моголов схватили хана и увезли его к Мирзе Улугбеку. Хану в то время было тринадцать лет. И от этого события моголы отсчитывают время до наших дней. А по хиджре говорят: это был 832 (1428—1429) год. Мирза Улугбек отослал хана /47b/ к своему отцу [Шахруху] таким образом, как уже было упомянуто. Шахрух отнесся к хану с большим уважением и передал его маулана Шарафаддину 'Али Йазди. А маулана Шарафаддин 'Али Йазди был знаменитым ученым, и в то время и в Самарканде, и в Хорасане, и в Ираке не было ни одного ученого с достоинствами маулана. [Форма жанра] муамма в прежние времена была другой, и тот [трактат] «Мутарраз-и муамма»¹, который сегодня [известен] среди людей, написан маулана. И книга по этой науке — «Хулал-и муамма» — тоже его. И автор «Зафар-наме» — он же. Он имеет также комментарий на «Касида-и бурда»², написанный в суфийском стиле, — лучшего комментария, чем его, никто не создал. Кроме этих книг, он имеет еще много других, но подробное перечисление их станет причиной удлинения изложения, а цель наша — показать, какой он был выдающийся ученый.

Хан двадцать лет провел возле маулана, приобрел такие знания, что как до него, так и после, подобного ему [человека] среди могольских хаканов [больше] не появлялось.

[109] Когда господин маулана умер, хан из Йазда³ отправился в Фарс⁴, Азербайджан⁵ и Казвин⁶. (Добавлено по Л₂ 45a; Л₃ 296) Совершая долгие путешествия, он жил большей частью ремеслом и избрал своим местожительством Шираз⁷. Там он посещал собрания ученых и старательно упражнялся в различных ремеслах, так что в Ширазе он стал известен как Уста Йунус — «Мастер Йунус».

Тем временем Мирза Султан Абу Са'ид захватил Хорасан и намеревался идти в Ирак, однако из-за существующей угрозы [со стороны] Исан Буги хана Фергане, Шашу и Туркестану он отложил [поход] в Ирак. Тогда Мирза Султан Абу Са'ид послал человека, привез хана из Шираза и с [разными] соглашениями и условиями, как было упомянуто, отправил его в Моголистан. Благословенный возраст хана в то время достиг сорока одного года, шел 860 (1455—1456) год.

ГЛАВА 42. УПОМИНАНИЕ О ПРИБЫТИИ ЙУНУС ХАНА В МОГОЛИСТАН

Как уже упоминалось, в Моголистане каждый эмир укрепил свое место. После [упомянутого выше] сопротивления [эмиров] и убийства ими Тимур уйгура Исан Буга хан прибыл в Аксу. /48a/

Когда Йунус хан появился в Моголистане, первым присоединился к нему Мир Каримберди. После него другие эмиры — [племени] кунджи и некоторые из разрозненных моголов — явились на службу к хану. Хан заключил брачный союз с дочерью Мир Хаджи Пир кунджи, которому в то время принадлежала власть над туманом Кунджи, и он пользовался полной независимостью. Ее звали Исан Даулат бегим¹. У хана от нее было трое дочерей, о каждой из них будет написано в своем месте.

Из эмиров озерных бекчигов², которые находятся на Исик Куле, умер Мир Пир Хаккберди. Вместо него стал править его племянник Мир Ибрахим, и он также присоединился к хану. Итак, у хана образовалась большая группа. Однако, так как упомянутые эмиры долгое время жили по собственному усмотрению, они не стали соблюдать, как нужно и должно, обязанностей слуги к господину, а хан во всех случаях уступал им.

Когда таким образом прошло несколько лет, [Йунус] хан выступил на Кашгар. Мир Саййид 'Али [110] достиг в то время преклонного возраста, так что у него уже не хватало сил, чтобы удержаться в седле. Он послал человека к Исан Буге хану и укрепился в кашгарской крепости. Исан Буга хан в то время отправился на летовку в Йулдуз в Моголистане, что находится на его восточной границе. Когда известие об этом дошло до Исан Буги хана, он приступил к сбору войска — собралось шестьдесят тысяч человек. Выступив из Йулдуза, он через одиннадцать дней достиг Кашгара. Шестнадцать тысяч человек прибыли вместе с ним, а все остальные были в пути. Мир Саййид 'Али присоединился к нему, и они выступили. На службе у Мира было тридцать тысяч человек. В местности Хансалар, в трех фарсах от Кашгара, в стороне Аксу, произошло сражение и с чрезвычайными трудностями победа в конце концов досталась Исан Буге хану и Амир Саййиду 'Али. Йунус хан бежал. Вся семья хана попала в руки Мир Саййида 'Али.

В то время Михр Нигар ханим³, старшая из детей Йунус хана, была грудным ребенком у Исан Даулат бегим, <дочери Мир Пир Хаджи (Добавлено по Л₂ 46а; Л₃ 30а). Мир [Саййид 'Али], снабдив их провиантом и верховыми животными, без промедления с почетом и уважением отправил вслед за Йунус ханом (Приведено по Л₂ 46а; Л₃ 30а). /486/

Когда Йунус хан появился в Моголистане, люди разбежались от него, так что он не смог задержаться там и, оставив в Моголистане семью, сам направился в Хорасан к Мирзе Султан Абу Са'иду. Хан оказался в таком бедственном положении, что у него не нашлось ничего, чтобы сделать Мирзе подношение — пишкаш. У [Йунус] хана был доверенный слуга, некий Буйан Кули. Хан с мольбой обратился к нему: «Я тебя назову рабом и в качестве подарка отдам Мирзе». Тот согласился, и хан подарил его Мирзе.

[Йунус хан] обратился к Мирзе с просьбой дать ему в тех местах какую-нибудь область, чтобы он мог как-то жить там до тех пор, пока моголы не поверят в него. Мирза дал хану Йеттиканд⁴ — предместье Андижана — и отправил его туда. Во время отъезда хана Буйан Кули плакал. Мирза спросил его о причине плача. Тот рассказал о своем положении так, как было упомянуто выше. Мирза почувствовал жалость к нему, дал ему коня и снаряжение и отправил вместе с ханом.

[111] Короче говоря, хан снова прибыл в Моголистан. Разбежавшиеся люди вновь собрались около хана. Между тем Мир Саййид 'Али скончался в Кашгаре. На куполе мавзолея Мир Саййида 'Али, который находится в Кашгаре, написан 862 (1457—1458) год — год его кончины.

После смерти Мир Саййида 'Али для Йунус хана в общем наступило спокойное время, о чем еще будет упомянуто.

ГЛАВА 43. УПОМИНАНИЕ О ПРАВЛЕНИИ САНСИЗ МИРЗЫ¹ В КАШГАРЕ ПОСЛЕ СМЕРТИ ЕГО ОТЦА МИР САЙЙИДА АЛИ И ЗАВЕРШЕНИЕ ЕГО ДЕЛА

После того, как Мир [Саййид 'Али] пошел навстречу неизбежному для рода человеческого, от него остались два сына; старший из них — Сансиз мирза, мать которого происходила от эмиров [племени] чурас; другой — Мухаммад Хайдар мирза, мать которого Урун (Приведено по Л₂ 46б; Л₃ 30а) Султан ханим была теткой Йунус хана. По обычаю моголов преемником Мир [Саййида 'Али] стал его старший сын — Сансиз мирза. Он был человеком чрезвычайно смелым и великодушным. Из уважения и почтения к ханим [матери Мухаммад Хайдара] и из милосердия и любви к своему брату Мухаммад Хайдару мирзе он оставил ханим /49а/ и Мухаммад Хайдару Кашгар и Йанги Хисар², а сам своей столицей сделал Йарканд.

Хотя Мухаммад Хайдар доводился двоюродным братом и Йунус хану, и Исан Буге хану, в равной степени с обеих сторон, однако Мир Саййид 'Али, когда был жив, выдал замуж за Мухаммад Хайдара мирзу дочь Исан Буги хана Даулат Нигар ханим. По этой причине Мухаммад Хайдар мирза <обратился за помощью к Исан Буге хану. Вскоре после смерти Мир Саййида 'Али умер также и Исан Буга хан в 866 (1461 — 1462) году. Власть в ханстве перешла к его сыну Дуст Мухаммад хану³, о чем будет упомянуто [далее].

Мухаммад Хайдар мирза из-за того, что был зятем Исан Буги хана, искал союза с ним, а после его [смерти] (Добавлено по Л₁ 39б; Л₂ 46б; Л₃ 30б) стал искать союза с Дуст Мухаммад ханом в противоположность Сансизу мирзе, который прибег к помощи Йунус хана. По этой причине Мухаммад Хайдар [112] мирза не мог оставаться в Кашгаре, бежал и ушел к Дуст Мухаммад хану в Аксу.

Сансиз мирза управлял Кашгаром должным образом. Он был так справедлив, что его время стало предметом зависти прошлых эпох. Он правил после Мир Саййида 'Али семь лет. В 869 (1464—1465) году он умер. Причиной того было следующее. Однажды на охоте он упал с лошади и поранил

наконечником стрелы пах. Это ранение перешло в незаживающую рану и стало причиной его гибели (Приведено по Л₂ 466; Л₃ 306).

Когда Сансиз мирза умер, жители Кашгара привезли <в Кашгар Мухаммад Хайдара мирзу, (Добавлено по Л₁ 40а; Л₂ 466, Л₃ 306) а Дуст Мухаммад хан ушел в Йарканд. Он заключил брачный союз с женой Сансиза мирзы Джамал (Приведено по Л₁ 40а; R 88 (в Т; Л₂ 47а; Л₃ 306 — Джамак)) Агой. От Сансиза мирзы остались два сына — Мирза Аба Бакр⁴ и 'Умар мирза — и одна дочь по имени Хан Султан ханим. Детей Сансиза мирзы [Дуст Мухаммад хан] забрал с собой в Аксу. Обстоятельства их жизни вскоре будут изложены.

ГЛАВА 44. УПОМИНАНИЕ О ПРАВЛЕНИИ ДУСТ МУХАММАД ХАНА

Когда естественной смертью умер Исан Буга хан, вместо него государем стал его сын Дуст Мухаммад хан. Ему было семнадцать лет. Этот юноша не относился к числу умных людей, большинство его поступков нельзя было считать разумными и к тому же он ни на минуту не был трезвым. [Мисра]:

О умные люди, посторонитесь, безумный опьянел.

У него была склонность к дервишизму. Себе и всем своим эмирам он дал имена, как принято у каландаров. Себя он назвал Шамс Абдалом и таким же образом всем своим мулазимам он дал имена: такой-то Абдал, такой-то Абдал (Добавлено по Л₂ 47а; Л₃ 306) и с этими именами обращался к ним. Он был чрезвычайно щедрым, настолько, что люди о нем говорили: /496/ Мисра:

Это правление похоже на безумие

[113] И это действительно было безумие. Он правил семь лет. В дни его правления он один раз водил войско в Йарканд и Кашгар. Сначала он пошел в Йарканд. После смерти Сансиза мирзы его эмиры закрыли ворота крепости. Хан потребовал от них жену Сансиза мирзы — и ее послали; и его сына он также потребовал — и старшего сына [Сансиза] мирзы Аба Бакра они присоединили [к жене]. Больше он не притеснял их и ушел в Кашгар.

В то время, когда сам [Дуст Мухаммад] направился в Йарканд, Мухаммад Хайдара мирзу по требованию жителей Кашгара он отправил в Кашгар. Когда хан прибыл [в Кашгар], Мухаммад Хайдар мирза встретил его. Хан послал Мухаммад Хайдара мирзу в Йанги Хисар (Приведено по Л₁ 40а; Л₂ 47а; Л₃ 31а, R, 88), а сам вошел в Кашгар, разграбил его и ушел в Аксу. Из-за этого Мухаммад Хайдар мирза обиделся на него и стал искать помощи у Йунус хана, о чем будет сказано дальше.

Когда Дуст Мухаммад хан ушел в Аксу и через некоторое время вернулся, он отдал [в жены] свою сестру Хусн Нигар ханим Мирзе Аба Бакуру. Однако Мирза Аба Бакр боялся неуравновешенности хана и, в конце концов, убежал в Кашгар к [своему] почтенному дяде Мухаммад Хайдару мирзе. Следом за ним хан отправил Хусн Нигар ханим.

После этих событий Дуст Мухаммад хан влюбился в одну из жен своего отца и потребовал от улемов разрешения на заключение брачного союза. Никто не давал такого разрешения до тех пор, пока он не убил семерых улемов. В конце концов он потребовал господина маулана Мухаммад Аттара, который был одним из ученийших улемов, и, пьяный, с мечом в руке, сказал: «Мулла, я хочу жениться на своей мачехе. Дозволено это или нет?» Господин маулана сказал: «Тебе дозволено». Хан тотчас же приказал заключить брак. В ту же брачную ночь он увидел во сне отца, как будто тот подъехал верхом на черном коне, и сказал: «О, несчастный! После того, как от [принятия] нами мусульманства прошло сто лет, ты вернулся назад и стал неверным кафиром!» Он вонзил стрелу в его пах, затем сошел с коня, провел рукой под котлом и зачернил его лицо. В ужасе /50а/ от этого сна он проснулся и, раскаиваясь и сожалея [о своем поступке], тотчас же вышел [114] из комнаты матери и совершил омовение. У него в боку начались колики, а утром присоединилась лихорадка. Люди стали кричать на маулана Аттара: «Ты дал ему фетву!» Хан сказал: «Не трогайте маулана, потому что я до него убил семерых, а потом уже привел маулана — что же оставалось делать бедному мулле?» Маулана сказал: «Я не давал фетвы. Я сказал: «Тебе дозволено, потому что ты неверный».

Одним словом, у Дуст Мухаммад хана началось воспаление легких и на шестой день он умер. Ему было двадцать четыре года, семь лет [из них] он правил. Его смерть наступила в 873 (1468—1469) году. Ходжа Шариф Кашгари¹ нашел эту дату (та'рих) в словах «Хук мурд» — «Свинья околела». После этого его люди рассеялись. От него остался сын по имени Кебек Султан углан. Какие-то люди забрали его и уехали в Турфан и Чалиш². Йунус хан пришел в Аксу и подчинил всех людей.

ГЛАВА 45. УПОМИНАНИЕ О ПРИЕЗДЕ ЙУНУС ХАНА ВО ВТОРОЙ РАЗ ОТ СУЛТАНА АБУ СА'ИДА

Когда Султан Йунус хан во второй раз приехал в Моголистан от Мирзы Султан Абу Са'ида, эмиры Моголистана вновь собрались возле хана. Некоторое время он жил в Моголистане, и Йеттиканд (Приведено по Л₂ 476; Л₃ 31а; R 90.) стал его постоянным местопребыванием. Однако он не мог вступить во владения, принадлежащие Исан Буге хану. Когда Исан Буга хан и Мир Сайид 'Али умерли, царство досталось Дуст Мухаммад хану. Между Мухаммад Хайдар мирзой и Сансиз мирзой возникла вражда, как уже было упомянуто, и Мухаммад Хайдар мирза ушел в Аксу к Дуст Мухаммад хану, а Сансиз мирза обратился за помощью к Йунус хану. У хана, таким образом, прибавилось сил.

В те дни Йунус хан несколько раз появлялся в Кашгаре, однако могольские эмиры не задерживались в Кашгаре, и хан [всякий раз] был вынужден уходить. Так случалось несколько раз. Подробности этого краткого упоминания из-за противоречивости рассказов об этом /506/ слишком удлиняют изложение. Кратко о том можно сказать следующее. Йунус хан всегда хотел жить в городе и в домах, однако могольские эмиры и войско [115] бежали из города, и по этой причине хан был вынужден жить в Моголистане.

Когда умер Сансиз мирза, Мухаммад Хайдар мирза стал искать союза с Йунус ханом. Между тем умер и Дуст Мухаммад хан. Йунус хан появился в Аксу и подчинил всех людей Дуст Мухаммад хана. Сына Дуст Мухаммад хана Султан Кебек углана несколько доброжелателей захватили и убежали с ним в Турфан.

Йунус хан хотел остаться в Аксу, потому что по сравнению с Моголистаном Аксу был похож на город, однако он подумал, что из поведения моголов ясно, что если он останется там на некоторое время, то люди обратятся к Кебек Султан углану. Хан поневоле забрал всех людей и выехал в Моголистан.

В то время в Моголистан пришел Амасанджи Тайши, сын Исана Тайши, о котором было упомянуто при описании жизни Вайс хана. Причиной этого [прихода] было следующее. Как уже упоминалось, Исан Тайши в качестве выкупа за жизнь хана взял в [жены] сестру Вайс хана — Махтум ханим. От Махтум ханим родились два сына и одна дочь. Вайс хан, отдавая [замуж] Махтум ханим, обратил в мусульманство своего зятя, и [Махтум] ханим выдали замуж по мусульманским обрядам. [Махтум] ханим своих отпрысков сделала мусульманами и двух своих сыновей назвала Ибрахим и Илйас, а дочь свою отдала [в жены] Кадирберди мирзе, который является сыном упомянутого Мир Каримберди мирзы. Цель [сказанного]: из-за мусульманства между Ибрахим унгом и Илйас унгом, [с одной стороны], и Амасанджи Тайши — [с другой], <началась борьба. (Добавлено по Л₂ 48а; Л₃ 31б. Далее в Л₂ 48аб; Л₃ 31б добавлено: «На языке калмаков детей хана называют «унг») [Амасанджи] бежал от них и прибыл в Моголистан с трехстами тысячами человек и известно, что еще восемнадцать раз по сто тысяч человек остались с Ибрахим унгом и Илйас унгом. В конце концов между ними и ханом калмаков вспыхнула вражда, они бежали от хана калмаков и прибыли в пределы Хитая /51а/ с сорока тысячами человек.

Разлад между братьями произошел до смерти Дуст Мухаммад хана. Смерть Дуст Мухаммад хана случилась в 873 (1468—1469) году, а бегство Ибрахим унга и Илйас унга и приезд их в Хитай произошли, вероятно, до 910 (1504—1505) года. Оба они умерли в Хитае. От Ибрахима остался сын по имени Бабулай. И сейчас [116] [потомки его] живут в тех местах, и название того племени по его имени стало также «бабулай». Когда Мансур хан¹ ходил со священной войной на Хитай, то он воевал с этим племенем. Описание этого будет вскоре сделано при упоминании о Мансур хане.

Амасанджи Тайши, отделившись от Ибрахим унга и Илйас унга, пришел в Моголистан. И Йунус хан, переселяя моголов из Аксу, пришел в Моголистан (Добавлено по Л₂ 48б; Л₃ 32а). Вблизи реки Ила произошло сражение. Йунус хан потерпел поражение. Большая группа могольских эмиров погибла в той битве, и из-за нашествия калмаков весь могольский улус ушел в Туркестан. Там, в пределах Туркестана, на берегу реки Сайхун, в местности под названием Кара-Тукай², они провели зиму.

Бурудж углан³ совершил нападение на моголов, как это будет описано [далее].

ГЛАВА 46. УПОМИНАНИЕ О СОБЫТИЯХ, КОТОРЫЕ ПРОИЗОШЛИ ПОСЛЕ СМЕРТИ ДУСТ МУХАММАД ХАНА И УСТАНОВЛЕНИЕ ГОСПОДСТВА ЙУНУС ХАНА; УБИЕНИЕ БУРУДЖ УГЛАНА Б. АБУ-Л-ХАЙР ХАНА УЗБЕКА

В 855 (1451 —1452) году в юрте Джучи хана сына Чингиз хана, что составляет Дашт-и Кипчак, был государем Абу-л-Хайр, из потомков Джучи. В то время в том юрте не было государя более могущественного, чем он. После его смерти среди его людей начался разброд, и много людей присоединилось к Кирай хану и Джанибек хану-казаху, о котором уже упоминалось. Между Кирай ханом и Джанибек ханом, [с одной стороны], и сыновьями Абу-л-Хайр хана — [с другой], была большая давняя вражда. По этой причине сыновья Абу-л-Хайр хана /51б/ чувствовали вражду к могольским ханам, потому что могольские ханы действовали заодно (Взято по Л₂ 48б; Л₃ 32а — «хампай» (в Т «мурабби» — «наставник»)) с Кирай ханом и Джанибек ханом. После [смерти] Абу-л-Хайр хана <его люди и сыновья собрались вокруг Бурудж углана, который был старшим из детей Абу-л-Хайр хана (Добавлено по Л₂ 49а; Л₃ 32а). Так как Кирай хан и Джанибек хан обрели полную силу, этот Бурудж углан держался от них подальше и пребывал в пределах [города] Туркестана. Услышав о

прибытии моголов и установив, что Йунус хан находится в Кара-Тукае, он напал на ханский лагерь. Случайно в тот день все люди [Йунус хана] [117] перешли для охоты на другую сторону реки Сайхун. В полдень по льду прибыл Бурудж углан и нашел лагерь [Йунус] хана пустым. Все его войско составляло двадцать тысяч, а у моголов в то время было шестьдесят тысяч семей. [Воины Бурудж хана] расположились [в лагере], и каждый стал хозяином в доме без хозяина. Бурудж углан остановился в ставке хана, занялся захватом его имущества и его разбором. И каждый из его воинов в каждом доме занимался этим делом.

Йунус хан был на охоте, когда до него дошло это известие. Хан оставил охоту и направился в лагерь, не задерживаясь [даже] со сбором войска. Он достиг берега реки — река была скована льдом, а лагерь хана находился на берегу реки. Хан сам мог трубить в рог, и все люди знали звук ханского рога. Хан подошел с шестью человеками, один из которых был знаменосцем, и, трубя в рог, перешел реку. Каждого расположившегося в доме узбека тут же схватили женщины.

Когда Бурудж углан услышал звук рога и увидел шесть человек со знаменем, он вскочил, чтобы сесть на коня, [однако] его конюший — ахтаци и лошадь были схвачены на месте служанками, а из дома выскочили женщины и схватили самого Бурудж углана. В этот момент прибыл хан и приказал, чтобы ему отрезали голову и насадили ее на копьё. Из тех двадцати тысяч узбеков мало кто спасся. Хан, одержав победу, расположился в своем лагере, и когда на следующий день собралось войско, /52a/ он стал преследовать их. Те из султанов Абу-л-Хайр хана, которые остались в живых, разбежались (Приведено по Л₁ 416; Л₂ 49a; Л₃ 326), о них будет сказано отдельно в разных местах.

ГЛАВА 47. УПОМИНАНИЕ О СОБЫТИИ, [СВЯЗАННОМ] С ШАЙХ ДЖАМАЛОМ, И О ПЛЕНЕНИИ ИМ ХАНА

[Йунус хан] провел зиму в Кара-Тукае, а весной пришел в Ташкент. В Ташкенте был эмир по имени Шайх Джамал хар — один из эмиров Мирзы Султан Абу Са'ида. В то время Султан Абу Са'ид мирза умер в Ираке. Власть в Герате (Добавлено по Л₂ 496; Л₃ 326) и Хорасане утвердилась за Султан Хусайном мирзой; в Самарканде — за Султан Ахмад мирзой б. Султан Абу Са'ид мирзой¹; Хисар, Кундуз и Бадахшан отошли к Мирзе Султан Махмуд б. Султан Абу Са'иду мирзе², а власть в Андижане и [118] Фергане принадлежала Мирзе Умар Шайх б. Мирза Султан Абу Са'иду³. Этих трех [последних] мирз Йунус хан сделал своими зятьями, и жизнеописание каждого из них будет изложено в своем месте. Короче говоря, этот Шайх Джамал хар — один из эмиров Султан Абу Са'ида мирзы, был правителем Ташкента и считал себя зависимым от Мирзы Султан Ахмада, <который находился в Самарканде (Добавлено по Л₂ 496; Л₃ 326), однако должным образом ему не повиновался.

Йунус хан пришел в пределы Ташкента. Он не мог идти в сторону Моголистана [в поисках] пастбища, боясь калмаков, от которых он потерпел поражение (Добавлено по Л₃ 326). Благодаря отцовским и сыновним отношениям и доверию, существовавшим между ханом и упомянутыми мирзами, они посещали друг друга без всяких опасений. Хан [и на этот раз] пришел в пределы Ташкента без каких-либо предосторожностей. А моголы, находившиеся на службе у хана, тайно послали человека к Шайх Джамал хару, подстрекая его против хана. После неоднократных убеждений [Шайх Джамал] отправился к [Йунус] хану якобы для оказания почестей. Когда Шайх Джамал хар приблизился к нему, люди, находившиеся подле хана, пошли к нему навстречу. Хан остался один. У кого бы он ни спрашивал, куда пошли эти люди, ему отвечали: «Они пошли встретить Шайх Джамала». Шайх Джамал хар приблизился к ханским барабанам и к знамени и остался сидеть верхом на коне. Около хана /52b/ никого не было. [Шайх Джамал] послал человека взять хана, и его схватили. Возможно, его схватили его же приближенные. Так Шайх Джамал легко захватил [Йунус] хана и посадил его под арест. Он пробыл под арестом год. Весь могольский улус оказался [в руках] Шайх Джамала.

Жена хана, мать его детей, Исан Даулат бегим, о которой упоминалось прежде, была матерью Михр Нигар ханим, отданной в то время [в жены] Султан Ахмаду мирзе, и [матерью] Кутлук Нигар ханим, которую отдали [в жены] Мирзе 'Умар Шайху. [И вот] эту Исан Даулат бегим, мать этих двух госпож, Шайх Джамал хар подарил одному из своих уважаемых людей. Когда об этом сообщили бегим, она не совершила никакой дерзости, даже выразила согласие. Того человека [119] звали Ходжа Калан. Ему сказали о согласии бегим, он очень обрадовался и вечером пришел к ней.

Его слуги оставались снаружи, а сам он вошел во внутрь [дома]. А до этого бегим приказала служанкам, чтобы они крепко заперли двери. Когда бегим узнала, что служанки заперли двери, она со служанками напала на Ходжа Калана, его схватили и убили ударом ножа. Утром убитого выбросили из дома. Когда люди увидели его труп, они пошли к Шайх Джамал хару и рассказали об этом. Шайх Джамал послал человека к бегим за разъяснением. Бегим сказала: «Я жена Султан Йунус хана, а Шайх Джамал подарил меня другому человеку. Это недозволено по шариату и в мусульманстве. Я убила его, чтобы Шайх Джамал хар также убил меня». Шайх Джамал рассыпал тысячу похвал и благодарностей [бегим], выразил ей уважение и почтение и отослал к хану.

Когда миновал год после заключения хана, Амир 'Абдалкуддус, племянник Амир Каримберди дуглата, договорившись с группой людей, напал на Шайх Джамал хара, убил его, а голову его

принес [Йунус] хану. Хана он освободил из заключения. Могольские эмиры, которые ранее ушли к Шайх Джамалу, вернулись к [Йунус] хану и заявили: «Причина нашего неповиновения та, что хан старался [посадить] нас в городе и вилайате, /53a/ а для нас пребывание в городе и вилайате крайне непривычно». Хан также раскаялся [и сказал], что впредь не будет мечтать о городе и вилайате. И на эти события составлена хронограмма: «Пришел 'Абдалкуддус, взяв голову хара». Этот [та'рих] составлен в виде шарады. Так, если начало [слова] «хар», т. е. букву «х» прибавить к [слову] «'Абдалкуддус» — [цифровое значение букв],— будет та'рих — [восемьсот семьдесят семь]. Между тем калмаки вновь ушли в свой юрт, Моголистан оказался свободным, хан поднял моголов в путь и прибыл в Моголистан.

ГЛАВА 48. КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ О СОБЫТИЯХ, ПРОИСШЕДШИХ МЕЖДУ ЙУНУС ХАНОМ И ГОСУДАРЯМИ МАВЕРАННАХРА ПОСЛЕ УБИЕНИЯ ШАЙХ ДЖАМАЛ ХАРА

Когда [Йунус] хан вновь утвердился на ханском троне, все моголы и его эмиры взяли у него обещание, что отныне он не будет предлагать им жить в городе и вилайате, потому что все смуты и обиды моголов на [120] хана происходили по этой причине. Хан был вынужден дать обещание и приехал в Моголистан. Амасанджи Тайши и калмаки вернулись в свои места, и Моголистан освободился от калмаков.

[Йунус] хан пробыл в Моголистане несколько лет, никогда не помышлял (Приведено по Л₂ 506; Л₃ 336) о городе и его домах, так что люди могольского улуса хорошо относились к хану и повиновались ему.

Мухаммад Хайдар мирза находился в Кашгаре и повиновение хану считал для себя обязательным. Хан в отношении к нему также проявлял ханскую любовь и окружил его отеческой заботой. В Моголистане и Кашгаре наступило полное благоденствие.

После приезда [Йунус] хана [в Моголистан] приближенные Кебек Султан углана б. Дуст Мухаммад хана, бежавшего в Турфан, убили его, а голову привезли [Йунус] хану. Так как Кебек Султан был братом хана, хотя и врагом [одновременно], хан стал держать по нему траур и приказал отомстить его убийцам. Другого противника у хана ни с какой стороны больше не было.

В то время, когда [Йунус] хан убил Бурудж углана, он отправил свою старшую дочь Михр Нигар ханим Султан Ахмаду Мирзе б. Султан Абу Са'иду мирзе [в жены]. <[Раньше] он говорил: «Султан [Абу Са'ид] мирза (Добавлено по Л₂ 51a; Л₃ 336) превратил вражду между моголами и Чагатаями в дружбу, а я эту дружбу обращаю в родственные связи. Если у меня будет дочь, я отдам [ее в жены] сыну того Мирзы Султан Абу Са'ида. /536/ Михр Нигар ханим оставалась в гареме Мирзы Султан Ахмада до конца его жизни. Описание жизни [Михр Нигар] ханим будет приведено во второй тетради настоящей «Истории».

Прибыв после убийства Шайха Джамала в Моголистан в 880 (1475—1476) году, хан отдал Кутлук Нигар ханим, которая была моложе Михр Нигар ханим, [в жены] 'Умар Шайху мирзе б. Султан Абу Са'иду мирзе. Между ханом и 'Умар Шайхом мирзой <была такая искренняя дружба, какая редко случается даже между отцом и сыном. 'Умар Шайх мирза (Добавлено по Л₂ 51a; Л₃ 34a) несколько раз ездил в Моголистан и оставался там один-два месяца. Иногда он приглашал хана в Андижан, и хан один-два месяца жил в доме 'Умар Шайха мирзы. В те дни ['Умар Шайх] усиленно подстрекал хана пойти на [121] Самарканд и отобрать власть в Самарканде у Мирзы Султан Ахмада, старшего зятя хана, и передать ее Мирзе 'Умар Шайху. Однако хан не соглашался. Когда [слухи] об этой мечте Мирзы 'Умар Шайха доходили до Султан Ахмада, он [каждый раз] намеревался повести войско против 'Умар Шайха мирзы. А 'Умар Шайх мирза обращался за помощью к хану, хан приезжал и ['Умар Шайх] давал ему некоторые из своих владений. Султан Ахмад мирза по этой причине не мог выступить против [брата]. Так повторялось несколько раз.

В конце концов стало так, что каждую зиму хан приезжал в Андижан. Весь могольский улус оставался в Моголистане, а хан с [некоторыми] прислуживавшими ему людьми уезжал в Андижан. 'Умар Шайх мирза давал хану [какое-нибудь] из своих владений, которое выбирал сам хан. Когда наступала весна, хан уезжал в Моголистан, а Мирза вновь становился обладателем своего вилайата. Однажды Мирза 'Умар Шайх, опасаясь своего старшего брата Мирзы Султан Ахмада, позвал Йунус хана и дал хану Ахси¹. Хан расположился в Ахси на зимовку. Когда известие об этом дошло до Султан Ахмада мирзы, он отменил свой поход.

Когда 'Умар Шайх мирза успокоился на счет похода Мирзы Султан Ахмада, [пребывание] хана в Ахси он посчитал досадным, потому что Ахси — самый большой город Ферганы и является даже /54a/ матерью городов Ферганы. По этой причине он восстал против [Йунус] хана и около моста Тека Сакраткан² произошло сражение. Сколько бы хан ни увещевал Мирзу, пользы не было. В конце концов завязался бой, и поражение выпало на долю Мирзы. Мирзу схватили, привели к хану— Мирза был связан. Хан поднялся с места, пошел ему навстречу и развязал руки Мирзы. Тут же он преподнес Мирзе подарки и отправил его [в Андижан], сказав: «Возвращайся поскорее, чтобы не начались беспорядки среди твоих людей, а я также следом поеду в твой дом».

Когда 'Умар Шайх мирза уехал в Андижан, хан дал разрешение улусу моголов (Добавлено по Л₁ 43а; Л₂ 51б; Л₃ 34а) ехать в Моголистан, а сам с семьей и ограниченным количеством людей поехал в Андижан. Два месяца он был гостем в доме Мирзы 'Умар Шайха и никаких разногласий между ними не было.

[122] В другой раз Мирза позвал хана и дал ему Маргинан³. Когда хан находился в Маргинане, туда прибыл его светлость, полюс круга наставников и кибла идущих по истинному пути, угодный Богу Ходжа Насирадин 'Убайдаллах⁴, <да освятит Аллах его могилу>, чтобы установить мир между [Йунус] ханом и 'Умар Шайхом мирзой, [с одной стороны], и Султан Ахмад мирзой — [с другой].

Я не раз слышал от правдивых рассказчиков, что когда его светлость ишан, <да освятит Аллах его могилу>, подъехал к Маргинану, все моголы и [другие] люди вышли его встречать. Никто из моголов, из-за чрезвычайного уважения к ишану, не упустил случая удостоиться его [благословения]. Мужчины и женщины прибывали толпами. Они спешились вдалеке, привязывали лошадь в каком-нибудь месте и останавливались у дороги, припав лицом к земле. <После того, как его светлость ишан проезжал [мимо них], они бросались на дорогу и брали землю с той дороги. А [Йунус] хан отправился встречать ишана один. Когда ишан приблизился, хан спешился, привязал своего коня в одном месте и стал тереться об черную землю своим лицом, подобным рубиновому блюду (Добавлено по Л₂ 52б; Л₃ 34б). Его светлость ишан приблизился. Среди его спутников был один, который знал хана, он сказал его светлости ишану: «Вот это—Йунус хан». Его светлость ишан сошел с коня, поднял голову хана от земли и благословил его. Сей раб слышал от его светлости, убежища руководства, /54б/ Мухаммада Кази, <да будет над ним милость Аллаха>, что когда его светлость ишан приехал в Маргинан, он сказал: «Я слышал, что Йунус хан — могол, и представлял могола без бороды, по манерам и поведению подобного тюркам-кочевникам. Однако, когда я увидел хана, он оказался человеком приятным в беседе, с густой бородой, с лицом таджика, по чрезвычайной учтивости речи и беседы он таков, каких и среди таджиков бывает мало». Короче говоря, после того, как его светлость ишан увидел хана, он разослал письма ко всем государям вокруг, что де... «я видел Йунус хана-могола, подданных такого государя нельзя делать рабами — эти люди мусульмане». После этого никто в Мавераннахре и Хорасане больше не покупал и не продавал невольников-моголов, а до этого моголов продавали как остальных неверных.

[123] ГЛАВА 49. УПОМИНАНИЕ О ПРАВЛЕНИИ МУХАММАД ХАЙДАРА МИРЗЫ В КАШГАРЕ

После смерти Сансиза мирзы б. Амир Саййида 'Али в Кашгаре стал править Мухаммад Хайдар мирза б. Амир Саййид 'Али, как было упомянуто раньше.

После того, как Мухаммад Хайдар мирза поселился в Кашгаре, а Дуст Мухаммад хан умер, Йунус хан увел людей из улуса моголов в Моголистан и там произошли события, [связанные] с Бурудж угланом и Шайх Джамал харом, как уже было упомянуто. После этого Йунус хан ради удовлетворения моголов отказался от желания жить в городе и вилайате. Мухаммад Хайдар мирза из Кашгара повиновался хану, и хан также смотрел на него как на сына.

С 869 (1464—1465) (Добавлено по Л₂ 52б, Л₃ 35а) по 885 (1480—1481) годы Мухаммад Хайдар мирза прожил в Кашгаре наилучшим образом, в покое и благоденствии. Время его правления в Кашгаре в целом составляет двадцать четыре года, из них шестнадцать лет он был независимым, а остальное время находился в зависимости.

ГЛАВА 50. УПОМИНАНИЕ О ПРАВЛЕНИИ АБУ БАКРА МИРЗЫ И НАЧАЛО ЕГО ЖИЗНЕОПИСАНИЯ

Когда Сансиз мирза умер, Дуст Мухаммад хан пришел в Йарканд и /55а/ заключил брак с женой Сансиза мирзы. Старшего сына Сансиза мирза — Аба Бакра — он увел с собой в Аксу. Через некоторое время он отдал ему [в жены] свою сестру Хусн Нигар ханим. Однако Аба Бакр мирза из-за неуравновешенного нрава Дуст Мухаммад хана бежал и приехал к своему дяде по отцу Мухаммад Хайдару мирзе. Следом за ним Дуст Мухаммад хан отправил в Кашгар и Хусн Нигар ханим, о чем раньше уже говорилось.

Когда Мирза Аба Бакр находился у Мухаммед Хайдара мирзы, он был смелым и щедрым, по природе своей чрезвычайно сильным и храбрым. Он был такого высокого роста, что если бы он шел среди сотни пеших людей, то тот, кто его увидел, подумал бы, что он на лошади. Однако Мухаммад Хайдар мирза, являясь наследственным правителем, не ценил воина. Уважаемые эмиры и военачальники, которых Амир Саййид 'Али собрал за свою восьмидесятилетнюю жизнь, во время [правления] Мухаммад Хайдара мирзы большинство [124] умерли, а те, которые остались, <не были способны выполнить какое-нибудь дело (Добавлено по Л₂ 52б; Л₃ 35а). >Внуки и сыновья тех военачальников и упомянутые эмиры не были близки с Мухаммад Хайдаром мирзой (Приведено по Л₁ 52б; Л₃ 35а). Все юноши и сыновья эмиров хотели служить Мирзе Аба Бакуру. Подробности этого краткого изложения слишком длинны. [Кроме того], с того времени дела их точно в памяти не сохранились; людей, которые жили тогда, до

настоящего времени отделяет период в двадцать лет, так что от них никого не осталось и то, что о них в те времена было известно, сейчас забылось в противоречивых [сообщениях].

Итак, Мирза Аба Бакр бежал от Мухаммада Хайдара [мирзы], предъявил правителю Йарканда какую-то грамоту и хитростью завладел Йаркандом. Он послал человека к своему дяде Мухаммаду Хайдару мирзе с сообщением о своем повиновении ему. Мухаммад Хайдар мирза принял его покорность.

На службе у Мирзы Аба Бакра собралось три тысячи человек из юношей и сыновей эмиров Кашгара. Между тем его брат 'Умар мирза, который был в Кашгаре, также приехал к нему. /556/ Вместе два брата приложили старание к овладению теми местами. Они задумали захватить Хотан и приняли к этому меры. Так как речь дошла до этого места, то здесь необходимо рассказать о Хотане и его правителях.

ГЛАВА 51. УПОМИНАНИЕ О МИРЗАХ ХОТАНА

Хотан — один из наиболее известных городов на Востоке. Полное описание Хотана, имеющееся в исторических сочинениях и [в других] книгах, приведено во второй книге.

Когда власть над племенем дуглат перешла к Мирзе Худайдаду, <да будет над ним милость Аллаха>, как было упомянуто, все владения, принадлежавшие дуглатам, он разделил между своими детьми и братьями. Так, Кашгар и Йарканд он передал своему младшему сыну Саййид Ахмаду мирзе. У Мирзы Худайдада <было два родных брата (Приведено по Л₃ 53а) по имени Илйас Шах и Хизр Шах. Илйас Шаху он дал Аксу, а Хизр Шаху — Хотан, заставив обоих подчиниться Саййид Ахмаду мирзе; [право] отстранять и назначать их [на этот пост] он [125] также передал в руки Саййид Ахмада мирзы. Оба [брата], подобно другим мулазимам, ежегодно являлись к нему на службу, а, получив разрешение, уезжали в свои вилайаты. Такой порядок соблюдался до времени Мир Саййида 'Али. Когда Мир Саййид 'Али отдал Аксу Исан Буге хану, на службе у Исан Буги хана был один из внуков Илйас Шаха мирзы также по имени Илйас Шах, за которым сохранялась крепость Аксу вплоть до времени Дуст Мухаммад хана. А после Мир Саййида 'Али в Хотане сидели два брата из потомков Хизр Шаха мирзы — одного звали Хан Назар мирза, другого — Кул Назар мирза.

Хан Назар мирза по силе и мощи считал себя равным Мирзе Аба Бакру и даже Мир Саййиду 'Али. Он претендовал на независимость и отказался от издавна существовавшего повиновения Кашгару <и даже страстно желал подчинить ту сторону (Добавлено по Л₂ 53б; Л₃ 356).

Мирза Аба Бакр испросил разрешения у Мухаммада Хайдара мирзы подчинить Хотан, потому что Хан Назар и Кул Назар сошли с пути повиновения [Кашгару], которое было их обязанностью, полученной ими по наследству. Мухаммад Хайдар мирза был также в обиде на них, поэтому он не только дал ему разрешение, но даже побуждал к этому делу. И Мирза Аба Бакр спокойно /56а/ занялся хотанскими делами.

Хан Назар мирза сделал из железа палку, которую никто не мог поднять даже двумя руками, а он орудовал ею одной рукой. И лошадь, и корова, и все, по которым он бил [этой палкой], непременно падали. А его младший брат Кул Назар мирза был юноша чрезвычайно мягкий и скромный. Вот эти два брата претендовали на царство.

Г Л А В А 52. УПОМИНАНИЕ О ВЗЯТИИ ХОТАНА МИРЗОЙ АБА БАКРОМ И ИСТРЕБЛЕНИЕ МИРЗ ХОТАНА

В те дни, когда Мирза Аба Бакр намеревался покорить Хотан, с ним был 'Умар мирза, которому не нравились дела его старшего брата, и он намеревался выступить против него. Об этом узнал Мирза Аба Бакр, каким-то образом схватил его, ослепил и отправил к Мухаммаду Хайдару мирзе. После разорения Кашгара 'Умар мирза уехал в Самарканд, там его приняли. В 921 (1515—1516) году он приехал в Кашгар, где и умер. Похоронен в гробнице Мир Саййида 'Али.

[126] Одним словом, Мирза Аба Бакр, избавившись от брата, направился в Хотан. В первый раз он вернулся назад, заключив мир. Во второй раз они снова решили [закончить] дело миром, и оба верхом на конях встретились друг с другом. После того, как были обговорены условия мира, было решено подкрепить это клятвой на Коране. Мирза Аба Бакр, как было договорено с мулазимами, передал Коран одному из своих доверенных лиц, чтобы тот отнес его к Хан Назару. Когда тот человек подносил Коран к Хан Назару мирзе, Хан Назар мирза протянул руки, чтобы взять его, а тот человек уцепился за обе руки Хан Назара мирзы, и [в это время] со всех сторон напали мулазимы Мирзы Аба Бакра с мечами, которые заранее договорились и стояли наготове. Для Хан Назара это было неожиданностью, а у мулазимов Хан Назара мирзы не было возможности напасть на них, и они обратились в бегство. Несколько других людей, которые были назначены схватить Кул Назара мирзу, скрутили его и таким образом /56б/ обоих этих братьев ударом меча освободили от [земных] забот. Такой хитростью [Мирза Аба Бакр] искоренил их семья из Хотана и захватил Хотан. Он обрел полную силу. Справившись с братьями, он выступил против своего дяди Мухаммада Хайдара мирзы.

Г Л А В А 53. УПОМИНАНИЕ О ХИТРОСТИ АБА БАКРА МИРЗЫ В ОТНОШЕНИИ МУХАММАД ХАЙДАРА МИРЗЫ И ОТСТРАНЕНИЕ МУХАММАД МИРЗОЙ СВОИХ ЭМИРОВ ИЗ-ЗА СЛОВ МИРЗЫ АБА БАКРА

После смерти Сансиза мирзы Дуст Мухаммад хан, как уже было упомянуто, взял [в жены] жену Сансиза мирзы Джамал (В Т и Л₃ 36а — Джамак) агу и отдал Кашгар Мухаммад Хайдару мирзе. Эти события произошли в 869 (1464—1465) году.

После смерти Дуст Мухаммад хана [Мухаммад] Хайдар мирза заключил брак с Джамал агой, которая является матерью Мирзы Аба Бакра и 'Умара мирзы. У Мухаммад Хайдара мирзы от Джамал аги появилось два сына: мой отец — Мухаммад Хусайн гураган и мой дядя — Саййид Мухаммад мирза.

Когда Мирза Аба Бакр после захвата Хотана (Добавлено по Л₂ 54а; Л₃ 36а) обрел силу, эмиры не раз думали о деле Мирзы Аба [127] Бакра и докладывали [Мухаммад Хайдару мирзе], что Мирза Аба Бакр от начала до конца основывал свои дела целиком на насилии, и что он ни к кому не сохранил верности. Так, сначала он воровским путем захватил Йарканд и приносил неприемлемые извинения; после этого он вырвал глаза у 'Умара мирзы; еще он убил Хан Назар хана и Кул Назар хана — как можно ждать от такого человека верности? Он постоянно мечтает о Кашгаре. И все его помыслы направлены на то, чтобы все эти владения собрать в одно целое. Сколько бы эмиры ни докладывали об этом, Мухаммад Хайдар мирза из-за милосердия к племяннику не придавал этому значения. Да и его жена, Джамал ага, которая была матерью его сыновей, а также матерью Мирзы Аба Бакра, в противоположность мнению эмиров докладывала: «Он Ваш сын. Йаркандом правил один из ваших эмиров (Добавлено по Л₁ 45а; Л₂ 54б; Л₃ 36б). Так как Йарканд был столицей его отца, то он имел на него право, а Вы ему не дали его и, если он сам проявил дерзость и положился на Вашу милость, то что из того, что эмиры представляют его Вам плохим? Хотаном все равно владел другой человек: и если вместо посторонних станет он, то какая в этом вина?». Точно так же она как-то оправдывала каждый поступок Мирзы Аба Бакра, так что Мухаммад Хайдар мирза /57а/ успокаивался в отношении его до тех пор, пока открыто не прогремел барабан его неповиновения (Приведено по Л₂ 54б; Л₃ 36б). И тут Джамал ага доложила, что он проявляет вражду из-за эмиров, потому что эмиры представляют его Вам в плохом свете. Тайно она передала Мирзе Аба Бакру: «О причине твоей вражды и в твое оправдание я говорила то-то». Эти слова отвечали желаниям Мирзы Аба Бакра, и он то же самое передал [Мухаммад Хайдару]: «До тех пор, пока будут эти эмиры, я не смогу Вам служить, потому что они очернили меня перед Вами. Если Вы прогоните эмиров, я не только Ваш сын, даже Ваш раб». Мухаммад Хайдар мирза по своей <душевной простоте (Приведено по Л₁ 45б; Л₂ 54б; Л₃ 36б) поверил его лжи и распустил эмиров, а когда он отстранил могущественных эмиров, сила его власти оказалась сломленной, и Мирза Аба Бакр стал устраивать набеги на Кашгарский вилайат и Йанги Хисар.

[128] Так как великие эмиры были отстранены, никто не смог оберегать границы и окраины [государства].

ГЛАВА 54. УПОМИНАНИЕ О ВЫСТУПЛЕНИИ ЙУНУС ХАНА НА ПОМОЩЬ МУХАММАД ХАЙДАРУ МИРЗЕ ПРОТИВ МИРЗЫ АБА БАКРА И ИХ ПОРАЖЕНИЕ

Ранее уже говорилось, что Амир 'Абдалкуддус убил Шайх Джамал хара и освободил из заточения [Йунус] хана. Хан по этой причине оказывал ему бесконечное внимание, пожаловал его титулом «гураган» и передал ему все должности и туманы дуглатов. От этого он стал гордым и высокомерным и так обращался с ханом, что сам испугался своего обращения. Описание этого — слишком долгая история, [короче говоря], он бежал от хана и прибыл в Кашгар к Мухаммад Хайдару мирзе. Мухаммад Хайдар мирза [к тому времени] удалил своих эмиров и от того в делах его наступил беспорядок, и он сожалел о содеянном. Когда прибыл Мир 'Абдалкуддус, он проявил к нему должное уважение, отдал ему [в жены] свою дочь Ага Султан Султаним, проявляя о нем большую заботу и выставил его против Мирзы Аба Бакра. Тот также настроился против Мирзы Аба Бакра. /57б/

Короче говоря, однажды Мирза Аба Бакр устроил набег на пределы Йанги Хисара. Мир 'Абдалкуддус выступил против него. После многочисленных боев и бесчисленных усилий поражение выпало на долю Мир 'Абдалкуддуса, несмотря на многочисленность его [войска], намного превышавшего [войско] Мирзы Аба Бакра. Сконфуженный Мир 'Абдалкуддус больше не поехал к Мухаммад [Хайдару] мирзе и, вручив себя воле судьбы, отправился в Бадахшан. С тремясками людьми он прибыл к Мирзе Султан Махмуду. Мирза Султан Махмуд проявил к нему бесконечное внимание и дал ему вилайат Хост, который является самым большим вилайатом Бадахшана и Кундуза. Там он погиб от рук неверных [из племени] катур¹.

Словом, благодаря уходу Мир 'Абдалкуддуса силы у Мирзы Аба Бакра увеличились. Хитростью и уловками он удалил от Мухаммад Хайдара мирзы влиятельных эмиров и видных военачальников, а

Мир 'Абдалкуддусу он нанес такое поражение, что дела Мухаммад Хайдара мирзы оказались в плачевном состоянии. Джамал ага раскаялась о содеянном, однако ее раскаяние не принесло пользы.

[129] В конце концов Мухаммад Хайдар мирза собрал войско из пехотинцев и всадников около тридцати тысяч [человек] и пошел на Мирзу Аба Бакра. Тот вышел навстречу с тремя тысячами человек. Произошел жестокий бой. В конце концов поражение выпало на долю Мухаммад Хайдара мирзы (Добавлено по Л₁ 46а; Л₂ 55а; Л₃ 37а). Сломленный и разбитый, Мухаммад Хайдар мирза приехал в Кашгар. Об этих делах он сообщил своему старшему дяде по матери Йунус хану и попросил у него помощи. Хан выделил пятнадцать тысяч человек из своего войска и из сострадания к племяннику сам отправился на Мирзу Аба Бакра.

Мухаммад Хайдар мирза еще раз собрал войско и, присоединившись к хану, направился в Йарканд. Мирза Аба Бакр укрепился в крепости Йарканда, а хан расположился с восточной ее стороны. На следующий день [Мирза] Аба Бакр за [стенами] крепости в предместье выстроил конных и пеших [воинов] и выступил с ними. Это были те же самые три тысячи человек, все сыновья эмиров и бахадуров (Добавлено по Л₂ 55б; Л₃ 37а) Мир Саййида 'Али, <которые, выступая против ста тысяч человек, достигли заветного желания и не испили ни капли печали (Добавлено по Л₂ 55б; Л₃ 37а). Мухаммад [Хайдар] мирза /58а/ в свое время пренебрег ими, а Мирза Аба Бакр собрал их при себе. [Йунус] хан с многочисленным войском, <с одной стороны (Добавлено по Л₁ 46а; Л₂ 55б; Л₃ 37а), а Мухаммад Хайдар мирза — с другой, стали наступать. Мирза Аба Бакр, не обращая внимания на Мухаммад Хайдара мирзу, все силы направил на хана. После многочисленных стычек он обратил хана в бегство. Когда хан обратился в бегство, Мухаммад Хайдар мирза также бежал с той стороны, [где стоял]. Такое огромное войско было разбито.

Когда хан и Мухаммад [Хайдар] мирза прибыли в Кашгар, хан сказал Мухаммад Хайдару мирзе: «Полагая, что с ним легко справиться, я привел мало войска. В этом году ты постарайся удержать свое владение, а на следующий год я приду со всем войском и покончу с его делом». Хан ушел в Моголистан, а Мухаммад Хайдар мирза остался в Кашгаре.

[130] ГЛАВА 55. ВЫСТУПЛЕНИЕ ЙУНУС ХАНА С ВОЙСКОМ НА ПОМОЩЬ МУХАММАД ХАЙДАРУ МИРЗЕ В ЙАРКАНД ВО ВТОРОЙ РАЗ И ПОРАЖЕНИЕ ЕГО ОТ МИРЗЫ АБА БАКРА

Когда наступил следующий 885 (1480—1481) год [Йунус] хан пришел в Кашгар со всем могольским войском, которое составляло шестьдесят тысяч человек. Мухаммад Хайдар мирза также улучшил порядок в своем войске по сравнению с прошлыми годами. Он присоединился к хану и направился в Йарканд. Султан Йунус хан и Мухаммад Хайдар мирза с общим количеством девяносто тысяч человек конных и пеших [воинов] отправились в Йарканд.

Мирза Аба Бакр так же, как в прошлом году, укрепился в крепости Йарканда. Он также собрал войско конных и пеших [людей] около пяти тысяч человек; из них три тысячи конных — это были те самые люди, о которых уже говорилось, что все они сыновья эмиров Мир Саййида 'Али, его отборные молодые люди, которых, не зная их ценности, упустил Мухаммад Хайдар мирза. И было собрано две (Приведено по Л₁ 46а) тысячи стрелков-пехотинцев, отобранных из вилайата, обнадежив их большими обещаниями. Войска хана расположились, окружив крепость Йарканда кольцом, а сам хан [остановился] в Калдугадж Йари (Приведено по Л₁ 46а; Л₂ 56а; Л₃ 37б; R 105 — Калу Ай Бари; в Т — Калугадж Йари) — известной местности в восточной стороне Йарканда.

Когда наступил послеполуденный намаз, влиятельные люди из войска хана от каждого кушуна отправились по собственному усмотрению к крепости /58б/ и завязали бой. Из крепости вышли люди Мирзы Аба Бакра: между всадником и пешим был стрелок, а перед каждым пешим <другой пехотинец (Приведено в Л₁ 46б; Л₂ 56а; Л₃ 37б) держал щит. Завязался жаркий бой. Хан находился на своей стоянке. Пришла группа людей, рассказала про бой, много его описывала и убеждала, что следует пойти посмотреть. Хан отправился с небольшим количеством людей, даже не надев доспехи. Когда они достигли края рва, то увидели, что пехотинцы с обеих сторон сцепились — ведут трудный бой. Однако с вершины рва было плохо видно, и хан, чтобы вести наблюдение, спустился [с вершины] оврага вниз. В овраг вела одна дорога.

[131] Когда хан спустился вниз, пехотинцы осмелели и начали отважно бороться.

В то время 'Алим Шайх бахадур, один из видных бахадуров хана, находился в палатке и услышал, что хан уехал наблюдать [за боем]. И ему в голову пришла мысль тотчас же отправиться туда, проявить смелость около хана и отличиться среди равных. Он привел в порядок свое снаряжение, дошел до хана, прошел дальше и добрался до сражающихся пехотинцев. Между пехотинцами войска хана и войска Аба Бакра мирзы была [полоса] земли, отгороженная с двух сторон от коров, а между этими двумя оградами был ровный проход. Когда 'Алим Шайх бахадур подъехал, он устремился через этот самый проход на пехотинцев Мирзы Аба Бакра и настиг одного из них, у которого был щит. Когда пехотинец увидел, что его стремительно настигают, то у него не хватило решимости, он бросил свой щит перед лошадью 'Алим Шайх бахадур, а сам убежал. Лошадь 'Алим Шайх бахадур от падения щита резко шарахнулась в сторону, так что ['Алим] Шайх бахадур не смог [удержаться] и

упал. Пехотинцы, находившиеся за этими оградами, выскочили из-за них и схватили одинокого 'Алим Шайх бахадур, а всадники Мирзы Аба Бакра устремились на пехотинцев войска хана. Пехотинцы увидели, что сопротивление бесполезно и тотчас же стали отступать. Люди, пришедшие наблюдать [за боем], подались назад. Хан также находился в овраге. Люди, /59a/ сопровождавшие хана, посоветовали ему, чтобы он быстрее поднялся наверх оврага, и хан поспешно направился к дороге, ведущей из оврага. Когда люди увидели, как быстро уходит хан, каждый, кто был наверху оврага, <подумал, что хан бежит, и все убежали (Добавлено по Л₂ 566; Л₃ 38a). Когда хан поднялся наверх оврага, он увидел, что люди убежали и войско расстроилось. Он направился в лагерь, чтобы успокоить воинов. Хан прибыл в лагерь и занялся тем, что стал бить людей и выговаривать им, но ни один человек не двинулся с места.

В это время люди Мирзы Аба Бакра сражались с пехотинцами, спустившимися в овраг, и, преследуя их вместе со всадниками, прибывшими для наблюдения, поднялись наверх оврага и также бесстрашно шли вперед, нанося удары. А за ними следом шли всадники.

[132] Когда расстроившееся войско увидело это положение, [воины] все разом обратились в бегство, и сколько бы хан ни старался, остановить их не мог. Всадники Мирзы Аба Бакра приблизились. Возле хана никого не осталось, и он также пустился в путь. Такое огромное войско было разбито за час. Хан бежал и прибыл в Кашгар. Большая часть войска не присоединилась к хану и бежала в Моголистан. [Хан] говорил Мухаммад Хайдару мирзе, что в такой обстановке ему нельзя оставаться в Кашгаре. Мухаммад Хайдар мирза с ханом и пятью тысячами семейств ушли в Аксу. Большая группа из людей Кашгара ушла в Андижан, и Кашгар стал свободен для Мирзы Аба Бакра. Это произошло в 885 (1480—1481) году. А моему отцу Мухаммад Хусайну гурагану в то время было двенадцать лет.

Когда Йунус хан с Мухаммад Хайдаром мирзой ушел в Аксу, моего отца взял с собой сын Йунус хана Султан Махмуд хан и привез в Моголистан. Там они подружились, и до конца жизни он называл моего отца «адаш», что по-монгольски означает «друг».

ГЛАВА 56. УПОМИНАНИЕ О РАННЕМ ПЕРИОДЕ ЖИЗНИ СУЛТАН МАХМУД ХАНА Б. ЙУНУС ХАНА¹

Так как после этого /596/ речь будет касаться воспоминаний о Султан Махмуд хане, то следует рассказать о его жизни с самого начала. В то время, когда Султан Йунус хан во второй раз прибыл из Хорасана, Мир Саййид 'Али умер, а Сансиз мирза искал помощи у Йунус хана, как об этом уже было упомянуто. Йунус хан в те дни часто приезжал в Кашгар. Тогда же хан отравил к Шах Султан Мухаммаду² в Бадахшан Амир Зийааддина, одного из уважаемых сейидов Кашгара, <чтобы он посватал за него добродетельную из добродетельных, скромную его дочь (Добавлено по Л₂ 57a; Л₃ 38a).

Шах Султан Мухаммад Бадахши был потомок Искандар Зу-л-Карнайна [сына] Файлакуса румийского³. Искандар после завоевания стран мира устроил с правителями совещание, [и сказал], чтобы они нашли такое место, до которого не дотянулись бы руки монархов мира, чтобы поселить там свое потомство. Правители избрали Бадахшан и написали «Дастур [133] ал-'амал» («Правила управления») — пока они будут задерживаться их, никто не сможет отобрать у них это владение. Со времени Искандара до времени Шах Султан Мухаммада никто не нападал на Бадахшан и, таким образом, из поколения в поколение [потомки Искандара] стояли во главе государства. Когда настало время правления Шах Султан Мухаммада Бадахши, он не придерживался «Дастур ал-'амал» Искандара. Это был шах, обладавший большими способностями и умом. У него есть диван стихов, чрезвычайно хороших — он взял себе тахаллус «Ла 'али» (Приведено по Л₁ 476; Л₂ 576; Л₃ 386 (в Т — Накли...)) — в его [стихах] присутствуют изящество и остроумие, и «Дастур ал-'амал» он изменил сообразно своему таланту.

У него было шесть дочерей. Одну он отдал [в жены] Султан Мас'уду Кабули, из потомков Мир Тимура. Другую отдал Султан Абу Са'иду мирзе — от нее родился сын по имени Аба Бакр мирза, в конце концов после Мирзы Султан Абу Са'ида он боролся с Султан Хусайном мирзой и нанес ущерб государству Мирзы Султан Хусайна, как это описано в историях Мирхонда⁴ и Хондамира Харави. Третью дочь он отдал Ибрахим барласу — от нее родился Джахангир барлас, [который] в конце правления Чагатаев был главным вельможей в государстве. Четвертую дочь — Шах бегим — по сватовству Саййид Зийааддина Кашгари он отправил Йунус хану. /60a/ Пятую дочь он отдал Саййид Шаху Мир Бузург Арханги, упоминание о котором последует в дальнейшем. Шестую дочь он отдал Шайх 'Абдаллах барласу; от нее родились Султан Увайс барлас, Мизраб барлас и Султан Санджар, упоминание обо всех них также будет сделано в своем месте, однако описание их жизни имеется также в историях Мирхонда и Хондамира.

Короче говоря, Саййид Зийааддин привез Шах бегим в Кашгар и вручил хану. От Шах бегим у Йунус хана были два сына и две дочери. Старше всех — Султан Махмуд (Приведено по Л₁ 476; Л₂ 576; Л₃ — 386 (в Т — Мухаммад,)) хан, он родился в 868 (1463—1464) году. Моложе его на год был

Султан Ахмад хан⁵ о жизни его будет сказано отдельно. И две дочери — Султан Нигар ханим и Даулат Султан ханим⁶, описание жизни которых также будет сделано в своем месте.

[134] До того, как Султан Махмуд хан (Приведено по Л₂ 58а; Л₃ 386 (в Т— Мухаммад)) стал взрослым, могольские эмиры, как уже было описано, поступали с Йунус ханом некрасиво и неприлично. Когда же Султан Махмуд хан стал взрослым, большинство из тех могольских эмиров умерли, а тех, которые остались, Йунус хан с помощью своего сына Султан Махмуд хана полностью подчинил себе, а также [остальных] моголов и могольских эмиров.

Когда потерпевший поражение Йунус хан из Йарканда прибыл в Кашгар, Султан Махмуд хана с этим войском не было, он оставался в Моголистане управлять людьми. Йунус хан для утешения Мухаммад Хайдара мирзы, а также для собственного удовольствия в ту зиму ушел в Аксу, а сына Мухаммад Хайдара мирзы Мухаммад Хусайна мирзу, [которому] в то время было двенадцать лет, отослал к Султан Махмуд хану. Султан Махмуд хан хорошо относился к Мухаммад Хусайну мирзе, они сдружились, друг друга называли «адаш», т. е. «друг». Мухаммад Хусайн мирза жил в Моголистане у Султан Махмуд хана в почете и уважении.

Г Л А В А 57. УПОМИНАНИЕ О ВОЙНЕ И СТРАШНЫХ СОБЫТИЯХ, ИМЕВШИХ МЕСТО МЕЖДУ ЙУНУС ХАНОМ И МУХАММАД ХАЙДАРОМ МИРЗОЙ В АКСУ /606/

Зимой хан ушел в Аксу. Аксу расположен на краю лощины и имеет две крепости. Одну из них хан дал Мухаммад Хайдару мирзе, в другой разместился сам. Та зима (Приведено по Л₂ 58а; Л₃ 39а) прошла спокойно. Когда наступила весна, Йунус хан захотел отправиться в Моголистан. Мухаммад Хайдару мирзе он предписал: «Сейчас, когда начало весны, я поеду в Моголистан, а ты будь здесь. Пусть твои люди займутся земледелием, вилайат Аксу я отдал тебе. Когда наступит время созревания хлебов, в Моголистане также подойдет время выпаса, кони окрепнут, тогда мы отправимся [с тобой] в Кашгар и займемся делом Мирзы Аба Бакра. Я пойду в Кашгар оттуда, а ты направишься отсюда — в Кашгаре мы встретимся. Там мы и осуществим то, что нам надо». На этом они договорились. Хан тотчас же послал человека собирать скот и людей, чтобы, закончив приготовления, выступить в Моголистан. Но группа [135] смутьянов внушила Мухаммад Хайдару мирзе, что когда хан придет в Моголистан, он будет грабить всех его людей. Несколько таких небылиц они повторяли ему и заставили Мухаммад Хайдара мирзу поверить этим лживым утверждениям, которые были чисто дьявольской выдумкой.

Мухаммад Хайдар мирза из-за своей доверчивости слушал эти небылицы и стал думать как бы отвлечь это. А дьяволы ему говорили: «Когда у хана будет определено время откочевки, мы заберем у него его младшего сына Ахмад хана, который сопровождает хана, укрепимся в крепости и восстанем против Йунус хана. Так как уже наступит время отъезда хана, он ничем не сможет заняться и уедет в Моголистан, а мы останемся жить в Аксу». Это безрассудное дело было одобрено Мухаммад Хайдаром мирзой. Когда наступило время отъезда [хана], они сразу же заперли ворота Аксу. Султан Ахмад хан бежал к Мухаммад Хайдару мирзе, и так они начали вражду.

Йунус хан послал к Мухаммад Хайдару мирзе человека с увещеваниями, но никакой пользы от этого не было. В конце концов Йунус хан не уехал, вошел в другую крепость, заперся там и отправил человека к Султан Махмуд хану. Через семнадцать дней тот прибыл с тридцатитысячным войском. Каждый день завязывался бой, и так прошли сорок дней. В крепости у Мухаммад Хайдара мирзы начался голод. Смутьяны, затеявшие эту смуту, начали по ночам убегать [из крепости]. Султан Ахмад хан вспомнил о своем сыновнем долге и явился к родителю с извинениями и просьбой о прощении. Мухаммад Хайдар мирза остался [в крепости]. Тогда приступили к штурму крепости. Хан поспешил послать туда эмиров, /61а/ чтобы не допустить там грабежа (Добавлено по Л₁ 48а; Л₂ 59а; Л₃ 39а). Эмиры отправились, но сколько они ни старались, им не удалось, так как из-за скопления народа и всеобщего смятения невозможно было воспрепятствовать этому. С большими трудностями они наконец схватили Мухаммад Хайдара мирзу и привели к хану. Когда они приблизились к хану, то хотели связать руки Мухаммад Хайдара мирзы, а Йунус хан, увидев это, закричал на них и запретил, так его к хану и привели. Хан подозвал его к себе, стал осуждать и бранить: «Почему ты так поступил?

[136] Если по предопределению судьбы у тебя было желание враждовать со мной, то ты дал бы мне уйти, а сам остался бы и поднимал мятеж. А это что такое?»

Мухаммад Хайдар мирза, сконфуженный из-за своих неумных действий, стоял, опустив голову. Хан сказал: «Хорошо, теперь будет так. Аксу я отдал тебе. Живи в Аксу». Мухаммад Хайдар мирза сказал: «Как можно сейчас оставаться в Аксу, когда все разграблено?» Хан дал Мухаммад Хайдару мирзе триста коней и сказал: «Поезжай со мной в Моголистан; остается в силе то же самое решение: когда настанет время созревания хлебов, я пойду в Кашгар и что-нибудь сделаю, чтобы взять Кашгар и отдать тебе».

Те, кто были [настоящими] ханами и к которым применимы «царство» и «величие», с виновными поступали именно так. Уважение к родственникам и честь племянников они берегли так, что если те допускали какую-нибудь ошибку или проступок, то они тотчас смывали их водой прощения и милости, не оставляя на их лицах краски стыда. Они даже оказывали им сотни других милостей, говоря: «Ведь он наш племянник. Надеюсь на это, он и допустил такую дерзость. Если мы за это накажем его, то какая цена тому, что мы родственники, какая будет разница между родственником и чужим?» А сейчас приходится иметь дела с государями, которые, сколько бы мы ни были безгрешны, докажут нашу вину. И если имелась вина перед чужим [государем], то тот, возможно, и <не обиделся бы (Приведено по Л₂ 59б; Л₃ 40а). Эти же государи нашего времени при наличии даже в тысячу раз большего родства и оказанных им услуг, как было, [например], между Мухаммад Хайдаром Мирзой и Йунус ханом, забывая обо всем, так стараются уничтожить провинившегося, как не сделал бы этого даже враг. /61б/ А если, несмотря на это, тот виновный спасется из того страшного водоворота и Аллах преславный и всевышний по своей безупречной милости даст ему такую силу, что он, забыв про все это, постучит в двери дружбы кольцом родства, отправит послов с письмом, содержащим [слова]: «что было, то прошло», они дадут ему отрицательный ответ, и этих государей можно считать потомками тех султанов, [о которых] говорится в байте:

[137] Если у сына нет достоинств своего отца,
То ты назови его чужим, а не сыном.

Аллах преславный и всевышний да пошлет свою милость бывшим обладателям великодушия. Мы уповаем на то, что так как к провинившимся они относились милостиво [согласно изречению] <на милостивого мы распространим свою милость>, Аллах преславный и всевышний будет милостив и к их грехам, <да будет так во имя Господа обоих миров>, а государей времени, в стране которых великодушие стало невидимым, как птица Анко¹, пусть он наделит способностью к великодушию <во имя Мухаммада и его славных потомков>.

Короче говоря, Мухаммад Хайдар мирза отправился вместе с Йунус ханом в Моголистан. Когда подошла к концу весна, хан решил идти с войском на Кашгар. Между тем Султан Ахмад мирза из Самарканда решил идти на Фергану, чтобы выгнать из того вилайата своего брата 'Умар Шайха мирзу. Когда это известие дошло до 'Умар Шайха мирзы, он поспешно обратился за помощью к Йунус хану и позвал его, чтобы, как бывало всегда, освободиться от натиска и притеснения своего старшего брата Султан Ахмада мирзы, как об этом уже кратко упоминалось ранее. Получив это известие, хан направился в Андижан. Он не хотел, чтобы между двумя его зятьями существовала распря, и постоянно примирял их.

По прибытии хана в Андижан его встретил 'Умар Шайх мирза и оказал ему различные почести. Он передал хану вилайат Ош², и хан ту зиму провел в Оше.

Остальных моголов хан передал Султан Махмуд хану и отослал в Моголистан, а сам остался на зимовку в Оше. Ошский вилайат он отдал Мухаммад Хайдару Мирзе. Султан Ахмад мирза, узнав о прибытии хана, отменил свое выступление. 'Умар Шайх мирза оказался в безопасности от /62а/ старшего брата.

Прошла зима, и хан вновь отправился в Моголистан. Он сказал Мухаммад Хайдару мирзе: «В прошлом году ты жил в Моголистане беспокойно, теперь я отдал тебе Ошский вилайат, и ты будь здесь. Я приеду снова на следующую зиму, а этим вилайатом управляй от моего имени». Хан ушел в Моголистан, а Мухаммад Хайдар мирза остался в Оше. Мухаммад Хайдар мирза попросил у хана своего сына Мухаммад Хусайна мирзу и держал его при себе.

[138] ГЛАВА 58. УПОМИНАНИЕ О ПОХОДЕ [МУХАММАД] ХАЙДАРА МИРЗЫ В КАШГАР НА МИРЗУ АБА БАКРА И ПЛЕНЕНИЕ МУХАММАД ХАЙДАРА МИРЗЫ МИРЗОЙ АБА БАКРОМ

Как только Султан Йунус хан ушел в Моголистан, Умар Шайх мирза послал в Ош даругу и извинился перед Мухаммад Хайдаром мирзой. У Мухаммад Хайдару мирзы и его людей не было сил, чтобы идти в Моголистан, а оставаться здесь также было невозможно. Он передал своих сыновей — Мухаммад Хусайна (Приведено по Л₂ 60б; Л₃ 40б (В Т — Хайдар, описка)) мирзу и Саййид Мухаммада мирзу 'Умар Шайху, а сам направился в Кашгар. Он рассуждал так: «Мирза Аба Бакр [одновременно] мне брат, племянник и пасынок; я пойду к нему, может быть, с миром, он даст мне какое-нибудь место». С этой далекой мечтой он ехал к Мирзе Аба Бакру. Мирза Аба Бакр тотчас же арестовал его и целый год держал в заключении. Через год [Мирза Аба Бакр] отправил его в Бадахшан.

Мухаммад Хайдар Мирза уехал в Бадахшан, который в то время находился в руках Султан Махмуда мирзы, сына (Добавлено по Л₂ 606; Л₄ 406) Абу Са'ида. 'Абдалкуддус — убийца Мир Шайх Джамал хара (Добавлено по Л₂ 606; Л₃ 406), зять Мухаммад Хайдара мирзы, как было упомянуто раньше, находился при Мире Султан Махмуде. Некоторое время [Мухаммад Хайдар мирза] оставался там в качестве гостя. Потом он поехал в Самарканд и удостоился там встречи с его светлостью, полюсом круга наставников Ходжа Насираддин 'Убайдаллахом, <да освятит Аллах его могилу>.

Он встречался и с Мирзой Султан Ахмадом. Мирза Султан Ахмад отнесся к нему милостиво, и они решили так, что два раза в год [Мухаммад Хайдар мирза] будет приезжать к Мирзе [Султан Ахмаду] во время двух праздников. У Мирзы Султан Ахмада было три брата: 'Усман мирза, Султан Валад мирза, Малик Мухаммад <мирза, и он отдал распоряжение, чтобы (Добавлено по Л₂ 606; Л₃ 406) Мухаммад Хайдар мирза сидел (на собрании) ниже 'Усмана мирзы, но выше Султан Валада мирзы и <Малик Мухаммада мирзы (Приведено по Л₂ 606; Л₃ 406), и чтобы он приезжал к нему в качестве гостя. В это время от Султан Йунус (Добавлено по Л, 49а; Л₂ 606; Л₃ 406) [139] хана /626/ прибыл человек за Мухаммад Хайдаром мирзой. Милости Султан Ахмада мирзы не могли удержать [Мухаммад Хайдара мирзу], и он уехал к [Йунус] хану. Те события будут изложены при описании жизни хана во время его прихода в Ташкент.

ГЛАВА 59. УПОМИНАНИЕ О ПРИХОДЕ ЙУНУС ХАНА И МОГОЛЬСКОГО УЛУСА В ТАШКЕНТ: УСТАНОВЛЕНИЕ МИРА МЕЖДУ СУЛТАН АХМАДОМ МИРЗОЙ, 'УМАР ШАЙХОМ МИРЗОЙ И СУЛТАН МАХМУД ХАНОМ

Ссоры и противоречия, существовавшие между братьями — 'Умар Шайхом мирзой и Султан Ахмадом мирзой, — записаны в истории Мирхонда. К настоящей «Истории» («Та'рих-и Рашиди») они отношения не имеют. Но что следует упомянуть в нашей «Истории» — это то, что после Шайх Джамал хара правление в Ташкенте перешло к 'Умар Шайху мирзе, и Шахрухия¹, которая была сильной крепостью, также перешла под власть Мирзы 'Умар Шайха. Из-за этих двух владений Мирза Султан Ахмад и выступил против Мирзы 'Умар Шайха, и дело дошло до крупной ссоры.

Когда произошло выступление Мирзы Султан Ахмада на Ташкент, 'Умар Шайх мирза попросил Йунус хана [приехать] в Ташкент. В тот год, когда хан уехал из Оша, он передал Ош Мухаммад Хайдару мирзе. После ухода хана 'Умар Шайх мирза принес свои извинения Мухаммад Хайдару мирзе, и Мухаммад Хайдар мирза уехал в Кашгар, где попал под арест, а хан [в это время] был в Моголистане. Когда наступил месяц тир² (июнь) и произошло выступление Мирзы Султан Ахмада на Ташкент, 'Умар Шайх мирза побудил хана приехать в Ташкент и дал хану Сайрам, относящийся к Ташкенту, таким же образом как он отдал ему [раньше] Ош, относящийся к Андижану.

Когда хан направился в Сайрам, моголы, не желавшие жить в городе и вилайате, подговорили (Добавлено по Л₂ 61а; Л₃ 41а) младшего сына хана Султан Ахмад хана, сбили его с пути и бежали с ним в Моголистан. Хан <не стал их преследовать (Приведено по Л₁ 496; Л₂ 61а; Л₃ 41а), потому что [в это время] в Моголистане не осталось ни одного соперника из потомков могольских хаканов, чтобы его остерегаться. Таким образом, [140] хан отпустил его в Моголистан, а сам направился в Сайрам. Ту зиму он провел там. Своего старшего сына Султан Махмуд хана хан также послал против Султан Ахмада мирзы с тридцатью тысячами человек /63а/. Со стороны Ферганы подошел 'Умар Шайх мирза с пятнадцатью тысячами человек. Эти три войска приближались друг к другу и жаждали большого сражения.

Когда [известие] об этом дошло в Самарканд до его светлости полюса круга наставников Ходжа Насираддин 'Убайдаллаха, <да освятит Аллах его могилу>, он отправился и послал [впереди себя] человека [с извещением]: «Я тоже иду». Как только это сообщение дошло до трех султанов, все они задержались на своих местах.

Когда прибыл его светлость ишан, он остановился в лагере Мирзы Султан Ахмада и послал человека к хану и 'Умар Шайху мирзе. Предложение о мире благословенной особы ишана никто не мог отклонить, потому что, когда святые люди достигают [степени] фана³, их покидает чувство «я», и истинным творцом всего, что исходит от них является Аллах преславный и всевышний. Одним словом, он примирил всех трех государей, каждый из которых, преследуя свои цели, выставил войско.

Его светлость ишан усадил трех государей на один палас, сам сел между ними и перед каждым из них поставил условия и обязанности, которые они и приняли. Было решено, что Ташкент следует отдать Йунус хану. Эти два брата (Добавлено по Л₂ 616; Л₃ 416), спорившие из-за Ташкента, прекратили спор, и Ташкент отдали хану.

Его светлость маулана Саййид Мухаммад Кази, <да будут над ним милость божья и прощение>, описал это событие в «Силсилат ал-'арифин» при упоминании о чудесах ишана. И там написано так: «Собрание было такое представительное, что я (Мухаммад Кази) от крайнего смущения перевернул дастархан (Приведено по Л₁ 50а; Л₂ 616; Л₃ 416.). Когда собрание подошло к концу, его светлость ишан сказал: «Хорошо получилось; теперь следует уходить, потому что мы насытились, и такой груз можно переносить [только] в таком количестве». Три государя направились [каждый] к

своему войску. Его светлость ишан ушел в сторону реки Худжанд и на берегу реки [141] совершил омовение. Обратившись ко мне, он спросил: «Маулана Мухаммад, Вы можете записать это наше дело?» Маулана [Мухаммад кази] пишет, что это указание ишана явилось причиной составления книги «Силсилат ал-'арифин».

Словом, Султан Ахмад мирза ушел в Самарканд, 'Умар Шайх мирза — /636/ в Фергану, а Султан Махмуд хан — в Ташкент. Йунус хан также пришел в Ташкент и его светлость ишан следом за ним прибыл в Ташкент (Добавлено по Л₂ 62а; Л₃ 416) и встретился с Йунус ханом еще раз. Я слышал от своего дяди, который говорил: «Однажды в благородном собрании у его светлости ишана заговорили о Султан Махмуд хане. Один из присутствующих сказал: «Этот Султан Махмуд хан — удивительный царевич, гордый и высокомерный». Его светлость ишан сказал: «Подол такого государя мы наполним землей, гордость и величие свойственны только Аллаху, а кто такой Султан Махмуд хан, чтобы проявлять гордость?» Случайно в этот момент Султан Махмуд хан пришел навестить его светлость ишана. Было время намаза, и его светлость поднялся на молитву. В том месте, куда обращаются при намазе, стояла жаровня и в ней горящий уголь. Его светлость ишан сказал, что огонь в этом месте при намазе не дозволен и его следует присыпать землей. Несмотря на то, что было много людей, хан поднялся, вышел, наполнил землей свою полу, принес и посыпал на огонь. Так он приносил несколько раз, пока огонь не потух. У присутствующих на собрании людей он попросил, чтобы они позволили ему одному оказать эту услугу. После ухода хана все присутствующие выразили удивление».

Заключение этого мира и собрание ханов в Ташкенте произошло в 890 (1485) году. Его светлость ишан некоторое время оставался в Ташкенте и вернулся в Самарканд.

У государей того времени было принято обращаться к одному из мюридов его светлости ишана и делать его посредником при докладе о своих делах и просьбах. Посредником у Султан Махмуд хана [для связи] с его светлостью ишаном был маулана Мухаммад Кази и хан [со своими просьбами] обращался к нему, Об этом я слышал от его светлости маулана [142] [Мухаммада Кази] рассказы, которые будут приведены в своем месте, <если будет угодно всевышнему Аллаху>

ГЛАВА 60. УПОМИНАНИЕ О ЗАВЕРШЕНИИ ДЕЛА ЙУНУС ХАНА

Когда хан поселился в Ташкенте, он сосватал для своего сына Султан Махмуд хана дочь Султан Ахмада мирзы Каракуз бегим¹, и приезд /64а/ Каракуз бегим будет описан в дальнейшем. Между тем Йунус хана разбил паралич, и он около двух лет был прикован к постели; от этой болезни он и ушел из этого мира. Благословенный возраст его достиг семидесяти четырех лет. Никто из могольских (Приведено по Л₂ 62б; Л₃ 42а (в Т и Л₁ 50 — чагатайский)) хаканов не дожил до такого возраста, а большинство из них не достигли и сорока лет. Родился хан в 818 (1415—1416) году, а умер в 892 (1486—1487) году. Он погребен рядом с лучезарным мазаром Шайх Хаванд Тахура² в Ташкенте, где построили высокие здания, известные и сегодня.

Во время своей болезни хан услышал, что Мухаммад Хайдар мирза из Бадахшана приехал в Самарканд. Хан отправил к нему человека и позвал его к себе Мухаммад Хайдар мирза из Самарканда приехал к хану и в дни его болезни ухаживал за ним. Мухаммад Хайдар мирза имел хорошие знания по хирургии и знал также лекарственные средства. В те дни болезни хан ни на час не отпускал от себя Мухаммад Хайдара мирзу и относился к нему с любовью, как к своим детям. Сын же Мухаммад Хайдара мирзы — Мухаммад Хусайн мирза, находившийся у 'Умар Шайха мирзы [в Андижане], перед приездом [своего отца в Ташкент] уехал из Андижана к Султан Махмуд хану [в Ташкент], и с ханом они стали неразлучны, описание чего вскоре последует.

ГЛАВА 61. УПОМИНАНИЕ О СРАЖЕНИИ НА [РЕКЕ] ЧИР¹. КОТОРОЕ ПРОИЗОШЛО МЕЖДУ СУЛТАН АХМАДОМ МИРЗОЙ И СУЛТАН МАХМУД ХАНОМ

Когда в 892 (1486—1487) году умер Султан Йунус хан, в том же году с соблюдением могольских обрядов был провозглашен ханом Султан Махмуд хан.

Как только распространилось известие о кончине Йунус хана, Мирза 'Умар Шайх и Мирза Султан Ахмад каждый со своей стороны решили выступить [143] против [Султан Махмуд хана]. 'Умар Шайх мирза отправил большой отряд своих отборных мулазимов, которые были опорой и надеждой его власти, и они вошли в хорошо укрепленную ташкентскую крепость Уштур.

Султан Махмуд хан сам лично отправился [на защиту] крепости. Произошло жестокое сражение, такое, что среди моголов до сих пор рассказывают, с каким трудом отвоевали ту крепость /64б/ и как тот отряд надежных людей 'Умар Шайха мирзы был совершенно уничтожен. <Ни один человек из них не ушел, все сражались до тех пор, пока не были перебиты (Добавлено по Л₁ 50б). От этой победы у [Султан Махмуд] хана прибавилось сил, а у Мирзы 'Умар Шайха больше не осталось сил для выступления.

На следующий год эмиры стали подстрекать Султан Ахмада мирзу, [говоря]: «Без всяких причин Вы отдали Ташкент [Султан Махмуд] хану, и чем дольше они там пробудут, тем труднее будет нам. Его светлость ишан, <да освятит Аллах его могилу>, отправил [Султан Ахмаду] мирзе послание: «Так не годится. С [Султан Махмуд] ханом следует установить мир. Он Вам не причиняют беспокойства, почему же Вы причиняете беспокойство им?»

В итоге [Султан Ахмад] мирза собрал войско в сто пятьдесят тысяч человек и пошел на Ташкент. [Султан Махмуд] выступил в предместья Ташкента и остановился напротив [войска врага]. Между ними была река Чир и перейти через нее не удалось. Они стояли там три дня.

В войске Султан Ахмада мирзы был Шахибек хан. Этот Шахибек хан является сыном Шах <Будаг углана (Приведено по Л₂ 63а; Л₃ 426), а тот — сын Абу-л-Хайр хана. Когда был убит Бурудж углан, о чем упоминалось раньше, Шахибек хан <был еще молод, другие султаны рассеяны, и Шахибек хан (Добавлено по Л₁ 51а; Л₂ 63а; Л₃ 426) испытал много невзгод, как записано в исторических сочинениях.

В конце концов, он не смог оставаться в степях, пришел в Мавераннахр и стал наукаром у Султан Ахмада мирзы, <вернее, наукаром у одного из наукаров Султан Ахмада мирзы Мир 'Абдалали Тархана (Добавлено по Л₂ 51а; Л₃ 426). [Шахибек хан] был в этом войске с тремястами своих наукаров.

[144] Когда Султан Ахмад простоял три дня, Шахибек хан ночью (Добавлено по Л₂ 63б; Л₃ 426) послал к Султан Махмуд хану человека [передать]: «Давайте встретимся». В ту же ночь он пошел с той стороны, хан — с этой, и они встретились друг с другом. После обсуждения условий и обязательств они договорились так: завтра [Султан Махмуд хан] пойдет в наступление на Мир 'Абдал'али, а Шахибек, который был наукаром этого Мир 'Абдал'али, победит, расстроив войско.

На следующий день могольское войско подготовилось к бою. Войска с двух сторон были приведены в боевой порядок. Пехотинцы могольского войска перешли Чир, всадники также вошли в Чир. С другой стороны вступила в бой пехота. Могольское войско оказало нажим на сторону Мир 'Абдал'али. В это время Шахибек хан со своими тремястами человек обратился в бегство. <Он напал на обоз войска [Султан Ахмада мирзы] и занялся его разграблением (Приведено по Л₁ 51а; Л₃ 426). Находившиеся вокруг подонки, /65а/ воспользовавшись этим случаем, также напали на обоз. Войско Мирзы Султан Ахмада сразу обратилось в бегство. А перед войском Мирзы находилась река Чир, которую жители Ташкента называют «Аби-и Парак», — большая часть воинов утонула в Чире. Войско Мирзы [Султан Ахмада] потерпело крупное поражение. Разбитый Мирза бежал в Самарканд. Он принес большие извинения его светлости ишану ['Убайдаллах Ахрару], и по повелению его светлости ишана между ханом и Султан Ахмадом мирзой вновь установился мир. [Для упрочения мира] было устроено сватовство Каракуз бегим и после разных церемоний ее привезли к [Султан Махмуд] хану.

После этой победы султаны окрестных мест стали очень считаться [с Султан Махмуд] ханом, страх перед ханом поселился в их сердцах, и хан обрел большую силу.

ГЛАВА 62. УПОМИНАНИЕ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ РОДСТВА МЕЖДУ СУЛТАН МАХМУД ХАНОМ И МОИМ ОТЦОМ, <ДА ОСВЯТИТ АЛЛАХ ИХ МОГИЛЫ>

Мой отец Мухаммад Хусайн гураган, <Да сделает Аллах лучезарным его блеск>, с того времени, как уехал из Кашгара, о чем уже было упомянуто, до [145] настоящего времени неизменно находился на службе у Султан Махмуд хана, кроме тех двух лет, которые он провел у 'Умар Шайха мирзы, как уже тоже упоминалось. Между ханом и моим отцом, Мухаммад Хусайном мирзой, была такая дружба, что они постоянно жили в одном доме и в одной комнате— правая сторона ханского дома была в распоряжении моего отца. В домашних делах [мой отец] был с ним настоящим компаньоном. Все, что приносили хану, подобное тому приносили и моему отцу. Если хан выезжал на коне, то приводили двух лошадей — на одной ехал мой отец, на другой — хан. Если хан надевал новое платье, подобное же платье приносили и для моего отца. Подобно этому ни в каком деле различия между ними не было, до того времени, когда хан женился (Приведено по Л₁ 51б; Л₂ 64а; Л₃ 43а) на Каракуз бегим. Большую часть дня хан пребывал в их обычной комнате, а ночью уходил к жене, и мой отец оставался один (Добавлено по Л₂ 64а; Л₃ 43а) в той же самой комнате. В то время, когда хан восседал на троне, перед тронном расстилали палас таким образом, что мой отец сидел, опираясь на трон хана (Добавлено по Л₂ 64а; Л₃ 43а) и они всегда вместе занимались делами. Хан не раз говорил моему отцу и просил извинения за то, что из-за /65б/ женитьбы ему приходится уходить в гарем, а отец остается в худжре один, а это противоречит долгу дружбы. Через год хан женил его на Хуб Нигар ханим¹ и удостоил его титула «гураган»— ханского зятя Хуб Нигар ханим была старше Султан Махмуд хана на год, она была третьей дочерью Султан Йунус хана от Исан Даулат бегим.

Старшей дочерью Исан Даулат бегим была Михр Нигар ханим, которую отдали в жены Султан Ахмаду мирзе, и это уже упомянуто [раньше], а остальные события изложены во второй книге. Младше ее — Кутлук Нигар ханим, которую отдали в жены 'Умар Шайху мирзе и от которой родились Захираддин Мухаммад Баbur Падишах и Ханзада бегим², и о жизни их будет упомянуто

[далее]. Третьей [из дочерей Йунус хана] была Хуб Нигар ханим, которую отдали в жены моему отцу, и которая является моей матерью. Жизнь их будет описана после этого во второй книге в своем месте. У Йунус хана были еще две дочери от Шах бегим Бадахши; старшая из них—Султан Нигар ханим, [146] которую отправили в Хисар [в жены] Султан Махмуду мирзе. От нее родился Мирза хан³, и описание этого также последует во второй книге. Младше всех была Даулат Султан ханим, жизнь которой также записана во второй книге.

Короче говоря, хан [все время] извинялся перед моим отцом, [говоря]: «Разве это хорошо, что я по ночам постоянно пребываю в гареме, а ты остаешься один в доме— это не по-дружески». После этого он отдал распоряжение готовиться к пышной свадьбе с разными церемониями. В течение двух лет шли приготовления, и Хуб Нигар ханим выдали замуж за моего отца. Между тем и Мирза <Султан Ахмад (Приведено по Л₁ 516; Л₃ 43а (в Т —Ахмад Султан)), и Умар Шайх мирза, и Султан Махмуд мирза умерли, что вскоре будет описано.

Ура-тепа⁴ вошла в число владений хана, и он отдал то владение моему отцу. Мой отец поселился в Ура-тепа, и многие места из окраин и предместий он присоединил [к Ура-тепа]. Все это записано во второй книге этой «Истории». /66а/

ГЛАВА 63. УПОМИНАНИЕ О ТОМ, ЧТО ПРОИЗОШЛО В ТАШКЕНТЕ ВО ВРЕМЯ ПРАВЛЕНИЯ ТАМ СУЛТАН МАХМУД ХАНА; РАССТРОЙСТВО ЕГО ДЕЛ И КОНЕЦ ЕГО ЖИЗНИ

До установления мира с Султан Ахмадом мирзой и до заключения брака с Каракуз бегим [Султан Махмуд] хан захватил Туркестан. <Правителя Туркестана, Мухаммад Мазид тархана¹ (Приведено по Л₂ 646; Л₃ 43а), [правившего] от имени Султан Ахмада мирзы, схватили, арестовали, и главной причиной установления мира стал этот Мухаммад Мазид тархан, потому что он был дядей с материнской стороны² Мирзы Султан Ахмада.

Когда [Султан Махмуд] хан захватил Туркестан, Шахибек хан находился на службе у хана и, имея в виду ту услугу, которую [Шахибек хан] оказал ему в битве при Чире, как уже было упомянуто, [хан] дал ему Туркестан. По этой причине между сыновьями Кирай хана и Джанибек хан-казаха, [с одной стороны], и Султан Махмуд ханом — [с другой], давняя искренняя дружба сменилась ссорой. [Они говорили]: «Шахибек хан является нашим врагом, как же ты ставишь его [147] против нас в Туркестане?». В итоге из-за этой ссоры между Султан Махмуд ханом и узбек-казаками дважды происходили сражения, оба раза поражение потерпел [Султан Махмуд] хан. Причиной тех поражений было следующее. От Йунус хана остались достойные уважения эмиры. У ханов, как у всех людей, наследующих власть, обычно бывает так, что они недооценивают [прежних] хороших людей и считают даже, что если кому-то оказывать покровительство, то тот станет хорошим, однако это нелепость. Придерживаясь такого мнения, хан оказал покровительство нескольким людям из числа подонков общества, и эти низкие люди постоянно старались причинить зло прежним великим эмирам. Дело дошло до того, что хан убил пятерых человек из великих эмиров, самых выдающихся, и полностью уничтожил их семьи. Вместо них он <назначил пять человек (Приведено по Л₂ 65а; Л₃ 436) из тех подонков, которым покровительствовал. К тому времени, когда между Султан Махмуд ханом и узбек-казаками произошла ссора из-за [Шахи] бек хана и дело дошло до сражения, эти пять человек были военачальниками, и неизбежно последовало поражение. Ничего не осталось от того [преклонения перед] властью и могуществом, которое утвердилось в сердцах окрестных султанов благодаря похвальным стараниям тех пятерых [убитых] эмиров.

Между тем /66б/ 'Умар Шайх мирза упал с голубятни (Приведено по Л₁ 52а), и это стало причиной его гибели³ в 899 (1493— 1494) году. Когда известие об этом дошло до Султан Ахмада мирзы, он повел войско на Андижан, чтобы, не дай бог, он не попал в руки моголов. А эмиры 'Умар Шайха мирзы проявили мужество и провозгласили государем сына 'Умар Шайха мирзы Захиратдин Мухаммад Бабур Падишаха, которому было двенадцать лет, и обратились за помощью к Султан Махмуд хану.

Султан Ахмад мирза дошел до пределов Маргинана и заболел. Заключив мир, он повернул назад и по дороге скончался. Это произошло через сорок дней после смерти 'Умар Шайха.

Султан Махмуд мирза прибыл из Хисара и сел на самаркандский трон вместо своего старшего брата. Он правил шесть месяцев и умер естественной смертью.

[148] Вместо него государем стал его сын Мирза Байсункар⁴.

Султан Махмуд хан жаждал владеть самаркандским троном и направился в Самарканд (Добавлено по Л₂ 656; Л₃ 436). Мирза Байсункар вступил в сражение, [которое произошло] в местности под названием Кампай⁵ (В Л₁ 526; R 119 —Камйай; в Л₂ 656; Л₃ 436 —Минанкал). Так как эмирами [Султан Махмуд хана] были те самые подонки общества, дело [с захватом Самарканда] не удалось, и от этого события моголы и жители Самарканда ведут отсчет времени. Хан вернулся назад и прибыл в Ташкент. Упомянутые подонки стали внушать хану: «Сейчас кажется уместным оказать поддержку Шахибек хану, чтобы он взял Самарканд и Бухару и все заботы, возлежащие на государе, будут на нем, а мы будем сидеть в Ташкенте и отдыхать». Хан согласился. Сколько ни

указывал мой отец на ошибочность этого мнения и сколько ни убеждал хана, он совершенно не внял этому; они оказали помощь, и Шахибек хан взял Самарканд и Бухару. Описание этого события будет продолжено во второй книге; жизнь Бабура Падишаха также включена в это описание.

Итак, с помощью [хана] Шахибек хан взял Самарканд и основательно закрепился в нем. Его войско достигло пятидесяти тысяч [человек] и везде, где [только] были узбеки, они присоединялись к нему. [Шахибек хан] занялся прежде всего устранением хана. Хан оказался в безвыходном положении, и сколько хан и те низкие люди ни кусали руку притеснения зубами сожаления, /67а/ пользы не было.

Между тем Султан Ахмад хан, который оставался в Моголистане, как уже упоминалось, услышал о безвыходном положении хана и приехал на помощь <старшему брату (Приведено по Л₁ 526; Л₂ 656). Эти два хана дали сражение Шахибек хану, и оба хана потерпели поражение. Захватив обоих ханов, Шахибек хан оказал им почет и уважение. Ханов (Приведено по Л₂ 66а; Л₃ 44а) он отправил в Моголистан, а моголов задержал при себе — описание этого события имеется во второй книге.

Султан Махмуд хан и Султан Ахмад хан, оба эти брата уехали в Моголистан. Султан Ахмад хан умер, [149] и описание этого вскоре последует при упоминании о Султан Ахмад хане.

Султан Махмуд хан ушел в Моголистан, некоторое время он пробыл там, испытывая трудности, и, в конце концов, ушел к Шахибек хану, уповая на то покровительство, которое тот оказал ему [раньше]. [Однако] Шахибек хан сказал Султан Махмуд хану: «Один раз я проявил великодушие, в другой раз оно станет причиной гибели [моего] государства». Султан Махмуд хана вместе с детьми, большими и малыми, на берегу реки Худжанд он предал мученической смерти. [Слова] «Лаб-и дарйа-йи Худжанд» — «берег реки Худжанд» составили хронограмму⁶ [на их смерть]. Описание этих событий имеется во второй книге, и эта хронограмма объяснена там же. Во избежание повтора мы здесь сократили [рассказ].

ГЛАВА 64. УПОМИНАНИЕ О СУЛТАН АХМАД ХАНЕ

Как уже упоминалось ранее, когда Йунус хан приехал в Ташкент, Султан Ахмад хан б. Йунус хан с трупой моголов, которые питали отвращение к городу и населенным местам, бежал от отца и остался в Моголистане. Описание тех дел и правления, которые он осуществлял в Моголистане, — очень долгая история, и кратко о том [можно сказать] следующее: ему <понадобилось (Приведено по Л₃ 526; Л₂ 66а; Л₃ 44а) около десяти лет, чтобы подчинить должным образом своей власти всех моголов, оставшихся в Моголистане. Он ниспроверг эмиров нескольких родов, в том числе арлатов¹, которые были великими эмирами. Они оказали ему сопротивление; в конце концов произошло сражение, в котором род их был уничтожен. Он убил также эмира Султан 'Али чураса², который еще с того времени, как принял участие в выступлении против Исан Буги хана, больше /67б/ не оказывал содействия ни одному из ханов.

Между тем группа военачальников из племени калучи, а в то время в Моголистане не было племени многочисленнее этого, договорилась и однажды ночью напала на хана всех [воинов], находившихся возле ханской ставки, они перебили и обстреляли стрелами ханский шатер. Хану было нанесено несколько ран. В конце концов один человек из них ворвался внутрь [150] шатра, чтобы довершить дело с ханом. Хан поднялся ему навстречу с мечом. Они нанесли друг другу раны, и тот человек, израненный, выбежал. Несколько человек спешили и еще раз вместе хотели войти в шатер, [а в это время] подошел <Сут Им бахадур³ (В Л₂ 66б; Л₃ 44б: Сут Имган бахадур), один из уважаемых людей ханского двора. Когда [те люди] увидели, что пришел какой-то человек, они вновь сели на коней и отправились к нему навстречу. Он был один, но вступил с ними в бой, им много понадобилось времени, чтобы убить Сут Им бахадур. Они вновь напали на хана (Добавлено по Л₂ 66б). Так как поднялся большой шум, то со всех сторон, спешно седлая коней, к ханской ставке устремились люди. У людей [из племени] калучи больше не осталось сил противостоять, и они бежали. Эта группа [калучи] вся состояла из приближенных к хану людей и в отношении их ни у кого не было никаких подозрений. В конце концов они бежали к калмакам. После того, как хан поправился от ран, он преследовал их всюду, где они находились, и понадобилось два года, чтобы совершенно истребить их. После этого дела у хана полностью устроились. Никто в Моголистане не мог выступить против него. Несколько раз он совершал удачные набеги на калмаков, многих из них убил. Дважды он дал сражение Таниш Исаку, и оба раза одержал победу. Калмаки чрезвычайно боялись его и называли Алачи хан: по-могольски «алачи» — «убийца» (Приведено по Л₁ 53а; Л₂ 66б; Л₃ 44б), т. е. «хан-убийца». Это прозвище осталось за ханом, люди называли его Алача ханом. Сейчас среди моголов его называют Султан Ахмад хан, а все другие /68а/ племени говорят «Алача хан». В историях Мирхонда (Приведено по Л₂ 66б; Л₃ 44б) и Хондамира Харави и в других также написано «Алача хан».

После ЭТИХ событий он выступил против узбек-казаков. Причиной этого было следующее. При описании дел Султан Махмуд хана было упомянуто, что Султан Махмуд хан дважды дал сражение узбек-казакам и потерпел поражение. По этой причине Султан Али хан выступил против узбек-казаков и трижды разбивал их. За все, что они сделали с его старшим братом, Султан Махмуд

ханом, он полностью расплатился. Он так укрепил Моголистан, что калмаки и [151] узбеки не могли проходить близко к территории Моголистана на расстоянии семи-восьмимесячного пути. Успокоившись в отношении окраин Моголистана, [Султан Ахмад хан] в 905 (1499—1500) году, который является также годом рождения этого ничтожного, приступил к делу Мирзы Аба Бакра и Кашгара. Когда он пришел в Кашгар, Мирза Аба Бакр укрепил Кашгар и Йанги Хисар войском и провиантом, а сам ушел в Йарканд. Несколько раз эмиры (Приведено по Л₂ 67а; Л₃ 446) Мирзы Аба Бакра давали сражения хану и в кашгарской крепости, и в Йанги Хисаре, описывать которые очень долго. В конце концов Султан Ахмад хан силой овладел крепостью Йанги Хисар, а <люди Кашгара покинули Кашгарскую крепость и бежали. Так он завоевал Йанги Хисар (Добавлено по Л₂ 67а; Л₃ 45а) и Кашгар. Зимой он провел там и перевез из Моголистана в Кашгар свою семью (Приведено по Л₂ 67а; Л₃ 45а). В конце зимы он пошел в Йарканд на Мирзу Аба Бакра. Мирза Аба Бакр не вышел из крепости. Когда они (воины Султан Ахмад хана) увидели, что идти на крепость не имеет смысла, они отправились в горы Йарканда за добычей. Захватив добычу, они направились в Йарканд (Добавлено по Л₂ 67а; Л₃ 45а) и Кашгар.

Мирза Аба Бакр с многочисленным войском вышел из Йарканда и перерезал в горах дорогу хану. Произошло жестокое сражение и, в конце концов, войско хана потерпело поражение. Разгромленный хан прибыл в Кашгар, по оставаться в Кашгаре он не мог. Бежав также и из Кашгара, он ушел в Моголистан.

Когда таким образом миновал год, пришло известие о враждебных действиях Шахибек хана /686/ против Султан Махмуд хана. Движимый братской любовью, Султан Ахмад хан отправился к своему брату. Вместо себя он оставил своего старшего сына Мансур хана и дал ему право называться ханом. Двух [других] сыновей: Султан Са'ид хана и Бабаджак султана он привез с собой в Ташкент.

Два хана [Султан Махмуд хан и Султан Ахмад хан] встретились в Ташкенте. Разные церемонии, которые имели при этом место, описаны во второй книге. Короче говоря, они думали, как бороться с Шахибек ханом. В конце концов между ханами и Шахибек [152] ханом произошло сражение в Акси, ханы потерпели поражение и оба попали в плен. Шахибек хан за оказанные ему ранее услуги позволил обоим ханам уехать в Моголистан. [Однако] большую часть людей из улуса моголов он не отпустил. Оба хана уехали в Моголистан. Ту зиму они провели в Аксу. Султан Ахмад хана несколько раз разбивал паралич. Врачи были бессильны вылечить его, и в конце зимы 909 (1503—1504) года [Султан] Ахмад хан умер, <да поселит его Аллах в раю>.

Султан Ахмад хан был чрезвычайно набожным государем, верным мусульманином и сведущим в шариате так что в большинстве дел он принимал решения по шариату. В вопросах шариата он не испытывал затруднений. Он был человеком энергичным и смелым, отличался большой храбростью, умом и здравым смыслом и, [в то же время], был скромным. Особенно он чтит дервишей, ученых и благочестивых людей. Большую часть своего времени он посвящал исполнению религиозных предписаний, пятикратную молитву он непременно отправлял среди людей. Он очень дорожил узами родства; по благородству и похвальным манерам в его время не было ему равных. Его благословенный возраст достиг тридцати девяти лет, и полное описание его жизни изложено во второй книге.

ГЛАВА 65. УПОМИНАНИЕ О МАНСУР ХАНЕ, <ДА ПРОСТИТ АЛЛАХ ЕГО ГРЕХИ>

Мансур хан — старший из детей Султан Ахмад хана. В то время, когда Султан Ахмад хан отправился в Ташкент, чтобы /69а/ послужить своему старшему брату Султан Махмуд хану, он оставил его в своем владении в качестве хана. Это было в 909 (1503 —1501) году, когда ему исполнилось шестнадцать лет [и он правил там] да тех дней, когда скончался его отец Султан Ахмад хан. Султан Махмуд хан, оставив Аксу, уехал в Моголистан, Мансур хан поселился в Аксу. Между ним и <[Мир] Джаббарберди¹ (Приведено по Л₃ 456), как это бывает у наследников, возникли разногласия, и он решил убить Мир Джаббарберди. Средство спасти свою жизнь тот увидел в том, чтобы отправить к Мирзе Аба Бакру человека [за помощью]. О такой возможности Мирза Аба Бакр давно молил бога, и с тридцатитысячным [153] войском он направился в Аксу. Мир Джаббарберди поспешил встретить свиту Мирзы Аба Бакра. Снаряжение и передовые отряды войска Мирзы Аба Бакра были приведены в готовность.

Когда весть [об этом] дошла до Мансур хана, он укрепил Аксу, оставил в крепости Аксу войско, а сам ушел в сторону <Бая и Кусана (Приведено по Л₃ 456). Мир Джаббарберди из-за доверия [к Мирзе Аба Бакру] передал ему крепость Уч², которая была его вилайатом и его местожительством, и вместе с ним пошел в Аксу. С боем они взяли Аксу и захватили все деньги и все припрятанное богатство, которое Султан Ахмад хан и его люди накопили за двадцать пять лет. Людей из Аксу — моголов и ра'нйатов — всех они переселили и отправили в Кашгар. Мир Джаббарберди, чтобы завоевать доверие Мирзы Аба Бакра, раньше всех отправил свою семью и видел в этом средство для своего спасения. Мирза Аба Бакр настаивал: «Пусть твоя семья остается». А [Мир Джаббарберди] говорил: <Перевозить семью в конце трудно. Пусть семья едет сейчас, а я останусь

на несколько дней и займусь набегами и грабежом в окрестных районах. Войско Ваше я полностью обеспечу добычей и вместе с войском прибуду в Кашгар служить [Вам]». Мирза Аба Бакр поверил этой хитрости Мир Джаббарберди. Его семью со всем народом он привел в Кашгар, а десять тысяч человек из войска он оставил с Мир Джаббарберди, чтобы /696/ все, что в том районе осталось, тот захватил бы с собой и приехал в Кашгар.

Мир Джаббарберди повел войско Мирзы Аба Бакра на Бай (Приведено по Л₃ 456) и Кусан. Он совершил несколько набегов на те владения и увел табун лошадей. В то время, когда по его предположению Мирза Аба Бакр должен был достичь Кашгара, он бежал из войска. Обманутое и введенное в заблуждение войско Мирзы Аба Бакра вернулось в Кашгар, а Мир Джаббарберди остался в пределах Аксу.

От этих событий Мансур хан оказался в полной растерянности, он почувствовал себя беспомощным и раскаялся в своем замысле против Мир Джаббарберди. Мир Джаббарберди был дядей Мансур хана — от его сестры Сахиб Даулат бегим родился Мансур хан.

[154] <В это время пришло известие [о приезде] Мир Джаббарберди (Добавлено по Л₂ 686, Л₃ 46а). Мансур хан послал к нему человека, попросил извинения и, заключив с Мир Джаббарберди договор, привез его и оказывал ему милостей больше, чем его отец Султан Ахмад хан. После того, как Мир Джаббарберди прибыл на службу к Мансур хану, [дела] Мансур хана начали процветать.

В те дни в каждом племени среди прочих людей возникала вражда, и он умирал их, как мог. Подробное изложение этого из-за того, что детали не сохранились в памяти, — долгая история. Короче говоря, между тем пришло известие о возникших в Моголистане разногласиях между Султан Махмуд ханом, Султан Са'ид ханом и Султан Халил султаном. Мансур хан поехал в Моголистан и еще раз встретился со своим дядей Султан Махмуд ханом. В собрании у своего великого дяди Мансур хан встретился с Султан Са'ид ханом и с Султан Халил султаном, которые были его младшими братьями. После того, как они расстались, Султан Махмуд хан не смог оставаться в Моголистане. Он не смог привести в порядок дела в Моголистане и направился в Мавераннахр, как уже об этом было упомянуто, /70а/ и погиб.

Услышав об уходе Султан Махмуд хана в вилайат, Майсур хан направился к братьям. Когда он приехал, <эти два (Добавлено по Л₁ 546, Л₂ 686; Л₃ 46а) султана находились в Моголистане с киргизами и оставшимися моголами. В местности под названием Чарун Чалак³ произошло сражение, битва была жестокой. Мансур хан одержал победу, а эти два брата бежали и уехали в вилайат. Когда они достигли Андижана, ханом Андижана был Султан Халил. Султан Са'ид хан <бежал в Кабул. Описание этого будет изложено во второй книге и при упоминании о Султан Са'ид хане (Добавлено по Л₂ 69а; Л₃ 46а) также будет сказано.

Мансур хан заставил откочевать в Чалиш и Турфан всех, кто был в Моголистане из киргизов и других людей. Так как киргизы являлись зачинщиками всех смут в Моголистане, [Мансур хан] хитростью убил большинство из них, а меньшая их часть бежала в Моголистан. После этого он совершал набеги на калмаков, большей частью он выходил победителем, и дела [Мансур] хана стали процветать. Однако братья иногда [155] выступали против него. Из их числа враждебную позицию занял Имин Ходжа султан. [Мансур хан] дважды умирал его бунт и ничего ему не говорил, а на третий раз, когда тот восстал, он захватил его, передал Йарка Атаке и приказал убить [Йарка Атака] спрятав Имин Ходжа султана в одном месте, а хану доложил, что исполнил его поручение.

Спустя год после этого Бабаджак султан, который также являлся братом Мансур хана, бежал от Мансур хана и прибыл в Бай и Кусан. Бай и Кусан с того времени, как Мирза Аба Бакр и [Мир] Джаббарберди разрушили их, так и оставались разрушенными. Бабаджак султан пришел сюда, занялся земледелием и в общем восстановил здесь разрушенную крепость.

Мансур хан выступил против Бабаджак султана. Сначала он обратился к нему с назиданиями и закончил словами о мире и согласии. Бабаджак султан ответил: «Как я могу Вам доверять, когда Имин Ходжа султана, который тоже, как и я, Ваш брат, Вы убили, как врага. Никакого доверия к Вам у меня не осталось». Мансур хан раскаивался в том, что отдал приказ убить /70б/ Имин Ходжа султана и не нашел, что ответить. В это время Йарка Атака доложил: «Я допустил дерзость: вопреки Вашему приказу я сохранил ему жизнь». Мансур хан очень обрадовался, и за это дело он очень высоко поднял Йарка Атака в звании, а Имин Ходжа султана отправил к Бабаджак [султану]. Бабаджак выразил повиновение Мансур хану и установился добрый мир.

В это время пришло известие о победе Султан Са'ид хана над Мирза Аба Бакром и об освобождении Кашгара. Бабаджак султан отправил Имин Ходжа султана к Са'ид хану — Бабаджак султан и Мансур хан были от одной матери. Султан Са'ид хан очень обрадовался приходу Имин Ходжа султана. Упоминания об этих событиях изложены во второй книге.

Мансур хан очень боялся Султан Са ид хана из-за того, что Мансур хан был причиной убийства Султан Халила, которы? доводился родным братом по матери Султан Са'ид хану, и между Султан Са'ид ханом и Мансур ханом существовала большая вражда. Мансур хан был твердо уверен (Приведено по Л₁ 55а; Л₂ 69б, Л₃ 46б), что он продолжит [156] старинную вражду, однако вопреки мнению Мансур хана Султан Са'ид хан отправил к старшему брату, Мансур хану, посла, людей и попросил его встретиться. Встреча произошла в 912 (1506—1507) году между Аксу и Кусаном;

Султан Са'ид хан выразил свое повиновение старшему брату и в хутбе стал упоминать его имя. Между двумя братьями установились близкие отношения. От благодати этих двух братьев в течение двадцати лет [в стране] царили мир и благополучие. Так, что если кто-то ехал один от китайского [города] Камула⁴ и Андижана, то не испытывал нужды <в провианте и верховых животных (Приведено по Л₂ 696, Л₃ 47а), наоборот, каждую ночь в [каком-нибудь] доме он становился гостем. Да поместит Аллах преславный и всемогущий [на том свете] этих двух добрых и справедливых братьев среди благородных людей и оделит райскими (Приведено по Л₁ 55а) степенями, /71а/ <во имя Мухаммада и его славных потомков>.

В течение этих двадцати лет Мансур хан несколько (Добавлено по Л₂ 70а; Л₃ 47а) раз ходил на священную войну (газават) на калмаков (Добавлено по Л₂ 70а; Л₃ 47а) и в Китай и возвращался с полной победой. На одной из этих войн погиб Мир Джаббарберди, погиб также Ходжа Таджаддин Мухаммад. Этот Ходжа Таджаддин был из ходжей Кусана, которые происходят из рода Маулана Аршададдина. Ислам у моголов установился благодаря Маулана Аршададдину—описание этого уже было сделано раньше. Ходжа Таджаддин учился у Маулана Али Аррана (В Л₂ 70а; Л₃ 47а — Гарран), <да будет над ним милость божья>, и много раз ему доводилось встречаться с его светлостью, полюсом полюсов Ходжа Насираддин 'Убайдаллахом, и он обрел счастье от милостивого взгляда ишапа.

Сей раб слышал из уст [самого] Ходжа Таджаддина, который рассказывал: «Однажды я сидел у его светлости ишана и тот сказал, что следует воздерживаться от сомнительного куска. Я взглянул на присутствующих в собрании людей — все они были людьми благочестивыми и, кроме меня, никого не было, кто бы не соблюдал воздержания. С того времени я дал обет не есть пищу, в которой у меня не будет уверенности, что она [157] дозволена, и Вы меня извините, что я не могу есть пищу с Вашего стола».

Из этого видно, какой Ходжа Таджаддин был благочестивый и воздержанный человек. В течение пятидесяти лет он неотлучно находился при Султан Ахмад хане и Мансур хане, и эти ханы даже благоговели перед ним. Ни от кого он не принимал ни пожертвований, ни подарков: ни от ханов, ни от султанов, ни от эмиров и воинов, ни от ра'ийатов, ни от купцов и дехкан (Добавлено по Л₂ 70а; Л₃ 47а). Ходжа Таджаддин занимался торговлей и земледелием, и Аллах преславный и всевышний благословил его на это дело, так что он собрал большое богатство. А сколько он каждый год проявлял человечности к ханам и эмирам! Бедняки и неимущие, а также ра'ийаты, дехкане и купцы, /71б/ ремесленники — все получали от него пользу. По этой причине не было человека, который относился бы к нему с недоверием, и все дела государства благополучно разрешались благодаря ему. Действительно, он был человеком великим, благородным, щедрым и великодушным. На одной из священных войн с Китаем он погиб на глазах Мансур хана как мученик за веру, <да будет над ним милость Аллаха>.

Короче говоря, у Мансур хана после того, как он освободился от священной войны в Китае, произошло сражение с узбек-казаками в Арише (Так в Т; в Л₂ 70б; Л₃ 47а — Арис) Моголистана, и хан потерпел поражение. Был убит [также] Суфи мирза бекчик, один из главных столпов государства [Мансур] хана. После этого [Мансур хан] стал реже выступать из Чалиша и Турфана. После того, как умер Султан Са'ид хан, он дважды ходил на Аксу и, ничего не добившись, возвращался [назад]. Он умер в 950 (1543—1544) году, <да сделает Аллах светлыми его доказательства>. Его благословенный возраст достиг почти шестидесяти лет. Никто из чагатайских ханов, кроме Йунус хана, не дожил до такого возраста. В шестнадцатилетнем возрасте в 907 (1501—1502) году он стал государем и царствовал сорок три года. Из чагатайских ханов никто не правил столько лет. Такой долгой жизни и такой прочной власти, как у него, не было ни у кого из могольских ханов. Жизнь его от начала до конца была украшена благодеяниями и [158] набожностью. Все свое время после исполнения религиозных предписаний он проводил за чтением Корана. Так я слышал от близких ему людей, которые говорили, что, возможно, [только] пятую часть всего своего времени он тратил на дела управления государством, все остальное время шло на чтение Корана, исполнение намаза и прославление Аллаха. По умению распорядиться временем мало кто найдется из государей и даже из мужей тариката, как он. Без сомнения, благодаря этому он обрел такую [долгую] жизнь и такое мирское богатство, какие до него никто не получал из людей его разряда. Аллах преславный и всевышний, мы надеемся, да благоустроит его загробную жизнь так же, как /72а/ земную! <Да будет так во имя владыки обоих эмиров>. Он был большим знатоком жизни, обладал проницательным умом, владел искусством управления миром, организации войска и способами командования им. В его натуре не было склонности к царским пышностям, к ханскому великолепию и величию, даже наоборот, он старался быть простым, без церемоний и не отличал себя от других людей.

В то время был один чтец Корана (хафиз), он хорошо усвоил Коран, и в тех краях никто не знал Коран лучше, чем он; его называли «Чтец — собачья муха». По своей натуре он был до того неуравновешенным и порочным [человеком], что от описания этого придется отказаться. Мансур хан изучал у него Коран. Как-то наедине некоторые из наивов доложили ему, что этот чтец— [собачья] муха недостойн быть учителем, потому что до предела безнравствен, и в эти дни его

застали на непристойном деле с коровой. Хорошо ли быть хану его учеником? Хан ответил: «Я изучаю у него Коран и не собираюсь изучать у него его непристойности».

Цель [этого рассказа — показать], каким истинным мусульманином был Мансур хан государь; всю свою благородную жизнь он отдал мусульманству. От него остались два сына — Шах хан и Мухаммад султан — и одна дочь, которую Султан Са'ид хан взял [в жены] для своего сына Рашид Султана, о чем упомянуто во второй книге.

ГЛАВА 66. УПОМИНАНИЕ О ШАХ ХАНЕ Б. МАНСУР ХАНЕ

Мансур хан, <да оросит Аллах его могилу>, в последние дни жизни провозгласил ханом своего [159] старшего сына Шах хана, а сам укрылся в углу уединения. После [смерти] Мансур хана [Шах хан] получил полную самостоятельность и сегодня, когда идет 952 (1545—1546) год, он ханствует вместо отца в Турфане и Чалише. <В отношениях (Приведено по Л₂ 71а; Л₃ 476) с мулазимами своего отца, в делах ханства и в способах управления он встал на неприемлемый путь. [Мне] довелось слышать, и это известно всем, что он прославился своим непохвальным нравом /726/ — описание этого ничего не даст для цели [нашего повествования].

Еще при жизни своего великого отца он запачкал грязью послушания <платье доброго имени (Приведено по Л₂ 72а; Л₃ 48а) и халат воздержания от греха и не проявлял должного почитания к своему благочестивому отцу и не сослужил ему службу, достойную доброго сына, в чем заключаются земное счастье и благоденствие. Хотя дело обстоит так, однако обычай летописцев таков: они цепь изложения, сколько бы она ни была недостойной упоминания, не скрывают, а наоборот, как она есть, так и излагают, так как их цель [не в том, чтобы] описывать похвальные нравы государей, а непристойные дела их опускать. Они должны писать все, что есть, чтобы сохранилась история о народах мира. И в будущем каждый человек из могущественного ли он сословия или другого, взглянув на эти строки, поймет, что это — назидание и уяснит себе, что можно ждать от похвальных нравов и от неприемлемых поступков и [поймет], почему в таком-то свете упоминали о каждом человеке. И, быть может, приняв это назидание, он приступит к добрым делам и воздержится от дурных поступков, чтобы его <поминали добрыми молитвами (Добавлено по Л₂ 71б; Л₃ 48а).

ГЛАВА 67. УПОМИНАНИЕ О СУЛТАН СА'ИД ХАНЕ Б. СУЛТАН АХМАД ХАНЕ

У Султан Ахмад хана было восемнадцать сыновей, старше всех Мансур хан, упоминание о котором уже было приведено выше. После него шел Искандар султан, он умер естественной смертью после отца. После него шел Султан Са'ид хан. О жизни [остальных] пятнадцати сыновей упомянуто во второй книге.

[160] Султан Са'ид хану было четырнадцать лет, когда Султан Ахмад хан отправился [на помощь] старшему брату Султан Махмуд хану. Из своих детей он взял с собой двух сыновей — Султан Сайд хана и Бабаджан Султана. В те дни, когда ханы были вместе, Султан Са'ид хан счастливо проводил жизнь под опекой своего великого отца и под защитой своего счастливого дяди. [Так продолжалось] до тех пор, пока между ними двумя ханами и Шахибек ханом в Ахси не произошло сражение, которое /73а/ уже было описано. Во время бегства стрела попала в бедренную кость Султан Са'ид хана так, что кость повредилась. Он спрятался в укромном месте.

После прекращения многократных нападений и отступлений жители тех мест обнаружили его. Так как нога его была повреждена, они никуда не повели его. Через несколько дней наступило некоторое улучшение здоровья, и они привели его к правителю Ахси Шайх Байазиду¹ — описание жизни Шах Байазид и его брата Султан Ахмад Танбала приведено во второй книге. Этот Шайх Байазид держал Султана [Са'ид хана] под арестом. Когда на следующий год во время созревания хлебов Шахибек хан снова пошел на Фергану и на Султан Ахмад Танбала, Султан Ахмад Танбал и Шайх Байазид пали от руки Шахибек хана со всеми своими братьями. Фергана была завоевана Шахибек ханом.

Султан Са'ид хан находился в Ахси в заключении у Шайх Байазид. Люди Шахибек хана освободили Султан Са'ид хана из заключения у Шайх Байазид и привели (Добавлено по Л₂ 72а; Л₃ 48б) его к Шахибек хану. Шахибек хан отнесся к Султан Са'ид хану как к сыну, проявил к нему истинное сострадание, увез его с собой в Самарканд, а оттуда с войском в Хисар. В то время, когда Хусрау шах² завоевал Хисар, Кундуз и Бадахшан, Султан Са'ид хан был вместе с Шахибек ханом. Когда [Шахибек хан] освободился от того дела, он снова вернулся в Самарканд, а оттуда направился в Хорезм. [Султан Са'ид] хан в то время убежал от него и ушел в Моголистан. <По узгендской дороге он достиг Йеттиканда. (Приведено по Л₂ 72а; Л₃ 48б) В Йеттиканде в то время сидел Султан Махмуд хан.

[Некоторое время] он оставался со своим великим дядей, однако из-за небрежного отношения к делам [161] управления, что было в обычае Султан Махмуд хана, у Султан Са'ид хана наступило полное разочарование. Он сбежал от Султан Махмуд хана и ушел в Моголистан к своему брату Султан Халил султану, который¹ был правителем киргизов, /73б/ и четыре года прожил в Моголистане с

братом среди киргизов. За эти четыре года произошло много событий между Султан Махмуд Ханом, Мансур ханом и этими двумя братьями. В конце концов случилось то, что Султан Махмуд хан из-за племянников не смог оставаться в Моголистане и ушел к Шахибек хану с надеждой на покровительство. Шахибек хан казнил его в Худжанде, как уже об этом упоминалось.

Когда Султан Махмуд хан ушел к Шахибек хану в вилайат, эти два брата остались в Моголистане у киргизов (Приведено по Л₂ 726; Л₃ 486). В это время пришло известие о том, что Мансур хан повел войско из Чалиша и Турфана пробив братьев, чтобы подчинить киргизов Моголистана. Султан Са'ид хан и Султан Халил— оба эти брата собрали всех киргизов и моголов, выбрали укрепленное место в местности под названием Чарун Чалак (Приведено по Л₂ 736; Л₃ 486, В Т. Л₁ 57а —Чарун Чак) и подготовились к сражению. Мансур хан, подготовив войско, также прибыл. Произошло тяжелое сражение и, в конце концов, Султан Са'ид хан и Султан Халил потерпели поражение. Мансур хан переселил киргизов в Чалиш, как уже об этом сказано при упоминании о Мансур хане. Султан Халил бежал с поля боя и с небольшим количеством людей направился в Фергану к своему дяде по отцу Султан Махмуд хану [в надежде], что Шахибек хан проявит к нему милость. Когда он прибыл в Акси, Джанибек султан, один из <двоюродных братьев по отцу (Приведено по Л₁ 57а) Шахибек хана, правитель Ферганы, убил его.

Когда Султан Са'ид хан покинул место боя, он решил заняться казакованием в Моголистане, однако произошли такие события (Добавлено по Л₂ 73а; Л₃ 49а), что остаться в Моголистане не удалось. Те события изложены во второй книге и по причине длинноты и повторов здесь они приводятся кратко. Султан Са'ид хан также был вынужден уйти в Андижан. По какой-то причине он бежал и оттуда и /74а/ ушел в Кабул к Бабур Падишаху, сыну 'Умар [162] Шайха мирзы, который был двоюродным братом Султан Са'ид хана. Бабур Падишах отнесся к нему с большим почтением и уважением. Он пробыл в Кабуле три года. Когда Шах Исма'ил³ убил в Мерве Шахибек хана, Бабур Падишах направился из Кабула в Кундуз, и Султан Са'ид хан вместе с ним приехал в Кундуз. Между тем Саййид Мухаммад мирза б. Мухаммад (Добавлено по Л₁ 57а; Л₂ 736; Л₃ 496) Хайдар мирза, дядя автора [настоящей] «Истории», вторгся в Андижан, выгнал из Андижана Джанибек султана и завоевал вилайат Ферганы. К Бабур Падишаху он послал человека с сообщением о том, что сделал. Бабур Падишах отправил в Андижан Султан Са'ид хана вместе с могольскими эмирами, которые находились у него на службе. Султан Саид хан прибыл в Андижан. Мой дядя Саййид Мухаммад мирза поспешил встретить его и целиком передал ему вилайат, которым он овладел. Хан поощрил моего дядю и по старинному могольскому обычаю передал ему должность улусбеги, которая была его наследственной привилегией.

Тем временем Мирза Аба Бакр направился на Андижан. Страстно желая овладеть Ферганой, он снарядил войско из Кашгара и прибыл сюда. Хан вышел к нему навстречу с полутора тысячами человек и в местности под названием Тутлук⁴ (Приведено по Л₂ 736; Л₃ 496; R 132), в двух фарсах от Андижана, оба войска встретились. С полутора тысячами человек хан с божьей помощью одержал победу над двадцатитысячным войском. Произошел тяжелый бой, и было большое кровопролитие. Из-за этой победы в сердцах окрестных султанов поселился страх перед Султаном Са'ид ханом. Узбекские султаны собрались в Самарканде и в Ташкенте <на границах Ферганы (Так во всех списках). Вслед за этим событием Бабур Падишах в Хи-сар-и Шадмане⁵ дал сражение султанам тех краев и одержал победу. Этим самым нанесенным им поражением он выгнал из Мавераннахра всех узбеков и воссел на самаркандский трон. В [месяце] раджаб 917 (1511—1512) года [Султан Са'ид] хан обосновался в Андижане.

Когда в начале весны того же года узбеки в другой раз пришли в Ташкент, 'Убайдаллах хан⁶ /746/ отправился на Бухару. Бабур Падишах выступил против [163] 'Убайдаллах хана. В пределах Бухары произошло сражение, Убайдаллах одержал победу. Бабур Падишах, потерпевший поражение, прибыл в Самарканд, а оттуда, захватив свою семью и обоз, бежал в Хисар. Вновь узбеки одержали победу, [Султан Са'ид] хан оставался в Андижане.

Бабур Падишах обратился за помощью к Шах Йсма'илу. Тот послал на помощь [Бабуру] одного из своих эмиров — Мир Наджм-и Сани⁷ с шестидесятитысячным войском. [Бабур] Падишах соединился с ним и отправился в Самарканд. [Султан Са'ид] хан, выступив против узбеков со стороны Андижана, направился в Самарканд. В окрестностях Ташкента против хана стоял Суйундж Ходжа хан⁸. Все остальные [узбекские] ханы и султаны собрались в Самарканде и Бухаре против Бабура Падишаха. Между [Султан Са'ид] ханом и Суйундж Ходжа ханом в пределах Ташкента произошло сражение. У хана было пять тысяч, а у Суйундж Ходжа хана — семь тысяч человек. Произошел жестокий бой. В конце концов победа оказалась на стороне Суйундж Ходжа хана; обращенный в бегство Султан Са'ид хан прибыл в Андижан. Вслед за этим Бабур Падишах, также потерпев поражение от узбекских султанов в Гиждуване⁹ близ Бухары, прибыл в Хисар.

Сей раб, автор [настоящей] «Истории», получив разрешение от Бабура Падишаха, в то время, когда он присоединился к Мир Наджм-и [Сани], приехал в Андижан на службу к [Султан Са'ид] хану тогда, когда хан потерпел поражение от Суйундж Ходжа хана. Когда наступила весна, хан ушел к Касим хану, который правил в Дашт-и Кипчаке, — численность его войска в то время составляла триста тысяч человек. Касим хан оказал [Султан Са'ид] хану такой почет и уважение, что хан после этого

много лет вспоминал его. Когда [хан] возвратился оттуда, он отличил меня среди равных, сделав меня гураганом — ханским зятем. Это подробно записано во второй книге.

Когда наступил 920 (1514—1515) год, в начале весны все знаменитые узбекские султаны со всеми людьми и с огромным несметным войском направились в Андижан. Хан посчитал момент не подходящим для сражения и до того, как вражеское войско достигла границ Ферганы, ушел в Моголистан. /75a/ Когда он достиг Йеттиканда, то устроил там совещание и по [164] правильному совету и благодаря стараниям моего дяди Саййид Мухаммада Мирзы, который является братом Мирзы Аба Бакра, направились в Кашгар. В Кашгаре произошло большое сражение, кашгарское войско потерпело поражение и укрылось в кашгарской крепости [Султан Са'ид] хан пошел на Йанги Хисар. Три месяца он осаждал Йанги Хисар и, в конце концов, жители Йанги Хисара установили связь с моим дядей и сдали крепость. Когда известие об этом дошло до Кашгара, войско, находившееся там, оставило Кашгар и ушло. Когда беглецы прибыли к Мирзе Аба Баку в Йарканд, Мирза Аба Бакр также решил бежать и пошел в Хотан. Следом за ним прибыл в Йарканд [Султан Са'ид] хан и отправил войско по стопам Мирзы Аба Бакра. Оно преследовало его до тибетских гор, и в руки могольского войска попало бесчисленное [количество] имущества из одежды и [разных] предметов, мулов и лошадей — об этом кое-что сказано во второй книге.

Восшествие [Султан Са'ид] хана на престол в Кашгаре произошло в месяце раджаб 920 (май — июнь 1514) года.

В конце той зимы из Турфана прибыл Имин Ходжа султан, который был братом [Султан Сайд] хана по отцу и матери, как уже было изложено. Он стал подстрекать всех эмиров хана уничтожить Мансур хана, говорил о его ослаблении и перечислял им все его враждебные действия, которые он в прошлом совершал в Моголистане. [Султан Са'ид] хан сказал: «Он наш старший брат. Наша обязанность перед ним — служить ему и повиноваться, что не было сделано нами в то время, поэтому он и проучил меня. В те времена я не проявил по отношению к нему покорности и не служил ему, поэтому он и наказал меня. И за это нельзя питать к нему вражды, а подобает просить у него прощение за проступки» В возмещение прошлых упущений он отправил к [Мансур хану] послов (Приведено по Л₂ 746, Л₃ 506) и заявил о мире и покорности Мансур хану, у которого от опасений и страха душа была готова покинуть тело, от этих слов и известий обрел новое дыхание и безмерную радость и, дрожа от страха, отправился на встречу. Они встретились между Аксу и Кусаном. [Султан Са'ид] хан повелел с его именем читать хутбу и [165] чеканить монеты и тем самым выразил [Мансур хану] полную покорность. /75b/ И всему тому, что случилось в прошлом из-за вражды Мансур хана, он противопоставил свою доброту и покорность. Благодаря этому миру и согласию этих двух счастливых [государей] для народа наступили такое спокойствие и благоденствие, что люди могли ездить в одиночку между Камулем Китая и вилайатом Ферганы без провианта и без спутника, не испытывая никакого беспокойства, страха и забот.

Для года этого перемирия ученые и их ученики составили такую хронограмму: «Ду лашкар-и банишат»¹⁰ («Два радостных войска»). На следующий год из-за того, что Мухаммад киргиз совершал набеги на Туркестан и Сайрам и разорял мусульман, [Султан Са'ид] хан из ревностного отношения к исламу воспринял эти его действия как оскорбление, напал на Мухаммад киргиза¹¹ и то, что тот причинил мусульманам, он с избытком возвратил ему и киргизам.

Он схватил Мухаммад киргиза, арестовал его и пятнадцать лет тот оставался в заточении.

В 928 (Приведено по Л₂ 75a, Л₃ 506) (1521—1522) году [Султан Са'ид] хан направил своего сына Рашид султана на Моголистан и подчинил своей власти весь Моголистан и киргизов. Много людей в Моголистане поддержало Рашид султана. В конце концов произошло то, что из-за нападения мангытов¹² пребывание узбек-казаков в Дашт-и Кипчаке стало невозможным, и они ушли в Моголистан. Их было двести тысяч, противостоять им было невозможно, и Рашид султан со своими людьми снова пришел в Кашгар. [Султан Са'ид] хан отправился на Бадахшан и завоевал половину Бадахшана, которая до настоящего времени относится к кашгарскому дивану. Описание этого имеет долгую историю. Между главарями Бадахшана возникли распри из-за наследственных притязаний, связанных с Шах бегим, как уже упоминалось раньше, и все это описано во второй книге этой «Истории». Хан дважды водил войско в Бадахшан, один раз в 925 (1519) году, другой раз — в 936 (1529—1530) году. В 934 (1527—1528) году хан отправил меня вместе с Рашид Султаном в Балур¹³, в страну, населенную неверными, — Кафиристан¹⁴, между Бадахшаном и Кашмиром. Там мы вели большую [166] священную войну (газават), /76a/ и после многочисленных побед благополучно и в здравии вернулись назад.

Когда после этого прошло некоторое время, из-за злобы, порочности и коварства людей случилось так, что хан отправил меня вместе с Рашид султаном в Аксу, [чтобы привести оттуда] Имин Ходжу, которому, как уже упоминалось выше, был отдан Аксу. Аксу со времени завоевания его Мирзой Аба Баком с 909 (1503—1504) по 923 (1517) год оставался разрушенным, а Имин Ходжа султан благоустроил его. Оттуда мы переселили Имин Ходжа султана вместе с его людьми в Кашгар. Я оставил Рашид султана в Аксу, приведя в порядок его дела в войске и с

подданными, и вернулся назад на службу к хану. И Имин Ходжа султана отправили в Индию; в Индии он умер естественной смертью.

В конце 938 (1531 — 1532) года [Султан Са'ид] хан отправился на священную войну в страну неверных в Тибет. Меня он отправил туда раньше, я взял некоторые крепости Тибета и [к тому времени], когда хан прибыл следом за мной, овладел большинством тибетских вилайатов. Когда оба войска соединились, получилось пять тысяч человек. Во всем Тибете невозможно было прокормить зимой пятитысячное войско. Тогда [хан] счел правильным присоединить меня к Искандар султану и с четырьмя тысячами человек отправил в Кашмир. Сам хан направился к Балти¹⁵ — вилайат между Тибетом и Балуром. Зимой хан занялся священной войной в Балти, а весной вновь пришел в Тибет.

В ту зиму я находился в Кашмире, в конце зимы произошло сражение с кашмирскими правителями, и Аллах преславный и всевышний даровал мне победу. Все кашмирское войско и кашмирские правители были уничтожены, и завоевание Кашмира было уже [делом] решенным, однако из-за тех злобных людей, в обычае которых было портить дело, полное завоевание не удалось, и с правителями [Кашмира] был заключен мир. Дочь Мухаммад шаха¹³, который был государем Кашмира, обручили с Искандар султаном, /766/ с именем [Са'ид] хана провозгласили хутбу и стали чеканить монету. Сколько было возможно, собрали мал Кашмира, и весной [после] той зимы я прибыл на службу к хану в Тибет. Удостоив меня разными милостями и царской благосклонностью, он возвратился, [167] а меня отправил в Урсанг¹⁷, который является киблой Китая и Тибета, сам же направился в Кашгар.

Хан по приезде в Тибет очень ослабел от [начавшегося у него] удушья¹⁸. За время пребывания в Тибете он не поправился, однако во что бы то ни стало должен был пройти эту дорогу. Когда он достиг удушливых мест, там от этого самого удушья его чистая душа отлетела к вершинам святости в конце 939 (июнь—июль 1533) года. Подробно это изложено во второй книге этой «Истории».

ГЛАВА 68. РАССКАЗ О ПОХВАЛЬНЫХ ДОСТОИНСТВАХ И ПРЕВОСХОДНЫХ КАЧЕСТВАХ СУЛТАН СА'ИД ХАНА

Султан Са'ид хан был государем благородным, счастливым, могущественным, благоденствующим, украшенным различными достоинствами и похвальными чертами характера. Его благословенный возраст был близок к сорока восьми годам, когда он удостоился милости всевышнего Аллаха. В его благословенных добрых делах не было такого пробела, который мог бы заметить зрачок глаза. Беседы его были чрезвычайно изящны, а речь до предела красноречива, как по-тюркски, так и по-персидски. Если он обращался к кому-нибудь с речью, то перед этим улыбался. Он был всегда весел и приветлив, милостив и великодушен. К примеру, некий Максуд 'Али в бою ранил хана стрелой в левое плечо так, что он болел в течение двух лет и был близок к гибели. В те дни, когда он был болен, группа людей схватила этого самого Максуда 'Али, чтобы хан смог отомстить ему. Когда они привели его к хану, тот обласкал его и отдал ему халат, несмотря на то, что кроме этого халата другого у него не было, и удостоил его своей беседой. Он сказал: «Мне было скучно, хорошо, что ты пришел». И так до конца своей жизни он обращался с ним милостиво. /77a/ Таких и подобных им дел у него было много, большинство их упомянуто во второй книге.

И щедрость его доходила до предела. Двадцать четыре года я находился у него на службе. Он одаривал так щедро, что бывало иногда в его кладовых ничего не оставалось, так, что днями царская столовая пустовала, и он кушал в гареме. По этому примеру [видно, что] его доходов, поступающих из его владений, не хватало для расходов на подарки.

[168] По храбрости он также выделялся между себе подобными. Так, однажды я находился при нем, когда он сам лично вел атаку, и описание этого имеется во второй книге. В стрельбе я не видел равного ему ни у моголов, ни у узбеков, ни у Чагатаев, как до него, так и после. Сей раб неоднократно наблюдал, как семь-восемь стрел подряд били без промаха, как на охоте на газелей, так и на зайцев и на дичь. Стрелы, которые он посылал в боях, происходивших в Моголистане между ним, киргизами и другими, были известны среди тех племен.

Я мало встречал людей, подобных ему по благородству натуры. Однажды приехал в Андижан (Приведено по Л₂ 766, Л₃ 52a) одни фидаи <с целью совершить покушение на хана (Добавлено по Л₁ 596), искал удобного момента [для этого], но, не найдя, взял коня из ханской конюшни и сбежал. По дороге его схватили вместе с лошастью и привели к хану. Фидаи сам сказал хану: «Я приехал сюда с определенным намерением, но не нашел подходящего момента, [чтобы осуществить его]. Тогда я подумал: «Уведу-ка я коня из ханской конюшни, все-таки что-то будет сделано». Все приговорили его к смерти, а хан сказал сему рабу. «Передай его своим мулазимам, чтобы они охраняли его и все, что будет решено, пусть они приведут в исполнение». Когда люди разошлись, хан сказал мне. «В благодарность за то, что Аллах преславный и всевышний уберег меня от зла этого человека, отдай ему эту самую лошадь и передай его своим мулазимам, чтобы они вывели его из лагеря куда-нибудь подальше и освободили. В общем, будет считаться, что бедняк как-то выполнил свое намерение, и он не будет испытывать стыда перед своими потомками». По степени образованности

/776/ я никогда не видел [подобного ему] человека, и если даже [ему попадало] письмо неграмотное и неразборчивое, он, что бы то ни было, и стихи и прозу, читал не задумываясь, так, что всякий мог подумать, что он знает их наизусть. Он хорошо писал почерком насталик, орфография его была правильной и безупречной и на фарси, и на тюркском, и на арабском (Добавлено по Л₂ 76б, Л₃ 52а) языках. Он составлял по-тюркски безупречные красивые инша, такие, какие не удавалось составлять многим другим [169] знатокам.

Я мало видел людей, кто писал бы стихи с его силой и дарованием. Никогда он не задумывался над сложением стихов, наоборот, [во время] собраний и бесед, какой бы диван ни открывали из тех, которые были под рукой, он на любой размер и рифму [тех стихотворений] экспромтом слагал стихи, и все, что сочинял, он читал один-два раза, так, что каждый мог запомнить, но не соглашался с тем, чтобы кто-нибудь записывал их.

Стихи, которые хан слагал экспромтом в собраниях, я запомнил, и здесь приводятся из них несколько байтов:

В каком цветнике имеется роза, подобная твоему лицу,
И у какой розы есть такой влюбленный в нее соловей,
как я?!

Зачем моему сердцу гурии и рай,
Когда в любви к моей возлюбленной для меня
сотни тысяч раев?
Чтобы увидеть ее локоны, распущенные по лицу,
О Са'ид, у моего сердца влюбленного есть страстное
желание

И еще его же стихи:

Слава Аллаху, что стало известно возлюбленной
о моем состоянии,
А теперь перед возлюбленной... (Текст не ясен) сопернику,
Если на прогулку выйдет тот кипарис с плавной походкой,
Пусть станет рабом его стана стройный кипарис [сада]
Если я погибну или буду плакать кровавыми слезами,
не упрекайте меня, несчастного
Ибо я не могу справиться с глазами, проливающими
кровавые слезы

И еще:

Ты обещала, что будешь верной мне,
Однако ты проявляешь жестокость к душе моей.
ты не стреляй в меня стрелами своего кокетства,
Ибо боюсь я, что ты, промахнувшись, [попадешь в другого]
Ты говоришь мне, что будешь верна мне,
Но верность твоя ко мне та же, что и к другим

Ради сокращения изложения здесь приведено только это.

Однажды я предложил, чтобы [хан] непременно сочинил экспромтом [стих] на фарси. После настаивания на этом /78а/ хан приказал, чтобы открыли диван Ходжа Хасана¹, который находился тут же, и попалась газель с таким началом: «О ты, которая вся — душа человека...»

[170] Присутствующие здесь в собрании люди стали экспромтом сочинять стихи. А хан произнес такой байт:

Сколько бы ты ни запрещала говорить мне;
«Ты — душа человека»,
Я скажу правду, что ты, действительно, — душа
человека

Вероятнее всего, хан, кроме этого байта, больше ничего не сочинил на фарси, но из этого пробного байта видно, какое у него было тонкое дарование. <Из музыкальных инструментов (Добавлено по Л₂ 77а; Л₃ 52б) он играл на уде, на оживляющих душу дутаре (Добавлено по Л₂ 77а; Л₃ 52б), сетаре, чартаре и гиджаке. Лучше всего он играл на чартаре. Он был мастером в резьбе по кости и делал прекрасные стрелы. <Он был мастером в шитье кожаных рукавиц и колпаков для головы соколов (Приведено по Л₂ 77а, Л₃ 52б) и хорошо знал, как ухаживать за ловчими птицами и как

организовать разные виды охоты. Он проявлял в этом деле много страсти и старания и считал [знание] этого дела лучшим из всех своих достоинств.

В начале своей жизни он был чрезвычайно беззаботным [человеком], бесстрашным, кутилой, весельчаком, <любителем вина (Приведено по Л₂ 77а; Л₃ 52б) и страстным в своих желаниях, так, что он и часа не мог пробыть без наслаждения [вином], исключая дней рамазана; трезвости своей [в те дни] он и во сне не видел. Когда его благословенный возраст достиг 37 лет, <а это было в 928 (Приведено по Л₂ 77а; Л₃ 52б) (1521—1522) году, он раскаялся и стал придерживаться благочестия.

Во время написания второй книги, когда речь коснулась раскаяния хана и года этого события, мне пришла на ум хронограмма года [этого события], и я записал ее там. Она заключается в том, что в 928 (1521 — 1522) году хан отрекся от опьяняющих напитков, однако он не отказался от других запретных вещей, поэтому раскаяние его <было неполным (Приведено по Л₁ 60а; Л₂ 77а, Л₃ 52б). [Слова из] стиха Корана: <...Тубу ила-л-лахи тавбатун> — <раскаивайтесь перед Аллахом искренним раскаянием²> вместе со словами «тауба» («раскаяние») без последних букв «ба» и «ха» составляют [928] год.

[171] Когда убежище руководства Ходжа Бахааддин Махмуд, <да ниспошлет Аллах ему здоровье и да сохранит его>, который известен как Ходжа Хаванд Махмуд, прибыл в Кашгар, хан вручил ему свою волю и присоединился к счастливому ряду его слуг. Через пять лет (Во второй книге «Та'рих-и Рашиди» (л. 239 б) указан год «полного раскаяния» хана—935/1528—1529, зашифрованный в той же хронограмме' «Тубу ила-л-лах тавбатун», но уже с учетом цифрового значения букв «ба» и «ха», сумма которых составляет цифру семь, что соответствует утверждению автора, что «полное покаяние» хана произошло через семь лет после «неполного». Указанные здесь «пять лет», видимо, описка автора) после своего первого покаяния он отрекся от всех запретных вещей, и покаяние его стало полным. [Упомянутый] стих Корана [теперь] также составляет полную хронограмму. /78б/

После того, как он вступил на путь духовного совершенствования [суфийского ордена] ходжагон <да освятит Аллах их души>, он стал строго следовать справедливости и установлениям сунны. Его прекрасные душевные качества и благородные поступки стали такими, что, вероятно, до него из хаканов, кроме Увайс хана, мало кто имел такие качества, <а Аллах знает лучше>. И если кто хочет знать подробно о его благословенной жизни, пусть обратится ко второй книге.

ГЛАВА 69. УПОМИНАНИЕ ОБ 'АБДАРРАШИД ХАНЕ Б. СУЛТАН СА'ИД ХАНЕ

Сегодня, когда идет 953 (1546—1547) год, на троне ханской власти и на престоле хаканов находится наследник его величества Са'ид хана, его славный сын 'Абдаррашид хан, и я, ничтожный раб Мухаммад Хайдар, посвятил ему и украсил его знаменитым именем и благородными титулами эту «Историю».

Начав «Историю» с упоминания о Туглук Тимур хане, который [первый] из могольских хаканов был удостоен чести обращения в ислам, до Султан Йунус хана было записано все то, что было услышано мною от надежных повествователей, в рассказах которых не было противоречий, а противоречивые рассказы не записывались во избежание лжи. Все, что произошло начиная с Йунус хана, с этого благородного человека, до завершения дела Султан Са'ид хана записано во второй книге, а здесь, если что и излагалось с **[172]** [некоторыми] объяснениями, то, <имея в виду, что длинноты и повторы не похвальны, мы изложили коротко (Приведено по Л₂ 77б; Л₃ 53а), а подробности [рассказа] отнесены во вторую книгу <Однако описания жизни 'Абдаррашид хана во второй книге нет (Добавлено по Л₂ 78а; Л₃ 53а), поэтому мы сочли уместным написать здесь о нем подробно.

В те дни, когда [хан Султан Са'ид] находился в Моголистане со своим младшим братом Султан Халил султаном, [пришел туда] и Мансур хан. В Чаруй Чалаке произошло сражение, в котором братья были обращены в бегство. После их поражения создалась такая обстановка, что оставаться им в Моголистане оказалось невозможным, и они были вынуждены уйти в Андижан. /79а/ Там хан был арестован, затем бежал оттуда и ушел в Кабул к Бабур Падишаху, который доводился двоюродным братом хану — подробно это описано во второй книге.

Мать 'Абдаррашид хана была из простых людей, ее сделали женой [хана], чтобы она прислуживала ему, и в то время она находилась при хане. Когда хана арестовали в Андижане, узбеки разлучили ее с ханом, а она была уже на седьмом месяце беременности от хана этим самым 'Абдаррашид ханом. После того, как хан уехал в Кабул и присоединился к Бабур Падишаху, хану сообщили, что та служанка разрешилась от бремени сыном. Хан сказал об этом известии Падишаху, и тот посоветовал: «Назови его 'Абдаррашид, потому что это рифмуется с [именем] хана Султан Са'ид». Таким образом, славное имя «'Абдаррашид хан» было дано Падишахом, и оно, без сомнения, оказалось благословенным, и он стал преемником отца.

Когда мой дядя Саййид Мухаммад мирза в вилайате Фергана выступил против Джанибек султана узбека, он очистил от узбеков Ферганский вилайат и отправил человека к Падишаху в Кундуз и тот привез Султан Са'ид хана. Этот 'Абдаррашид хан находился в руках у узбеков и освобожден из плена [во время] того выступления [моего дяди] и присоединился к своему великому отцу. Когда моя сестра Хабиба Султан ханим приехала из Самарканда, хан женился на ней и передал ей этого

'Абдаррашид хана. Она заботилась о его воспитании и проявляла к нему свою [173] материнскую любовь. Эмира Гури барласа назначили к 'Адаррашиду атабеком. В те дни ему было три года. Через два года эмир Гури барлас умер и по могольскому обычаю его должность хан передал его дяде 'Али Мирак барласу. Должность атабека 'Абдаррашид султана утвердилась за 'Али Мирак барласом, а обучение его поручили маулана Мухаммад Ширази, который был человеком ученым и доброго нрава и всю свою превосходную жизнь /796/ потратил на служение могольским хаканам. Маулана Мухаммад Ширази был главой садров; при дворе Султан Са'ид хана он имел большое влияние. В действительности атабеком Рашид султана был этот Маулана, а 'Али Мирак барлас, кроме имени атабека, никакого отношения к нему не имел.

Рашид султан родился в 915 (1509—1510) году. В 928 (1521—1522) году, когда ему было тринадцать лет, хан отправил его в Моголистан. История эта такова. Сын Султан Халил султана Баба султан в то время, когда Джанибек султан убил в Ахси Султан Халил султана, как уже было упомянуто, был [в то время] грудным ребенком и так же, как Рашид султан, стал пленником при дворе Джанибек султана. Во время освобождения Ферганы он присоединился к хану. Этого племянника хан любил больше своих сыновей и поручил его Ходжа 'Али бахадуру, который в прошлом оказал большие услуги его величеству Султан Са'ид хану, и дал Ходжа 'Али бахадуру должность атабека (Добавлено по Л₁ 61а, Л₂ 786; Л₃ 51а) Баба султана.

Ходжа 'Али бахадур был моголом. Он долго жил в Моголистане, питал к нему большую любовь и всегда мечтал находиться в Моголистане. По этой причине он попросил хана дать Баба султану Моголистан и киргизов — он де увезет Баба султана в Моголистан и будет управлять делами киргизов и Моголистана. Хан согласился и хотел дать разрешение на это дело, однако мой дядя, несмотря на то, что Баба султан был его зятем, не преступая границ доброжелательности к нему, не согласился с этим. Он заявил [хану]: «У моголов безграничная тяга к Моголистану. Когда Баба султан утвердится в Моголистане, все моголы захотят уйти в Моголистан. Запретить это — значит нанести обиду Баба султану, а если Вы не воспрепятствуете [174] этому, то для Вас уход /80а/ людей в Моголистан будет очень неприятен. Из-за этого появится обида между вами, и если это случится, то повлечет [за собой] большие трудности. И, наоборот, если Вы отправите Рашид султана, — он Ваш сын и сколько бы людей ни ушло с ним, Вам плохо не будет. А если будет плохо, то Вы можете запретить это, и ему от этого ничего плохого не будет. И хотя Рашид султан еще мал, но для пользы дела надо, чтобы он поехал в Моголистан». Кроме моего дяди, никто не разделял [этого мнения], особенно Мирза 'Али Тагай, который всецело был на стороне Баба султана.

Тем временем умер естественной смертью Ходжа 'Али бахадур, и по этой причине отъезд [Баба султана] окончательно расстроился. Мнение хана утвердилось в пользу Рашид султана. Однако в отношении того, как устроить это дело, шли постоянные разговоры. Мой дядя старался продвинуть дело Рашид султана, много хлопотал об этом. Он так докладывал [хану]: «Надо поступать так: освободить давно пребывающего в заключении Мухаммад киргиза, отобрать из улуса моголов всех желающих ехать в Моголистан и владеющих стадами и отправить их во главе с уважаемыми эмирами». В конце концов хану понравились эти рассуждения моего дяди, и он поступил так, как было сказано. Он сделал Мирза 'Али Тагай главным эмиром, Мухаммад киргизу поручил управлять киргизами и отправил их.

В те дни умер 'Али Мирак барлас, а Мухаммад б. 'Али Мирак барлас¹ по праву наследования стал служить Рашид султану и также уехал вместе с ним. Короче говоря, стараниями моего дяди [хан] дал Рашид султану треть своего царского имущества — людей и войско, деньги, палатки и шатры и отправил его в Моголистан. Во время отправления хан потребовал принести в гарем все снаряжение и сказал мне: «Его саблю и колчан ты подвяжи ему на пояс и посади на коня; пусть это будет благословением и в военном деле пусть он будет твоим учеником». Сей раб выполнил эту службу. Хан поднялся, прочел фатиху — благословение и повторил несколько раз: «Помни и не забывай, что первую саблю /80б/ подвязал к твоему поясу Мирза Хайдар, и ты стал его учеником. Если тебя спросят: Чей ты ученик в военном деле, что ты ответишь?» Рашид султан сказал: «Я отвечу, что я ученик [175] такого-то». Хан сказал: «А он — мой ученик».

После того, как эти слова были повторены несколько раз, хан прочел фатиху и отправил его. Когда Рашид султан приехал в Моголистан, Мухаммад киргиз собрал всех киргизов и полностью подчинил Моголистан. В то время в Моголистане стало много войска, подробное описание этого слишком удлинит [повествование]. Короче говоря, из-за нападений узбек-казаков и враждебного отношения киргизов Рашид султан со всем своим окружением вернулся в Кашгар.

[В то же время] произошли события, [связанные] с Баба султаном и Шах Мухаммад султаном, которые подробно описаны во второй книге. Мухаммад барлас также был причастен к тем событиям. Наследники Шах Мухаммад султана настойчиво требовали его у хана, чтобы осуществить кровную месть, однако я и мой дядя воспрепятствовали этому.

Итак, в ту зиму, когда шел 934 (1527—1528) год, хан послал сего раба с Рашид султаном в Балур. Сей раб вместе с ним уехал в Балур и оказывал услуги в том войске. В те дни Рашид султану было восемнадцать лет и при нем не было ни одного хорошо воспитанного человека, он не знал, как вести беседу и как общаться [с людьми]. Наоборот, [при нем] была группа во главе

(Приведено по Л₂ 796; Л₃ 546) с Мухаммади — все они были только по виду людьми, а по поведению — скоты. От таких, подобным животным [людям], чему можно было научиться? Я при отсутствии у меня способностей был более способным, чем та группа людей. С Рашид султаном у меня было тесное общение, и ту привязанность и любовь, которые я питал к Шах Мухаммад султану и Баба султану, я перенес на Рашид султана. Когда через некоторое время мы вернулись [к хану], хан нашел своего сына другим. Несколько раз в отсутствие и в присутствии Рашид султана хан говорил: «Мы очень благодарны тебе, ты сделал для нас Рашид султана сыном — в этом походе он достиг много побед. /81a/ Слава богу, он приблизился к тому, что мое сердце хотело от него.

Между тем поступили известия о [враждебных] действиях Имин Ходжи в Аксу, и сколько я и мой дядя ни старались устранить их, ничего не вышло. Описание этих событий и козней Мирза 'Али Тагая — все записано во второй книге. В конце концов меня вместе с [176] Рашид султаном послали в Аксу. Когда мы достигли Аксу, все люди вышли встретить нас, а Имин Ходжа султан уехал к хану. Я пробыл в Аксу шесть месяцев и привел в полный порядок дела войска и подданных Аксу.

Перед этим однажды в Моголистане хан кушал миндаль. Он разгрыз благословенными зубами одну миндалину и из нее выпали два ядрышка. Хан позвал Рашид султана и меня и каждому из нас дал по одному ядру и сказал: «Существуют установленный обычай и хорошее правило: если два человека хотят подружиться, пусть они съедят по одному ядрышку из одного такого миндаля, и они станут дружить друг с другом (Добавлено по Л₂ 80a; Л₃ 55a). А смысл этого в том, что, подобно двум ядрам в одной косточке, они ни в чем не станут поступать порознь и отлично друг от друга. Внешне не будет видна двойственность, она будет восприниматься как единство. Я приказал вам сделать это, чтобы вы дружили». Мы оба по обычаю поцеловали землю и подарили друг другу коней. Цель [этого рассказа] такова: когда мы были в Аксу, между нами были прекрасные отношения: наши дружба, согласие, любовь и доверие достигли такого уровня, что большего нельзя было и представить себе. Та дружба была скреплена торжественными обещаниями. И если описать ту дружбу и согласие, то читатели, которые не видели их, действительно отнесут это описание на счет красноречия.

Короче говоря, через шесть месяцев с сотнями надежд мы расстались друг с другом, и я отправился на службу к хану. Во время прощания я прочел газель — вот четыре байта из нее:

Ствоей улицы мы уходим с болью и печалью [в сердце],

Из-за разлуки с тобой мы уходим с сотнями мук

Красотой ты подобен Лайли, а мы

По стопам Маджнуна уходим.

Ты спрашиваешь

«Как же ты уходишь один?»

Спутник мой — тоска по тебе, и мы уходим вместе с ней, /81b/

Шах 'Абдаррашид — океан великодушия,

И мы уходим, погрузившись в море его милости.

После того, как я удостоился служения хану, на следующий год хан собрался идти на священную войну в Тибет, и меня он отправил туда раньше. Я привел в порядок дела некоторых областей Тибета, когда [177] следом за мной прибыл хан, и в Тибете собралось войско в пять тысяч [человек]. В Тибете войско в пять тысяч человек не умещалось, и поневоле я с Искандар султаном, сыном хана, который был младше Рашид султана, ушел в Кашмир. Ту зиму я провел в Кашмире, а весной прибыл на службу к хану — это уже описано, и нет нужды рассказывать здесь об этом. Одним словом, когда я удостоился встретиться с ханом в Тибете, хан направился в Йарканд, а меня отправил разорить языческий храм Урсанг. Четыре месяца я провел в пути, а хан во время возвращения по дороге скончался. Эмиры, находившиеся на службе хана, послали за Рашид султаном гонцов и известили его о положении дел. Моему дяде также сообщили об этом событии; мой дядя приехал на могилу хана и занялся траурными церемониями.

10 мухаррама 940 (1 августа 1533) года прибыл Рашид султан. Мой дядя, рыдая, вышел к Рашид султану, а тот тут же убил его. Вместе с моим дядей он присоединил к мученикам и 'Али Саййида, молочного брата (кукалдаша) моего дяди. Хронограмму их мученической смерти нашли [в словах]: «катала фи-л-мухаррам»² — «двое убиты в [месяце] мухаррам».

У людей, обладающих великодушием и благородством, — качества, которыми гордятся государи, — принято, что если какой-то человек окажет им когда-то какую-то услугу, то они отвечают на ту услугу разными милостями. Мой дядя — сын племянницы Йунус хана, служба его при дворе султанов и хаканов могольского улуса была потомственной, и во второй книге описано значение должности улусбеги. Он был [одним] из близких людей отца Рашид хана, и такой власти, [как у него], ни у кого не было. /82a/ [Находясь] на службе у Султан Са'ид хана, он оказал ему много услуг. Первая — завоевание Андижана, что явилось основой власти хана. Другая его услуга — он привел хана в Кашгар, без его усилий хан и не думал бы о Кашгаре. И дальше в этом же роде. Хан был

благодарен ему за службу, он много раз перечислял [его заслуги] и соответственно им оказывал ему внимание. Если бы [мой дядя] не оказывал никаких услуг Рашид хану, а наоборот, совершал бы проступки, то [следующие обстоятельства] служат поводом, чтобы он простил его: его выступление на Андижан стало причиной освобождения Рашид хана из рук узбеков, а выступление Рашид хана в [178] Моголистан, явившееся причиной его возвышения и началом царствования, [опять же] произошло благодаря стараниям моего дяди. Если бы получилось по совету Мирзы 'Али Тагая и Ходжа 'Али бахадура, то вместо Рашид султана был бы Баба султан. В успехе дел Рашид хана мой дядя всегда прилагал много старания. Так, несмотря на то, что Имин Ходжа султан был его зятем и от Имин Ходжа султана он имел пять внуков, когда же сочли нужным, чтобы вместо [Имин] Ходжа султана был Рашид хан, а Имин Ходжа султана обрекали на скитания, он несколько не препятствовал этому и даже приложил к этому старание. Здесь не место для перечисления его заслуг. И за быть все это и убить невинного — удивительно! Лучше быстрее свернуть листы с этими словами. То, что Аллах преславный и всевышний пожелает, так и будет, и устройство того в его доброй воле. Надо вспомнить стих [Корана]: <Поистине мы принадлежим Аллаху, и к нему мы возвращаемся>³.

Удивительнее всего то, что этих самых лицемеров, которые обманывали Рашид султана в делах, возвысили. Одним словом, Мирзу 'Али Тагая назначили на место моего дяди и отправили в Кашгар. Он уехал в Кашгар и ни на минуту не откладывал убийство и истребление потомков моего дяди.

В «Сийар ан-наби» Шайх Са'ида Казаруни рассказывает, что в битве при Бадре⁴ семьдесят человек из глав курайшитов⁵, /826/ попали в плен. Чтобы выкупить их, из Мекки приезжали курайшиты, привозили выкуп и освобождали пленников. Привез выкуп также Аби-л-Асс⁶, <да будет к нему милостив Аллах> Этому Аби-л-Ассу посланник Аллаха [Мухаммад] обещал отдать в жены свою дочь еще до того, как сам стал пророком. А Аби-л-Асс [после ниспослания пророческой миссии Мухаммаду] до сих пор не принял ислам. Когда пророк, да будет над ним мир, посмотрел на него, то взгляд его очистил сердце Аби-л-Асса от ржавчины неверия, и он сказал асхабам: «У меня в сердце утвердился ислам. Я поеду в Мекку, потом вернусь и приму веру». Асхабы сказали: «Ислам надо принять сейчас же, потому что от этого будет польза и для земной жизни, а те большие средства, которые ты привез в качестве выкупа, по повелению всевышнего Аллаха и Его посланника, <да благословит его господь и да ниспошлет ему мир>, будут для тебя [179] дозволенными». Аби-л-Асс ответил: «Как бы ни было это дозволено, но плох тот мусульманин, который начинает с преступления». Аби-л-Асс уехал в Мекку, вернул имущество людей и обратился к собравшимся: «Есть ли у меня долг перед кем-нибудь?» Все сказали: «Все долги мы получили, за тобой ничего не осталось. Тогда он открыто принял [мусульманскую] веру и поспешил в Медину к пророку, <да благословит его господь и да ниспошлет ему мир>. Пророк согласно прежнего брачного договора отослал Зайнаб в его дом. Цель [рассказа]: начало царствования Рашид Хана ознаменовалось пролитием невинной крови и отсутствием великодушия. Стихи:

В представлении мудреца с добрым нравом,
Обладающего умом и справедливостью,
Все владения мира во всей вселенной
Не стоят того, чтобы капля крови пролилась на землю.

После истребления преданных людей [Рашид хан] утвердился на ханском троне и на хаканском престоле.

Когда известие о смерти [Са'ид] хана дошло до Мансур хана, он пошел на Аксу. Рашид хан выступил против своего великого дяди. Мансур хан возвратился, не достигнув цели. Рашид хан так же вернулся в столицу своего государства. Это повторилось [со стороны] Мансур хана еще раз, Рашид хан также выступил вторично [против него] и счастливо и благополучно /83а/ возвратился.

Так как произошло беспричинное убийство моего дяди, безопасность покинула людей, и эмиры хана стали бояться служить ему. Мирза Али Тагай бежал в Каратегин⁷ и, как сказал поэт:

О ты, отвратительный, презренный безбородый сводня,
Ты, будучи мужчиной, поступаешь, как коварная самка.
Ты думал, что когда не останется хороших людей,
то будешь ты.
Все хорошие люди ушли, и ты [все-таки]
ушел за ними.

Когда Мирза 'Али Таган, подобно отвратительному дьяволу, бежал, остальные эмиры хана, договорившись между собой, взяли некоторых сыновей хана, отправились в Хотан и открыто проявили свою непокорность. [180] Рашид хан отправился следом за ними. Простые люди [Хотана] вышли встретить Рашид хана. Небольшое количество эмиров осталось в крепости, всех их связали и привели к Рашид хану. Рашид хан сохранил им жизнь и повелел всех их выселить. Эта группа,

которая совершила преступление, заслуживала казни, однако он не сделал этого, хотя никаких услуг ему они не оказывали. И наоборот, мой дядя, несмотря на корни родства, множество услуг [хану], отсутствие вины и неоднократное подтверждение своей преданности, был убит на глазах у народа. Стихи:

Никто не знает законов этого презренного неба,
О боже, пусть вечно оно будет перевернутым.
Всякий преданный человек, гибнет,
А лицемер находит счастье!

Короче говоря, после того, как хан завершил дело с эмирами, он прогнал своих дядей, братьев и жен [отца], [в том числе] и Зайнаб Султан ханим, самую «любимую из жен Султан Са'ид хана. Он установил мир и дружбу с узбеками Шайбана, которые были старинными врагами, как об этом было написано раньше, и занялся истреблением узбек-казаков, которые были их старинными друзьями. Узбекам обеих сторон Рашид хан отдал в жены своих сестер. Когда старинный враг, узбек Шайбан, установил связь с сестрой Рашид хана, то это привело к бесчестию [для Рашид хана]. Короче говоря, он вступил в союз с Шайбаном и разгромил узбек-казаков. И действительно, разгром узбек-казаков был удивительным делом после того, как [Рашид хан] пренебрег старинными обычаями. /836/ С тех пор, как Султан Йунус хан разбил Бурудж углана в Кара-Тукае (Приведено по Л₂ 826; Л₃ 57а) в 877 (1472—1473) году, до настоящего времени между узбеками и моголами произошло много сражений, и всегда узбеки побеждали, так что моголы никогда за этот период не одерживали победу над узбеками. А Рашид хан победил узбеков, и это дело Рашид хана является одним из величайших его дел. Хотя его дед, Султан Ахмад хан, одержал победу над узбеками, как уже было описано, однако он разбил узбеков во время набега, <а не одержал победу над ними на поле брани, а Рашид хан (Добавлено по Л₁64а) разбил их на поле битвы.

[181] До этих пор я написал о делах Рашид хана то, что слышал в Индии и Кашмире от надежных рассказчиков. После победы над узбеками он отправился в Андижан и Турфан, однако деталей этого [события] <от надежных повествователей (Приведено по Л₁ 64а) я не услышал и посчитал недостойным записывать <ложные сведения (Приведено по Л₁ 64а), поневоле удержав от этого поводья пера. Все недостойные дела, за которые люди упрекали Рашид хана, были [совершены им] стараниями (Приведено по Л₁ 64а; Л₂ 826; Л₃ 57а) Мухаммади барласа или ради него. Причина такого влияния его на хана не известна — у него нет ни соответствующих заслуг, чтобы возводить его в такую степень, ни соответствующей храбрости, ни достоинств, которые были бы причиной предпочтения его, ни качеств, за которые ему надо было бы дать все эти степени. Рашид хан ради него взялся за такое дело, что если о нем будет сказано, читатели этих записей, не видевшие [того дела] собственными глазами, сочтут [эти записи] за преувеличение. И прозвище «Осел», применяемое к племени барлас, целиком и полностью относилось к тому барласу. Он столько прикладывал сил для истребления и изгнания дядей [Рашид хана] по отцу, матерей (жен отца), эмиров и к подстрекательству на брак [с женщинами] из ханского гарема, что описание всего этого покажется чистым преувеличением, поэтому будет лучше, если избежать той речи.

В эти дни <бог преславный и всевышний> освободил 'Абдаррашид хана от той беды — он передал того осла погонщику ослов смерти. Можно надеяться, что теперь он будет держать поводья величия в руках ума и /84а/ сочтет нужным воздерживаться от внушающих опасение поступков и сделает стремлением своего благородного ума путь, удовлетворяющий его благородных отцов и великих дедов, и ради каждого осла не будет истреблять людей и не позволит себе сажать каждого преуспевающего благочестивого на коня греховности.

Аллах преславный и всевышний с помощью своей справедливости пусть многие годы держит его на царском троне и на престоле хаканов и сохранит его от всего того, что не является угодным Аллаху и его [182] посланнику и да ниспошлет ему наверстывание того, что им потеряно. <Аминь, о владыка обоих миров! >

'Абдаррашид хан, несмотря на то, что слабо разбирался в людях, по своей природе — по физической силе, здоровью и изяществу беседы не имел равных между себе подобными. В стрельбе после его великого отца таких, как он, мало. В чаше смелости — он лев, охотящийся за тиграми, а в море дерзости (Приведено по Л₁ 64б) — акула, пожирающая дракона.

Его талант красноречия и рассыпающая перлы речь — единственная жемчужина в море изящества и прелестная шкатулка с превосходным жемчугом. Его щедрая рука так играет на [разных] музыкальных инструментах, что чанг Венеры перед ним беззвучен, а песни соловьев в саду мелодий теряют стройность. Движущая сила его благородной природы прозу переложила на жемчужный ряд стихов. Его одаренность вкусила сладкую пищу тонкостей и изящества.

В силу природной одаренности он во всех искусствах и ремеслах творит чудеса. Для кого-то из господ по требованию этикета он отправил несколько посланий и в том числе вырезал из бумаги дерево, у которого ствол, ветви и листья были сделаны и раскрашены как [настоящие] ствол, ветви, листья и цветы, так что тонкостью исполнения были восхищены и мастера этого искусства.

Так как дни моей разлуки [с 'Абдаррашид ханом] длились долго, то я упомянул здесь только его достоинства и таланты, которые он обрел еще при мне и к которым я имел отношение,— исключение составляет игра на сазе, к которой я не причащен. Возможно, он обретал [знания] и после того, как мы расстались, так как от природы он был человеком способным, и ему все давалось. Вместе с тем /846/, он хороший мусульманин, претендующий на справедливость и правосудие. Однако, как сказано: для Мусы [более] подходит везир Харун, а не Хаман. Если бы у Фир'ауна был везирем Харун, он был бы тем самым фараоном, [который] е божественной помощью исповедовал бы истинную религию и не возгордился бы. Стихи:

Надо, чтобы твой собеседник был лучше тебя,
Чтобы у тебя прибавлялся бы ум и укреплялась бы вера.
Ты украшаешь иногда осла попоной и седлом,
[183] И ты сожалеешь об отданном ему ячмене и соломе.
И так ты постепенно превращаешься в осла,
От безобразий своих ты однажды оглохнешь.

Цель [сказанного — показать], что сам 'Абдаррашид хан по своей природе стремился к справедливости и правосудию, однако он явно следовал указаниям Мухаммади [барласа], во всех случаях он поступал с его согласия, поэтому способствовал самым отвратительным делам. Так как Мухаммади теперь нет [в живых], мы надеемся, что справедливость вернется, установится спокойствие и обретется счастье, <если будет угодно Аллаху>.

ГЛАВА 70. ОБ ОКОНЧАНИИ ПЕРВОЙ КНИГИ «ТА'РИХ-И РАШИДИ»

У этого неспособного, бессильного откуда может быть смелость, чтобы пытаться вести перо бездарности по тетради возможности написания [этой «Истории»]. Однако из-за того, что мне довелось слышать несколько рассказов <из достоверных преданий (Приведено по Л₂ 83б; Л₃ 58а) о могольских хаканах, исповедовавших ислам, и жизнь некоторых из них я наблюдал воочию, а сейчас, как посмотрю я на себя и на людей, подобных мне, то не нахожу ни одного человека, который знал бы эти предания и жизнь тех хаканов, [и я решил], <если я не проявлю (Приведено по Л₂ 83б; Л₃ 58а) такой смелости, то моголы и могольские хаканы останутся в неведении о своей родословной, не говоря уже о [подробностях] жизни своих предков. А если бы я предложил описать эти дела славным ученым, это привело бы к трудностям, так как у них нет достаточной осведомленности о жизни хаканов. От этих моих слов нет пользы никому, кроме могольских хаканов и моголов, так как сейчас под властью моголов находятся [только] самые отдаленные и малочисленные племена, а когда-то власть над населенными странами и обитаемой четвертью мира принадлежала роду, потомкам и последователям Чингиз хана.

У Чингиз хана были четыре сына, и царство /85а/ он разделил между этими четырьмя сыновьями. <Улусу каждого из сыновей (Приведено по Л₁ 65а; Л₂ 84а; Л₃ 58а) принадлежала четвертая часть царства. В исторических сочинениях везде, где [184] упоминаются четыре улуса, речь, значит, идет об этих четырех родах, о которых мы сказали. Мирза Улугбек, ученый, написал «Историю» назвал ту «Историю» также «Улус-и арба'а» («Четыре улуса»).

Один из четырех улусов составляли моголы. Моголы разделились на две части: одна — моголы, другая — Чагатаи. Однако эти две группы из-за взаимной вражды на почве оспаривания прав каждой [из них] называли одна другую [пренебрежительными] именами: так, Чагатаи называли моголов «джете», а моголы Чагатаев — «караунас». Сейчас никого не осталось из Чагатаев, кроме их государей, которые являются сыновьями Бабура Падишаха, и вместо Чагатаев в их наследственных владениях поселились разные люди.

Моголы же остались в пределах Турфана и Кашгара — около тридцати тысяч человек, а Моголистан захватили узбеки и киргизы. Хотя киргизы также могольское племя, однако из-за многочисленных противоречий с хаканами они отделились от моголов. Моголы поголовно приняли ислам и слились с мусульманами, а киргизы так и остались в неверии и по этой причине отмежевались от моголов.

Цель такого <длинного разъяснения (Приведено по Л₁ 65а; Л₂ 84а; Л₃ 58б) [следующая] моголы стали сейчас самым крайним и малочисленным народом. Эти рассказы об их делах никому не принесут пользы, кроме моголов, поэтому я подумал, что предлагать [написание этой «Истории»] уважаемым людям и выдающимся ученым, [значит], поставить их в трудное положение.

Недостаток способностей и отсутствие возможностей не стали для меня препятствием, и я начертил пером слабости на страницах бездарности те события какие было возможно [описать].

В этикетке у авторов — извиняться [перед читателями] и обращаться к ним с просьбой, что, мол, если они увидят ошибки и упущения [в сочинении], то прикрыв их полою прощения, постарались бы исправить и не порицали бы [автора]. Но у этого раба нет смелости просить прощения. Обычно [авторы] говорят. «Если будут ошибки и упущения», а я точно знаю, /85б/ что

[в моем сочинении] сплошь ошибки и упущения, и какое бы возражение [читатели] ни сделали —уместно.

[185] Цель моя — не показ моей учености, а написание воспоминаний, чтобы имена предшествующих могольских хаканов не исчезли бы совершенно со страниц времени. И если понадобится могольским хаканам узнать о своей родословной и о делах своих предков, то они узнают об этом здесь. А о могольских (Добавлено по Л₂ 846; Л₃ 586) хаканах прошлых времен, которые были до распространения здесь ислама, [в сочинении] не упомянуто [ничего], кроме их имен, потому что неверные, [даже] если они все будут обладать могуществом Джамшида и Заххака, не достойны упоминания. Это люди, которые заслуживают гнева преславного и всевышнего Аллаха. Стих:

Мы не желаем, чтобы произносилось даже их имя.

Окончание настоящей «Истории Рашиди» произошло в последний день месяца зу-л-хиджжа 952 (3 марта 1546) года в прекрасном Кашмире, <да сохранит его Аллах от несчастий и разрушений>, после того, как прошло пять лет от восшествия на престол сего раба Мухаммад Хайдара б. Хусайн гурагана, известного среди друзей как Мирза Хайдар гураган.

[186] КНИГА ВТОРАЯ [ВСТУПЛЕНИЕ]

Сей низайший из рабов божиих Мухаммад Хайдар, известный среди друзей как Мирза Хайдар б. Мухаммад Хусайн гураган, <да простит Аллах его и отца его>, заявляет перед взыскательными, наделенными умом людьми, что в его душе и в мыслях давно утвердилось убеждение, что степень величия славных и высокочтимых летописцев находится на такой высоте, что сей раб не способен даже приблизиться к той вершине, и он подобен глиняному черепку, выброшенному ураганом гордости и волною невежества из реки бездарности на берег неспособности. Так как же он имеет ценность для ныряльщиков в море знаний, обладающих раковинами совершенства, наполненными жемчугом прозы и перламутром стиха! Однако из-за того, что на страницах жизни некоторых могольских хаканов ничего не сохранилось о связанных с ними событиях, [было опасение], что в памяти людей никакого следа от них не останется. Стихи:

Не гордись, о идол Китая, потому что Китая также не останется.

Мира такого, каков он [сейчас] есть, также не останется.

Если умирает погонщик верблюдов, ночующий на развалинах,

То и государей, восседающих на троне, также не останется.

Ни Джамшида не останется, ни даже отпечатка его перстня,

Ибо рисунка перстня на его перстне также не останется.

У бедного Хасана остался только этот стон,

И я боюсь того дня, когда этого также не останется.

[187] По этой причине и, следуя велению [изречения] «Нужда не знает запретов», [мною] будут описаны, насколько позволит время, некоторые деяния могольских хаканов, из тех, что являются достоверными и изложение которых диктуется необходимостью (Приведено по Л₂ 85а; Л₃ 596), [подобно тому], как в <прошлые времена высокочтимые летописцы (Добавлено по Л₂ 85а; Л₃ 596) составляли свои произведения на основе предшествующих сочинений, прибавляя к ним то, что из <обители скрытности (Приведено по Л₂ 85а) проявлялось в жилище ясности [в их время].

В период процветания Моголистана там было много ученых и достигших совершенства людей и, вероятно, они писали истории и [другие] сочинения. /866/ Теперь уже больше ста лет, как нет и следа ни от тех людей, ни даже известий об их произведениях, которые они, возможно, создавали. От всех тех городов и благоустроенных мест не осталось никакого следа, кроме башен и разрушенных крепостных стен в некоторых местах. В ряде городов сохранились некоторые следы от ханака, медресе, мечетей, арок и минаретов, у которых фундамент был каменный — то, что пожелал бог. Байт:

Не осталось там от [творений] людей и следа,
Об их делах никто ничего не знает.

Так как от благоустройства ничего не осталось и так прошло много времени, и весь могольский народ стал степным, то от учености и талантов у людей тоже ничего не осталось, даже слова «ученость» и «талант» стерлись с кромки памяти людей, и суть учености и совершенства была позабыта ими. Мисра:

От учености и таланта не осталось и названия.

Нет и исторического сочинения о периоде после принятия моголами ислама, что произошло еще до исчезновения здесь благоустроенности. Ученые Мавераннахра, Хорасана и Ирака в исторических трудах, создаваемых ими для своих правителей, если ход речи касался могольских хаканов, писали о них не более того, что требовало повествование, а на то, что выходило за рамки их рассказа, они не обращали внимания. В числе этих сочинений «Джами ат-таварих» Ходжа Рашидаддина Фазлаллаха, «Та'рих-и гузида» [188] Ходжа Хамдаллаха Мустауфи, «Зафар-наме» Маулана Шарафаддина 'Али Йазди, «Та'рих-и манзум»³ Маулана 'Абдарразака, «Улус-и арба'а» Мирзы Улугбека и другие — в каждом из них понемногу сказано о деяниях могольских хаканов, однако из этого ничего нельзя узнать цельного.

У этого ничтожного из рабов божиих с юных лет было страстное желание узнать о делах предков. В те дни из могольских эмиров и вельмож оставались еще пожилые люди, годы жизни которых превысили или были около ста лет. Мой отец, <да сделает Аллах лучезарным его блеск>, — байт:

Отец, душа которого пусть светится благодаря мне,
Дал мне по-стариковски мудрый совет,

а также мои дяди, <пусть осенит их Аллах своим милосердием>, /87а/ рассказывали о делах [могольских] ханов [услышанное ими] от своего отца и надежных повествователей.

А сейчас, когда прошло уже много времени и из тех людей никого не осталось, в мой слабый ум вселилась мысль [собрать] все, что имеется в исторических сочинениях о моголах после принятия ими ислама, присовокупить ко всему тому то, что услышано мною от надежных повествователей, и добавить к ним все, что видел этот ничтожный своими глазами, <если будет угодно всевышнему Аллаху>. Вместе с тем от крайней неспособности и слабости я не находил в себе [уверенности], что смогу как следует выполнить это большое дело, однако для пробы я решил изложить события, которые произошли на моих глазах. И так как большая часть жизни этого ничтожного неразрывно связана с могольскими хаканами, то по ходу изложения будет сказано также и об их истории, что является основной целью [сочинения]. Рубай:

Ты посмотри в какие страдания повергло нас небо,
Нагнало оно на нас сотни несчастий и горестей.
Я поведаю тебе, а ты послушай
И взгляни на то, что сделала со мной судьба.

Когда этот [труд] с помощью всевышнего Аллаха будет завершен, удостоен благосклонных взглядов прозорливых людей и уважаемых вельмож и покрыт полого прощения и халатом согласия, тогда наш ум обретет уверенность, а сердце — радость, и мы приступим [189] к написанию основной «Истории», <да поможет Аллах>.

ГЛАВА 1. НАЧАЛО ВТОРОЙ КНИГИ ИЗ «ТА'РИХ-И РАШИДИ» — О ТОМ, ЧТО ПРОИЗОШЛО ПОСЛЕ 900 (1494—1495) ГОДА В УЛУСАХ МОГОЛОВ, УЗБЕКОВ И ЧАГАТАЕВ, В КАЖДОМ В ОТДЕЛЬНОСТИ

Во время рождения этого ничтожного, которое произошло в 905 (1499—1500) году, — ученые мужи времени нашли [для этой даты] хронограмму [в словах]: «шах-и шарк» («шах Востока») и «нур-и чашм-и шах» («свет очей шаха»)¹ — государство могольских хаканов по сравнению с прежними временами стало процветать, а в этот отрезок времени, когда города Моголистана, населенные каракитаями², исчезли, до воцарения на престол Султан Йунус хана и перехода его к оседлому образу жизни в городе и в благоустроенных местах, что было, по всей вероятности, в 889 (1484) году, большинство моголов никогда не были оседлыми и, можно сказать, никогда не видели благоустройства — [стих]:

Скопление народа, подобное горным зверям.

Описание того, как вилайат /876/ Шаш с относящимися к нему владениями попал под власть моголов и как вся степь Моголистана с прилегающими к нему [землями] была подчинена [Йунус ханом], — длинная история и, <если будет угодно всевышнему Аллаху>, будет приведено в основной части «Истории».

Короче говоря, после упомянутой даты до начала 908 (1502—1503) года улус моголов шел по пути благоденствия. Подробности этого краткого изложения таковы. Отец сего раба — Мухаммад Хусайн гураган сын Мухаммад Хайдар гурагана сына великого эмира, обладателя меча и трона эмира Саййида Али сына эмира Саййид Ахмада сына эмира, знатока путей в священные города [Мекку и Медину], удостоенного божьей милости, поддерживаемого божьей помощью эмира Худайдада сына эмира Буладжи, <да сделает Аллах лучезарным их блеск>. Этот эмир Буладжи принял ислам и заменил темный лик неверия в обоих мирах светом [аята]: <Приметы их — на их лицах от следов падения ниц³>. Отец мой удостоился чести служить великому хану, властелину народов, споспешествуемому [божьей] справедливостью и милостью [190] Султан Махмуд хану сыну Султан Йунус хана сына Увайс хана сына Шир 'Али Углана сына Мухаммад хана сына Хизр ходжа хана сына Туглук Тимур хана, <да сделает Аллах лучезарным их блеск>, а этот Туглук Тимур хан, счастливый, мрак вечера неверия в странах Востока осветил восходом [солнца] ислама, и большая часть основной «Истории» состоит из рассказа об особенностях правления этого счастливого хана, <да освятит Аллах его могилу>.

Султан Махмуд хан отличил моего отца, <да не прекратится его древо>, разными милостями и особой благосклонностью, и это будет описано в основной части «Истории», <если захочет славный Аллах>. Эти милости он распростер до чести носить почетный халат ханского зятя — [свою сестру] по имени Хуб Нигар ханим, годом старше упомянутого хана, он отдал [в жены] моему отцу. Этот брак состоялся, по всей вероятности, в 809 (1493—1494) году в Шаше. После заключения этого союза он распорядился передать ему область Усрушану⁴ известную [ныне] как Ура-тепе⁵, со всем тем, что он мог бы подчинить себе, и отпустил его. /88a/ В течение девяти лет [мой отец] занимался управлением упомянутой области. За это время произошло много событий. После того, как от начала его правления прошло шесть лет, родился сей ничтожный.

Да не останется скрытым от взглядов проницательных людей, что изложение этих событий не будет ясно до тех пор, пока кратко не будет написано о государях того времени, и о том, кто где был. Короче говоря, в упомянутый период в Ферганском вилайате, столицей которого является Андижан, после смерти Мирзы Умар Шайх гурагана б. Султан Абу Са'ида гурагана между двумя сыновьями, наследниками Мирзы 'Умар Шайха — Захиратдин Мухаммад Бабур Падишахом, борцом за веру, и Мирза Джахангиром, несмотря на юный возраст, из-за разногласий эмиров постоянно существовали вражда и столкновения, случилось много побед и поражений. Некоторые из этих событий будут упомянуты в этой краткой «Истории».

В Самаркандском и Бухарском вилайатах между Байсунгар мирзой и Султан 'Али мирзой, сыновьями Махмуд гурагана б. Султан Абу Са'ид гурагана и Шахибек ханом б. Шах Будаг Султан б. Абу-л-Хайр ханом, выше которого в свое время на троне Джучи никого не было, — между этими тремя лицами [191] происходили бесчисленные столкновения, и они будут упомянуты в конце [описания] этих событий.

А в Хорасане прочно, с великолепием восседал на престоле Султан Хусайн мирза. Иногда между ним и его сыновьями поднималась пыль жестоких столкновений, однако [Султан Хусайн] мирза осаждал ее благодаря своей украшающей мир проницательности или сиянием меча, рассеивающим мрак. В Ираке после смерти Султан Йа'куба б. Узун Хасана⁶ из-за малолетства царевичей дела царства пришли в расстройство. И тут выступил Шах Исма'ил, источник насилия, существо которого было ядом для мира, и он с корнем уничтожил династию тех государей. Дела государства, мусульманской общины и религии тех совершенных и превосходных владений /886/ оказались в углу забвения и упадка

В Дашт-и Кипчаке и в Улусе Джучи хана был Бурундук хан. Все государи из потомков Джучи подчинились его власти п по своей многочисленности [их войско] соперничало с каплями дождя. События, которые произошли между ним и моголами, будут описаны далее.

В Шаше, который известен как Ташкент, сидел Султан Махмуд хан. Пока вкратце не будет рассказано о Йунус хане, который является отцом Султан Махмуд хана, речь не обретет порядка, потому что во многих местах изложение будет связано с ним. Кратко об этом следующее.

ГЛАВА 2. УПОМИНАНИЕ О ХАНСТВОВАНИИ ЙУНУС ХАНА, О ЕГО ЖИЗНИ И ПЕРЕЧИСЛЕНИЕ ЕГО ДЕТЕЙ

Султан Йунус хан был самым выдающимся и несравненным из всех чагатайских ханов. По множеству дел подобного ему [человека] в его семействе до него не было. Например, никто из чагатайских ханов до него не жил более сорока лет, большинство из них даже не достигли сорока, а этот счастливый хан прожил семьдесят четыре года. В конце жизни он покаялся и вступил на

путь тариката. Свою волю он вручил его светлости, убежищу духовных наставников, приближенному к всевышнему Аллаху Насираддин Убайдадлаху, <да освятит Аллах его могилу>. В этой «Истории» везде, где будет сказано: «Хазрат-и Ишан», подразумевается «Его светлость Ходжа». Свою волю он [192] поставил в один ряд со слугами порога его светлости, где обитают ангелы.

И еще. Он удостоился встречи и беседы со многими шейхами того времени. Счастливая его особа была украшена разными достоинствами: он читал Коран и писал, обладал поэтическим дарованием и красноречием, разгадывал муамма, был каллиграфом и художником, а также имел склонность к некоторым другим занятиям, присущим только тонким натурам, таким, как игра на музыкальном инструменте и пение.

В течение двенадцати лет он находился при маулана Шарафаддине 'Али Йазди и был его учеником. Он много путешествовал и странствовал на чужбине. Его странствования на чужбине, приобретение им знаний и его жизнь в [разных] странах будут описаны в основной части «Истории», /89а/ <если захочет всевышний Аллах>. И был он украшен прекрасными душевными качествами и похвальными добродетелями. Наряду с этими достоинствами ему не было равных по пронизательности и чрезвычайной прозорливости, по твердости решений и покоряющим мир уму и крайней смелости. Особенно в стрельбе ему не было равных. Одним словом, в его семействе не было другого [человека], подобного ему, <да сделает Аллах лучезарным его блеск и да озарит его гробницу>.

И было у его величества хана семь детей. Первая из них — Михр Нигар ханим, ее он отдал в жены Султан Ахмаду мирзе. Детей от нее не осталось. Вторая из них — Кутлук Нигар ханим, ее он выдал замуж за Умар Шайха мирзу. От нее осталось двое детей: одна — Ханзада бегим, которая сейчас сохраняет целомудрие и непорочность; другой — Бабур Падишах, от нравственного величия и стараний которого мир получает пользу, — это описано в основной части «Истории», а в этом кратком изложении будет сказано только то, что имеет отношение к рассказу. Третья из них — Хуб Нигар ханим, ее он связал узами брака с отцом сего ничтожного, как уже было упомянуто ранее. Четвертый из них — Султан Махмуд хан, кратко о его жизни будет написано позднее. Пятый из них — Султан Ахмад хан, известный как Алача хан, о нем кратко будет сказано в дальнейшем. Шестая из них — Султан Нигар ханим, ее он отдал [в жены] Мирза Султан Махмуду б. Султан Абу Са'иду; у нее один сын, известный [по имени] Мирза хан, а его сын — [193] Сулайманшах мирза — царствует сейчас в Бадахшане. Седьмая из них — Даулат Султан ханим — при завоевании Ташкента она попала в руки Тимур Султана б. Шахибек хана¹, и жизнь ее будет описана далее.

ГЛАВА 3. УПОМИНАНИЕ О ЗАВЕРШЕНИИ ДЕЛ ЙУНУС ХАНА, ПЕРЕЧИСЛЕНИЕ ЕГО ДЕТЕЙ; ЦАРСТВОВАНИЕ СУЛТАН МАХМУД ХАНА И ПРИЧИНА РАССТРОЙСТВА ЕГО ДЕЛ

В начале правления Султан Йунус хана все моголы жили в Моголистане по прежним обычаям, избегали оседлой жизни и бежали из города. Некоторых из моголов, у которых от мусульманства не было ничего, кроме названия, и даже названия не было, во всех вилайатах подобно другим неверным превращали в рабов и продавали. Когда хан удостоился чести целования ноги его светлости Ишана ['Убайдаллаха], его светлость Ишан направил соседним (Добавлено по Л₂ 88а; Л₃ 62б) мусульманским государям письма [со словами]: «Мы видели Султан Йунус хана, и тот народ, у которого государем такой мусульманин, не дозволено обращать в раба». С того времени во всех странах ислама никто больше не покупал и не продавал рабов из моголов. Одним словом, вот таким народом были моголы.

Хан решил, что до тех пор, пока этот народ не закрепится в вилайате и не станет оседлым, мусульманство никогда к нему не привьется. Основываясь на этом, он приложил к тому похвальные старания, чтобы осуществить то, что он хотел. Между тем, когда хан стал уводить моголов в Ташкент, группа [моголов], крайне дурного поведения, захватила младшего сына хана Султан Ахмад хана, бежала с ним в Моголистан и осталась там. Хан со старшим сыном Султан Махмуд ханом и с остальным улусом моголов прибыл в Ташкент. Описание подробностей этих событий очень долгое, и изложение их в этой краткой [части «Истории»] скроет основную цель, поэтому они будут описаны в основной части «Истории», <если будет угодно всевышнему Аллаху>

Когда Султан Йунус хан отозвался на призыв [Аллаха] «Вернись!», он вручил свою душу всевышнему Господу, а царство — Султан Махмуд хану, <да освятит [Аллах] его могилу> По обычаю, который [194] существовал у моголов, Султан Махмуд хана возвели на трон хана и на престол правления. Как это бывает в обычае у наследников, которые не знают цены тому, что остается от отца, у хана из-за [пренебрежения] к заслугам великих эмиров, оставшихся от великого хана, произошли большие потери. От недостатка ума низких людей, подчинивших себе волю хана, все старинные друзья были отстранены, а старые враги, назвавшие себя новыми друзьями, укрепились до такой степени, что у Султан Махмуд хана не хватило сил отразить их и даже сохранить свое государство. Когда [известие об этом] дошло до высокого слуха Алача хана, он, несмотря на то, что

в пределах Моголистана, находившегося под его властью, /90а/ были мятежники и смутьяны и ему надо было устранять их, оставил вместо себя старшего из сыновей, которым был Мансур хан, и отправился к старшему брату. В 907 (1501 — 1502) году солнце небес наместничества и лучезарная луна величия счастливо сблизилась в знаке зодиака славы. От этого всколыхнулась (Приведено по Л₁ 706, Л₂ 886; Л₃ 63а) грязь низкого сердца противников.

За полтора года до прибытия младшего хана отец этого ничтожного [пишущего эти строки] отправился из мира непостоянного в мир вечный (Приведено по Л₁ 706, Л₂ 886; Л₃ 63а). У него было шестеро детей — двое из них умерли в пору младенчества и после них остались четверо. Жизнь каждого из них будет описана отдельно.

Одним из удивительных событий [в жизни] этого ничтожного было то, что в середине младенчества случился у него такой сильный геморрой, что врачи потеряли надежду на излечение. У моих родителей до этого ничтожного было четверо девочек, и они много обращались с мольбой к мазарам и к святым того времени и просили у дарующего Господа сына. После долгих просьб и молений появился на свет этот ничтожный. По этой причине привязанность родителей ко мне была безгранична. Когда болезнь дошла до предела, они обращались с мольбой по всем местам, где была какая-то надежда [на помощь], пока не попросили удостоить их чести своим прибытием его светлость господина Маулана Мухаммада Кази — одного из величайших сподвижников его светлости Ишана [195] [Убайдаллах Ахрара]. То, что сегодня большинство людей удостоено счастья быть последователями высокого [суфийского] ордена ею светлости Ишана, <да освятит Аллах тайну его>, это благодаря его светлости Маулана [Кази] и его сподвижникам.

Его светлость Маулана благодаря своему природному благородству удостоил нас чести посещения. Когда этого ничтожного представили перед его взором, имеющим признаки мессии, он погрузился в долгое раздумье. После того, как он вышел из комнаты, он сказал, что если бы знал, что сын Мирзы в таком состоянии, то не приехал бы. Он не предписал никакой лечебной, кроме диеты, и ушел. Как-то утром, он прислал одного из своих слуг к моим родителям, /90б/ сказав ему: «Иди потребуй от Мирзы и госпожи вознаграждения за добрую весть — всевышний Аллах подарил их сыну из божественной аптеки напиток здоровья и пищу жизни». Когда эта радостная весть дошла до моих родителей, оба в то же утро прибыли к дверям его храма и выразили ему свою признательность. В тот же день появились признаки здоровья и до сегодняшнего дня никогда более геморрой не повторялся. Да не останется тайным, что в этом деле появились два чуда: одно — здоровье без лечения, другое — неповторение геморроя, что является одним из явных чудес, потому что геморрой — это болезнь на всю жизнь. С тех пор его светлость Маулана до конца своей жизни явно и тайно держал этого ничтожного под опекой своей милости и под покровительством своей заботы. Описание каждой из них будет сделано в своем месте.

Когда после этого события моя мать передала клад своей жизни хранителю загробной жизни, при неуместной помощи Султан Махмуд хана произошло завоевание Шахибеком Самарканда и Бухары и поражение тимуридских государей, в особенности Бабур Падишаха, который доводился племянником [Султан Махмуд хану] со стороны сестры и был ему как сын. И еще: Шахибек хан сменил дыхание дружеской покорности на грохот заносчивости и мятежа и открыто начал бить в барабан неповиновения.

Между тем из-за отсутствия авторитета у хана выступил Султан Ахмад Танбал, один из мулазимов 'Умар Шайха мирзы. Хотя он происходил из могольских эмиров, он возглавил смуту в Андижане, выпускал [196] стрелы неповиновения во все стороны [и бил] по мишени царства. Против него отправились оба хана.

В Ташкенте против вероломных врагов Султан Махмуд хан поставил своего сына Султан Мухаммад султана с многочисленным войском, и моего отца он также держал в Ура-тепе против Шахибек хана, думая, что между этими двумя войсками тот не пройдет. На самом деле [Шахибек хан] посчитал это обстоятельство удачей и сказал: «Я никогда больше не встречу этих двух ханов с таким малочисленным войском». Из Самарканда он с передовым отрядом направился в Фергану и через некоторое время /91а/ достиг Ура-тепе. А тамошние люди подумали, что он прибыл для осады [города] и стали готовиться к сопротивлению. К вечеру [Шахибек хан] расположился лагерем вблизи города. После того, как величайшее светило убрало с мира свои великие лучи и опустило на глаза людей черноту ночи, он спешно отправился в путь, и пока люди в крепости уточняли, куда он ушел, он прошел уже фарсахи [пути]. Когда стало ясно, что он направился в Фергану, они отправили одного за другим вестников, чтобы сообщить хану о его прибытии. Гонец и противник прибыли вместе и у ташкентского и ура-тепинского войска не осталось времени выступить.

А у ханов было всего пятнадцать тысяч человек, потому что в прошлом году они ходили на Танбала и хорошо потрепали его, так, что у того не осталось ни сил, ни главы. Будучи уверенными, что в таком положении Танбал предпочтет бегство стойкости, они захватили с собой Бабур Падишаха, чтобы после победы посадить его государем на трон отца, а самим возвратиться. Хань еще не достигли Андижана и подъехали к Ахси, одной из крепостей того вилайата, которую укрепил брат Танбала Шайх Байазид, как тот выразил [ханам] покорность, поэтому они остановились вблизи той крепости. В это время прибыл Шахибек хан с тридцатью тысячами хорошо вооруженных людей и с

царевичами Кучум султаном¹, Суйунджик султаном, Джанибек султаном и другими. Ханы выстроили ряды, произошли небольшие стычки, а так как в войске противника было много полководцев и количество [воинов] превосходило [войско ханов], то ханы потерпели поражение. Мисра:

Не дай бог, чтобы страдающему выпало несчастье
за несчастьем.

[197] Ханские кони выбились из сил и оба хана попали в плен, а Бабур Падишах ушел в горы на юге Ферганы.

Шахибек хан проявил благородство и после завоевания Ташкента оказал ханам снисхождение, дескать, «я одержал победу с вашей помощью и поддержкой, вас захватил, /916/ но не убил и отпустил». В связи с этим вспомнился рассказ об одном должностном лице, у которого один правитель конфисковал имущество. [Дело дошло] до того, что его подвергли заточению и всяким пыткам, одному великодушному господину стало жаль [этого человека], он выкупил его из рук сборщиков налогов за сумму конфискации, увез к себе домой и оказывал ему различные милости. Однажды этот выкупленный человек сидел с сыном, и они поверяли друг другу свои сокровенные мысли. Тот господин за стеной прислушался; сын сказал отцу: «Какими равноценными услугами мы сможем отблагодарить такую благотворительность и милость господина?» Тот человек сказал, что когда мы вновь обретем должность, это будет легко. Сын сказал: «Как ответить на такую великую благотворительность и милость?» [Отец] ответил: «Когда нам вернут должность, мы наложим на того господина непосильные налоги и отдадим его в руки низких сборщиков налогов [для взимания] огромной конфискации. Когда положение станет невыносимым, мы заберем у него то, что есть, а от остатка [сбора] освободим и, тем самым, сделаем его признательным».

Одним словом, когда известие о захвате ханов дошло до Ташкента, Султан Мухаммад султан забрал все, что мог — людей, семью и могольский улус и ушел в Моголистан. Мой отец и дядя также последовали за теми людьми, прихватив с собой из ценностей все, что смогли.

Во время захвата ханов Шахибек хан сказал: «Я очень просил о заключении одного брачного союза, но это не было принято. Теперь, чтобы искупить это, следует заключить три брака». Самую младшую сестру хана, которую звали Даулат Султан ханим и о которой ранее упоминалось при перечислении детей Йунус хана, выдали замуж за его сына Тимур султана, а двух целомудренных царевен из солнц невинности и лун непорочности — одну он взял в жены себе, а другую отдал Джанибек султану. Та, с которой он заключил брак сам, была Айша Султан ханим, известная в [198] Моголистане (Добавлено по Л₃ 646) как Могол ханим, а другая, которую взял в жены Джанибек султан, была Кутлук ханим. /92 а/ У них есть (Приведено по Л₁ 716; Л₂ 906; Л₃ 646) дети, которые сейчас правят в Мавераннахре. Когда ханы прибыли к своему основному местопребыванию, которым является Моголистан, младший хан заболел. Болезнь подвела итог [его жизни], и трон ханства он сменил на доску поребальных носилок и из сада царствования отправился на лужайку рая. Это событие произошло в конце 909 (1504) года. Сей ничтожный слышал как-то от Ходжа Таджаддин Мухаммада, потомственного шайх ал-ислама той страны и поистине человека великого и почитаемого, обладающего различными достоинствами, [который рассказал] «В дни болезни [хана] наедине я сообщил ему, что, говорят, будто Шахибек хан примешал в вашу еду вредные для жизни [вещества], и в моем уме появилось намерение привезти испытанное противоядие из Китая и заняться обезвреживанием яда». Хан сказал: «Да, Шахибек хан дал мне яд, и этот яд таков: [Шахибек хан] от [низкой] ступени поднялся до [высокой] ступени. Он взял нас, обоих братьев, в плен и освободил, и от того позора всякие болезни овладели моей натурой. Если для этого яда найдется противоядие, будет полезно».

У Султан Ахмад хана было восемнадцать сыновей, старше всех был Мансур хан. С 909 (1503—1504) года по настоящее время, когда идет 948 (1541 —1542) год, он независимо правит в отцовском владении. События, связанные с ним, будут изложены в этом кратком описании. Второй — Искандар султан, вскоре после [смерти] отца присоединился к нему по [причине] естественной (Добавлено по Л₂ 906, Л₃ 646) смерти. Третий — Султан Са'ид хан, его жизнь еще будет описана. Везде, где в этом кратком изложении будет говориться «полновластный хан», будет иметься в виду он. Четвертый—Бабаджак Султан, и по сей день находится на службе у Мансур хана. Пятый—Шах Шайх Мухаммад султан. После 940 (1533— 1534) года во время землетрясения на него, нескольких его детей и гарем обрушился дом. Шестым из них был б Султан Халил султан. Некоторые /926/ обстоятельства его жизни будут упомянуты во время [описания] жизни Султан Са'ид хана. Седьмой из них —Имин ходжа [199] султан. Жизнь этого султана также будет описана при упоминании Са'ид хана. Восьмой — Чин Тимур султан. Он долго находился на службе у Мансур хана, в конце концов бежал от него и перешел на службу к «полновластному хану». Мансур хан потребовал, чтобы его отослали назад, и повторилась та же картина. Наконец, он бежал в Индию к Бабур Падишаху. Он совершил много достойных дел. Падишах оказывал ему беспредельное внимание и уважение. Он умер в Агре² от сильной дизентерии и там же погребен. Девятый — Йусун Тимур султан. Подобно своему брату, устав от хождений между двумя ханами, бежал и оказался у казахов. Оттуда он отправился в Туран

и Иран, затем ушел к 'Убайдаллах хану в Бухару и оттуда бежал к Бабур Падишаху, который оказал ему уважение и почет, и сейчас он в Индии. Десятый— Тухта Буга султан. Он также подался в Индию и после естественной смерти присоединился к своему старшему брату в райском саду. А восемь [других] его сыновей умерли еще в младенческом возрасте в разное время (Добавлено по Л₂ 91а, Л₃ 65а).

[У Султан Ахмад хана] были четыре дочери. Первая из них — Ла'л Шад ханим; ее мать происходила из рабов. Хотя она не принадлежала к почетному кругу [людей], но все же ее отдали в жены Мухаммад Амину мирзе б. Амир Джаббарберди, происходившему из дуглатов, которым в государстве Алача хана безраздельно принадлежит [должность] улусбеги. Вторая из них — Махим ханим; ее отдали в жены Буилаш хану б. Адик султану. Третью отдали в жены этому ничтожному, описание чего последует. Четвертая из них — Хадича Султан ханим. После смерти Султан Ахмад хана она попала в руки Мирзы Аба Бакра, который завоевал Аксу—столицу [владений] Алача хана (Из-за утраты в списке Т дальнейшего текста в объеме одного листа перевод его отсюда дан по списку Л¹ как б близкому к списку Т). Он хорошо отнесся к ней и отдал в жены своему сыну Джахангиру мирзе. После того, как Джахангир мирза был убит, ее отдали в жены Шах Мухаммад султану б. Султан Мухаммад султану б. Султан Махмуд хану и это обстоятельство будет описано дальше.

[200] ГЛАВА 4. УПОМИНАНИЕ О МУЧЕНИЧЕСКОЙ СМЕРТИ СУЛТАН МАХМУД ХАНА И ЕГО СЫНОВЕЙ

Когда Алача хан утвердился в вечном мире, Султан Махмуд хан передал сыновьям брата людей и владения Алача хана от границ Китая до пределов Кашгара, Турфана, Чалиша, Кунджи, Аксу и Уча и ушел в степи Моголистана со своими людьми, которых осталось немного. Пять лет он провел в Моголистане, и ничего серьезного [за это время] не произошло. Те же самые низкие люди, которые утро дней правления хана довели до вечера несчастья, утвердили в мозгу хана мысль о том, что Шахибек хан окажет Вам внимание, а если даже он не сделает этого, то позволит нам поселиться в каком-нибудь уголке. Мой дядя, <да осенит Аллах его своим прощением>, говорил: «Однажды после смерти Алача хана я присутствовал в собрании Султан Махмуд хана в Аксу. Обращаясь ко мне, он сказал, что лучше стирать платки в Ташкенте, чем царствовать в Аксу. Я сказал: «Да, лучше, если Вам позволят стирать платки в Ташкенте». На эти слова хан сильно обиделся. В конце концов как бы то ни было те низкие люди привезли хана в Фергану. Это известие дошло до Шахибек хана, когда он находился на пастбище Радакан в Тусе (Добавлено по Л₂ 91б, Л₃ 65б). Он тотчас же послал человека, <а в той стороне находились его люди (Добавлено по Л₂ 91б, Л₃ 65б)>, они встретили хана, <когда он шел в Худжанд (Добавлено по Л₂ 91б, Л₃ 65б)>, и убили его с пятью несовершеннолетними сыновьями. Дату их мученической смерти нашли [в словах]: «Берег реки Худжанд». Эти события также будут описаны (Добавлено по Л₂ 91б; Л₃ 65б См. Книга первая, 1л. 63, примеч. 6). <У Султан Махмуд хана было шестеро сыновей — пять сыновей вместе с отцом приняли мученическую смерть (Добавлено по Л₂ 91б; Л₃ 65б; R 162)>, а старшим сыном хана был Султан Мухаммад султан. Когда хан уезжал из Моголистана в надежде на благосклонность Шахибек хана Султан Мухаммад султан сколько бы ни отговаривал отца от этого, ничего не добился, тогда он отделился от отца и остался в Моголистане. С ним также произошло несчастье, описание которого будет сделано в основной части «Истории», <если захочет всевышний Аллах>.

[201] Он не смог оставаться в Моголистане, поневоле отправился в Дашт-и кипчак к Бурундук хану и к Касим хану. Его приближенные в надежде на то, что, возможно, Шахибек хан оказал покровительство Султан Махмуд хану, спутав дорогу, доставили его в Ташкент. Узбеки в Ташкенте присоединили его к отцу в райском саду. От него остался один сын по имени Шах Мухаммад султан, о котором будет сказано при описании [жизни] хана.

ГЛАВА 5. УПОМИНАНИЕ ОБ ОСТАТКЕ ЖИЗНИ МОЕГО ОТЦА МИРЗЫ МУХАММАД ХУСАЙН ГУРАГАНА, ДА СДЕЛАЕТ АЛЛАХ ЛУЧЕЗАРНЫМ ЕГО БЛЕСК

Когда ханы были схвачены Шахибек ханом в Ахси, мой отец находился в Ура-тепе и так как между ним и ханами был Шахибек хан, то присоединиться к ханам [отцу] было невозможно, и он поневоле направился в Каратегин. В то время в Хисаре, Кундузе и Бадахшане [сидел] Хусрау шах —один из эмиров Мирзы Султан Абу Са'ида. После смерти Мирзы Султан Махмуда он ослепил его сына Султан Мас'уда мирзу и, когда Байсунгар мирза б. Султан Махмуд мирза бежал из Самарканда, Хусрау шах послал к нему человека, выразил раскаяние и заявил: «То, что случилось, произошло из-за страха за свою жизнь, потому что Султан Мас'уд мирза намеревался меня убить. Теперь же, чтобы загладить ту [вину], я для блага государства проявлю такое большое старание, что сколько бы то дурное дело ни было причиной упреков и проклятий людей, это старание станет причиной милости и благословения людей мира». Он столько убеждал и обманывал, что Байсунгар мирза поддался этому, и [Хусрау шах], натянув как стрелу на тетиве лука жизненное добро того достойного мирзы, отправил его в мир вечный. Все владение (Здесь заканчивается отсутствующая

часть текста в списке Т, перевод которой, как отмечалось ранее, приведен по списку Л₁) /936/ Султан Мухмура мирзы он подчинил своей власти, раздувая ветер высокомерия в очаге своего мозга. Он находился на вершине своей независимости (Приведено по Л₁ 73а, Л₂ 92а; Л₃ 66а), когда мой отец отправился в Каратегин. Хусрау шах пожелал встретиться с ним, поэтому мой отец поехал в Хисар, а [Хусрау шах], чтобы встретить его, приехал в Баг-и Чинар (Приведено по Л₂ 92а; Л₃ 66а; R 163) [Хусрау шах] проявил к нему беспредельную благосклонность и сказал: [202] «Честь Вашего благородного прибытия — это одна из божеских милостей, потому что [сейчас] время походов Шахибек хана и, как видно, он успокоился в этом году в отношении той стороны и направился в эти края. До сих пор мы не вели сражений с узбеками, их способы ведения боя мы не знаем, а у каждого племени своя манера, как в битве, так и в общении. Каждое племя в зависимости от времени и места имеет разные манеры и до тех пор, пока та манера не станет известна, нелегко оказать сопротивление тому племени. Так как у Вас с ними неоднократно случались то мир, то сражения, между ними и Вами бывали победы и поражения, теперь все, что Вы считаете правильным, скажите нам, и мы будем этого придерживаться. Так как прочность моего владения может быть закреплена благодаря Вашей силе, утверждение этого договора будет одобрено Султан ханим бегим, которая является дочерью Султан Ахмада мирзы и моей царевной, и это может быть достойной [гарантией] взаимопомощи и доверия с обеих сторон». Он возвел целую башню из таких пустых слов, и этот союз в том виде, как он был подсказан временем, укрепил. Завоевание Ташкента и Ура-тепе произошло, в основном, в период саратана¹, а упомянутые дела случились, по-видимому, в конце мизана². Тем временем пришло известие о вторжении Шахибек хана. Люди Хусрау шаха рассеялись — у кого была крепость, укрепился там, а кто не имел таковой, уходил в горы, ущелья и пещеры. Когда люди Хусрау шаха разбрелись, мой отец также бежал в Каратегин в неприступные горы. В тех горах /936/ зима очень суровая. По прибытии в Каратегин осадки стали выпадать еще назойливее, и небо не прояснялось целый месяц. Снег поднялся до двенадцати пядей. Все, кто устроились в домах или ущельях, не имели возможности выйти и передвигаться.

В этот приезд у Шахибек хана не было намерения захватить Хусрау шаха. Он хотел только узнать, есть ли у Хусрау шаха возможность оказать ему сопротивление или нет. В этот период он особенно не беспокоил его и то, что попало ему в руки из добычи, он, как волк, схватил и ушел. Он понял, что когда придет сюда в другой раз, то [люди Хусрау шаха] по одному мановению [руки] сразу же разлетятся подобно мухам [203] со скатерти. В ту зиму он хотел также разведать о Хорасане.

Захватив с собой то [награбленное], он отправился в Балх. Правитель Балха, которого звали Султан Кулунджак, правил от имени Бади аз-Замана мирзы б. Султан Хусайна мирзы³. [Шахибек хан] осадил [город] и ту зиму провел в осаде Балха. И сколько бы жители Хорасана ни выходили на поле брани, они не могли дойти до него и освободить Балх.

Ту зиму [Шахибек хан] поставил Хусрау шаха и жителей Хорасана на весы испытания и понял, что никто из них не равен ему. Но когда Шахибек хан занялся осадой Балха и не причинил большого вреда Хусрау шаху, люди Хусрау шаха вновь собрались, и дела его стали налаживаться. Он непрерывно посылал к Шахибек хану посланцев <и вести, которые считал нужными по тому времени (Добавлено по Л₂ 92б; Л₃ 66б). [Шахибек хан] также отвечал ему по всем вопросам, каким хотел, письмом или по-другому.

Когда в ту зиму Хусрау шах благодаря душевному спокойствию уверился в своей безопасности, он получил известие о Каратегине, о том, что там выпал глубокий снег, и ни у кого не осталось возможности двигаться. Он отправил туда отряд в восемь тысяч (В Л₂ 92б; Л₃ 66б; R 65 — двадцать тысяч) человек со своим братом Мир Вали. В Каратегине были уверены в отсутствии угрозы с этой стороны, поэтому каждый человек далеко ли близко ли [друг о г друга] оставался на своем месте. Когда они получили известие о [приближении] войска [Хусрау шаха], /94а/ те, которые смогли, тотчас собрались; <собралось около пятисот а человек (Добавлено по Л₂ 93а; Л₃ 67а; R 165) и преградили дорогу. Снег был до такой степени [глубок], что человек не мог сойти с дороги; [люди] с обеих сторон спешили и вступили в бой. Бой продолжался с утра до вечера. В конце концов в запасе у людей не осталось стрел, потому что каждая стрела, которая вылетала с обеих сторон, уходила в снег. Врагов было много, они подходили один за другим и вступали в сражение. Вместо одного отряда, у которого кончались стрелы, подходил другой и сражался. А с этой стороны был только один отряд, стрелы у него кончились и к вечернему намазу он обратился [204] в бегство. Из эмиров моего отца Баг (В Л₂ 93а; Л₃ 67а — Йаг (Йаги — ?)) Васар (В Л₁ 73б; Л₂ 93а; R 165 — Иасар) углан, Хуш Рай кукалдаш и несколько других погибли из-за ран от стрел. И мой отец с шестью людьми ушел к горам Ферганского вилайата, которые расположены на востоке того вилайата, между Кашгаром и Андижаном. В тех горах живут люди, которых называют чагирак, и в то время они были многочисленными и имели много скота. А вскоре после того Мирза Аба Бакр подверг их истреблению. Хусрау шах всех наших слуг и приближенных переселил в Кундуз, где таким образом прошел год. Так как изложение повествования дошло до этого места, то, если коротко не рассказать о делах Шахибек хана, рассказ не будет связным.

ГЛАВА 6. УПОМИНАНИЕ О ДЕЛАХ ШАХИБЕК ХАНА

Когда Абсолютный судия и Истинный владыка, <да славится его величие>, по своей высшей мудрости и повелению захочет удостоить кого-нибудь короной царствования и [сделать его] избранным среди равных,

он готовит причины для этого таким образом, что вокруг того [избранника] создается такая обстановка, что к нему отовсюду собираются воины и люди, обладающие государственным умом, а в противоположность ему его противника он подвергает (Добавлено по Л₂ 93а, Л₃ 67а) в беспечность гордыни и в порок зла, и всех его проницательных людей он делает слепыми /946/, а имеющих слух — глухими — и начинаются раздоры между отцом и сыном и между братьями. Цель этою вступления следующая.

Шахибек хан — сын Шах Будаг султана, а тот — сын Абу-л-Хайр хана. После смерти Абу-л-Хайр хана возникли противоречия среди оставшихся после него его людей, так, что каждый человек подался в какую-нибудь сторону. И люди благородного происхождения, султаны и царевицы, на энергию которых надеялся народ, рассеялись. Кратко рассказ об этом таков: Шахибек хан после раскола и долгих скитаний из-за безвыходности положения прибыл в Мавераннахр. Черед царствования здесь дошел до Султан Ахмада мирзы б. Султан Абу Са'ида мирзы. Султан Ахмад мирза был государем преуспевающим, и у него были [205] могущественные эмиры, обладавшие величием государя и высокими помыслами; они приглашали к себе на службу и государей. В их числе был и эмир Абдал'али тархан, правитель Бухары, и Шахибек хан стал служить ему [Эмир Абдал'али] включил его в число своих приближенных. Несколько других таких же, как он, султанов избрали для себя службу у него. Отсюда можно сделать заключение о величии и могуществе Султан Ахмада мирзы.

До тех пор, пока был жив Султан Ахмад мирза, Шахибек хан находился среди мулазимов Абдал'али тархана. Когда [Султан Ахмад] мирза и Абдал'али тархан почти одновременно предстали перед неизбежным для созданий [Аллаха], Шахибек хан ушел в Туркестан и старался снискать расположение Султан Махмуд хана. Хан, насколько было возможным, не жалел для него помощи и поддержки, так что с помощью хана Шахибек хан взял Бухару и Самарканд, и его войско с двухсот — трехсот [человек] дошло до пятидесяти тысяч и, возможно, даже до шестидесяти тысяч. С того времени, как он ушел в Туркестан, сила его при поддержке Султан Махмуд хана день ото дня увеличивалась, и каждый стоящий человек из султанов, /95а/ эмиры и прочие люди Абу-л-Хайр хана, скитающиеся по степям Дашт-и Кипчака, присоединялись к нему везде, куда он доходил.

После захвата Самарканда и Бухары он стал помышлять об устранении своего покровителя, и покровитель оказался беспомощным перед покровительствуемым. Когда известие об этом дошло до Алача хача, он прибыл из Моголистана на помощь брату. Краткое описание этого приведено раньше — как Шахибек хан взял в плен хана и отпустил. Он отколол, сколько смог, людей от войска ханов, и к его узбекскому войску прибавилось тридцать тысяч моголов. [Стих]:

Был цветок без зелени — он снова украсился ею

[Шахибек хан] возвратился из Ташкента и, не задерживаясь в Самарканде, отправился на Хисар и осаду Балха, как уже было упомянуто. Проведя зиму 909 (1503—1504) года в осаде Балха, в начале весны он прибыл в Самарканд и один-два месяца провел в степях Самарканда, [затем] поводя завоевания стран он направил в сторону Андижана.

[206] В первый год, когда он захватил хана, он не занялся Танбалом и Андижаном, потому что самым важным [тогда] считал устройство дел Ташкента. Вместе с тем Шайх Байазид еще до завоевания [Ташкента], чтобы услужить [Шахибек хану] без задержки поспешил встретить его, выразив разными способами свое доброжелательство. От имени Танбала он также согласно обстоятельствам выразил доброжелательство. В тот год [Шахибек хан] удовлетворился этим и вернулся. Когда он успокоился насчет Ташкента и моголов, он обдумал все о хисарцах и хорасанцах и решил прежде всего успокоиться в отношении Андижана и Танбала и спокойно направиться [затем] на завоевание Хисара и Хусрау шаха, что должно было послужить началом на пути в Хорасан.

Когда [Шахибек хан] прибыл в Маргелан, который является одним из важных мест Ферганы, Танбал оставил все крепости Ферганы и сосредоточил [силы] в Андижанской крепости. Когда известие об этом дошло до Шахибек хана, здравомыслящие люди сказали ему, что сосредоточение его [войска] в одном месте облегчило нам дело. /956/ Они тотчас же быстро пустились в путь и решили, что [Танбал] засядет в крепости, и Шахибек хан сам лично будет осаждать ее, а все остальные султаны устроят набег на окрестности Андижана, пограбят их, захватят их крепости и людей, разрушат их и вернуться. А когда они придут на следующий год, то [окончательно] искоренят их. Однако рука предопределения схватила Танбала за воротник жизни и погнала вперед. Так он вышел из Андижанской крепости с намерением сразиться в открытом поле. Танбал вышел с десятью тысячами человек. Когда прибыл Шахибек хан, от обилия войска глаза у людей Танбала засыпало пылью. До того, как они добрались обратно до крепости, много людей достигло милости [Аллаха] от острого меча, а Танбал с братьями, разбитые, бежали и укрылись в крепости. Было решено в тот год только разрушить его вилайат и вернуться, чтобы на следующий год облегчить дело, а [Танбал] сам шел навстречу, беде. Дело, которое было отложено на следующий год, решилось в сорок дней. Когда Шахибек хан увидел, что небольшое количество разрозненных людей от страха за свою жизнь укрылось в крепости, он крепко взялся за дело и усилил осаду.

[207] После разгрома в Каратегине мой отец ушел оттуда и находился среди чагираков. Всего удивительнее то, что хотя [Танбал] слышал о скором прибытии Шахибек хана, он, вместо того, чтобы заняться подготовкой к сражению с Шахибек ханом (Добавлено по Л₂ 94а, Л₃ 68а), пошел против моего отца к

чагиракам. Чагираки заключили союз с моим отцом и укрепились в ущелье Туруксаран (В Л₂ 94а; Л₃ 68а; R 168 — Турукшаран). Подошел Танбал и три дня подряд завязывал тяжелые бои. Мне довелось слышать от отца, который говорил: «На третий день я смог сохранить себя, благодаря сотням ухищрений, а когда наступила ночь, я крепко задумался: что будет, если [Танбал] опять завяжет бой? Все пригодные к делу люди погибли или ранены, больше людей не осталось. Что же будет завтра? Когда наступил день, в сильном страхе мы посмотрели с вершины горы и увидели, что войско [Танбала] отрядами и группами поспешно уходит. Нас охватили беспредельная радость и веселье. /96а/ Мы тотчас же отправили вниз некоторых людей, которые не были (Приведено по Л₁ 75а; Л₂ 94б; Л₃ 68а) ранены, а если и были, то рана их была несущественна, и они привезли одного человека. Он рассказал, что в полночь прибыл человек [с известием], что Шахибек хан подошел к Канд-и Бадаму и по этой причине [Танбал] поспешно ушел. От этого известия мы вновь обрели жизнь и бесконечную радость и тотчас же послали человека к Шахибек хану [сообщив], что из-за превратности судьбы мы скитаемся к этих местах, а когда получили известие о прибытии хана, то как будто бы жизнь вселилась в нас. Какой бы ни последовал в отношении нас указ, которому повинуется весь мир, он будет нами выполнен. Этот человек прибыл на второй день осады Андижана, тут же был принят, и [Шахибек хан сказал ему]: «Пусть он отправляется к нам как можно быстрее, мы мечтаем и больше всего желаем видеть его. Хотя не следовало бы идти, и страх был велик, но, заботясь о своих интересах и настроив себя на лучшее, я отправился в путь. <Когда я увидел хана (Добавлено по Л₂ 94б), он пошел мне навстречу с глубоким почтением и уважением, удостоив меня разных царских милостей, и объявил всем султанам и эмирам, что Мухаммад Хусан гураган де — наш гость, и все оказывайте ему гостеприимство.

[208] В течение тех нескольких дней, пока шла осада Андижана, все султаны и эмиры угощали нас и оказывали нам внимание. Наутро сорок первого дня Танбал поднялся на одну из башен крепости и закричал: «О, мой Мирза, вспомните о моих заслугах и о нашем детстве и укажите, что мне следует делать». Танбал был молочным братом моего отца. [Отец] рассказал далее: «Несмотря на то, что в отношении меня он допустил бесчисленные неподобающие дела, и великие обиды пролегли между нами, я очень опечалился. Так как дело было проиграно, я сказал ему: «Почему ты укрепляешь крепость, ведь сейчас не время для сражения?» Он спросил: «Что же тогда делать?» Я сказал: «Будет правильным, если ты, признавая свою беспомощность, спустишься сюда». Тимур султан присутствовал при этом. Танбал тотчас же спустился со всеми братьями, подошел растерянный и обнял меня. Больше времени ему не дали и всех в один час предали мечу. [Затем] они заперли ворота крепости и не упустили ни одной минуты, чтобы не грабить и не разорять [крепость], а, ту область подарили Джанибек султану и вернулись».

Мой отец отправился с Шахибек ханом, и они прибыли в Самарканд. Несколько дней они готовили снаряжение для войска и отправились против Хусрау шаха. Когда они достигли Хисара, Ширам Чехра, который был одним из воспитанников Хусрау шаха, укрепил крепость Хисара. Шахибек хан сам лично осадил крепость. Через несколько дней Ширам Чехра запросил пощады, спустился и сдал крепость. А хан, сохраняя верность своему обещанию, отпустил Ширама. Ширам [некоторое время] находился около хана, а [потом] присоединился к другим людям, к которым он принадлежал по происхождению, и неизвестно, что с ним потом стало. Но хан, который сам лично занялся осадой, в тот же день приказал Махмуд султану¹ взять с собой из своего войска всех, кто желает, и направиться в Кундуз, потому что Хусрау шах уже давно наполнил крепость Кундуза разными припасами и сокровищами <и поднял шум на весь мир, что я де сделал запасы на двадцать лет, и, если (Добавлено по Л₂ 95а; Л₂ 69а) все дороги будут перерезаны, то смогу провести в крепости двадцать лет. А за двадцать лет — кто жив, кто мертв? Пока он был занят этой [209] бессмыслицей и хвастовством, прибыло известие, что Шахибек хан осадил Хисар, а Махмуд султан переправляется через воды Амуйе. Он тотчас же оставил все это имущество, а что мог, захватил с собой,— стихи:

До того, как тебя выгонят из деревни.
Погрузи свою ношу на быка и на осла,—

он растерялся, переполошился и ушел в надежде, что сможет прожить в горах. Через один-два дня Махмуд султан вошел в Кундуз, а этот ничтожный со своими сестрами и братом был в Кундузе. Ранее было написано, что Хусрау шах (Добавлено по Л₂ 95а, Л₃ 69а) устроил брак моего отца с Султаном бегим, занялся весельем, а то, что он сделал за этим, уже упомянуто, а нас привезли в Кундуз. В те дни, когда мы были в Кундузе, у этой Султаном бегим появился сын, /97а/ его называли 'Абдаллах. Жизнь его будет описана далее в разных местах.

Мой отец сопровождал Махмуд султана, между ними существовали большая дружба и взаимное служение. Причина этого была в том, что в начале своей деятельности Шахибек хан во всех вопросах, касающихся государства, всеми средствами не допускал небрежности и не придерживался твердо ни обещаний, ни договоров. Каждый раз, когда представлялся удобный случай захватить что-нибудь, он не упускал его. Если то дело оборачивалось в его пользу, хорошо, а если оно не удавалось, он пылко извинялся и выставлял причины. Подобных столкновений между ним и Султаном Махмуд ханом было много. Удивительнее всего то, что каждый раз, когда случалось такое дело, [Султан Махмуд] принимал его извинения, которые были явным коварством. Описание этого довольно длинно, оно будет изложено в основной части «Истории».

Одно из тех дел следующее. Когда в период дружбы и благожелательства [Шахибек хан] находился в Туркестане, Султан Махмуд хан повел войско на Танбала. Когда он прошел уже три дня пути, из-за неправильного совета, о котором упомянуто в основной части «Истории», намерение Султан Махмуд хана изменилось, и он вернулся. Все эмиры, собравшиеся к войску [Султан Махмуд хана] из пограничных мест, вернулись назад и осели на границах.

[210] Известие о выступлении войска [Султан Махмуд] хана дошло до Шахибек хана в Туркестан. Он немедленно вложил ногу жадности в стремя рвения и, выступив в путь, сам лично пошел на Ташкент, а Махмуд султана послал на Сайрам, который в старинных книгах назван Истиджаб². Однако по дороге он получил известие, что [Султан Махмуд] хан вернулся, и [Шахибек хан] тотчас же отправил к нему человека, [сообщая]: «Я узнал, что подданные его величества направили поведья счастья против грешного раба Танбала, и я пошел, чтобы защитить Ташкент и семьи людей, хотя кроме него другого врага не было. Когда же я услышал о Вашем славном возвращении в столицу к царскому трону, я вернулся». И [Шахибек хан] ушел в Туркестан. Он отправил также гонца к Махмуд султану, чтобы тот также не посягал ни на что и возвращался. Однако еще до /976/ прибытия гонца [Махмуд султан], думая, что Сайрам свободен, напал на него. По приказу [Султан Махмуд хана] правителем Сайрама был эмир Ахмад³, из эмиров итарджи и дядя Танбала, однако в противоположность племяннику он оказал большие услуги Султан Махмуд хану. Он выступил, и Махмуд султан потерпел поражение. [Эмир Ахмад] схватил его и связанного, и закованного в кандалы доставил во дворец [Султан Махмуд] хана. [Султан Махмуд] хан отправил к моему отцу человека с сообщением об этом деле. Мой отец пошел, выпросил ему пощаду и, оказав разные милости, отпустил его. Цель изложенного [показать], что от этого взаимная услужливость и дружба между Махмуд султаном и моим отцом увеличились. С Махмуд султаном он прибыл в Кундуз, взял с собой нас и мы всей семьей переехали в Шахрисабз, который Шахибек хан дал [отцу] в качестве икта.

От возвращения из Балха до времени, которое [сейчас] упомянуто, прошла одна весна. В начале зимы [Шахибек хан] стал претендовать на Хорезм, а мой отец бежал в Хорасан.

Если в этом месте не рассказать и не записать коротко события [жизни] Бабур Падишаха и Султан Са'ид хана, то смысл дальнейшей речи станет непонятным. Подробности этого краткого сообщения полностью будут изложены в основной части «Истории», <если будет угодно всемогущему Аллаху>.

[211] ГЛАВА 7. УПОМИНАНИЕ О ГЕНЕАЛОГИИ

БАБУР ПАДИШАХА, ОПИСАНИЕ ЕГО РОДСТВА С МОГОЛЬСКИМИ ХАКАНАМИ И КОРОТКО О НАЧАЛЕ ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Коротко об этом следующее. Издавна между чагатаями и моголами была великая вражда. Вместе с тем с времени Амира Тимура до времени Султан Абу Са'ид мирзы на престол возводили кого-нибудь из потомков Чагатай хана, сына Чингиз хана, и называли его падишахом. В действительности они были узниками, как это известно из их ханских указов. Когда наступил период царствования Султан Абу Са'ида мирзы, он уничтожил это правило. Он послал человека в Шираз за Йунус ханом, привез его и отправил в Моголистан против его брата Исан Буга хана.

Описание ухода [Йунус] хана в Шираз, ханствования Исан Буга хана и царствования Султан Абу Са'ида мирзы /98а/ в этом кратком [изложении] не помещено.

Короче говоря, Султан Са'ид мирза сказал Йунус султану: «Сейчас нужно, чтобы прежние Ваши намерения Вы и близко не допускали к своим мыслям, т. е. царские указы будут украшены именем этой династии. Теперь между нами должны быть только дружба и единодушие».

Когда Йунус хан прибыл в Моголистан, после тридцатилетних стараний он одержал верх над Исан Буга Ханом. Подробное описание этого будет дано во время [повествования] о деятельности Султан Са'ид хана (Приведено по Л₂ 96а; Л₃ 70а R 172), которое приводится в рассказе о Мирза Аба Бакре. После того, как благородный ум Йунус хана в какой-то мере успокоился, он сказал: «Следуя извечному установлению всезнающего Господа: <Когда вас приветствуют каким-нибудь приветствием, то приветствуйте лучшим или верните его же> Султан Абу Са'ид мирза старинную вражду заменил дружбой, а мы эту дружбу заменим родственными связями». Трех сыновьям Мирзы Султан Абу Са'ида—Султан Ахмаду мирзе, Султан Махмуду мирзе и 'Умар Шайху мирзе — вручили трех целомудренных женщин, находящихся на вершине почета и чести,— Михр Нигар ханим, Султан Нигар ханим и Кутлук Нигар ханим, о которых уже упоминалось ранее.

[212] Так как владение 'Умар Шайха мирзы — Фергана — было расположено по соседству с Моголистаном, по этой причине из этих трех мирз Йунус хан больше всего был расположен и имел привязанность к 'Умар Шайху, так что не делал различия между ним и своими сыновьями. Когда бы они ни пожелали, они навещали друг друга и [довольствовались] тем, что было не обременяло друг друга лишними церемониями. Когда родился Бабур Падишах, к [Йунус] хану послали человека с радостной вестью. Хан прибыл из Моголистана, и долгое время они были вместе. [Во время] бритья головы [Бабура] Падишаха каждый устроил празднество. Йунус хан и 'Умар Шайх мирза дружили так, как это никогда не удавалось двум государям. /98б/

Рождение Бабур Падишаха и упоминание его генеалогии. Короче говоря, Падишах родился шестого мухаррама восьмьсот восемьдесят восьмого (14 февраля 1483) года. Маулана Мунир Маргинани— один из ученнейших улемов [из окружения] Улугбека, нашел цифронограмму [его рождения] в [словах]: «Шаш-и мухарраад»² («Шестое мухаррама»). Они попросили Хазрат-и Ишана [Ходжа Убайдаллаха], <да освятит Аллах его могилу> дать имя [младенцу]. Он осчастливил его именем Захираддин-Мухаммад. <В те времена Чагатаи были в основном кочевниками, они не были торговцами как сейчас и им было трудно произносить «Захираддин Мухаммад» (Добавлено по Л₂ 966, Л₃ 706), поэтому они назвали его «Бабур». В хутбах и в указах его называли и писали «Захираддин Мухаммад Бабур». Но он больше известен как Бабур Падишах.

Родословная его [такова]: 'Умар Шайх гураган б. Султан Абу Са'ид гураган б. Султан Мухаммад мирза б. Мираншах мирза б. Амир Тимур гураган. А со стороны матери — Кутлук Нигар ханим дочь Йунус хана б. Увайс хана б. Шир Али хан б Мухаммад хан б. Хизр ходжа хан б. Туглук Тимур хан.

Он был государем, украшенным разными достоинствами и похвальными качествами. Из всех его качеств преобладали смелость и благородство. В тюркской поэзии после Амира Алишера³ никто не написал столько, сколько он. У него есть превосходный диван на тюрки. Он создал поэтическое произведение под названием «Мубаййин»— очень полезный и принятый людьми [213] трактат по фикху. Он написал «Тюркский аруз» с такой тонкостью, с которой до него никто не писал и переложил на стихи «Рисала-и валидийа» Хазрата Ишана [Убайдаллаха].

У него есть историческое сочинение на тюркском под названием «Вакаи'», написанное очень выразительным, живым, чистым и понятным языком. Некоторые рассказы оттуда будут приведены [в этой книге]. В музыке и других [искусствах] до него в его семействе не было человека с его дарованиями. С ним произошли диковинные события, удивительные приключения, которые поистине никому из его сыновей выпали на долю. Он был в возрасте двенадцати лет, когда [его отец] Мирза 'Умар Шайх покинул мир. Об этом написано с таким мастерством в его историческом сочинении «Вакаи'», что хотя и по тюркски, но здесь оно будет приведено в добрый час: /99а/ «В понедельник четвертого рамазана 'Умар Шайх мирза полетел вместе с голубятней и превратился в сокола. Ему было 39 лет». Это дело произошло в 899 (8 июня 1494) году, когда он после [смерти] отца в двенадцатилетнем возрасте был возведен на царство. Между Байсунгар мирзой и Султан Али мирзой, сыновьями⁴ Султан Абу Са'ида мирзы, происходили такие стычки, что у обоих не осталось сил, чтобы защищать Самарканд. Когда известие об этом дошло до Андижана, [Бабур] Падишах пошел на Самарканд. Несмотря на то, что мирзы были обессилены, они оказали ему сильное сопротивление. В конце концов Байсунгур мирза не выдержал, оставил город и ушел в Хисар, где был убит Хусрау шахом, о чем кратко упоминалось ранее. [Бабур] Падишах взял Самарканд, и сколько смог из андижанского войска удержал в Самарканде, а остальная часть без разрешения и с разрешения ушла в Андижан (Добавлено по Л₂ 97а, Л₃ 71а).

Танбал, о котором уже упоминалось, по прибытии [в Андижан] в сговоре с несколькими другими эмирами возвел на царство Джахангира мирзу, младшего брата Бабур Падишаха. Они без вины убили казия Андижана, человека чрезвычайно набожного, благочестивого, проявлявшего ради Падишаха большое усердие в устройстве дел царства. Еще до убийства казия, <Да будет над ним милость Аллаха>, приверженцы [214] Падишаха за короткое время укрепили крепость Андижана и отправили письма [к Бабуру], убеждая его как можно скорее прибыть на их зов, так как дела в Андижане непременно придут в расстройство и ясно, что тогда дело в Самарканде также расстроится.

Когда письма дошли до Падишаха, он оставил Самарканд и направился в Андижан. Достигнув Худжанда, он получил известие, что [враги] сделали свое дело. Падишах, «отсюда выгнанный и туда не попавший», растерялся и прибег к защите своего дяди Султан Махмуд хана.

В это время к сыну и сестре, которая была матерью /99б/ сего раба, прибыли мать Падишаха и ее мать, Исан Даулат бегим. В связи с этим Падишах побывал в нашем вилайате и для дорогих гостей делали все, что было возможно.

В другой раз с величайшими трудностями, после многих поражений и побед, [Бабур Падишах] овладел Самаркандом. В стремлении защитить Самарканд он провел много сражений с претендентами на Самарканд, испытал поражения и победы. В конце концов дело дошло до осады [города]. Когда терпение Бабур Падишаха лопнуло, он отдал [в жены] Шахибек хану свою сестру Ханзада бегим, о которой было упомянуто прежде, заключил мир, и ушел, а Самарканд укрепился за Шахибек ханом. Подробности этого краткого изложения довольно длинные. Короче говоря, перестав думать о Самарканде, Падишах снова прибыл к своим дядьям и занялся Андижаном. Хань также подвзвали поясом старания талию отцовской любви и приложили большое усердие, чтобы захватить Андижан и отдать его Падишаху. Дело кончилось так, как уже было упомянуто.

В последнем сражении, когда ханы попали в руки Шахибек хана, Падишах быстро направился в горы на юге Ферганы и претерпел много трудностей и бесчисленных бед. Вместе с ним была его мать, и большинство приближенных Падишаха также были с чадами и домочадцами. Это путешествие точно соответствовало подобным жемчугу и перлам словам имама благочестивых, руководителя праведных, эмира правоверных 'Али, <да почтит Аллах лик его>, который сказал: «Разве ты не знаешь, что пророк говорил так: «Путешествие— это часть преисподней». [Согласно этому] кривовершающееся и изменчивое небо обрушило на Падишаха все, что [215] поберегло из мелких и крупных жестокостей для унижения терпеливых, благородных людей. С мучениями и большими трудностями они достигли Хисара, который

был столицей Хусрау шаха. /100а/ Они надеялись на его гуманность, которой он был им известен, однако он переменялся подобно небу — отвернул лицо человечности, а спину холодности обратил к тому обладателю человечности. И все это он сделал так, что не воспрепятствовал им двигаться дальше, и в том же состоянии подавленности, охваченные страхом и растерянностью, они прошли в Гури⁵ и Баклан. Когда они прибыли а эти пределы, спина их стойкости была сломлена, а нога возможности передвигаться связана, и они задержались там на несколько дней. Стих:

Нередко бывает, что зло содержит в себе и пользу

Хотя остановка в том месте показалась им тягостной, однако в этом заключался милостивый взгляд Истинного мудреца и Абсолютного владыки, <да возвеличится слава Его>, чего не видели глаза дальновидных мудрецов.

Между тем шумное прибытие Шахибек хана в Хисар и грохот набега Махмуд султана на Кундуз погасили треск гордости Хусрау шаха так же, как и барабана его власти, как уже упоминалось раньше. Не зная, [что Падишах в Гури], он также направился в горы Гури. Когда он подошел к тому же месту, стало известно, что Падишах в Гури. В ту же ночь все его слуги и приближенные, малые и большие, все присоединились к Падишаху. Хусрау шах не нашел ничего другого, как пойти в услужение [к Падишаху], несмотря на то, что для глаз двоюродного брата Падишаха Султан Мас'уда мирзы он светлый мир сделал темным, а брата его Мас'уда Байсунгара мирзу он как только посадил на трон, так и уложил на доски погребальных носилок, а когда Падишах в [описанном] состоянии прибыл к нему, он приказал прогнать его.

В то же время Мирза хан, младший брат пострадавших мирз (Приведено по Л₂ 976, Л₃ 72а), отец и мать которого были родными [братом и сестрой] отцу и матери Падишаха, присоединившись к Падишаху в трудные дни, проведенные им в горах, и /100б/ находящийся с ним сейчас, по прибытии [216] Хусрау шаха ко двору Падишаха обратился с просьбой разрешить отомстить [Хусрау шаху] за своих братьев. Падишах, человечность которого была его природным свойством, ласково сказал Мирза хану, что жаль и тысячу раз жаль, что таким уважаемым царям стараются противопоставить <коварство дьявола (Приведено по Л₁ 78а; Л₂ 98а; Л₃ 72а). И [Бабур] столько просверлил жемчужин благородства алмазом великодушия, что Мирза хан согласился и ничего не сказал. Как только Хусрау шах увидел Падишаха и Мирза хана, соблюдающих этикет и обычаи, лоб его невежества ежеминутно стал покрываться потом стыда, а Падишах стер его подолом прощения и рукавом снисхождения. Когда прием был окончен, Падишах приказал, чтобы его казначеи отдали обратно [Хусрау шаху] все палатки, сокровища, коней и прочее имущество в том же виде, в каком они взяли у него. Несмотря на то, что у благородной свиты Падишаха имелась только одна лошадь, на которой к тому же ехала его почтенная мать, и поэтому можно было судить о его нуждах, он не взял себе из имущества [Хусрау] ничего, кроме того, что тот сам назвал ему в качестве подарка во время [этой] их встречи, еще не получив своего имущества обратно, а <когда все его снаряжение и казна вернулись к нему без потерь, он дал [Бабуру] то, что обещал (Добавлено по Л₂ 98а; Л₃ 72а).

Получив разрешение уйти в Хорасан, Хусрау шах отделился [от Падишаха] и ушел. Удивительнее всего то, что Хусрау шах, располагая таким войском, не стал защищать своего владения, а, испросив немного помощи в Хорасане, пошел на Кундуз и [здесь] легко был убит. Действительно, убийство своего господина и сына господина неизбежно приводят к гибели. Что касается Падишаха, то он за одну ночь стал обладателем двадцати тысяч человек. И храбрые эмиры с прекрасным снаряжением, как Баки Чаганийани, Султан Ахмад (Добавлено по Л₁ 78а; Л₂ 98а; Л₃ 72б) Каравул, Баки Тиллафуруш и другие взяли за дела Падишаха и [вместе с ним] отправились в Кабул.

А в Кабуле после дяди Падишаха Улуг мирзы Кабули власть захватил Мукиб б. Зуннун Аргун, один из мирз /101а/ Султана Хусайна. После счастливого прибытия Падишаха он выступил против него, однако после небольшого сражения отступил и укрепился в крепости [217] Кабула. В конце концов он не выдержал осады, попросил пощады и сдал крепость. Падишах, сохраняя верность своему обещанию, разрешил ему со всем имуществом и близкими благополучно уйти в Кундуз (В Л₂ 98а; Л₃ 72б; R 177 — Кандагар). С той даты —909 (1503—1504) год —до настоящего времени —948 (1541 — 1542) год —Кабул остается в руках Падишаха и его подчиненных. Рассказ [о Бабуре] дошел до этого места.

События жизни Султана Са'ид хана, рассказы о моем отце и об его уходе в Хорасан, а также события, которые произошли после этого в жизни Падишаха, были нами оставлены. До этого было сделано только краткое описание блестящих подвигов хана, а теперь необходимо кратко изложить начало его деятельности и подробно описать последние события его жизни.

ГЛАВА 8. НАЧАЛО ПОВЕСТВОВАНИЯ О СУЛТАН СА'ИД ХАНЕ б. СУЛТАН АХМАД ХАН б. СУЛТАН ЙУНУС ХАНЕ И ОПИСАНИЕ ТРУДНОСТЕЙ И БЕД (Добавлено по Л₂ 98б; Л₃ 72б), КОТОРЫЕ ПРИКЛЮЧИЛИСЬ С НИМ В НАЧАЛЕ ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Когда Владыка царей мира и Бесспорный обладатель царства, <да славится его величие и да распространится его благодеяние по его извечной воле и вечному предписанию>, захочет удостоить кого-

нибудь, угодного ему из его слуг короной великодушия и пожелает отличить среди равных более достойного из рабов своих почетным халатом милости, то он сначала подвергнет его испытанию трудностями, соблазнами и необычными происшествиями. В этом заключена редкая мудрость, ибо этим он ознакомит [своего избранника] с положением обездоленных и осведомит его о грядущих событиях, чтобы тот смотрел на положение слабых глазами милосердия, а государство и религию своим умом и проницательностью сохранял бы в порядке, как это рассказано в стихах гордости людей мира, света мусульманской религии шайх ал-ислама 'Абдаррахмана Джамии¹ в его «Силсилат аз-захаб» о приближенном к престолу великого, всеведущего Господа Моисея, <да будет над ним милость Аллаха>: /1016/

Однажды в один из дней собеседник божий [Моисей],
Который мог молвить слово в святилище верности,
[218] В период пастушества как-то обнаружил,
Что ягненок отбил от стада.
Ягненок бегал повсюду, а [Моисей] — за ним
Прошел много гор и степей
В конце концов [ягненок] ослабел,
Ноги у него устали от бега,
[Моисей] взял его за шерсть и поставил перед собой,
И слезы милосердия полились по его лицу,
Нрав его не ожесточился от гнева,
Ласково он гладил его по спине
[Он говорил] «Почему ты убежал?
Какая польза для тебя от твоего бегства?
Мои старания в погоне за тобой
Были не для меня, а для тебя
Если бы я оставил тебя самого по себе
Отвращая милость свою от тебя,
То для любого нечистого кровожадного волка
Ты стал бы обедом или ужином».
После этого [Моисей] посадил ягненка на плечо
И отправился по своей дороге.
Так как он заметил, что [ягненок] от мучений потерял силы,
Он взвалил груз на свою шею.
В здоровом ли состоянии, или больном,
Нет ничего превосходнее, чем ношение груза
Ты носи груз, чтобы в день подсчета [благих] деяний
Ты нашел доступ ко дворцу блаженства.
Творец всевышний, когда в пастушестве [Моисея]
Увидел его доброе поведение,
Сказал святым херувимам:
«Тот, у которого милость проявляется в такой доброте,
Заслуживает того, чтобы его возвысить,
И чтобы он стал в мире мудрым шахом.
И дали бы ему главенство над людьми
И указали бы ему путь пророчества,
Чтобы все под его сенью нашли успокоение
И подобно тени, не покидали бы его зонт».

Поэтому в верных преданиях упоминается о том, что ни одному пророку не надевали венец пророческой миссии и халат посланничества без того, чтобы не поддержать его на пастушеском занятии для того, чтобы на том деле он получил уроки любви и сострадания к сильным и слабым.

В «Истории Хосровитов» содержится [рассказ] о том, как Кубад, один из знаменитых Хосровитов и отец Нуширвана, когда стал замечать на челе Нуширвана сияние ума и знаний, а также лучи справедливости и щедрости, то решил препоручить его разуму ученых и мудрецов, чтобы с малолетства его чистая грудь наполнилась бы чистотой /102a/ мудрости, <как надпись на камне>. Тогда Кубад позвал мудреца Ходжа Бузурджмихра и вручил ему Нуширвана. Мудрец сказал: «Так как цель этого вручения ясна, то если по требованию **[219]** мудрости произойдет дело, которое недалекому взору наблюдателей с виду покажется творением вреда и презрения, следует, чтобы в Вашей душе не было обиды, так как польза от той мудрости будет распространяться и проявляться во все времена». Кубад сказал, что это вручение преследует именно такую цель. После этого Ходжа вместе с Нуширваном отправился в обитель мудрости. Когда они подошли к конюшне, подали лошадей. Ходжа сел верхом, а Нуширвану приказал взять на плечо попону и идти пешком у стремени Ходжи. Иногда Ходжа сильно гнал лошадь, а иногда придерживал поводья мудрости. Когда он доехал до дома и остановился во дворе дворца-сада, то стал проявлять в отношении Нуширвана резкость и

грубость и приказал, чтобы его положили под палки. С двух сторон встали два человека, взяли толстые палки и подняли над ним. Нуширван от сильного страха задрожал и взмолился. Ходжа сказал: «Иди, я прощаю тебя». Нуширван обрел особую радость и бесконечное веселье. После этого с большим почетом Ходжа ввел Нуширвана в дом и оказывал ему разные почести и приятные услуги так, что Нуширван, даже в воображении не представлявший такое человеколюбие, был поражен.

Бузурджмихр сказал: «Сначала, когда я заставил тебя идти пешком у моего стремени, моей целью было осведомить тебя о состоянии пеших, которые находятся у твоего стремени — какую трудность испытывают пешие и как беспечно гонят проворных лошадей беззаботные всадники, и никогда даже частица праха трудностей пеших не оседает на кромке их ума. /1026/ И еще. Когда я на тебя гневался и положил под палки, а потом простил и ты освободился от той жестокости, то какая радость и веселье охватили тебя! Все это было для того, чтобы ты знал, что если ты какого-нибудь несчастного человека обречешь на несчастье и подвергнешь наказанию палками, ты вспомнишь об этом своем трудном положении и о том своем состоянии, когда ты обрел покой, <чтобы ты не желал для другого того, чего не желаешь для себя (Приведено по Л₂ 996).

И еще. После моего гнева я угостил тебя подобающим образом, посадил тебя на трон почести и добился твоего расположения ко мне приятной беседой и мудрыми изречениями. Ты — государь, народ нуждается в [220] тебе и народу желательно, чтобы ты поступал именно так. Ты должен помнить это и поступать в отношении подданных так же, как я поступил с тобой». Из этих россыпей мудрости в сокровищницу мысли Нуширвана он положил вечный клад, в результате чего после того, как Нуширван стал царем, он достиг той степени, которая соответствует смыслу изречения Его светлости, лучшего из творений, и предводителя всего сущего, <да будут лучшие молитвы над ним>, [который] изрек: «Я родился при справедливом царе». Это счастливое изречение написано на странице счастья [Нуширвана] и поэтому он отличен от прочих неверных и, несмотря на мрак неверия, спасен от обители неверия — ада и определил себе место в чистилище — обители защиты от мучений.

Цель этого вступления и изложения этого рассказа такова. Извечная мудрость по своей вечной воле пожелала, чтобы корону наместничества, держащуюся на щедрости и справедливости и скрепленную благочестием и правосудием, украшенную перлами похвальных качеств и жемчужинами добрых деяний возложили на голову, а халат царствования, украшенный разнообразными достоинствами, надели на счастливые плечи избранного хана, /103а/ который по полноте власти является султаном над султанами, и чтобы ему сопутствовало счастье его называли «Султан Са'ид хан» — «Счастливый султан». И это для того, чтобы люди, принадлежащие к воинам государства, земледельцы и все подданные, в особенности люди знания и совершенства и разные слои дервишей и суфиев спокойно занимались молением за всемогущего Господа и благодарением за милость всевышнего Господа, а благоденствия от этого хватило бы на долгие времена в мирских и религиозных делах.

Итак, [этот хан] сначала испытал все трудности, которым в разной степени подвергаются различные категории жителей мира. В дни перемен какую бы одежду он ни надевал, он испытывал трудности того сословия, к которому принадлежала эта одежда. Претерпевая испытания времени и злосчастные превратности [судьбы], он обретал благонравие и набирался опыта для того, чтобы, познав как следует дела разных категорий людей, во время своего царствования относиться к каждому сословию (Приведено по Л₂ 100а; Л₃ 74а) по достоинству, что [221] способствовало бы его благоденствию и стало бы причиной его процветания. Стихи:

Человеку даровитому и умному
Следовало бы иметь две жизни на этом свете,
Чтобы в одной приобрести опыт.
А в другой — применить опыт к делу

С Султаном Са'ид ханом — в этом кратком изложении везде, где упоминается слово «хан», речь идет об этом хане — произошли удивительные события. Так как цель этого краткого изложения побольше описать деяния хана, то они будут приведены здесь. Подробности этого краткого упоминания таковы. Его благородная родословная неоднократно приводилась ранее. Со времени рождения до четырнадцати лет он провел счастливую жизнь под защитой блаженства и в приюте счастья своего отца. Когда его благословенный возраст достиг четырнадцати лет, у его отца, Султан Ахмад хана, известного как Алача хан, возникло намерение служить своему старшему брату — Султан Махмуд хану. Тогда он назначил своим заместителем своего старшего сына Мансур хана, а двух других своих сыновей, которые были младше Мансур хана, — Султан Са'ид хана и Бабаджак султана — /103б/ он увез с собой в Ташкент. Во время битвы в Ахси, где ханы были схвачены, как это уже описывалось, [Са'ид] хан был со своим отцом. Когда войско расстроилось, каждый старался спасти свою жизнь как мог. Хан также побежал в одну сторону. В это время стрела попала в бедро хана, пробила кольчугу и достигла кости. Так как войско его отца было разбито, у него не осталось сил бежать. Люди тех мест схватили его и от того, что у него не было сил идти, они его никому не передали и несколько дней держали у себя.

До того, как у хана появились силы, Шахибек хан вернулся в Ташкент для приведения в порядок дел. В Ахси сидел Шайх Байазид. Хана привели к нему, и тот его арестовал. Целый год [хан] находился у него в

заклучении до тех пор, пока не пришел Шахибек хан. Он захватил Танбала, убил его, а управление Андижаном передал Джанибек султану.

Джанибек султан прибыл в Ахси. Хана привели к Джанибеку султану, а Джанибек отослал его к Шахибек хану. Шахибек хан по-доброму отнесся [к хану], встретил его по-отечески участливо и содержал его как [222] можно лучше. Когда [Шахибек хан] овладел Хисаром и Кундузом, он был вместе с ним. Я так слышал от хана, который рассказывал с удивлением и восхищением: «Когда [Шахибек хан] завоевал Хисар, прибыло известие о завоевании Кундуза Махмуд султаном. [Шахибек хан] начал возвращаться и шел очень медленно. Он передал Хисар Хамза султану², а Чаганиан Махди султану³. Так как дорога на Дарбанд-и Аханин была узкой, войско из-за обилия добычи фарсах за фарсахом направилось по дороге в Буйа и Термез. Буйа стал местом размещения палаток победоносного войска и как-то в полдень я присутствовал в собрании. Время приема еще не настало и присутствовало небольшое количество приближенных [Шахибек хана], когда прибыл человек, облик которого выражал страх и смятение. Он быстро подошел и положил письмо к подножию трона, приличествующего власти. /104a/ [Шахибек хан] стал читать письмо и сильно изменился в лице. Не дочитав его, он встал, направился в гарем и приказал, чтобы привели коня. В гареме он оставался долго. После полуденного намаза он вышел, сел на коня и много людей окружали его. Стало известно, что в Кундузе естественной смертью умер Махмуд султан и привезли его тело.

Когда [Шахибек хан] через небольшой промежуток времени выступил из лагеря, мы увидели много людей в черных, как смоль, одеждах, обливающихся слезами. Они поставили погребальные носилки [на землю] и встали рядами поодаль носилок. Когда [Шахибек хан] увидел это, он подал знак, и все султаны и прочие [люди] спешили и пошли пешком у его стремени. Те люди подняли крики и вопли, и эти люди также стали стенать и вопить. Когда [Шахибек хан] близко подъехал, он подал знак, чтобы все люди, которые были с ним, встали в ряд, а сам он верхом на коне выехал вперед так, что голова его лошади возвышалась над погребальными носилками и приказал, чтобы все люди умолкли. И те люди перестали рвать на себе воротники и причитать. Затем он позвал к себе одного из эмиров Махмуд султана и, как принято, выразил соболезнование и некоторое время хранил молчание, не меняясь в лице, и не плакал. А через некоторое время он поднял голову и сказал: «То, что Махмуд хан умер, очень хорошо. Люди говорили, что власть Шахибека поддерживает Махмуд, теперь станет ясно, что власть Шахибека [223] не зависела от Махмуда, несите его и хороните». Он сказал это и вернулся. [Шахибек хан] проявил такую дерзость и хладнокровие, что все были ошеломлены».

Смерть Махмуд султана для моголов была большим горем, потому что Махмуд султан во всех отношениях был опорой моголов и, как уже упоминалось, проявлял старание в этом добром деле. Когда они достигли Самарканда, из Моголистана прибыла Шах бегим. Подробности этого краткого упоминания те, что Шах бегим была матерью ханов /104б/ и дочерью Султан Мухаммада (В тексте ошибочно Султан Махмуд (ср. Т л. 59б)), который является государем Бадахшана и происходит из потомков Искандара Зу-л-карнайна. [Когда-то] она вместе со своим сыном Султан Махмуд ханом ушла в Моголистан. Однако те же упомянутые низкие люди сделали так, что между матерью и сыном, между которыми повеление и повиновение никогда не переходили [границы] учтивости, поднялась пыль недовольства и появился прах ужаса. Ее советчики, которые были смутьянами, порешили на том, что бегим следует отправить к Шахибек хану, чтобы она попросила для себя какую-нибудь область, так как жить ей в Моголистане трудно. С этими нелепыми мыслями они и отправили бегим. Так как бегим была очень умна, то до того, как низкие люди смогли разлучить ее с любимым сыном таким способом, который все люди считают для себя позором и бесчестьем, она под этим предлогом уехала от сына. Разнеслись слухи, что она поехала с просьбой [к Шахибек хану], а она радовалась свиданию с детьми в Самарканде.

Между тем [Шахибек хан] повел войско на Хорезм, а мой отец бежал в Хорасан, описание чего вскоре последует. Хан рассказывал, что после бегства Мирзы его опасения возросли. Шестнадцать человек договорились между собой и бежали из Самарканда. По Хугукской дороге они проследовали в Кара-Тукай, оттуда до Сайрама и ушли в Моголистан. По дороге в Узун Ахмад они прибыли в Хафтдех, известный как Йеттиканд. В Йеттиканде находился Султан Махмуд хан. О начале этих событий уже упоминалось когда Султан Ахмад хан умер, то Султан Махмуд пришел в Моголистан.

Султан Махмуд хан был слабым государем и в делах управления проявлял большую леность и мягкость. Всем было известно, что Моголистан — это степь, и ее [224] дела не потерпят такой лености и мягкости, по этой причине хан не смог оставаться в Моголистане. Изменив свое решение, он прибыл в город и вилайат Йеттиканд (Приведено по Л₂ 101а Л₃ 756, R 181), где имелось небольшое земледелие, /105a/ и стал там жить. Хан присоединился к Султан Махмуд хану, который доводился ему дядей, и некоторое время провел на службе у дяди.

Хан был чрезвычайно энергичным и смелым человеком, поэтому он не выдержал лености и нерадивости Султан Махмуд хана и бежал оттуда. Султан Махмуд хан отправил в погоню за ним людей. Через три дня те настigli его и произошла схватка. Когда напряженность борьбы, дошла до предела, один из приближенных Султан Махмуд хана по имени Максуд 'Али, который играл на сазе и имел голос, проявил большую смелость. Хан увидел, что успех схватки зависит, прежде всего, от его старания и погнался на него коня. Тот бросился бежать. Убегая, он оглянулся и выпустил стрелу. Его стрела попала в левое плечо хана таким образом, что пробилась кость плеча, прошла через левую лопатку и дошла до правой лопатки. В это время хан приготовился [поразить Максуд хана], однако, сколько бы он ни старался, сил в его руках не хватало на то,

чтобы владеть оружием, и враг благополучно ушел. Хан вернулся. Рана его была тяжелая и два года правый глаз и рука хана не действовали. Через некоторое время в сражении этот самый Максуд 'Али попал в руки одного из мулазимов [хана], и тот хотел <за проступки, совершенные [Максудом 'Али], отправить его в мир вечности, а другой [человек] сказал ему (Добавлено по Л₂ 1016, Л₃ 76а): «Если ты доставишь его к хану живым, чтобы он своей рукой казнил его, то это будет более подходяще, и он будет тебе более признателен», и он доставил его живым к хану. Хан выразил радость [по этому случаю], потребовал его к себе и сказал: «Прекрасно, что ты попал в мои руки, мне было скучно». Несмотря на то, что [хан] имел одно платье, он отдал его ему и подарил ему еще несколько лошадей, - так как в Моголистане лошадей и скота очень много (Приведено по Л₂ 1016; Л₃ 76а), а одежды мало и до конца своих дней относился к нему милостиво. Благородные поступки хана [225] бесчисленны — каждый из них будет упомянут в надлежащей месте.

Одним словом, раненый, с величайшими трудностями [хан] присоединился к брату Султан Халил султану. Султан Халил султан после смерти отца бежал от Мансур хана, прибыл в Моголистан и присоединился к киргизам — львам рощ Моголистана, /1056/ и они избрали его своим государем. <Долгое время [хан] был с братом (Добавлено по Л₁ 816; Л₂ 1016, Л₃ 76а). В итоге между ними, [с одной стороны], и Султан Махмуд ханом и Мансур ханом — [с другой], произошло много побед и поражений, много столкновений, случались большие сражения и удивительные события, а в тех сражениях [хан] получал такие ранения, что здравый рассудок отказывался верить в их заживление. Описание этого особого отношения к цели настоящего повествования не имеет.

С 910 по 914 (1504-1505—1508-1509) годы в Моголистане [все царевичи] были заняты борьбой и распрями друг с другом до тех пор, пока Султан Махмуд хану не надоело находиться среди братьев и разобщенных людей Моголистана и он не ушел к Шахибек хану, о чем уже было рассказано.

Когда остались Мансур хан, Султан Са'ид хан и Султан Халил султан, Мансур хан напал на братьев, и те также вступили с ним в сражение. Это событие произошло в Алматы — известном месте Моголистана. Сражение было трудное и, в конце концов, поражение выпало на долю султанов. Султан Халил потерял надежду на Моголистан и вслед за дядей в надежде, что Шахибек хан уже оказал ему покровительство, прибыл в Ахси. Джанибек султан схватил его и передал моему дяде Саййид Мухаммаду мирзе, Султану 'Али мирзе бекджаку и Губра Тийагузу с тем, чтобы они утопили его в реке и, тем самым, обрели к себе доверие. И они вынуждены были утопить несчастного султана в реке Ахси. Через некоторое время после этого события [Са'ид] хан проявил заботу и милость к этим людям, которые убили его брата — об этом еще будет упомянуто.

Когда [Са'ид] хан бежал от этого сражения, около него было примерно пятьдесят человек и необходимое количество скота. Из Алматы он прибыл в Дулан, который находится приблизительно в пятнадцати днях [226] пути среднего хода каравана (Добавлено по Л₂ 102а, Л₃ 76б). Когда они прибыли туда, то немного успокоились и оказались в какой-то мере в безопасности. В тот же день объявился один человек, они схватили его и стали расспрашивать. Он сказал, что в местности Уруктам, расположенной [отсюда] в трех днях пути умеренного хода каравана, /106а/ находится группа людей из племени бахрин, намеревающаяся отправиться в Кашгар и присоединиться к Мирза Аба Бақру. «Я убежал,— [продолжал он],— и иду к киргизам». [После этого] все посоветовались и решили, что хан сам отправится туда и установит связь с теми людьми. Возможно, благодаря этому он получит поддержку. Больше всех на этом настаивал Ходжа 'Али бахадур. Этот Ходжа 'Али бахадур был из людей [племени] бахрин и был человеком храбрым, смелым и бесподобным стрелком из лука. Когда хан (Добавлено по Л₂ 102а; Л₃ 76б) бежал из Самарканда и присоединился к своему великому дяде Султан Махмуд хану, этот Ходжа 'Али находился в Йеттиканде на службе у одного из наместников Султан Махмуд хана. Когда прибыл хан, [Ходжа 'Али] от души подвязал пояс преданности хану и искренне стал ему служить. Во время бегства, когда [хан] получил рану от руки Максуда 'Али-музыканта, этот Ходжа 'Али проявил в том сражении большую смелость и выказал храбрость — с этого дня он всегда находился под благосклонным взглядом хана. Удивительные дела, случавшиеся в большинстве сражений, были делом его рук. Наряду с храбростью и мужеством он выделялся также умом и знаниями. В те дни большинство дел решалось по его усмотрению и совету. Так как Ходжа 'Али настаивал на этом деле, а остальные советчики не были расположены к этому, Ходжа 'Али заявил, что если мы пойдем с этой [нашей] группой людей, возможно, те люди подумают: «Наступили дни разлада, они пришли нас грабить», и эти нелепости невозможно будет устранить из жаровни их мозга, являющегося местом наущения дьявола, и это станет причиной нового раскола и ужаса. Поэтому правильным кажется следующее. «[Ваш покорный] слуга при стремении августейшего будет выделен из прочих слуг для исполнения службы, а все остальные на пять дней останутся здесь. Если те люди по совету и правильному мнению Вашего слуги /106б/ согласятся содействовать нам, и их умы, охваченные [227] страхом, по договоренности [с нами] быстро успокоятся, а их дурные мысли и низкие думы сменятся чистым намерением и верностью его величеству,— это соответствует нашим желаниям, а если нет, то мы как можно скорее присоединимся к группе ожидающих нас людей. И это, кажется, более приемлемо по времени, так как сейчас надо беречь лошадей, а если все будут сопровождать [хана], то это станет причиной того, что лошади потеряют силу».

Это мнение было одобрено умными людьми, и хан с Ходжей 'Али отправились. Трехдневный путь они преодолели за одну ночь и в полдень прибыли [на место]. Те низкие люди, узнав об этом, вышли к ним навстречу, но не выразили им почтения, как было принято у моголов, а держали себя безмерно вызывающе.

Ходжа 'Али сказал: «Все стремящиеся к чему-то люди, достигавшие [когда-либо] своих желаний, искали удобного случая и крепко хватались обеими руками надежды и служения за подол людей власти...» Речь Ходжа 'Али осталась незаконченной — они заговорили о том, что <с этим нашим достатком, которого не хватает на похлебку, и который все убывает, не нужен нам хан для одной сотни семейств. Наше хозяйство не выдержит этого. Они погнали хана к его друзьям (Перевод приблизительный, текст во всех списках не ясен), а Ходжа 'Али окружили. Запасного коня хана, которого держал [Ходжа 'Али], у него отняли, узду и поводья бросили хану, а Ходжу 'Али схватили и отправились по своим домам. В страхе за свою жизнь хан поспешно повернул назад, чтобы его не схватили и не передали бы Мирза Аба Бақру. В крайней растерянности он погнал коня, чтобы быстрее оказаться рядом со своими людьми. Опасаясь, Хан все время оглядывался. Как-то он рассказывал об этом событии, и я спросил его: «От одиночества Вас, вероятно, охватил сильный страх?» Хан ответил: «Не настолько, потому что /107a/ до этого я уже оставался один в Моголистане и проводил дни в одиночестве, а потом снова присоединился к людям».

Когда хан прошел часть пути, издали показалась какая-то черная [точка]. Он спрятался сам и запасную лошадь крепко привязал в укромном месте, притаился в засаде и стал ждать. Когда [черная точка] приблизилась, хан увидел, что это был человек. Он подпустил его поближе и, вставив стрелу в лук, выскочил на него.

[228] У того человека не оставалось возможности двигаться и от крайнего страха он спрыгнул с коня. Хан узнал его — это был тот самый гулам, который бежал от этих людей, шел к киргизам и которого схватили в Дулане [люди хана] и он сообщил сведения об этих низких людях [племени бахрин]. Тот также узнал хана, поцеловал стремя его коня, и хан спросил у него о своих людях и о том, где они сейчас находятся. Тот сказал: «Когда Вы ушли с Ходжа 'Али бахадуром, в отряде начались разногласия. Это произошло от того, что такой-то сказал, что, находясь ночью около палатки, которая была возведена для хана, [он услышал] как Ходжа 'Али бахадур говорил хану, что эти люди — расстроившаяся группа и нечего ждать от них какого-то результата. У тех людей больше слуг и скота. А эти мулазимы из-за того, что каждый из них эмир и сын эмира, станут предводительствовать и командовать над ними, а те не смогут терпеть такую нелепость. Мы с этими людьми не достигли своего желания и цели, значит, самое подходящее сейчас отделиться от них в том порядке, как было мною изложено, и присоединиться к тем людям, а эти пусть идут, куда хотят. С силой того племени мы сможем осуществить все наши дела. Хану это мнение чрезвычайно понравилось, и больше он не вернется сюда. От этих слов люди потеряли надежду, оскорбились, каждый по своему усмотрению избрал себе дорогу, и все разбрелись. Одна группа, предводителями которой были Учқу Мухаммад мирза, Шах Мирак и Зикул бахадур, пошла в Турфан, столицу Мансур хана. Другая группа, /107b/ главой которой был Каракулак мирза, направилась в Андижан в надежде на то, что, возможно, ханы, ушедшие к Шахибек хану, нашли у него покровительство. Другая группа, руководителями которой были Хушкелди кукалдаш и Азизберди Ага, решила отправиться к Мирза Аба Бақру в Кашгар. В таком порядке они и разбежались». Хан, <да умножил Господь блеск его>, всегда говорил: «Услышав о таком положении дел, я был поражен, смутение и страх охватили меня. Я спросил: «Сколько прошло дней, как это случилось?» Он ответил: «Этот разговор произошел в тот же самый момент, как Вы исчезли с их глаз, и они разбрелись». На некоторое время я ушел в себя и погрузился в глубокие и долгие размышления. В конце концов я решил для себя, что оставлю коня в лесах Нарина (Приведено по Л₁ 83а; Л₂ 103а; Л₃ 78а; R 185 (в Т —Марин)), среди чащ, [229] откуда нет выхода, а сам из засады убью газель и буду питаться ее мясом, шкуру использую в качестве одежды и так проведу несколько лет до тех пор, пока из мира невидимого что-нибудь не проявится в мире видимом. Согласно с тем я и поступлю. С таким намерением я отправился, ведя рядом свою запасную лошадь».

Среди племен мира у племени моголов есть такой обычай: их смелые юноши долгое время живут в одиночестве в пустыне, в горах или лесах, которые удалены от людей на один-два месяца пути. Одеждой и пищей им служат шкура и мясо газели, и это они считают смелостью и мужеством, и это, в самом деле, очень трудное и опасное дело. Избрав для себя это чрезвычайно опасное дело, хан отпустил гулама и приступил к его осуществлению. Ночь он провел в одном месте, которое посчитал подходящим для этого, а когда настал день, он отправился в путь. Соблюдая правила осторожности, что является обычаем моголов, утром он, оставив дорогу, по бездорожью направился в ту сторону, откуда пришел, и <поднялся на возвышенность (Добавлено по Л₂ 103б; Л₃ 78а), на такое место, откуда была видна дорога, по которой он шел сюда, а также та, по которой он должен был идти сегодня. Осматривая обе стороны, он пас лошадей, /108a/ так как ночью держал их привязанными. Он рассуждал так, что, если кто-то его преследует, то ночью он будет находиться поблизости, а утром, когда он по его следу будет приближаться, то будет виден, и [преследуемый] успеет подумать о своем спасении. Когда лошади насытятся и никто не появится, то в начале второй половины дня он отправится в путь и будет ехать до половины ночи, чтобы никто не знал, где он заночует. Такая осторожность в обычае у этих людей.

Итак, хан пребывал в ожидании [наступления половины дня] и смотрел по сторонам. Через некоторое время на той самой дороге, по которой он приехал сюда, показалось черное пятно. Он со страхом подумал: «Неужели это те люди пожалели о том, что отпустили хана?» Однако черное пятно приблизилось, и им оказался один человек. Сколько хан ни осматривал дорогу, другой человек за ним не появился. По обыкновению [хан] укрылся в засаде и увидел, что тот человек все время кричит так, будто зовет кого-то. Когда он приблизился и стал различим его голос, хан узнал голос Ходжа 'Али [230] бахадур и выскочил

[ему навстречу]. Тот тоже узнал хана, заплакал и спрыгнул с коня. Хан также стал плакать и обнял его. Можно представить себе, насколько желанна такая встреча в подобных обстоятельствах! Перестав плакать, хан спросил. «Где ты был и что произошло с тобой?» Тот сказал: «Меня увели, а лошадь мою спрятали. Меня держали в доме одного моего знакомого. Через некоторое время ко мне тайком пришла одна очень старая женщина, которая приходится мне родственницей, и много ругала меня. Она говорила «Деловые люди, возлагая надежды на хана, служат ему, когда он находится еще в утробе матери и ребенком в люльке, и достигают высоких целей, а ты, недалекий, бросил такого хана, который может быть достоин трона и короны. Встань! Если у тебя нет коня, я оставила свою лошадь в таком-то месте, бери ее и уходи». Прежние намерения, которые глубоко сидели в моей душе, вновь /1086/ ожили. Я тотчас же отправился, взяв лошадь, на которую она указала, и прибыл сюда». Хан произнес слова благодарности и рассказал о том упомянутом деле, на которое он решился, когда остался один. [Ходжа 'Али бахадур] воскликнул: «Да будет милость божия над мужественным человеком, в таких обстоятельствах вот так правильно и надо было поступить. Вы хорошо задумали и сейчас лучше [действовать] именно так. В настоящее время это может устроиться легко и хорошо. Так мы проживем несколько лет. Время от времени мы будем узнавать о мире. Никогда небо не вращается одинаково, и мы, несомненно, найдя удобный случай, снова вернемся к своим делам». Надо быть очень мужественными людьми, чтобы [вот так], не падая духом, бодро вдвоем отправиться в путь.

На следующий день впереди показалось несколько черных [точек]. По заведенному обычаю они соблюли осторожность и осмотрительность. Когда [точки] приблизились [хан и Ходжа 'Али увидели], что это прибыли два брата Ходжа 'Али один — Така, другой — 'Али Мирак, и два его зятя, которых звали Асил Пулад и Бузана с одним слугой. Теперь с появлением мулазимов (Добавлено по Л₁ 836) была заложена основа для царствования. Они спросили [прибывших] об их делах. Те повторили все в том же порядке, как уже было рассказано гуламом (Добавлено по Л₂ 104а, Л₃ 79а), и добавили, что Хушкелди и 'Азизберди, которые [231] решили идти в Кашгар, вчера отделились от них. Вместе с ними были Сукар и несколько человек из калучи, приходившиеся родственниками женщине по имени Махтум, с которой хан заключил брак в дни беспорядков в Моголистане; они захватили с собой также несколько ханских коней.

Когда они сообщили эту весть, все как можно быстрее отправились вслед за ними. Прошла большая часть ночи, когда они догнали их. Как только те услышали звук лошадиных копыт, огромное волнение и беспокойство сразу овладели ими. Хан и группа людей, которая была с ним, стали окликать каждого по имени. Те узнали голос хана и людей его группы и радостные поспешили к счастливому стремени его величества хана, поцеловали его ноги и стали благодарить судьбу.

/109а/ Удивительно, что всегда, когда судьба в своей плутовской игре по подсказке фокусника начнет вращать свою чашу, то ести она и порадует чем-то на один миг какого-то питающего надежды человека, то следом за этим направит ему в рот надежды тысячу глотков яда. Стихи:

О горе это непостоянное небо
Никогда никому не распутало завязанный узел
Где бы только оно не видело сердце с пятном
Оно накладывает на то пятно еще сотню пятен

Правильность этих слов и истинность этой речи подтверждаются следующим рассказом. Хан после того, как Ходжа 'Али присоединился к нему, в какой-то мере успокоился перед страхом одиночества, [вслед за этим] к нему присоединился еще Така с группой людей. По сравнению с первоначальным состоянием это было уже царским положением. Когда с помощью этих людей они соединились с группой беглецов, у хана появилось некоторое снаряжение вместе со слугами, находившимися при его жене, и он обрел душевный покой. Все обрадовались встрече и надеялись, что в ту ночь уснут спокойным сном. С этой надеждой хан как только стянул с себя сапоги и одежду, пришел 'Азизберди Ага и настоял, чтобы хан надел сапоги и платье. Хотя сделать это было тяжело, однако того требовала предосторожность, и хан согласился. Один сапог он не надел и, чтобы не волновать людей, спрятал эту ногу, положив рядом с супругой, и спокойно заснул. Он не отдыхал несколько дней и ночей и чувствовал большую усталость от трудного [232] пути и темных бессонных ночей. Но не успел он еще как следует выспаться, как раздались крики нападения и схватки. Когда хан опомнился, он увидел, что враги носятся между положенными шатрами, где было светло, и избивают и грабят [людей]. У хана осталось столько времени, чтобы [успеть] привязать к поясу колчан, когда подоспел Ходжа 'Али, и они устремились из шатра и света в темноту и начали обстреливать врага, который продолжал заниматься своим делом. Бежавшие из шатров люди /109б/ укрылись в темноте и стали со всех сторон обстреливать врага. Враги также ушли с освещенного места. Они были на конях, а пешие люди стреляли по ним из каждого укромного места. Из-за темноты невозможно было определить количество людей с той и с другой стороны.

Небольшое число людей вместе с ханом занялось стрельбой, а другие отправились забрать лошадей. Дело обстояло так. Эта группа врагов была из воинов Мирзы Аба Бакра, которых он послал в Моголистан с тем, чтобы они, кого бы ни встретили в степях Моголистана, всех хватали, а кто [покажется им] более опасным, того убивали. И эти люди Мирзы Аба Бакра постоянно приводили в расстройство весь Моголистан; всех моголов и киргизов в том просторном Моголистане они притеснили. Эта группа была как раз из числа тех людей. Когда наступило время вечерней молитвы, они увидели, что прибыл отряд и расположился здесь

лагерем. Они притаились там же, а когда прошла большая часть ночи, они увели всех лошадей, которых пустили пастись, и к концу ночи устроили нападение. Ни одной лошади не осталось [у хана], кроме нескольких жирных лошадей, которых не отпустили пастись, чтобы сбавить им вес. Они оседлали этих лошадей, на них сели все мужчины, а из женщин посадили только жену хана и еще двух—трех других женщин, мужья которых нашли им лошадей и отправили их. Коня хана также оседлали и привели. За это время настало утро. Положение этих обреченных людей дошло до крайности. Кроме нескольких упомянутых женщин, все домочадцы тех людей попали в руки врага. Ни у кого не было времени даже проститься друг с другом и пожелать блага. Метка вечного несчастья осталась на челе их жизни, и больше они никогда не видели друг друга.

Те, которым удалось бежать, пустили вперед всех слабых из женщин, мужчин и лошадей, а хан и все, у [233] кого были смелость, мужество и сила, пошли позади их. А презренные враги уже показались за ними. Те /110а/ из них, которые прихватили с собой запасную лошадь, сделали своим знаменем упорство и с величайшим рвением стали преследовать беглецов. Каждый раз, когда они приближались, хан с несколькими людьми возвращался назад, выпускал на них стрелы и задерживал их до тех пор, пока не подходил к ним [их отставший] отряд, тогда хан снова отпускал поводья бегства и приближался к своим людям, ушедшим вперед. Вот так они, убегая, вели бой. Они стреляли подобно луку, обратив лицо к друзьям, а спину к врагам. Так продолжалось с упомянутого времени до ночного намаза.

Ночное нападение произошло в местности, которую называют равнина Утмук (R 189 —Углук) Анкагун Арча. До ночного намаза они достигли Кумала Каджадара (В Л₂ 105а; Л₃ 80а; R 189 —Качур). Расстояние это составляет пять дней пути средним ходом. Слабых людей, как женщин, так и мужчин, во время бегства из-за безвыходного положения они пооставляли в [разных] укрытиях и рощах, а те прятались, как могли. Кроме жены хана, двух-трех других женщин и нескольких мужчин, большинство оставленных людей было захвачено [врагом], спаслись немногие.

Когда наступило время вечернего намаза, они не собрались из-за страха перед врагом. Все рассеялись и попрятались в рощах Кумала Каджадара. Те, у которых лошади ослабели, от крайнего ужаса бросали лошадей и пешие скрывались в рощах. Когда настало утро, они появились на возвышенном месте рощи и, сохраняя осторожность, оглядели все стороны. Врага никто из них не обнаружил, и они подождали еще до половины дня. После этого отовсюду они стали подавать голоса и по голосу отыскивали друг друга. О тех же людях, которых они во время бегства оставили по укрытиям, никакого известия не имели и не знали схвачены ли они рукою беды или нет. Они вернулись, стали разыскивать их и [увидели], что, кроме жены хана и двух-трех человек, [враги] всех нашли, взяли в плен и увели. Тот день они провели в том же месте, потому что не имели сил двигаться дальше и /110б/ было не известно также, куда идти. Они погрузились в долгие раздумья, и каждый высказал какое-то мнение, подал какой-то совет, [234] однако в каждом из тех мнений имелись трудности, решить которые ум был бессилен.

Первым среди их планов было решение остаться жить в рощах и выбросить из головы желание о возвращении к населенным местам. Однако необходимым снаряжением для этого являются стрелы, но сколько бы они ни искали их, не нашли, кроме одной, сохранившейся в колчане хана, в других же колчанах не осталось ничего, кроме... (Текст не ясен). Без стрел то решение совершенно не могло быть осуществлено. Идти в Дашт-и Кипчак, который в то время был местом приюта и убежищем для могольских ханов, без стрел было невозможно. Отправиться в Кашгар было [все равно, что] живому собственными ногами идти в могилу. С Мансур ханом собственно они еще вчера сражались, и причиной всех их трудностей и бед был Мансур хан. В конце концов мнения сошлись на том, чтобы идти в Андижан, в надежде, что, возможно, Шахибек хан оказал покровительство Султан Махмуд хану. Хан много раз рассказывал мне об этом событии и говорил этому ничтожному: «На милость этого Шахибек хана рассчитывал только тот, кто не знал натуры Шахибек хана, и сколько бы знающие люди ни отклоняли это решение, оно не было оставлено из-за нелепых предположений, в которых они себя убедили. И у меня были несогласие и сотни возражений им, потому что я целый год провел у Шахибек хана, хорошо изучил и понимал всю его натуру, мысли султанов и намерения его эмиров. Мне было известно, что он делал и что он сделает. И сколько я в таком роде ни говорил с этими людьми, <они не согласились и, в конце концов (Добавлено по Л₂ 105б; Л₃ 80б), сказали: «Что можно сделать другое? Всякого рода предложения — нелепицы. А в этом деле можно надеяться на лучшее. А если в Вашем лучезарном уме появится что-нибудь другое, то скажите, потому что во всех делах мы от всей души подчиняемся и повинемся Вам». Я также, сколько бы ни думал, другого выхода и пути, кроме этого, не нашел.

/111а/ О Господь всеильный и всемогущий! Я, все видя и зная, совершил ошибку в том деле, за которую сам порицал людей, ибо другого выхода не было. Мисра:

Все видя и зная, обрек я себя на несчастье.

[235] На следующий день, приготовив себя к смерти, а душу к мученичеству, я отправился к Джанибек султану, который был первой ступенью к служению Шахибек хану, а между этой ступенью и дном могилы не было никакой разницы». Это событие произошло в 914 (1508—1509) году, через два месяца после мученической смерти Султан Махмуда, а за месяц до этого Султан Халил султан, который был родным братом хана, был утоплен в милосердии [Божием], и это все упоминалось ранее.

В этом году в Кабуле утвердился Бабур Падишах и в общем обрел независимость. Теперь, когда рассказ о хане достиг этого места, то если не вернуться к оставшимся историям о моем отце и Падишахе Бабуре, нарушится порядок повествования.

ГЛАВА 9. БЕГСТВО МОЕГО ОТЦА МУХАММАД ХУСАЙНА ГУРАГАНА, <ДА СДЕЛАЕТ АЛЛАХ ЛУЧЕЗАРНЫМ ЕГО БЛЕСК>, ОТ ШАХИБЕК ХАНА В ХОРАСАН И НЕСКОЛЬКО РАССКАЗОВ, КОТОРЫЕ ИМЕЮТ ОТНОШЕНИЕ К ХОДУ ТОЙ РЕЧИ

(Выделение в главу сделано по Л₂ 106а, Л₃ 81б, R 191)

Ранее уже упоминалось и описывалось, что с прибытием победоносных войск Махмуд султана Кундуз был завоеван без сопротивления, и мы, которые целый год находились в плену у Хусрау шаха, получили освобождение, соединились с отцом и переселились в Шахрисабз, который Шахибек хан выделил отцу в качестве икта.

В начале [месяца] гоуса¹ Шахибек хан отправился в Хорезм. Главари моголов, как султаны, так и эмиры, находившиеся со своими подчиненными среди узбеков, постоянно ощущали в сердцах опасение и страх. Махмуд султан, который во всех делах был защитником моголов, в это время скончался в Кундузе. Все моголы опечалились из-за этого события, в особенности мой отец <да сделает Аллах лучезарным его блеск>, потому что Махмуд султан проявлял к нему такую любовь и доброту, /116/ что если на доске воображения какого-нибудь вельможи из столпов государства Шахибек хана вырисовывалось начертание притеснения моего отца, то Махмуд султан перечеркивал это пером своего покровительства и приверженности или же ножом наказания он соскабливал те начертания с доски [236] наполненной злобой груди того злоумышленника и считал для себя обязательным оказывать моему отцу поддержку во всех делах. Из-за его смерти великий страх и тревога охватили всех моголов вообще, а моего отца особенно.

Шахибек хан сказал по секрету эмиру Джан Вафа, одному из друзей и близких людей моего отца, что он никоим образом не вернется из Хорезма до тех пор, пока не осуществит завоевание, и ясно то, что осада протянется долго. «На сегодня среди узбеков находится около тридцати тысяч моголов. Пока существуют главари моголов, моголы не будут служить нам искренне. Если представится удобный случай, они поступят с нами так, как мы поступили с ними. Первый из них — Мухаммад Хусайн гураган, о котором я думаю вот уже несколько дней, потому что убить его все равно, что убить одного из ханов, и осуществление этого дела уничтожает те благодеяния, которые я сделал ханам. Итак, лучше, чтобы ты сообщил ему об этом разговоре. Передай ему, чтобы он срочно собрался и бежал, пока у него есть ноги. И пусть он не спорит со смертью, потому что после его ухода кровожадным мечом последует уничтожение других могольских эмиров».

Эмир Джан Вафа тут же поспешно отправил человека [к моему отцу], который прибыл к полуденному намазу. А ко времени послеполуденного намаза мой отец взял из своих детей меня, к нам присоединились шестнадцать человек из слуг и приближенных, и мы бежали в Хорасан. Я вспоминаю эти события как сон и грезы.

В те дни Султан Са'ид хан также находился в Самарканде. Через три дня после нас он бежал в Моголистан, и это событие уже изложено выше. Из детей /112а/ моего отца, оставшихся в Шахрисабзе, старшей была Хабиба Султан Ханым. Шахибек хан держал ее около своей жены, которую взял в Ташкенте и которая была дочерью Султан Махмуд хана. Ее имя — Айша Султан ханым. Сейчас она известна как Могол ханым. Через некоторое время с разными церемониями [Шахибек хан] сочетал [Хабибу] браком с 'Убайдаллах (Приведено по Л₂ 106б; Л₃ 81б — в R 193—Абдулла хан) ханом, сыном Махмуд султана (Приведено по Л₁ 86а; Л₂ 106б; Л₃ 81б (в Т — Махмуд хан)). Младше ее—Гаухар Шад бегим. За то, что эмир Джан Вафа [237] сообщил [моему Отцу], чтобы тот спасался бегством, [Шахибек хан] отдал ее в жены его сыну эмиру Йару, который выделялся среди равных у узбеков. Младше ее — я, который сопровождал отца. Другой — Мухаммад шах, которого один из родственников отца привез <вслед за нами (Добавлено по Л₂ 106б; Л₃ 82а) в Хорасан. Другой — самый младший из всех был 'Абдаллах мирза, который упоминался раньше и находился со своей матерью, Султан бегим — о жизни его еще будет сказано.

Таким образом, выехав из Шахрисабза, мы проехали ночь и в конце [следующего] дня достигли берегов реки Амуйе. Была сильная стужа. С большими мучениями мы переправились через реку и, не заходя в Балх, направились в Хорасан.

Были последние дни жизни и правления Мирзы Султан Хусайна. Мирза Султан Хусайн — один из внуков² Мирзы Джахангира, сына Амира Тимура, и до него после Амира Тимура никому из его предков не удавалось завладеть царством. А этот Мирза Султан Хусайн мечом и упорством после больших многолетних усилий овладел Хорасаном и сорок восемь лет царствовал независимо на Гератском престоле во всех четырех сторонах Хорасана. Он старался поддерживать все сословия общества и достиг того, что в каждом сословии появилось по одной-две выдающихся личности, покоряющих мир, подобных которым не было ни до него, ни после.

Поскольку рассказ мой дошел до этого места, то [я должен сказать], что сколько бы я ни размышлял раньше о том, чтобы рассказать в целом о жизни созерцателей и людей откровения, которые жили в то благословенное время, однако из-за своей неспособности и отсутствия удобного случая /112б/ я не

осуществил это. Удивительно то, что я никак не могу добиться разрешения моего сердца продолжать мое повествование без очищающего рассказа о них; во всяком случае я приступаю к этому в надежде на то, что благодаря счастью упоминания о них, если какие ошибки и будут допущены моим ничтожным пером на странице изложения, они будут доброжелательно приняты проницательными читателями. Благодаря благоденствию от упоминания этих великих людей, поистине избранных Аллахом, пусть добавится на темени [238] преданности этого смиренного пылинки [от их благодеяний], что в какой-то мере может послужить возмещением за потерянное время при написании истории людей светских и высокопоставленных. К этому — байт:

Если у меня нет сахара, а только его название,
О, тогда намного лучше, когда во рту яд!

Гератский старец (В тексте — **Пири Херат**), достигший ступеней совершенства, принятый богом Ходжа Абдаллах Ансари⁴, <да будет над ним милость Аллаха>

Гератский старец — лучший представитель ансаров,
Пусть ниспошлет ему Аллах покой истинный —

изолил сказать так: «Ты стремись стать одним из Его друзей, а если не сможешь, то стремись стать другом Его друзей, а если и этого не сможешь, то всегда, как услышишь слова [людей] этого сословия, даже если они не окажут действия на тебя, все равно кивай головой. А если и этого не сможешь, то приближайся к Нему, как противник, ибо многие в облике врага приближались к Нему, а когда подходили близко к Нему, то облачались в одежду друга, то есть любым способом, каким сможешь, будь вблизи Него. Например, как многие досточтимые сподвижники Пророка — до ислама они пришли к Вождю людей <да будет над ним мир> как враги, а благодаря искренности бесед его светлости Мухаммада вражда сменилась дружбой, неверие исламом и мрак светом. То же самое многие из непризнающих Его, чтобы выразить свое непризнание, пришли к великим людям, и их непризнание обернулось таким же образом. В книгах об этом сословии приведено много рассказов и преданий, подкрепляющих эту мысль. Итак, раз мы не смогли оказаться в числе тех людей, то войдем же в число восхваляющих и воспевающих их. Поистине это великое благо и не у всякого неспособного рука /113а/ дотянется до полы этого счастья. Размышление и думы над жизнеописаниями [представителей] этого сословия намного лучше других дел. Байт:

Я думаю о тебе и не вижу красоты других,
Мысль о тебе для меня лучше, чей свидание с другими

[239] Возможности этого ничтожного не позволяют написать что-либо отдельно о [представителях] этого сословия, поэтому, когда в этой краткой истории [повествование] приблизилось к рассказу об этих людях, несколько строк в общем будет написано о них в добрый час и с благословения божия, и это уму удовлетворение и сердцу утешение. Руба'и:

О душа моя, да не перестанут говорить мои уста
о тебе,
Да не будет забыта память о тебе в моем сердце,
Везде, где говорят о твоём облике,
Пусть каждая частица моего существа превратится
в слух

Упоминание о его светлости, господине гордости всех людей, свете мусульманской общины и религии, Маулана Абдаррахмане Джамии, <да будет над ним милость Аллаха и отпущение грехов>. Из великих святых и высокостепенных духовных наставников, которые жили во время Султан Мирза Хусайна, первейшим, превосходнейшим и самым знающим среди них был господин гордость людей, шайх ал-ислам, свет мусульманской общины и религии Маулана 'Абдаррахман Джамии <да озарит Аллах его гробницу>. Великая слава его не в той степени, чтобы нуждаться в представлении или же быть доступной описанию подобного мне ничтожного человека. Так как он не нуждается в представлении, то здесь будут упомянуты только некоторые его деяния и изложена его родословная [в суфийской иерархии]. Он — мюрид Маулана Са'даддина Кашгари⁵, а тот — мюрид Маулана Низаматдин Хамуша⁶, а тот — мюрид Ходжа 'Алаатдин 'Атгара⁷, а тот — мюрид его светлости Полюса сферы [суфийского] руководства и киблы большинства шествующих по истинному пути Ходжа Бахааддина, известного как Ходжа Накшбанд <да будет над ним милость Аллаха и отпущение грехов>.

Упоминание о Маулана Са'даддине Кашгари, <да будет над ним милость Аллаха>. Он происходил из знатных людей Кашгара. В его роду были и ученые, и люди благочестивые, набожные и святые. Среди них — Шайх Хабиб, мюрид Шайх Саййид Кардгара, Шайх Саййид Муджаба Муджаррад и Амир Саййид Ахмад, который является прапрадедом этому ничтожному. Своего сына Мир Саййида 'Али /113б/ он привез

к Шайху Хабибу. [Сын его] был малолетний. Во время беседы [с [240] шайхом] он, как это свойственно детям, закапризничал и стал чего-то требовать. Сколько отец ни уговаривал его, он не унимался. Шайх спросил: «Что он говорит?» Ему ответили: «Он говорит: «Я голоден». Беседа происходила под тутовым деревом, которое существует и сейчас, и я удостоился совершить паломничество к тому дереву. Это дерево всем известно. Каждому, кто приходит поклониться могиле Шайха [Хабиба], рассказывают эту историю и показывают то дерево. Шайх углубился в раздумье, и [в это время] с дерева падает круглый горячий хлеб. Шайх берет его, дает Амир Саййиду 'Али и говорит, что это его доля и ни с кем он не будет ее делить. Несомненно, что все те блага, которые имелись в счастливой жизни Амира Саййида 'Али происходят от того благословения. Цель [этого рассказа] показать, какие великие люди были в роду у Маулана Са'даддина в Кашгаре.

В молодости его честь Маулана [Са'даддин] выехал из Кашгара. Его честь Мухаммад 'Аттар, который был одним из авторитетных ученых Улугбека и происходил из Кашгара, рассказывал: «В Самарканде мы всегда были вместе с Маулана потому, что мы происходили из одного города. Мы занимались изучением наук и вместе делали большинство наших повседневных дел. Однажды учащиеся сказали, что в таком-то квартале города появился шайх по имени Шайх Сирадж. Люди часто навещают его, и он угощает их, чем богат — хлебом и виноградной патокой исключительной чистоты и вкуса. Мы решили с Маулана отправиться к шайху отведать хлеба и патоки и пришли к нему. Байт:

Он поцеловал каждому голову, глаза и руки,
С уважением усадил нас и с достоинством сел сам.

Что было готового [из еды], принесли — это были те же хлеб и патока, которые хвалили, чрезвычайно вкусные. <Я был голоден (Добавлено по Л₂ 108а; Л₂ 83б) и с величайшим удовольствием стал кушать хлеб, а шайх и Маулана Са'даддин приступили к беседе. Из-за наслаждения от хлеба и патоки /114а/ я прослушал их разговор. После того, как я вернулся к действительности, то увидел, что Маулана плачет, а шайх, увлеченный разговором, куда бы ни клал свою руку на кошму, там поднимался дым и [241] появлялись следы горения. Когда я увидел это, меня охватили страх и ужас, я не мог усидеть и ушел. Больше Маулана Са'даддин не появлялся. Двери его худжры долгое время были на замке. После этого через несколько лет молва о нем распространилась в Хорасане.

Упоминание о Маулана Низамаддин Хамуше, <да освятит Аллах тайну его>. Этот нижайший слышал от одного надежного великого человека, что Маулана Низамаддин до того, как удостоился счастья стать приверженцем Ходжа 'Алааддина (Приведено по Л₁ 87а; Л₂ 108а; Л₃ 83б) [Аттара], был чрезвычайно благочестив и непорочен и постоянно сидел у двери мечети богословов в Чакардизе и обращался к духу Шайха 'Абу-л-Мансура Матуриди⁸. [В воображении его] дух Шайха (Добавлено по Л₂ 108а; Л₃ 83б) появлялся за решеткой, как человек, на голову которого был накинут платок, и он начинал обучать его. Когда его честь Маулана достиг беседы с Ходжой [Алааддином], он сказал: «Если <не дай бог>, я оставался бы приверженцем того занятия, то мне трудно было бы сохранить истинную веру». Впоследствии нам стало известно, что им было совершено много чудес и необыкновенных дел, и это записано в «Нафахат»⁹. А некоторые другие рассказы о Маулана Низамаддине будут приведены в жизнеописании его светлости Ходжа 'Алааддина.

Упоминание о Ходжа 'Алааддин 'Атгаре, <да сделает Аллах его могилу благоуханной>. Он происходил из богатых людей Бухары и очень заботился о чистоте одежды (Добавлено по Л₂ 108а; Л₃ 83б). Этот ничтожный слышал от одного из его сыновей, что Ходжа 'Алааддин, когда явился к великому ходже Ходжа Бахааддину Накшбанду <да освятит Аллах его благочестивую душу>, в его душе имелись большие претензии и бесконечные требования. Когда он попросил принять его, Ходжа сказал: /114б/ «Если ты хочешь, чтобы мы тебя приняли, тебе следует идти на бойню, вывернуть наизнанку желудок коровы, и, положив его на голову, вернуться ко мне». Ходжа 'Алааддин от того, что желания его были очень сильны, так и сделал, — желудок коровы он положил поверх чалмы и тюбетейки. Все, что было в животе коровы, со всех сторон капало и лилось, и он в таком виде прошел через базар. Люди следовали за ним, порицая и [242] насмехаясь. <В таком виде (Добавлено по Л₂ 108б; Л₃ 84а.) он прибыл к Ходже. Его светлость Ходжа отнесся к нему с состраданием, сжалился над ним и принял его. В итоге дошло до того, что его светлость Ходжа в конце своей жизни многим ученикам приказывал идти на беседу с ним и говорил, что 'Алааддин намного облегчил нам груз. Этот рассказ взят из «Нафахат». В «Силсилат ал-арифин»¹⁰ и в «Сборнике» Мир 'Абдалаввала¹¹ имеется [сообщение], что после Ходжа Накшбанда все его последователи признали главенство Ходжа 'Алааддина вплоть до Ходжа Мухаммада Парса¹² <да будут над ним милость Аллаха и прощение>.

Некоторые сведения из жизни его светлости Ходжа Накшбанда и его шайхов будут написаны дальше, где будет упомянуто о нем <если захочет всевышний Аллах>.

Господин Маулана 'Абдаррахман Джамии после Маулана Са'даддина вручил свою волю его светлости [Ходжа 'Убайдаллаху], что известно из многих его сочинений. И этот ничтожный слышал от его светлости Махдуми Нурана Ходжа Шихабалдина Махмуда <да сохранит его Аллах>, который известен, как Ходжа Хаванд Махмуд, и в этой краткой истории везде, [где говорится] о его светлости, он будет просто назван Махдуми Нуран, который рассказывал, что господин Маулана 'Абдаррахман Джамии, когда пришел к его

светлости [Ходжа 'Убайдаллаху] с намерением [вручить ему свою] волю, прочел газаль, первый стих которой следующий байт:

По-стариковски я положил голову на пути твоих собак
Белую бороду свою я сделал метлой твоего порога

В «Нафахат ал-унсе» в одном месте Джами писал: «Его светлость Ходжа 'Убайдаллах, <да освятит Аллах его благочестивую душу>, /115а/ рассказывал этому нижайшему о своем приезде из Хорасана в Хисар и сказал: «Когда я был удостоен встречи с господином Маулана Йа'кубом¹³ в Халгату, который подвластен Хисару, при первой встрече с ним он показался мне крайне суровым, как будто он хотел прервать мое душевное [влечение к нему]. Однако я подумал и сказал себе: «Я прибыл издали с невероятными трудностями, чтобы встретиться с этим великим [человеком] и у этой суровости, возможно, есть причина. Этой [243] причиной может быть то, что в Чаганиане, как я слышал, некоторые фанатичные люди говорили много недостойных слов, а он слушал и терпел их». Пока я пребывал в этих думках, господин Маулана предстал предо мной таким красивым и привлекательным, что я невольно захотел обнять его». Когда речь дошла до этого, господин Ходжа ['Убайдаллах] в моем воображении предстал в облике Маулана Са'даддина, который был моим пиром, и прошло уже некоторое время, как он ушел из мира [земного]. Увидев его в таком облике, я был сильно поражен. Я уверен, что он намеренно изменил свой облик для доказательства своих слов: «Во второй раз он показался мне крайне привлекательным». Его светлость Ишан ['Убайдаллах] также был благосклонен к господину Маулана [Джами]. Господин Маулана в дни юности проявлял большое старание в приобретении знаний и достиг того, что во время [правления] Шахруха во всем Мавераннахре и Хорасане было всего пять человек, которых величайшие из улемов называли «пять выдающихся». Первым из них был господин Маулана 'Абдаррахман Джами; вторым — Маулана Давуд Хисари; третьим — Маулана Шайх Хусайн мухтасиб; четвертым — Маулана Шамсаддин Бахрабади и пятым — Маулана Бурханаддин¹⁴.

В те дни господин Маулана [Джами] был страстно влюблен в мнимые образы, и это его никогда не покидало. Стихи, вошедшие в его «Первый диван»¹⁵, большей частью, появились в то время. Действительно, /115б/ в его «Первом диване» с восхищением можно видеть эту [особенность].

Господин Маулана Са'даддин постоянно сидел в квартале Бадгис, расположенном рядом с мечетью Маликан. В этой мечети есть дверь, которую называют именем этого квартала — Бадгисак, и он сидел у этих дверей. Господин Маулана [Джами] часто проходил по этому кварталу. Господин Маулана [Са'даддин] как-то сказал некоторым своим последователям: «Есть сокол, который постоянно проходит здесь — в силек какого обладателя счастья попадет он?» — и указал на Маулана 'Абдаррахмана [Джами]. В конце концов господин Маулана [Джами] оказался в числе его последователей. Он отказался от всего и так был поглощен этим занятием, что, как говорили, в течение шести месяцев забыл об общении [с другими людьми]. После этого с разрешения пира он отправился в [244] благословенное путешествие в Хиджаз и удостоился чести посетить два славных священных города [Мекку и Медину]. У него имеются чрезвычайно изящные касиды и [другие] стихи, [написанные] там, в том числе и касида, которую он написал, когда приближался к Медине. Первый стих ее следующий байт:

Эта земля — обитель моей возлюбленной,
И дорога, по которой ходил грациозный кипарис мой.

Два раза [Джами] приезжал в Мавераннахр, чтобы навестить его светлость Ишана ['Убайдаллаха].

Его светлость Махдуми Нуран [Шихабдин Махмуд] <да сохранит его всевышний Аллах> рассказывал: «В Самарканде, когда еще был жив его светлость Ишан ['Убайдаллах], я заболел. Для лечения я уехал в Хорасан, пребывал в то время в доме господина Маулана Джами и брал у него уроки. Тогда у меня началась сильная корь. Маулана Кутб Адам, который в то время был учителем врачей, занялся моим лечением. Корь усилилась так, что однажды на рассвете я оказался при смерти. Об этом моем состоянии сообщили Маулана [Джами]. Господин Маулана был в бане. Он так взволновался, что не надев рубашку, набросил на голову полотенце, сверху на него положил чалму, на голое тело надел шубу и пришел. Он сел у меня в изголовье /116а/ и сказал: «Что случилось, о махдумзаде?» Я попрощался с ним перед смертью и попросил у него прощения. Он сказал: «О махдумзаде, не беспокойтесь, ничего не случилось», — и опустил голову. Долгое время он пребывал в этом положении. Тем временем я внимательно пригляделся к себе, ничего не нашел в себе для беспокойства, поднялся и сел. Господин Маулана поднял голову и, улыбаясь, сказал: «Я же сказал, махдумзаде, что ничего не случилось» — и сказал: «Слава Богу, Вы здоровы». Он сильно взволновал меня. После этого он поднялся и ушел. А у меня наступило полное выздоровление, так что не осталось нужды в Маулана Кутб Адаме».

Господин Маулана [Джами] был крайне немногословен, а если иногда он произносил фразу, то в ней были остроумие и шутка. Хазрат Махдуми Нуран рассказал также, что однажды, когда господин Маулана [Джами] прибыл к его светлости Ишану ['Убайдаллаху] в Самарканд, господин Ишан повез Маулана в Матурид¹⁶ и сказал, что самаркандские сорта винограда [245] славятся. Он сказал Маулана Хаджи Касиму, который был его садовником: «Принесите для Маулана виноград [сорта] сахиби, хусайни и фахри». Когда

виноград принесли, очень хорошими оказались сорта сахиби и хусайни. [Ишан 'Убайдаллах] сказал: «Виноград фахри, который мы ели в Хорасане, был очень вкусный, поэтому я с большой охотой привез из Хоранака черенок [сорта] фахри, вырастил его здесь, но хорошим он не получился — получился таким, каким Вы видите». Господин Маулана [Джами] повернулся в сторону Хаджи Касима и сказал: «Земля Самарканда — не гостеприимна». Когда в первый раз [Джами] приехал в Самарканд как простой человек, какой-то самаркандец в бане сказал ему: «Эй, хорасанец, ты ходишь в баню в шубе». Благословенное тело господина Маулана [Джами] было очень волосатое (Приведено по Л₂ 110а, Л₃ 856). Маулана ответил: «Из-за холодности самаркандцев даже в бане нельзя сбросить шубу». Остроты его повторяют по всему миру.

/1166/ В этой краткой истории больше этого помещено не будет. Из-за предельной скрытности, что было обычаем ходжей <да освятит всевышний Аллах их души>, [Маулана Джами] не принял мюридов. В конце жизни он сказал: «Это особенность великих людей, и это было моим долгом, но из-за своей скрытности я не осуществил это, однако теперь ясно, что я поступил нехорошо. Цепь суфиев надо было держать непрерывной».

Маулана 'Абдалгафур Лари¹⁷, величайший из ученых своего времени, был учеником господина Маулана, [Джами]. Известно, что он был принят [в мюриды] господином Маулана. [Лари] написал «Шарх»¹⁸ — комментарий к «Нафахат ал-унс». «Дополнение»¹⁹ к «Шарху» Лари завершил жизнеописанием господина Маулана [Джами], где он рассказывает о вручении своей воли ему и принятии ее господином Маулана. Вот пример из того, что он рассказывает: «Однажды я удостоился быть наедине с Мауланой и доложил ему, что устал от посещения людей, от их притязаний на обучение и разъяснения. Из-за того, что все мое время занимают учащиеся, я не могу взяться за то благородное дело, которое Вы мне поручили. Какой выход из этого положения?» Господин Маулана сказал: «Из-за [246] себя нельзя людей мира удалять из мира всевышнего Бога. В любом положении надо заниматься своим делом. Вот сегодня утром я пошел в баню и сочинил двести байтов [из поэмы] «Йусуф и Зулайха»²⁰. Придя домой, я выполнил положенный урок. После этого то, что я сложил стихами, я записал начерно; написал также одну часть из «Нафахат ал-унс», однако ни на одно мгновение меня не покидало то, что все время было у меня в уме, а перо двигалось по привычке. Вы должны заниматься своим делом и вместе с тем нельзя отталкивать людей».

Господин Маулана [Джами] в 898 (1492) году перешел из этого тленного мира в святую обитель <да будет над ним милость Аллаха>. Ученые нашли хронограмму [его смерти] в словах: «Аш'ар и дилфириб»²¹ («Пленяющие сердце стихи»). Из его сочинений наиболее известны следующие: «Шавахид ан-набувват»²², «Нафахат ал-унс», «Хафт ауранг»²³, которое состоит из семи книг в стихах; /117а/ «Шарх-и кафийа»²⁴, известная как «Шарх-и Мулла», стихотворное изложение сорока хадисов²⁵, «Лаваих»²⁶, «Шарх-и Лама'ат»²⁷, «Шарх-и Фусус»²⁸, «Шарх-и мимийа-йи хамарийа-йи ибн Фариз»²⁹, «Шарх-и рубайат»³⁰, три дивана³¹, «Трактаты по муамма»³² и «Инша» (Добавлено по Л₂ 110б; Л₃ 86а)³³ и много других, которые приводит в «Добавлении» к «Шарху» и «Нафахат» Маулана 'Абдалгафур [Лари] и которые распространены среди людей. После смерти Маулана еще несколько листов черновых записей было обнаружено под его подушкой, которые никто до этого не видел, среди них два отрывка. Говорят, что его светлость Махдум-и Нуран, <да сохранит его всевышний Аллах>, написал их для этого ничтожного, и они будут приведены при изложении последних событий жизни хана [Султан Са'ид хана].

Упоминание о Маулана 'Алааддине мактабдаре³⁴, <да будет над ним милость Аллаха>. Из того же числа [людей] — господин Маулана 'Алааддин мактабдар. Он также является мюридом Маулана Са'аддина Кашгари. Все жители Хорасана согласны в том, что он велик. Маулана 'Али Баварди, который знаменит сегодня в Бухаре, и люди мира единодушны в признании его величия, является мюридом Маулана 'Алааддина. Он написал житие цепи ходжей от Ходжа-и [247] Джахан Ходжи 'Абдалхалика Гиждувани³⁵ до своего пира и поместил там описания чудес и удивительных, диковинных дел, совершенных Маулана 'Алаадином. Там написано, что он совершил путешествие в Хиджаз и беседовал с Шайхом 'Абдалкабиром Йамани³⁶.

Упоминание о Маулана Шамсадин Мухаммаде Зауджи.³⁷ Из того же числа — Маулана Шамсадин Мухаммад Зауджи. Он также мюрид Маулана Са'аддина Кашгари. От людей, принадлежащих к этой высокой цепи, известно, что однажды господин Маулана Са'аддин поехал к Шайху Бахааддин 'Умару. Он взял с собой Маулана Мухаммада Зауджи. После того, как завязалась беседа, Маулана Мухаммад Зауджи подумал, что поскольку наше обращение к Нему во время наших молений — это есть обращение к Несравненному [Богу], то каким же образом оно удастся нам без [вопросов] «когда» и «как»? /117б/ Эта мысль давно занимала ум Маулана, [а сейчас], как только он подумал об этом, Шайх Бахааддин 'Умар сказал, что следует обращаться к Его Несравненности и Бесподобию, и когда от этого обращения появится успокоение, он сам дальше укажет, что следует делать. Маулана обрадовался и остался доволен. После того, как они вышли от него, господин Маулана Са'аддин сказал: «Шайх находится в состоянии увлечения, и он не знает этапов пути совершенствования. Эти слова Ваши мне давно были известны, однако я не отвечал Вам, потому что раздумья Ваши по этому вопросу содействовали увеличению Вашего обращения [к Богу]. А это причина дальнейшего развития, поэтому я не говорил Вам. Из-за того, что эта мысль пришла Вам на ум, Шайх тут же ответил Вам, [теперь] Вы не будете прикладывать стараний. Хотя вопрос стал ясен, однако Ваше совершенствование и старание понесли урон».

Упоминание о Ходжа 'Абдал'азизе Джами, <да будет над ним милость Аллаха>. Из того же числа был и Ходжа 'Абдал'азиз Джами. Когда он отправился в путешествие в Хиджаз, много уважаемых и ученых людей сопровождали его, и то его путешествиие известно.

Упоминание о Шайх Пуране³⁸, <да будет над ним милость Аллаха>. Из того же числа был и Шайх Пуран, он является сыном Маулана Джамаладдина Байазид Пурани³⁹, житие которого имеется в «Нафахат ал-унс». Там написано: «Маулана Джамаладдин сказал: «Раньше, если кто-либо направлялся из города в [248] нашу сторону, мне становилось известно [заранее], и все то, что было у него на уме, тоже становилось мне известно. Подготовив к встрече все, что нужно, я ждал его. Когда он приходил, не заставляя его ждать, я все подавал ему. Однажды какой-то тюрк принес несколько оладий и убеждал меня, что они дозволены [шариатом] и их надо съесть. Чем больше я извинялся, тем больше он настаивал. Чтобы успокоить его, я взял одну оладью, разломал ее на два куска, половину снова разделил на два куска и эту половину съел. С тех пор те способности у меня пропали. Теперь я не знаю, кто придет ко мне, и [только] после прихода его и выяснения, что следует приготовить ему, начинаются приготовления. По этой причине людей /118a/ приходится заставлять ждать».

И обычай у него таков: каждого, который приходил к нему, он угощал тем, что было готово, а после этого спрашивал, что нужно приготовить и обязательно нужно было что-то заказать. Он чрезвычайно быстро все приготавливал, приносил больше того, [что было заказано], и подавал [кушанья] с разными тонкостями. Большею частью он сам расстилал перед всеми скатерть и ставил еду. Когда мой отец уехал в Хорасан, он неоднократно удостоивался служения Шайху, и меня в добрый час он также возил к нему, прося его молиться за меня. Когда Шахибек хан захватил Хорасан, Мир Могол⁴⁰, который был сыном одного из эмиров уже упомянутого Султан Ахмад мирзы и из числа известных поэтов, сочинил стих по-тюрки:

Ты не завоевывай мир, так как в нем есть бесчисленное
множество печалей.
Ты овладевай страной души и увидишь, сколько в ней
миров

Когда [этот стих] он представил Шахибек хану, тот очень хвалил его и сказал: «Фирдауси⁴¹ сложил Султан Махмуду Гази Газнеvidу шестьдесят тысяч байтов в «Шах-наме», и тот дал за это тридцать тысяч динаров, а ты сказал один байт, и я дам тебе шестьдесят тысяч шахрухи». В те же дни Шахибек хан решил у такого великого шайха, как Шайх Пуран (Добавлено по Л₂ 111б; Л₃ 87а), конфисковать шестьдесят тысяч шахрухи, но для взимания их человек еще не был отправлен. Мир Могол опустил [249] на колени и сказал: «Если будет издан указ, которому повинуется мир, чтобы взимал [деньги] я, то те деньги Шайха, составляющие сумму подарка мне, я сочту за этот подарок и истрочу на свои нужды». Хан сказал: «Я думал выдать тебе из казны наличными, но ты сам принял это решение и пусть будет так». Мир Могол взял берет на конфискацию, историю с этой конфискацией и с выдачей берата он никому не рассказывал, однако через некоторое время всем стало известно, какое благородство и человеколюбие проявил этот Мир Могол.

Упоминание о Маулана Абу Са'иде Убехи⁴². Из этого числа был и господин Маулана Абу Са'ид /1186/ Убехи, который являлся мюридом его светлости Ишана ['Убайдаллаха], и в то время пользовался известностью среди людей Хорасана. Я неоднократно вместе с отцом удостоивался целования его порога, и он осчастливил этого ничтожного благоухающей молитвой.

Я слышал от его светлости Махдومي Нурана [Ходжа Шихабалдин Махмуда], как он рассказывал: «Как-то я с группой людей был у подножия горы в Герате, я был бос и сел там. Господин Маулана Абу Са'ид поднялся на гору и прогуливался там. А некоторые из его спутников, у которых был неучтивый нрав, говорили, подсмеиваясь: «Маулана ходит как горный козел». После того, как [Маулана] спустился, он улыбнулся тому человеку и сказал: «Мы гуляли на той горе подобно горному козлу, возможно, Вы это видели?»

Упоминание о Маулана Му'ин Ва'изе. Из того числа и Маулана Му'ин Ва'из, он известен как Маулана-зада Фарахи. У него много мюридов и друзей. Все жители Хорасана признают его величие.

Упоминание о Маулана Ходжа Кухи. Из того числа и Маулана Ходжа Кухи. Однажды, я помню, в пятничной мечети Маликан после намаза он положил полотенце для омовения себе на плечо, конец его завязал впереди узлом и сидел, обратившись лицом к кибле и предаваясь созерцанию. Признаки восторга и удовлетворения ярко проявлялись в его облике. Мой отец спросил о нем у некоторых присутствующих в собрании. Они ответили «Это Маулана Ходжа Кухи». Мой отец, <да сделает Аллах лучезарным его блеск>, ждал [до тех пор], пока Маулана не поднялся, собираясь уйти. Тогда мой отец приблизился к нему и, проявляя крайнее почтение, удостоился его внимания.

[250] Сей раб также с помощью отца удостоился целования его руки, [отец] попросил его прочесть фатиху [за меня], и [затем Маулана] ушел. После этого мой отец еще несколько раз навещал его.

Упоминание о Хафиз Махмуде Зийаратгахи. Из того числа и Хафиз Махмуд Зийаратгахи; он является халифой Шайха Зайнадина Хавафи⁴³, а Шайх Зайнадин — мюрид Шайха Нураддина 'Абдаррахмана Мисри (Добавлено по Л₂ 112а; Л₃ 88а), а он через несколько посредников является мюридом Шайха Шихабалдина /119a/ Сухраварди⁴⁴. Он был еще жив к началу завоеваний Шахибек хана, а сей раб удостоился чести [видеть его] во время посещения его моим отцом, и благословенный облик его помнится смутно.

Во время Мирзы Султан Хусайна было много святых и великих людей. Я не мог удостоиться встречи с ними и поэтому их деяния должным образом мне не известны, однако я слышал о них от заслуживающих доверия [людей], как-то: Маулана 'Абдаррахман Кардгара, Баба 'Али Шаха, Шайх Хаджи Мухаммада Кучани, Маулана Шамс Мухаммада Мургаби, Дарвиш Пуримада и других, <да освятит Аллах их души>.

Из их числа — ученые. Что касается ученых, которые жили во времена [Хусайна] Мирзы, то их много, и жизнеописание всех их в этой краткой истории не поместятся, но некоторые из них здесь будут упомянуты в добрый час.

Самый великий и ученейший из них — Шайх ал-ислам, внук Маулана Са'даддина Тафтазани⁴¹ Маулана Са'даддин жил <во время (Добавлено по Л₁ 90б; Л₂ 112а; Л₃ 88а) Амира Тимура и был главой ученых. После него другого, подобного ему [ученого], кроме Мир Саййид Шарифа Джурджани⁴⁶, не появилось. Мир Саййид Шариф был еще молодым. <За десять дней до (Перевод приблизительный, текст неясен) кончины Маулана Са'даддина в собрании у эмира Тимура несколько раз проходили диспуты и иногда Мир [Саййид Шариф] одерживал верх. От этих переживаний Маулана [Са'даддин] заболел. Мир Саййид Шариф отправится навещать его. Подошла какая-то кошка, стала тереться об Мир Саййид [251] Шарифа и ласкаться. Мир [Саййид Шариф] прогнал ее от себя. Мауляна Са'даддин сказал Миру, что имеется хадис: «<Любовь к кошке — от веры> (Т.е. верующий человек любит кошку), почему Вы гоните ее?» Господин Мир [Саййид Шариф] ответил: «Почему хадис Вы не читаете в связи с действующим лицом, то есть: <любовь кошки — от веры человека>. (Т.е. кошка любит верующего человека) Маулана крайне смутился от этого ответа, и это стало причиной усиления болезни, и от этой болезни он ушел из мира [земного].

Шайх ал-ислам с начала периода [правления] Мирзы Султан Хусайна до времени победы Шаха Исма'ила над Шахибек ханом /1196/ оставался шайх ал-исламом, и во время завоевания [Шаха Исмаила] он погиб. Рассказ об этом будет приведен в своем месте. И за это воемя он проявил такое благочестие, святость и религиозность, что никто не мог положить палец возражения на слова Шайха. Большинство ученых того времени — его ученики и они даже хвастаются, называя себя его учениками. Сей раб слышал от ученых, что благодаря известности Шайха, он был постоянно занят приемом посетителей разных сословий и решением их дел, поэтому часто у него не было определенных уроков. Например, Маулана 'Асамаддин (Приведено по Л₂ 112б, Л₃ 88б) Ибрахим, Мир Мухаммад-и Мир Йусуф, Маулана Шамсаддин Мухаммад Бахрабади, а также другие — до двадцати пяти широко известных ученых — изучали науки, писали книги и приходили к [Шайх ал-исламу] с вопросами. В собраниях у Шайха шли диспуты; иногда бывало, что ученые [по какому-то вопросу] разделялись на две группы и докладывали ему. Большей частью было так, что Шайх ал-ислам говорил: «Ни то, ни другое» и предлагал третье решение, и ни у кого не было [другого] выхода, кроме согласия. Хотя они и были мастерами в спорах, иногда бывало, что все по какому-нибудь вопросу приходили к одному решению, Шайх же предлагал иное решение и всех заставлял отказаться от своих убеждений. Уходя [от Шайх ал-ислама], ученые выражали свое изумление: «Удивительно, что человек собрал в этой жизни все эти знания!» Уроки Шайха в течение двадцати четырех лет велись вот таким образом, и все эти ученые никогда не могли обойтись без Шайха.

[252] Когда прошло несколько дней после приезда моего отца в Хорасан, он, согласно обычаю, по которому, когда ребенку исполнялось четыре года, четыре месяца и четыре дня, его отдавали в школу, он тоже решил отдать меня в школу, а для удачи и благословения сначала повез меня к Шайх ал-исламу и попросил его дать мне наставление. Шайх написал: <Господь да облегчит> и, проявляя нежность и доброту, взял меня к себе на колени и с чрезвычайной добротой и приветливостью давал мне наставления, так что и сегодня, когда с того времени прошло тридцать восемь лет, благословенное лицо Шайха и те его наставления и доброта оставались в моей памяти как рисунок на камне. /120а/ Я надеюсь, что благоденствие того наставления, дошедшее до этих дней, будет продолжаться и после этого, как в этом мире, так и в том, <если будет угодно Аллаху>.

А еще был Мир Тадж, который был выдающимся ученым.

И другой — Ходжа Маулана Исфакхани⁴⁷ — знаток хадисов и глава ученых. Он убежал из Ирака, причиной этого было следующее: Шах Исма'ил, который раньше уже был упомянут, и краткое упоминание о котором еще последует, — человек жестокий. Кого бы он ни находил из людей сунны и общины, будь он из султанов или эмиров, из сановников или ученых, из дикхан или ра'ийатов — всех убивал. Ходжа Маулана бежал от той поголовной резни, прибыл в Хорасан, затем ушел в Мавераннахр, там и остался.

И [еще были ученые]: Мир 'Абдалкадир Мешхеди⁴⁸, Мир Джамаладдин мухаддис⁴⁹, Мир 'Атааллах⁵⁰, Мир Ибрахим Мешхеди⁵¹, Маулана Мас'уд Ширвани⁵², Мауляна Хамид Ширвани, Маулана 'Асамаддин Ибрахим (Добавлено по Л₂ 113а; Л₃ 89а)⁵³, Мир Мухаммад-и, Мир Йусуф⁵⁴, Маулана Шамсаддин Мухаммад Бахрабади, Маулана Гийасаддин Бахрабади, Маулана Ханафи, Маулана Ибрахим Ширвани⁵⁵, Маулана Шах Саййид 'Ашик, Маулана Ахмад Руми, Маулана Мухаммад Ганджа, Маулана Ахмад Джанди (В Л₁ 91б — Хайбари), Маулана Мир Калан Табиб⁵⁶, Маулана Хаджи Табризи, Маулана Му'ин Табризи, Маулана Садрадин Мухаммад Кандахари и господин Мир Абул-Бака⁵⁷, существование которого и сегодня озаряет [253] мир, и упоминание о нем еще последует при описании событий в Хиндустане. Так как в то время он был выдающимся человеком в Герате, мой отец несколько раз посещал его и его уважаемого отца 'Абдалбасита.

И еще был Маулана 'Абдалгафур Лари, имя которого приводилось при упоминании Маулана Нураддин 'Абдаррахмана Джамии. Маулана [Лари] был чрезвычайно прост и непосредствен. Никогда пылинка

нетерпения, [свойственная] учености, не оседала на краешке его ума. Кто бы из ученых ни приезжал с разных концов света [в Герат], хотя он и не годился даже в ученики [Маулана Лари], тот, чтобы содействовать успеху его дела, несколько дней носил перед ним [по улицам] его сумку и продолжительное время ходил по базару с его книгами под мышкой.

Ученых в Хорасане было много, и подробное изложение их имен и жизни /1206/ удлинит [повествование]. Было еще много других ученых, которых сей раб не знает, поэтому упоминание о них ограничивается этим количеством.

Из них — поэты. Из поэтов, которые жили в то, напоминающее рай время, такие великие из них, как его светлость Маулана 'Абдаррахман Джамии, приведены выше при упоминании о святых. Если бы не было опасения возражения, то было бы уместно раздел об ученых и поэтах повторно начать со счастливого имени Маулана Джамии, так же как и раздел о святых Хорасана начинается со знаменитого имени, гордости людей Маулана Нураддин 'Абдаррахмана Джамии. Истина в том, что повторное упоминание его имени приятно везде, где говорят об ученых и совершенных людях, с его имени всегда начинают и им кончают.

Маулана 'Абдалгафур Лари в «Комментарии» к «Нафахат ал-унс» писал: «Его честь Маулана [Джамии] с начала до конца [жизни] был во власти аллегорических образов и всегда в царстве его сердца мелодия любви была по барабану власти. В последние дни [его жизни], однажды, когда он был один, я пришел к нему. Он совершал омовение и его благословенные руки, обычно покрытые волосами, рубцами и пятнами, были такими чистыми и сверкающими, подобных которым глаза не видели. Эти руки Маулана привели меня в изумление. Маулана поднял голову, увидел меня и сказал: «Давно я установил для себя проявлять свою влюбленность таким образом: в своих мыслях я [254] представляю приятный желанный образ и люблюсь им. С некоторых пор я представил себе некий образ и проявляю к нему свою любовь. А сегодня Аллах преславный и всевышний разрисовал мои руки по подобию рук того воображаемого образа, и я сейчас любовался своей рукой. Вы пришли в это удивительное время». Когда я снова взглянул, то руки Маулана вернулись к своему обычному виду.

Стихи Его чести Маулана [Джамии] настолько известны, что нет необходимости приводить их в этом кратком повествовании в качестве доказательства. Однако есть у него одна неизвестная газаль, [при написании] которой он поставил условие, чтобы в первом байте все было по одному — /121a/ ни одна буква не соединялась бы с другой; во втором байте соединились бы по две буквы, таким же образом в третьем байте каждое слово составлялось бы из трех букв и таким образом он решил довести до пяти байтов.

Вот эта газель:

Лицо мое пожелтело от того, что та дверь далека.
Клеймо моей боли зажгло огонь в моем сердце.
Тело мое настолько исхудало в ночь разлуки с тобой,
Что только молодой месяц, может быть таким тонким,
Пушок твой подобен Хизру, а локон, как мех
тибетской овцы.
Тело твое, как серебро, а алые губы, как сердцевина
сахарного тростника,
Погибшему от любви уготовано блаженство в раю,
В сравнении с этим вечный рай — ничтожная доля.
Губы твои прелестны, лицо твое прекрасно,
Речь твоя красноречива, а волосы твои ароматны.

«Добавление» к «Нафахат» состоит из тридцати частей. Маулана 'Абдалгафур Лари извиняется: «Если бы не было боязни, что [повествование] удлинится, [можно было бы привести] много чудес, совершенных Джамии, но мы ограничились этим, упомянутым выше. Поскольку цель этого [сочинения] другая, и, если будет приведено больше, цель скроется».

Упоминание о Мир 'Алишере. Псевдоним его — «Навои». До него и после него никто не слагал столько стихов на тюркском, сколько он, и больше его. В этой науке он мастер, и его тюркские стихи пользуются такой же известностью, как стихи Муллы [Джамии] на фарси. Но у него также много стихов и на фарси. В [стихах] на фарси он взял себе псевдоним «Фани». Он сочинил ответ на диван Ходжа Хафиза Ширази⁵⁸, а его [255] «Касиду Праведных» после Ходжа Хусрау⁵⁹ никто не написал, как он. Вот его стих — Байт:

Огненный рубин, который украшает корону владык,
— Это горячий уголь для того, чтобы печь в голове
несбыточные мечты.

Когда Хазрат-и Махдومي, гордость человечества, Нураддин Маулана 'Абдаррахман Джамии возвратился из поездки в Хиджаз, Мир 'Алишер послал ему навстречу такое руба'и:

Суди по справедливости, о лазурное небо,
Кто из этих двух лучше в своей грациозной походке

Солнце ли твоё, согревшее мир с утренней стороны,
Или моя путешественница — луна, выступающая с Запада

У него есть три⁶⁰ тюркских дивана и один на фарси; он написал по-тюркски «Тазкират ал-авлия»⁶¹ и сложил по-тюркски ответ на «Хамсу»⁶². Помимо этого, у него много других произведений /1216/ и, кроме одного дивана, все остальные — тюркские.

По происхождению своему он из уйгурских бахшей. Отца его называли «кичкина бахши» (Добавлено по Л₁ 92а, Л₂ 114а, Л₃ 90б), он был должностным лицом. Мир 'Алишер с детства дружил с Мирза Султан Хусайном. Когда Мирза [Султан Хусайн] стал государем, Алишер Навои прибыл к нему, и Мирза оказывал ему бесконечные милости, а он [Алишер] — ученым людям.

Таким образом все эти ученые и несравненные люди, которые были в то время среди [разных] сословий людей, в большинстве своем появились благодаря его стараниям. Будучи эмиром, он проявлял усердие и накопил такое богатство, что ежедневный доход от его владений составлял восемнадцать тысяч шахрухи. Все принадлежности своей эмирской власти — слуг и приближенных, монетный двор, конюшни и царственные строения — он передал наместнику Мирзы [Султан Хусайна] Мир Баба 'Али, который был выдающимся воином того времени, оставил занятия военным делом и стал служить Мирзе [Султан Хусайну] наравне с другими вельможами и его приближенными. Сколь было возможно он [Алишер] устраивал в присутственных местах дела обращающихся к нему с [256] просьбами людей и покровительствовал ученым. Все доходы своих владений он тратил на благотворительные дела ради будущего жизни. Он возводил ханака, мечети и здания, многие из которых и по сей день сохранились в Хорасане. Вероятно, мало кому удавалось построить такое количество зданий; и не было ни одного человека из ученых, кому бы он каким-то образом не покровительствовал. Это был человек исключительно тонкого ума и хорошего воспитания, который хотел, чтобы у всех людей был такой же тонкий ум (Добавлено по Л₂ 114б; Л₃ 90б) и такое же воспитание, а это было для людей трудно и случалось недовольство. У Мир 'Алишера, кроме тонкости натуры и быстрой обидчивости, других недостатков не находили. Хотя он был человеком ученым и богатым, всю свою драгоценную жизнь он провел <в воздержании и добрых делах (Приведено по Л₂ 114б; Л₃ 90б).

Байт:

В море добывают не один только жемчуг,
а человеку и одного ремесла достаточно.

Итак, у него, кроме одного этого недостатка, других не было.

Амир Шайх Ахмад, псевдоним его **Сухайли**⁶³ — из видных эмиров Султан Хусайна мирзы, писал хорошие стихи, сочинил также ответ на «Хамсу».

Хусайн Али (Добавлено по Л₂ 114б; Л₃ 90б) **Джалаир**, его псевдоним — **Туфайли**⁶⁴, он также из набов [Султан Хусайна] /122а/ мирзы и долгое время был парваначи. В касиде он бесподобен, [по мастерству] он перечеркнул Салмана⁶⁵ и Захира⁶⁶. У него есть касида с радифом «шикаст» — вероятно, никто не написал [на этот радиф] касиду такой величины. Несколько байтов из нее будут приведены здесь:

Пальма твоего стана появилась и обесценила кипарис,
Твои рубиновые губы улыбнулись и обесценили жемчуг,
[От зависти] к фисташке твоих [губ] свернулась кровь
внутри бутона,
А бутон твоих [губ] прервал улыбку фисташки,
Зрачки ее глаз пошатнули фундамент здания мудрости,
[Подобно тому, как] смута Йаджуджа⁶⁷ разрушила
вал Искандара,
О чем плачет горлица, если не по твоему стану,
Ураган моих вздохов сломал в саду ствол кипариса,
Защитник мира и спокойствия Шах Бади аз-Заман
Таков, что рукою справедливости сломал хребет
притеснителя.

[257] <Эту касиду он (Хусайн 'Али Джалаир) всю написал в таком виде (Добавлено по Л₂ 114б, Л₃ 90б).
Асафи⁶⁸ — сын везира, имеет хорошие стихи. Из его творчества — байт:

Зачем мне говорить с той лунолицкой на улице соперников,
Ведь там обитают неверных; о Аллах, о Аллах,
что мне делать?

Ахи⁶⁹. Стихи его до предела выразительны и плавны. Считают, что по манере они напоминают стихи Мир Шахи⁷⁰. У него есть диван, очень хороший. Из его стихов — байт:

Восхищаюсь своими глазами, что они увидели твое лицо,
Припадаю к своим ногам, что они достигли твоей улицы.

Хилали⁷¹. В искусстве поэзии он — мастер, у него прекрасные стихи; поэма «Шах-у-гада» («Шах и нищий») — из его поэтического творчества. Известен его диван. Из его стихов — байт:

Луна от притеснения неба раздвоилась
Или от луны часть его отделилась?

Биннаи⁷². Он был человек ученый и превосходный поэт. Между ним и Мир Алишером [Навои] постоянно случались разногласия, и известны [состязания] в остроумии, происходившие между ними. Вот пример некоторых из них. У Мир Алишера есть два начальных стиха — один из них Маулана Сахиба⁷⁵, который Мир [Алишер] купил у него и закончил.

Тюркские стихи:

Грудь моя разорвана больше, чем рубашка утра,
Ресницы мои влажны больше, чем трава от утренней росы

Другой начальный стих — Маулана Лутфи⁷⁴. До Мира [Алишера] ни у кого не было таких способностей, чтобы закончить его. Миру [Алишеру] понравился этот стих, и он завершил его, вот он: Тюркский стих:

Да не уменьшится тень над головой нашей от стана
твоего кипарисоподобного
/1226/ Если не будет твоего чистого существа, то пусть
в мире не будет человека

[258] Поскольку Биннаи допускал острые шутки в отношении Мир Алишера, тот также решил подшутить над ним и приказал: «Маулана Биннаи потерял рассудок, везите его в «Дар аш-шифа», в лечебницу, и лечите его палочными ударами и гороховой похлебкой». По этой причине Биннаи бежал в Ирак. Там он нашел покровительство у Султан Иа'куба, но через некоторое время он вернулся в Герат. Мир Алишер послал человека, потребовав его к себе, обошелся с ним любезно и дружелюбно, встретил его дарами и с почтением и извинился за прошлое. Биннаи также попросил прощение за свои остроты, и оба наладили отношения. Во время любезных расспросов Мир [Алишер] спросил: «Как Вы нашли Ирак?» Биннаи ответил: «Одну вещь у иракцев я нашел очень хорошей — они абсолютно не сочиняют тюркских стихов». Мир [Алишер] сказал: «Ты еще не поумнел? Оставь эти колкости ради дружбы, согласия и правды и скажи, какой начальный стих в наших диванах самый хороший?» Тот ответил: «Вот этот стих нравится людям».

Тюркские стихи:

Грудь моя разорвана больше, чем рубашка утра,
Ресницы мои влажны больше, чем трава от утренней росы.

Мир [Алишер] сказал: «Ты удивительно колкий человек, <как ты сам знаешь (Добавлено по Л₂ 115б, Л₃ 91б), этот начальный стих принадлежит Маулана Сахиби, а мы его купили, и ты говоришь о нем, чтобы досадить нам». Биннаи ответил: «Как я могу осмелиться досаждать Вам? Я не знал, что этот стих не Ваш. У Вас много хороших стихов и вот этот Ваш стих лучше того».

Тюркский стих:

Да не уменьшится тень над головой нашей от стана твоего
кипарисоподобного

Мир [Алишер] сказал: «Да, этот стих лучше того, но он принадлежит Маулана Лутфи. Ты никогда не прекратишь нападки». И снова оба разошлись с обидою.

Сайфи⁷⁵. Он известен написанием притч, подражал Туси, но писал лучше него. Он также был человеком ученым, и его диван известен среди людей. Из его стихов:

[259] /123а/ О, кудри твои подобны мятущемуся сердцу влюбленных,
Стан твой — смятение [влюбленного], а локон твой —
начало смуты времени,
Подобно тому, как дым окружает головку свечи,
Кольцами [вьются] кудри на голове той лучезарной луны.

Он писал стихи для всех людей, занимающихся ремеслами, и дал им название — «бадаи» («редкости»). Из них байт:

Если тебя охватила любовь к торговцу требухой,
О сердце, возрадуйся,— хлеб попал в масло
Мой кумир — полировщик, который кокетничает с людьми,
Никак не обращает внимание на состояние сего немощного.

Много также поэтов, от которых остались диваны, известные сейчас среди народа. В их числе: Ахли⁷⁰, Наргиси⁷⁷, Хаджри, Мир Мухаммад Салих⁷⁸, Шахиди⁷⁹, Шухуди, Гулхани, Гулшани, Пайами, Ходжа Абу-л-Барака (псевдоним которого Фираки⁸⁰). Хайдар Калича⁸¹ и другие.

Из них составители муамма. Большинство из упомянутых великих и ученых людей имеют хорошие муамма. Однако [мы приведем] тех, которые известны только как сочинители муамма, и хотя они обладали и другими достоинствами, но этот их талант преобладал над всеми остальными.

Мир Хусайн муаммай⁸² бесподобен в искусстве составления муамма, у него есть великолепный трактат. Вот муамма из того трактата на имя Сухраб:

Я обнаружил, что дверь питейного дома язычника обладает
таким достоинством,
Что обретенное в медресе — теперь в одной стороне,
а мы — в другой

Маулана Мухаммад Бахши муаммайи, Маулана Камал муаммайи, Маулана Шихаб муаммани и, кроме них, много других людей известны в этом искусстве. Упоминание всех их скроет нашу цель.

А также из них переписчики [книг]. Почерк насталик, который в то время получил широкое распространение, до этого никогда не существовал. Мир 'Али Тебризи, его изобретатель, жил во время Мир Тимура. Его ученик — Маулана Джа'фар. Хотя Маулана Джа'фар хорошо писал всеми видами почерков и по всем видам был учителем, имеется разница [между его учениками]. Так, в скульсе, насхе, рика, мухаккаке и [260] райхане его учеником является Маулана 'Абдаллах ашпаз, а Хафиз-и Фута, Маулана Мухаммад катиб-и Самарканди и другие являются учениками Маулана 'Абдаллаха, и все [последующие] каллиграфы— ученики этой группы.

/1236/ Таким же образом в та'лике Мир 'Абдалхай — ученик Маулана Джа'фара, и многие писавшие та'ликом — ученики 'Абдалхайа. Однако в насталике Маулана Азхар, Маулана Шайх 'Абдаллах-и Хорезми и Маулана Шайх Мухаммад Хафинавис — все его (Джа'фара) ученики. Таким же образом, как Маулана Джа'фар писал [насталиком] лучше, чем его изобретатель [Мир 'Али Тебризи], так и Маулана Азхар писал лучше, чем Маулана Джа'фар. Маулана Джа'фар писал тупым и ломаным почерком, но твердо, изящно и искусно. А Маулана Азхар наряду с изяществом писал правильно, но несколько неровно (Приведено по Л₁ 936; Л₂ 116а; Л₃ 92а).

Маулана Джа'фар жил во время Мирзы Шахруха и был одним из людей, работавших в библиотеке Мирзы Байсункара⁸³, который является сыном Мирзы Шахруха и отцом Мирзы Бабур Каландара⁸⁴.

Маулана Азхар находился при Мирзе Султан Абу Са'иде гурагане. У Маулана Азхара были ученики — Маулана Султан 'Али Мешхеда, Шайх Байазид Пурани, один из внуков Шайха Пурана, Маулана Султан 'Али Каини. Та же связь, которая существовала между Мир 'Али Тебризи и Маулана Джа'фаром, а также между Маулана Азхаром и Маулана Джа'фаром, даже в большей степени существовала между Маулана Азхаром и Маулана Султаном 'Али Мешхеда. В написании кит'а, в переписке, в мелком и крупном почерках и даже в насхе и та'лике он [Маулана Султан 'Али Мешхеда], неоспоримо, владел таким пером, которым никто до него, после него и близко к нему не мог писать. И во всех качествах [письма] и его тонкостях он был бесподобен. Особое изящество и вкус он проявлял в искусстве письма, что никому не удавалось. Он написал трактат о правилах письма и сказал там следующее: «В начале своих упражнений в письме я находился в священной гробнице Туса, <да будет над ней благословение Аллаха и мир>, и в то время увидел сон: «Его святейшество имам благочестивых, исполнитель воли пророка Господа обоих миров, победоносный [261] лев Аллаха 'Али б. Абу Талиб⁸⁵, <да почтит Аллах лик его>, вложил в мою руку перо, и я проснулся. И мне выпало на долю занятие письмом».

Когда Маулана начал упражняться в письме, он от себя придал ему [особую] форму, /124а/ которая нравилась людям, но он еще не был признанным каллиграфом. Маулана Джа'фар начал [переписку] «Хамсы» и не закончил. Мирза Султан Абу Са'ид как-то спросил: «Есть ли кто-нибудь, кто бы мог закончить ее?» Так как Маулана Султан 'Али пользовался известностью среди людей, [Абу Са'иду] доложили, что сейчас известен один молодой человек, который может завершить это большое дело. Привели Маулана Султана 'Али, показали ему то, что было написано Маулана Джа'фаром, и Маулана [Султан 'Али] тотчас же согласился. Переписав одну часть, он принес ее. Маулана Азхар был дома и сначала его <повели к нему (Добавлено по Л₂ 116а; Л₃ 92б). Маулана Азхар рассердился: «Ты такой манерой заканчиваешь «Хамсу» Маулана Джа'фара?!» Он повел Маулана Султана 'Али в свой дом, наказал его ударами палок по пяткам и держал два дня под арестом. После этого он освободил его и сказал: «О сын, у

тебя большие способности, но твой почерк самодельный, — это не стиль насталика». Он дал Мулле [Султану Али Мешхеде] кит'а, чтобы тот писал в этом стиле. Мулла [Султан 'Али Мешхеде] рассказывал: «Я унес кит'а и стал упражняться. После упражнений мне стало ясно, каким должен быть стиль насталика и что, оказывается, до этого я не знал об отсутствии стиля в моем письме и гордился его искусностью, чистотой и твердостью, а письмо без стиля, собственно, и нельзя назвать письмом». Сегодня от Муллы [Султана Али Мешхеде] осталось такое количество наследия, что ум не далек (Приведено по Л₂ 1166; Л₃ 926) от того, чтобы не поверить этому. В большинстве стран мира мало кто из людей пера не имеет что-нибудь из кит'а и книг, переписанных им, и если в библиотеках правителей мира не найдется одной-двух-трех книг, переписанных рукой Муллы [Султана 'Али Мешхеде], ту библиотеку не считают библиотекой. Это удивительное дело!

У Муллы [Султана 'Али Мешхеде] было много учеников, среди них — Маулана 'Алааддин. Никто не [262] писал так похоже на Муллу [Султана Али], как Мулла 'Алааддин, особенно в переписке книг. Другой — Султан Мухаммад Хандан (В Л₂ 1166, Л₃ 93а —Хайдар) — также, /1246/ писал чрезвычайно изящно. Маулана Мухаммад Абришуми писал предельно искусно, но немного ломанно. Маулана Зайнаддин Махмуд — зять Муллы [Султана 'Али Мешхеде] и его ученик. Он очень хорошо переписывал книги, быстро и со вкусом. Султан Мухаммад Нур, хотя и писал быстро, но делал пропуски. Другой — Каландар катиб. Мулла [Султан 'Али] проявлял к нему большое внимание, так как всем нравился его образ жизни. У него не было определенного жилья, он не думал ни о рубашке, ни о башмаках, всю жизнь провел в аскетическом уединении, в добронравии и чистоте. Его почерк был хуже, чем у упомянутой группы [учеников Муллы Султана 'Али Мешхеде].

Есть еще группа [каллиграфов]—ученики этой группы. Так, Маулана Касим 'Али — ученик Маулана Мухаммада Абришуми. Его перо — тупое, но по вкусу, изяществу и твердости его письмо отличалось от письма всех этих людей, и он писал лучше, чем большинство из них. Сей ничтожный [Мухаммад Хайдар] — его ученик, и описание этого последует дальше. Другой — Касим Шади Шах —ученик Султан Мухаммад Хандана, пишет изящно. Маулана Мир 'Али — ученик Зайнаддин Махмуда — пишет чисто и твердо. Его мелкий почерк лучше его крупного почерка, а его переписка [книг] лучше, чем написание кит'а. Крупным почерком он пишет непропорционально и без вкуса, и в его мелком и в крупном почерках нет красоты, но не известно, чтобы кто-нибудь превзошел его в твердости руки.

Упомянутая группа [каллиграфов] представляет такую группу людей, подобно которой не было ни до, ни после них.

Теперь о живописцах. Шах Музаффар⁸⁶ — сын Устада Мансура. Во времена Султана Абу Са'ида лучшего [живописца], чем [Устад Мансур] не было. Он был учителем в этом виде искусства. Перо его тонкое и изящное, такое, что, кроме Шах Музаффара, ни у кого не было такого изящного пера, однако несколько суховато. Батальные сцены он изображал довольно основательно, но Шах Музаффар во много раз превзошел его. Перо [263] у него /125а/ — чрезвычайно изящное, чистое, красивое и уверенное, так что поражает взоры людей. Умер он в двадцатичетырехлетнем возрасте, и за свою жизнь он закончил [иллюстрации] к семи (Добавлено по Л₂ 117а; Л₃ 936) или восьми собраниям. Его наброски имеются у некоторых людей. Мастера этого искусства очень ценят их.

Бехзад⁸⁷. <В живописи он был мастером (Приведено по Л₂ 117а, Л₃ 936). Хотя его рука не была столь изящна, как у Шах Музаффара, но перо у Бехзада — крепче, чем у него; план и композиции его — лучше.

В далекие времена при династии хулагуидских хаканов, государей Ирака, был Ходжа 'Абдалхай. По мнению мужей этого вида искусства, он был святым. В конце жизни он покался и везде, где находил свои работы, смывал их или сжигал, и по этой причине его работ очень мало. По чистоте пера, изяществу и твердости, а также по всем тонкостям живописи подобного ему [человека] не было. За Ходжа 'Абдалхайем идут Шах Музаффар и Бехзад, а после них подобных им не появилось. Эти двое — воспитанники Мир 'Алишера.

Касим 'Али чихрагушай — ученик Бехзада. Его работы близки работам Бехзада и выполнены в том же стиле. Человек, который имеет большой опыт, обнаружит, что работы Касима 'Али правильнее работ Бехзада, но основы его рисунка менее пропорциональны.

Максуд — это второй Касим 'Али, ученик Бехзада; его перо [в сравнении] с пером Касима 'Али не имеет никаких недостатков, но основа рисунка и исполнение — сыроваты.

Маулана Мирак наккаш — учитель Устада Бехзада. Основа его рисунка более законченная, чем у Бехзада. Хотя его исполнение не в той степени, как у Бехзада, но все свои работы он создавал [где угодно] — в походе, на стоянке, при Мирзе [Султан Хусайне], в доме и вне дома; он никогда не был привязан к мастерской и станку. Это удивительно. Наряду с этим он занимался разнообразными силовыми упражнениями, что было совершенно несовместимо с живописью и рисованием. /125б/ Занимаясь больше упражнениями с молотом, он прославился в этом, и удивительно, что вместе с тем он собрал столько своих картин.

[264] **Устад Баба Хаджи**. У него искусное перо, но основа его [рисунка] непропорциональна. Во всем Хорасане в зодчестве, рисунке и набросках [контуров] углем он был единственным. Говорили, что однажды в собрании для примера он начертил пятьдесят с половиной кругов, проверили циркулем — расхождений не было; ни один из кругов не был ни меньше, ни больше другого.

Устад Шайх Ахмад, брат Баба Хаджи, **Маулана Джунайид**, **Устад Хисамаддин**, изготовитель шлемов, и **Маулана Вали** — все были искусными мастерами и нисколько не уступали один другому.

Мулла Йусуф — ученик Бехзада, чрезвычайно скорый на руку. То, что другие мастера делали за один месяц, он делал за десять дней, однако в отношении изящества его перо не обладает силой этих мастеров. Золочение у него лучше, чем рисунок.

Маулана Дарвиш Мухаммад — учитель сего ничтожного [Мирза Хайдара], ученик Шах Музаффара. По тонкости пера он не имеет подобного себе и даже превзошел Шах Музаффара, однако у него нет такой симметрии, искусности и красоты. Батальные сцены он исполнял незрело. Он нарисовал всадника, держащего на конце копья льва [так мелко], что все это можно было закрыть одним зерном риса.

Живописцев много, но мы упомянули здесь только тех, которые являются учителями и светилами этой группы людей.

А также — **орнаментальщики-позолотчики**. Мулла (Добавлено по Л₁ 956) Йари — мастер по золочению; его письмо лучше, чем его золочение. Он ученик Муллы Вали, но превзошел его. А Маулана Махмуд золотил лучше, чем Йари, он делал это крайне тонко. Он начал оформлять для Султан Хусайна заглавный лист книги, который остался незаконченным. Работал над ним семь лет и выполнил настолько тонко, что в [местах] соединения византийских связок, которые составляют величину полгороха, он вставлял по одному золотому начертанию месяца, и их насчитывалось пятьдесят листков [в стиле] ислими, и все их он сделал...

(Текст не ясен) росписью шустман. В то время позолотчиков было много, но мастерами были только эти два человека, которые упомянуты нами.

[265] **А также о певцах. /126a/ Хафиз Басир**. По единодушному мнению, подобного ему певца до него не было. Говорят, что однажды весной он распевал в саду стихи, и птицы, такие, как соловей, голубь, синица, собрались вокруг него и садились на его голову и плечи.

Хафиз Хасан 'Али — его ученик, у него был высокий голос; он пел чрезвычайно нежно сложные по форме и глубокие по содержанию [песни].

Хафиз Джами, имел низкий голос, хороший тембр, но пел проще, чем Хафиз 'Али.

Ходжа 'Абдаллах Марварид⁸⁸. Хотя по своему благородному происхождению он упомянут в «Антологии господ-ученых», а по стихам его следует ставить рядом с Хилали и Ахли, а по почерку та'лик — впереди Мир Хайа и Мулла Дарвиша, а по насталику — после Султан Мухаммад Нура — в тех искусствах он не был незаменим, а во [владении] кануном ему не было равных. Его изобретение — небольшая труба. Канун в старые времена при наличии других инструментов не был таким инструментом, чтобы к нему проявилась склонность, ибо это был инструмент чрезвычайно сухой, а Ходжа 'Абдаллах так его перестроил, что с появлением кануна Ходжа 'Абдаллаха душа человека не желала другого инструмента. Так как он был мастером в этом виде искусства и среди его достоинств это было основным, то, бесспорно, он стал первым в этой группе людей.

Устад Саййид Мухаммад Гиджаки и Мазхар-и 'Уди — искусные мастера [в гиджаке и в лютне], однако **Устад Кул Мухаммад** превзошел их обоих в каждом [из этих инструментов]. У него есть бесподобные напевы.

Устад Хайдар Шах Балбани — такой мастер в игре на арфе, что другого, подобного ему, до него не было. Другой — **Устад Шайхи Найи**, который играл на всех инструментах лучше всех мастеров, но поскольку най был его [основным] занятием, то в [игре] на нем он и прославился.

Среди всех людей знания, искусства и ремесла [того времени] были выдающиеся и незаменимые представители — обо всех рассказать трудно. Все люди науки и искусства, которые были тогда в Хорасане, появились там благодаря заботе и стараниям Мир 'Алишера Навои.

[266] Возвращение к довершению рассказа

Цель составления этого предисловия — показать, что отец мой, <да сделает Аллах лучезарным его блеск>, прибыл в Хорасан тогда, когда великолепие, изобилие и красота Хорасана в целом и слава Герата и его жителей в частности были на таком [высоком] /126b/ уровне, о котором уже сказано. В то время сыновья Мирза Султан Хусайна, ранее не повиновавшиеся своему великому, могущественному отцу, раскаялись и удостоились целования его ноги, и каждый из них поднял царский паланкин Мирзы рукою возвеличивания и плечом повиновения, и между ними наступило полное согласие.

Когда мой отец прибыл в Герат, его вышли встречать люди, проявив к нему уважение. В соответствующем месте ему определили жилище и приготовили все необходимое. Мир Мухаммад Бурундук барлас, который был из эмиров Шахруха, и в то время в могольском (Добавлено по Л₂ 1186; Л₃ 91a) и чагатайском улусе не было более авторитетного человека, чем он, по именитости, возрасту, чину, благородному происхождению, по суждениям, проницательности и занимаемому месту, согласно туре, приятными фразами выразил [моему отцу] почтение. Отец мой внимал ему слухом согласия и отвечал ему, как тот и ожидал. Мирза [Султан Хусайн] также оказал ему внимание. Он отдавал ему предпочтение перед всеми своими сыновьями, даже перед Мирза Бади аз-Заманом, который был самым старшим, уважаемым и дорогим сыном Мирзы. [Мой отец] в таком городе, который напоминал рай, жил в полном довольстве, окруженный уважением и почетом. Мирза [Султан Хусайн], как бы обязывая [отца] остаться здесь, обручил его с одной из своих внучек по той причине, что сам Мирза [Султан Хусайн] был уже дряхлым из-за преклонного возраста, паралича и подагры, а храбрость его сыновей не была в той степени, чтобы занять место отца и суметь противостоять Шахибек хану. [Отец мой], хотя и не намеревался оставаться здесь, счел эту помолвку приемлемой и согласился.

Тем временем, как было сказано выше, из Моголистана в Самарканд прибыла Шах бегим с просьбой к Шахибек хану. Шахибек хан утвердился в своем [267] решении отправиться на завоевание Хорезма,

принадлежавшего Мирза Султан Хусайну. По намеку Шахибек хана мой отец бежал в Хорасан, Султан Са'ид хан — в Моголистан, а большинство остальных могольских вождей он присоединил к бежавшим в вечность. /127а/ Некоторых он бросил в черную яму зиндана, некоторых заковал в цепи, а Шах бегим по указу выдворил [из Мавераннахра] в Хорасан. Остальных моголов он увез с собой в Хорезм.

При перечислении имен детей Йунус хана упоминалось, что первым его ребенком была Михр Нигар ханим, которую связали узами брака с Султан Ахмадом мирзой, правителем Самарканда. Когда Шахибек хан захватил Султан 'Али мирзу, убил его и подчинил Самарканд, во время той победы он заключил брачный союз с Михр Нигар ханим. Во время последней его осады Бабур Падишаха в Самарканде, которая в конце концов завершилась миром, он потребовал [для себя] Ханзада бегим. Бабур Падишах взамен своей жизни отдал ему Ханзада бегим, а сам уехал, как было упомянуто. Так как Михр Нигар ханим была теткой Ханзада бегим, и брак с обоими одновременно был не дозволен, тогда он дал развод Михр Нигар ханим и заключил брачный союз с Ханзада бегим. [Михр Нигар] ханим пребывала в Самарканде, когда Шах бегим отправили в Хорасан, и [Михр Нигар] ханим присоединилась к мачехе. У моего отца была тетка с материнской стороны, которая во время его бегства из Шахрисабза оставалась в Шахрисабзе с другими домочадцами. Она взяла моего брата Мухаммад Шаха и вместе с [Шах] бегим и [Михр Нигар] ханим прибыла в Хорасан. Мой отец до прибытия этой группы намеревался совершить благословенное путешествие в Хиджаз, а когда эта группа присоединилась к нему, то правила великодушия не позволили оставить ее в чужой стране. Было решено доставить их в Кабул, так как в Кабуле находился Бабур Падишах, о котором уже говорилось, — Шах бегим приходилась мачехой матери [Бабур] Падишаха и родственницей Михр Нигар ханим. С этим намерением, получив разрешение у Мирзы Султан Хусайна, они направились в Кабул. За несколько дней до того, как мы прибыли в Кабул, скончалась мать Бабур Падишаха — Кутлук Нигар ханим. Ее смерть была от злосчастия этой группы. Бабур Падишах встретил их в трауре. /127б/ К прибытию этих [268] людей он отнесся с великодушием и уважением и старался, насколько возможно, сохранить их душевное спокойствие. Некоторое время их жизнь проходила в довольстве и спокойствии. Затем пришло известие о кончине Мирза Султан Хусайна.

Особенности положения Хорасана следующие. Мирза Бади аз-Заман на основе положений туры утвердился на престоле отца. Хадича бегим, жена Мирза Султан Хусайна и глава смутьянов, распорядилась, чтобы ее сын Музаффар Хусайн мирза правил вместе с Бади аз-Заманом. Хотя в то время были мудрые люди, но они предали забвению смысл ясного выражения Корана: <Если бы были там боги, кроме [одного] Аллаха, то погибли бы они>⁸⁹ и согласились [с Хадича бегим], и, конечно, от этого дела не поправились. В это время Джахангир мирза находился в Газнине. Из-за тесноты своего вилайата (Приведено по Л₂ 119б; Л₃ 95а (в Т текст искажен)) он отправился в Хорасан, а [Бабур] Падишаху написал письмо: «В эти дни Султан Хусайн мирза переселился из этого злополучного мира в мир иной. В моем сердце поселилась, мысль, что в такое время следует объединиться с сыновьями Султан Хусайна мирзы, чтобы помочь им, и тогда, возможно, дела наладятся во всех отношениях». Когда это письмо дошло до Бабур Падишаха, он решил спешно отправиться, [думая], что если он достигнет Мирза Джахангира в пути, то вернет его, а если нет, то последует за братом в Хорасан, потому что то, что появилось в мыслях у Джахангира мирзы, недалеко от истины. Когда отъезд [Бабур] Падишаха был решен, он пришел в дом к моему отцу и попросил, чтобы тот взял на себя управление делами в Кабуле и присмотрел за его семейством. Однако отец мой не согласился на это и, извиняясь, сказал: «Так как в Хорасане я принял твердое решение совершить хадж, то взять на себя это дело — значит расстроить те планы. Среди эмиров имеются уважаемые люди, которые могут взять это дело на себя. А в том, что будет мне поручено, я не буду проявлять нерадивости и по мере возможности буду прилагать старания» /128а/ [Бабур] Падишах позвал Низамаддина 'Али халифу, Маулана Баба Башагири, эмира Ахмад Касима кухбара и несколько других предводителей своих людей и сказал: «Я ухожу с надеждой на вас, а вот эти эмиры будут выполнять при вас [269] все дела». Он сделал также другие распоряжения наподобие этого и уехал в Хорасан.

ГЛАВА 10. РАССКАЗ ОБ УХОДЕ БАБУР ПАДИШАХА В ХОРАСАН И УПОМИНАНИЕ О РАСПРЕ И УЖАСЕ, КОТОРЫЕ ПРОИЗОШЛИ В КАБУЛЕ

Когда [Бабур] Падишах ушел в Хорасан, до середины зимы в Кабуле было спокойно, и Падишах долго оставался в Хорасане. [В Кабул] поступали различные известия о нем, а дороги из-за разбойников [из племени] хазара были закрыты.

Ранее при перечислении детей Йунус хана упоминалось, что у него было пять дочерей и двое сыновей, а что касается трех дочерей, то [первая из них] — Михр Нигар ханим, о которой упомянуто выше, прибыла из Самарканда с Шах бегим и находилась в это время в Кабуле. Другая — Кутлук Нигар ханим, мать Бабур Падишаха, которая скончалась перед приездом в Кабул Шах бегим, [Михр Нигар] ханим и моего отца. Третья — мать сего раба [Мирза Хайдара], скончавшаяся в благополучные времена в Ташкенте, как уже упоминалось. Эти три дочери Йунус хана были от Исан Даулат бегим. Султан Махмуд хан, Султан Ахмад хан и Султан Нигар ханим, которая является женой Мирзы Султан Махмуда сына Мирзы Султан Абу Са'ида и матерью Мирза хана, и Даулат султан ханим, являющаяся женой Тимур султана сына Шахибек хана, как уже упоминалось, — все четверо были [дети] от упомянутой Шах бегим. Итак, Шах бегим приходилась неродной бабкой Бабур Падишаху и этому ничтожному, а для Мирзы хана она была родной бабушкой. С

того времени, как [Бабур] Падишах был разбит ханами и ушел в горы Хисара, Мирза хан присоединился к Падишаху в той горной стране и до сего времени находился вместе с ним. Падишах относился к нему милостиво, как к своему сыну, потому что его отец с отцом и матерью Бабур Падишаха были родные, /1286/ о чем уже сказано. Из-за стесненности в средствах он [отстал] от [Бабур] Падишаха в той поездке и оставался при бабке, Шах бегим. Когда в середине зимы начали приходить разные известия о [Бабур] Падишахе и о мирзах Хорасана, сердце Шах бегим охватила материнская любовь. У нее появилось следующее намерение, так как [Бабур] Падишах в Хорасане оказался в руках у мирз, то по той причине, что между Султан Хусайном мирзой [270] и Султан Абу Са'идом мирзой существовала вражда и лилась кровь, [Бабур] Падишах не сможет уйти из их рук; вместе с тем появились также соответствующие этому ложные слухи и настало [в конце концов] время, чтобы сделать Мирза хана государем вместо [Бабур] Падишаха. Когда завели разговор об этом с моим отцом, он решительно отверг это. Распря дошла до предела, начались обиды и притеснения. Обиды Шах бегим стали обидой ханов, и это было тяжело моему отцу. Когда [дело] дошло до предела, мой отец сказал: «Мое запрещение не заставит их воздержаться [от смуты], поэтому я не возьму на себя эта дело». После продолжавшихся целый месяц споров дело было решено. И когда к моему отцу из Кабульской крепости пришли эмиры Бабур Падишаха, ежедневно являвшиеся к нему на службу по установленному обычаю, он тайно сказал им, чтобы они больше не приходили. Когда эмиры вернулись в крепость, мой отец ушел в местность Аб-Баран, находившуюся от Кабула на расстоянии одного дня пути, и устранился от этого дела. Шах бегим и еще группа моголов провозгласили хутбу на имя Мирза хана и стали готовиться к захвату крепости Кабула. Произошли стычки. [Шах] бегим отправила к моему отцу человека с настоятельным требованием. Когда эта настойчивость и упорство преступили все границы, мой отец поневоле приехал, и двадцать четыре дня они осаждали Кабульскую крепость. В это время вернулся [Бабур] Падишах, о чем будет изложено дальше.

ГЛАВА 11. УХОД [БАБУР] ПАДИШАХА В ХОРАСАН /129a/ И ВОЗВРАЩЕНИЕ ПАДИШАХА ИЗ ХОРАСАНА В КАБУЛ

Когда [Бабур] Падишах ушел вслед за Джахангир мирзой они встретились в горах Хазара и устроили совещание. Они пришли к тому мнению, что следует идти в Хорасан, возможно, что со своей силой они смогут еще раз выступить против Шахибек хана. С этим намерением они и отправились в Хорасан. Когда они пришли в Хорасан, люди Хорасана хорошо встретили этих двух братьев, и мирзы также крайне обрадовались их приходу. Но согласия между мирзами Хорасана не наступило (Приведено по Л₂ 976; Л₃ 966). Когда [Бабур] Падишах понял, что согласия не будет, а без согласия никакое дело не [271] устроится, к тому же еще Джахангир мирза от чрезмерного употребления вина заболел кровавым поносом и горячкой — по людской молве Хадича бегим по старой своей привычке положила ему в вино яд — по всем этим причинам [Бабур] Падишах испросил разрешения у некоторых людей и направился в Кабул. В горах Хазара он получил известие, что Мирза хан и Мухаммад Хусайн мирза осаждают Кабул. Все грузы и ношу он оставил Мирза Джахангиру, который был болен и ехал на носилках, и с небольшим количеством людей выступил вперед. Перевал Гиндукуш был полон снега. Преодолев все трудности, они перешли его и быстро, форсированным маршем направились в Кабул и однажды на рассвете обрушились на него. Все, кто находился вне [крепости] и плотно окружал ее, попрятались по разным местам, а люди, бывшие внутри [крепости], вышли из нее и растащили все, что было внутри и снаружи. [Бабур] Падишах, счастливое существо которого было само благородство, без промедления и обиды, радостный и доброжелательный вошел к неродной бабке, которая отвернула от него свою любовь и сделала вместо него государем своего родного внука. Шах бегим, взволнованная и пристыженная, не знала, что сказать. [Бабур] Падишах пал на колени, поздоровался со всей любовью и сказал: «Если благодетельница-мать проявит милость к одному из сыновей, то другой сын как может обижаться на это? /1296/ Веление матери во всех отношениях обязательно для детей». И прибавив: «Я не спал всю ночь, прошел много дорог», он положил голову в объятия Шах бегим, намереваясь уснуть. Это было сделано, чтобы успокоить [Шах] бегим, «да воздаст тебе Аллах добром». Он еще не уснул, как пришла Михр Нигар ханим, родная тетка [Бабур] Падишаха. Падишах вскочил и быстро, с любовью поздоровался со своей дорогой тетей. Ханим сказала: «Твои дети и домочадцы жаждут тебя видеть. Благодарим Аллаха за то, что мы удостоились видеть тебя. Поднимись и иди в крепость к своим домочадцам, и мы также придем туда». [Бабур] ушел в крепость. Эмиры и весь народ поспешили выразить благодарность за божескую милость и помазали глаза свои прахом из-под ног великодушного Падишаха. Вслед за ним пришла [Михр Нигар] ханим, захватив с собой Мирза хана и моего отца. Когда они приблизились [к крепости], [Бабур] Падишах [272] вышел навстречу [Михр Нигар] ханим. Ханим сказала: «О душа матери! Я привела к тебе грешного мужа моей сестры и твоего несчастного брата, что ты скажешь?» — и она указала на моего отца. Когда [Бабур] Падишах увидел моего отца, он поспешно, с поклоном, как было принято раньше, пошел к нему навстречу. Смеясь и радуясь, он обнял его и любезно стал расспрашивать о здоровье. После этого он обратился к Мирза хану и ему также выразил любовь и великодушие. Проявляя благородство и доброту, он великодушно побеседовал с ними и предоставил им свободу выбора: остаться у него или уйти. Лик пребывания здесь из-за краски стыда не был виден в зеркале их воображения. Сколько бы великодушный Падишах ни старался счищать с них краску стыда полировкой благородства и человечности, ржавчина стыда, которая от их неблагоприятных поступков

осела на зеркале надежд, не счищалась. Мой отец и Мирза хан испросили разрешения уйти в Кандагар, а Шах бегим и [Михр Нигар] ханим удержали здесь настойчивыми уговорами и приглашениями. Когда они достигли Кандагара, Мирза хан остался в Кандагаре, а мой отец прошел в сторону Фараха и Систана с намерением отправиться в благословенную Мекку (Добавлено по Л₂ 121а; Л, 97а), как было решено ранее в Хорасане. Когда он достиг Фараха, пришло известие о завоевании Шахибек ханом Хорасана и об /130а/ истреблении Чагатаев. Дороги стали опасными, горные проходы были преграждены, и это намерение [отца] не смогло осуществиться. Эти события произошли в 912 (1506—1507) году.

ГЛАВА 12. УПОМИНАНИЕ О СОБЫТИЯХ, [КАСАЮЩИХСЯ БАБУР] ПАДИШАХА В ТОТ ГОД. КОГДА ОН БЫЛ В КАБУЛЕ, И ОТДЕЛЬНЫЕ РАССКАЗЫ, КОТОРЫЕ ИМЕЮТ К ЭТОМУ ОТНОШЕНИЕ

Падишах пребывал в Кабуле на престоле царствования и на троне великодушия. Краткое описание Падишаха в Кабуле следующее. Ранее уже упоминалось, что в 909 (1503—1504) году он освободил Кабул от Мукима б. Зуннун Аргуна. С ним было войско Хусрау шаха — около двадцати тысяч человек; Кабул не смог вместить его, поэтому оно направилось в Хиндустан.

[273] То войско из-за незнакомых дорог попало в места, где было мало продуктов питания. Большинство коней из войска погибло. Хотя то войско не вело сражений, но понесло большие потери. Когда они вернулись в Кабул, большая часть войска Хусрау шаха рассеялась. Приезд в Кабул Шах бегим и моего отца, а также отъезд Падишаха в Хорасан, описание которого было впереди, также произошли в это время.

После того, как мы [с отцом] уехали в Кандагар, в результате этих событий люди и Падишах оказались в очень тяжелом положении. Жизнь проходила в крайней скудости. К тому же умер и Джахангир мирза, который был в то время опорой Падишаха в его делах. После того, как произошли все эти события, [Бабур Падишах] стал искать какую-нибудь силу, на которую можно было опереться, чтобы утвердиться в Кабуле, и он послал в Кандагар человека к Шах беку. Шах бек был сыном Зуннун Аргуна. Зуннун был одним из видных эмиров Мирза Султан Хусайна. В течение тридцати лет он независимо правил от имени Султана Хусайна в Кандагаре и Заминдаваре. Хотя он был человеком храбрым и умным, но крайне скупым; за это время он накопил бесчисленные богатства. Он отправился в Хорасан, чтобы служить мирзам. Когда Шахибек хан пошел на Герат, /130б/ он один выступил против него, сразился с передовым отрядом узбекского войска и в том сражении был убит. А в Кандагаре вместо него утвердился его сын Шах бек. Падишах отправил к Шах беку человека с уведомлением, что так как потомки Мирза Султан Хусайна устранены, то он [Шах бек] должен держать открытыми врата покорности и служения [Бабур Падишаху], потому что в настоящее время в доме его царствования нет более подходящего человека, чем он, который стал бы во главе правления. Однако сколько бы [Бабур] ни отправлял к нему подобные увещания, тот отказывался, так как он ставил себя выше того, чтобы служить кому-либо. В конце концов дело кончилось войной. Падишах отправился в Кандагар и недалеко от Кандагара дал сражение. Произошла большая битва. Наконец, ветры победы подняли знамя счастья Падишаха до небес завоевания, а глаза воинов Шах бека засыпало прахом поражения. Они пришли в такое замешательство (Приведено по Л₂ 99а), что не смогли вернуться в [274] крепость Кандагара, и не имея ничего, поплелись в сторону Сави, сменив счастье на несчастье. В руки Падишаха попали такие сокровища, что он выделил каждому воину по шахрухи. Мирза хан, который оставался в Кандагаре, снова присоединился к Падишаху. Падишах с полной удачей и с большой добычей, во всем великолепии вернулся в Кабул, а Кандагар отдал Султан Насиру мирзе, младшему брату Джахангира мирзы.

Когда [Бабур Падишах] прибыл в Кабул, из Бадахшана поступило известие, что вилайат Хусрау шаха отошел к узбекам. Некоторые из жителей Бадахшана не покорились узбекам, несколько раз они наносили поражение узбекскому войску, и каждый из глав тысячной [части войска] захватив власть в каком-то одном месте, вешал узбеков. Главою над ними был Зубайр Раги.

Шах бегим могла претендовать на Бадахшан по той причине, что [по ее словам]: «Это мое наследованное владение уже три тысячи лет. Хотя я женщина и не достойна царствовать, но у меня есть внук — Мирза хан, и люди не откажутся от меня и моего сына». И Падишах разрешил Шах бегим /131а/ и Мирза хану уйти в Бадахшан. Мой брат — Мухаммад шах — находился в услужении у [Шах] бегим, они его также увели с собой. Когда они приблизились к Бадахшану, то отправили Мирза хана к Зубайру Раги, чтобы сообщить о [Шах] бегим и ее намерениях.

Когда Мирза хан отделился от них, из Кашгара прибыло войско Мирза Аба Бакра, и всех людей, которые были с бегим и ханим, схватили и увели. Мирза хан ушел к Зубайру. Вначале тот принял его с уважением, а потом стал относиться к нему по-иному, так что, кроме двух-трех слуг, около него никого не оставил. Прошло некоторое время, после чего Йусуф 'Али кукалдаш дивана, старинный мулазим Мирза хана, договорился с восемнадцатью другими людьми, и однажды ночью они напали на Зубайра, убили его, а Мирза хана сделали государем. С той даты — 913 (1507—1508) год — до конца его жизни Бадахшан оставался в руках Мирзы хана.

Что касается [Бабур] Падишаха, то после завоевания Кандагара он пребывал в Кабуле. Моголы Хусрау шаха, из которых осталось, примерно, тридцать (В Л₂ 122а; Л₃ 98б; R 204—три) [275] тысяч человек,

провозгласили государем 'Абдарраззак мирзу б. Улугбека Кабули и выступили против [Бабура], так что с [Бабур] Падишахом осталось не более пятисот человек. Падишах выступил с ними и дал сражение. Это была одна из самых жарких его битв. После многих столкновений и схваток он разбил врагов. В той битве он сам лично сразился с пятью бахадурами из войска противника — с 'Али Сайид куром, с 'Али Сина и еще с тремя другими. Смелыми ударами, [нанося] раны мечом, он обратил их в бегство. 'Абдарраззак мирза в том сражении попал в руки Падишаха. Проявив великодушие, [Бабур] отпустил его. После этих событий дела Падишаха в Кабуле пошли успешно. Здесь он пробыл до 916 (1510—1511) года, когда был убит Шахибек хан. Описание этого будет сделано, если захочет Аллах.

ГЛАВА 13. ПОХОД ШАХИБЕК ХАНА В ХОРЕЗМ И ЗАВОЕВАНИЕ ЕГО; /1316/ ВОЗВРАЩЕНИЕ ШАХИБЕК ХАНА 1316 В МАВЕРАННАХР И ПОХОД ЕГО В ХОРАСАН

Когда Шахибек хан покончил с моголами, Султан Са'ид хан бежал в Моголистан, а мой отец в Хорасан. Некоторых [моголов] он убил, некоторых заковал в цепи, Шах бегим отправил в Хорасан, а остальных моголов увел с собой в Хорезм. В течении одиннадцати месяцев он осаждал его. В Хорезме сидел Чин Суфи (В Л₁ 99б; Л₂ 122а—Хусайн Суфи), который правил там от имени Мирза Султан Хусайна. На протяжении одиннадцати месяцев никто не прибыл на его зов [о помощи], и он вел удивительные сражения, которые стали легендой среди узбеков. В конце концов из-за того, что не осталось никаких припасов, большинство людей погибло от голода и не осталось больше возможности бороться, Шахибек хан овладел крепостью Хорезма. Он убил Чина Суфи и вернулся в Самарканд.

До завоевания Хорезма [Шахибек хан] шесть месяцев осаждал Балх, и это дело он оставил на половине, о чем писалось раньше, теперь он отправился, чтобы завершить его. Он завоевал также Балх и вернулся в Самарканд. Зимой он провел в Самарканде, а весной отправился в Хорасан. Мирза Султан Хусайн скончался за год до этого. Сыновья Мирзы [Султан Хусайна] по своему недомыслию и из-за недостаточной энергии в делах не приходили к общему согласию.

[276] Когда они услышали о выступлении Шахибек хана, то пришли в полное смятение, каждый из них что-то советовал и предлагал свое, и они еще не успели прийти ни к какому решению, как поступило сообщение, что Шахибек хан приблизился к Герату. Мир Зуннун выступил навстречу войску, однако как невозможно остановить наводнение земель и погасить пламя огня щепками, так и из-за его опрометчивости первый же передовой отряд узбекского войска убил Мир Зуннуна и занялся грабежом внутри Герата. Мирзы разбежались в разные стороны, и большинство воинов даже не заметило, как Герат был завоеван. Такой большой город, с таким количеством жителей /132а/ так легко был завоеван! Мир Мухаммад Салих — один из потомков эмиров Султана Абу Са'ида, имя которого упомянуто в «Жизнеописании поэтов», дату завоевания Хорасана нашел в слове «Хорасан», [а именно]—912 (1506—1507) год.

ГЛАВА 14. ПРИЧИНА ПРИХОДА МОЕГО ОТЦА МУХАММАД ХУСАЙН ГУРАГАНА К ШАХИБЕК ХАНУ И УПОМИНАНИЕ О ТОМ, ЧТО СВЯЗАНО С ЭТИМ; О МУЧЕНИЧЕСКОЙ СМЕРТИ МОЕГО ВЕЛИКОГО ДЯДИ СУЛТАН МАХМУД ХАНА И МОЕГО ОТЦА

Когда мой отец и Мирза хан прибыли из Кабула в Кандагар, Мирза хан остался в Кандагаре, а мой отец проехал дальше с намерением совершить хадж. Было решено, что он пойдет в Систан и дорогой на Нех-и Бандан выйдет к Керману¹, потому что, если идти через Хорасан, то мирзы Хорасана будут оставлять его здесь. Когда он приблизился к Фараху, навстречу ему шла группа людей, несчастных, измученных беженцев, в самом скверном и жалком состоянии, которые сообщили, что Шахибек хан захватил Хорасан, как уже было изложено. Когда он дошел до Фараха, дороги оказались закрытыми и опасными. Ничего другого у него не было, как остаться здесь, и он три месяца оставался в Фарахе. Шахибек хан услышал об этом, послал сюда человека с учтивыми приглашениями, и [мой отец] вместе с вельможами Фараха отправился к нему. Шахибек хан сидел в Уланг Кахдастане с таким великолепием, что описать невозможно в этом кратком повествовании. Никто и помыслить не мог о тех переменах, которые произошли в его делах за несколько лет. И удивительно, что за короткое время все [277] пошло прахом, а каким образом — это вскоре будет описано. Короче говоря, он оказал моему отцу разные знаки внимания, проявил почтение и щедро одарил его.

[Шахибек хан] пошел на Кандагар. В Кандагаре сидел Султан Насир мирза, о котором сообщалось раньше. Сорок дней Шахибек хан осаждал Кандагар, в конце концов, заключив мир и захватив добычу, он вернулся. В тот год в Мешхеде, Нишапуре, Астрабаде и Туршизе между сыновьями Мирза Султан Хусайна и султанами Шахи /132б/ бек хана шли сражения. Во всех сражениях победа доставалась узбекам, а поражение — Чагатаям. Большинство [Чагатаев] было убито, а те, которые спаслись от мечей, постепенно рассеялись так, что больше никогда уже не собрались. В то время 'Убайдаллах хан, который был в ту пору султаном и большинство завоеваний совершалось его именем, отправлялся в Бухару, которая была столицей его наследственного царства. Он попросил у моего отца отпустить меня с ним. Причина этого заключалась в следующем. При подробном перечислении детей моего отца упоминалось, что старшим его

ребенком была [дочь] по имени Хабиба Султан Ханым. После того, как мой отец бежал из Шахрисабза, <как уже было упомянуто (Добавлено по Л₂ 123а; Л₃ 99б), Шахибек хан выдал ее замуж за 'Убайдаллах султана. Испросив разрешения у отца, 'Убайдаллах привез меня к сестре в Бухару. Зимой того же года Шахибек хан прибыл в Мавераннахр, чтобы повести войско на Казак, то есть на Дашт-и Кипчак. Мой отец вместе с Шахибек ханом прибыл в Бухару. Шахибек хан прошел в Казак, а моего отца оставил в Самарканде. В начале весны он вернулся, пошел в Хорасан, а моего отца поручил своему сыну Тимур Султану, которому он отдал Самарканд. Ту весну мой отец провел в Самарканде, а я находился в Бухаре вместе со своей сестрой. В это время поступило известие о выступлении Султан Махмуда из Моголистана в Андижан с жалобой на притеснения [претерпеваемые им там] и о его просьбе о помощи. Шахибек хан послал человека и вызвал моего отца в Хорасан. Когда мой отец отправлялся в Хорасан, он увидел своим проницательным взором страшный конец этих дел и на доске смертного часа он увидел краску своей мученической [278] кончины. Однако иногда он нить жизни ссызывает с нитью надежды на спасение, которая была слабее паутинки. Несмотря на все это [мой отец] прилагал большие усилия, чтобы спасти меня. Он старался, насколько было возможно, в случае, если его дорогая душа погрузится в водоворот мученической смерти, чтобы я остался на берегу в безопасности от ужасов (Приведено по Л₂ 123б; Л₃ 100а) и несчастий. Когда [мой отец] первый раз приехал в Герат, /133а/ он нашел для меня учителя, человека ученого и благочестивого, по имени Хафиз Мирим. Действительно, он был человеком благочестивым, чтецом Корана, скромным, обладающим разными достоинствами: читал Коран приятным напевом, умел писать почерком насталик и др. Все это он исполнял наилучшим образом. Мой отец ценил его. В те дни и в радости и в печали он всегда был собеседником моего отца. Меня он обучал чтению Корана и каллиграфии. Когда мой отец был вынужден отправиться в Хорасан, он, беспокоясь о моей участи и проявляя ко мне свою любовь, наедине сказал мне: «Твой дядя, Султан Махмуд хан, приехал [из Моголистана], хотя я и устно и письменно уведомлял его, что после завоевания Амира Тимура и разорения Моголистана Ваши великие предки оставались в разоренном Моголистане в ожидании удобного случая. Довольствуясь небольшим количеством одежды (Добавлено по Л₂ 123б; Л₃ 100а; R 208) и скудной пищей, они берегли своих людей и войско. Вместо красивой одежды и обильной еды они думали о сохранности своих военачальников и об устройстве победоносного войска. Так прошло сто двадцать лет, пока не взошла солнцеподобная особа Вашего величества в Моголистане, являющемся страной Востока, откуда исходит сияние (Добавлено по Л₂ 123б; Л₃ 100б) хаканов. В расцвете Вашей молодости Вы, служа своему счастливому отцу, по примеру удачливых хаканов благоустроили разрушенный Моголистан, пока Йунус хан и Вы не нашли тот случай, который ждали Ваши поддерживаемые небом предки. Вы стали обладателем владений, которые были предметом зависти Ваших предков. Девятнадцать лет Ваша жизнь проходила в полном благополучии. А сейчас яснее, чем день, что сила Ваших победоносных воинов не может сравниться с многочисленным войском Шахибек хана. Итак, [279] требование времени сейчас таково, чтобы Вы сохранили Вашу благословенную особу и Ваше счастливое войско взамен потери Моголистана. И знайте, что сохранение жизни, с какими бы трудностями это ни было связано, /133б/ лучше, чем ее потеря. А мне доподлинно известно, что когда Вы будете находиться вблизи Шахибек хана, он посчитает Вашу смерть своей жизнью, и любым способом, даже наихудшим, не позволит Вам остаться в живых. Такого рода наставления и уговоры я неоднократно, сколько было возможно, делал ему, однако каждый раз, когда моя настойчивая просьба доходила до хана, несколько подлых людей, недальновидный взгляд которых от крайней низости был всегда направлен в свою пользу, в ожидании этой пользы, которая была равноценна щепке, они старались разрушить целый мир, и все дела государства хана, находившиеся на такой высокой ступени, были принесены в жертву этому. Они доложили ему, что Мухаммад Хусайн мирза не хочет, чтобы Вы уходили [из Моголистана], потому что сейчас Шахибек хан проявляет к нему чрезвычайно доброе отношение, и он считает, что Ваше прибытие повредит этому. Подобные небылицы они доводили до его сведения и говорили, что наше мнение подтверждается той милостью, какую Шахибек хан оказал [Хусайну] мирзе, но для всех ясно, что добрые дела, которые Вы делали для Шахибек хана, нельзя сравнить с добрыми делами, сделанными ему [Мухаммад Хусайн] мирзой, поэтому [Шахибек хан] сделает для Вас вдвое и в тысячу раз больше того, что сделал для Мирзы. Эти нелепицы показались хану <разумными словами (Добавлено по Л₂ 124а; Л₃ 100б) и от него пришел такой ответ: «О, адаш»—то есть «друг»,— эти двое в детстве по могольскому обычаю стали друзьями, и в результате хан называл моего отца этим именем — удивительно, что ты сам ведешь хорошую жизнь в Хорасане и Самарканде, хотя знаешь о бедствиях Моголистана и обрекаешь меня на такие трудности». Этими словами он обвинил меня в неискренности и, не зная правды, приехал. Однако нынешний его приезд — это не прошлый, и, конечно, Шахибек хан чашу напитка мученической смерти, которая не оставляет надежды на жизнь, вольтет в рот хана, и все, что от того напитка останется, он даст выпить мне. Теперь я вручаю тебя милости бога и, [280] хотя /134а/ взять тебя с собой для меня дороже жизни, однако я боюсь, что Шахибек хан вместе со мной отправит и тебя в вечность, и, чтобы сохранить твою дальнейшую жизнь, я должен испить яд разлуки с тобой, ты также терпи горечь разлуки со мной. Мисра:

Терпение — горько, но приносит сладкий плод.

Знай, что смерть отца для своих детей — неизбежное наследие, и ты также сейчас приблизился к этому наследию. А если птица моей жизни освободится из силка злонамерения Шахибек хана, то мы порадуемся свиданию друг с другом. Твой учитель Хафиз Мирим — человек благочестивый и скромный, но с нашими людьми он не близок. Если со мной что-нибудь случится, то мои благожелатели, посоветовавшись, что-нибудь придумают в отношении тебя. Кроме того, семья Хафиз Мирима находится в Хорасане, и вот уже год, как он, сопровождая меня, расстался с нею. Хафиз пойдет со мной (**Приведено по Л₁ 1016 (в Т текст стерт)**), а тебя я поручаю Маулана Мухаммаду, и ты считай для себя обязательным по всем вопросам слушать его. Он — мой халифа, а его отец — мой наставник и учитель — так повелось между нами из поколения в поколение. Со времени рождения до сегодняшнего дня он был моим наперсником, товарищем, собеседником и другом, и я надеюсь, что он в день несчастья ухватится за подол мысли о тебе и сможет обеспечить тебе безопасность». Несколько жемчужин из этих слов и наставлений он нанизал на нить благих помыслов, сделал их серьгой в ухе моего разума и отправился к Шахибек хану.

В то время Шахибек хан осаждал Келат. Внешне он отнесся к моему стцу с участием и быстро разрешил ему отправиться в Герат. Когда отец достиг Герата, Шахибек хан следом за ним послал человека и предал моего отца мученической смерти в Хорасане, а Султан Махмуд хана с сыновьями — в Худжанде. Султан Махмуд хана похоронили на кладбище полнуса истины и религии Шайха Муслихаддина Худжанди, а моего отца на светозарном кладбище источника благ, высокостепенного Амир Саййид Хусайни Садата, /1346/ <да будет над ним милость Аллаха>. Эта несправедливость произошла в 914 (1508—1509) году. На год смерти хана нашли хронограмму [в словах]: «Лаб-и дарйа-йи [281] Худжанд» («Берег реки Худжанд»), как уже было упомянуто, а для моего отца — тот самый Маулана Мухаммад нашел хронограмму в словах: «Ба Хурасан» («В Хорасане»). <Аллах всемилостивый и дарующий, прощающий и покрывающий недостатки и проступки> повышающий степени, да славится его величие и да простираются над всеми Его благодеяния>, да осветит их благословенные могилы светом прощения и милости, а прегрешения их покроет подолом своего всепрощающего имени, и их степень поднимет на высокую ступень великих и присоединит их к числу людей сунны и мусульманской общины <во имя Мухаммада и его преславного семейства! >

ГЛАВА 15. РАССКАЗ О ТОМ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С АВТОРОМ КНИГИ

Когда Шахибек хан предал мученической смерти моего отца, он послал за мной в Бухару человека с решением бросить меня в реку, чтобы присоединить к тем, которые были потоплены в водах Худжанда. Несмотря на то, что выполнить этот приказ для [Убайдаллах] султана, за которым была замужем моя сестра, было тяжело, у него не было абсолютно никакой возможности отказаться от этого. Как хорошо, что есть всемогущий Господь, обладающий божественной силой! Если не будет [на то] его воли, то могущественные [владыки], обладающие своим гневом и притеснениями могут поработить и властелина неба, и тираны, которые благодаря своей силе и жестокости отправят в небытие с лица земли всемогущих властителей, не смогут согнуть ни один волос на чьей-либо голове и не смогут уменьшить ни на одну ножку тысячу ног у тысяченожки. Подтверждением этих слов и доказательством этого послужит рассказ о жизни этого несчастного.

Шахибек хан, который был местом проявления славы и могущества всевышнего Владыки, <да славится его величие>, какие только царства он ни разрушил и какие только династии ни искоренил — так он уничтожил около двухсот тысяч человек Султан Хусайна мирзы и около пятидесяти тысяч человек Султан Махмуда мирзы, а также людей, принадлежавших Мирза Султан /135а/ Ахмаду. На что обрекли их набеги Шахибек хана! Таким же образом он за небольшой промежуток времени развеял по ветру небытия такое [282] большое количество мужей государств и должностных лиц, что от праха их бытия в пустыне небытия поднялись столбы до небес, а от ветров их вздохов в той пустыне образовались вихри. И такой могущественный и жестокий государь собрался меня убить, а годы мои не достигли еще и середины дней детства. Я не отличал левой [руки] от правой и добра от зла, у меня не было сил, чтобы раздобыть себе пищу, и даже ум мой еще не был настолько развит, чтобы я мог зрело что-то решить. Я остался сиротой без отца и матери, мои дяди по отцу разбежались [кто куда], а дяди по матери погибли мученической смертью; [не было у меня] ни старшего брата, который бы мог позаботиться обо мне, ни родственника, который мог бы утешить. В то время, когда шел 914 (1508—1509) год, всеобщее бедствие постигло всех султанов времени вообще, и поголовно были истреблены могольские хаканы в частности. В то время, когда извечная воля [Аллаха] и его вечное повеление в разных местах отправили по дороге мученической смерти в рай моих дядей по матери и по отцу, а также их детей, я среди них был самый маленький и слабый. Удивительнее всего то, что они находились в стороне [от Шахибек хана], как об этом уже писалось, однако из-за безвыходного положения поневоле они оказывались в середине беды и принимали мученическую смерть, а я находился в самом центре беды, в Бухаре, в середине обширных владений Шахибек хана, но так как не был издан приказ извечной воли вечного повелителя Господа на мое уничтожение, а наоборот, он был утвержден на мою жизнь, то Шахибек хан, обладая таким величием и могуществом, собираясь убить меня, такого немощного и слабого ребенка, не смог согнуть ни одного волоска на моей голове — слава обладателю земного и небесного царств, величия и могущества, совершенства и власти, слава Господу, не подверженному смерти! Подробности этого /135б/ следующие.

В упомянутое время мой отец, <да умножит Аллах его блеск>, отправился в Хорасан, где Шахибек хан предал его мученической смерти, как уже было изложено, а за мной послал в Бухару человека. Сколь бы неприятно ни было для 'Убайдаллах хана это дело, нарушить приказ Шахибек хана было совершенно невозможно. Меня поручили тому человеку и было решено в водах Аму присоединить меня к тем, [283] которые погрузились в милость Аллаха. [Прибывший человек] стал разузнавать о вещах, которые остались от моего отца в разных местах, он говорил: «Мирза [Хусайн] поручил мне: «Привези мои вещи вместе с моим сыном». Из-за этого обстоятельства произошла задержка на несколько дней. В период задержки Маулана Мухаммад, который был моим учителем и халифой моего отца, пришел к его светлости Маулана [Мухаммаду Кази]. Маулана спросил: «Вы когда отправляетесь в Хорасан?» Маулана Мухаммад ответил: «Решено, что мы отправимся через несколько дней». Его светлость Маулана [Мухаммад Кази] сказал: «Приходите через час, у меня есть разговор с Вами». Через час, когда собравшиеся у него его приверженцы разошлись, он пришел к его светлости Маулана [Мухаммад Кази]. Его светлость Маулана сказал: «Разве мы давали согласие на то, чтобы Мухаммад Хусайн мирза ехал в Хорасан?! А теперь Вы и сына Мирзы [Хусайна] увозите в Хорасан!» Маулана Мухаммад ответил: «Да, мы увозим его, уповая на Бога». Его светлость Маулана сказал: «Когда безбожники Мекки замыслили покушение на пророка, <да возвеличит Аллах его и ниспошлет мир>, он возлагал надежду только на бегство и переселение, а не на то, чтобы оставаться и быть схваченным. Сейчас правильное решение в том, чтобы Вы, уповая на Господа преславного и всевышнего, взяли бы сына Мирзы и бежали. И если в этом деле Вы чувствуете опасение и страх, то я ручаюсь за успех, поэтому обязательно следует приступить к этому делу». Маулана Мухаммад потом много раз рассказывал «Такого намерения у меня никогда не было, а эти слова его светлости Мауланы породили в моем сердце удивительную силу, и у меня появилось твердое намерение взять Вас и бежать. Уйдя от него, я стал готовиться к бегству». Хотя о его светлости Маулана [Мухаммаде Кази] было упомянуто раньше в главе о моей болезни, но /136а/ кратко, [теперь] кажется уместным подробное изложение такого краткого упоминания.

ГЛАВА 16. РАССКАЗ О ЖИЗНИ ЕГО СВЕТЛОСТИ МАУЛАНА МУХАММАДА КАЗИ, <ДА БУДЕТ НАД НИМ МИЛОСТЬ АЛЛАХА>

Его имя — Мухаммад б. Бурханаддин. Отец его — [Бурханаддин] Мискин-и Самарканди был одним из [284] приближенных казия Имададдина, по этой причине он стал известен как Маулана Мухаммад Кази. После того, как он изучил науки, у него появилось намерение вступить на путь [мистического] служения богу, и с этим намерением он отправился в Хорасан. Когда он выехал из Самарканда, в одном месте, где пребывал [в то время] Полнос полюсов, возлюбленный Господа, Властелин властелинов, предводитель мудрецов Ходжа Насираддин 'Убайдаллах, <да освятит Аллах тайну его>, он навестил его. [Ходжа Насираддин]. 'Убайдаллах спросил: «Куда Вы едете?» [Маулана Мухаммад] ответил: «В Хорасан». Ходжа еще спросил: «С намерением учиться или с другой целью?» Один ученик, который сопровождал Маулана Мухаммада, сказал, что у него большие сктонности к дервишизму. Ходжа Насираддин сказал: «Подождите немного» и отправился в другой конец сада. Через некоторое время он вернулся, принес две записки и отдал их Маулане. Одна была рекомендательным письмом, в котором он поручал Маулана [Мухаммада Кази] сыну Маулана Са'даддина Кашгари — Ходжа Калану, а в другой он написал правила шествования по дервишескому пути, принятые в этом высоком ордене [накшбанди]. Эту записку он также вручил Маулана Кази — вот ее копия: «Суть молений состоит в том, чтобы в сердце появились покорность, смирение от созерцания величия Всевышнего. Появление такого счастья связано с появлением любви, а появление любви связано с приверженностью Мухаммаду, посланнику божию, <да благое творит его Господь и да ниспошлет ему мир>. А приверженность [Мухаммаду] связана со знанием пути приверженности, и это невозможно постичь без овладения религиозными науками, а для этого возникает необходимость общения с учеными, знатоками религиозных наук. Однако следует остерегаться общения с учеными, которые делают из наук средство для своей земной жизни и [используют их] для достижения высокого положения. Только в том случае, если не находится благочестивых ученых, тогда по необходимости /136б/ следует приобретать желаемое от этой категории людей. Следует воздерживаться также от бесед с дервишами, которые занимаются плясками и радениями, и безотказно все, что попадает под руки, берут и едят. Надо избегать слушания ма'арифата и таухида, которые являются причиной ущерба в вере и в толке [285] суннитов и мусульманской общины. Следует овладевать науками для появления лучшей познания Истины, что неразрывно связано с приверженностью к Мухаммаду, посланнику Аллаха, <да благословит его Аллах и да ниспошлет ему мир!>. Конец».

В «Силсилат ал-'арифин», являющемся одним из благословенных сочинений [Мухаммада Кази], он написал: «Самое удивительное, что, несмотря на эти [наставления], мое намерение ехать в Хорасан не уменьшилось. Получив разрешение у его светлости Ишана ['Убайдаллаха], мы отправились в Хорасан. По дороге произошло одно событие, из-за которого совершенно невозможно было идти дальше. Мы вернулись и удостоились пребывания у Ишана. В течение долгого времени Мухаммад Кази заведовал личной кухней его светлости Ишана. От крайнего старания он служил ему так, что все продукты и все, что надо было [для приготовления пищи], он взвалил на себя и шел пешком у стремени Убежища руководства. Постепенно он

добился большой близости к Ишану, и на высоких собраниях, имевших место у Ишана, все великие ученые видели эту близость, так как Ишан, в основном, обращался к Маулана. Во всех делах он полностью доверял ему. Благоклонность и различные проявления милости Ишана дошли до такой степени, что Маулана Мухаммад Кази стал предметом зависти великих ученых, приверженцев и старших сыновей его светлости Ишана. Это стало неприятно [Маулана Мухаммаду], и он решил отправиться в Хорасан с Маулана Мухаммад Амином, также мюридом его светлости Ишана. Они решили, что путь суфийского совершенствования в какой-то мере стал им известен благодаря его светлости Ишану. Среди людей ордена [накшбанди] бытует мнение, что воздух Хорасана дает половину того воспитания, которое может дать наставник, а другую его половину дает его честь Маулана 'Абдаррахман Джамии. Итак, в Хорасане полностью завершается [познание] пути суфийского совершенствования. В «Силсилат ал-арифин», в той части, где говорится о чудесах, совершенных его светлостью Ишаном, написано: «В те дни, когда желание отправиться в Хорасан еще было в моих мыслях, /137a/ я как-то пошел к его светлости Ишану. Он бросил на меня взгляд, несущий счастье, затем вторично посмотрел на меня и сказал: «Знаешь ли ты какая цель у пронизательного взгляда?»»

[286] Я ответил: «Аллах знает лучше и его посланник». Он сказал: «Я вижу во сне» — привычка его светлости Ишана была такова, что он свои откровения приписывал сновидениям — «что Маулана Мухаммад хочет построить дом в таком месте, которое нам не принадлежит, но и не вне нас, но этот дом не будет прочным». Несмотря на это поездка в Хорасан состоялась; Маулана Мухаммад уехал в Хорасан без разрешения. Он оставался в Хорасане шесть месяцев и постоянно имел беседы с 'Абдаррахманом Джамии. Однако желание служить его светлости Ишану настолько овладело им, что он вернулся обратно к нему. В «Силсилат ал-арифин» написано также: «Я прибыл к его светлости Ишану в Ташкент. Я решил, что остаток жизни я проведу, ухаживая за его лошадьми, помогая конюхам его светлости. Приняв такое решение, я пошел [на конюшню] и сидел в уголке, когда пришел один человек и позвал меня: «Ишан вызывает тебя». Я был близок к потере сознания. Его светлость поздоровался со мной и встретил меня таким образом, как будто с мсей стороны не было совершено никакого недостойного поступка, а наоборот, как будто я оказал ему похвальные услуги. И он больше прежнего удостаивал меня разными милостями своей благородной природы. Несмотря на это, лоб мой покрывался потом стыда, и [после этого] я всегда ходил стороной и не мог /137b/ без страха лицом к лицу встретиться с Ишаном. В то время, когда язык Ишана, глаголящий истины, излагал познания [тариката], его светлый ум пожелал, чтобы я приобщился к счастью его досточтимых изречений, и он спросил: «Где Маулана Мухаммад?» Присутствующие в собрании, а может быть и друзья, доложили: «Он постоянно пребывает снаружи, и когда мы уговариваем его участвовать в собрании, он говорит: «Из-за того, что я совершил, как могу я считать себя достойным того счастья, чтобы осмелиться постоянно присутствовать в благородном собрании у Ишана? Разве недостаточно для меня того счастья, что я нахожусь вблизи его и вижу его лик издали?» И он проливает капли дождя из облака стыда и печали». Его светлость Ишан промолвил: «Идите, скажите ему, что мы хотим, чтобы он, как прежде, всегда находился при нас. Если с его стороны что-либо совершено, то мы простили его, а если вина совершена нами, то он также пусть простит нас и придет». Когда в **[287]** настойчивости милость Ишана достигла этой степени, я приступил к служению у его порога, где обитают ангелы, с большим усердием, чем прежде, и то море великодушия также оказало мне такое благодеяние, которое я никогда себе не представлял. Однажды [Ишан] сказал: «Обычай великодушных людей таков, что провинившихся людей они не заставляют извиняться». И действительно, с этим ничтожным Ишан так и поступил, «да воздаст ему Аллах добром». Однако его светлость Ишан ногу наставления на истинный путь /138a/ держал на ступеньке жизни, а его честь Маулана [Мухаммад Кази], кладя голову преданности на ту ступеньку, находился на самых высоких ступенях близости [к Ишану].

В обычае государей того времени было так, что каждый из них искал связи с одним из мюридов Ишана и, отправляя через его посредничество свои прошения, они поднимали внимание ума его светлости Ишана на самую высокую ступень. Например, с Маулана Касимом добивался связи Султан Абу Са'ид мирза, с Маулана Ходжа 'Али — Султан Ахмад мирза, и таким образом все султаны придерживались этой практики. Султан Махмуд хан установил связь с его светлостью Маулана [Мухаммадом Кази]. Этот ничтожный [Мирза Хайдар] слышал из красноречивых слов его светлости Маулана, который говорил: «Как-то я хвалил Султан Махмуд хана перед его светлостью Ишаном и между прочим рекомендовал его [Ишану]. Его светлость Ишан сказал: «Да. Султан Махмуд хан способный молодой человек, однако у него есть один недостаток, который препятствует его успехам. Взаимоотношения между покровителем и покровительствуемым должны быть такими, чтобы приказание покровителя покровительствуемому выполнял точно, а не действовал бы по своему разумению. Он должен быть как сокол — на что бы его ни пускали, хватит ли у него сил или не хватит, он хватается за то и не раздумывает о том, получится ли не получится (Приведено по Л₁ 104a; Л₂ 123a; Л₃ 1056). По этой причине хан не добился того успеха, которого от него ждали люди, как в начале этого краткого изложения /138b/ уже было упомянуто. Цель этого вступления показать, что благодаря этой связи [с Султан Махмудом] после смерти его светлости Ишана, «да освятит Аллах тайну его», его светлость Маулана [Кази] уехал в Ташкент. Славное прибытие его светлости Маулана [в **[288]** Ташкент] было встречено с радостью и преданностью, и он оставался там до разорения Ташкента, а после переселился в Бухару. В то время в Бухаре правил от имени Шахибек хана Махмуд Султан, брат Шахибек хана и отец 'Убайдаллах хана, который удостоился счастья свидеться с

Маулана Кази, и его тянуло к славной беседе с ним. Махмуд Султан вручил ему свою волю и занимался с ним одну зиму. От надежных людей его светлости Маулана [Мухаммада Кази] я слышал, что он говорил: «Согласно [поручению] <люди исповедуют веру своих государей>, когда Махмуд Султан вручил мне свою волю, среди дервишей началось такое увлечение занятиями, что больше такого удовольствия [в жизни] я не получал» Вот по этим причинам, о которых сказано, его светлость Маулана с того времени пребывал в Бухаре. Когда мой отец ушел в Хорасан и принял там мученическую смерть, о событиях, связанных с этим ничтожным, о которых было сказано и еще будет сказано, действительная помощь, оказанная его светлостью [Маулана Мухаммадом Кази] этому ничтожному, также имела место в Бухаре. До 916 (1510—1511) года [Мухаммад Кази] находился в Бухаре. Котла произошло завоевание кызылбашей, <да проклянет их Аллах>, о чем еще будет упомянуто, из Бухары он отправился в Андижан и Ахси, /139a/ решив поселиться в тех пределах. В благоденствии его славного приезда много людей в тех краях удостоились [вступить] на верный путь ордена ходжей Накшбанди, <да будет над ним милость Аллаха>, и достигли высоких степеней. Благоденствие от этого дела в том вилайате существует и сейчас. Люди, достигшие высших степеней мистического совершенства, занимаются наставлением людей на истинный путь. О этих счастливых людях будет сказано в жизнеописании его светлости Махдуми Нурана, <если пожелает всевышний Аллах>. В начале этой краткой истории было решено, что везде, где будет упомянут [эпитет] Махдуми Нуран, подразумевается, что это Его светлость [Шихабдин Махмуд]. Об остальной жизни его светлости Маулана [Кази] будет написано в своем месте, <если захочет всевышний Аллах>.

[289] ГЛАВА 17. ВОЗВРАЩЕНИЕ К ОКОНЧАНИЮ РАССКАЗА

До того, как мы приступили к описанию жизни его светлости Маулана [Кази], речь шла о том, что он поручил моему учителю Маулана Мухаммаду взять меня и бежать. Хотя у того до этого не было такого намерения, однако благодаря подобному мессии слову [Маулана Кази] он решился на это. Приступив к осуществлению этого решения, он наедине сказал мне: «Вы собираетесь ехать в Хорасан?» Я ответил: «Да, меня потребовали, надо ехать». Он сказал: «Стало известно, что Шахибек хан арестовал Мирзу [Мухаммад Хусайна], а после того, как Вы приедете туда, не известно, что он сделает с Вами». В таком духе он продолжал свою речь и, в конце концов, сказал: «Я хочу кое-что сказать Вам с условием, что Вы никому /139b/ не раскроете эту тайну». После этого он заставил меня скрепить это условие страшными клятвами и сказал: «Мирзу [Мухаммад Хусайна] в Хорасане предал мученической смерти, а Вас позвали и приказали, чтобы на дне реки Аму довести Вас до почетного места в раю. Если у Вас найдется кто-нибудь, кто взял бы Вас и бежал с Вами, то бегите». Байт:

Кого бы ни охватил страх смерти, молодого или старого,
Наводит он ужас на каждого

Я испугался и стал плакать, бесконечная тревога проложила дорогу к моему сердцу и всем своим существом мне захотелось бежать, что давало надежду на спасение жизни. Маулана Мухаммад сказал: «Итак, эту тайну надо держать в сердце и быть готовым к тому, чтобы как только я уведомя Вас, приступить к делу».

В городе Бухаре он отыскал одного знакомого и решил, что я спрячусь на несколько дней в укромном месте в его доме. Он известил об этом нескольких человек из приближенных моего отца, и было решено, что в ту ночь, когда мы захотим бежать, они возьмут лошадей [из дворцовой] конюшни и отправятся в какую-нибудь сторону, чтобы лазутчики подумали, что мы бежали на лошадях. Они будут сторожить дальние дороги и разыскивать нас в окрестностях, а не в городе. В ту самую ночь, когда мы укрылись в доме того знакомого, те люди увели лошадей из [дворцовых] [290] конюшен. План совпал с божественным предопределением. Все думали: «Они убежали на лошадях», и никто не искал нас в городе. Пятнадцать дней мы оставались в доме того доброго человека, которого звали Никпай. /140a/ По прошествии упомянутого времени, присоединившись к простым людям, к погонщикам ослов, мы прибыли в Хисар-и Шадман. На базаре Хисара один из мулазимов моего отца узнал Маулана Мухаммада. Боясь как бы он не пошел по нашему следу, мы быстро уехали из Хисара. По дороге я упал с осла, и локоть моей левой руки выскочил наружу. Из-за страха нам не удалось попасть в город и на базар, а в селениях костоправа не нашлось. В таком состоянии мы отправились, и в течение двух месяцев я терпел самые ужасные муки. В Пушанге, в одном из важных селений Хутталана, мы остановились на несколько дней в доме главы, которого звали Ходжа Хабибаллах. Это был очень доброжелательный человек; он проявил к нам большое внимание, разыскал и привел костоправа. Тот костоправ заново сломал, а затем соединил кости. Прошло уже два месяца, как моя рука находилась без движения, и от сильной боли по ночам я не спал, а в ту ночь я заснул.

Однажды, пришел (Добавлено по Л₂ 129а; Л₃ 106б) какой-то воин, поставил колчан в угол, сел, взглянул на присутствующих людей, затем вскочил и приблизился. С большим почтением он сказал: «Ходжа Маулана Мухаммад, Вы не узнаете меня? Я был бакавулом у Мирза Мухаммад Хусайна в такие-то дни и в такие-то времена, я хорошо служил Вам». Когда он таким образом напомнил о себе, [Маулана Мухаммад] был вынужден признать знакомство с ним. Маулана Мухаммад также заволновался, выразил радость и начал вспоминать разные случаи. Тот день и ночь они провели вместе в обстановке искренности. Когда настало

утро и время уходит ему, он встал посередине комнаты в почтительной позе и сказал: «Господин Маулана Мухаммад, да будет Вам милость Аллаха за Ваше благородное рвение и верность. Признательность за добро должна быть именно такой. Вы хорошо сделали, что бежали, взяв с собой сына Мирзы [Мухаммад Хусайна]. Если бы у меня была какая-нибудь возможность, то я непременно оказал бы Вам помощь, но так как у меня нет для этого средств, /1406/ то насколько смогу, окажу Вам услугу». [291] Сказав это, он ушел. Через некоторое время (Приведено по Л₁ 105а; Л₂ 129а; Л₃ 106б) пришел один из близких людей Ходжа Хабибаллаха, наклонился к уху Ходжи, и краска покинула лицо Ходжи, как сознание покидает голову. Он тотчас же освободил [комнату от людей] и сказал тому человеку: «Говори, что сказал Шайхам?» Тот человек ответил: «Шайхам сказал: «Скажи Ходжа Хабибаллаху, что этот человек [Маулана Мухаммад] бежал с сыном Мухаммад Хусайна мирзы. Этот мальчик приходится двоюродным братом Мирза хану и Бабур Падишаху. Ходжа приютил его у себя дома, чтобы выразить неповиновение Хамза Султану. Теперь я иду сообщить об этом наместнику Матлаб Султану, и все достояние Ходжа Хабибаллаха я вымету метлой разорения так, что пыль от этого поднимется к небу, и эта пыль будет сыпаться на него всю жизнь». Он сказал это и быстро ускакал». Этот Матлаб был сыном Хамза Султана; он был одноглазым — от темноты жестокости его внутренний глаз был более слепым, чем внешний, и все угнетенные тех владений в диване его правосудия ничего не читали, кроме мрачного письма. Листья дерева жизни людей постоянно трепетали от бурного ветра его ярости. Ходжа Хабибаллах опустил голову на грудь и некоторое время сидел задумавшись. Затем он сказал: «Никто мне не передавал вас на поруки, чтобы я был обязан выдать вас, когда от меня это потребуют. Из-за боязни, что меня накажут за эту поруку, поручителем которой я не был, отдавать этого несовершеннолетнего в руки смерти не дозволено и преступно, как в исламе, так и [с точки зрения] человечности. Вставайте и идите в любое место, которое считаете безопасным для себя. А если меня из-за вас накажут, то это будет для меня запасом [благоденствий] в будущей жизни». Помолвившись за него, мы расстались с ним и в тот же час уехали.

В то время в Бадахшане /141а/ объявился некий «Гаситель свеч» по имени Шах Разиаддин. Каждого, кто не был его последователем, убивали и считали это причиной своего спасения и воздаяния в мире будущем. Из-за него дороги были закрыты, и пройти в Бадахшан стало трудным. Разиаддин был одним из еретиков Кухистана, и рассказ о тех проклятых еретиках записан во всех исторических книгах. Большинство жителей [292] Бадахшана придерживались той секты. Они считали, что у мира нет начала и конца, не признавали воскрешения и оживления и говорили: «Быть привязанным к предписаниям шариата было обязательным для всех во времена пророка Мухаммада, а в настоящее время достаточно произносить [формулу] исповедания веры: «Калама-и тайиба» и следовать ее смыслу». Все остальные предписания утратили силу. Была дозволена половая близость с близкими родственниками, если даже все они дочери и сыновья одной матери. Кровь и имущество всех были дозволены для всех. Секта мулахидов — наихудшая из всех ересей мира. Во время завоеваний Шахибек хана, когда люди Бадахшана оставались сами по себе, как уже упоминалось, они отправили в Систан человека, и тот привез [в Бадахшан] этого Шах Разиаддина, который был потомком их старинных пиров и которым они ежегодно посылали свои подношения. До приезда его [в Бадахшан], как упоминалось раньше, сюда прибыл Мирза хан, убил Зубайра и стал государем. Несмотря на то, что люди [Зубайра] Раги (Приведено по Л₃ 107а; R 219) и большинство хазарейцев Бадахшана подчинились ему, [Разиаддин] имел здесь полную власть. Все жители Бадахшана, далеко или близко от него, видя его или не видя, искали с ним близости. Обо всем этом стало известно, когда мы достигли Дили Базара (Приведено по Л₃ 107б; R 219), одной из главных деревень Хутталана. Мы стали искать выхода [из этого положения]. Некоторые тамошние люди советовали; обратитесь за помощью и прибегните к защите Шах Никпайа, являющегося правителем тех растерявшихся людей (Приведено по Л₁ 105б). Он, хотя и подчиняется Хамза Султану, однако является доброжелателем Мирза хана и поддерживает связь также и с Шах Разиаддином, /141б/ и он сможет доставить вас к Мирза хану.

Маулана оставил меня в доме одного человека, отправился к Никпай шаху и доложил ему: «Я учитель Мирза хана, спасся от насилия узбеков и хочу добраться до подножия трона Мирза хана. Если в этом деле [с Вашей стороны] будет проявлено старание, это будет добрым поступком. Кроме того, я могу перед Мирза ханом обрисовать Ваше доброжелательство в лучших, красках». Шах Никпай встретил Маулана [293] Мухаммада с большим уважением и почтением. Он присоединил к нему пять человек своих доверенных людей, чтобы переправить нас через реку и доставить в Рустак, который хотя и был разрушен, являлся убежищем от нападения «Гасителя свеч». Те пять человек прибыли и во время послеполюденного намаза переправили нас через воды Аму, и мы отправились в Рустак. Когда факелы лучей солнца опустились в печь запада, а искры звезд рассыпались по темному небосводу, в сердцах тех пятерых людей вспыхнул огонь вражды, и они затеяли ссору. С нами были три бедняка, которые имели немного средств для торговли и в надежде на прибыль ехали в Кала-йи-Зафар¹. [Те пятеро] сказали им: «Надо уплатить пошлину — бадж», и они уплатили им то, что те потребовали. Затем они снова заявили: «Каждый из нас имеет отдельное требование», — это они тоже взяли. В конце концов они сказали: «Мы нападём на вас». Что же это за нападение — пять крепких мужчин против пятерых слабых бедняков? Они не дали нам времени опомниться и стали связывать каждого из нас, что предвещало убийство. Когда они схватили Маулана Мухаммада, он сказал им властно и твердо: «Вы не можете насильничать над нами, вы знаете, кто этот человек?» — и он указал на меня — «это брат Мирза хана, он убежал из Бухары и едет к Мирзе. Большой отряд разных слуг следует за ним, а несколько человек из них /142а/ остались у Шах Никпай шаха. Если мы не приедем в Кала-

йи Зафар, вы можете себе представить, что они с вами сделают?» Когда Маулана сказал это, те растерялись и на своем жаргоне сказали: «О ходжа, заведи свои вещи-улики». То, что мы отдали им, они вернули нам и ушли. Сколько мы ни старались, они больше не обращали на нас внимания и вернулись назад. А нам нельзя было возвращаться и, читая [стих Корана]: «И на Аллаха пусть полагаются полагающиеся»², мы отправились в путь. Мы шли до рассвета, а днем спрятались в одном месте. Следующую ночь мы гнали лошадей и утром достигли Рустака, где оказались в безопасности от нападения проклятых еретиков. На следующий день мы прибыли в Кала-йи Зафар.

Во время завоевания узбеков, о котором уже было написано, когда всякий из людей Бадахшана в каждом углу поднимал голову, и узбеки несколько раз приводили сюда войско и ничего не смогли сделать, [294] одним из военачальников Бадахшана был Мубарак Шах. Он выбрал для себя неприступное место, но до того, как оно было укреплено, на него напали узбеки. Мубарак Шах дал в том месте сражение, разбил узбеков, и поэтому ту крепость назвали Кала-йи Зафар («Крепость победы»). Другая причина [этого названия] в том, что имеется племя людей, которое называют «музаффарийан» («победители»), и Мубарак Шах — из тех людей. И это место — столица Бадахшана.

Мубарак Шаха убил Зубайр Раги и захватил власть, а Зубайра Раги убил Мирза хан, как об этом уже было написано раньше. Мирза хан с тех пор находился в Кала-йи Зафар. Большинство хазарейцев верхнего Бадахшана подчинил Мирза Аба Бакр, а нижний Бадахшан, расположенный на равнине, узбеки присоединили к вилайату, находившемуся под их властью, а то, что оставалось между ними, лучшую часть вилайата, захватил Разиаддин, «Гаситель свеч», с еретиками Бадахшана. Мирза хан проводил жизнь в ущельях, испытывая трудности. /1426/ В это время я прибыл к нему, и он встретил меня с любовью и состраданием. За восемнадцать дней до моего приезда сюда приезжал Султан Са'ид хан и уехал, о чем вскоре будет рассказано. Целый год я оставался при Мирза хане. Об остальных делах будет рассказано после описания приезда [Са'ид] хана в Кабул.

ГЛАВА 18. ПРИЕЗД СУЛТАН СА'ИД ХАНА В АНДИЖАН, ПЛЕНЕНИЕ ЕГО ШАХИБЕК ХАНОМ (Добавлено по Л₁ 1066), ОСВОБОЖДЕНИЕ [ИЗ ПЛЕНА] И УХОД [СА'ИД ХАНА] В КАБУЛ К БАБУР ПАДИШАХУ

При описании жизни [Са'ид] хана раньше отмечалось, что поскольку он долгое время находился при Шахибек хане, то хорошо был знаком с характером его и его людей и знал, что на этот раз они не оставят [в живых] могольских султанов. Теперь не будет так, как один раз Шахибек хан схватил подол Султан Махмуд хана и отпустил, оправдав себя этим перед народом, поэтому каждого, кто стремился к Шахибек хану, Са'ид хан удерживал от этого многочисленными уговорами. Однако дела в Моголистане приняли такой оборот, что для него не осталось другого средства, как [295] пойти к узбекам, и эти дела уже были описаны. Когда по упомянутым обстоятельствам [Султан Са'ид хан] был вынужден прибыть в Андижан, правление и власть в Фергане были в руках Джанибек султана. Джанибек Султан отдал Андижан человеку по имени Ходжа 'Али бахадур, потому что он был одним из доверенных людей Шахибек хана и стал при нем аталиком. Он был сумасбродным, однако в военном деле, в управлении Государством был очень знающим человеком. Когда [Султан Са'ид] хан дошел до Сулат-канда, который подчиняется Андижану, перед тем, как назвать свое имя и происхождение, он спросил, что сделали с Султан Махмуд ханом и куда отослали Султан Халил султана. Жители того селения сообщили, что Султан Махмуд хана и всех могольских хаканов, которые приехали сюда, отправили в город небытия /143а/ через ворота мученической смерти. Нить надежды у хана, которая [и до этого] «была слаба, как паутина (Приведено по Л₂ 1316; Л₃ 1886), окончательно оборвалась. Видя и зная это, он не раскаивался в том, что приехал сюда, потому что другого выхода у него не было. Ходжа 'Али бахадур послал человека и забрал у него все, что было, а самого хана заключил под арест в хужру, находившуюся над воротами андижанской крепости. На следующий день, когда меченосец турка Востока выгнал саблю из ножен небосвода, и блеск его сияния озарил мир, светлый мир потемнел в глазах хана — известив [Султан Са'ид] хана, Ходжа 'Али бахадур отправил его в Ахси к Джанибек султану. Но сам Ходжа 'Али бахадур приуныл и опечалился, он сожалел об этом и раскаивался, однако, опасаясь приказа Шахибек хана, не мог даже подумать о спасении хана.

Перед тем, как отправить хана, он послал гонца [к Джанибек султану]. В те дни Джанибек султан упал с лошади, стукнулся головой о землю, и ум его после этого расстроился. Часто его действия и слова не соответствовали здравому рассудку. Поводья, удерживающие равновесие, выскользнули из рук его разума. Когда прибыло сообщение [о Са'ид хане], в тот день его мозг случайно охватило желание действовать согласно исламу и поступать по закону шариата, и это обстоятельство Всевышний Аллах сделал причиной спасения хана. [Джанибек] сказал: «Я не палач, чтобы [296] стараться пролить чью-то кровь». Он приказал, чтобы написали указ на имя Ходжа 'Али бахадур: «Могольского султана, который приехал сюда, мне никто не отдавал на поруки и не было решения по шариату, чтобы пролить его кровь. <С получением этого письма (Добавлено по Л₂ 1316; Л₃ 109а) пусть его отпустят на просторы покоя и безопасности, и пусть он идет, куда захочет». Хан много раз рассказывал этому ничтожному об этих событиях. Он говорил: «Мне давно было известно, что узбеки ни в коем случае не оставят могольских султанов в живых, поэтому я готов был к этому еще /1346/ при моем первом отправлении в Андижан. Когда я достиг Андижана, некоторые

благочестивые люди стали писать для меня и присылать мне свои моления за меня, а я отвечал им, что одно из условий для молитвы — это не воздавать ее за неосуществимое дело, а мое спасение — из числа невозможностей, и молитва за это исключается. Они отвечали: «Если эти моления и не спасут Вас от этих страшных событий, то, по крайней мере, на том свете принесут Вам награду». Для вознаграждения [на том свете] я читал некоторые из тех молений, которые люди присылали для меня, и по всякому представлял себе свое спасение, и никак оно не рисовалось на доске моего воображения. Например, я представлял, допустим, что Шахибек хан умер, однако какая польза для моего спасения в том, что он умирает в Хорасане в то время, когда меня убивают в Ахси; а если сейчас умрет Джанибек султан, то с его смертью дела у узбеков не расстроятся [настолько], чтобы от этого расстройтва я бы мог спастись. Никакой возможности для моего спасения я не видел. Когда мы приблизились к Ахси, навстречу нам скакал какой-то человек. Мне стало ясно, что этот человек едет известить о способе моей казни. Когда он приблизился, оказалось, что это — Маулана Хайдар Харсавар (Приведено по Л₂ 132а), один из уважаемых людей Андижана. Он спрыгнул с коня, поцеловал мое стремя и с безграничной радостью и веселостью сказал: «Да будут приятные вести! Вышел приказ Джанибек султана о Вашем освобождении. Отмеченный счастьем указ несет следом Дуст 'Али Чулак». У меня промелькнула мысль, что он говорит это, чтобы успокоить меня. Я сказал: «Да воздаст тебе Господь [297] добром! Я уже перестал думать о жизни и для меня нет необходимости в таких утешениях». Пока Маулана Хайдар подтверждал истинность своих слов верой и прославлением Бога /144а/ и подкреплял их внушительными и сильными клятвами, прибыл Дуст 'Али Чулак и передал приказ моей страже, чтобы она возвращалась, привела меня к Ходжа 'Али бахадру и действовала согласно привезенному мною указу. В одном фарсах от Ахси они повернули назад и увезли меня в Андижан. Когда <указ обо мне (Приведено по Л₃ 1096 (в Т — неясно)) отдал Ходжа 'Али бахадру, он принес его, отдал мне в руки, и я прочел его. Содержание его было то же самое, о чем говорил Маулана Хайдар. Ходжа 'Али бахадур сказал: «Мне этого довода достаточно. И если [Джанибек] не остановится на этом решении и в силу изменчивости его нрава последует указ, отменяющий [настоящий], сейчас надо радоваться и пить из бокалов, веселить душу и отдохнуть в наслаждении. И сколько я ни убеждал его в том, что осквернять сейчас чашу вина мученической смерти бокалами веселья есть проявление безнравственности и кощунства, пользы не было, и я вынужден был поступать так же, как Ходжа 'Али бахадур. Бокалы веселья пошли по кругу, как круг самого бокала. Алое вино заставило цвести подобно красной розе и весеннему тюльпану румянец лица, который от желтизны желчного приказа Шахибек хана приобрел цвет шафрана.

Тот день прошел в непрерывном питье вина, и когда свеча ночного пиршества осветила как день площадь собрания, прибыл йасавул Джанибек султана по имени Аллахберди и дал в руки Ходжа 'Али бахадра приказ, возвещающий несчастье. Ходжа 'Али бахадур отдал приказ мне в руки: «Читай письмо». Там было написано: «Без предварительного обдумывания был издан указ об освобождении Султан Са'ид хана, теперь [стало ясно, что] освобождение его противоречит ханскому (В Л₂ 132б; Л₃ 1096 — Джанибек султана) указу. Следует присоединить его к ранее ушедшим, которые больше не вернуться, <или же по прежнему порядку ты отправишь могола в столицу, а там его (Добавлено по Л₂ 132б; Л₃ 1096) навряд ли отошлют в мир вечного покоя через виселицу». /144б/ Когда я прочел этот, с дурным предзнаменованием, указ, розовый цвет [моего лица] от [298] пурпурного вина сменился желтым цветом страха. Ходжа 'Али бахадур все понял и сказал: «Что еще осталось, чтобы смущать веселье и напрасно тревожиться? Читай указ». Я прочел. Ходжа Али бахадур разгневался и сказал: «Мозг его расстроился от порчи, и что можно ждать от такого мозга? Во всяком случае, если он задумает добро, оно непременно окажется чистым злом, а если он задумает зло — то сохрани нас Аллах от этого! Человек, который спасся от острия меча и от виселицы, исчезает подобно ртути и улетучивается, как камфора. Где я найду его?» Йасавул учтиво поцеловал землю и сказал: «Бахадур! Сворачивать с прямого пути доброжелательства и грешить ложью — худшее из качеств человека и не является добрым делом. Султан, который, как Вы говорите, исчез, подобно ртути, находится при Вас, как я это вижу». Ходжа 'Али бахадур вспыхнул как огонь и сказал: «Моя достойная служба и неподдельное мужество, проявленные ради Джанибек султана, разве оканчиваются этим унижением, когда подобный тебе новоявленный Чагатай, у которого подол службы все еще настолько запачкан, что никакая вода прощения не сможет отмыть его, обвиняет меня во лжи и наставляет на путь доброжелательности к этой династии! Во всех делах я могу держать ответ перед султаном». Он приказал, чтобы сделали в бревне дыру, положили его на шею [Аллахберди йасавула] и держали (Приведено по Л₁ 107б, Л₂ 133а; Л₃ 110а) [йасавула] во дворе на конюшне. Позже, когда одежда царствования в Андижане украсилась станом правления хана [Султан Са'ида], этого Аллахберди йасавула схватили и привезли к хану и напомнили о его дурном поступке. /145а/ Хан сказал: «Ходжа 'Али бахадур в ту же ночь отомстил за нас и нашу память очистил от обиды. Теперь пусть он приступит к той же службе йасавула». Он дал ему среднюю ступень йасавульства, что было для него высшей должностью.

О боже! Ты такой владыка, что от лучей твоего великодушия появился свет у мира изначального и, конечно, у человека. Все это благородство проявлено самым ничтожным из твоих рабов. Этот раб [Султан Са'ид], простивший того грешника, ничтожен в сравнении с твоим владычеством над тем рабом [йасавулом], который явился местом проявления великодушия [299] «Если со стороны того раба [Султан Са'ида] будут допущены ошибки, твое прощение их не будет удивительно, так как раб [Султан Са'ид] своим снисхождением простил такую большую вину. Что стоит величина вины того раба [Султан Са'ида] перед

твоим великодушием, могуществом и величием твоей милости? Он простил твоему рабу [йасавулу], и ты прости своего раба [Султан Са'ида] <Аминь! О, владыка обоих миров>.

Ту ночь до наступления дня [Ходжа 'Али бахадур я хан] провели в беседе, а на следующий день [Ходжа 'Али бахадур] отправил хана в сопровождении нескольких людей по дороге Каратегина. Они прошли один день. Сопровождающие люди потеряли правильную дорогу, и все вернулись. Об этом сообщили Ходжа 'Али 'бахадру. Он сильно поругал тех людей и подверг их наказанию. Несколько дней он держал хана при себе. Он нашел хороших надежных людей — первым из них был Маулана Халики — человек, обладающий достоинствами и стремящийся к знаниям. Он искусно писал насталиком, хорошо слагал стихи и в музыке был мастер. Другой — Ходжа Салих. Он был в Андижанском вилайате опорой купцов и по всем дорогам был знаком со всеми людьми. Для этих людей упомянутый Ходжа был надежным человеком в делах. Другой — Маулана Йусуф Кашгари, мухтасиб в Андижане, в делах он был человеком знающим. /1456/ Другой — Гадайберди (В Л₂ 134а; Л₃ 110б; R 226 — Гадайпири). Это был человек веселого нрава и знаток музыки. Другой был Амир Ахмад из тюрков Андижана. Он много путешествовал, хорошо знал все дороги и тропы. Другой был Джалал — до предела услужливый человек. Сделав этих нескольких человек спутниками хана, Ходжа 'Али бахадур отправил его во второй раз. Ходжа Салих и Маулана Йусуф ехали под видом купцов; Маулана Халики, Дарвишберди (В Л₂ 134а; Л₃ 110б; R 226 — Дарвишпири) и хан — в одежде студентов, ходили на Каландаров, а Мир Ахмад и Джалал — под видом слуг купцов. В таком виде они отправились и в полной безопасности, благополучно добрались до Кала-йи Зафар.

В Кала-йи Зафар сидел Мирза хан при таких обстоятельствах, о которых сказано выше. Мирза хан сделал для них все, что мог. Они пробыли в Кала-йи [300] Зафар восемнадцать дней. Так как Мирза хан был человеком слабым, несколько людей из его окружения в беседах между собой испивали чашу отчаяния, и они положили на блюдо прощения власть в Кала-йи Зафар, который не равнялся [по величине] и половине лепешки, и предложили ее широкому, как море, вниманию хана. [Са'ид] хан не обратил на это внимания и сказал: «Мирза хан — сын моего дяди. Из-за превратностей судьбы он подвергся сотням трудностей и выступать против него и отнимать у него это владение не дозволено в религии великодушия и запрещено в вере благородства». По этой причине [хан] быстро совершил переход и ушел в Кабул. После его ухода из Кала-йи Зафар через восемнадцать дней я также прибыл к Мирза хану, как было уже упомянуто ранее.

Когда хан достиг Кабула, [Бабур] Падишах встретил его с уважением и почестями. Хан не раз говорил: «В те дни, когда я был в Кабуле, время для меня проходило так беззаботно, как /146а/ никогда не бывало раньше и больше никогда не будет, так как управлением делами царства, что является самым трудным делом, занимался [Бабур] Падишах. Царствование доставляет разнообразные удовольствия благодаря свободе действий и дружбе людей, проявляющейся в услужении царствующей особе. Вершители дел государства не могут избежать общения как с другом, так и с недругом, как с хорошим, так и с плохим, а у меня в те дни была такая свобода действий, что я водился только с теми, кто мне нравился, и больше никто меня не беспокоил — это великое удовольствие! Таким же образом все, что было угодно моей душе и моему уму, непременно осуществлялось без труда. Все, что было необходимо для жизни, [Бабур] Падишах имел в достатке и в таком количестве, что хватало на все и даже с избытком. В течение двух с половиной лет моя жизнь текла так беззаботно, что никогда даже пылинка печали не касалась моего сердца, и единственная мысль, занимавшая в то время мой ум, была лишь о том, где сегодня соберется общество и какие будут удовольствия. В те дни ни от чего у меня не болела голова, разве что от хмеля, и я не испытывал никакого смутения, разве что из-за локона возлюбленной. Постоянно от силы любви воротник <моего терпения (Добавлено по Л₁ 108б; Л₂ 134б; Л₃ 111а) был разорван, а от стремления к рубинам тюльпаноликих — грудь растерзана.

[301] Птица души моей, подобно диким животным, убегала от всех, кроме газелеоких, и находила покой в силке их локонов. Если я испивал чашу вина, то при этом мечтал о ее рубинах, с цветом вина. Если же я ел кусок кебаба, то как будто я доставал этот шашлык из огня любви к ним. Байт:

Если я выпью вина — опьянение в моей голове от тебя,
Если я пойду на луг, колючка в моем сердце — это ты

Особенно был один из сыновей могольских эмиров, рожденный пери, подобный гурии, со стройным станом, с грациозной поступью, с лицом, как тюльпан, со станом, как цветок, мучитель /146б/ по имени Бек Мухаммад.

Байт:

Что бы ни начертало на странице мысли перо воображения,
Приятный образ твой красивее того

Возможно поэт в отношении его сказал? — [стихи]:

Кипарис имел бы сходство с твоим приятным станом,
Если бы у него было лицо — роза и рот — бутон

Возможно вся эта красота (Приведено по Л₁ 1086; Л₂ 1346; Л₃ 111а) достигла предела в его грациозной особе и до того, как достигнуть совершеннолетия в эту пору незрелости, она довела до совершенства жестокосердие.

Байт:

Все, что говорят о красоте и изяществе — ты имеешь все,
Однако нужно было бы иметь на том лице и родинку
Верности

Его брат и родственники — все находились при мне, и услужение мне они считали для себя самым заветным желанием в противоположность ему, который, проявляя дружбу ко мне, вместе с тем избегал меня и никогда не боялся огорчать меня.

Байт:

До каких пор, о игривое несчастье мое, ты будешь
приносить огорчения.
Если все [захотят] стать твоими друзьями, то ты будешь
избегать всех их?

[302] Мне редко удавалось схватить подол свидания с ним, а если иногда и удавалось, то он так взмахивал руками кокетства и каприза, что подол свидания с ним выскальзывал из моих рук, и даже поводя терпения и покоя уходило из рук ума и рассудка.

Байт:

Прошел ты, жеманничая, и ударил меня мечом вражды,
Одел ты платье кокетства и махнул на меня рукавом

Так как от требования свидания с ним постоянно поднималась пыль ссоры и обиды — байт:

Джами проявлял старание в знакомстве и в дружбе,
Однако натура возлюбленной склонилась к отчужденности,

и я поневоле убирал ногу под подол уединения в келье разлуки и вкушал горечь яда терпения. Байт:

О глаза мои, послушайте моего совета, не глядите
на то лицо,
Я привык к разлуке и больше меня не приучайте к дурному

И для своего успокоения ночью я ходил около его двора. Байт:

Ночью я отправляюсь на крышу [дома] той луны,
приложу ухо к дымовому отверстию,
Подниму стекло, а вместо него приложу ясное око

А дни я проводил в прогулках по саду и в созерцании
цветов. [Стих]:

И на равнине луга, и на лужайке сада не раскроется
Сердце, которое, подобно бутону, сжато из-за одной
розоликой /147а/

Если я видел травку, то вспоминал его нежный пушок [над губой] и лил слезы, подобно весенней тучке.
Стихи:

Я отправился в сад, но не было там моего грациозно
выступающего кипариса,
И не было там моего свежего улыбающегося бутона,
Подобно туче ранней весны я лил слезы повсюду,
Потому что не было перед моими плачущими глазами
того кипариса.

[303] Если я видел родник, он напоминал мне чистую воду свидания с ним, и я был готов выпить его залпом.

Стихи:

О ты, перед которой Хизр спрятался в устах возлюбленной,
Родник живой воды — вот, что спряталось там от тебя,
Когда вокруг пушка ее показалось облако весеннее,
Засверкала молния и загремел гром от стонов моих
и друзей — это из за тебя

Если кипарис и роза возникали перед моим взором от напоминания о его стане и лице я исторгал стон.
Рубай:

Когда я хожу по саду, вспоминаются твои дорожки,
Взгляну на розу — встает передо мной твое лицо,
В тени кипариса, если присяду на миг,
Вспоминается подобный кипарису твой пленительный стан

Вывод из этих слов таков: согласно правилам любви, обычаю влюбленного и привычке возлюбленной— мисра:

Начало любви — страдание, а конец — смерть.

Где же предел влюбленности? Ведь нет конца [у его чувств] к возлюбленной, чтобы несчастный влюбленный, приложив крайнее старание, достиг бы желаемого. Стихи:

Цель от любви к тебе — вкушать горести и печали,
А если не так, то под небом немало предметов
удовольствия!
В мечтах о тебе подышу я с тобой несколько мгновений,
Итог драгоценной жизни — эти самые несколько мгновений,
Что удивительного в том, что мой стан согнулся
от печали из-за любви к тебе,
Когда от тяжести любви даже стан небес согнут

Поскольку удлинение этой речи не вмещается в листы этого краткого повествования, которое представляет собой описание удивительных событий времен вращения непостоянного неба,— байт:

Прочел я повесть о влюбленных, но не нашел там ничего,
Кроме пленительницы сердца и преданности [влюбленного]
сердца,

поэтому мы возвращаемся к довершению повести.

Итак, хан пребывал в Кабуле и был близким другом и собеседником [Бабур] Падишаха. Между этими двумя благородными особами /1476/ существовала дружба, согласие, любовь и доверие в самой высшей степени. Славное прибытие хана в Кабул произошло в ша'банае [304] 914 (ноябрь — декабрь 1508) года, и он оставался в Кабуле до рамазана 916 (Приведено по Л₂ 135б; Л₃ 112б) (декабрь 1510) года, когда Шахибек хан был убит Шах Исма'илом, как будет описано дальше.

ГЛАВА 19. КРАТКО О ЖИЗНИ МИРЗА ХАНА В БАДАХШАНЕ И УХОД СЕГО ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ ЭТОГО РАССКАЗА ИЗ БАДАХШАНА В КАБУЛ

До того, как было рассказано о событиях, [касающихся Са'ид] хана, было написано, что через восемнадцать дней после проследования хана в Кабул, я прибыл [в Кала-йи Зафар].

Жизнь Мирза хана в той крепости была очень стесненной из-за отсутствия средств и замышляющих дурное людей Бадахшана. Танги Бала — самое укрепленное место у хазарейцев, отошло к Кашгару, как это будет описано дальше, а равнины Бадахшана, являющиеся местом земледелия и житницей Бадахшана, отошли к дивану узбеков, а то, что осталось, из страха перед теми [узбеками и кашгарцами] пришло в упадок. А [в те места], которые остались от этих двух — от барса горы насилия и акулы моря гнета, то есть от узбеков и кашгарцев, — <люди Бадахшана (Приведено по Л₂ 135б; Л₃ 112б) привели некоего «Гасителя света» («Чирак-куш») по имени Шах Разиаддин и возвели его на царство. Он открыто объявил религией ересь и овладел большей частью того, что осталось от тех двух тиранов, а Мирза хан, угнетенный мусульманин, оказался посередине. У него не было источника средств для жизни, достаточного хотя бы на самое малое. Кое-как прошла та зима. Примерно ранней весной среди приверженцев Шах Разиаддина произошли

разногласия, и дошло до такой крайности, что они отрезали ему голову и принесли ее Мирза хану. В общем с расколом еретиков [Мирза хан] немного обрел силы. Та весна прошла. Был конец тирмаха¹ — июня, — когда от Бабур Падишаха к Мирза хану прибыло предписание. Содержание его таково: «Сын мужа сестры [моей матери], то есть Мухаммад Хусайна мирзы, находится у тебя. Так как твои границы примыкают к пределам узбеков и постоянный страх и опасения от угрозы с их стороны уносят мое спокойствие, то [305] пребывание его там явно невозможно. Его следует /148a/ отправить к нам».

Когда Мирза хан отправлял меня в Кабул, он после многих стараний смог выдать мне только одно нарядное платье и отпустил меня.

В те дни произошла удивительно счастливая случайность. Как ранее уже было описано, в лангаре Мир Имада, подвластного Хисару, я упал, и локоть выскочил наружу. В Пушанге, где руку заново сломали, потом встали, боль хотя и успокоилась, однако кривизна не выпрямилась, и моя рука не сгибалась настолько, чтобы достать лицо, и не выпрямлялась настолько, чтобы я мог взять в руки лук. В ту весну, когда я был у Мирзы хана, один бадахшанец украл у узбеков двухлетнего коня, подарил его Мирза хану, а тот отдал его мне. Однажды Мирза отправился на прогулку верхом на лошади, и я тоже сопровождал его верхом на том самом коне. Во время пути какая-то колючка впиалась в его щекотное место. Он несколько раз подпрыгнул, моих сил не хватило удержать поводья, и удерживающие поводья выскользнули из руки твердости. Я упал на землю на ту самую раненую руку и услышал, как хрустнул сломанный локоть. Это привело к тому, что я потерял сознание. Через некоторое время, когда я пришел в себя, то увидел, что Мирза хан, положив мою голову на свои колени, спрашивает о моем состоянии. Когда я [окончательно] пришел в себя, мне подвесили руку и увезли в Кала-йи Зафар. Привели костоправов. Когда они рассматривали мою руку, она была искривлена, а через некоторое время рука вернулась к прежнему нормальному состоянию и никакого повреждения не осталось. И это было одним из удивительных дел.

Итак, в начале месяца раджаб, расставшись с Мирза ханом, я отправился из Кала-йи Зафар в Кабул. Меня сопровождали шестнадцать человек. У нас было две лошади и больше /148b/ никаких вещей не было. Не было даже и такого количества вещей, чтобы ночью облокотиться на них. У Маулана Мухаммада, который был для нас за отца, не было других вещей, кроме единственной шали, которую носят самые бедные люди Бадахшана. Об остальном великолепии можно судить из этого.

Когда мы достигли Кабула, нас встретил Ширим Тагай, который одинаково приходился дядей по [306] материнской линии [Бабур] Падишаху и мне. Он был «умдаг ал-мулк» — «опорой государства» — Падишаха. С большим почетом и уважением он поместил нас в своем доме и проявлял ко мне величайшее почтение и человечность. Затем [Бабур] Падишах прислал человека [с сообщением], что через три дня наступит счастливый час, а когда этот счастливый час настанет, то он пошлет за мной. После того, как луна удача и светило счастья снова вернулись из затмения в созвездие благополучия и счастья, прибыл приказ: «Пусть он удостоится чести услужения». Когда я прибыл в услужение к Падишаху и его взгляд, несущий счастье, обратился на меня, от избытка любви и предельного сострадания он стал рассыпать из глаз своих, видящих счастье и дарящих жемчуг, рассыпанные жемчужины, подобные нанизанным на нить перлам. Он благосклонно обратился в мою сторону и протянул мне навстречу руку милости. После того, как я, преклонив колени, пошел к нему навстречу, он заключил меня в объятия сострадания и прижал к груди с отцовской любовью. Некоторое время он держал меня в таком положении, не позволил больше мне совершать церемонию поклона и посадил меня рядом с собой. Некоторое время от крайней чувствительности своего сердца, в той же упомянутой манере он рассыпал [из глаз] жемчуг. Одновременно он говорил: «Ты, пережив горечь мученической смерти бека — мужа моей тетки, хана — моего наставника, братьев и родственников, слава Аллаху, прибыл ко мне невредимым. Теперь совершенно не надо печалиться о разлуке с ними, потому что я являюсь наилучшей заменой им. И все, что можно было ожидать от их любви и сострадания к тебе, я дам тебе в большей мере, чем они». И он отнесся ко мне с такой любовью /149a/ и одарил меня такими милостями, что вся печаль сиротства и бедствия скитаний целиком ушли из моего сердца. Он спросил: «Кто позаботился о тебе и помог бежать?» Я сказал: «Мой учитель Маулана Мухаммад Садр». Он приказал. «Позовите его!» Когда его счастливый взгляд упал на Маулана Мухаммада, он воскликнул: «Этот Маулана Садр? Да, от него это можно было ждать». Он узнал его, удостоил большою внимания и снова расспросил о деталях происшествия, и Маулана Мухаммад повторил [рассказ]. Все выразили восторг. [Падишах] беспредельно осчастливил его, уверив в своей благосклонности. Потом Падишах [307] взглянул на меня и сказал: «Ты еще не навестил Султан Са'ид хана», — и приказал одному из близких ему людей: «Доставь его в распоряжение Султана». Я отправился с этим человеком, засвидетельствовал свое почтение хану и, обретя счастье от его взгляда, вернулся обратно к Падишаху. После того, как я посидел немного с Падишахом, его царская милость разрешила мне отправиться к месту моего пребывания. Когда я вышел из помещения, какой-то человек решительно выступил мне навстречу, выражая величайшую почтительность, и сказал: «Меня определили заботиться о Вас в том доме, который Падишах назначил для Вас», Он пошел вперед и привел меня в один, очень красивый дом. В комнатах были растелены ковры и заботливо разложены подушки. В том доме было столько собрано и приготовлено вещей для отдыха — съестных припасов, одежды, слуг и вольноотпущенников, что могло хватить на все. Каким языком можно выразить благодарность за то, когда после таких трудностей и бедствий, из-за которых можно было задохнуться, а душа находилась в тисках, [человек] оказывается на таком просторе, где уготованы разнообразные блага и покой. Да воздаст ему Аллах добром!

Таким образом /1496/ много времени <я провел в Кабуле (Приведено по Л₂ 137а, Л₃ 114а) в спокойствии и благополучии на службе у Падишаха. Он постоянно добром и лаской, обещанием милости или строгим предупреждением побуждал меня приобретать знания. Если он замечал, что я приобрел немного знаний, он старался умножить свои милости, всем говорил об этом и требовал одобрения. В то время он относился ко мне с такой любовью и состраданием, какие могут проявлять только нежные родители по отношению к своим родным детям. Благодаря милости Падишаха я никогда не вспоминал то тяжелое время, которое было наполнено днями горечи и несчастья.

С того времени до 918 (1512—1513) года я находился в услужении у Падишаха. И если он выезжал на коне, то удостаивал меня чести сопровождать его, если же он устраивал собрания, то обязательно делал меня своим собеседником. Одним словом, при всех обстоятельствах он не разлучался со мной, за исключением моих занятий, а когда я освобождался от уроков, за [308] мной приходил человек, и таким образом он постоянно проявлял отеческую заботу обо мне.

ГЛАВА 20. УПОМИНАНИЕ О ПОХОДЕ ШАХИБЕК ХАНА ПРОТИВ КАЗАХОВ И О РАССТРОЙСТВЕ ЕГО ДЕЛА

Когда Шахибек хан, наполнив чаши жизни ханов <и моего отца (Добавлено по Л₁ 110б, Л₂ 137а, Л₃ 114а) вином мученической смерти, заставил их испить его и даже выпить залпом, то, как говорят: «Вино, которым ты поишь других, выпьешь и сам», чаша его жизни тоже наполнилась, счастье отвернулось от него, кубок его благополучия опрокинулся и остаток того [вина], которым он напоил их, залпом выпил сам. Стихи:

О свет моих очей, слушай, [к тебе] есть слово
Пей, пока чаша твоя полна вином, и пои других

Подробности этого таковы: когда он успокоил свою душу насчет дел ханов и моего отца, то погнал коня могущества во все стороны, пускал стрелы наказания повсюду и как хотел, так и поступал. /150а/
Зимой 915 (ноябрь 1509—февраль 1510) года он пошел на казахов. Хотя в то время их ханом был Бурундук хан, однако [фактически] правил Касим хан. Несмотря на свое величие, у Шахибек хана не было силы противостоять ему. Численность войска [Шахибек хана] в то время превышала двести тысяч. Поскольку наступила зима, то все [его воины] из-за фуража для животных пребывали в разных местах. В разгар зимы Шахибек хан то уходил, то возвращался, совершая волчьи набеги. Это он делал для того, чтобы противник не мог приближаться к его владениям. Последний раз он устроил набег в упомянутом выше году, когда у коней его войска силы совершенно иссякли. Оставшись сам около Кук Кашане¹, он выделил группу воинов с конями, у которых еще остались силы, и отправил их вперед. На них напали несколько человек, взяли их в плен и увели как добычу.

Однажды, выпасая лошадей, [воины Шахибека] получили известие о том, что поблизости находится Касим хан, и испугались. Один из эмиров Касим хана Буйун Пир Хасан, услышав о набеге Шайбана, двинулся, со своими людьми против той группы и пустил слух, что прибыл Касим хан и показался им издали со своим [309] войском. Воины Шахибек хана, подумав, что, возможно, подошел сам Касим хан и побросав все, что захватили, опустошенные добрались до Шахибек хана с вестью о прибытии Касим хана. Шахибек хан тут же ударил в барабан ухода и не пытался получить другие вести. Кто не смог, отстал, кто смог, ушел, и таким образом, разбитые и разрозненные, они в конце зимы добрались до Самарканда. Сам [Шахибек хан] направился в Хорасан и провел там весну, а в начале месяца тир 916 (третья декада июня 1510) года он повел войско на хазаре, но сколько бы он ни искал их в горах Хазаре, не нашел и следа от них, так как хазаре [скрывались] в местах, обнаружить которые было невозможно. При возвращении им пришлось идти по краю ущелья, по дну которого протекала река Тилман². Дорог для спуска в ущелье было мало и те очень узкие. Спуститься и доставить воду такому многочисленному войску /150б/ по одной или двум тропкам было очень трудно. Так шли они несколько дней и из-за недостатка воды лишились сил. Погибло много лошадей. Это войско также потерпело неудачу и вернулось в Хорасан. Поскольку была зима и войско постигло тяжкое испытание, [Шахибек] разрешил всем воинам разойтись по своим домам. Они рассеялись [по территории] от окраин Туркестана до пределов Ирака и Кермана. Тем временем пришло известие о выступлении шаха Исма'ила на Хорасан. Так как войско было распушено, то [Шахибек хан] счел нецелесообразным оставаться в Герате. Он разослал гонцов в разные стороны для сбора войска и приказал, чтобы султаны и эмиры собрались в Мерве, и сам направился туда же. Когда он прибыл в Мерв, следом за ним подоспел и шах Исма'ил, о чем вскоре будет изложено, <если будет угодно Аллаху>.

ГЛАВА 21. НАЧАЛО РАСПРЕЙ МЕЖДУ ШАХ ИСМА'ИЛОМ И ШАХИБЕК ХАНОМ И ГИБЕЛЬ ПОСЛЕДНЕГО

В начале книги при упоминании падишахов было написано о государях, которые правили в 915 (1509—1510) году в каждой стране. В том числе [было сказано], что шах Исма'ил укрепил свою власть в Ираке, искоренил установления шариата в <городах Ирака и совершал поголовные избиения людей. Изложение его злодеяний не умещается в этом кратком [повествовании]. Когда границы владений Шахибек хана

приблизились к Ираку, то узбеки стали совершать набеги на [310] большинство пограничных с Хорасаном [районов]. Шах Исма'ил послал человека к Шахибек хану с дорогими дарами и письмом, в котором писал: «Прежде никогда прах раздора не покрывал умы двух сторон, чтобы от этого поднялась пыль вражды. Если та сторона будет придерживаться отцовских отношений, то эта сторона не преступит границ сыновней привязанности. Стих:

Сажай дерево дружбы, оно даст плод, желанный сердцу,
Вырви побег вражды, которая приносит бесчисленные
Огорчения

Когда посланник [шаха Исма'ила] уезжал из ханской ставки, [Шахибек хан] отправил с ним такой ответ: «Надлежит, чтобы каждый занялся делом своего отца, а не следовал за матерью, ибо в тот день, когда Узун Хасан¹ отдал свою дочь, а Султан Иа'куб /151a/ сын [Узун] Хасана свою сестру замуж за твоего отца, то она перестала принадлежать к кругу царей эпохи. Ты мог претендовать на царство с материнской стороны до той поры, пока у матери времени не появился султан сын султана подобный мне, как говорится в пословице. <«Пусть сын делает дело отца, а [дело] матери — есть дело дочери» (Добавлено по Л₂ 1376, Л₃ 1156). Стихи:

Дела страны и царства знают цари,
О, Хафиз, ты нищий, сидящий в углу, не кричи.

В подарок он отправил посох и нищенскую суму, говоря этим: «Если ты забыл о ремесле своего отца, то этим я напоминаю тебе о нем». Стихи:

Послушай совет, о друг, больше жизни своей любят
Совет мудрого старца счастливые юноши

Если ты ставишь ногу на ступеньку царства, то подумай о своей голове. Стихи:

Если кто прижимает к груди невесту царства,
То он целует острое сверкающего клинка

Шахибек отпустил посла из Ирака, а сам отправился с войском в Хазаре. Когда посол прибыл к шаху Исма'илу, он послал такой ответ: «Если бы каждому сыну надлежало бы делать дело отца, то всем [людям], поскольку они являются потомками Адама, надлежало [311] бы заниматься пророческой миссией. Если бы царствование обязательно передавалось бы по наследству, то тогда оно от Пишдадидов² не перешло бы к Кийанидам³. Каким образом досталось оно самому Чингизу и откуда оно досталось тебе самому? Стихи:

Не хвастайся покойным отцом, о юноша,
Подобно собакам не радуйся костям

И в ответ на подарок Шахибек хана он отправил прялку и веретено и сказал: «Я скажу тебе то же, что ты написал мне: «Тот, кто прижимает к груди невесту царства...» Теперь я подпоясался поясом борьбы с тобой и поставил ногу поспешности на стремя битвы. Если ты выступишь навстречу мне, то мои и твои притязания друг к другу разрешатся на поле брани, а если нет, то сиди за делом, которое я послал тебе». И еще он написал:

«Мы много испытали в этом храме наград,
Тот, кто спорил с семейством пророка, погиб»

Когда пришло это письмо, Шахибек хан, распустив свое войско, пребывал в Мерве. Он спешно разослал во все стороны расторопных людей собрать войско. Но еще до того, как войска подошли, прибыл шах Исма'ил и остановился недалеко от Мерва. /1516/

Три дня между двумя сторонами возникали стычки. Между тем стали подходить войска Шахибек хана. Шах Исма'ил, снявшись с той стороны, покинул неровные места. Дозорные узбекского войска увидели это. Узбеки подумали, что враг раскаялся и ушел. Они вышли [из города] во время полуденного намаза накануне рамазана 916 (декабрь 1510) года. Из войска при [Шахибек хане] находилось двадцать тысяч человек. Некоторые советники, вроде эмира Камбара⁴ и эмира Райя, предложили: «Если бы сегодня мы отложили бой, то к нам присоединились бы 'Убайдаллах султан и Тимур султан с двадцатью тысячами человек, которые остановились в одном фарсах [от нас]. Станет более ясным и положение в стане врага: ушел ли он совсем или думает дать бой? Лучше, если мы дадим бой все вместе. Если [враг] действительно бежал, то нет нужды самому хану лично преследовать его, 'Убайдаллах султан, Тимур султан и некоторые другие эмиры могут преследовать врага, а его величество хан не спеша и спокойно, от стоянки к стоянке может идти прямо до Ирака. [312] Очевидно, раз он отсюда возвращается, то народ будет его <гнать, так что у него не

будет сил оставаться и в Ираке». [Шахибек] хан сказал: «Война с ним — это большое сражение за веру. Вместе с тем она принесет много добычи, и в этом полезном и выгодном для земной и загробной жизни [деле] участие [других] султанов не выгодно. Надо проявить мужество». И он выступил.

Когда они прошли пересеченную местность и дошли до ровных мест, то увидели, что [враг] стоит. Они предположили, что в его войске примерно сорок тысяч человек. Не успели еще ряды узбекских войск построиться, как туркменское войско напало на них. Когда воины [Шахибек хана] увидели превосходящее их по количеству вражеское войско, нога их стойкости пошатнулась, и они пустились в бегство. Однако предводители войска проявили стойкость до конца, пока не были убиты Шахибек хан и все военачальники. Еще никогда в истории не было подобного сражения, в котором погибли бы все предводители /152a/ войска. Когда беженцы прибыли в мервскую крепость, тот, кто смог, бежал, прихватив с собой семью и скарб, а кто не смог, прочитав аят: <Эта разлука между мной и тобой>⁵, бежал [налегке]. Большую часть моголов Шахибек хан переселил в Хорасан, чтобы они находились подальше от [своих] ханов и Моголистана. Когда те беглецы подошли к реке Аму, то попали в руки [моголов], которые не упустили возможности пограбить. Двадцать тысяч моголов отделились и ушли в Кундуз.

'Убайдаллах султан и Тимур султан стояли недалеко от Мерва, когда пришла весть о разгроме [Шахибек хана]. Они тотчас же двинулись в [мервскую] крепость. Прихватив с собой гаремы Шахибек хана, а также некоторых султанов и знати, и все, что попало на глаза они в ту же ночь ушли. Из оставшихся все мужчины выпили чашу смерти от сверкающего меча туркмен, а женщин забрали в плен.

Устроив всеобщую резню среди жителей Мерва, Шах Исма'ил вернулся в Герат. Он приказал Гератской знати собраться в мечети Маликан и читать хутбу, и чтобы во время чтения хутбы они проклинали асхабов [Мухаммада], посланника Аллаха, <да благословит его Аллах и приветствует>, и верную Айшу, <да будет доволен ею Аллах> — да наполнятся их рты прахом проклятия и неверия! Когда Гератская знать собралась и ей передали тот злосчастный приказ того проклятого, [313] вся знать молчала, пока не заставили подняться на кафедру Хафиза Зайнадина, проповедника. Хафиз, <да помилует его Аллах>, поднялся на кафедру. Когда после славословия и восхваления дарящего блага Господа и хвалы Господину вселенной [Мухаммаду] восхваление дошло до благословенного имени асхабов, то чувства чести и набожности схватили ворот благочестия и мужества Хафиза, и он предпочел вечное счастье того мира брэнной жизни и мучениям этого мира и сказал: «Много лет я читал хутбу в соответствии с сунной и мусульманской общиной. Сегодня солнце моей жизни дошло до заката старости. Если бы был рассвет жизни, то и тогда я не стал бы защищать эту молодую жизнь за счет такого бесподобного неверия, тем более [сейчас], когда моя жизнь подошла к концу». Он сказал это /152b/ и начал произносить как обычно имя асхабов с почтением и уважением. Поднялись проклятые кизилбаши, <да проклянет Аллах их всех>, схватили Хафиза за белую бороду, стащили его с кафедры вниз и разорвали на куски. Знатные люди разбежались в разные стороны.

На следующий день шах Исма'ил вызвал шайх ал-ислама, у котором было сказано при упоминании вельмож Хорасана. Когда тот явился к нему, то [шах] посмотрел на шайха и сказал: «О, шайх! Ты ученый человек. Будет жалко, если совершишь ошибку. Иди, предай проклятию асхабов и прими вероучение шиитов». Шайх заговорил: «О сын мой! Что ты знаешь о религии, что указываешь мне? Приведи к нам тех людей, которые являются действительно неверными, заслуживают смерти и ввергли тебя в это несчастье. Если слова их будут убедительны, то мы откажемся от своей веры и примем их веру. А если мы докажем им преимущество нашей религии, то ты откажись от своего губительного вероучения и прими нашу истинную веру».

Шах Исма'ил обратился к своим улемам за советом. Они ответили: «Этих людей невозможно убедить словами». Тот стократно злосчастный [шах Исма'ил] вторично обратился к шайх ал-исламу и сказал: «Давай, шайх, откажись от своей веры». Шайх стал бранить его: «О проклятый, пусть наполнится твой рот прахом проклятия и да падет на голову твою камень проклятия! На твою трусливую спину мужи пролили столько спермы, что родословная, которая бурлит в твоих кишках лишила твой мозг украшения ума, и ты не можешь [314] отличить безобразные чувственные желания от сути духовных устремлений. Что ты понимаешь в религии и религиозном учении? Как ты отличишь сатану от милосердного [Аллаха]? Какой наукой и знанием, умом и разумом ты отличишь правду от лжи, что призываешь меня к истинной вере?» Пока шайх ругался, [шах Исма'ил] взял лук и стрелу и выстрелил в шайха. Шайх вытащил стрелу и кровью, которая текла из раны, смазал свое благословенное лицо и белую бороду и сказал: «Слава Аллаху, что в свои восемьдесят лет ради доказательства истинной веры и искоренения ложного вероучения я увидел свою белую бороду, окрашенную кровью мученической смерти». /153a/ Тогда тот опозоренный нечестивец вытащил из своего колчана другую стрелу и пустил в шайха. Затем он приказал вынести шайха, повесить на высоком дереве и спилить его под корень. Шайх упал вместе с деревом, его понесли на базар Малик и там зажгли. Сколько бы ни старались, благословенная грудь шайха не горела. [Тело его] еще долго растаптывалось неверными на базаре.

Мудрость всеведущего Мудреца, <да будет слава Его>, который подвергает испытанию своих избранников несчастьями и бедствиями, состоит в том, что в интересах рода человеческого, в удовлетворении потребностей которого нет у человека никаких средств, происходят такие дела, которые, возможно, становятся как бы завесой перед достижением близости [человека с Аллахом], как сказано в изречении пророка Мухаммада: <Близость у меня с Аллахом во всем>. Самое малое [из тех дел] — это удовлетворение желаний природы, представляющее собой чувственные наслаждения. Хотя это и закономерно, но от совокупления смятение души обретает большую силу, чем это необходимо, и соответственно этому у души

появляется слабость в ее устремлении к Аллаху. А постигающие [человека] несчастья и бедствия являются искуплением за те наслаждения. Вместе с этим [Аллах, ниспосылая верующим бедствия], покажет трусливым в вере отвагу убежденных, чтобы те не проявили боязни в истинной вере. Польза от этого распространяется повсюду. А может быть и такое, что вечная воля и непреходящая милость [Аллаха] предопределили тому счастливому такое высокое положение, которого без терпеливого перенесения трудностей того испытания он не может достичь. Таким же образом взамен пропасти того бедствия другое несчастье в [315] низшей пучине [ада] для него не уготовано. Кроме всего этого в тайниках [Всевышнего] могут быть и другие мудрости, о которых никто не ведает.

Одним словом, пока совершались эти гнусности, шах Исма'ил находился в Хорасане. Об остальном будет изложено кратко, <если будет угодно всевышнему Аллаху >.

ГЛАВА 22. О ПОЛУЧЕНИИ ИЗВЕСТИЯ И РАЗГРОМЕ ШАХИБЕК ХАНА ШАХОМ ИСМА'ИЛОМ И О ПОХОДЕ [БАБУР] ПАДИШАХА ИЗ КАБУЛА В КУНДУЗ

В начале рамазана 916 (начало декабря 1510) года от Мирза хана в Кабул прибыл человек с письмом. Он приехал в то время, когда горные тропы были занесены снегом. Было начало созвездия Козерога. В письме сообщалось: «Шах Исма'ил прибыл из Ирака, /1536/ дал бой в Мерве Шахибек хану и одержал победу. Достоверно неизвестно, убит Шахибек хан или нет. Все узбеки переправились через [реку] Аму. Эмир Урус дурман, который был в Кундузе, бежал. Около двадцати тысяч моголов, отделившись от узбеков, пришли из Мерва в Кундуз. Я поехал в Кундуз. Если счастливые стремена [Бабура] спешно направляются в Кундуз, то я присоединюсь к ним. Есть уверенность, что ваше наследственное владение скоро достанется Вам».

Получив это известие, он (Бабур) в ту зиму спешно выступил по дороге Аб-Дара¹, где перевал был невысокий. Праздник рамазан они провели в Бамийане², а в начале шавваля (январь 1511 г.) прибыли в Кундуз, где их встретил Мирза хан вместе с моголами, отделившимися от узбеков. Отдохнув несколько дней в Кундузе после дороги, они сочли нужным идти на Хисар, где пребывали два видных узбекских султана — Хамза султан и Махди султан, и Хисар принадлежал им.

Когда они переправились через реку Аму у переправы Тукуз Тарам³, был конец зимы. Хамза султан, узнав об этом, оседлал коня и уехал из Хисара в Вахш. С этой стороны [Бабур] Падишах достиг Дашт-и Кулака, известного места Хатлана. Здесь он узнал, что Хамза султан находится в Вахше. В ту же ночь [Бабур] по верхней дороге пошел на Хамза султана и на рассвете дошел до его стоянки. Но здесь никого не оказалось. Искали всюду, но нашли только несколько человек из местных крестьян. Они рассказали, что [вчера] но время полуденного намаза Хамза султану сообщили, [316] что Бабур Падишах остановился в Дашт-и Кулаке. В тот же час [Хамза султан], оседлав коня, двинулся по нижней дороге в Дашт-и Кулак. [Бабур] пустился вслед за ним по нижней дороге, по которой ушел [Хамза Султан], и был полуденный намаз, когда он снова прибыл на свою прежнюю стоянку. Хамза султан также рано утром прибыл на лагерную стоянку Падишаха и, получив такое же сообщение, пустился вслед за тем войском. В час полуденного намаза он тоже прибыл на свою стоянку.

Падишах и его люди раньше думали, что Хамза султан не сможет устоять против них. Хамза султан тоже считал, что [Падишах] явился из Кабула с незначительным количеством людей, а войско моголов которое прибыло сюда недавно, пока еще не приобрело боевого порядка настолько, /154a/ чтобы противостоять ему. Когда же обе стороны увидели эту картину [преследования], то каждая из них испугалась другой. В ту же ночь Падишах ушел в Кундуз, а Хамза султан бежал в Хисар. Через несколько дней каждый из них узнал о бегстве другого, и оба в [благодарность] за свою сохранность произнесли аят: <Хвала Аллаху, который удалил от нас печаль>.⁴

Когда Падишах прибыл в Кундуз, здесь уже находился гонец от шаха Исма'ила с разными обещаниями. Тем временем из Хорасана приехала Ханзада бегим, которая была сестрой Падишаха и о которой уже было сказано, что Падишах отдал ее Шахибек хану при осаде Самарканда как выкуп за свою жизнь и уехал [из Самарканда]. [Бегим] находилась в гареме Шахибек хана. Хуррам шах султан появился на свет от него. После этого [Шахибек хан] стал бояться бегим, как бы она по совету своего брата не покусилась на его жизнь. Поэтому он дал ей развод и подарил Саййиду Хади, который принадлежал к крупным Саййидам. Саййид Хади имел прочное положение у хана, султанов и всех узбеков. Саййид Хади был убит в бою при Мерве, а бегим вместе с сыном попала в руки туркмен. После того, как стало известно, что она сестра Бабура Падишаха, Шах Исма'ил отнесся к ней благосклонно и отправил ее вслед за своим посланцем к Падишаху с разными милостями и множеством подарков. Когда прибыла Ханзада бегим, то к шаху Исма'илу в Хорасан отправили Мирза хана с дарами, с изъявлением покорности и с просьбой оказать помощь. Шах Исма'ил хорошо принял Мирза [317] хана, внял его просьбам и быстро разрешил ему возвращаться.

Между тем от моего дяди явился человек [к Падишаху], с вестью, что «вилаят Фергана полностью освобожден от узбеков и включен в Ваши владения, так что это является началом в деле искоренения узбеков и освобождения Мавераннахра. Что будет сказано Вами относительно этого, нами будет выполнено». Об этом будет изложено в следующей главе.

ГЛАВА 23. ХОД РЕЧИ ПОДОШЕЛ К ДЕЛАМ МОЕГО ДЯДИ

САЙИД МУХАММАДА МИРЗЫ, <ДА ОСВЕТИТ АЛЛАХ ЕГО МОГИЛУ>. КРАТКО О ПЕРВЫХ ДЕЛАХ ЕГО И ПОДРОБНОСТИ ПОКОРЕНИЯ ФЕРГАНЫ

Во время беспорядков в Ташкенте брат моего отца Сайид Мухаммад мирза, который упоминается везде в этой книге как «мой дядя», /1546/ находился в Ташкенте на службе у Султан Махмуд хана. Когда хан совершил набег на Андижан, то вначале он взял Касан, так, как это было легко, и отдал его моему дяде: затем отправился в Акси, куда явился Шахибек хан, и здесь произошло сражение, о чем уже было упомянуто. Когда весть о поражении дошла до Касана, то мой дядя уехал. Хотя поражение не было связано с ним, он присоединился к людям, которые бежали в Моголистан. Впоследствии, когда в Моголистан приехал Султан Махмуд хан, о чем уже было сказано, дядя присоединился к хану и сопровождал Султан Махмуд хана до смерти Султан Ахмад хана. После смерти Султан Ахмад хана, как уже было упомянуто, хан укоряя дядю за Аксу и Моголистан, обратился к нему [со словами]: «О мой Сайид! Лучше быть стиральщиком платков в Ташкенте, чем падишахом Моголистана». Мой дядя сказал: «Да, лучше, если Вас допустят к стирке платков». Хан обиделся на эти слова. Злые люди, обычаем которых всегда было стремление как-то навредить благородным людям, нашли в этом [случае] повод для разговоров и вставили стрелу в [образовавшуюся] трещину [их отношений]. Из-за чрезмерной злобы они хотели уничтожить доску бытия [дяди], чтобы между ним и ханом никогда не наступило примирение. Однако хан сказал: «Родственная связь его со мной так близка, что я не могу решиться на такое дело. Поскольку он не ужился с нами, то пусть он снимается с места и отправляется в Турфан к Мансур хану». Моего дядю отправили в Турфан, а [318] сам хан уехал в Моголистан. По пути в Турфан мой дядя в Аксу присоединился к оставшимся в живых людям Султан Ахмад хана.

Когда Султан Махмуд хан приезжал в Аксу к своему брату, то он оставлял в Моголистане своего сына Султан Мухаммад султана и эмира Ахмада итарджи с людьми; одним словом, Султан Мухаммад султан и эмир Ахмад укрепили свое положение. Они послали человека к моему дяде и увезли его к себе. Он очень подружился с Султан Мухаммад султаном, и между ними установились тесные дружеские отношения.

Однажды ночью фидаи, переодетые в одежду слуг, убили эмира Ахмада. По чьему приказу произошло это — неизвестно. После этого все дела Моголистана и Султан Мухаммад султана утвердились за моим дядей. Однако дела моего дяди из-за отсутствия бывшего войска и знающих людей не наладились, /155a/ потому что все прежние люди и влиятельные эмиры, и все, кто был, находились при моем отце и вместе с ним ушли в Хисар. Оставшиеся при моем дяде сто—двести человек не могли ничего решить. Из-за постоянных набегов, которые совершали Султан Са'ид хан, Султан Халил султан и киргизы, они бежали из Моголистана и ушли в Йеттиканд, который был местопребыванием Султан Махмуд хана. Те же подлые люди, вновь проявив злобу, сделали так, что моего дядю схватили и отправили к узбекам. Джанибек султан в это время находился в Андижане. [Мой дядя] приехал к нему. [Джанибек] ничего не сказал, скорее проявил жалость и сострадание. [Дядя] находился при Джанибек султанине до нашествия шаха Исма'ила и выступления [Бабур] Падишаха из Кабула.

Весной после той зимы, когда был убит Шахибек хан, все узбекские султаны собрались в Самарканде. Джанибек тоже приехал, взяв с собой моего дядю. На том собрании все султаны приняли решение, что не оставят в живых никого из моголов, уцелевших в Мавераннахре. Но Джанибек султан не согласился с этим и разрешил моему дяде и моголам, находившимся в его свите, вернуться в Андижан и присоединиться к своим семьям. Поскольку у моего дяди не было уверенности в постоянстве мнения Джанибек султана, то он, опасаясь изменчивости его натуры, быстро ушел. После этого Джанибек султан пожалел [о своем решении], послал вслед за моголами людей и убил всех, кого нашел. Что [319] касается моего дяди, то он был уже далеко. Когда он прибыл в Андижан, то объединил оставшихся моголов и людей Андижана, выступил и полностью изгнал узбеков из вилайата Ферганы. Затем он отправил гонца к [Бабур] Падишаху по дороге Каратегин, сообщая о происшедшем и прося помощи, о чем уже было упомянуто. Падишах обрадовался, получив эту весть.

ГЛАВА 24. О ПОЛУЧЕНИИ ПАДИШАХОМ ВЕСТИ О ПОБЕДЕ САЙИД МУХАММАДА МИРЗЫ И ОБ ОТПРАВКЕ СУЛТАН СА'ИД ХАНА В АНДИЖАН К МОЕМУ ДЯДЕ

До того, как пришло это известие в Кундуз, некоторые влиятельные моголы по секрету довели до сведения [Султан Са'ид] хана, что /1556/ эмиры Мир Ширим, Мир Мазид, Кул Назар мирза, Джанка мирза, Мир Аййуб, Мир Мухаммад, Мир Ибрахим, Йадгар мирза, Кара Султан 'Али мирза, Мир Гури барлас, Мир Даим 'Али, Мирза Мухаммад, Мир Бек Мухаммад, Мир Камбар, Шахназар мирза, Кутлук Мирак мирза и другие, а также около двадцати тысяч достойных людей готовы к выступлению, а число чагатайцев не дотянет до пяти тысяч человек и, если [Са'ид] хан согласится, то они уберут Падишаха и вручат дела царства опоре ханского трона. Но [Султан Са'ид] хан ответил: «Во время бури завоевания Шадибек хана волны смут разбили судно государства и жизни могольских ханов. Я добрался на шаткой доске до пятачка [земли] в Кабул, который Бабур Падишах удерживал при ударе волн бедствий. На таком тесном, подобно островку,

месте он дал мне душевный покой. Теперь же, когда я достиг счастливого берега, каким же я буду неблагодарным и бесчестным, если совершу такое гнусное дело». Через эмира Касима каучина, который, был Падишаху как отец, он обратился к [Бабур] Падишаху: «Слава Аллаху, что сегодня дела государства устраиваются, и разные народы обращаются ликом к дворцу защитника людей, особенно моголы, большинство племен которых известны своей численностью и силой, а эмир их отличается своим величием среди других эмиров, его мысли всегда обращены на процветание дел людей своего рода. Ныне мое пребывание при Падишахе предполагает, чтобы старинное единство сменилось новым отделением. Если Вы отправите меня в какую-нибудь сторону, чтобы эти связи и дружба оставались прочными, для благополучия обеих сторон это кажется подходящим».

[320] В это время пришло сообщение из Андижана вместе с просьбой моего дяди [о помощи]. Падишах тотчас отправил хана в Андижан с теми, кого он счел нужным. Об этом скоро будет написано, <если будет угодно всевышнему Аллаху>.

ГЛАВА 25. О ВОСШЕСТВИИ БАБУР ПАДИШАХА НА ТРОН МАВЕРАННАХРА

После того, как отправили хана в Андижан, прибыл Мирза хан вместе с войском от шаха /156а/ Исма'ила, и сила [Бабур Падишаха] укрепились. Падишах вскоре направил поводья выступления в Хисар и отправился. Когда весть об этом дошла до узбеков, они тоже собрали людей. Из числа их предводителей против Падишаха выступили Хамза султан, Махди султан и Тимур султан с другими султанами. Кучум султан, который сел на место Шахибек хана, Суйунджик султан, Джанибек султан, 'Убайдаллах султан и все [остальные] султаны собрались в Карши, настоящее название которого Нахшаб. Когда Падишах добрался до Пул-и Сангина, Хамза султан выступил вперед, занял Пул-и Сангин и сидел там около месяца. В конце концов [Падишаху] стало известно, что войско узбеков многочисленно, султаны все известные и будет трудно одолеть их. Узбеки также поняли, что Падишах не может противостоять им, и без помех они переправились через реку ниже Пул-и Сангина. Когда известие об этом дошло [до Бабура], было время после полуденного намаза. Он тут же снялся и двинулся в сторону Аб-Дара, к неприступным горам. Они шли быстро всю ночь и следующий день до полуденного намаза и добрались до такого места, укрепленность которого успокаивала предусмотрительных людей. В полночь поступило сообщение, что узбеки идут с большой силой. Военачальники тут же известили всех воинов, и все до утра занялись подготовкой военных снаряжений.

Когда черное войско ночи ушло на запад, потеряв поражение от победоносного войска дня, победные знамена солнца водрузили стяг победы утра и владыка-солнце уничтожило своими лучами звезды неба, предводителей войска ночи, прибыли дозорные [с сообщением], что подошел неприятель. Падишах, вложив ноги счастья в стремна удачи, сел на коня и поднялся на возвышенность. В сторону врага не было пути, кроме **[321]** одной узкой дороги, а по левой стороне этой возвышенности имелся другой холм. /156б/ Между этими двумя холмами пролегал глубокий овраг, где тоже имелась только одна дорога.

Когда враги выстроились на равнине, то увидели, что подняться на холм трудно. Тимур султан и некоторые другие султаны, отделившись с десятью тысячами человек, поднялись на второй холм. Падишах послал против них Мирза хана вместе с отрядом отважных бойцов. В это время его счастливый взор упал на группу людей. Он спросил, кто они такие. Когда мой отец ушел из Кабула, от него осталось около трех тысяч мулазимов, доставшихся ему по наследству, большинство которых были моголами, пришедшими из Хорасана. Знатных людей из них Падишах взял к себе в мулазимы. Те, которые остались, примкнули ко мне. Группа людей, которую заметил Падишах, были они. Они ответили: «Мы — мулазимы Мирзы Хайдара». Падишах сказал мне: «Ты еще мал. Нельзя возлагать на тебя такие серьезные дела. Побудь вместе с маулана Мухаммадом и с несколькими людьми возле меня, а остальных своих людей пошли на помощь Мирза хану».

В то время, когда мои мулазимы направились к Мирза хану, узбеки напали и всех тех, кто находился впереди Мирза хана, подняли и погнали к Мирза хану. В этот момент подошли мои мулазимы. Военачальником у них был воспитатель-атака сего ничтожного. Его звали Джан Ахмад атака, имя которого в дальнейшем будет вездe приводиться так. Он выступил со своей группой против [узбеков]—убегавшие вернулись, и [все вместе] они прогнали [узбеков]. Во время этой схватки мои мулазимы задержали одного [из противников] и привели к Падишаху. Падишах посчитал это хорошим предзнаменованием и сказал: «Запишите первую награду—джулду на имя Мирзы Хайдара». Таким образом, бой на левой стороне [холма] продолжался до вечера. На стороне Падишаха боя не было, так как дорога была узка и было трудно двигаться для обеих сторон. Когда наступило время полуденного намаза, то со стороны Падишаха /157а/ спустились вниз проворные бойцы. Поскольку уже было поздно, то враги не могли спуститься туда из-за отсутствия воды. Вода находилась вдали, за фарсах. Они вернулись с намерением, что с наступлением ночи останутся недалеко от воды. Те пешие, которые спустились вниз, подняли крик: «Хай, хай» и побежали **[322]** за ними. Те [узбеки], которые стояли против Мирза хана, заметили, что Хамза султан, который был их центром, отошел, и они тоже собрались отступить. Поскольку они (оба войска) стояли друг против друга, то ни одно из них не имело превосходства перед другим. Когда же враги повернули назад, то люди Мирза хана, стоявшие напротив, напали на них и те разом отступили. Воины центра, увидев, что те отступили, тоже выпустили поводья выдержки из рук стойкости и от этого их войско потерпело поражение. Было время

вечернего намаза, когда схватили Хамза султана, Махди султана и Мумак султана и доставили их к счастливому стремени Падишаха. Падишах поступил с ними так же, как поступил Шайбани с могольскими ханами и чагатайскими султанами.

С ночи до утра и с утра до следующей ночи они провели в погоне за ними (узбеками) и, преследуя их, дошли до границ Дарбанд-и Аханин. Все победоносные воины собрались в Хисаре. От шаха Исма'ила тоже поступила помощь. Собралась также группа людей со всех сторон. Число воинов достигло шестидесяти тысяч. Оставив Хисар, они прибыли в Карши. Большинство узбекских султанов находилось в Самарканде. 'Убайдаллах хан укрепился в крепости Карши. Все предусмотрительные люди, которые решали важные дела государства, советовали не осаждать крепость [Карши] и говорили: «Кажется, гораздо благоразумнее отправиться в Бухару, потому что если он ('Убайдаллах хан) укрепится в этой крепости, то легче будет заполучить Бухару, которая свободна от войска и полна простых людей. Пребывание его в Карши не принесет ему никакой пользы, /1576/ и он сам покинет крепость и уйдет». Этот совет понравился высокому мнению Падишаха. Оставив Карши, он остановился <на расстоянии одного перехода от него (Добавлено по R 245). Вскоре прибыли дозорные и [сообщили], что 'Убайдаллах хан оставил крепость и направился в Бухару. [Падишах] тотчас оседлал коня и быстро пустился вслед за [узбеками]. Сменив ночь на день, а день на ночь, он прибыл в Бухару. Они отогнали узбеков от Бухары, и те ушли в степи Туркестана и все, что находили, смели [на своем пути]. Все узбекские султаны, собравшиеся в Самарканде, получив известие об этом, разом рассыпались и с бежавшими со всех сторон людьми дошли до Туркестана.

[323] Когда Падишах прибыл в Бухару, он с почестями отправил обратно прибывшее ему на помощь [войско] от шаха Исма'ила, а сам, решив идти в Самарканд, благополучно пустился в путь. Все жители городов Мавераннахра, как благородные, из знати и господ, так и простые, из ремесленников и крестьян, одним словом, все подданные, обрадовались счастливому прибытию Падишаха. Знать поспешила выйти навстречу ему. Другие слои населения занялись убранством города—украшили проходы рынка и улиц разнообразной позолоченной материей, рисунками и картинами. Падишах вошел в город в середине раджаба 917 (первая декада октября 1511) года с такой пышностью и торжественностью, которых никто до этого не видел /158a/ и не слышал. Ангелы и херувимы (стояли) перед ним с приглашением: <<Входите сюда с миром в безопасности>>, а люди произносили аят: <<Слава Аллаху Господу миров>>².

Народ Мавераннахра, особенно жители Самарканда, вот уже долгие годы раздували утренними вздохами факелы своих желаний, обращаясь к чертогу Всевышнего, защитника всех сотворенных, о возвращении Падишаха. Они всегда желали, чтобы тень Падишаха от дерева разума с листьями и плодами благоденний простиралась бы над ними. Вместе с надеждой на это они рассчитывали, что он снимет одежду кизилбашей, являющуюся выражением суеверия ереси, близкой к неверию, в которую он облачился по необходимости, установит закон шариата пророка, и на голову положит венец сунны Мухаммада, а венец шаха [Исма'ила] отошлет ему с несколькими шиитами. Однако эта надежда жителей Самарканда не оправдалась. Причина была в том, что [Падишах] считал, что он все еще нуждается в помощи Шаха Исма'ила и находил свою силу недостаточной для борьбы с узбеками. Поэтому произошла задержка в этом деле и была проявлена сдержанность в отношении бедствий, чинимых кизилбашами. По этой причине народ Мавераннахра обрубил надежды, которые он связывал с Падишахом, а Падишах проявлял сдержанность в отношении туркмен. /1586/

ГЛАВА 26. ОБ ОТЪЕЗДЕ [СА'ИД ХАНА] В АНДИЖАН И О СОБЫТИЯХ, КОТОРЫЕ ПРОИЗОШЛИ ТАМ

Как было изложено раньше, Падишах отпустил [Са'ид] хана в Андижан. Вместе с ним он отправил группу могольских эмиров: Мир Гури барласа, Мир **[324]** Даима 'Али духуя, его братьев Ахмада 'Али и Махмуда Кули, Мирза Мухаммада бекджак и его брата Бек Мухаммада; из дуглатов — Шах Назара мирзу, Мирзу Али, Кутлук Мирака мирзу; из эмиров кунджи — Кул Назара мирзу, Джанка мирзу, эмира Камбара, сына Хайдар кукалдаша барки и других. Все они отправились в свите хана. Когда они прибыли в Андижан, то мой дядя и эмиры, которые были причастны к успеху моего дяди при захвате Андижана, [а именно] Султан 'Али Мирза бекджак, Бишка мирза итарджи, Тубра нуйагут и другие, все вышли встретить [Са'ид] хана и удостоились целования его стремени.

Когда [Са'ид] хан прибыл в Андижан, узбекские султаны, [находившиеся] в Самарканде, услышали о его прибытии в Андижан и о поддержке моголов Андижана. Как уже было сказано, Хамза султан, Махди султан и Тимур султан вместе с некоторыми другими султанами собрались в Хисаре, чтобы сразиться с Падишахом. Хотя 'Убайдаллах султан, знал, что шах Исма'ил вернул Мавераннахр Падишаху, а сам приходит не собирается, однако из осторожности и благоразумия он сел в Карши. О нем тоже было упомянуто. Джанибек султан, Кучум хан и Суйунджик султан /159a/ направились в Акси и Андижан, чтобы не допустить потерю Ферганы. Не успел еще [Са'ид] хан укрепиться в Андижане, как поступило сообщение об их выступлении. Хан отправил в неприступную крепость Касан Султана 'Али мирзу и Тубра [нуйагут] мирзу. Поскольку эти люди укрепили крепость, то узбекские султаны вначале двинулись на ее захват и довели до безвыходного состояния. Когда весть о положении Касана дошла до [Са'ид] хана, он отправил в горы Касана всех военачальников войска. Хотя они и не обладали силой, способной испугать узбеков, они

смогли бы напасть на фланги их войска и тем самым причинить им беспокойство, а люди Касана от того воспрянули бы духом.

Когда войско хана отправилось в Касан, об этом узнал Аба Бакр мирза. Он прибыл из Кашгара с намерением захватить владения Ферганы. Он захватил все, что находилось выше Андижана, как-то Узчанд, известный как Узганд, Маду¹ и Ош, являющиеся лучшими местами вилайата Ферганы, и двинулись на Андижан, чтобы осадить его. Поскольку крепость Андижан невозможно было взять двумя-тремя тысячами человек, то он прежде подготовил орудия для ее захвата вроде [325] манджаника (каменёт), лестницы и т. д. Когда весть об этом дошла до [Са'ид] хана, то его, как и жителей Андижана, охватил безмерный страх.

Тем временем узбекские султаны внезапно совершили общую атаку, пробили лазы со всех сторон крепости Касан, подставили к ней лестницы. Их атака была такой ожесточенной, что силы обитателей крепости оказались недостаточными, чтобы защитить ее, и они ушли через ворота, которые были свободны (В тексте «тарраф-и хушк» — «своя сторона»). Поскольку узбекские воины не предполагали, что осажденные пустятся в бегство, они спешили. А узнав об этом, вернулись и сели на коней, но те уже отошли далеко. Они (узбеки) полностью истребили обитателей крепости и всех тех, кто остался или отстал от них. /1596/

Люди, которые ушли из крепости, присоединились к тем военачальникам, которые прибыли в горы Касана для помощи, и напрямик направились в Андижан. Они дошли до места в полфарсаха от Андижана, где расположилось войско Мирзы Аба Бахра, подготовили снаряжение для взятия крепости и решили на рассвете следующего дня напасть со всех сторон. В ту же ночь подошло войско, [бежавшее] из Касана, а Мирза Аба Бакр направился на захват крепости, не ведая о том, что явилось войско [Са'ид] хана. На заре хан вышел из крепости и приготовился к бою. Они встретились на дороге, в местности под названием Туглук. Обе стороны построили ряды и бросили [боевой] клич. Описание этого сражения—длинная история. Одним словом, зефир победы и успеха начал веять над стягом ханского знамени и рассыпать прах смерти и несчастья на головы врагов. Ветер ханской победы пустил как соломку по ветру разгрома презренных врагов, которые казались несокрушимой горой. Войску Мирзы Аба Бахра был причинен большой урон. Многие были убиты, а кто попал в плен в руки победоносных воинов, их собрали в куруке Андижана. Вышел приказ об их казни. Их сажали группами и убивали.

В это время мой дядя, кладя колени заступничества на землю просьбы, доложил [Са'ид хану]: «Слава Аллаху и благодарение ему за эту победу, которая является ключом для открытия ворот владений Кашгара. Теперь я твердо уверен, что Кашгар Вам дастанется легко. Эта группа людей, которая заслуживает сейчас [326] казни по закону мести, все люди того края. Если им не будет дарована жизнь, то получится так, будто Кашгар будет полностью истреблен, и это послужит причиной раскаяния. Когда этим оставшимся в живых будет дарована жизнь, то Ваши похвальные деяния умножатся во много раз». Когда это заступничество дошло до благословенного слуха [Са'ид] хана, он начертал пером помилования знак прощения на доске бытия тех людей. Около трех тысяч человек разом избавились от смерти. Общим криком, воздев руки мольбы, в знак благодарности они исполнили молитвы добрых пожеланий.

Когда произошла эта блестящая победа, узбеки еще 160а дальше подтянули ноги размышления под подол колебания. Вслед за этим событием поступило сообщение о разгроме Хамза султана и убиении его Бабур Падишахом в том сражении, а через некоторое время было получено известие о прибытии [Бабур] Падишаха в Самарканд и о том, как встретили его жители Самарканда. И после этого все, кто остался от узбеков, развеялись ветром бегства с такой скоростью, что и след их простыл.

Падишах в Самарканде и [Са'ид] хан в Андижане обрели самостоятельность, а шах Исма'ил ушел в Ирак. Падишах отдал Кабул и Газнин Султан Насиру мирзе, своему младшему брату. Все узбеки собрались в Туркестане. Об остальном будет сказано после этого, <хвала Аллаху всевышнему >.

Раньше было сказано, что [Са'ид] хан и Султан Халил султан один за другим прибыли в Андижан. У Султан Халил султана был грудной сын по имени Баба султан. Жена [Са'ид] хана, о которой уже говорилось, в то время, когда Ходжа 'Али бахадур устроил хану побег от узбеков (Приведено по Л₂ 145а, Л₃ 122б), была в положении и попала к узбекам. Через некоторое время она разрешилась от бремени, родив сына. [Са'ид] хан получил известие об этом, когда прибыл в Кабул. Падишах сказал хану: «Поскольку Ваше прославленное имя — Са'ид, то очень подошло бы, если бы Вы назвали его 'Абдаррашидом». Хан выбрал это имя. За обоими [мальчиками], т. е. за Баба султаном, сыном Султан Халил султана, и 'Абдаррашидом, сыном Султан Са'ид хана, присматривала Кутук ханим (Приведено по Л₂ 145а, Л₃ 122б (в Т — Кутлук Чигар ханим, R 251 — Тутук ханим)), дочь Султан Махмуд хана, которая попала к [327] Джанибек султану при беспорядках в Ташкенте, о чем было сказано./160б/

Когда произошла битва при Туглуке, была одержана победа и вслед за этим узбеки покинули вилайат Ферганы, оба эти султана были доставлены к хану. О них будет изложено после этого. Поскольку ход речи связан с событиями, которые произошли между [Са'ид] ханом и Мирзой Аба Багром, то история будет неполной без краткого сообщения о Мирзе Аба Багре.

ГЛАВА 27. КРАТКО О РОДОСЛОВНОЙ МИРЗЫ АБА БАКРА

У эмира Сайида 'Али, который является моим прадедом и о котором, если будет угодно Аллаху всевышнему, будет изложено в основной части «Истории», было двое сыновей: Сансиз мирза, мать которого происходила от эмиров [племени] чурас, и Мухаммад Хайдар мирза, мой дед, имя которого на счастье и в

благословение дали мне. Мать его приходилась теткой [по линии отца] Султан Йунус хану. После того, как великий эмир Саййид 'Али <да введет Аллах его в райский сад>, предпочел теснину могилы простору этого мира, то по древнему обычаю моголов Сансиз мирза, который был его старшим сыном, сел на место отца. От него остались двое сыновей один — Аба Бакр мирза, второй— 'Умар мирза. Мать этих детей по могольскому закону и по обычаю йангалик сочеталась узами брака с Мухаммад Хайдар мирзой. У Мухаммад Хайдара от этой жены тоже родились два сына один— мой отец Мухаммад Хусайн мирза, а второй — мой дядя Саййид Мухаммад мирза. Управление всеми областями Кашгара после смерти Сансиза мирзы утвердилось за Мухаммад Хайдаром мирзой. Двадцать четыре года он правил, придерживаясь обычаев справедливости и правосудия. Мухаммад Хайдар мирза был человеком богатым по наследству, счастье всегда сопутствовало ему. Он пребывал в неведении о [необходимости] воспитания [вокруг себя] молодых людей, украшенных убором смелости и ума. Большинство тех опытных людей и рассудительных эмиров, которых эмир Саййид 'Али собрал в течение восьмидесяти лет, умерли до конца жизни Мухаммад Хайдара мирзы, а если кто и остался в живых, то это были дряхлые старики /161a/ ни к чему уже не пригодные. А дети этих людей находились в таком положении, которым они не были довольны.

[328] Между тем Мирза Аба Бакр достиг двадцатилетнего возраста. Он находился на службе у дяди, своего приемного отца, и тесно общался с сыновьями мирз и ханов. Они из-за близости к нему по возрасту поддерживали его. Мирза Аба Бакр отличался [в то время] такой щедростью, что за несколько дней раздавал все что [получал] от своего управляющего. Рассказывают как однажды один из его мулазимов, услышав о такой раздаче, побежал и увидел, что ничего не осталось, люди уже успели все забрать, а Мирза Аба Бакр стоял у двери своего дома. Он (мулазим) подошел, схватил Мирзу Аба Бакра и сказал: «Хотя я и явился к концу [раздачи], однако нашел нечто более ценное». Мирза Аба Бакр рассмеялся и откупился от него за большую сумму. Цель этого рассказа показать, как он держал открытой ладонь щедрости, и все люди тянулись к нему.

Тем временем он поехал в Аксу и Моголистан служить Дуст Мухаммад хану, сыну Исан Буга хана. Дуст Мухаммад хан принял его с большим почетом, отдал ему в жены свою сестру и разрешил ему вернуться назад. Изложение этого длинно, а подробности его скроют основную цель.

Короче говоря, каким-то образом [Аба Бакр] подчинил себе Йарканд, который принадлежит к значительным поселениям Кашгарии, [находится] в четырехдневном пути от [города Кашгара] и ныне является столицей Кашгарского владения. Случилось так, что на службе у него собралось три тысячи человек, стоящих тридцати тысяч. Как только его люди достигли тех краев, он открыто ударил по барабану величия и забил в литавры независимости плетью притязания. Мухаммад Хайдар мирза пошел на него с тридцатью тысячами пеших и конных, но вернулся, потерпев поражение. Он обратился за помощью к Йунус хану, сыну своего дяди [по линии матери]. Хан тоже подумал, что с Мирза Аба Бакром он справится легко, не взял с собой все войско, а явился с тридцатью тысячами вооруженных людей. /161b/ Мухаммад Хайдар мирза как только мог привел в порядок войско, и они выступили. На этот раз [Мирза Аба Бакр], выйдя из ворот крепости Йарканда с теми же тремя тысячами отборных воинов, также разбил оба войска. Йунус хан и Мирза Мухаммад Хайдар, потерпев поражение, оба прибыли в Кашгар. [Йунус] хан ушел в Моголистан, а на следующий год выступил со всеми своими людьми. Мухаммад Хайдар мирза тоже выступил, [329] приведя по возможности в порядок свое войско. На этот раз Мирза Аба Бакр также привел в порядок свои снаряжения и укрепил мощь своих конных ловкими пешими стрелками и приступил к бою таким же образом, как первый и второй раз. Поскольку его люди дважды одержали победу, то на этот раз они проявили еще большую смелость и проворство, чем тогда, и с легкостью разгромили многочисленное войско. Хан и Мухаммад Хайдар вновь потерпели поражение и прибыли в Кашгар. На этот раз пребывание Мухаммад Хайдара мирзы в Кашгаре оказалось невозможным. Он и его люди с семьями вместе с Йунус ханом ушли в Аксу. Мирза Аба Бакр установил свою власть над всеми владениями Кашгара. После этого, ослепив 'Умара мирзу, своего родного брата, он изгнал его. Этот 'Умар мирза жил в Самарканде. Потом, когда [Йунус] хан захватил Йарканд и Кашгар, он вернулся в Кашгар. Хан оказывал ему большие почести до самой смерти.

События, связанные с Мухаммад Хайдаром мирзой и [Йунус] ханом, будут изложены в основной [части «Истории»]. Цель этой главы — краткое изложение жизни Мирзы Аба Бакра. Он бессменно и независимо правил областью Кашгар в течение сорока восьми лет. В течение этого времени в 905 (1499—1500) году в Кашгар вновь явился Султан Ахмад хан, сын Йунус хана, известный как Алача хан. Его войско тоже /162a/ было разгромлено, о чем будет изложено в основной части «Истории».

<После разгрома Султан Ахмад хана Мирза Аба Бакр (Добавлено по Л₁ 118a; Л₂ 146б, Л₃ 123б; R 253) начал захватывать другие владения вокруг. Вначале он послал войско в Тибет. Одержав блестящую победу, он разгромил большинство владений Тибета до самых границ Кашгара так, что ни у кого не осталось сил оказывать ему сопротивление. Он отправил также войско в Балур и, установив там свою власть, захватил огромную добычу. Затем он послал войско в Бадахшан и покорил большую часть хазарейцев. В то время, когда Шахибек хан потрясал весь мир, войско Мирзы Аба Бакра довело до крайности Андижан и [его правителя] Джанибек султана. Освободив Ош, Маду и Узганд из-под власти узбеков, он так обошелся со всем Моголистаном, что ни один могол не мог больше оставаться в Моголистане, как это уже было изложено при [330] упоминании о [Са'ид] хане и о причине его прихода в Андижан. Таким образом, все моголы, находившиеся в Моголистане, бежали в разные стороны из-за жестокости его воинов. Даже

киргизы, лесные львы Моголистана, не смогли больше оставаться там и ушли в Чалиш к Мансур хану. И еще, после смерти Султан Ахмад хана и прибытия в Моголистан Султан Махмуд хана (Мирза Аба Бакр) двинулся в Аку, захватил Аку и Уч; переселил всех людей той местности и укрепил крепость Уч отрядом войска. Цель этого краткого изложения показать, каким образом Мирза Аба Бакр захватывал разные владения. [Султан Са'ид] хан разгромил его в Туглуке, о чем уже говорилось.

ГЛАВА 28. ОБ ИНТРИГАХ МИРЗЫ АБА БАКРА, А ИМЕННО О ЕГО ЗЛЫХ ЗАМЫСЛАХ И ПОСТУПКАХ

Перед тем, как приступить к краткому рассказу, оговорюсь: подробности тех событий, которые услышаны от людей и подтверждены слухами, хотя и сохранились в моей памяти, я приведу здесь коротко, так как я не видел их своими глазами, а [при пространном изложении] может быть допущено искажение [истины]. А те события, свидетелем которых мне довелось быть, будут изложены с подробностями, увиденными мною самим. Исходя из этого, описание странностей в жизни Мирзы Аба Бакра, злонамеренных деяний и гнусных поступков его я разделил на три части.

Первая — то, что я слышал от людей и подкреплено слухами, излагается кратко. Вторая — то, что я сам видел воочию, изложено подробно. Третья — то, что я слышал и видел собственными глазами, однако разум отказывается это принять, и об этом совсем не будет написано. То, что описывается в этом сокращенном изложении [событий], — краткое из длинного, немногое из многого и одна часть из тысячи [его деяний]. Боже упаси, чтобы читатели этих записей, не видевшие воочию его деяний, упрекнули автора в преувеличении или клевете, что является низостью и подлостью. Если бы я счел для себя возможным преувеличение, то никогда бы не приступил [к описанию] мерзких дел [Мирзы Аба Бакра], потому что упомянутый приходится мне дядей. А если не написать о нем, то события, связанные с ним, останутся скрытыми, и это было бы отступлением от правды и упущением. Воздерживаться от излишеств [331] [в изложении] и в то же время не допускать замалчивания [событий] — долг правды.

Мирза Аба Бакр полновластно правил свыше сорока лет. К концу его жизни зло и жестокость настолько овладели его натурой, что если кто-нибудь, как ему казалось, совершал проступок по отношению к нему и, хотя по нормам шариата ему невозможно было приписать никакой вины, /163a/ обида [Аба Бакра] на него не погасалась одним только умерщвлением его, и огонь его гнева не угасал от этого. И тот без вины виноватый был согласен быть тысячу раз убитым, но не мог дожидаться этого.

Если со стороны кого-либо был допущен какой-то проступок по отношению к нему, а он узнавал об этом лет через десять, то все равно он доводил этого человека вместе с окружающими его людьми, детьми, родственниками и родом до такого состояния, что никто не мог даже представить себе подобное положение. И никто не мог даже помыслить возражать и противоречить ему.

Когда его власть во всех делах укрепилась таким образом, то богатство его казны, обилие скота и коней потеряли счет. Для заключенных в тюрьму он придумывал работы, одна тяжелее другой. И назначал на них [людей] соответственно преступлению. Его работы подразделялись для мужчин и для женщин. В том числе он придумал работу под названием «казик» — «раскопки»; он приказывал раскапывать древние городища и промывать землю. Крупные предметы обнаруживались сразу, а мелкие — при промывке земли. Таким образом он накопил несметное количество жемчуга, золота и серебра. Я слышал от его доверенных людей, что в старой крепости Хотан нашли клад с двадцатью семью глиняными кувшинами такого [размера], что если человек с колчаном входил в него, то не задевал [стен] кувшина. Внутри каждого из этих кувшинов имелся медный рукомойник. Один из них попался мне. [Он был] в форме бутылки с тонкой длинной шейей и с толстой железной ручкой. В центре его [внутри] было вставлено медное копьё, кончик которого совпадал с отверстием. /163b/ Высота медного рукомойника составляла более полутора газдов и, когда его наполняли водой, то два человека с трудом могли переставить его с места на место. Внутри каждого кувшина был помещен один из этих медных рукомойников, наполненных золотым песком.

[332] Снаружи он был окружен слитками серебра — балишами. В исторических книгах вроде «Джахангушай»¹, «Джами ат-таварих» и в других так описывают балиш: «Вес балиша пятьсот мискалей, сделан длинным брусом, середина тоньше». Об этих балишах, кроме названия, ничего не было известно. Большая часть тех балишей, которые были положены внутри глиняных кувшинов вокруг медных рукомойников, хранились в таком виде в казне и [впоследствии] попали в руки воинов [Са'ид] хана. Ко мне тоже попало несколько [балишей], и тогда я увидел их.

От надзирателя раскопок я услышал интересное сообщение. Он рассказывал, что внутри каждого медного рукомойника лежала записка, в одной из них было написано по-тюркски: «Для проведения обрезания сына Хумар Хатун». О том, кто была эта Хумар Хатун и когда она жила, ничего не известно. Удивительно, что видя все это своими глазами, человек из жадности и низменных мыслей не мог удержаться от разграбления всего этого.

После обнаружения этого клада Мирза Аба Бакр еще энергичнее занялся делами «казик» и нашел другие клады в старых крепостях Кашгара, Йарканда и Хотана.

Положение людей, работавших на раскопках, было таким: десять—двадцать человек были связаны одной цепью; к их спинам прикреплялась корзина, на шеях — цепь, в руках была кирка. Они работали зимой и

летом; на месяц им полагалось для еды одно решето проса; днем они работали, а ночью их заключали в темницу. Если вина человека была тягостной, то никто из его близких и посторонних не смел разговаривать с ним и передавать ему что-нибудь. Даже находившиеся с ним в одной цепи люди не могли говорить с ним. На каждую цепь [людей] ставили одного надзирателя, а /164а/ над десятью надзирателями стоял еще один. Всеми работами руководил один человек. Делом каждого из этих старших и младших надзирателей было бить, погонять людей, бросать в темницу и следить за их работой. Если [надзиратель] допускал малейшее послабление в отношении кого-либо, то его самого заключали в ту же цепь. От страха ни один надзиратель не мог ни к кому проявить сострадание и, кроме понуканий, не произносил лишнего слова.

[333] Того человека, у кого вины было меньше, раз в неделю мог навестить один из родственников. Таким образом, соответственно степени вины каждому он (Аба Бакр) установил свои пределы поведения, которые человек не мог преступить без разрешения. Мужчинам и женщинам он находил работы, одной из которых была эта. Было еще много других работ, изложение которых вызовет негодование у читателей и, возможно, разум откажется их принять.

Прежде было упомянуто, что Шах бегим, Михр Нигар ханим, мой брат Мухаммад шах, сестра матери моего отца, которая доводится теткой также и Мирзе Аба Бакру, в то время, когда они ехали из Кабула в Бадахшан, попали в руки воинов Мирзы Аба Бахра. Он привел их в Кашгар. Его сестра, которую звали Хан Султан Султаним, была благочестивая женщина и всю свою жизнь провела в молениях богу. Он долгое время, кроме вина, ничего другого ей не давал. Когда жажда и голод доходили до крайности, и она была близка к смерти, то выпивала глоток вина и так продолжалось до тех пор, пока она не скончалась в мучениях.

Моего брата Мухаммад шаха он держал среди своих евнухов, пока ему не исполнилось пятнадцать лет. Затем он приказал воткнуть в его живот шашлычный шампур и бить колотушкой, пока [шампур] не вышел из спины и не воткнулся в стенку, /164б/ и там оставили его на пять дней, пока его тело не стало разлагаться. Если так случилось с его родной сестрой и племянником по брату, то чего только не могло произойти с Бегим и Ханом, которые были скромницами кельи целомудрия. Сколько бы я ни размышлял, перо не двигалось, чтобы описать их жизнь, и я не хотел омрачать сердца благородных читателей этого короткого рассказа изложением положения тех угнетенных, прощенных богом. Рассказывать еще о его жестокостях, исходящих от его мрачной натуры, значило бы утомить читателя.

Вместе с тем в отправлении религиозных предписаний, в благотворительных пожертвованиях и в уплате заката он был настолько прилежен, что не знал ни минуты покоя. При рассмотрении всех дел он обращался за фетвой и действовал благочестиво. Он брал фетву на каждое дело, которое порой бывало самым отвратительным. Он так представлял это дело, что в общем ему находилась законная форма. Если давали фетву — хорошо, в противном случае он разными ухищрениями [334] убеждал обвиняемого в том, что тот заслуживает казни, и говорил ему, что хотя по шариату его положено казнить, он (Аба Бакр) из-за большого сострадания к нему не убивает его, а определяет на такую-то работу. Но та его работа бывала много хуже смерти. К числу тех дел, на которые он спрашивал фетву, относятся следующие, если, например, Амр нападет на Зайда с целью убить его, то последнему для своей защиты остается делать с Амром все, что он может, и избавиться себя от вреда с его стороны. Согласно закону это допустимо. И еще, [предположим] Халид принадлежит к бунтовщикам и мятежникам. Его уход в другую страну станет причиной бунта в той стране. Правитель, чтобы предотвратить бунт и страдания народа, должен поступить так, чтобы /165а/ Халид не ушел в другую страну, и это допустимо законом. На основании этих двух фетв [Мирза Аба Бакр] убил три тысячи человек из жителей Чагирака², Узгенда, Маду [под тем предлогом], что они посягали на его жизнь. А нескольким тысячам других [людей] он отрубил ноги [потому, дескать, что], если эти люди убегут в другое владение, то это вызовет там мятеж, а так они не смогут бежать. Изложение всех его дел подобного рода не вместится [в эту книгу], разве что они будут записаны ангелами в тетрадь благих и дурных дел. Поэтому все сказанное, которое трогает сердца и удручает души, приведено здесь кратко.

Остальные мерзкие дела Мирзы Аба Бахра будут вскоре изложены.

ГЛАВА 29. О ПРИБЫТИИ 'УБАЙДАЛЛАХ ХАНА, ИЗ ТУРКЕСТАНА В БУХАРУ. ОТЪЕЗД БАБУР ПАДИШАХА НА БИТВУ К КУЛ-И МАЛИК¹; О СРАЖЕНИИ И ПОРАЖЕНИИ ПАДИШАХА И О ТОМ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ В ТО ВРЕМЯ

Когда [Бабур] Падишах в раджабе 917 (сентябре 1511) года сел на трон Самарканда, как это было изложено раньше, все известные люди и знать Мавераннахра бунтовали в душе против того, что [Падишах] подчиняется шаху Исма'илу и носит одежду туркмен-кизилбашей. Когда та зима подошла к концу и из-за бесперывных дождей земля и время одели зеленый кафтан, узбеки выступили из Туркестана и двинулись на Ташкент. 'Убайдаллах хан ушел в Бухару по дороге Йетти Кудук². Поскольку эмир Ахмад Касим кухба укрепил крепость Ташкента, то [Падишах] отправил на помощь Ташкенту группу [эмиров], вроде эмира Дуст [335] Насира, Султан Мухаммада дулади и других, а сам направился в Бухару. /165б/ Когда он подошел к Бухаре, то 'Убайдаллах хан, получив известие о движении Падишаха, повернул поводья и вернулся назад той же дорогой, по которой прибыл. Падишах пустился вслед за ним, нагнал его в Кул-и Малике, и тот вынужден был остановиться. При 'Убайдаллах хане было три тысячи человек, а в войске Падишаха — сорок тысяч. 'Убайдаллах хан прочел до конца аят: <Сколько небольших отрядов победило

отряд многочисленный с дозволения Аллаха^{3>}, вернулся, и произошло большое сражение. Славный и всевышний Господь показал людям свою силу, в особенности людям, стоящим у власти, что им не следует кичиться обилием войска и снаряжением. Царь царей мира и абсолютный владыка (Аллах) поистине дает тому, кому захочет, и отбирает у того, у кого хочет.

'Убайдаллах хан с тремя тысячами уже испытавших поражение людей, которые за восемь месяцев раньше бежали от этого войска, разбил сорок тысяч человек, восседавших на прекрасных конях и полностью вооруженных. Это событие произошло в сафаре 913 (апрель—май 1512) года.

Падишах правил Самаркандом восемь месяцев. Когда он вернулся в Самарканд, то не смог поставить ногу пребывания на ступеньку трона Самарканда. Крайне расстроенный, он распрощался с самаркандским тронном и ушел в Хисар. Он беспрерывно отправлял к [шаху] Исма'илу одного за другим послов, извещая о случившемся и прося помощи. Тот удовлетворил его просьбу и послал ему на помощь Мир Наджда, который был его амир ал-умара, с шестьюдесятью тысячами человек. В начале зимы упомянутого года они вновь выступили против узбеков. Когда они достигли Карши, то узнали, что Шайхим мирза, дядя 'Убайдаллах хана [по матери], укрепил крепость. Вначале они занялись осадой Карши /166а/ и овладели ею за короткое время. Они предали всеобщему избиению вместе с Шайхим мирзой все население Карши, как простых, так и благородных, как младенцев, так и взрослых.

Что касается узбекских султанов, то каждый из них у себя укрепил крепость. Джанибек султан укрепил крепость Гиждуван. Когда туркмены [кизилбаши] покончили с избиением Карши, они расспросили Падишаха о состоянии крепостей Мавераннахра. Падишах [336] рассказал о каждой из них. Крепость Гиждуван они посчитали самой легкой [для захвата] и направились в Гиждуван. Как только об этом узнали остальные узбекские султаны, они в ту же ночь, когда Падишах и туркмены, расположившись вблизи Гиждувана, готовили орудия захвата крепости, вошли в Гиждуван. На рассвете, построившись в ряды, они в каждом квартале поставили заслон врагу. Эта сторона также выступила на бой. Поскольку узбеки находились в центре кварталов, то поле для битвы было узким. Спешившись, они начали стрелять с каждого угла. За час пятерня ислама окрутила руку ереси и неверия; знамена ислама поднялись на высокие ступени победы и триумфа. Ветер победы ислама опрокинул мрачные знамена неверных. Они разом потерпели поражение, и большая часть [туркмен-кизилбашей] была убита. [Узбеки] все прорехи, полученные ими в Карши от стрел [туркмен], закрыли мечом отмщения. Мир Наджда и туркмен они отправили в огонь преисподней. Падишах отступил в Хисар разбитым и удрученным.

Между Падишахом и теми могольскими эмирами, которые остались от [Са'ид] хана и предпочли служить Падишаху, [с одной стороны], и остальными моголами— [с другой], возникли разногласия. Изложение подробностей этих событий длинно, а краткое их описание таково. Однажды ночью Мир Аййуб бекджак, Мир Мухаммад, Йадгар мирза и Назар мирза вместе с остальными моголами /166б/ напали на Падишаха, и он, не одетый, с сотнями трудностей спасся в крепости Хисар. А те смели все, что нашли вне [крепости], и направились в сторону гор Каратегин.

У Падишаха не было сил отразить их. Закрепив крепость Хисар за своими надежными эмирами, он направился в Кундуз. Вся область Хисар, за исключением крепости, подпала под власть моголов. Поговорка моголов гласит: «Когда место не занято, свинья поднимается на вершину холма». Каждая свинья заняла трон. Они вынули руку насилия и притеснения из рукава смуты и вражды и схватили пятерней распутства меч и имущество подданных. Один из уважаемых моголов, который был моим мулазимом, рассказывал: «Мне написали брат на получение фуража к одному из бедных людей Вахша. Я подъехал к его дому и показал ему брат. Он призадумался, затем вышел и показал мне около двухсот коней и соразмерно этому овец, [337] верблюдов, рабов, домашнюю утварь, одежду, материи и сказал: «Я прошу отпустить меня с детьми и семьей в нижней одежде. Возьми все то, что здесь есть, и освободи меня от превышающей [это имущество] суммы, которая указана в берате». Когда я начал считать, то [увидел, что] хотя имущество и вещи составляли значительную сумму, но она не доходила до половины суммы моего берата». Этот [эпизод] показывает, какое насилие и притеснения чинили они. Все, что было у жителей Хисара из скота, имущества, зерна, они отобрали полностью и своим расточительством довели до уничтожения. Среди мусульман начался сильный голод. Во всем Хисаре осталось всего шестьдесят человек. Многие люди ели тела [людей], умерших естественной смертью. /167а/ Поскольку это были тела людей, умерших от голода, то в них не осталось питательности, тогда они убивали живых, если находили, и ели, пока сами не умирали. Итог порочных действий [тех моголов] из-за их низкой природы оказался таким ужасным, что из тех тридцати-сорока тысяч человек остались только две тысячи. Остальные все исчезли в бездне моря гнева и под мечом отмщения обиженных. Их жены и дети попали в плен к узбекам и смиренно пребывают в покорности по сей день.

Некоторые подробности из этого краткого рассказа следующие. Вдобавок к бедствиям этой зимы, из-за постоянного и непрерывного снега равнины стали как горы, а горы — как равнины. Это заблудшее племя, являющееся свиньями в саду и горными медведями, сколько бы ни увеличивало свою жестокость, мало получало благ от этого и оказалось в затруднении также и в отношении зерна. Трава в степи осталась под снегом, так что лошади не находили корма, а зерна было мало и для [людей], потому что эти проклятые тоже обессилели.

Когда об их слабости узнал 'Убайдаллах хан, большинство деяний которого было связано с добрыми целями, то он, сочтя нужным устранить эти злодеяния для упорядочивания дел государства и установления

справедливости, в конце зимы направился в Хисар. Когда сбившиеся с пути моголы узнали о выступлении узбеков, им некуда было идти, потому что они закрыли для себя путь к Падишаху, а свой приход в Андижан к [Са'ид] хану сочли нецелесообразным, ибо всякий раз, когда они являлись к хану на службу, каждый [338] занимался своим делом и от этого теряли доверие [к себе], и рука их насилия оказывалась отрубленной, а ноги их смуты переломленными. Поэтому они не могли и думать о том, чтобы идти к хану. Вместе с тем дороги были завалены снегом. По этим причинам они укрепились в горах Сурхаба и Вахша (Добавлено по Л₁ 121а; Л₂ 126б, R 263). С одной стороны /1676/ они были защищены рекой Сурхаб, с двух других — горами, а одну из сторон они доверили снегу.

Когда узбеки подошли ближе, они изучили местность вокруг них и нашли, что они укреплены. Как говорит мудрец: «Жизнь как снег под июльским солнцем» — с той стороны, на снег которой они рассчитывали, в те же два-три дня снег растаял, и в той теснине открылась довольно широкая дорога. Эта широкая дорога принесла радость [узбекам], а тем смутьянам — чрезвычайные трудности. На рассвете по этой дороге на них¹ напали узбеки. Когда [моголы] увидели это, то кинулись в воду. Стихи:

[Аллах] превратит огонь в цветник для Халила,
А некоторые будут носить в огонь воду из Нила

Большая часть тех смутьянов попала по водной глади в пламя ада. Из них спаслись немногие. Тот, кто бросился в воду, от удара сверкающего меча отправился в пламя ада, а тот, кто остался в живых, оказался в жалком положении пленника. То, что они причиняли народу Хисара в течение года, могущественный Аллах воздал им через 'Убайдаллах хана в один час. Стихи:

Послушай одно слово Са'ади.
Если посеешь колючку, не вырастет жасмин.

Во всяком случае следствие дурных дел будет такое, а конец их завершится крахом. Стихи:

Не следуй в мире плохому,
Ибо навстречу плохому идет плохое

Те, которые спаслись из реки Хисара и от сверкающего меча, явились к [Са'ид] хану в Андижан в таком состоянии, которое описывалось выше, вернее, его невозможно было описать.

Я слышал от Мир Аййуб бекджака, который говорил: «Когда я испытал на себе гнет моголов и воочию [339] увидел их обращение с народом, то не раз с рыданиями молил Господа, чтобы он скорее ниспослал на них какое-нибудь несчастье, /168а/ чтобы оно послужило причиной спасения мусульман».

Цель изложения этих событий — показать вершителям дел и правителям, как важно воздерживаться, от насилия, которое разрушает жизнь и государство, и творить справедливость, которая является основой стойкости государства и упрочивает жизнь. <Божья помощь — это редкая вещь, она дается только заслуживающему рабу>.

«Короче говоря, из-за злополучия тех людей Хисар ушел из рук Падишаха и стал принадлежать узбекам. Пока Падишах на что то надеялся, он кое-как пребывал в Кундузе, хотя испытывал большую нужду во всем». Той областью владел Мирза хан. Несмотря на полное повиновение Падишаху, он не мог, проявляя человечность, оставить ему область. Падишах, благодаря своей врожденной чуткости, понял эти его трудности и не стал претендовать на владение Мирза хана. Поскольку он потерял надежду на Хисар, то вернулся в Кабул.

Когда Падишах овладел Мавераннахром, он отдал Кабул Султан Насиру мирзе. Султан Насир мирза находился в Кабуле. Как только пришла весть о приближении Падишаха, он поспешил выйти встретить его и, положив чувства преданности на блюдо прошения, сказал: «Сей раб во всех делах считал и будет считать для себя короной гордости подошву искренности и служения Вам. Кабул является благословенным и счастливым местом. Вы поставили ногу счастья на трон государства из этого основания и доверили его мне. Однако согласно превратностям судьбы и вращению неба Вам пришлось вернуться сюда, [знайте], что я это владение, подобно государственной казне, содержал в порядке ради такого случая. Если Вы сообразите издать высочайший указ, то я вернусь к своему основному местопребыванию, которым является Газнин. Если же Вы сочтете нужным определить меня на какие-либо другие дела, исправление которых необходимо, то я буду еще более рад». /168б/ Падишах, чувствуя в своей славной душе большую признательность к Султану Насиру мирзе за проявленную им человечность, обладал его и разрешил вернуться в Газнин. Султан Насир мирза в те же дни скончался. Из-за Газнина среди эмиров возникли разногласия, о чем еще будет сказано. Сам же [340] Падишах пребывал в Кабуле, пока не был взят Кандагар, а потом был завоеван Хиндустан, о каждом из которых пойдет речь в своем месте.

ГЛАВА 30. КРАТКО О МОЕМ ДЯДЕ САЙИД МУХАММАДЕ МИРЗЕ, <ДА ПОКРОЕТ АЛЛАХ ЕГО СВОИМ ПРОЩЕНИЕМ>

До этого говорилось, что [Са'ид] хан четырнадцатого сафара 917 (13 мая 1511) года, расставшись с Бабур Падишахом, уехал в Андижан. Была одержана победа в битве при Кашгаре. В это же время Падишах взял Самарканд. Область Андижан освободилась для хана. При рассказе о сыновьях Султан Ахмад хана было сказано, что Султан Халил султан, оказавшись в безвыходном положении, приехал в Андижан. У Джанибек султана несколько повредился разум от того, что он упал с лошади и ударился головой об землю. В то время и прибыл Султан Халил султан. Джанибек султан приказал, чтобы мой дядя Саййид Мухаммад мирза, Султан 'Али Мирза бекджак и Тубра нуйагут убили [Султан Халил] султана. [Джанибек султан] хотел быть уверенным в том, что они порвали с моголами, иначе, как только им представится возможность, они поднимут мятеж и присоединятся к могольским хаканам. Эти трое, боясь за свою жизнь, утопили Султан Халил султана в реке Ахси. Он был младшим родным братом [Са'ид] хана. Пока на стороне шли битвы с врагами и происходили разные волнения эти трое, в общем, жили здесь спокойно. Так как самым сильным врагом были узбеки, и они /169a/ стянули одежду милосердия с простора государства, эти трое обеспокоились, что [Са'ид] хан будет мстить им. К тому же хан убил Тубру, когда тот был пьян. Причина была следующая. Тубра был человеком необразованным, никогда не прислуживал хаканам, всегда проводил время в степях Моголистана и Узбекистана, занимаясь казакованием, охраной границ, и никогда не поднимался на высокую ступень эмирства. В это время он возомнил себя одним из столпов государства и полагал, что говорить приятные и ласковые слова правителю есть признак лести, лезть же — одно из порицаемых качеств учеников. Говорить же дерзко — есть признак силы, и грубый разговор и несоблюдение норм уважения правителя возвеличат его в глазах людей. Вот такого рода мысли укрепились в его сердце. Его мозг наполнился бреднями гордости. Несмотря на страх и болезнь, он сделал своим лозунгом дерзость языка и [341] скверный характер. Однажды, когда из-за большого количества выпитого вина разум его помутился, а его место заняли высокомерие и зло, что было в голове у трезвого Тубры, сейчас стало разбрасывать искры пламени злобы, и он начал говорить всякий вздор. [Са'ид] хан вежливо уговаривал его, что, дескать, не место здесь этим бредням и не следует в такой степени проявлять дерзость и злонравие, однако пользы это не принесло. В ответ Тубра сказал: «На какие великие дела может сегодня претендовать преемник трона, если его предки не создали войско, дело которого он довел бы до конца? На что способны эти несколько сыновей и 1696 какие дела они могут вершить»? Когда он ответил [Са'ид] хану таким образом, то пламя гнева хана сожгло гумно его терпения и молчания, и его пепел ослепил глаза жизни Тубры. Тут же был издан действующий как рок приказ, чтобы с головы этого молодца сняли груз жизни и, отрубив ему голову, повесили над воротами в назидание всем, чтобы никто не поступал против норм приличия и чтобы никто свои дела не решал вне этих норм.

Когда это случилось, то Султан 'Али мирза, один из тех троих, бежал к Бабур Падишаху в Самарканд и присоединился к своим братьям: Мир Аййубу, Мир Мухаммаду и Мир Ибрахиму. Мой дядя Саййид Мухаммад мирза, который по положению был главой среди этих трех лиц, оказался в пучине бесконечного страха. Это событие произошло в Ахси, а мой дядя находился в Андижане. [Са'ид] хан спешно послал [к дяде] Мир Камбара из Ахси [с письмом]: «Тубра был такой осел, что никакой другой осел не принял бы его даже за свою торбу. Вместе с тем он закрыл ворота приличия и шел по пути неучтивости, а своим пренебрежительным отношением к делам уронил авторитет царства. Ни в коем случае не считите это дело за мою месть [за брата]. Что было, то прошло. Ваши нынешние услуги заставили забыть прошлое. Дыхание прошедшего времени не может повториться в том же виде. Подобно этому возвращение того, что прошло, невозможно начертать на доске воображения». Мир Камбар уехал, и этими словами он как-то успокоил моего дядю. Вслед за этим [Са'ид] хан сам отправился в Андижан. Великодушным вниманием, богатыми дарами и почерком насх он так начертил знак прощения на скрижалях деяний дяди, что в душе того не осталось и следа от бывшего страха.

[342] Узы любви /170a/ и дружеские связи между ними укреплялись изо дня в день, и в конце жизни они так жаждали видеть друг друга, что если бывали в разлуке, и хан упоминал имя моего дяди, то в его глазах появлялись слезы.

Посмотри на доброту и милость господина. Раб совершил поступок, а он стыдится.

Великодушие хана таково, а его врожденное благородство находится на такой высоте, что он вот таким образом уживается с убийцей своего брата. Ничего нет удивительного, если великодушный всепрощающий Господь милостиво погрузит [хана] в море прощения. В ответ на дружеские чувства хана к моему дяде последний проявлял к нему [любовь и дружбу] вдвое и в тысячу раз больше. Однако это не было понято людьми. Дядя же довел свои чувства к хану до такой степени, что из-за преданности и любви к нему он предпочел смерть жизни, о чем будет сказано.

Короче говоря, после этих событий [Са'ид] хан пребывал на троне царства до тех пор, пока [Бабур] Падишах не ушел из Самарканда и не произошло вторично завоевание Мавераннахра узбеками. Падишах прибег к помощи Шаха Исма'ила, получил от него помощь [в лице] Мир Наджма и вторично двинулся на Самарканд, о чем уже было изложено. Когда весть об этом дошла до [Са'ид] хана, он тоже выступил в Андижан с намерением нанести упреждающий удар [узбекам]. До того, как Падишах и Мир Наджм перешли Дарбанд-и Аханин, [Са'ид] хан пошел на Суйунджик хана, который был одним из видных узбекских султанов. Он встретил [Са'ид] хана боем. Два ряда войск столкнулись в местности под названием Бискант¹. Произошло крупное сражение. В этом бою хан проявил отвагу и получил несколько ран. Потерпев поражение, он приехал в Андижан и стал ждать вестей о Падишахе и Мир Наджме. Узбеки не проявили большого рвения в

преследовании [хана], так как /1706/ Падишах и Мир Наджм направились в Самарканд, и они сильно опасались этого. Хан в Андижане занялся устранениемполомок, полученных в этом сражении, и ждал вестей от Падишаха.

ГЛАВА 31. КРАТКО ОБ АВТОРЕ КНИГИ

Выше уже говорилось о том, что я, Ваш покорнейший слуга, в раджабе 915 (октябрь—ноябрь 1509) года приехал в Кабул от Мирза хана и удостоился [343] счастливых взоров падишаха. Он устроил меня наилучшим образом в келье своего воспитания, оказывая мне разные мелкие милости. Внешне он причислял меня к братьям и племянникам, но в душе воспринимал как сына. Он относился ко мне с состраданием, любовью и с отеческой благодарностью, ласкал как только мог, так что с уголков моей души полностью исчезли печаль сиротства и горе скитания по чужбине. Моя жизнь протекала в благополучии и полном спокойствии.

Тем временем Падишах решил отправиться с войском в Кундуз, как об этом было уже упомянуто. Было время созвездия Козерога, стояли холода. Проявляя ко мне милость, Падишах сказал: «Дорога трудная, стоят холода. Ты в эту зиму оставайся в Кабуле, а когда наступит весна и дороги очистятся от опасности холодов, ты приедешь ко мне». Однако я решительно возразил: «Я [терпеливо] перенес печаль сиротства на этой чужбине благодаря благосклонности Падишаха. Если я, отстану от Падишаха, то как перенесу печаль скитания по чужбине»? Когда Падишах увидел, что его предложение мне остаться в Кабуле становится причиной расстройств моей души, то он, как позволяло время, подготовил необходимое снаряжение для моего путешествия и взял меня с собой в Кундуз.

Поскольку среди моголов было много мулазимов моего отца, то они, [следуя обычаю], спешили служить мне и /171a/ встречали меня с дарами, какие могли сделать. Одним словом, у меня появились снаряжение и люди. В частности сочли нужным поступить ко мне на службу мой воспитатель Джан Ахмад атака, о котором будет упомянуто дальше, и близкие мулазимы моего отца. Этот упомянутый [атака] был человеком авторитетным. Когда [происходили столкновения] с узбеками, он проявлял доблесть. Создав себе имя, окруженный хорошими людьми, он собрал много коней и оружия и все это тратил на мои нужды.

Зимой состоялся поход в Дашт-и Кулак, о чем уже говорилось, и я участвовал в нем. Весной вернулись из того похода. [Падишах] разрешил [Са'ид] хану отправиться в Андижан. [Са'ид] хан уговаривал меня идти к нему на службу. У меня тоже было сильное желание идти с ханом. Я спросил разрешения у Падишаха. Тот очень обиделся и не подпускал меня к себе. Хан уехал в Андижан, а я остался с Падишахом.

Вскоре после этого войско двинулось в Хисар, где [344] произошло сражение с Хамза султаном и поражение узбеков. Вначале в бой пошел упомянутый выше Джан Ахмад атака, возглавив моих мулазимов. Он привел [к Падишаху], взяв живым, одного знатного узбека. [Падишах] обещал ему награду за храбрость и сказал: «Это — первое дело Мирзы Хайдара и пусть бахши-писари запишут в книги награду на его имя». Подробный рассказ об этом приведен выше.

Я находился при Падишахе, когда он захватил Самарканд. При рассказе о детях моего отца было сказано, что старшей из них была Хабиба Султан ханим, которая попала к 'Убайдаллах хану. Когда 'Убайдаллах хан бежал из Карши и отправился в Бухару, а затем ушел в Туркестан то он не смог должным образом сберечь свой гарем. У кого была возможность уйти по трудной дороге, ушел, а кто не мог, остался. Осталась в том числе и моя сестра Хабиба Султан ханим. Я присоединился к ней в Бухаре.

Когда мы приехали [с Падишахом] в Самарканд, в ту зиму прибыл из Андижана и мой дядя от [Са'ид] хана по делам государства. Сделав свои дела, сколь было возможно, он увез мою сестру в Андижан и отдал в жены [Са'ид] хану.

Весной того года, когда Падишах выступил на бой с 'Убайдаллах ханом в Кул-и Малик, у меня начался приступ лихорадки, и я остался в Самарканде. Когда потерпевший поражение Падишах вернулся в Самарканд, а затем покинул его, я уже поправился. Как бы то ни было, в свите Падишаха я приехал в Хисар. [Са'ид] хан несколько раз посылал людей к Падишаху с просьбой отпустить меня. Наконец, огорчившись и обидевшись, Падишах разрешил мне уехать. Я же по своей юности не удовлетворил желания его души, что следовало бы мне сделать. Когда Мир Наджм приехал и Падишах, оседлав коня, отправился в поход, я уехал в Андижан. Падишах присоединился к Мир Наджму. Об этом уже рассказывалось.

Я приехал в Андижан. До моего прибытия [Са'ид] хан, потерпев поражение от Суйунджик султана, вернулся в Андижан как раз тогда, когда прибыл туда я. Это случилось в раджабе 918 (сентябрь 1512) года. Начиная с этого времени и до зу-л-хидджа 930 (июнь 1533) года, который был концом жизни покойного хана, я всегда был нужен ему и удостоивался чести великодушных ханских милостей. Короче говоря, я ни на [345] миг не отлучался от службы ему, пока он не женил меня и не дал титул «гураган». Ночью в той комнате, где стелили для сна его счастливую постель, с другой стороны стелили постель покоя для меня. Если собирался совет по [делам] государства, а мой дядя непременно возглавлял его, то [хан] сажал меня выше дяди, и возможно, он делал это /172a/ по просьбе моего дяди. Дядя не раз заявлял хану, что «его близкое родство и многочисленные родственные связи с Вашим величеством находятся в такой степени, что, несмотря на то, что он является сыном моего брата, я считаю для себя достойным и даже необходимым, чтобы он сидел выше меня».

Если [Са'ид] хан выезжал на коне, я непременно ехал с ним рядом. Если он устраивал охоту, то обязательно

находил время обучать меня охоте. Если он возглавлял охоту, то с жаром приступал к этому делу и меня не отдалял от себя, побуждая к этому занятию. А если я не шел навстречу этому, то он ненавязчиво обязывал меня к этому. Он поручал мне разные дела и так говорил об их пользе: «Если наши юноши не будут нести службу, то они не станут благовоспитанными людьми. Они будут теряться в крупных делах и перед толпой и в собраниях, где собираются благородные представители разных слоев населения как из хаканов и султанов, так и из эмиров и накибов, и люди не будут соглашаться с ними. Но если юноши будут служить старшим, то их глаза и душа привыкнут к такого рода делам и к их особенностям, и они будут чувствовать себя уверенными на тех и им подобных собраниях людей. Благодаря этой уверенности они обретут веру в глазах и в душе народа, а их достоинство станет причиной могущества в управлении миром. Если эту службу будет исполнять человек без знания и умения, то он не сможет давать соответствующие поручения другим, не будет видеть недостатки в их пополнении и пути их исправления. Пока я находился на службе у моего отца и дяди, они начертали эту мудрость в моем сердце подобно рисунку на камне, они обязывали меня исполнять множество служб и принесли мне этим большую пользу. Я говорю тебе то, что узнал от старших, и ты также получишь пользу от них в своей жизни».

До двадцати четырех лет /1726/ я проявлял усердие во всех службах; в течение всего этого времени я без напоминания выполнял как крупные, так и мелкие дела [346] хана. Однако в диване и в собрании эмиров, соблюдая субординацию, я садился на свое место. И если там я находил удобный случай оказать ему какую-то услугу и пытался сделать это, то он останавливал меня, говоря: «В собрании людей следует соблюдать чин, чтобы люди не заметили истинное положение дел». Когда мне пошел двадцать пятый год, он полностью освободил меня от этих услуг и сказал: «То, что я поручал тебе делать, ты довел до совершенства. Теперь же приступай к тому, что мы от тебя ждем». Когда мне исполнилось тридцать лет, он доверил мне дела войска, однако он приставил ко мне людей опытных и известных эмиров и сказал: «Ты никогда не отступай от совета этих людей, слушайся их и повинуйся им во всех делах». После того, как было совершено несколько походов таким образом, он вновь повелел мне, чтобы я в собраниях и советах излагал свое мнение. До тридцати лет не было приказа, чтобы я на советах у хана высказывал свое мнение, поэтому в собраниях я был «нем, как рыба». После того, как мне было разрешено говорить, если я выступал в собрании и выражал свое мнение, то [хан] говорил: «Изложи, на каком это основании и в чем его правильность». Если ответ мой был обоснован и изложение такое соответствовало сути [дела], то он одобрял его и просил одобрения у присутствующих и останавливался на этом решении. А если я излагал неточно, то он, [подправляя меня], говорил: «Он хочет сказать то-то и то-то», и сам наилучшим образом, ясно разъяснял дело и доводил его до умов эмиров. А если в самой основе моего суждения был изъян, он так преподносил это [в собрании], /173а/ что мне становились ясными тонкости того дела.

Так прошло некоторое время. Потом хан сказал: «Теперь я полностью доверяю твоему мнению». После этого он верил мне все дела войска и государства, дал мне в руки неограниченную власть во всем. Ханские указы и фирманы, которые он мне направлял, сопровождались приветственными письмами и посланиями. Когда я вернулся из похода в Кашмир и удостоился в Тибете целования славных ног [хана], то и наедине и при людях он обращался ко мне не иначе, как «брат». Подробности этого будут приведены позже, при изложении жизни хана. После этого я не буду специально писать о себе, потому что при описании жизни хана, вплоть до его смерти, будет сказано и обо мне.

[347] ГЛАВА 32. О СОБЫТИЯХ, [ПРОИСШЕДШИХ] С СУЛТАН СА'ИД ХАНОМ ПОСЛЕ ЕГО ПОРАЖЕНИЯ ОТ СУЙУНДЖИК ХАНА

После того, как я удостоился чести служить хану, пришло сообщение о поражении Падишаха и Мир Наджда в Гиждуване. Было начало зимы. Та зима, как уже было сказано при упоминании о Падишахе и мятеже моголов, была очень суровой в Хисаре и там случился страшный голод. Зима была очень суровой по всей области и повсюду было тяжело.

Тем временем поступило известие о выступлении Суйунджик хана. За три месяца до этого от него потерпел поражение [Са'ид хан], и сила его противостояния ослабла. После долгих совещаний остановились на том решении, что мой дядя укрепит в крепости Андижан; Мир Гури барлас укрепит крепость Ахси; Мир Даим 'Али возьмет на себя крепость Маргинан, а [Са'ид] хан вместе с остатками войска и со всей семьей отправится в горы к северу от Андижана и тогда узбекам будет трудно появиться в горах — если хан окажется с войском вне крепостей, то осаждают их им будет трудно. Придя к такому решению, они осуществили его. Когда об этом узнал Суйунджик хан, /173б/ он счел нецелесообразным выступать, отменил свой поход, и та зима прошла спокойно.

Весной поступили вести о Касим хане. Подробности этого таковы. Когда Падишах овладел Мавераннахром, он отдал Ташкент эмиру Ахмад Касим кухбару, а Сайрам¹ — Катта беку, который был братом вышеупомянутого [Ахмада]. Когда Падишах ушел из Самарканда в Хисар, узбеки спокойно осадили Ташкент и в конце концов [защитники города] оказались в безвыходном положении. Однажды ночью они пробили брешь на одном участке войска узбеков и ушли. Узбеки сочли их уход за великую милость, не пустились в погоню за ними и удовлетворились освобождением Ташкента. Мир Ахмад Касим явился к [Са'ид] хану в Андижан и [затем], покинув его, отправился в Хисар к Падишаху. А его брат Катта бек

укрепил Сайрам и, не найдя способа уйти, ту зиму провел в осаде. Ранней весной он обратился к Касим хану за помощью, сдал ему крепость Сайрам, уговаривал его и старался привести Касим хана в Ташкент.

[348] Поскольку речь дошла до Касим хана, то если коротко не рассказать о нем, повествование останется неясным.

ГЛАВА 33. УПОМИНАНИЕ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ЖИЗНИ КАЗАХОВ И ИХ СУЛТАНОВ; О ПРИЧИНЕ ТОГО, ПОЧЕМУ ИМ ДАНО ЭТО ИМЯ И О ПОСЛЕДСТВИЯХ ИХ ДЕЛА

Когда Абу-л-Хайр хан полностью овладел Дашт-и Кипчаком, то некоторые султаны из рода Джучи, которые учуяли носом пронизательности запахи бед от него, решили его убрать. Некоторые султаны, как Кирай хан, Джанибек султан и другие, с малым количеством людей бежали от Абу-л-Хайр хана и прибыли в Моголистан. В то время очередь править Моголистаном подошла к Исан Буга хану. Исан Буга хан оказал им большие почести и выделил им уголок Моголистана. Они обрели здесь безопасность, /174a/ и дни их протекали в спокойствии.

После смерти Абу-л-Хайр хана в улусе узбеков возникли разногласия. Каждый по мере возможности ради безопасности и спокойствия прибегал к помощи Кирай хана и Джанибек хана и те окрепли. Поскольку вначале они уходили от людей, отдалялись от них и некоторое время бедствовали и скитались, то их называли казахами. Это имя закрепилось за ними.

После [смерти] Кирай хана ханство утвердилось за его сыном Бурундук ханом. Названный выше Касим хан был сыном Джанибек хана и, подобно своему отцу, во всех делах слушался и подчинялся Бурундук хану. У Кирай хана помимо Бурундук хана было много сыновей. У Джанибек хана тоже, кроме Касим хана, были сыновья. К их числу принадлежал Адик султан, которому после смерти Мирза Султан Махмуда б. Султан Абу Са'ида мирзы отдали [в жены] четвертую дочь Йунус хана Султан Нигар ханим. После разорения Ташкента Адик султан бежал от Шахибек хана и ушел к казахам. Султан Нигар ханим тоже последовала за ним. Адик султан вскоре скончался. Касим хан женился на Султан Нигар ханим. После смерти Адик султана власть утвердилась за Касим ханом, а Бурундук хану от ханства, кроме названия, ничего не осталось. В конце концов Касим хан изгнал Бурундук хана. Бурундук хан ушел в Самарканд и скончался на чужбине.

[349] Что касается Касим хана, то он подчинил своей власти весь Дашт-и Кипчак так, как никто после Джучи хана не смог этого сделать. Например, численность его войска превышала тысячу тысяч (миллион) человек. В конце концов после 924 (1518) года он отошел в вечность. Среди казахских султанов началась борьба. После Касим хана ханом стал его сын Мумаш. Умер он от удущья в одном из сражений. /174b/ После него на ханский трон сел сын Адик султана Тахир хан. Поскольку он был человеком жестоким и перестарался в жестокости, то его люди, которых было около четырехсот тысяч человек, все разом отвернулись от него и разбежались. Он остался один среди киргизов и умер, бедствуя.

Около тридцати тысяч человек вновь собралось в Моголистане. Брат Тахир хана Буслаш (В Л₂ 155a, Л₃ 1316 —Буйлаш, R 273—Булаш) хан стал ханом. В итоге злой рок сделал так, что вот уже четыре года, как нигде не осталось и следа от тех людей. В тридцатом (1524) году казахов было тысяча тысяч (миллион) человек, а в сорок четвертом (1537) из этого числа людей не осталось на земле и следа. Кое-что о них будет приведено при упоминании о хане. Такова краткая история казахов, как мы уже изложили.

Еще до того, как Касим хан принял титул хана, его власть уже была такой, что никто даже не вспоминал о Бурундук хане. Однако находиться около Бурундук хана он не хотел, потому что, если он, находясь возле него, не будет проявлять к нему должного уважения, то [Бурундук хан] будет оказывать на него давление, а выражать к нему уважение не позволяла его внутренняя неприязнь. Поэтому Касим хан держался от него подальше. Бурундук хан находился в Сарайчук¹. Касим хан, желая быть подальше от него, уехал к границам Моголистана.

Перезимовав в Каратале², Касим хан решил ранней весной вернуться в родные края, когда к нему явился человек от Катта бека вместе с главами Сайрама и преподнес ключ от Сайрама. Касим хан его принял. Затем он направился в Тараз, который моголы называют Йанги. Впереди себя он отправил одного из своих эмиров; Катта бек сдал ему Сайрам и пошел к Касим [350] хану на службу, побуждая его [идти на Ташкент]. Касим хан с огромным войском отправился на Ташкент. Суйунджик хан /175a/ укрепился в крепости Ташкента. Касим хан явился, провел ночь у крепости и ушел, разграбив окрестности Ташкента и захватив с собой все, что только мог найти. В окрестностях Сайрама он стал выпасать свой скот. О дальнейшей его жизни будет написано в своем месте.

ГЛАВА 34. УПОМИНАНИЕ О СОБЫТИЯХ, КОТОРЫЕ ПРОИЗОШЛИ ПОСЛЕ БИТВЫ СУЙУНДЖИК ХАНА, ОБ ОТЪЕЗДЕ СУЛТАН СА'ИД ХАНА К КАСИМ ХАНУ, К КАЗАХАМ

Когда настала весна 918(1512) года, узбеки Шайбана, под которыми подразумеваются подданные Шахибек хана, установили власть в Мавераннахре. Страх перед ними вселился в сердца людей (Далее, по-

видимому, часть текста утрачена, так как последующее изложение относится к событиям, связанным с Саид ханом).

Зиму они (Са'ид хан) провели, как было описано выше. А весной, когда они думали, как поступить и что делать дальше, неожиданно пришло сообщение о выступлении Касим хана. До его выступления [Са'ид] хан напал на Ахангаран, который относится к известным местам Ташкента. Я сопровождал его в тем набеге. Когда на рассвете нападающие приблизились к людям Ахангарана, то те спрятали свое имущество и семьи в роще, на одной стороне которой протекала большая река, а на другой был глубокий овраг. К ним можно было подойти только по одной дороге. Они не подпустили близко нападающих. Об этом сообщили [Са'ид] хану. Меня поручили Ходжа 'Али бахадуру, чтобы он держал узду моего [коня] и я не поехал бы в опасные места, так как мой возраст еще был не тот, чтобы я мог отличить хорошее от плохого и уберечь себя от опасности. Когда нападающие подошли к ним совсем близко, то большая группа пеших стрелков стояла, поднимая луки — согнув правую руку и вытянув левую. Они стояли, готовые принять смерть. Как только подошли наши люди, [Са'ид] хан ободрил богатырей правой и храбрецов левой [сторон] и успокоил их словами: «Не торопитесь отпускать поводья, /1756/ все должны напасть разом». Бахадуры рвались в бой, но, подчинившись приказу [351] хана, не заметили, как хан один бросился вперед. Своим приказом он хотел скрыть это свое намерение от людей и раньше всех устремился на врагов. Трое врагов, сидевшие в засаде, выпустили стрелы в хана. Благодаря счастью, [ниспосланному] свыше, и содействию явного успеха те три стрелы не попали в цель, что и нужно было. Хан сверкнул лучом меча, поражающего врага, над одним из тех троих. Тот, обреченный, от страха перед ханом забрался под ханского коня. Хан направился к другому. [Первый] высунулся было из-под ханского коня, как 'Абдалвахид бахадур, один из храбрейших бахадуров того порога убежища Рустама, который шел вслед за ханом, так взмахнул саблей, что голова того обреченного откатилась от тела на расстояние длины лука. В это же время хан замахнулся из другого. Затем мечи ханских бойцов, каждый из которых мог поучить кровожадного Бахрама-Марса в его деле, стали сверкать, как [сказано в айте]: «Молния готова отнять их зрение». И в один миг они свели на нет гумно жизни тех людей, так что облик их бытия не появится до судного дня. Так как в том бою в ряду отважных и в когорте храбрых никто не смог превзойти хана, то все, раскрыв уста восхваления и сомкнув уста пристрастия, открыли дверь беспристрастности и справедливо признали за ханом степень первенства в храбрости.

[Са'ид] хан вернулся из того похода благополучно и с добычей. Следом пришло сообщение, что Касим хан напал в Ташкенте на Суйунджик хана. [Са'ид] хан спешно направился в Ташкент. Когда он достиг перевала Кандарлик, /176а/ расположенного между Ферганским и Ташкентским вилайатами, пришло известие о возвращении Касим хана. Хан также вернулся назад в Акси и, укрепив крепости Ферганского вилайата, направился к казахам в надежде вновь поднять их на Ташкент. Я, будучи нездоров, не участвовал в той поездке.

Хан уехал и прибыл в Джуд² — известную местность Моголистана. В то время возраст Касим хана, перевалив за шестьдесят, приблизился к семидесяти годам, а [Са'ид] хан был в расцвете молодости — ему было под тридцать. Касим хан, принося свои извинения за то, что из-за преклонного возраста не может встретить хана, повелел тридцати-сорока султанам из рода Джучи, некоторым из которых было по пятьдесят-шестьдесят [352] лет, вроде Джаниш хана, Таниш (Приведено по Л₂ 156а, Л₃ 132б (в тексте-Баниш)) хана, Мумаш хана, Джан Хайдар султана, Кариш султана и других, преклонить колени перед ханом и приветствовать его. Когда преклонили колени Джаниш хан и Таниш хан, которые были намного старше [Са'ид] хана, он встал с места, а когда преклонили колени остальные султаны, хан приветствовал их сидя. Касим хан отнесся к [Са'ид] хану с таким уважением, что тот до конца своей жизни не забывал его учтивости. Всякий раз, когда хан вспоминал его, «да освятит Аллах его довод», он говорил, что Касим хан был очень человечным, и рассказывал об обстоятельствах своего знакомства с ним, в том числе и о том, как после встречи Касим хан подошел к хану и сказал: «Мы люди степей. Здесь не бывает дорогих вещей и изысканных блюд. Самое большое наше богатство — лошадь, а самая вкусная еда — ее мясо; самый приятный напиток для нас — ее молоко и то, что из него приготавливается. В нашей стране нет садов и зданий. Местом наших развлечений является пастбище коней — /176б/ мы идем туда, прогуливаемся там все вместе и рассматриваем лошадей». [Са'ид] хан рассказал далее, что когда они подошли к табуну, Касим хан осмотрел его и сказал: «У меня есть два коня, которых можно приравнять ко всему табуну». Привели этих коней. [Са'ид] хан не раз говорил, что он никогда больше не встречал лошадей, подобных этим двум — трем. Касим хан сказал: «Люди могут жить благодаря силе лошади. У меня, кроме этих двух лошадей, нет других, которые устраивали бы меня, поэтому я не могу подарить обеих. Поскольку Вы являетесь моим дорогим гостем, выберите ту [лошадь], которая понравится Вам, а другую оставьте мне», и он описал каждую из них. [Са'ид] хан взял одну из них. Ту лошадь звали Углан Турук. И в самом деле, подобного коня я никогда не встречал. Касим хан подарил еще несколько коней, отобрав их из того табуна. Держа перед ханом чашу кумыса, Касим хан сказал. «Наше гостеприимство заключается в этом. Для нас будет большой честью, если Вы сделаете глоток.» Однако [Са'ид] хан незадолго до этого отказался от хмельных напитков, и сказал: «До этого было вот такое дело, как же я нарушу его?» Касим хан ответил: «Я уже сказал, что самым любимым нашим напитком является кобылье молоко и то, что из него приготавливается. А [353] самым приятным из молока лошади является этот [напиток]. Если откажете в моей просьбе, то я больше не знаю, чем угощать Вас и как мне почтить Вас. Потребуется годы, чтобы к столу такого хозяина, как я, явился

такой дорогой гость, как Вы, и, если я буду не силах угостить Вас, то чем я заменю это недостигнутое желание?» Он опустил голову и следы досады появились на его лице. И Са'ид хан ради Касим хана нарушил свое воздержание от вина питьем кумыса. Касим хан очень обрадовался. Беседа оживилась и на протяжении двадцати дней /177a/ они непрерывно осушали кубки кумыса.

Был конец лета. Казахи по приказу Касим хана направились на зимовку. Касим хан сказал: «Выступить сейчас на Шайбана очень трудно. Надо, чтобы уже сейчас люди подумали о зиме. В это время войско не соберется». И он вежливо отказался выступить в поход. Однако Касим хан отпустил хана с большими почестями, а сам перебрался в родные места. Хан вернулся от него очень довольный и поехал в Андижан. Был месяц тир (июнь—июль). Один из придворных ученых на это событие нашел хронограмму в словах: «Ашти-йн казах» («Мир с казахами») — 919 (1513 — 1514) год.

ГЛАВА 35. УПОМИНАНИЕ О ЧУДЕ ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВА МАУЛАНА МУХАММАДА КАЗИ И О ТОМ, ЧТО ИМЕЕТ ОТНОШЕНИЕ К ЭТОМУ РАССКАЗУ

Во время победы Шаха Исма'ила над Шахибек ханом и прихода [Бабур] Падишаха с его помощью в Самарканд, его святейшество Маулана, <да помилует его Аллах и да отпустит его грехи>, прибыл из Самарканда в Андижан, как уже было сказано при упоминании о его жизни. В то время, о котором идет речь, Маулана жил в вилайате Ферганы, и все эмиры, которые находились там, поспешили оказать ему услуги и удостоивались счастья беседы с ним. Я тоже считал себя обязанным постоянно служить ему. Он также одаривал меня своим милостивым вниманием, гораздо большим, чем в моем детстве в Уратепе и во время бедствий в Бухаре, о чем подробно сказано выше. Тогда благодаря его заботе обо мне я спасся от той страшной Пропasti. От него исходили чудеса и удивительные дела, в том числе [следующие]: однажды один из мулазимов моего отца по имени Саййид кукалдаш, который был мюридом его святейшества Мауланы, явился к его [354] высокому порогу. Маулана заметил в нем следы печали и спросил [о причине]. Тот ответил: «Такой-то /1776/ — он имел в виду меня — «прибыл из Хисара с надеждой, что хан отдаст ему в жены свою сестру и удостоит его звания «гураган». А все эмиры этому очень противятся и хану будет трудно переступить через их мнение. По этой причине я огорчен и опечален». Маулана сказал: «Для меня очевидно, что преславный и всевышний Господь predetermined этот союз. Усилия эмиров будут бесполезны, и это дело непременно устроится». [Саййид кукалдаш] передал мне эти слова Мауланы и сообщил радостную весть. Это происходило в те дни, когда [Са'ид] хан находился у казахов. Через несколько дней после этого хан вернулся, отдал мне предпочтение перед моими родственниками, как указывал Маулана, и сделал меня своим свояком. В раджабе 919 (1513) года к моему имени он прибавил звание «гураган».

ГЛАВА 36. НЕКОТОРЫЕ ПОДРОБНОСТИ, КОТОРЫЕ ИМЕЮТ ОТНОШЕНИЕ К ЭТОМУ РАССКАЗУ

В начале книги при перечислении детей Султан Ахмад хана было сказано, что у хана было четыре дочери. Третью из них, по имени Мухибб Султан ханим, после смерти брата, держал при себе Султан Махмуд (Добавлено по Л₁ 1276; Л₂ 1576). После того, как Султан Махмуд хан прибыл в Акси и по приказу Шахибек хана был предан мученической смерти, эта Мухибб Султан ханим осталась при Кутук ханим, которая была дочерью Султан Махмуд хана. Во время разорения Ташкента ее отдали Джанибек султану, как было упомянуто. После того, как мой дядя выступил и изгнал из Ферганского вилайата Джанибек хана, она разлучилась с Кутук ханим, доводившейся ей двоюродной сестрой. По приезде [Са'ид] хана в Андижан она присоединилась к нему. Среди своих четырех сестер хан больше всех любил эту сестру. Когда она прибыла к хану, он отнесся к ней с любовью и лаской. Когда хан сделал меня своим свояком, это отметили великолепными пирами, о которых потом долго вспоминали.

/178a/ Ту зиму хан провел в местности под названием Пишхаран, относящейся к Акси. В середине зимы Мир Гури барлас, правитель Акси, скончался естественной смертью. Хан приехал из Пишхарана в Акси и пробыл [355] там до конца зимы. Когда наступила весна, Мир Аййуб и моголы, находившиеся в Хисаре и о которых уже было подробно сказано, потерпели поражение от 'Убайдаллах хана и прибыли сюда. Хан отдал Акси Мир Аййуб бекджаку.

Между тем пришло сообщение о выступлении узбеков. Это произошло следующим образом. В минувшем году приходил Касим хан, и узбеки всю весну опасались его. С наступлением зимы они ожидали, что как только снизятся воды Аму, придет Шах Исма'ил с целью отомстить за Мир Наджда. По этой причине тот год [узбеки] Шайбана воздерживались от нападения. Поскольку в те дни Шах Исма'ил уехал в Ирак, Касим хан вернулся в свои родные места, а Бабур Падишах бежал в Кабул, у узбеков Шайбана, кроме [Са'ид] хана и дел Андижана, других забот не осталось, и они той весной со всей силой выступили в Андижан. Когда весть об этом дошла до [Са'ид] хана, он оставил Ферганский вилайат и ушел в Кашгар (Добавлено по R 281), о чем будет рассказано.

ГЛАВА 37. КРАТКО О КОНЦЕ ДЕЛА ШАХА ИСМА'ИЛА

С того времени, как Шах Исма'ил прибыл из Ирака и убил Шахибек хана в Мерве, он внушал сильный страх окрестным султанам. Благодаря этому же страху [Бабур] Падишах с небольшой помощью Шаха Исма'ила вступил в бой с Хамза султаном и тоже одержал победу. Этим тот страх еще усилился, и были покорены Бухара и Самарканд, как уже было упомянуто. Когда Бабур Падишах во второй раз оставил Самарканд, то ушел в Хисар. Шах Исма'ил послал ему [на помощь] Мир Наджма с шестьюдесятью тысячами человек. Он выступил вместе с Падишахом, и в Гиждуване они /1786/ потерпели поражение. Все их оружие и снаряжение были уничтожены. Люди боялись, что [Шах Исма'ил] сам лично прибудет в Мавераннахр с целью отомстить за Мир Наджма. Узбеки в том году в ожидании этого никуда не выступали.

В это время Шах Исма'ил отправился в Ирак. Против него выступили султан Рума, которого звали Султан Салим, с войском в несколько сот тысяч человек. Шах Исма'ил пошел ему навстречу с тридцатью тысячами человек. Произошла ожесточенная битва, и [Шах Исма'ил] спасся от той пропасти только с шестью [356] человеками. Остальные его воины были полностью уничтожены румийцами. Султан Салим больше не продолжал наступление и вернулся в Рум. Разбитый и разгромленный Шах Исма'ил остался в Ираке и вскоре после этого присоединился к своему племени — к Нимруд и Фир'ауну. Шахом после него стал его сын Шах Тахмасп. Он тоже несколько раз подвергался нападению войска мусульман из Рума. От страха перед румийцами [Тахмасп] не мог больше усердствовать в распространении своей разрушительной религии и ее установлений и не мог следовать жестокостям своего отца. Двустипшие:

Голова коровы чувствует кол потому.

Что до кунджута ее веревка коротка

[Тахмасп] и по сей день является государем Ирака вместо отца.

ГЛАВА 38. УПОМИНАНИЕ О СУЛТАНАХ ШАЙБАНА, КОТОРЫЕ ПРАВЯТ В МАВЕРАННАХРЕ ОДИН ЗА ДРУГИМ ПО НАСТОЯЩИЙ ДЕНЬ

После того, как узбекские султаны Шайбана убили Мир Наджма, одержали победу над туркменами и [Бабур] Падишахом — это случилось в начале зимы 918 (декабрь 1512) года — весной того же года (март 1513) они, опасаясь как мести Шаха Исма'ила, так и вторжения Касим хана, о чем уже говорилось, особенно не нападали на окрестные владения. Зимой 919 (1513) года Шах Исма'ил направился в Ирак против Султана Салима¹, а Касим хан уехал в Аспару² для управления своими владениями. Поскольку эти два врага перестали наносить удары и беспокоить владения Шайбана, /179а/ то узбеки Шайбана успокоились. В конце зимы Убайдаллах хан выступил, освободил Хисар от гнета моголов и покончил с их делами, как было упомянуто. Весной 920 (1514) года [узбеки] Шайбана двинулись на Андижан. [Са'ид] хан тщательно обдумал положение и увидел в зеркале размышлений, что спор с узбеками из-за Андижана не принесет ничего иного, кроме печали и ржавчины. Те, у кого была сила выдержки, покинули пределы [владений] Шайбана. В числе тех, кто оказал им сопротивление, был Бабур Падишах, но он также, поставив ногу отчаяния в стремя безнадежности, вернулся в Кабул. Следовательно, правильным было для того времени решение покинуть область, пока [357] узбеки не приблизились. [Са'ид] хан тоже уехал в Кашгар по дороге в Моголистан. Область Фергана присоединилась к Мавераннахру.

Дела ханства, согласно древнему обычаю, вручили самому старшему султану, которым был Кучум султан. Его наследником был Суйунджик султан, однако он скончался раньше Кучум хана; тогда его наследником стал Джанибек султан, но он тоже отправился вслед за Суйунджик султаном. После него за ними последовал и Кучум хан. Управление ханством установилось за Абу Са'идом, сыном Кучум хана. Когда он тоже освободил трон ханства, то на его место сел 'Убайдаллах хан. Хотя с 911 (1505—1506) года и до конца правления указанных выше ханов всеми делами Шайбанидов заправлял он и, если бы он принял титул хана, то, говоря по-совести, никто бы не противился ему, однако он, следуя древнему обычаю, передавал ханство тому, кто был старше. Так продолжалось до тех пор, пока после Абу Са'ид /179б/ хана не осталось никого, кто бы был старше 'Убайдаллах хана. Он сел на ханский трон и освежил зефиром справедливости и доброты обоняние мира, пока в 946 (1539—1540) году его благоухающая душа, простившись с бранным миром, не отправилась в райский сад, <да освятит Аллах его довод>.

Мнение сего раба таково, что среди падишахов, правивших во всех странах света в течение последних ста лет, никто не видел и не слышал о таком правителе, каким был он. Во-первых, он был набожным мусульманином, богобоязненным и воздержанным. Все дела веры, страны, государства, войска и подданных он решал согласно закону шариата и не отступал от него ни на волос. В лесу храбрости он был отважным львом, а его ладонь была жемчужной раковиной в море щедрости. Его счастливая особа была украшена разными достоинствами. Он писал семью почерками, но лучше всего писал почерком насх. Он переписал несколько списков Корана и послал благословенным городам [в Мекку и Медину], <да возвысит их Аллах>. Он хорошо писал и настаиком. У него есть диван тюркских, арабских и персидских стихов. Он занимался музыкой и пением. И сейчас музыканты исполняют некоторые из его произведений. Одним словом, он был одаренным правителем, вобравшим в себя все похвальные качества. Бухара — его стольный город — была

местом сбора ученых людей, и в течение его жизни достигла такой [358] степени, что напоминала Герат времени Мирза Султан Хусайна. Так как Бабур Падишах и [Са'ид] хан покинули этот мир раньше 'Убайдаллах хана, то упоминание о завершении дел 'Убайдаллах хана следовало бы изложить после них. Однако события, связанные с [Бабур] Падишахом, и рассказ о Са'ид хане пространны и не имеют отношения к другим рассказам и к рассказу об узбеках. И если из-за этого мы приостановили бы рассказ об 'Убайдаллах хане, /180a/ то изложение не было бы последовательным и основной рассказ [о Падишахе и хане] пострадал бы от этого. Поэтому я кратко написал здесь о жизни узбеков Шайбана по настоящий день и больше в этой книге не вернусь к рассказу о них.

ГЛАВА 39. О ПРИЧИНАХ УХОДА СУЛТАН СА'ИД ХАНА ИЗ ФЕРГАНЫ И О ПОХОДЕ ЕГО НА КАШГАР

Летом 920 (1515) года узбеки Шайбана, находившиеся в Ташкенте под предводительством Суйунджик хана выступили против Андижана. Когда весть об этом дошла до хана, он собрал всех эмиров и советников, и они открыли врата совещания в связи со случившимся и предусмотрели зоркими глазами последствия и исход дела во всех отношениях. Мой дядя сказал: «Окрестные правители не смели мусор с лица своей чести и ушли, подумав о себе. Нашей силы недостаточно для противостояния многочисленным [узбекам] Шайбана, и наше вооружение не может равняться их оружию. Если мы вступим в бой с ними и исход его будет согласно нашему желанию — хорошо, [если же нет] — то мы окажемся в положении человека со сломанной рукой — человек от этого не погибнет, а распри и столкновения будут продолжаться. А если, не дай бог, произойдет [худшее], то восстановить упущенное будет трудно, вся сила будет утрачена, и последствия этого сохранятся на долгие времена; потери ничем не восполнятся, и та сломанная [рука], сколько бы ее ни подвязывали, не поправится. Вместе с тем вилайат Фергана является исконным юртом и местопребыванием [потомков] Чагатая. Шайбан силой отнял его у них, а мы стали защитниками чагатайских городов от их имени. Когда все султаны времени в целом, а чагатайские султаны в особенности спрятали руку самосохранения в рукав воздержания > а ногу вражды — в подол уединения, то нам /180b/ вступать в это опасное дело от их имени кажется далеким от благоразумия. Если Вы, соблюдая осторожность и [359] следуя совету, закроете ворота войны и до того, как пыль вражеского войска затемнит границы государства, направите поводы намерения в Моголистан, который является исконным местожительством моголов, то это более подходило бы для укрепления государства. Другое соображение заключается в том, что Мирза Аба Бакр, который перед лицом Ваших победоносных войск похож на раненую дичь, до этого дал бой в Тутлуке и потерпел поражение. Если мы направимся в его вилайат, а он, проявив храбрость, постарается еще раз дать бой, то бой с ним по сравнению со сражением с узбеками будет совсем легким, потому что в битве с ним опасности меньше, а выгоды больше. Другим подтвержденным преимуществом этого мнения является то, что возраст Мирзы Аба Бакра перевалил за шестьдесят, он правил около пятидесяти лет и в течение сорока лет преславный и всевышний Господь сносил его жестокости, а теперь наступило время, когда [Аллах] дни его притеснений приведет к ночи уничтожения. Кроме того, он полностью отстранил своих эмиров, пренебрег заботой о воинах и ту многочисленную группу заменил несколькими презренными людьми низкого происхождения. Из-за скудости его ума и отсутствия рассудительности люди в страхе перед ним не уверены в своей безопасности. Следовательно, мы должны все свои силы направить на завоевание Кашгара, возможно, что Господь, разрешающий трудности, откроет ворота перед лицом государства, <да будет оно обращено всегда к победе с Его милостью и благословением>. Вместе с тем, поскольку я, как брат Мирзы Аба Бакра, могу повелевать его слугами, и они, видя, что я нахожусь при стремени государевой особы, возможно, перейдут на мою сторону. А это имеет отношение к делу. /181a/ Хотя Мирза Аба Бакр является моим братом, но, как говорят, — двустиише:

Тысяча родственников, если они чужие
господу,
Пусть станут жертвой чужого, если тот
близок [к Аллаху]

Я во всех случаях стучу кольцом в дверь вечной державы. Всякую голову, которая не склоняется с почтением перед дверью государя, если даже она принадлежит моему брату, я принесу ее к счастливому стремени. В своей преданности к Вам я не позволю себе держать сторону [360] брата. Завершение его дел Я считаю незыблемостью Вашего государства. Если приведенные доводы будут одобрены и осуществлены, то это послужит укреплению Вашей власти».

Когда мой дядя довел свою речь до высокого слуха, [Са'ид] хан выслушал все это ушами одобрения, раскрыл уста похвалы и сказал: «Вот уже долгое время от дум об этом душа наша пребывает в утомлении. При всем разнообразии сомнительных и несбыточных предложений и способов их осуществления, от дум о разрешении того невозможного и преодолении того препятствия палец печали находился в зубах изумления. Однако Ваше предложение является исключением и заслуживает предпочтения перед всеми остальными. Нынче мое мнение — это мнение Саййид Мухаммада мирзы. Если кто-нибудь хочет сказать по этому поводу, пусть доложит». Все эмиры единодушно в красноречивых выражениях одобрили это предложение.

Когда мнения всех сошлись на этом, то в месяце раби¹ упомянутого выше 920 — (апрель-май 1514) года, до того, как Суйунджик хан подошел к рубежам Ферганского вилайата, [Са'ид] хан по дороге в Моголистан пошел на Кашгар. В это время совершилось одно из удивительных дел Мирзы Аба Бахра. Сей раб сам видел это, и каждый, кто посещал Кашгар в то время, знает о нем; оно было много раз записано [в книгах] и о нем постоянно говорили. Я уверен, что с течением времени и с прохождением годов и месяцев, /1816/ когда сотрется со страниц времени знак бытия обитателей этой эпохи, сей рассказ, подобно дошедшим до нас приключениям предков, удостоится взора читателей, а автору припишут преувеличение, <не дай Бог и сохрани Господь от этого>. Поскольку в моей искренности нет никакого сомнения, то приступим к его изложению. Просьба к читателям этих записей состоит в том, чтобы они отнеслись к ним благосклонно и удостоили их своего одобрения и поверили в их правдивость. То дело, в которое трудно поверить, следующее. Мирза Аба Бахр задолго до этого разрушил старую крепость Кашгара, а также селения Кашгара, а жителей переселил в Йарканд; некоторые населенные места он засеял. Когда он услышал о выступлении [Са'ид] хана на Кашгар, и весть эта подтвердилась, он приказал построить новую крепость Кашгара выше [старой] на краю обрыва реки Тьяман¹. Я несколько раз на глаз измерял [площадь] той [361] крепости,— она будет, примерно, около пятидесяти джарибов. Высота крепости в некоторых местах составляет в измерении по газ-и мата двадцать газов. Окружность высоких башен на каждом ее углу была, возможно, более тридцати газов. По верху вала, в его широких местах, могли идти четыре всадника. Такую высокую, прочную и просторную крепость он закончил за семь дней, что относится к необыкновенным делам. Этот рассказ является явным свидетельством силы и натуры Мирзы Аба Бахра, о которых было упомянуто прежде. Поскольку речь дошла до этого, то, если не будет подробно изложено о Кашгарских владениях, у читателей могут возникнуть сомнения относительно некоторых событий, и детали их могут быть поняты ими неверно.

ГЛАВА 40. ОПИСАНИЕ КАШГАРА

Кашгар принадлежит к древним и знаменитым городам. С древних времен султаны Кашгара были [выходцами] из рода Афрасийаба—тюрка, /182а/ которого моголы называют Буга ханом. Вот его родословная: Афрасийаб, сын Пиша, сына Дад Нишина, сына Туры, сына Афридуна. Это приведено по «Та'рих-и гузида», [автор] которой заимствовал из «Маджма ат-таварих»¹ Ходжа Рашидадина Фазлаллаха. В других исторических сочинениях приведено больше этого, <а Аллах знает лучше>.

Из потомков кашгарских султанов чести принятия ислама в молодые годы удостоился Сатук Багра хан². Впоследствии, став государем, он распространил ислам по всему вилайату Кашгара. После него несколько человек из его рода становились государями Кашгара и даже Мавераннахра. Перед завоеваниями Чингиз хана ханом [Кашгара] был Кучлук³ сын Тайанг хана наймана. Он бежал от Чингиз хана, отобрал Кашгар у ставленников гурхана карахитая, а гурхан карахитай до этого отобрал [Кашгар] у ставленников рода Афрасийаба. В то время государем Самарканда и большей части Мавераннахра был Султан 'Усман, [выходец] из этого семейства. О событиях, которые произошли между ним и хорезмшахом, написано и приведено с [подробным] изложением во всех исторических сочинениях. О мятеже Кучлука и об установлении власти моголов над Кашгаром я целиком привел из «Та'рих-и джахангушай».

[362] ГЛАВА 41. ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ «ТА'РИХ-И ДЖАХАНГУШАЙ»

Когда Чингиз хан установил свою власть в восточных странах, то Кучлук, сын Тайанг хана наймана, бежал по дороге Бишбалик (В Т—Шалик; Л₂ 161а, Л₃ 1366—Сабалик; R 288—Бишбалик) в пределы [владений] гурхана. Он скитался в горах, испытывая нужду. Сопровождавшие его соплеменники рассеялись. Некоторые говорят, что его схватила группа воинов гурхана и привела его к нему. По другому преданию он пришел к нему сам. Короче говоря, некоторое время [Кучлук] находился в услужении у гурхана. Когда хорезмшах Султан Мухаммад¹ выступил против гурхана, эмиры, находившиеся на восточной стороне, проявили непокорность [гурхану] и искали защиты у повелителя мира Чингиз хана и, /182б/ благодаря ему, спаслись от [гурхана]. Кучлук сказал гурхану: «Моих родов много, и они рассеяны по Эмилю², Кийалику³ (Приведено по изданию «Та'рих-и джахангушай». Т. I С. 46. В R 288 — Кийак) и Бишбалику⁴ и всякий досаждают им. Если мне будет дано разрешение, то я соберу их и с их помощью буду оказывать поддержку Вам и не проявлю непослушания гурхану и по возможности буду выполнять то, что он прикажет». С помощью лести и обмана он опустил гурхана в яму гордости. Затем преподнес ему многочисленные дары и попросил его дать ему титул «кучлукхана». [Гурхан] не дал (Приведено по Л₂ 162а; Л₃ 137 (в Т и R 289—«дал»)). [Кучлук] выскочил от него, как стрела из натянутого лука.

Когда распространилась весть о выступлении Кучлука, и он дошел до границ Эмиля и Кийалика, то к нему присоединился Туктай, который был одним из эмиров макрита, и до этого бежал от натиска повелителя мира Чингиз хана. Люди [Кучлука], где бы они ни находились, присоединялись к нему, и он стал совершать набеги, бросаясь с одного места на другое, грабил и то уходил, то приходил.

Когда Кучлук услышал о победе хорезмшаха Султан Мухаммада, он стал отправлять к нему одного за другим послов [с просьбой] выступить против гурхана с запада, а он, Кучлук, выступит с востока, чтобы убрать гурхана. Если хорезмшах Султан Мухаммад опередит [Кучлука] в натиске и в устранении [гурхана],

то из его владений хорезмшах Султан-Мухаммад возьмет [363] себе Алмалик⁵, Хотан и Кашгар, а если опередит Кучлук и захватит Кара-Хитай, то ему будут принадлежать местности до Финакета⁶ (Приведено по Л₂ 1616; Лз 137а.). На том они порешили и заключили между собой договор. Согласно этому договору они отправили с двух сторон войска на Кара-Хитай. Кучлук опередил. Войско гурхана было далеко, и здесь он потерпел поражение. [Кучлук] ограбил его казну, которая находилась в Узганде, и оттуда направился в Баласагун⁷. Гурхан находился там. В Джинудже⁸ произошло сражение. Кучлук потерпел поражение и большая часть /183а/ его войска оказалась в плену. Кучлук ушел и взялся за создание войска и дружины. Когда он услышал, что гурхан вернулся к себе после битвы с хорезмшахом Султан Мухаммадом и допустил беззакония по отношению к подданным области, и его войско также вернулось в свои места, Кучлук, как молния, блеснувшая из-за туч, устремился на него, подчинил его войско, захватил его владения и потребовал [в жены] одну из его дочерей. Большая часть племени найман была христианами. Он принудил девушку, чтобы она тоже стала идолопоклонницей и отреклась от христианства.

Когда [Кучлук] прочно утвердился во владениях карахитаев, то он несколько раз ходил войной на [гурхана] до Ханбалика⁹, и, наконец, внезапно застал его врасплох на месте охоты и убил. Главы Кашгара и Хотана (Добавлено по Л₂ 1616; R 291) стали проявлять к нему вражду. Гурхан держал в тюрьме сына кашгарского хана, а [Кучлук] освободил его из оков и отправил обратно в Кашгар. Но эмиры схитрили и до того, как он вступил в город, убили его между воротами. Начиная со времени созревания зерна и жатвы Кучлук посылал туда войска [на постой]. Они съедали и сжигали [хлеб]; после трех-четырёх раз посещения войска там кончилось зерно, началась дороговизна, от голода народ обессилел и покорился ему. Войско [Кучлука] приехало сюда и его воины селились в каждом доме, где был кедхуда. Так как все жили в одном месте и в одном доме [с хозяевами], то начались насилия и бесчинства. Идолопоклонники делали все, что хотели и могли, никто не мог воспрепятствовать этому.

Оттуда [Кучлук] отправился в Хотан и взял его. Затем он принудил жителей этих мест отказаться от религии Мухаммада и /183б/ выбрать одно из двух: учение [364] христианства или идолопоклонство, [с одной стороны], или пусть они надевают китайскую одежду— [с другой]. Люди выбрали китайскую одежду (т. е. буддизм). Аллах всевышний сказал: <Кто же вынужден, не будучи нечестивцем и преступником,— нет греха на том: ведь Аллах прощающ, милосерд>¹⁰. Были запрещены призыв муаззина к молитве, единобожие правоверного; мечети закрыли, а медресе пришли в ветхость.

Однажды в Хотане, в степи, собрали известных имамов Хотана, и Кучлук провел с ними диспут. От имамов задавал вопросы и давал ответы имам Алааддин Мухаммад ал-Хотани. После того, как он исполнил свой долг, его повесили над дверью медресе. Об этом я расскажу позже. В общем дело ислама погасло и разом исчезло, нескончаемые притеснения и разврат царили над всеми рабами божьими. Они обратились с мольбой к небу и, похоже, что стрела мольбы попала в цель одобрения и принятия [Аллахом]. Когда Чингиз хан выступил для завоевания стран, он для устранения бесчинств Кучлука и с тем, чтобы положить конец его злодеяниям, отправил группу из нуйанов. [Кучлук] в то время находился в Кашгаре. Люди Кашгара рассказывали, что когда прибыли нуйаны, они не успели еще построить боевые ряды, как Кучлук бежал. Отряды моголов, прибывавшие один за другим, ничего не требовали от жителей, кроме Кучлука. Они разрешили прославление Аллаха, призыв к молитве и исполнение ее. /184а/ Нуйаны объявили в городе, чтобы каждый следовал своим обычаям и вере.

Когда Кучлук, потерпев поражение, бежал, то все его люди, проживавшие в городе и в домах мусульман, вмиг исчезли, подобно ртути в земле. Могольское войско погналось за Кучлуком и, где бы он ни останавливался, достигало его как бешеную собаку, пока он не дошел до пределов Бадахшана, которые называют Даразуханом. Когда он добрался до берега Сариг Чупана, то заблудился, и это было справедливо. Он вошел в лощину, из которой не было выхода. В тех горах охотилась группа бадахшанских охотников. Они увидели беглецов и направились к ним. С другой стороны подошли моголы. Долина была пересечена и пройти ее было трудно. Моголы обратились к охотникам: «Эта группа людей — Кучлук и его подданные, которые убежали. Если вы схватите Кучлука и отдадите его нам, то больше у нас к вам не будет дела». Те охотники [365] окружили Кучлука и его людей, схватили и отдали моголам, которые обезглавили его и увезли [голову] с собой. Бадахшанцы вернулись [домой] с богатой добычей из жемчугов.

Ни для кого не секрет, что тот, кто препятствовал исламу и законам Мухаммада, никогда не одерживал победу, а тот, кто заботился о нем, хотя и не был его последователем, с каждым днем все более преуспевал.

На лампу, зажженную Творцом,
Кто дунет, тот бороду сожжет

ГЛАВА 42. О МУЧИТЕЛЬНОЙ СМЕРТИ ИМАМА АЛААДДИН МУХАММАДА ХОТАНИ ОТ РУКИ КУЧЛУКА. ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ «ДЖАХАНГУШАЙ»

Когда Кучлук завоевал Кашгар и Хотан и перевернул с христианской веры на идолопоклонство, то он заставил их население перейти из чистой веры хани- 184б фитов в нечистую веру гебров, сменил яркие тучи истинного пути на ужас неверия и мрака, а покорность Господу милостивому — на подчинение проклятому дьяволу. Когда люди не соглашались, он так настаивал на этом, что они были вынуждены надеть китайские одежды и шапку. Призыв к намазу и молитва были отменены и прекращены

Между тем он решил насильно убедить имамов религии Мухаммада в превосходстве своей религии и повелел объявить в городе, чтобы все достойные ученые-богословы вышли в степь. Собралось более трех тысяч почтенных имамов. Он обратился к ним [со словами]: «Кто среди этого разряда людей может вести спор относительно религии и верований, пусть не отступится от слов и не воздерживается, боясь наказания». А сам он был твердо уверен, что ни у кого не хватит смелости противоречить ему и выставлять свои доводы; во всяком случае каждый постарается обезопасить себя от страха перед его внушительным видом и не будет накликать на себя огонь несчастья, а наоборот подтвердит его ложные свидетельства и несостоятельные доводы.

Из среды тех людей поднялся поддерживаемый Аллахом шейх и истинный имам 'Алааддин Мухаммад ат Хотани, <да освятит Аллах его могилу и увеличит ему награду> и, подойдя к Кучлуку, сел, повязав пояс высказывания истины, и начал спор о религиях. Постепенно его голос стал громче, и имам-мученик, не обращая [366] внимания на Кучлука, стал приводить всякие доводы. Истина возобладала над ложью, ученый над невеждой.

Счастливым имам-мученик /185аб/ пристыдил отверженного Кучлука (Следующий текст лл 185а—б дан в пересказе).

[Далее в цветистых выражениях, в сравнении с мифологическими персонажами приведен рассказ о том, как имам 'Алааддин, защищая религию ислама, стал оскорблять Кучлука, а тот в ответ на это подверг его жестокому наказанию: сначала он продержал его нагишом, связанного, несколько дней без еды и воды, а затем пригвоздил к воротам медресе, построенного имамом в Хотане. На этом заканчивается извлечение из «Та'рих-и джахангушай»]

/186а/ Итак, область Кашгар (Добавлено по Л₂ 163б; Л₃ 139а) была завоевана Чингиз ханом. Впоследствии, когда Чингиз хан завершил свои походы по завоеванию Ирана, Турана и всего мира и вернулся к своему постоянному местопребыванию, он разделил свои владения между четырьмя сыновьями. В «Маджма' ат-таварих» Рашиди приведено подробно, а в «Гузиде» кратко о том, что весь Дашт-и Хазар и Кипчак, который граничит с Румом, океаном, Мавераннахром и Моголистаном, он отдал своему старшему сыну Джучи хану. <Весь Моголистан, Кара-Хитай, Туркестан и Мавераннахр от отдал Чагатай хану (Добавлено по Л₁ 133а, Л₂ 163б, Л₃ 139а; R 293), Хитай — Тули, а свои исконные земли, состоящие из Каракорума и Калмака, передал Угедю. Точно так же он разделил все войско и эмиров. При этом надел дуглатов достался Чагатай хану. Чагатай хан вверил дуглатам Манглай Субе. Манглай Субе означает «местность, обращенная к солнцу». Она граничит с Шашем, Чалишем, Иссик Кулем, Сариг-Уйгуром. В пределах этих четырех сторон расположены Кашгар и Хотан. Первым, кто из дуглатов утвердился в тех владениях, был эмир Байдаган. От эмира Байдагана [это владение] из рода в род, из века в век, от сына к сыну перешло по наследству к упомянутому выше Мирза Аба Бакру.

В [сочинении] «Джаад-и гитинамай» («Чаша, показывающая мир») указано, что Кашгар принадлежит к крупнейшим городам тюрков. Там говорится о нескольких [производимых] там вещах, от которых сейчас не осталось и следа. В том числе говорится о том, что [367] товарами вывозимыми из Кашгара во все страны, были горностаи и белка. Сейчас там их вовсе нет. Вот подробности [географического] положения Кашгара. На севере Кашгар [граничит] с горами Моголистана, которые тянутся с запада на восток и с этих гор реки текут на юг. /186б/ Те горы, с одной стороны, простираются от Шаша, а с другой, пересекая Турфан, упираются в земли калмаков. Ту сторону, кроме [земель] калмаков, никто не видел и не знает. Я попросил рассказать о той земле некоторых людей, которые немного знают о той стороне, но я ничего не мог понять из их устного рассказа, чтобы можно было написать о ней здесь. О Моголистане скоро будет рассказано. От Шаша до Турфана три месяца пути. На западной стороне Кашгара тоже тянутся горные цепи, откуда берут начало горы Моголистана. [Эти горы] простираются с севера на юг. Я шел по этим горам шесть месяцев и не дошел до их конца. О них тоже будет скоро изложено при упоминании о Тибете. Из этих гор тоже вытекают реки с запада на восток. Благодаря этим рекам область Кашгар благоустроена. Все области Хотана, Йарканда и Кашгара расположены вдоль подножия этих длинных гор. С востока и с юга к Кашгару и Хотану примыкает пустыня, где кроме подвижных песчаных холмов, бесконечных кустарниковых рощ и солончаковых степей нет никакой другой земли. В древности там были крупные города, в том числе и два крупных города — Луб и Катак, от которых остались только названия. От других городов не осталось ни названия, ни следа: все покрыто песком. Некоторые охотники, которые охотятся там на диких верблюдов, рассказывают, что иногда [из-под песка] выступают части высоких городских зданий вроде крепости, минарета, мечети и медресе, а через некоторое время, когда они возвращаются туда, то не находят и следа от них; их вновь заносит песком. Были и такие города, /187а/ от которых ныне не сохранилось ни следа, ни названия.

В общем, благоустроенные места Кашгара и Хотана расположены вдоль подножия западных гор. К Кашгару примыкает область под названием Артудж. Отсюда до границы Хотана, где [расположены] Керйа¹ и Хуха², расстояние месячного пути. Однако если двигаться быстро по заселенному району с западных гор на восток, то за один—два дня можно пройти благоустроенную часть. Берега каждой реки, вытекающей из [368] упомянутой выше горы, представляют собой возделанные земли. Первая — река Тиман, которая стекает с горы, расположенной между Кашгаром и Ферганой. Эта река течет между крепостью Кашгара, которую разрушил Мирза Аба Бакр, и упомянутой выше крепостью, которую построил Мирза Аба Бакр на берегу этой реки. Несколько вилайатов Кашгара орошаются той рекой. Вторая река называется Кара Тазгун. На

языке жителей Кашгара «тазгун» означает «река». Она протекает в трех (Приведено по Л₂ 164б; Л₃ 139б, R 295 (в Т—тридцать)) фарсах с южной стороны упомянутой выше крепости. Большинство вилайатов Кашгара орошается этой рекой. В трех фарсах от нее имеется другая река под названием Кусан Тазгун, на берегу которой расположены касаб Янги-Хисар и все, что относится к ней. Эта касаб благоустроена благодаря этой реке. От Кашгара до Янги-Хисара шесть шариатских фарсах. Приблизительно в шести фарсах от Янги-Хисара расположена маленькая деревня под названием Кара Чанак. Перед ней протекает река Шахназ. Несколько местностей благоустроены благодаря этой реке. Шахназ — горная долина, расположенная на западной горе. Через эту долину проходит дорога из Кашгара в Бадахшан. От Кара Чанак до Кулфин (Приведено по Л₂ 164б; Л₃ 140а (в Т — Кулбин)) -рабати, который является местом остановки путников — пять фарсах. Дальше расположена дервишская обитель, которую называют Куш Гумбаз³, — прекрасная стоянка, орошаемая рекой Шахназ. /187б/ Здесь имеются нивы и сады, которые являются вакфом сей дервишской обители. Путники пользуются этой стоянкой. Следующая стоянка — селение под названием Кизил⁴. Вода здесь соленая и [люди] без надобности не останавливаются здесь. Эта стоянка находится между Янги-Хисаром и Йаркандом. От Кизила до Кук-рабата⁵ около десяти фарсах пути. От Кук-рабата до пригорода Йарканда, который называется Рабатчи, — около семи шариатских фарсах. Между Рабатчи и Кара Чанак, кроме названных стоянок, населенных мест мало.

В древности Йарканд был крупным городом, и тот старый город раскопал Мирза Абу Бакр. Одна из раскопок, упомянутых нами ранее, производилась в старом городе Йарканде. Там он нашел много сокровищ. Однако было ли название того старого города «Йарканд» [369] или же он назывался иначе — не известно. Во времена моих предков Йарканд был касабой, наподобие Янги-Хисара. Мирза Аба Бакр объявил Йарканд своей столицей, провел арыки, разбил сады. В народе рассказывают, что Мирза Аба Бакр создал двенадцать тысяч садов, большинство которых расположено в Йарканде и его предместьях. Однако я сомневаюсь, чтобы их было столько. Мирза Аба Бакр построил крепость, высота которой в большинстве мест составляет тридцать шариатских газов. [Площадь] внутренней части крепости примерно равна ста джарибам. Он построил очень высокий арк и установил в крепости шесть ворот (Добавлено по Л₁ 134а; Л₂ 165а), весьма прочных. Он [расположил] ворота вглубь от крепостной стены, примерно на сто газов, а с двух сторон близко друг к другу воздвиг по башне, так, что если кто хотел подойти к воротам, он должен был пройти мимо этих двух башен. Если враг войдет в крепость, то на него сзади и спереди, слева и справа посыпятся стрелы и камни. Такого рода укрепления редко встречаются. В этой крепости построено много высоких зданий описывать их будет долго.

В предместьях [Йарканда] имеется около десяти садов. /188а/ Там воздвигнуты высокие здания, каждое из которых заключало в себе около ста комнат, а все большие и маленькие ниши [в стенах] были покрыты алебастром, штукатуркой, изразцами и росписью. К большинству общих дорог он провел засаженные белыми тополями аллеи протяженностью в один или в половину шариатского мила. В какую бы сторону города ни шли люди, они идут под тенью тополей. Вдоль большинства аллей текут ручьи.

Вода Йарканда — лучшая в мире. Все целебные свойства воды, описанные мудрецами, присущи воде [Йарканда]. Образуюсь из снега и льда, она быстро течет с гор Тибета, с юга на север, преодолевая месячный путь по камням и пескам. Когда она достигает Сариг Куляба, который является предгорной областью Кашгара, то еще более стремительно, ударяясь о камни и захватывая их, проходит семидневный путь на восток, пока не выйдет на равнину. Здесь на [расстоянии] двухдневного пути она стремительно бежит по камням до русла Йарканда. В русле Йарканда камней меньше и вода впервые несколько сбавляет свою скорость. [370] Особенностью этой реки является то, что ранней весной она так мелеет, что в отдельных местах ее можно перейти, переступая с камня на камень. А в июле месяце она так разбухнет, что ширина ее в некоторых местах составляет один шариатский мил. В этой реке имеется яшма, которую в просторечии называют «санг-и каш». (Добавлено по Л₂ 165а; Л₃ 140б) [Поля] большей части области и селений Йарканда орошаются водой этой реки.

Другая река протекает приблизительно в семи фарсах от этой и называется Газ Аб. Ее водой орошается вся остальная область. [На расстоянии] трех дней пути при средней ходьбе от Йарканда все местности и селения благоустроены и конечное из них называется Лахук. Отсюда до Хотана при неторопливой ходьбе десять дней пути. На [протяжении] этого десятидневного пути, кроме стоянок, нет населенного места. /188б/ В Хотане есть две реки, называемые Кара Каш и Урунг Каш, в которых имеется яшма и нигде больше в мире она не встречается. [Люди] предпочитают воду этих двух рек воде реки Йарканда, однако я не считаю воду этих двух рек лучше воды реки Йарканда. Хотан принадлежит к известным городам мира, но сейчас, кроме яшмы, о нем не о чем писать. Одна из особенностей того места заключается в том, что в Хотане никогда не бывает сороки. Если же она иногда появляется, то люди считают это дурным предзнаменованием и, собравшись вместе, прогоняют ее.

Никто в Хотане не знает не только месторасположения могилы того имама 'Алааддина Мухаммада Хотани, о которой упомянуто в исторических сочинениях, но даже его имени. Там много других могил, о которых ничего не известно. Бытуют лишь устные предания, правдивость которых опровергается историческими сочинениями, в том числе о могилах мучеников имама Захиба, Джа'фар Тайяра, имама Джа'фара Садика, <да будет доволен ими Аллах>, и о некоторых других, являющихся асхабами. Неправдоподобность этих [рассказов] очевидна. Возможно, что под этими именами сюда явились люди из последователей приверженцев [пророка] и нашли здесь мученическую смерть, потому что до принятия Кашгаром ислама

сюда приходили такие последователи [пророка] и вели в Кашгаре священную войну за веру. Удивительное здесь следующее:

[371] иногда, когда ветер сдувает песок, то обнаруживаются тела этих мучеников за веру. В них не обнаруживаются какие-либо изменения: видны нанесенные им следы от ран и даже кровь, запекшаяся на поверхности раны. Любопытно, кто обойдет те могилы, убедится в том воочию. Что касается могил Йарканда, то здесь среди усопших нет ни одного, о котором было бы упомянуто в исторических сочинениях. Народ полагает, что здесь лежат семь Мухаммадов. Не заслуживает изложения то, что рассказывают о них служители кладбища. Однако от Маулана Ходжа Ахмада — мюрида /189а/ Хазрат Ишана, человека преклонного возраста, речь о котором пойдет в основной части «Истории», «если будет угодно Всевышнему», я слышал, как он говорил, что эти семь Мухаммадов принадлежали к столпам [веры]. Неизвестно только, читал ли он об этом в какой-нибудь книге или же узнал [от людей]. Другая могила — Дава хан падишаха. Я ничего не слышал о нем от служителей кладбища. Однажды убежище наставничества господин Шихабдин Ходжа Хованд Махмуд, проходя мимо той могилы и, обратившись ко мне, сказал: «Этот человек обладал большой притягательной силой и каждый раз, когда я прохожу мимо, меня охватывает сильное волнение». [Над могилой] воздвигнуто высокое здание, внешняя сторона которого тщательно оштукатурена и украшена рисунками и письменами. Сколько бы я ни крутился вокруг того здания и ни старался прочесть написанное, мне это не удавалось, так как большей частью надписи произведены почерком куфи, но не тем, который употребляется ныне. Отдельные части здания расписаны почерком сульс, но в такой манере, что невозможно прочитать. Неподалеку от него находится купол и на его своде написано по-тюркски. Большая часть надписи стерта, но там прочитывается: «Шестьсот пятьдесят шестой год» (1258 г.), а остальное невозможно прочесть. Эта дата близка к дате [жизни] Дава хана, который [более] известен под именем Дава хана. Я предполагаю, что эта могила Дава хана. На это у меня есть несколько оснований. Первое — то, что в те годы не было другого правителя под именем Дава хан; само имя «Дава хан» указывает на то, что этот человек не был шейхом или имамом, а если бы это было так, то после его смерти его почитатели не смогли бы воздвигнуть над его могилой столь величественное здание. Второе — то, что отец Дава хана [372] Барак хан стал мусульманином в Бухаре, получив титул «Султан Гийасаддин». После его смерти государем стал его сын Дава хан. Отсюда /189б/ совершенно очевидно, что Дава хан был мусульманином. Дава хана часто восхваляют в исторических сочинениях. Неудивительно, если всевышний Господь удостоил его высокой степени благодаря [его пребыванию] в исламе и его похвальным качествам.

Если эта могила, известная как [могила] государя Дава хана, в действительности принадлежит тому Дава хану, то о нем написано в исторических сочинениях. Так, в Предисловии к «Зафар-наме» маулана Шарафаддин 'Али Йазди, «да помилует его Аллах», пишет так: «Дава хан сын Барак хана, сына Кара Ису, [сына] Мамкая, сына Чагатая, сына Чингиз хана был могущественным, высокостепенным государем, Хусравом престола миродержца, достойным счастливой короны, стихи (Приведенное ниже стихотворение относится к старшему брату Дава хана — Бектимуру (ташкентское издание «Зафар наме». С. 178)):

Он высокостепенный, как небо, достойный короны
и трона
Государь с твердым мнением и счастливый
Во время своего правления он всегда поступал
справедливо,
Он благоустроил страну справедливостью и
щедростью

Он признал древний договор с Илангиз нуйаном сыном эмира Пахла, сына Нисуна. принадлежащего к роду Карачар нуйана барласа, и подтвердил правила и обычаи отцов. Тридцать лет он правил счастливо. Благодаря добрым делам Илангиз нуйана улус Чагатая находился в благоденствии, желание каждого было исполнено, стихи:

У того славного [Илангиза], чего бы ни пожелал
человек
То дело исполнялось сразу
В конце концов, вздохнув несколько раз он скончался.

До сих пор переписано из «Зафар-наме».

Внутри крепости Йарканда, неподалеку от арка, имеется одна могила под названием Ганджаджи ата. Там лежала расколовшаяся на две части бедренная [373] кость человека. Я всегда с удивлением смотрел на нее. Я показал ее господину Маулана Шах Саййид Ашику, /190а/ одному из очень набожных улемов Мавераннахра. Он очень удивился и сказал: «Давай измерим». Он приказал принести бедренную кость человека настоящего времени (Далее две строки текста, видимо, искажены при переписке, так как совершенно непонятен способ измерения обеих костей)... Затем Маулана сказал: «У обладателя этой кости размеры кости, должно быть, в шестьдесят раз превышали размеры кости человека настоящего времени».

Это относится к удивительным явлениям.

Что касается могил Кашгара, то первой из них [по древности] является [могила] Сатук Бугра хана, из рода Афрасийаба, деда Йусуф Кадр хана⁸ и Султан Илака Мази. Он был первым из тюрков, принявших ислам. О нем приводят предание, которое гласит: <Кто первым из тюрков принял ислам — это Сатук>. Я слышал от дервишей, что обращение к его духу приносит великую благодать. Имеется много других могил, о которых хорошо изложено [в книгах], и они упоминаются в рассказах и преданиях. К их числу принадлежат [могила] Хусайн Фазла ходжи, Кутб-и 'Алама, Шайха Хаджари, Шайха Хабиба, Факиха Аба Бакра и других. К числу диковин могилы Хусайн Фазла ходжи относится ограда, которую называют «оградой муфтиев». В ней находится могила. Напротив того святого оставлено отверстие, <откуда видно его благословенное лицо (Добавлено по Л₂ 1666, Л₃ 1416). Ничего в нем не изменилось: он имел продолговатую рыжую бороду, что видно и сейчас. Улемы Кашгара рассказывали, что всякий раз, когда возникал какой-то трудный вопрос, они писали его и оставляли на могиле. Придя туда на следующий день, они находили написанный на него ответ. Это испытано и испробовано, а за верность я не ручаюсь.

Все жители Кашгара и Хотана делятся <на четыре группы (Добавлено по Л₂ 1666, Л₃ 1416, R 301). Первую называют «туман», что означает «подданные-ра'ийаты», они принадлежат хану и ежегодно платят ему налог. /1906/ Другая называется «каучин», что означает «войско», которым целиком управляли мои предки. Следующая — «аймаки», каждый из которых получал доход в виде зерна, материи и других [вещей]— мои предки тоже принадлежали к этой группе. Четвертая группа — обладатели шариатских должностей и [374] распорядители благотворительными местами, вакфами, большинство которых были учреждены моими предками, и многих <земельных владений (Добавлено по Л₂ 167а; Л₃ 142а), в подробном описании которых здесь нет надобности.

В этой области имеется несколько вещей, которые специфичны только для этой местности. Первая — яшма, которая встречается в реках Хотана и Йарканда и о [нахождении ее] в других местах мира никто не говорит. Вторая — дикий верблюд, если при поимке его не повредят и введут в караван, то он будет работать без всякой разницы, подобно домашнему верблюду. Он тоже обитает в южных и восточных степях Хотана. В-третьих, в горах той области водится дикий як, очень крупный и величественный. Эти животные очень свирепы и опасны. Если он настигает человека, то губительно все — и бодание, и лягание, и топтание, и лизание. Когда я ехал из Тибета в Бадахшан, о чем будет вскоре изложено, нас было двадцать один человек. По дороге мы убили яка. Четыре человека с огромными усилиями и трудом смогли извлечь его желудок. Один человек никак не мог поднять одну его лопатку. Двадцать один человек взяли для еды столько, сколько могли, а две трети его [туши] осталось.

Еще о фруктах. В той области много фруктов. Среди фруктов очень хороша груша, я нигде больше не встречал такой, как здесь,— она бесподобна. Роза и розовая вода в области тоже отличные и близки к розе и розовой воде Герата. Прочие фрукты также превосходят фрукты других /191а/ областей и в них меньше изъянов. Холод зимой выше умеренного, а летняя жара близка к умеренной, однако ее климат вполне здоровый. Здесь есть фрукты, которые с точки зрения медицины вредны натошак и после еды, а здесь они абсолютно безвредны благодаря хорошему климату Кашгара. В большинстве областей Кашгара и Хотана нет обычая продавать фрукты в месяце тир (июнь—июль) и не запрещают никому срывать их, а наоборот, их кладут вдоль дорог, чтобы любой, кто захочет, брал их.

Однако [в Кашгаре] есть много и недостатков. Например, хотя климат его здоровый, но воздух постоянно пропитан пылью из-за песчаных бурь и часто дуют сильные ветры с песком. Хотя Индия славится этим явлением, однако в Кашгаре этого больше, чем в [375] Индии. Возделывание земли там очень трудоемкое дело и дает мало урожая. Из-за небольшого урожая области невозможно держать войско в Кашгаре. По сравнению с Дашт-и Кипчаком, со [страной] калмаков и Моголистаном Кашгар похож на город, однако из-за небольшого урожая, недостаточного для содержания войска, он похож на эти степи. Горожане, которые приезжают сюда, считают Кашгар селением, а обитатели степей, которые не знают городов, считают его городом. По сравнению с раеподобными городами и адоподобными степями он похож на чистилище, полустиише:

Спросили у живущих в аду «Чистилище — это рай?»

Короче говоря, Кашгар находится вдали от копыт коней чужеземцев, и у бедных, и у богатых есть пристанище.

Благодаря благословию досточтимых предшественников, шествующие по пути духовного совершенствования находят здесь такое успокоение, что, как известно от многих из них, в другом месте такой собранности [души] они не находят. И эта честь достаточна для этого города. <Душевный покой лучше всего (Добавлено по Л₂ 1676, Л₃ 1426).

ГЛАВА 43. ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЗАВЕРШЕНИЮ РАССКАЗА [О СА'ИД ХАНЕ]

Изложение истории [Са'ид] хана /191б/ было [прервано] на том месте, где хан, покинув область Ферганы, по дороге, ведущей в Моголистан, направился в Кашгар. Когда Мирза Аба Бакр услышал об этом, то за семь дней построил крепость Кашгара, разместил там тысячное войско конных и пеших с запасом провизии в

амбарах на несколько лет и назначил главой над ними своего эмира Йусфана. Завершив там, насколько он смог, свои дела, он уехал в Йанги-Хисар. Там он тоже создал запасы [продуктов], разных видов оружия и снаряжения для защиты крепости и послал в Йарканд. Тем временем [Са'ид] хан прибыл в Туйун Ваши¹ (Приведено по Л₂ 1676, Л₃ 1426, R 301), который является пограничным пунктом Моголистана в стороне Кашгара. Оставив там семью и обоз с тем, чтобы они шли следом, хан с многочисленным войском пошел вперед. В первую ночь он расположился в местности [376] под названием Мирза Туркаки. На второй день он остановился в Тушку (В Л₁ 1366 — Кушку). На третий день он прибыл в Артудж и совершил поклонение лучезарной гробнице Шайха Хабиби, который принадлежал к шайхам [ордена] кубравийе. Явным чудом [этого шайха] является следующее. Один столб в ханаке шайха укоротился, и люди убрали его, а [потолок] ханаки, тем не менее, держится. Са'ид хан увидел это и, прочитав стихи Корана, попросил помощи у духа великого шайха.

На следующий день, когда полководец войска востока нанес поражение войску запада и разом захватил мир войском сияющих лучей,— стихи:

Когда утро засияло в странах света,
Утренний зефир заставил улыбнуться розу
в цветнике,
Когда повелитель звезд поднял свое знамя
с востока,
Темя неба с востока одело золотистый
шлем,—

хан выехал из Артуджа.

Есть местность под названием Уч Бархан, [а там] река (Добавлено по Л₃ 1426) Туйун Баши², которая течет в ущелье Калик Каба (В Л₂ 1676, Л₃ 1426 — Канлик Кийа). [Хан] приехал по этой дороге. /192a/ Перед Уч Барханом надо было переходить эту реку. А там имеется холм, с вершины которого, если подняться на него, виден Кашгар, примерно в трех шариятских фарсах. На холме Мирза Аба Бакр построил стену с зубьями, протянув ее с крутых мест гор до рва, расположенного на берегу реки, и там он поставил ворота. Был издан подлежащий к исполнению указ, чтобы таваджии, поднявшись, расположились в том узком проходе и провели осмотр войска. Полк подходил за полком и по одному проходил через эту теснину — таваджии подсчитывали, а писцы-бамии записывали. Исключая тех кто находился с семьями в обозе, и тех, кто наблюдал за дорогой и движением [войска], счет достиг четырехста тысяч семьсот [единиц]. Хотя по количеству воинов было немного, но все они были известными полководцами, могущественными эмирами, мудрыми людьми и отважными богатырями, проверенными в испытаниях времени, отведавшими горечь коварства злой судьбы и вкусившими сладость испытаний жизни. Период времени [377] с разорения Ташкента, которое произошло в 908 (1502—1503) году, соответствующего году кабана, по сегодняшний день — 920 (1514-1515) год, тоже год кабана, что составляет двенадцать лет, относится к тем неблагоприятным временам, когда шли ожесточенные войны, сражения и взаимные споры. Из этих четырех племен [постоянно] враждовали между собой узбеки, Чагатаи и моголы,— стихи:

Не разбирали кто враг, а кто друг,
Когда сдирали друг с друга кожу,—

как ранее было изложено. Эти люди в течение тех двенадцати лет настолько ощутили нрав изменчивой судьбы и тяготы бесчисленных перемен, что закалились испытаниями времени, приобрели опыт в ведении боя и сражений, так что /192b/ мысли каждого из них постоянно были сосредоточены на военном деле. Это было свойственно не только эмирам; в каждом из могольских родов было много людей, к мнению и советам которых прислушивались все.

Кратко я приведу то, что осталось в моей памяти от того времени. Первое — племя дуглат, главой которого, старшим и самым именитым был мой дядя Саййид Мухаммад мирза, ему в то время шел сорок первый год. Он был опорой, поддержкой и руководителем этого войска. Его мнение и рассуждение всем известны, он отличался умом и проницательностью. О нем и обо всем, что сделано им, уже рассказано. Он был выдающимся среди своих современников и не имел равного себе. В то время подобного ему человека, по всей вероятности, не было во всех четырех племенах. Согласно подсчету, количество его людей составило двести восемьдесят человек.

Вторым [после дяди] был Кара Кулак мирза, о котором уже было сказано при изложении событий, происшедших, с ханом в Моголистане. Во время этих событий этот Кара Кулак мирза то возвышался до звания эмира, то оказывался в бедственном положении, пока он не покинул хана и не отправился в Андижан, где кое-как жил возле узбеков, противопоставляя отвагу опыта горечи бедствия. Когда хан взял Андижан, он вновь пошел к нему на службу. Одним словом, этот Кара Кулак мирза был известен как своей отвагой, так и здравомыслием, и был закален в испытаниях времени. Он был одним из тех уважаемых людей, которым все полностью [378] доверяли. Под его рукой находилось сто наукеров. Следующим был его брат Шах Назар мкрза, который соперничал со старшим братом во всех делах. /193a/ Его мулазимов

насчитывали шестьдесят человек.

Другим был Мирза Али Тагай — то, что внезапно возникло в его голове, не приходило даже в коварный ум лукавой сводницы после многолетних дум и раздумий. Эта горбатая старуха—небо сгибалось перед ним, чтобы обучиться хитрости и коварству, и изучала у него интриганство. Об этом будет сказано при изложении последних дней жизни хана. В его дружине насчитывалось девяносто человек. Следующим был его брат Кутлук Мирак мирза, на храбрость которого все возлагали надежду. За ним было записано семьдесят человек. Другим был Бахрика мирза, которому принадлежало сорок воинов.

Следующим являюсь я, ничтожный слуга, составитель этих строк, излагающий эти рассказы. Не успел еще Феникс моего ума сбросить узы гнезда разума, а дни моей жизни не достигли еще восхода юности, как годы моей жизни завязали узел счета на пятнадцать. Хотя хан удостоил меня звания «гураган», но по причине юности и незрелости, как физически, так и умственно, я не был представлен [к исполнению] обязанностей этого звания. Однако я, по возможности, делал усилия для их исполнения. Несколько мулазимов и наукеров моего отца, которые остались в живых, проявили благородное старание в устройстве моего дела и всей моей жизни. Поэтому, несмотря на незначительность поддержки, что стало типичным для всего Моголистана, под моим началом находилось сто двадцать человек.

Среди дуглатов было много сыновей мирз, которые входили в состав племени в единственном числе. Из-за отсутствия поддержки у них не было наукеров. О тех, кто был в числе эмиров и имел наукеров, уже сказано. Точно так же я упомяну о всех категориях могольских эмиров. /1936/

Следующим был род духтуй. Главой этого рода был эмир Даим 'Али. В те дни его братья, Ахмад 'Али и Махмуд Кули, еще не прибыли. Этот эмир Даим 'Али принадлежал к самым отважным высокостепенным эмирам [того рода] и в дальнейшем о нем будет упомянуто в разных местах. Между ним и [племенем] барлас постоянно (Добавлено по Л₂ 168б) происходили ссоры из-за главенства, которое [379] в то время точно не было установлено. Как бы то ни было, Мир Даим 'Али удержал старшинство. А при встрече с Мансур ханом, о котором будет сказано, спросили об этом у Мир Джаббарберди дуглата, о котором раньше было сказано. Он засвидетельствовал превосходство рода духтуй. После этого установилось главенство эмира Даима 'Али. Я не помню точно, но думаю, что за ним числилось более двухсот человек.

Следующим было племя барлас. Их представителем был 'Али Мирак мирза, который доводился моему дяде дядей со стороны матери. У него были сыновья и братья. Одним из его сыновей был Мухаммад, о котором будет сказано. Несколько уважаемых могольских эмиров были в преклонных летах, и старше их в то время в улусе моголов никого не было. О всех «обычаях и установлениях (Тура ва тузук) спрашивали у них. На всех советах и совещаниях их мнение и [предлагаемые] ими меры считали главными. Одним из этих стариков был этот 'Али Мирак мирза, другими — Кака бек, Карабаш мирза, Саййид 'Али ага, Аллах Кули кукалдаш и Абдалазиз мирза. К этой группе принадлежал и сам 'Али Мирак мирза. За исключением присущей ему храбрости, его физические и умственные силы, как и у остальных стариков, ослабли из-за старческой немощи. Несмотря на то, что у него были братья и сыновья, он продолжал вести государственные и военные дела. Число его наукеров было близко к [числу наукеров] Мир Даима 'Али.

Следующим был Хаджи мирза, отличавшийся храбростью. Число его наукеров превышало сто человек. /191а/

Следующим было племя барки (В Л₂ 169а; Л₃ 143б — йарки, R 307 —барки и йарки). Предводителем его и старшим по возрасту был Мир Кака. Однако сил у него было недостаточно, чтобы выдержать трудности сражений, и он возложил дела на Мир Камбара. Он удалился, передав ему дела совета и [право] выносить свои решения. Многие очень уважаемые люди из этого племени барки сопровождали хана из Кундуза в Андижан и были сражены мечом в боях, которые произошли в Андижане. Поскольку из них никого не осталось, то дело утвердилось за Мир Камбаром, а его братья — Максуд, Хафиз и Тулак, несли службу при хане. Людей у Мир Камбара было больше, чем у Хаджи мирзы. Количество их я точно не помню.

[380] Другим было племя урдубеги. Главой его был Карабаш мирза. Его имя упомянуто среди старцев. Из числа его сыновей и братьев уважаемыми людьми были Гадай [мирза], Сабур мирза, Мухаммад Хаджи мирза и Мухаммад Вали мирза.

Следующее — племя итарджи. Его главой был Бишка мирза. У него были очень одаренные сыновья и братья. Количество их людей составляло около ста человек.

Следующим было племя кунджи. Главным его эмиром в то время был Мир Джанака. Мир Ширим, Кулназар мирза, Мир Мазид и Джака еще не прибыли. У Джанака мирзы людей было больше, чем у Бишка мирзы.

Другое — племя чурас. Его главой был Мунка бек. По храбрости он не имел равных в своей среде. У него было более ста человек. Его брат — Баба Сарик мирза был такой же, как уже упомянутые Каракулак мирза и Мирза 'Али Тагай, и все, что сказано о них, полностью можно отнести и к нему. Людей у него было не меньше, чем у Мунка бека. Его братом был Шахбаз мирза и в [ведении] дел он был не слабее своего брата.

Следующее — племя бекджак. Мир Аййуб был самым выдающимся среди тех людей. Его история и события, /194б/ связанные с ним, уже изложены [в связи с] Бабур Падишахом и 'Убайдаллах ханом. Он один из выдающихся [людей] среди известных могольских эмиров. В течение этого двенадцатилетнего периода времени во всех упомянутых выше событиях, где бы они не происходили, всюду он был главой и предводителем. Поистине, он был человеком, достойным звания эмира, обладающим для этого времени всеми достоинствами. За ним записано около двухсот (В Л₂ 169а, Л₃ 144а —сто) человек. Его брат Мухаммад бек был человеком очень кротким, спокойным и воспитанным, достойным своего

происхождения; мать его принадлежала к термезским сейидам.

[К тому же племени] принадлежал Султан 'Али мирза, о котором было упомянуто ранее при [упоминании] истории хана. Затем — Падгар мирза. Он вскоре после этого, оставив на некоторое время службу у хана, совершил хадж и вновь вернулся к хану. Хан его весьма почитал. Он вновь ушел, вторично совершив хадж.

[381] В настоящее время он уединился: ни до кого у него нет дела и никто его не беспокоит. Следующим был ' Назар мирза. У каждого из них было по сто или меньше наукеров. Другим был Мирза Мухаммад. До появления Мир Аййуба титул эмира [племени] бекджак и туман принадлежали этому Мирзе Мухаммаду. Но когда появился Мир Аййуб — он был старшим братом, — то тот все эмирские дела передал Мир Аййубу, сделал его главой и подчинился ему. В общем, во всех делах он был близким [человеком] к Мир Аййубу. Его люди были лучше снаряжены, чем у Мир Аййуба. <Следующим был Бек Мухаммад. Этот бек Мухаммад в те дни, когда хан находился в Кабуле, о чем уже сказано (**Добавлено по Л₁ 133а, Л₂ 169а, R 308**), был юношей, но, несмотря на это, он проявлял признаки храбрости, мужества и отваги. Другого такого по темпераменту не было среди юношей. У него было сто вооруженных людей.

Между племенами чурас и бекджак возникало много споров из-за первенства. Собрались пожилые эмиры и начались разговоры по этому поводу. Под конец решили, что определение первенства при каждом хане будет производиться милостью этого хана. [Са'ид] хан издал такой указ: «Теперь я не буду определять ваше первенство среди вас — это в ваших руках. /195а/ Каждый год один из вас должен по очереди показывать свое превосходство. Первенство будет за тем, кто превзойдет другого в отваге». Они остановились на этом решении, однако те споры продолжают по сей день и не получили разрешения.

Эти люди, о которых говорилось выше, все были эмирами, предводителями частей войска и кошунов. Но были и другие, которые хотя и не являлись эмирами и отпрысками эмиров, однако имели людей и оружие, были главами некоторых могольских племен, решали дела в течение этих двенадцати лет, полных смутных событий, и приобрели такой опыт, что все люди полностью доверяли их советам и мнениям. К их числу принадлежат Ходжа 'Али бахадур, о важных услугах которого и его искренней преданности уже было сказано раньше при упоминании о раннем периоде жизни хана в Моголистане. Следующим был Бек Кули, имя которого упоминалось в истории о Шахибек хане: когда Падишах [Бабур], потерпев поражение от 'Убайдаллах хака в Кул-и **[382]** Малике, покинул Самарканд, этот Бек Кули явился к [Са'ид] хану и возглавил три тысячи человек. Он был стоящим человеком. Следующий — Исхак бахадур, славный в отваге и известный в суждениях. Следующими были Йарка бахадур, Тумачи, Ша'бан бахадур, Тухта Кули бахадур, Узун Сакал и Тухта бахадур. Все они были предводителями племени барин (**В Л₃ 144а — байрин**) — люди достойные и опытные.

Следующим был Туман бахадур, глава калучи, один из наиболее уважаемых военачальников своего времени, кое-что из жизни которого будет приведено при изложении последних дней жизни [Са'ид] хана. Другим был Малик Али бахадур, предводитель племени карлук: смелый человек. Следующий — Кулика, глава [племени] макрит. Еще 'Умар шайх, глава [племени] шункарчи.

Все эти люди были главами племен и у каждого была своя дружина. Была и другая группа, у которой не было людей, и они были в единственном числе, но своей отвагой и мужеством превосходили своих соплеменников во многих сражениях и было им присвоено имя «бахадур» — «богатырь». Они участвовали в сражениях и совершали подвиги в тех боях, /196б/ о которых еще будет сказано. Вот список имен некоторых из них Мидака (**В Л₁ 138б — Сайид; в Л₂ 169б; Л₃ 144б—Сидака**) 'Абдалвахид, Худай Кули шигавул, Йусуф бакавул, Мухаммад 'Али Туман, Кикшуй дивана, Карадана Кули, Шайх Назар йасавул, Йарка йасавул. Хакназар дивана, 'Али Курчи, Шах Мирак Каландар, Баба Кулаган, Тангриберди, Бай Тиша, Хакназар Кугучи, Пак мирахур, Палича мирахур, Бар Мазид манкиш, Сукар Калучи, Сукар Ухси, Барин Азук мирза и другие. Я упомянул имена некоторых из тех, которые в то время привлекали к себе внимание, и каждый из них считал Рустама стариком [в сравнении с собой], а Исфандийара с бронзовым телом воспринимал как статую. Если бы я привел больше этого, то рассказ стал бы утомительным, а это не имеет отношения к главному повествованию.

ГЛАВА 44. УПОМИНАНИЕ О БИТВЕ СУЛТАН СА'ИД ХАНА В КАШГАРЕ С ВОЙСКОМ МИРЗЫ АБА БАКРА

Когда войско было устроено по такому порядку, как изложено, то оно стало рядами спускаться с холма Уч Бархан — стихи:

[383] Когда войско было приведено в порядок.
Миродержец оседлал коня и направился в степь
Туго затянул он пояс встречи с врагом.
Алмазом отщущения заострил он свое копье
От копыт коней в той древней степи
Земля [разделилась] на шесть, а небо — на восемь
[частей]

Эмиры войска Мирзы Аба Бакра, увидев издали бойцов, определили их число примерно в пятнадцать тысяч

человек. Из практики известно, что когда таким образом считают войско, то получается большое расхождение с действительностью. Стихи:

Жемчуг не поддается ровному счету,
Одна [жемчужина] покажется сотней, а сотня —
сотней тысяч

Когда они подошли к лучезарной могиле полюса мира Ходжи, то направили счастливые поводыя государства направо. В двух фарсах от Кашгара находится местность под названием Сарман, там имеется переправа через реку Тиман, и они направились туда. Переправившись через реку Тиман, они остановились в саду в местности под названием Сугунтук (В Л₁ 139а —Сумуктук; Л₂ 170а; Л₃ 144б — Суглук; R 310— Сугулук), /196а/ Мирза Аба Бакр разбил здесь хороший сад. Некоторые из эмиров со своими воинами направились к крепости Кашгар с намерением понаблюдать за противником, полагая, что тот не выйдет из крепости, а они, подойдя ближе, осмотрят ее и определяют степень ее прочности. Противник же вышел из крепости, построил ряды и стоял, приводя в порядок крыло войска, стихи:

Войско, числом превышающее песок пустыни.
Подобно злым акулам в кровавом море

Когда эмиры подошли [к крепости], завязался бой. Некоторые из храбрых юношей, которые день боя считали за брачную ночь, а грохот литавр и сражений принимали за мелодию бубна и чанга. — стихи:

Все с сердцем льва и мощью тигра,
Об острия пик которых трется туча
Все смелые, мстительные и воинственные,
Непреклонные, беспомощные и решительные,—

[384] бряцая мечами, бросились на вражеский ряд. С двух сторон происходило то наступление, то отступление; победа и поражение случались то на одной, то на другой стороне. Противник, превратившись из лисицы в львенка, устремился из крепости и, подбадривая своих пеших и конных, занялся боем. Бой длился с того времени, когда владыка трона позолоченною небосвода еще не поставил ногу правосудия на подножие линии экватора и до тех пор, пока он, полностью не перешагнул линию экватора, не стал склоняться к угасанию. Некоторые из ранее ушедших эмиров послали человека к подножию халифства и заявили, что враг оставил опасные места и вышел на равнину и было бы хорошо, если бы победоносные знамена застали его на этом ровном месте. Если [его величество] прибудет до того, как солнце закатится подобно счастью противника, тогда, непременно, взойдет величайшее светило победы, в противном случае, когда стемнеет, /196б/ враг уйдет в крепость и больше такого удобного случая не представится. Когда эти слова дошли до хана,— стихи:

Когда шаху стало известно о врагах,
Мысли его сосредоточились на подготовке войска,
Построил он войско по уставу и теориям
Все воины—рвущиеся в бой и беспощадные к врагу
Выступят они отряд за отрядом
Как море, бушуя, вздымает волны,—

то он выступил, приведя в порядок войско таким образом, как было упомянуто выше. Поскольку дорога была неровной и разбитой, то строй рядов войска нарушился. Эмирам левого крыла было приказано идти вперед, а центру за ним. Эмиры же правого крыла сами большей частью ушли вперед еще на рассвете. Когда они приблизились (к врагу), хан сказал: «Пусть войско движется медленно, а я пойду вперед, выясню обстановку». Хан прибыл в тот момент, когда правое крыло дошло до врага. Те люди, которые уже сражались впереди, узнав о прибытии ханской победоносной свиты, ждали его появления. Как только храбрые бойцы узрели хана, они тут же бросились в атаку,—стихи:

Посыпались стрелы из лука предводителей войска
На тех жаждающих боя и одетых в кольчугу [врагов].
Погнали они врага мечом и стрелой,
Извлекли из их душ трубный глас.
Не устоял там ни один из врагов,
Ибо у лисы нет силы против льва.

[385] Не успел еще подойти центр, как те люди, которые пришли раньше, потеснили войско противника. Ходжа (Добавлено по Л₁ 139б, Л₂ 170б; R 311) Сафи 'Али, мушриф высочайшего дивана, из уйгуров

Хорасана, постоянно рвал ворот отваги, выказывая храбрость, и из-за чрезмерного старания разорвал нить своей жизни. /197а/ Он приехал раньше всех и стоял со своими людьми. Как только прибыл хан, он быстрее всех бросился к центру врага и отпустил поводья разума из ладони смелости. Один стрелок-пехотинец устроился в засаде у большого ручья, называемого Джуые Сарман. Этот Сафи 'Али, не раздумывая, решил перескочить на коне через этот ручей и сразить мечом всадников, которые стояли на противоположном берегу. Но пехотинец, сидевший в засаде у ручья, выстрелил и попал в глаз упомянутого [Ходжа Сафи 'Али] так, что стрела прошла сквозь его голову, и он упал там же лицом вниз.

Тем временем противник потерпел поражение, нога его стойкости сдвинулась с места из-за яростной атаки ханских бахадуров. Еще до прибытия всего войска та же самая передовая часть устремилась вперед и, нанеся удары и уничтожая врага, погнала его до ворот [крепости]. Благодаря милости владыки стран света и обладателя царства справедливости войско с такими людьми, оружием и снаряжением в один час было полностью разгромлено и превращено в груды праха. Подавленные и измученные, в крепости могли укрыться только те люди, которые добрались до ворот и заперли их. В ту ночь хан расположился поблизости, а на рассвете, когда утренняя заря государства взошла и озарила победоносный горизонт, он вновь построил войско и подошел к крепости. Так как в крепости кроме небольшого количества воинов больше никого не было, то он вернулся и остановился в Тукузаке. На следующий день, переправившись через реку Кара Тазгун, он остановился в Бурйа Тираке (?), в местности, относящейся к Йанги-Хисару. Вслед за ним сюда прибыл обоз. Оставив здесь обоз, хан направился к воротам крепости Йанги-Хисара. Под крепостью стояло несколько пеших [бойцов], а жители Йанги-Хисара из крепости не вышли. Мидака бахадур, о котором говорилось выше /197б/ и еще будет сказано, совершил яростную атаку [на крепость], но поскольку позиция противника была сильно укреплена, то он вернулся. [Хан оставался] в тех краях [386] некоторое время, меняя место и думая, что Мирза Аба Бакр придет, приведя в порядок свое войско. Это длилось около двух месяцев. О Мирза Аба Бакре ничего не было слышно. Тем временем Мирза 'Али Тагай и Хаджи Мирза, выбрав из каждой группы по несколько человек, совершили набег на горы Сарик Кул¹, захватили много добра и бесчисленное количество овец.

В эти дни прибыл Мухаммад киргиз, подвел глаза, подобно сурьме, пылью свиты хана и удостоился ханской благосклонности. Он попросил разрешения вернуться в Йарканд и привезти оттуда достоверную весть [о Мирза Аба Бакре]. Хан отослал его, дав в сопровождение ему некоторых из влиятельных людей. Он ушел, совершив набег на Арслан Баги, который находился в двух фарсах от Йарканда и, захватив добычу, привез ее хану вместе с вестью о том, что [Мирза Аба Бакр] прилагает большие усилия для создания войска и выдает коней и военное снаряжение крестьянам и садовникам, однако нельзя положиться на такое войско. Узнав об этом, хан выступил в Йарканд.

ГЛАВА 45. ПОХОД СУЛТАН СА'ИД ХАНА В ЙАРКАНД И НЕКОТОРЫЕ РАССКАЗЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ЭТОМУ

Когда Мухаммад киргиз привез весть о Мирза Аба Бакре, то все разумные люди посоветовали [хану] идти на Йарканд. Если Мирза Аба Бакр выступит — это то, чего мы хотим, а если нет, в окрестностях Йарканда много зерна и средств к жизни, — тогда надо осадить крепость Йарканд. Если Йарканд падет, то вместе с ним падут Кашгар и Йанги-Хисар. С этим намерением они двинулись на Йарканд и дошли до деревни Суката. От Суката до Йанги-Хисара десять фарсахов [пути].

Когда они прибыли сюда, то некоторые люди, бежавшие /193а/ к Мир Аййубу, не имевшие ни семьи, ни людей, решили уйти в сторону Каратегина и Хисара. Когда же об их намерении стало известно, то большинство из них не смогло убежать, ушли только некоторые. Во время этих разговоров Мидака бахадур заявил, что у Катта бека тоже есть такое намерение. Это тот самый Катта бек, о котором в начале книги говорилось, что он брат Мир Ахмад Касима Кухбара. В то время, когда Мир Ахмад Касим Кухбар оставил Ташкент, тот находился в Сайраме, который удерживал за собой в течение года. Когда Падишах [Бабур] ушел в Кабул и у Катта бека не осталось никакой надежды [на [387] поддержку], то он отправил человека к Касим хану, вручил ему Сайрам и привел его в Ташкент. Этот рассказ уже подробно изложен. Когда Катта бек ушел от Касим хана, то он явился к [Са'ид] хану в Андижан и находился у него на службе.

Все эмиры подтвердили слова Мидака бахадур и заявили, что он действительно хочет бежать, потому что является мулазимом Бабур Падишаха. Следовательно, его надо держать в цепях, пока дело не будет расследовано. Когда эмиры заявили об этом, хан сказал: «Я за него ручаюсь, и если он сбежит, то виновен буду я». Затем хан потребовал Катта бека и сказал ему: «О тебе рассказали такую историю. Ты человек мужественный. Тебе нет никакого смысла бежать. Я поручился за тебя перед эмирами. Если ты проявишь в этом верность, то тебе будет предоставлено все, что ты пожелаешь. Но если ты опозоришь меня перед эмирами и сбежишь, то на это твоя воля». Катта бек на то ответил: «Я не подлец, чтобы бежать во время боя», и больше ничего не сказал в свое оправдание, замолчал и продолжал служить хану.

В связи с этими разногласиями поход на Йарканд был отложен. Рано утром, когда знамя владыки звезд поднялось на востоке и хрустальное зеркало небес украсило темноту ночи, они совершили набег на Йанги-Хисар, /198б/ — стихи:

Счастливым скакун победы под ним,

Удачливый, победа — его спутник,
Храбрецы Турана — у него в свите,
Сердца всех полны мести, голова — разгорячена

Был полдень, когда они прибыли туда. Благоприятным обстоятельством для них было то, что когда находящемуся в Кашгаре войску стало известно о выступлении хана на Йарканд, они отправили к эмирам Йанги-Хисара человека с поручением. Тот человек передал эмирам, что кашгарское войско малочисленно и от этого испытывает трудности, поэтому они просят, чтобы часть людей из Кашгара, [ранее ушедших в Йанги-Хисар], вернулась обратно. Эмиры Йанги-Хисара одобрили это и отправили [назад] в Кашгар вместе с семьями большую группу кашгарцев. Все эти люди, выйдя из крепости, переправились через реку Йанги-Хисар и пошли своей дорогой, как вдруг на них напали,— стихи:

[388] Толпа моголов напала на переселенцев,
И уничтожила полностью основу жизни этих людей.
Они стали грабить и убивать,
Всех главарей они сделали ничтожными.

Вся та большая группа людей, отправлявшаяся в Кашгар, стала <добычей победоносного войска (Добавлено по Л₁ 140б; Л₂ 171б; Л₃ 146а).

Тем временем подъехал сам хан. Жители Йанги-Хисара, все пешие, вышли [из города] и, находясь на неровных и пересеченных местах между ущельем и рекой, мужественно сражались. Когда подъехал хан, то Катта бек устремился вперед и, окликнув Мидака бахадур, сказал: «В тот день ты говорил, что я сбегу. Давай посмотрим, кто сбежит сегодня». Мидака бахадур тоже был известен своей храбростью и смелостью и он ответил: «Я долгие годы мечтал об этом дне», и устремился вперед,— стихи:

Бросились в атаку два друга вместе,
Один — Рустам, другой — Исфандийар.

Дорога, по которой они устремились в атаку, была узкой. На одной ее стороне протекала река Йанги-Хисар. Была пора разлива воды, и волны высоко вздымались одна за другой. На другой стороне дороги было глубокое ущелье. [Дорога] была [такой узкой], что по ней могли пройти [в ряд] только три всадника. В середине ее были поставлены ворота, /199а/ через которые могли пройти пешие. За воротами стояли одетые в латы пешие воины. Несколько пеших, [находясь перед] воротами, стреляло из лука. Когда эти двое стали атаковать, то те пешие прижались к воротам. Конь Катта бека проскочил впереди коня Мидака бахадур. Сколько бы Мидака ни хлестал коня, тот не шел вперед. Когда Катта бек приблизился к воротам, те пешие выстрелили в его коня. Конь свалился, а вместе с ним упал и Катта бек. Поскольку место было неровное, то конь упал в воду. Катта бек, пешим, напал на тех пеших [воинов]. Они устроились так удачно, что меч Катта бека не доставал их. Сзади подъехал Мидака, остановил [своего коня] и сказал: «Браво! Вот это геройство! Поворачивай назад». Но Катта бек ответил: «Пока ты не повернешь назад, я не поверну». Так как стрелы [неприятеля] сыпались и с ворот, и с верха обрыва подобно дождю, то Мидака заметил, что если они еще будут **[289]** препираться, то оба погибнут. Мидака повернул обратно, и Катта бек медленно последовал за ним. Хан похвалил Катта бека, а люди упрекнули Мидака. Он сказал: «Не было возможности нанести врагу удар, а из-за своего упрямства Катта бек задерживался. Если бы я поступил так же, как он, то мы бы оба погибли. Я простил ему его упрямство.» Это объяснение некоторые поняли, а другие нет.

Одним словом, каждый [эмир] занял выделенное ему в предместьях Йанги-Хисара место и сидел. Через несколько дней Мир Аййуб скончался от водянки. В конце болезни хан навещил его, и он сказал хану: «Я нарушил закон благодарности за добро, оказанное мне Бабур Падишахом, и не выполнил условий договоров с ним из-за подстрекательства этих свиней и медведей»,— он имел в виду группу могольских военачальников, которые подстрекали и подтолкнули его на мятеж в Хисаре, о чем было упомянуто.— «Те клятвы одолевают меня и разрывают мои кишки. /199б/ Я расплачиваюсь за все <это своей жизнью. Все они поступили по-свински и [оказали мне] медвежью [услугу], <убавь боже свой гнев, тем, кто нарушил торжественную клятву, подкрепленную верой>», стихи:

Пока можешь — избегай давать клятвы и обещания,
Не прогневи бога мечом двурушника
Будешь вынужденным, только тогда дай клятву.
И, пока ты жив, не нарушай ее.

После смерти Мир Аййуба его должность передали его брату Мухаммад беку.

В те дни ежедневно происходили стычки, и каждый, у кого было притязание на что-то, а в глубине сердца немного смелости, проявлял их. Из тех людей среди своих сверстников отличились Мидака, 'Абдалвахид, Худай Кули шигавул и Мухаммад 'Али туман. Другие также проявили смелость и несколько раз выказывали свою храбрость. Что касается этих четырех, то не было дня, чтобы они не принимали участия в боях, и не

было боя, где бы они не участвовали. Когда выяснилось, что Мирза Аба Бакр не собирается приходить сюда из Йарканда, то было решено взять крепость Йанги-Хисар натиском. Когда все остановились на этом решении, то послали Ходжа 'Али бахадура, имя которого приведено при подробном перечислении имен именитых могольских людей, в Кизил, являющийся одним из пограничных [390] мест в йаркандской степи, чтобы он следил за движением Мирза Аба Бакра. Если последний сделает вылазку за время осады [Йанги-Хисара], то Ходжа должен вернуться немедленно с известием об этом, чтобы хан мог подготовиться к встрече с ним (Добавлено по R 315).

ГЛАВА 46. УПОМИНАНИЕ О ВЗЯТИИ КРЕПОСТИ ИАНГИ-ХИСАР, КОТОРАЯ ЯВЛЯЕТСЯ КЛЮЧОМ К ЗАВОЕВАНИЮ ОБЛАСТЕЙ КАШГАРА

В начале раджаба 920 (22 августа 1514) года [хан] распределил участки между частями войска вокруг крепости Йанги-Хисара, и сам остановился так близко к крепости, что если бы сверху пустили стрелу, то она, возможно, достигла бы того края рва, на котором расположился хан. Распределение войска было сделано в следующем порядке: на северной стороне [войско] не могло разместиться, потому что крепость была расположена на вершине обрыва и на ее северной стороне была пропасть. /200a/ По этой причине северную сторону крепости ни за кем не закрепили. За первую западную башню взялся сам хан вместе с бахадурами центра, которые всегда находились в его свите и не входили ни в какие десятки или кошуны. Имена некоторых из них уже упомянуты. На этой же западной стороне рядом с ханом другая башня была поручена мне. Справа от меня рыли подкоп Мирза 'Али Тагай, Кутлук Мирак мирза и Бахрик мирза. За ними спешно делали подкоп Баба Сарик мирза, Шахбаз мирза и группа людей [племени] бахрин. Дальше располагались Мирза Мухаммад бек и Бек Мухаммад бек. За ними находилась башня, край стены которой выходил на юг. Та башня досталась Джанака мирзе и Бишка мирзе, а подкоп на южной крепости достался Мунка беку. На этой же стороне надзор за другим подкопом был поручен Мир Мухаммаду, ставшему вскоре преемником Мир Аййуба. За ним стоял Хаджи мирза, сбоку от него находился Мир Камбар 'Али мирка барлас, за ним занял место Мир Даим 'Али, затем Каракулак мирза, а после него стоял мой дядя. За ним находились восточные ворота крепости, эта сторона, подобно северной, также упиралась в обрыв. Пять дней и ночей изо всех сил они занимались рытьем подкопов и подходов.

[391] <Первый законченный подкоп принадлежал хану (Добавлено по R 316). Та башня, которой занялся его величество [Са'ид хан], задрожала от ярости храбрецов и натиска счастья его величества. Была уже полночь, когда та башня сдвинулась подобно созвездиям небес. Башня, сравнимая с небесами, рухнула и сравнялась с землей. Однако часть основной стены осталась. В тот день благодаря колоссальным усилиям подкопы прорубили так далеко, что при небольшом усилии мог /200б/ свалиться центр стены. Самой прочной была башня, к которой подводили подкоп Джанка мирза и Бишка мирза. Они сделали бреши вдоль всей стены [на расстоянии] около шестидесяти газов.

Тем временем прибыл человек Ходжа 'Али бахадура и привел Алику вместе с несколькими военачальниками. Этот Алика был сыном эмира той крепости. Эмира звали Амин даруга; он был одним из известных эмиров Мирза Аба Бакра и ему полностью были вверены дела по управлению крепостью Йанги-Хисар. Это произошло так: Мирза Аба Бакр собрал в Йарканде войско и военное снаряжение, надеясь воспрепятствовать захвату Йанги-Хисара. Он отправил несколько человек, выделив их из своего отборного войска, чтобы они в Кизиле произвели разведку и сообщили ему обо всем, чтобы он соответственно этому мог действовать. Пир 'Али бек, брат Вали бека, о котором уже было упомянуто, возглавлял эту группу людей. Они пришли в Кизил и узнали, что в этих краях находится караульный отряд моголов. Установив его место, они в ту же ночь внезапно напали на Ходжа 'Али бахадура. А те пребывали в беспечном сне, охватившем их, подобно черной ночи, и наслаждение покоем так притупило все их чувства, что они проснулись только от шума схватки, крика всадников, трубного звука,— стихи:

Ночь черна, подобно жидкой смоле,
Нет ни ясных звезд, ни Луны.
Не видно ни врага, ни друга,
Которые сдирали кожу друг с друга.
Свист стрел и лязг сабаль
Дошел бы до мозгов слона и печени льва.

Каждый, кто проснулся, оторопел и оцепенел, ничего не понимал, мыслей не было, и он не ведал ни о себе, ни о других. В смятении они бросились бежать,— стих:

[392] Падая и вставая, все рассеялись,

кроме Ходжа 'Али бахадура, который не растерялся, не побежал /201a/, а стал звать своих людей по именам. Тот, кто слышал зов, подходил к нему, так что вокруг него собралось большое количество людей. Они издали боевой клич. Часть бежавших людей пришла в себя от растерянности из-за беспечного сна, стала

прислушиваться и услышала шум схватки. Расхрабрившись, люди вернулись, присоединились к Ходжа 'Али бахадуру и стали стрелять в темноте и махать кулаками до тех пор, пока отражающее мир зеркало дня не стало выступать из черного мускуса ночи, и в отражении лучей того зеркала не стало видно глаз сражающихся. Тогда противник узнал о своей малочисленности, а друзья — о своем перевесе.

С Пир 'Али беком было сто человек, а с Ходжа 'Али бахадуром — триста. Когда они сцепились и смешались в темноте, то Пир 'Али бек считал, что бегство от смерти — позор, а идти на смерть — мужество. Рядом с тем местом был сад, и они попытались укрыться в том саду. Не успело еще солнце взойти, как закатилось солнце жизни этих людей. Из тех ста человек спаслись только двое, бежавшие раньше и принесшие весть о том, что все остальные погибли. Упомянутый выше Алика был ранен. Чтобы получить от него точные сведения, его не присоединили к его [погибшим] друзьям, а отправили к подножию трона хана. Был полдень, когда он прибыл [к хану]. Головы тех военачальников отослали в качестве подарка в крепость. [Хан] расспросил Алику. Тот сказал: «Мирза Аба Бакр готовит войско со всем снаряжением с тем, чтобы народ знал, что у него нет недостатка в конях, оружии, латах, одежде и других вещах. Этого более чем достаточно во всех отношениях и даже подготовлено в два и тысячу раз больше того, что нужно. Что же касается военачальников, прославленных эмиров и храбрых мужей, сила и суждение которых составляют основу государства, /2016/ то всех их он сам предал смерти. Нынче же войско свое он набирает из крестьян, ремесленников, арестантов, делая одного эмиром, другого — везиром, первого — миром, второго — советником. Крестьянин, который всю свою жизнь держал в руке плуг и преуспел в пахоте, с каким мужеством и отвагой возьмет теперь в руки саблю вместе с браздами правления? Если даже к этому делу он приложит усилия, однако я точно знаю, что оно не осуществится и [393] это намерение не перейдет из возможности в действие». И он еще много говорил о невозможности наступления Мирза Аба Бакра. Однако люди не поверили ему и [подумали, что] он, как тонущий в пучине несчастья, прибег к лести, чтобы этим путем добраться до спасительного берега.

В час вечерней молитвы явился человек Ходжа 'Али бахадура, приведя другого, который бежал [от Аба Бакра]. Этот беглец рассказал, что Мирза Аба Бакр, снарядив войско, выступил и стоит в двух фарсах от Йарканда, откуда он и сбежал. Некоторые не поверили и этому сообщению и подумали, что оно является хитростью Мирза Аба Бакра, который при помощи этой уловки хочет отвлечь от осады крепости Йанги-Хисар. Они подвергли того человека пытке и истязанию, но он ничего больше этого не сказал. Тогда они ему поверили и все эмиры сочли благоразумным в ту же ночь снять осаду и, прихватив обоз, пойти навстречу Мирза Аба Бакру и дать ему бой до того, как войска Кашгара и Йанги-Хисара присоединятся к нему. Но хан сказал: «Я останусь под этим обрывом до тех пор, пока не придет Мирза Аба Бакр, и я буду выпускать одну стрелу в сторону крепости, а другую — в Мирза Аба Бакра, пока не буду здесь убит. Кто [не приемлет] этого, пусть делает, что хочет. Когда хан сказал это, все эмиры пали ниц и воскликнули: «Да будет тысяча нашей жизни жертвой Вашего величества! Какой лишенный чувства чести предпочтет свое существование дорогой душе ханского величества и сочтет за лучшее в этой обстановке свое спасение?» Все согласились с этим, занялись рытьем подкопов /202а/ и трудились изо всех сил.

На шестой день осады, когда владыка небесного трона поднял знамя победы для завоевания крепости лазурного неба, хан верхом на коне объезжал войско, и к какому бы отряду он ни подъезжал, бросал жемчужину отваги в уши усердия эмиров и остальных. Тем, кто проявлял усердие, он обещал улучшить их положение, а тех, в работе которых замечал нерадивость, наказывал хлыстом угрозы. Так он объезжал крепость, и когда подъехал к участку моего дяди, один [из осажденных] что-то крикнул сверху из крепости. Они прислушались. Он сказал: «Пусть один из мулазимов Саййид Мухаммада мирзы подойдет ближе, у меня есть к нему слово». Послали одного. [Осажденный] сказал «Если здесь есть кукалдаш мирзы 'Али Саййид бахадура, [394] то пусть он подойдет». Послали 'Али Саййида. Через некоторое время 'Али Саййид вернулся и сказал, что даруга [крепости] Амин говорит: «Саййид Мухаммад мирза является братом Мирза Аба Бакра, а мы из рода в род являемся их рабами. Вот уже три месяца, как мы всей душой стараемся оправдать хлеб-соль несмотря на то, что в течение этих сорока лет мы ни на миг не чувствовали себя в безопасности от Мирза Аба Бакра. Тех, кого он [хотел] убить, убиты, а те, кто остался в живых, каждого из них он подверг какому-нибудь наказанию, начиная от кастрирования до отсечения руки и ноги или выкалывания глаз. Он непременно подвергал какому-нибудь наказанию [каждого]. Несмотря на все это, мы оправдывали его хлеб-соль. Но теперь наше терпение иссякло и нож подступил к костям. Если, успокоив души этих дрожащих от ужаса вражды [людей] и, пощады их жизнь и имущество, нам пожалуют надежду [на жизнь], и поручителем за это дело станет Саййид Мухаммад мирза, то мы, сдав крепость Вашему заместителю, вступим в ряды мулазимов небоподобного порога». Когда хан услышал это, он очень обрадовался, отправил обратно 'Али Саййида сказать им, что то, о чем они просят, будет выполнено вдвойне и пусть они пришлют доверенного человека. /202б/

ГЛАВА 47. УХУДШЕНИЯ ДЕЛА МИРЗЫ АБА БАКРА И НЕСКОЛЬКО СОБЫТИЙ, ОТНОСЯЩИХСЯ К ЭТОМУ. КОНЕЦ ПРАВЛЕНИЯ МИРЗЫ АБА БАКРА

Одним из злостных деяний Мирза Аба Бакра было создание им тяжелейших законов и правил. За малейшие нарушения этих правил он предавал людей смерти и не довольствовался иным видом наказания. Когда он

убивал того человека изуверскими способами с муками, то начинал бояться его людей и племени. Он был уверен, что эти люди никогда не примирятся с ним и тогда он пускался на истребление этих людей и никого из них не оставлял в живых от грудного ребенка до беременных женщин. Каждого из тех людей, от мужчины до грудных детей, он подвергал такому истязанию, что они желали смерти как избавления, о чем, впрочем, уже рассказано при описании жизни [Мирзы Аба Бакра].

В конце концов [Мирза Аба Бакр] передал все дела войска Мир Вали, а [управление] государством и подданными — Шахдане кукалдашу. Этим двум людям он [395] полностью доверял, и они проявляли необыкновенное старание.

Как уже было кратко упомянуто, Мир Вали так очистил Аксу и Моголистан [от противников], что долгое время ни один из моголов и киргизов не смел пересечь местность, расположенную на расстоянии двух или трех месяцев пути до Кашгара. Все моголы притаились в Чалише и Турфана, а киргизам он [разрешил] остаться на этой стороне Иссык Куля. Он также окончательно захватил Узганд — самый важный город вилайата Ферганы, Ош, Маду и Чагирак и все, что расположено выше Андижана. Он также овладел большей частью Каратегина и земель Бадахшана и завоевал районы Балур и Тибета до Кашмира. Все это было сделано Мир Вали.

Мой дядя до битвы при Тутлуке постарался встретиться с Мир Вали, чтобы поговорить относительно перемирия. А Мир Вали подумал, что он /203а/ вынужден [пойти на это] и что его можно будет обманно путем схватить и отослать в качестве подарка Мирзе Аба Бакру, тогда у Мир Вали не будет более высокой и достойной услуги Аба Бакру, чем эта. С этой целью он согласился на встречу. Они встретились в условленном месте между двумя рядами [воинов], предварительно обговоренными каждой стороной, и обменялись несколькими словами, соответствующими обстоятельствам. Затем мой дядя сказал эмирам, сопровождавшим Мир Вали: «У меня есть несколько слов к Мир Вали, оставьте нас одних». Эмиры встали [и ушли]. Мир Вали остался один. [Мой дядя] повторил уже сказанные при эмирах слова, содержащие просьбу к Аба Бакру об оказании милости, и они разошлись. Каждый вернулся к своему войску. После этого произошла [битва] при Тутлуке, и она стала доведением к этому, и чаша весов Мир Вали перетянула в равновесии установленных Мирзой Аба Бакром правил. Мирза Аба Бакр спросил эмиров, присутствовавших на той встрече с Мир Вали: «О чем шла речь на той встрече?» Они рассказали все, как было, и сказали: «Вот то, что было при нас. После этого Саййид Мухаммад мирза наедине говорил с Мир Вали, и мы не знаем, о чем шла речь». Когда Мир Вали после битвы в Тутлуке явился к Мирзе Аба Бакру, последний спросил: «Что сказал тебе Саййид Мухаммад мирза наедине?» Мир Вали передал то, что сказал мой дядя. Мирза Аба Бакр промолвил: «Эти же слова он сказал [396] перед всеми. Для их повторения не было никакой нужды оставаться наедине». Больше этого он ничего не узнал и с того времени стал опасаться Мир Вали. Он подумал, что Мир Вали не сказал ему того, о чем он говорил наедине с Саййид Мухаммадом. Возможно, что он вступил в союз с ним и замышляет расстроить его дело. Он схватил Мир Вали с его людьми и отправил вместе с братьями на казик — раскопки, некоторых из них он оскопил, а тех людей, [кто участвовал в той встрече], унизил, выговаривая им: «Почему вы оставили Саййид Мухаммада наедине с [Мир Вали]». И подверг каждого из них разным мучениям и пыткам. /203б/ Стихи:

Когда судьба отворачивается от человека,
То она поступает с ним так, что он уже
не пригоден к делу,
А когда неизбежный рок распустит с неба
над ним крылья,
То для него весь мир становится слепым
и глухим.

Другим объектом жестокости Мирзы Аба Бакра стал Шахдана кукалдаш, под ответственностью которого находились дела государства, подданных и казна. Он тоже приложил огромное старание к этим делам. Например, он собрал столько овец, что количество их не поддавалось подсчету. В то время, когда был завоеван Кашгар, я из-за малолетства не занимался делами и по этой причине не приобретал имущество. Однако мне без лишних усилий досталось пятнадцать тысяч овец. В то время, вероятно, не было человека, у кого добыча из имущества Мирзы Аба Бакра была бы меньше, чем у меня. В растаскивании имущества, [оставшегося после] Мирзы Аба Бакра, одинаково участвовали как воины, <которые сопровождали хана (Добавлено по Л₂ 175а; Л₃ 148б), так и воины самого Мирзы Аба Бакра, а также население Кашгара. Из этого можно представить себе, сколько у него было богатства. Таким образом, у него было столько крупного и мелкого рогатого скота, зерна и казны, о которых вкратце уже упомянуто выше и еще будет написано, что разум отказывается воспринимать, что все это выпало [на долю] одного человека. И все это собирал и приводил в порядок Шахдана кукалдаш.

Когда с делом Мир Вали было покончено, [Мирза Аба Бакр] стал опасаться Шахданы [кукалдаша [397] полагая], что он может подумать про себя: «Мир Вали был старше меня, однако [Аба Бакр] схватил его. Возможно, что он схватит и меня». Вот с такими мыслями, которые не приходили и не пришли бы в голову не только Шахдане, но и любому другому, он арестовал Шахдана и предъявил ему обвинение: «Ты сделал меньше того, что я ожидал от тебя в накоплении имущества», и приказал вырвать всю его бороду в

диванхане и оскопить. После того, как раны его прошли, его отправили на [арестантские] работы. Вместо этих двух человек он сделал эмирами двух самых низких людей. Хотя налоговые и финансовые дела наладились лучше прежнего, однако дела войска не устраивались, так как требовались годы, чтобы появился такой предводитель войска, как Мир Вали. Между тем известие о выступлении хана /204a/ из Андижана в Кашгар подтвердилось. Мирза Аба Бакр уехал в Кашгар. Крепость Кашгара он построил за семь дней, о чем уже было написано. Когда пришло известие о том, что хан прибыл в Ат-Баши, расположенный [на расстоянии] семидневного пути от Кашгара, он поехал в Йанги-Хисар. Ту крепость он тоже наполнил запасом продовольствия, снаряжением и всем тем, что было необходимо. Он оставил там несколько людей, которым доверял — вот их имена: Амин даруга, Джан Хасан из племени карлук, Ил-Кули итарджи, Аджама ахта, Джанибек ахта, Мир Вали, Шахдана и Мухаммад бек, которого он перед этим оскопил. Некоторых из их приверженцев он снял с [арестантских] работ, дал каждому коня, оружие и сказал: «Когда вы вновь докажете свою искренность и преданность мне, то я обласкаю вас».

Тем временем поступило сообщение, что хан прибыл в Тушку. [Мирза Аба Бакр] сделал несколько распоряжений и направился в Йарканд. Он пообещал людям Кашгара и Йанги-Хисара, что вернется, собрав войско в Йарканде. Когда он приехал в Йарканд, то сразу же занялся сбором войска. Вся область была переполнена лошадьми, оружием и снаряжением. [Здесь находился некий] Устад 'Абдалшайх, который был мастером на все руки, бесподобным во всех ремеслах. Он был воспитанником Мирзы Аба Бакра и после отстранения Мир Вали и Шахдана кукалдаша этот 'Абдалшайх занял место Шахдана. Я слышал от этого [Абдалшайха], что на складе оружия Аба Бакра было приготовлено шестьдесят тысяч кольчуг и двенадцать тысяч конских попон, [398] о количестве другого оружия и снаряжения можно судить по этому. Однако войско было полностью составлено из крестьян, ремесленников, садовников и земледельцев. Кого он знал лучше, тому он присваивал звание «мир» и давал ему двести человек подчиненных, /204b/— стихи:

Нужны годы, чтобы настоящий камень
под солнечными лучами
Превратился в бадахшанский рубин или в йеменский
агат.
Нужны месяцы, чтобы хлопковое семечко водой и землей
Превратилось в одежду гурии или в саван попадающего
в рай.
Нужны дни, чтобы горсть шерсти со спины овцы
Стала хиркой для отшельника или недоуздом осла.

Много людей посвящают всю свою жизнь воинскому занятию, однако не найдется среди них и сотни храбрецов и двух военачальников. А человек, который всю свою жизнь держал ручку плуга, чтобы получить ковшик похлебки, не сможет сразу взять рукоятку меча,— стихи:

Страх от одного дня сражения расстроил ряды отважных,
Рукоятка меча мести разбила спину храбреца.

Человек, который всю жизнь кидал из пращи ком земли, отгонял воробьев от посева, каким образом сразу возьмет лук и будет стрелять по врагу? — стихи:

Сначала для лука нужен лучник,
Чтобы натянуть его и выпустить [стрелу] умело.
Многие годы должны копить гнев и ярость
И лук и лучник вместе.

Станным выглядит бедняк, который все время пас скот, а сейчас гонит коня на поле боя и поднимает пыль битвы,— руба'и:

Всякого человека, у которого есть глаза, руки и ноги
И есть место для сидения в доме,
Ты не считай человеком избранным,
Ибо выкидыш последует за красотой.

Тот, кто всегда, сеял ячмень и пшеницу, что может знать об управлении государством и об организации войска?

Байт:

Искусство управления государством знают цари.
Откуда знать [об этом] нищим отшельникам?

[399] Байт:

Оружие без владеющего им — бесполезно,
Тело без души не пригодно к делу.

[У Мирзы Аба Бакра] не было недостатка в количестве людей, однако людей, знающих дело, было мало. В его лагере отсутствовали военачальники, но он был полон оружия и снаряжения. Тот, кто принадлежал к базарному делу, крестьянам и простолюдинам, /205а/ воссев с позолоченным оружием на иноходца, воображал себя эмиром или военачальником и представлял легким военное дело. Байт:

Не каждый, кто надел шапку набекрень и сел ловко
на коня,
Предводитель и надежный военачальник.

Короче говоря, как бы то ни было, [Мирза Аба Бакр] собрал людей и выехал из Йарканда на расстояние двух фарсахов. Отобрав несколько надежных человек из этого войска, он отправил их вперед. В Кизиле они наткнулись на Ходжа Али бахадура, о чем уже было сказано. [Стало ясно], что человек, которого привели к хану в Йанги-Хисаре во время проведения [осадных] подкопов и который умер под пыткой, говорил правду, — он бежал от Мирзы Аба Бакра тогда, когда тот появился с войском в двух фарсах от Йарканда и выслал вперед авангард. [Тот человек], видя все это, ушел оттуда.

Когда [Мирза Аба Бакр] расположился в двух фарсах от [Йарканда], он решил провести осмотр войска. Сколько бы он ни старался, все было тщетно, потому что эти [новоявленные] эмиры, всю жизнь державшие в руках ярмо, теперь, подняв знамя, приняли построение войска за молотьбу, стали кружиться вокруг друг друга, не отличая правый фланг от левого, а центр — от правого. Когда от их пыли [конь] вздымался на дыбы, то бедный (всадник) оказывался на крупе лошади. Когда же в страхе за свою жизнь он крепко натягивал поводья, то скачущий конь переставал скакать, а всадник от крупа коня скатывался к его ушам. Если бы он отпустил поводья, то свалился бы на землю с загревками подобно капле пота, — сам он упал бы в одном месте, лук искал бы в другом, а стрелы рассыпались бы в третьем. Когда Мирза Аба Бакр увидел столь искусную езду верхом, владение луком, воинственность и умение стрелять, то сказал: «Тому, кто с таким войском [400] ползет в [чужой] огород, будет грозить опасность». Испугавшись и потеряв надежду, он вернулся назад и задумал /205б/ бежать. Вслед за этим пришло сообщение, что взята крепость Йанги-Хисар. Когда жители Кашгара узнали об этом, они тоже оставили крепость и ушли.

После получения этого известия [Аба Бакр] счел невозможным дальнейшее пребывание там. Стихи:

Убегай вовремя, спасай свою голову,
Голова под пятой лучше героизма.

Взяв из казны лучшие ткани, ценные вещи и наличные деньги, он объявил окончательный развод невесте царства и, передав Йарканд своему старшему сыну Джахангир мирзе, ушел восвояси. Полустишие:

Нет тебе возврата
Раз ты ушел, так ушел.

Джахангир мирза, который, подобно отшельникам, провел всю жизнь в углу кельи страха, вдруг взобравшись на трон царства, мог ли устроить и упорядочить дела государства, пришедшие в такое расстройство? Продержавшись после отца пять дней, он, как только получил сообщение, что отец находится далеко, а войско неприятеля близко, тоже [бежал], прихватив с собой что было возможно из того, что осталось в казне, и объявил всем, чтобы каждый взял [с собой], что хочет. Те, которые опасались моголов, ушли вместе с ним. Остальные люди набросились на остатки казны и амбары, стали грабить, расхищать, рассыпать и сжигать.

Через четыре дня после ухода Мирзы Джахангира прибыл Ходжа 'Али бахаdur с двумя-тремя сотнями людей. Через два дня приехал хан, о чем вскоре будет изложено. Мирза Джахангир ушел в Санджу¹, который является рубежом на пути в Тибет. Что касается Мирзы Аба Бакра, то он ушел в Хотан. Однако он не счел возможным оставаться в крепости Хотана и двинулся в Карангутаг². Когда он добрался до Карангутага, его нагнали моголы. Дороги были узки и унести все эти грузы было не только тяжело, но и невозможно. Он собрал все имущество и сжег. Я слышал от доверенных лиц, что здесь было девятьсот хачирбаров одежды, парчи и шелка, /206а/ значительная часть которых была вышита золотом европейскими, византийскими и китайскими орнаментами. Большая часть одежды была украшена [401] золотом, жемчугом, рубинами и другими драгоценными камнями. Все это он полностью сжег, а серебряные и золотые вазы и сосуды, различные инкрустированные и украшенные драгоценными камнями изделия и переметные сумки, полные золотого песка, он бросил с моста в реку Ак Каш (В Л₂ 176б; Л₃ 150а — Ак-Таш), которая протекает через Карангутаг. Он перебил всех верховых коней и мулов и направился в Тибет, захватив с собой только то, что можно было везти по этому пути.

По прибытии в Тибет [он увидел], что его люди покинули крепости и богатства, которые он собрал, и

рассеялись, а все крепости и сокровища вновь попали в руки неверных Тибета. По этой причине в Тибете он тоже ничего не смог сделать. Поскольку волны несчастий разбушевались от вращения этого лазурного небосвода, <упаси боже от них>, то ему в руки никак не попадал кусок доски, чтобы, ухватившись за нее, он смог бы добраться до спасительного берега. Одним словом, Мирза Аба Бакр в течение тех сорока восьми лет,— стихи:

Грешник жил так беспечно,
Что не осталось в книге [жизни] места писать
[о его грехах],—

все, что у него было, истратил на земную жизнь. Его богатство достигло такой степени, что перо не может это описать,— стихи:

Он делал все в расчете на земную жизнь
И не предпринял ничего к отбытию [в мир иной].

Хотя он говорил о загробной жизни и внешне мечтал о ней, однако каждым своим поступком он открывал себе окно в ад и закрывал для себя ворота рая. Дорога в рай для него была длинная. Вот итог всех его слов и мерзких поступков. Однако, как сказано в стихе:

О ты, прибежище оказавшихся в несчастье,
Цель всех просящих прощение — твоя милость,
Капля воды твоей милости достаточна,
Чтобы смыть черный список всех грехов,

<Аллах знает лучше>. /2066/ Короче говоря, его злополучные поступки принесли плоды ухудшения положения. От пребывания в Тибете его дела не улучшились, и он предпочел смерть жизни. Оставив свое имущество, людей, семью и детей в Тибете, <он распорядился так: «Я [402] уxo-

[НЕТ СТРАНИЦ 402 и 403](#)

[404] В конце раджаба 920 (после 15 сентября 1514) года хан вступил в город Йарканд и блеском сверкающего меча осадил пыль притеснения и вражды. Уста всех угнетенных от радости этой победы запели такие слова, стихи:

О ты, которому шахское одеяние впору,
Блеск шахского венца— от твоей величественной сути.
Помрачнеет мир от мрака насилия и притеснения,
Если не будет луча от твоего подобного молнии меча.

До того, как вступить в город, он послал править Хотаном эмира Даима 'Али и Бек Мухаммада, а в погоню за Мирза Аба Бакром послал семерых военачальников — Каракулак мирзу, Хаджи мирзу, Султан 'Али мирзу, Назар мирзу, Мир Камбара, Мирзу 'Али Тагая, Бек Мухаммад (Добавлено по Л₂ 1776; Л₃ 151a; R 326) макрита, которые на поле мужества были подобны семиглавому диву. Эти люди в погоне проявили большое старание. Когда благородная душа хана освободилась от отправки погони, было объявлено всеобщее разрешение и издан покоряющий мир указ о том, что каждый в любом месте может раздобыть себе добычу. У кого из воинов войска хана было намерение пограбить, тотчас же поспешил [приступить к делу], стихи:

Отправились все люди, жаждущие мести,
При поддержке счастья и с помощью Аллаха

Некоторые эмиры, для которых идти на добычу было ниже их достоинства, остались в свите хана. Устроив эти дела, хан под сенью счастья и победы вступил в город и поднялся в арк. В арке было много высоких зданий, /208a/ каждое из которых состояло из комнат, помещений, веранд и галерей, обилие которых поражало взор людей. Все эти дома и здания были полны и переполнены кусками материй, ситца, фарфором, коврами, латами, конским снаряжением, седлами, луками и другими вещами, необходимыми людям. Мирза Аба Бакр все это долго собирал разными способами и спрятал их так, что никто о них не знал. Все, что осталось [от Мирзы Аба Бакра], Мирза Джахангир как мог уничтожил и растащил. Во время своего ухода он разрешил всем грабить, так что до прихода Ходжа 'Али бахадура люди унесли то, что смогли. Когда Ходжа 'Али бахадур **[405]** вошел [в город], он тоже взял, что смог. На седьмой день после прибытия Ходжа 'Али бахадура приехал хан. Он тоже объявил всеобщее разграбление. Все, что было в наличии, было уже унесено, но дома и дворы еще были полны других вещей. Через месяц после грабежа и бегства (Добавлено по R 326) Мирзы Аба Бакра все еще оставалось много вещей, которые лежали на улицах и в

домах, но никто не собирался их брать. Стихи:

Из имущества имей то, что тебе необходимо,
Сверх этого будет тебе в тягость.
Не ищи постоянства в его обилии или в малости,
Пользы от него тебе не будет ни на атом.
Если даже добудешь богатство Каруна,
Больше того, что ты съешь, тебе не достанется
То, что добыто тобою силой, неблагоприятным путем,
В итоге будет разграблено,
Все унесут и будет съедено всеми,
И у тебя останутся только твое зло и преступление

Одним словом, все то, что Мирза Аба Бакр собрал с огромными трудностями в течение сорока восьми лет и скупко хранил, в итоге он оставил с большой скорбью и раскаянием, а хан /2086/ одним своим словом пустил все на ветер всеобщего разграбления, и люди в течение двух месяцев поднимали прах [того имущества] до неба подобно тому, как говорят: «Счастлив тот, кто съел и посеял, несчастлив тот, кто умер и оставил». Стихи:

То, что ты копил всю свою жизнь,
Я все сжег в один миг.

Через месяц каждый, кто куда ушел, вернулся с добычей и в здравии и преподнес высокочтимому хану в виде подношения достойное его количество добычи. Но хан для умиротворения и завоевания сердец раздал ее воинам в виде суйургала, что является древним обычаем моголов. Как мне помнится, некоторые эмиры, которые прибыли из Карангутага, кроме снаряжения и сосудов поднесли [хану] один андижанский ман золотого песка, который составляет шестьдесят четыре чарика, а чарик равен четырёмстам мискалям. <Хан все это раздал эмирам (Добавлено по Л₂ 178а; Л₃ 151а), об остальных предметах, [подаренных] великодушным ханом, можно судить по этому.

[406] ГЛАВА 49 ОБ ЭМИРАХ, КОТОРЫЕ ОТПРАВИЛИСЬ В ПОГОНЮ ЗА МИРЗОЙ АБА БАКРОМ

Когда хан послал девятерых эмиров на захват Хотана и в погоню за Мирзой Аба Бакром, то в преследовании они проявили большое старание. После их прибытия в Хотан все его жители поспешили встретить эмиров и сдали им все, что находилось в хранилищах и амбарах, табуны и стада, и все то, что относилось к понятию «вещь». Мир Даим 'Али и Мир Бек Мухаммад остались в Хотане согласно указу [хана] и занялись устройством государства и управлением подданных. Остальные семь эмиров, подобно семиглавому диву, выступившему на крепость Каф, устроили набег на Карангутаг. Но когда они прибыли в Карангутаг, то узнали, что Мирза Аба Бакр перешел через гору Карангутаг и ушел в Тибет. Преследовать его стало невозможно. Тем не менее они дошли до того места, где Мирза Аба Бакр уничтожил свое имущество и сокровища. Сначала они увидели, что он убил всех быстроходных коней, /209а/ каждый из которых,— стихи:

Был быстр как ветер, пересекающий степь,
И был как брат храбрецу в бою.
Всадник все вспоминает о коне
«Конь для меня—дороже целого мира»

Все дороги были завалены трупами быстроходных коней. Были убиты также все мулы, которые были нагружены переметными сумами, наполненными драгоценностями и материей. Я точно не помню, было ли здесь девятьсот голов мулов или девятьсот верениц мулов. Когда они пришли туда, где была сожжена материя, то увидели кучи пепла, от которых еще шел дым (Добавлено по Л₂ 178б). Сохранилось золото золототканией, украшенной драгоценными камнями одежды. Ту золу собрали. Драгоценные камни и красный рубин не изменились в цвете, а бирюза почернела и, когда ее дробили, в ней не сохранилось и следа от прежнего цвета. Яхонт раскрошился на мелкие куски и изменился до неузнаваемости. Жемчуг превратился в пепел и невозможно было его отличить. От янтара также не осталось и следа от его красоты. Эмиры и войско, разобравшись с пеплом, направились к мосту и заметили, как под водой блестят переметные [407] сумы с золотым песком и, подобно сиянию солнца и свету луны, сверкают ювелирные изделия, серебряные и золотые сосуды. Затем они попытались, как могли, вытащить предметы из воды. Вода падала [бурным потоком] со скалы и бурлила (так, что никто не мог никаким способом войти в нее. Тогда каждый взял длинную палку и к концу ее привязал крючки. Чтобы добраться до дна, нужно было связать вместе несколько палок. Когда Мирза Аба Бакр высыпал свое сокровище в воду, он велел разрезать на куски кожаные переметные сумки и высыпать в воду золотой песок. Но когда разрезали [сумки] на куски,

уже стемнело, а Мирза Аба Бакр торопился уйти и он приказал бросить эти переметные сумки, которые и лежали с того времени. /2096/

Когда они зацепляли крючками переметные сумки, большинство их разрывалось и [содержимое] уносило течением. Если кому-то улыбалось счастье, сумка не разрывалась и ее поднимали. В каждой сумке был груз одного мула. Хотя некоторая посуда имела ручки, но ее также никто не мог вытащить и совсем никому ничего не досталось из тех сумок, из которых высыпался золотой песок. Смогли вытащить только одну часть из тысячи и ничтожное количество из огромного богатства. Несмотря на это, они вернулись с обильным добром — стих:

С кинтаром жемчуга и харваром золота

Таким образом каждый, кто был там, получил больше, чем мог об этом помыслить

ГЛАВА 50. УПОМИНАНИЕ О ЗАВЕРШЕНИИ ДЕЛ ДЕТЕЙ МИРЗЫ АБА БАКРА

Впоследствии, когда повелитель мира, его величество [Са'ид] хан устроил все дела в Йарканде, стало известно, что Мирза Джахангир не последовал за отцом в Тибет, а сидит в Санджу. [Са'ид] хан отправил моего дядю, [сказав]: «Любым способом приведи своего племянника». Когда мой дядя прибыл в Санджу, Мирза Джахангир поспешил к нему навстречу как к счастью, преподнес богатые дары и сказал: «Всем известно, что во время правления отца я постоянно жил отшельником в кельях страха и дрожал за свою жизнь. В течение этого времени я никогда не испытывал ни радости, ни покоя. Руку насилия я никогда не [408] вытягивал из рукавов, мои глаза были закрыты для богатства и власти. Я постоянно глотал из чаши невезения глоток страха. Когда основа государства моего отца пошатнулась и здание дворца его величия стало рушиться под ударами ханского войска, он вытащил меня из угла уединения и посадил на трон величия. Я, который в течение сорока лет жизни постоянно терпел одиночество, /210а/ испытывая ужас и страх, как теперь могу править государством, которого почти нет? Всякий раз, когда мой отец лишал кого-то из своих сыновей убора жизни, он досадовал на него в моем присутствии, [говоря]: «Он был юношей, достигшим совершеннолетия, но чрезмерно дерзким. Если бы я не убил его, то он со мной (Отсюда до конца главы перевод сделан по списку Л₁ 142а, б и R 329 (в Т — пропуск)) поступил бы так, как поступили Шируйя с Хусравом и 'Абдаллатиф мирза с Улугбек мирзой». Когда я слышал эти слова, то старался изо всех сил ради своей безопасности вести смиренный образ жизни. Как я, который прожил сорок два года, не имея никакого отношения к власти, смогу в один миг благоустроить дело государства, которое он расстроил? Больше того, мне абсолютно были неведомы дела отца. Я никогда не причинил зла, достойного порицания, а если оно совершалось, то только со стороны отца. Пусть соответственно словам священного [Корана] <И не понесет носящая ношу другой> не возлагают на меня вину отца и не считают меня причастным к поступкам моего отца. Я поеду к хану и проведу остаток своих дней на его службе». Он произнес еще много такого рода слов самоуничтожения, покорности и тому подобных. Мой дядя полностью успокоил его и привел его к хану вместе с множеством добра, скота и табунов. Этот Джахангир мирза родился от дочери Исан Буга хана, младшего брата Йунус хана, а последний доводится хану дедом. Однажды, когда Мирза Аба Бакр захватил Аксу — столицу Алача хана, — это событие уже было описано, — четвертая дочь Алача хана попала к нему в руки. Он относился к ней с большой заботой и уважением. После достижения ею совершеннолетия он выдал ее замуж за Джахангир мирзу. Когда Джахангир мирза приехал и удостоился чести услужения хану, эта четвертая дочь Алача хана, которую звали Хадича Султан ханим, тоже присоединилась к [409] хану, которому она доводилась родной сестрой. Хан с почтением относился к Мирзе Джахангиру и, согласно содержанию байта, —

О вы, пьющие вино, не печальтесь о завтрашнем
судном дне,

Так как вам не припишут вины другого (Добавлено по Л₃ 152а), —

не приписал ему злодеяний и мерзких поступков отца, удостоил его чести находиться среди близких хану людей и обещал заново устроить торжества по случаю свадьбы высокой госпожи Хадичи Султан.

К концу той зимы однажды ночью Джахангир мирзу убили в Йанги-Хисаре вместе с несколькими прислуживающими ему людьми. Чьих рук это дело — ничего не известно. В этой крови подозревали каждого, <а Аллах знает лучше>.

У Мирзы Аба Бакра было много детей. Несколько своих сыновей он убил под самой страшной пыткой без малейшей вины. Из тех, кто остался в живых, был Джахангир мирза, самый старший и уважаемый среди них, о конце жизни которого рассказано сейчас. У него было еще двое сыновей от дочери Мирзы Султан Махмуда б. Мирза Султан Абу Са'ида по имени Турангир [мирза] и Бустангир [мирза].

Весной, после той зимы, когда убили Мирзу Аба Бакра, в Тибет отправили человека, чтобы привести его семью и домочадцев. Его жену звали Ханзада бегим. Она вместе со старшим сыном Турангир мирзой приехала в Кашгар. Согласно обычаю «йангалик» мой дядя взял Ханзаду бегим в жены, а Турангир мирза находился в свите хана до тех пор, пока не утонул в реке.

Младший сын Бустангир мирза не приехал вместе с матерью и братом, а ушел из Тибета в Кашмир, а оттуда — в Индию, в то время Бабур Падишах еще не владел Индией. Бежав из Индии, он направился в Кабул. Хотя Бустангир мирза приходился [Бабур] Падишаху двоюродным братом, однако проступки его отца мешали Падишаху оказать ему царское внимание. Поэтому Бустангир мирза не смог остаться в Кабуле, уехал в Бадахшан к Мирза хану, который был его дядей по матери. Мирза хан вместо дядиной любви из-за Мирзы Аба Бакра встретил его неприязненно. Он [410] бежал и оттуда и отправился к узбеку Шайбану. Суйунджик хан встретил его с почетом и уважением, [говоря]: «Он — человек, и благородные люди обязаны хорошо с ним обращаться». И по сей день он в почете и уважении живет в Андижане и Ташкенте. Среди узбеков он слывет своим похвальным поведением.

ГЛАВА 51. УПОМИНАНИЕ О ДЕЛАХ ХАНА ПОСЛЕ ЗАХВАТА ИМ КАШГАРА

После того, как [Са'ид] хан успокоился в отношении всех дел по управлению государством, он направил внимание своей души, являющейся океаном вдохновения, свойственного государственным мужам, на раздачу даров и простер щедрую как море руку с бесподобными подарками [над своим воинством] — стихи:

Если сердце — море, а рука — рудник,
То эти сердце и рука принадлежат государю,—

и в особенности над теми, кто отличился среди равных в смелости и отваге в дни сражений и схваток. Имена всех их перечислены выше. Стихи:

[Хан одарил их] конями и оружием, кольчугами
и щитами,
Атласными кафтанами и золотыми поясами,
Он одаривал своих воинов так,
Что, благодаря этому, они завоевывают страны,
Если султан дарит войску золото,
Войско сложит [за него] голову в день сражения.

Из тучи подарков он полностью напоил войско, про-лив на него бесчисленные капли дождя [милости]. Светом лучей справедливости хан уничтожил также мрак притеснения для дехкан и подданных. Стихи:

Он распростер над миром такую тень справедливости,
Что никакой Зал теперь не опасается никакого
Рустама,
В пору твоей справедливости, о государь,
Никто не жалуется на трудности жизни.

Пути-дороги, которые из-за разбоя были закрыты, стали такими безопасными, что люди говорили: «Если даже какая-нибудь слабая женщина с наполненным золотом медным тазом на голове пойдет по тем дорогам, то ее не постигнет никакая беда». В то время [411] благоденствию людей соответствовало содержание стиха:

Я несу свой таз с золотом с востока на запад
Благодаря тому, что безопасны все стороны мира /2106/.

Удивительнее этого то, что если, предположим, женщина оставит свой таз с золотом на дороге и уйдет, то когда бы она ни вернулась обратно, она найдет его нетронутым на том же месте, где оставила. Стихи:

Если человек уйдет хоть на целый год,
У него не будет опасений [за оставленное
имущество].

После того, как дела по управлению государством, порядок в войске и в жизни подданных были налажены так, как было изложено выше, хан своим всеобщим дозволением открыл ворота наслаждения и веселья как для знати, так и для простых людей. Стихи:

О государь!
Ты открыл двери наслаждения и покоя
всем,
Дай бог, чтобы и дела твои всегда устраивались.

Люди всех сословий соответственно своему желанию осушали чаши удовольствия, наполненные вином веселья. Байт:

Всякий, кто имея в руке чашу вина,
Не осушит ее, потеряет свое достоинство.

В каждом доме люди группами распевали песни и осушали кубки вина вместе с возлюбленными. Стихи:

Каждый наслаждается в своем углу радости,
С чашей чистого вина веселья.

Особенно хан в душе своей постоянно напевал такой байт:

Мое тело состоит из глины — осадка вина,
Собрание наше сплочено вокруг чаши чистого вина.

Ни одна заря не занималась и ни одно утро не наступало без того, чтобы он не испивал бокала вина на похмелье. Золотая чаша солнца не совершала свой круг в пиршестве небосвода без того, чтобы хан не пустил по кругу кубок чистого вина. Ни один вечер серебряная чарка месяца не наполнялась алым вином [412] вечерней зари без того, чтобы чаша наслаждения не совершала бы круг в ночном пиру. Байт:

Ни на одну минуту не оставлю я пиршества
желанного,
Не буду я в плену золота и не буду гнаться
за богатством .

Все люди, а особенно хан и его приближенные, от обилия испитого вина не отличали ночи от дня и дня от ночи, они не ведали ни о наступившем дне, ни об ушедшем времени. Байт:

Пришел я пьяным в твой квартал и ушел безумным,
Не помню, как я пришел сюда и как ушел.

Питье вина распространилось до такой степени, что трезвости стыдились, а опьянение считали достоинством. Все эти запретные деяния продолжались от раджаба 920 (августа 1514) года до конца 928 (конец декабря 1522) года. /211a/ После этого благодаря руководству вечного и милости бесконечного [Аллаха] хану было запрещено совершать мешающие делу поступки, о чем будет изложено.

ГЛАВА 52 УПОМИНАНИЕ О ПРИБЫТИИ ИЗ ТУРФАНА ИМИН ХОДЖА СУЛТАНА К ХАНУ

Имин Ходжа султан прибыл в середине этой зимы. Вот его история: при перечислении детей Султан Ахмад хана было сказано, что Имин Ходжа султан был родным братом [Са'ид] хана. После смерти Султан Ахмад хана, когда Аксу из-за противодействия эмира Джаббарберди попал под власть Мирзы Аба Бакра, все дети Султан Ахмад хана вместе с его улусом перебрались в Турфан и Чалиш, а Мансур хан стал править вместо своего отца, Султан Ахмад хана. Все его братья находились у него на службе. Этот Имин Ходжа султан тоже находился в услужении у Мансур хана. После того, как Имин Ходжа султан стал юношей, то по молодости лет из-за подстрекательства смутьянов он стал претендовать на царство, в результате чего возникли беспорядки. Мансур хан как старший некоторое время терпел это, увещевал и прощал, однако Имин Ходжа султан не отказался от своих притязаний. В конце концов Мансур хан приказал убить его. Йарка Атака, который был надежным человеком хана, взялся убить его. Он увел Имин Ходжа султана в свой [413] дом, спрятал его в подвале и распустил слух: «Я убил Имин Ходжа султана». Через некоторое время, когда пришли сообщения о победе [Са'ид] хана над Мирзой Аба Бакром и о захвате Кашгара, Мансур хан пожалел о содеянном, печалился и очень раскаивался. Йарка Атака сказал ему: «Я поступил согласно словам великих людей, которые говорят: «Живого очень легко лишить жизни, а убитого воскресить невозможно» и, вопреки приказу, я сохранил ему жизнь». Хан очень обрадовался и остался доволен Йарка Атакой. Имин Ходжа султана выпустили и разрешили уехать /211b/ Имин Ходжа султан поехал к Бабаджак султану, родному брату Мансур хана.

Он явился к Бабаджак султану в то время, когда тот, благоустроив разрушенные ранее Мирзой Аба Бакром города Кусан и Бай, сидел там, — он и поныне находится там. Имин Ходжа султан испросил у него разрешение и отправился в Кашгар. Когда весть об этом дошла до [Са'ид] хана, он очень обрадовался, и его состояние как бы запело такую песню:

Каждый миг новый плод поступает из этого сада,
Свежий из свежайших поступает.

В те дни я не раз слышал из благословенных уст хана эти стихи:

Если два государя будут держаться друг за друга,
То они никогда не получают пощечины от врага

И он всяким способом по мере возможности старался устроить дело Имин Ходжа султана. Проявляя к нему милость и сочувствие, он довел его до высшей ступени царства. Во всем он по-братски делился с ним. Всю зиму они провели в беседах и пирах. Когда настала весна, ради Имин Ходжа султана устраивали царские торжества. Хан выделил людей из всех могольских племен. По обычаю он назначил ему улус-беги — племянника Джаббарберди Бек Сарик мирзу из дулгатов. Он отправил с ним в Аксу великого эмира правого крыла [войска] Мунка бека, о котором говорилось при описании кашгарского похода, еще Назар мирзу, брата Мир Аййуб бекджака, и других, а также выделил людей из среды всех могольских племен, родов и улуса. Жителям Аксу, которых Мирза Аба Бакр после захвата Аксу переселил в Кашгар со всем их семейством, он разрешил вернуться назад.

[414] В начале 921 (с 15 февраля 1515) года Имин Ходжа султан отбыл в Аксу.

Мирза Аба Бакр во время захвата Аксу разрушил его вместе с предместьями, его жителей увел в Кашгар, а Уч, являющийся неприступной крепостью, он укрепил небольшим отрядом. /212а/ Этот отряд даже занимался земледелием. Когда хан захватил Кашгар, он тотчас же послал человека занять Уч и укрепить его как Мирза Аба Бакр. Имин Ходжа султан остановился в том же Уче. На второй год, после того, как Уч и его окрестности были возделаны, он уехал в Аксу и восстановил его крепость в прежнем виде. О дальнейшей жизни Имин Ходжа султана будет изложено в своем месте.

ГЛАВА 53. ВСТУПЛЕНИЕ В РАССКАЗ О ТОМ, КАК [СА'ИД] ХАН, НЕСМОТРЯ НА ПРЕЖНИЕ НЕПРИЯТНОСТИ С МАНСУР ХАНОМ, ЖЕЛАЛ С НИМ ВСТРЕЧИ И СОГЛАСИЯ

Если Аллах, <да будет всемогущим и великим его достоинство>, наделил кого-то при его создании похвальными качествами и добрым нравом, то от него ничего, кроме добра, не исходит. Если в отношении к нему будет проявлено зло, он ответит на это только добром. По-другому он поступить не может, — стихи:

Человек не волен в применении силы,
Когда он вынужден поступить определенным образом,
Он, подобно ветвям могучего дерева,— как нарцисс,
Качается от ветра утром и вечером

Иначе силы у рода человеческого недостаточно, чтобы перенести это [зло], и у человека не хватает на это терпения. Подтверждением тому послужит событие, которое будет изложено.

В начале книги было написано, что [Са'ид] хан вместе со своим братом [Халит султаном] находился в Моголистане, а киргизы были в услужении у этих двух братьев, и так проходила жизнь — стихи:

Одежды, материи, коней и мулов
Было в общем и много, и мало.

Во всяком случае они были довольны тем, что голова у них цела и хан в безопасности и так они проводили время, пока Мансур хан не напал на них с войском. Оба войска встретились в Чарун Чалаке **[415]** и произошел ожесточенный бой. Под конец два этих брата потерпели поражение и поэтому не могли больше оставаться в Моголистане, — а другое место в мире для них было закрыто, — и они были вынуждены уйти в Ферганский вилайат. Султан Халил султан, брат хана, /212б/ был утоплен в реке Ахси одним из султанов Шахибек хана. Сам [Са'ид] хан попал в плен. В конце концов он в одежде странствующего дервиша отправился в Кабул. Обо всем этом было подробно рассказано. Все эти бедствия и несчастья постигли хана из-за Мансур хана, — стихи:

Когда брат с братом не ладят,
То любой враг окажется сильнее.

Однако [Са'ид] хан основал такое сильное государство с обилием всадников и отважных воинов с прославленными бахадурами и знаменитыми эмирами, что гора страшилась его, — стихи:

Войско, предводительствуемое победой и удачей!
Даже воображение не может представить себе
его размеры,
От кончиков пик его — в тревоге лик звезды Арктура,

От страха перед подковами его коней даже рыба
покрыла себя кольчугой.

От такой мощи и силы хана сердца окрестных султанов охватил безмерный страх, в особенности Мансур хана, который, бежав от Мирзы Аба Бакра, укрылся в углу Турфана и Чалиша и теперь у него не было ни силы, чтобы бороться, ни места для бегства, ни языка, чтобы просить прощения (Добавлено по Л₂ 181а; Л₃ 154а), ни возможности принять какое-нибудь решение; содержание стиха: «Как жаль, что они закрыли мне дорогу с шести сторон» соответствовало положению Мансур хана. К тому же Имин Ходжа султан тоже присоединился к хану и рассказал ему обо всем, что досталось ему от Мансур хана.

Вес столпы государства и знать двора, сговорившись отомстить Мансур хану, уничтожить его и захватить Турфан, доложили хану: «Мансур хан, когда ему представлялся удобный случай, делал то, о чем уже известно, и если ему опять представится такой случай, то он совершит такое, что невозможно предсказать. Следовательно, мы одним ударом должны поступить с [416] ним так, чтобы больше о нем не думать». Хан ответил: «Обычай младших — повиновение, а дело старших — проявлять благосклонность. Если младшие забудут об этом, то старшие обязаны наставить их. Тогда /213а/ внешне правда была на нашей, двух братьев, стороне. Однако истина заключается в том, что мы допустили упущение в услужении ему, в проявлении уважения и почтения к нему. За эти упущения он наказал нас (Добавлено по Л₂ 181б, Л₃ 154а). Теперь, когда Господь, слава ему, дал нам силу, нам подобает еще больше просить прощения за эти упущения и смыть стыд за них оказанием ему еще больших достойных услуг», — стихи:

Великодушие и милость Господа в том, что
Раб его совершает проступок, а он стыдится.

Хан продолжал: «Сейчас старший брат заменяет Нам отца. Каждый недостаток и упущение, допущенные по отношению к отцу, мы должны восполнить оказанием ему услуг».

Затем он отправил одного за другим послов и передал с ними, что то, что было совершено старшим братом, т. е. Мансур ханом, произошло по нашей вине. Если бы даже этого не было, то старший брат, являющийся преемником отца, хотя и поступает с младшим братом недостаточно хорошо и резко, но как смеет младший брат, который находится на положении сына, преступать границы и проявлять невоспитанность, — стихи:

Ты — тот, страдания и печаль за которого мои
неизбежные спутники,
Жестокость и все, что достается мне от тебя,
желанны мне

«Просьба заключается в том, чтобы вы подолом прощения покрыли бы те проступки, которые были совершены нами прежде, очистили бы от них Вашу счастливую память и позволили бы, чтобы сей раб обрел счастье целования ковра. От этого в дальнейшем было бы много выгод. Одной из них является то, что если от моих проступков попала грязь на одежду деяний, она будет смыта водой прощения Вашего величества. Вторая — то, что, слава Аллаху, хотя от этого успеха друзья уже окрепли, а враги ослабли, а если еще состоится [417] наша встреча, то она явится завершением этого дела и на этот раз опора недоброжелателей ослабнет еще сильнее. Есть еще много других выгод, /213б/ которые необходимо обсудить, — стихи:

Твоя красота вместе с обаянием покорила мир,
Да, в согласии можно завоевать мир»

Когда таким образом непрерывно один за другим стали прибывать послы и поступать многочисленные дорогие подарки, Мансур хан, душа которого была готова покинуть тело, от этого известия ожил и безмерно обрадовался. После ряда взаимных посещений послов и определения условия они решили встретиться.

ГЛАВА 54. КРАТКО О МАНСУР ХАНЕ

Коль речь зашла о Мансур хане, то следует кратко рассказать о нем. Мансур хан — старший сын Султан Ахмад [хана], сына Йунус хана.

События, происшедшие с Султан Махмуд ханом, старшим братом Султан Ахмад [хана], кратко изложены в начале книги и подробно еще будут описаны в основной части «Истории», а суть их в том, что Султан Махмуд хан прогнал бывших эмиров Йунус хана, вместо них поставил низких людей, обычаем которых была лесть хану, и вверил им крупные государственные дела. Из-за скудости ума они поступили с ханом так, что его старые друзья оказались униженными. Сделав узбек-казаков, чагатайских падишахов и старых врагов новыми друзьями, они вообразили, что последние на самом деле стали друзьями и тем самым возвеличили Шахибек хана.

После того, как Шахибек хан с помощью Султан Махмуд хана установил свою власть над Чагатаем и завоевал Мавераннахр, он приступил к устранению самого Султан Махмуд хана и к захвату Ташкента, —

стих:

Я сам создал себе несчастье.

Поскольку нет лекарства человеку от содеянного им самим, то [Султан Махмуд хан] оказался в безвыходном положении, как говорят,— стихи:

Знаешь, что сказал Зал Рустаму гуру?—

Нельзя считать врага слабым и беспомощным

[418] Уничтожь врага вовремя,

А если нет то он уничтожит тебя./214а/

Когда Султан Ахмад хан услышал о несчастье Султан Махмуд хана, чувство братской любви вскипело в сердце Султан Ахмад хана, и он ухватился рукой чести за воротник братской любви и сочувствия. В 907 (1501—1502) году он отправился в Ташкент к своему уважаемому брату, оставив вместо себя своего старшего (Добавлено по Л₂ 182а, Л₃ 155а) сына Мансур хана со всей полнотой власти над всем Чалишем, Турфаном, Байем, Кусаном, Аксу и Моголистаном. О событиях, которые произошли в Ташкенте, уже сказано. Когда Ахмад хан, потерпев поражение, вернулся из Ташкента больным в свой столичный город Аксу, Мансур хан вышел встретить своего почтенного отца. Когда хан вошел в город, он понял, что его болезнь серьезна и отправил Мансур хана в Турфан. Мансур хан оставался в Турфане до тех пор, пока его отец Султан Ахмад не переселился в святую обитель, и тогда он вернулся из Турфана в Аксу. Султан Махмуд хан, сочтя царствование в Аксу нетрудным, [оставил его Мансур хану] и уехал в Моголистан, — стихи:

Отец умер, а дядя сбежал,

Страна от чужих пришла в расстройство

Враг господствует, улус в опасности,

Орел несчастья расправил крылья

Мансур хан пребывал в Аксу, а эмир Джаббарберди — в Уче. Этот Джаббарберди был дуглатом и [занимал должность] улусбеги Султан Ахмад хана. У Султан Ахмад хана он был в большом почете и уважении. Он действительно был человеком умным, достойным своей должности и незаменимым в управлении государственными делами, — стихи:

Одним правильным суждением ты разбиваешь

спину целого войска,

А одним мечом можно убить только сотню [врагов]

По упомянутой раньше известной причине, что наследники не ценят доставшихся им от отцов [людей], собрался убить эмира Джаббарберди — такого человека, который мог бы пригодиться в те дни, когда бушевали волны смуты. Он думал, что пока не уничтожит Джаббарберди, царство за ним не укрепится. /214б/ Хотя на **[419]** самом деле было наоборот, и сколько бы Джаббарберди ни говорил, чтобы отвести от себя погибель и улучшить дела Мансур хана, все было бесполезно. Он понял, что [Мансур хан], кроме предания его смерти, ни на что другое не согласен. Тогда он подумал о своем спасении. Он послал человека к Мирзе Аба Бакру и позвал его.

Мирза Аба Бакр и сам думал об этом, тотчас же явился как вспышка молнии с тридцатью тысячами человек. Эмир Джаббарберди по обычаю встретил его подношениями и подарками, сам тотчас же стал проводником войска, и они двинулись—он впереди, а Мирза Аба Бакр за ним. Когда Мансур хан узнал об этом, он увел всех, кого мог, а остальные люди с некоторыми эмирами укрепились в крепости Аксу. Мирза Аба Бакр с боем взял крепость Аксу. Выделив часть войска, он дал его эмиру Джаббарберди, чтобы тот напал на Бай и Кусан. Всех жителей этих городов он вместе с их семьями переселил в Аксу, так что те края полностью обезлюдели.

Эмир Джаббарберди сказал [Мирзе Аба Бакру]: «Да будет известно Вашему высокому вниманию, что у меня больше не осталось ни решимости, ни совести, чтобы надеяться на милость могольских ханов, потому что то, что причинил им я, никто до меня им не причинял. Я рассеял по ветру небытия их трон, имущество и семья, а то, что приходит сейчас мне в голову ради вашего благополучия, — это то, что надо совершенно очистить Бай, Кусан и Аксу, <переселить жителей в Кашгар (Добавлено по R 377), а в Уче держать отряд войска. Моя семья <останется вместе с вашей счастливой свитой (В Л₂ 182б; Л₃ 155б — «вместе с вами отправится в Йарканд»). А мне вы разрешите вернуться в Чалиш, в тамошние горы. Переселив всех его жителей, я приведу их к вам с тем, чтобы этим покончить с делами могольских [ханов] и избавиться от страха перед ними». Когда он представил эту уловку, /215а/ Мирза Аба Бакр одобрил ее, отпустил Мир Джаббарберди, а сам увел его семью вместе со всеми моголами в Кашгар (Добавлено по Л₂ 182б, Л₃ 155б). Мир Джаббарберди, принеся в жертву за свою жизнь семью, всех, кроме двух (Добавлено по Л₁ 152а)

сыновей, отправил в Кашгар, — стихи:

[420] Рубашку свою я оставил в его руках,
Пленение моей одежды лучше, чем меня.

Он проявил в этом деле такое усердие, что Мирза Аба Бакр проникся к нему полным доверием и, дав ему в сопровождение войско, вернулся. Он вывел жителей из всех городов, края, степи и горных местностей: город он вручил филину, деревню — сове, степь — лани, а горы передал куропатке. Он собрал и увез в Кашгар столько скота из окрестностей того края и богатства из кладовых домов тех городов, что когда небесный счетовод назвал все это архангелу Микаилу, тот для установления их количества положил на противоположную чашу весов капли дождя и песок пустынь. Мирза Аба Бакр вступил в Кашгар с большой торжественностью. Мир Джаббарберди напал на войско Мирзы Аба Бахра и бежал, отделившись от войска. Войско Мирзы Аба Бахра, покинув его, отправилось в Кашгар, унося вместо стада скота свои головы Мир Джаббарберди ушел в Моголистан.

Что касается Мансур хана, то он раскаялся в своем злом умысле против Мир Джаббарберди. Он увидел, что без таких людей невозможно укрепить свое положение. Он отправил к нему человека и с большими извинениями и просьбами просил его вернуться. Мансур хан родился от сестры Мир Джаббарберди. Мир Джаббарберди узнал, что Мансур хан раскаялся и отказался от вражды. Он понял, что, если он тотчас не пойдет к нему, то Мансур хан из-за отсутствия согласия погибнет. Он потребовал подкрепления извинений [Мансур хана] вескими доводами, заключением договора и отправился.

К этому стоит привести рассказ. Известно, что Талхак скончался в Термезе. [Перед смертью] он завещал: «Похороните меня на пересечении дорог, /2156/ а могилу мою сделайте высокой и там напишите крупными буквами: «Пусть будет проклят тот, кто, прибыв сюда, прочтет [суру] Фатиха за мою душу; пусть будет проклят отец того, который не прочтет [суру]». Присутствующие на собрании засмеялись и спросили: «Каким же тогда образом человеку избежать этих двух проклятий?» Тот ответил: «Пусть не едет в Термез и в этом его спасение». Эта притча точно отражает поведение могольских хаканов и благородных людей [племени] дуглат, которые, если поступают подобно Джаббарберди и спасут свою жизнь, опозорят его, обвиняя в [421] неблагодарности и отсутствии преданности. А если кто подобно моему дяде Саййид Мухаммаду мирзе (Добавлено по Л₂ 183а, Л₂ 1556) проявит верность и будет рыдать над могилой покойного хана, его обезглавят и скажут: «Подлый, ничего не смог сделать». Служа им, они, в конце концов, добьются только имени «подлый человек» или «неверный». Значит, чтобы избежать это, надо не приближаться к ним. Как сказал мой почтенный дядя Султан Махмуд хан, <да освятит Аллах его довод> — [тюркские] стихи:

Живя с людьми, человек не найдет верности
в мире
О, как хорошо тому беззаботному, у которого
нет дела до мира

Вот это стихотворение тоже соответствует описанному положению, — стихи:

Во время битвы ты — огонь, а перемирие
твое кровавое,
Я убит твоим перемирием и сожжен твоим боем

Когда жемчужины этих мыслей не находят себе места в ушной раковине [могольских] хаканов и вместо этого вливаются в раковину, подобную ушам осла, то их высокий слух становится глухим, а их уши будут наполняться и глохнуть от разных разговоров, — стихи:

О, Джамии, сколько можно увещавать и говорить колкости,
Сколько можно придирается и порицать
Вращающееся небо не знает ничего, кроме того, чтобы
Вращать над твоей головой жернова мельницы
Ни у кого как у тебя в этом дворце страха и надежд
Не окрасилась в белое борода на мельнице,
Не сиди больше под пылью.
Встань и искупайся водою глаз.

<Хвала всевышнему Аллаху и благодарность ему>! Подобно тому, как сей раб отошел нынче от них, /216а/ так лучше держаться подальше и от этих слов и вернуться к довершению рассказа.

Мансур хан, как мог, успокоил Мир Джаббарберди и взял его к себе. После возвращения Мир Джаббарберди дела хана вновь упорядочились. С начала 910 (1504—1505) (Приведено по Л₂ 1836; Л₃ 156а (В Т; Л₁ 1526 — ошибочно 920—1514 г)) года — время расстройства дел Мансур [422] хана, и до 922 (1516) года, до которого дошел наш рассказ, Мансур хан проживал в Чалише и Турфане. За это время произошло

много событий, краткое их изложение следующее. Братья [хана] в те дни враждовали между собой, а каждое могольское племя поднимало смуту. По этой [причине] он отстранил род арлатов, в котором были старинные уважаемые эмиры, привлек к себе обманом киргизов, и многих из них предал смерти. Один раз он дал бой калмакам и одержал над ними победу.

После этих событий в государстве Мансур хана установился порядок. Все это случилось благодаря находчивости и дальновидности Мир Джаббарберди. Впоследствии Бабаджак султан ушел от него вместе со своими подданными и приехал в Кусан. Мансур хан лично последовал за ним и осадил город. Однако он не намеревался уничтожить Бабаджак султана и предложил мир. В ответ тот сказал: <«Имин Ходжа султан тоже был вашим братом, как я, а Вы убили его как чужого. С каким доверием я теперь заключу с вами мир?»> Имин Ходжа султан сеял смуту и, как говорят, — полустышии:

Лучше уничтожить зачинщика смуты царства (Добавлено по Л₂ 183б; Л₃ 156а; R 339)

И Мансур хан приказал Йараке Атака убить его. Йарака Атака держал его в подвале, как уже было упомянуто. Когда Бабаджак султан напомнил о случившемся с Имин Ходжа султаном, то Йарака Атака увидел, что хан попал в затруднительное положение, и доложил: «Я совершил дерзость и поступил против приказа». [Тогда] Мансур хан обласкал Йарака Атака и [приказал] привести Имин Ходжа султана, отдал его Бабаджак султану и мир был заключен. Мансур хан вернулся, а Имин Ходжа султан поехал в Кашгар, о чем уже было упомянуто. Бабаджак султан остался в Кусане /216б/ и поныне пребывает там.

После упомянутых выше событий прибыли послы [Са'ид] хана к Мансур хану, что явилось началом перемирия. Мансур хан прибыл из Турфана, Кусана и Бая, а Мир Джаббарберди он отправил к хану раньше, и они встретились в степи Арбат, о чем будет рассказано.

[423] ГЛАВА 55. УПОМИНАНИЕ О РОЖДЕНИИ ИСКАНДАР СУЛТАНА

В джумад ал-ахир 921 (вторая половина июля 1515) года дерево ханского достоинства принесло желанный плод в саду счастливого государства, а из семени желания, которое крестьянин надежды посеял на пашне, <дай же мне от тебя наследника>, появился урожай [как сказано в Коране]: <Не бойся, ведь мы радуем тебя мальчиком>², — стихи:

Ценная жемчужина появилась из моря царства,
Яркий светильник — от божьего света.

Молодое деревце из священного сада дало побег в саду царства, а дерево ханства дало свежий плод султанства. Поскольку хан со стороны своей бабушки Шах бегим принадлежал к роду [Искандара] Зу-л-Карнайна, то с доброй надеждой он был наречен Искандаром. Ученые составили хронограммы на его рождение. В том числе и Маулана Мухаммад Ширази, который принадлежал к крупным ученым, был знатоком во всех науках и искусным лекарем. В течение тридцати лет он оказывал похвальные услуги могольским хаканам, был главою садров при хане. Кое-что о нем будет в дальнейшем написано. Он нашел хронограмму [в словах]: «Шах-Искандар фар» («Царь с достоинством Искандара»). Праведный и достойный слуга Ходжа Нураддин 'Абдалвахид Тахури кази, о котором тоже будет сказано, составил хронограмму [в словах]: «Нахл-и Ирам» [«Пальма рая»]. Некоторые ученые составили хронограмму [в словах]: «Лашкаршикан» («Разбивающий войско»).

Были составлены и другие хронограммы, но я привел то, что осталось в памяти.

В те дни из-за частого употребления вина здоровье [Са'ид] хана расстроилось. Для укрепления здоровья и перемены климата он уехал в Моголистан. Вернувшись из Моголистана, он сказал сему рабу: «Поскольку ты мне как сын /217а/, то я выдаю за тебя замуж свою сестру, жемчужину в раковине ханства. Я надеюсь, что если у тебя родится ребенок, то я могу быть ему таким же отцом, как и ты. Он будет доволен двумя отцами, а два отца будут радоваться, глядя на одного сына и привяжутся к нему душой. Но поскольку сейчас у тебя этого нет, то этого моего сына (Искандара) ты [424] должен считать также и своим сыном, и я осуществлю все, что ты пожелаешь. Если потом у тебя появится сын, он будет братом этому (Искандару). А если у тебя не родится сын, то у тебя и не будет нужды в другом сыне». Такие же добрые слова он сказал и своей сестре, и мы оба приняли их с благодарностью. Были назначены свадебные торжества и поднесены подарки. В дальнейшем будет сказано об Искандар султанине.

ГЛАВА 56 УПОМИНАНИЕ О ВОССТАНОВЛЕНИИ АКСУ И О ПЕРЕГОВОРАХ МЕЖДУ ПОСЛАМИ МАНСУР ХАНА И [СА'ИД] ХАНА

После того, как Имин Ходжа султана отправили в Аксу, он уехал туда и в ту весну занялся восстановлением Аксу. [В это время] между [Са'ид] ханом и Мансур ханом ходили послы для установления согласия. Как уже было изложено, летом славное здоровье хана из-за чрезмерного питья вина ухудшилось. В конце концов дело дошло до лихорадки. Маулана Мухаммад Ширази, который был ученым, искусным лекарем и всю

свою славную жизнь посвятил службе высокому семейству, посоветовал ему переменить климат, и хан отправился в районы Моголистана, расположенные недалеко от Кашгара. Поскольку он все еще опасался кашгарцев, то оставил меня в Йарканде, а сам пустился в путь. Я делал все, как мог, чтобы держать в порядке область. В конце месяца тир (июль) хан вернулся из Моголистана. Славное его здоровье, которое пошатнулось из-за чрезмерного употребления вина, благодаря замечательному климату /2176/ того рапеподобного края улучшилось, и он в полном здравии славно расположился в Йарканде.

ГЛАВА 57 УПОМИНАНИЕ О КОНЧИНЕ МАУЛАНА МУХАММАДА КАЗИ, <ДА ПОМИЛУЕТ ЕГО АЛЛАХ>

В нескольких местах [этой книги] мы уже писали о совершенной жизни его чести, убежища наставничества, нашего господина Маулана Мухаммада. Мы дошли до того момента, когда его высочество Маулана пребывал в Акси и его окрестностях, останавливаясь там, где желала его счастливая душа. И люди получали пользу от беседы с ним. Поскольку у него в тех краях появилось много приверженцев и преданных последователей, то каждый из них удостоился чести [425] быть свидетелем необыкновенных и удивительных дел, — стихи:

Например, если тысячи погибших душ,
Увядших от чувственных желаний
Пройдут мимо его собрания,
То воскреснут они из смерти

Когда [Са'ид] хан покинул Аксу, его честь Маулана оставался там. Когда Суйунджик хан приехал [в этот город], то посетил Маулану и по его просьбе Маулана удостоил Ташкент своим посещением. Через некоторое время его чистая святая душа с этого мрачного пепелища <перевралась в вечную обитель (Добавлено по Л₂ 185а; Л₃ 157а),— стихи:

Убрал он ногу из этой теснины,
И вступил на широкую дорогу дворца тайны
Разорвал он нить привязанности к этой
обители тленности,
И простер он руки мольбы к михрабу вечности —

и, поселившись в ограде святости, он присоединился к группе друзей, <да помилует Аллах всех, простит их и да будет над ними благоволение Аллаха>, о которых он говорил, — стихи:

Последователи его и Ходжа вместе с ним создали
круг,
Они подобны кольцу с печаткой,
Хранители тайны, которые знают тайну веры,
Имя Аллаха читают на той печатке.

Искренние и верные друзья его чести составили хронограмму [на его смерть]: «Накд-и Ходжа Убайдаллах» (добро Ходжа 'Убайдаллаха) 922 (1516) год. Его возраст /218а/ перевалил за шестьдесят, но не достиг еще семидесяти. Он был сведущ в явных и тайных науках. Его благословенная особа была средоточием всех достоинств. У него есть значительные и ценные произведения. Его трактаты являются руководством для людей тариката. К их числу относится «Силсилат ал-'арифин» («Генеалогия познавших истину»), весьма хорошая книга. Она содержит три части. Первая часть — о правилах поведения шейхов и условиях ученичества. Во второй части изложена жизнь Хазрата Ишана [Ходжа 'Убайдаллаха] и истины познания [Аллаха], произнесенные [426] им в собраниях, а также о некоторых его чудесах и явлениях. Третья часть содержит речи и чудеса, совершенные некоторыми святыми людьми. Это такая книга, описать которую язык не в состоянии. Она принята всеми суфиями и содержит около пятидесяти разделов.

Кроме этой книги у него есть еще трактаты. К ним относится и [запись] ответов на вопросы, которые задавал ему сей раб, проявив дерзость, во время бесед с ним. Он написал ответы на эти вопросы, снабдив их полезными советами, но не нашел удобного случая, чтобы осчастливить ими сего раба. После его кончины их послал мне его достойный сын и верный преемник махдумзада Маулана Кутбаддин Ахмад, и я полностью приведу этот трактат здесь. Я, ничтожный и несостоятельный, точно знаю, что настоящий черновик, который пишется пером беспечности и чернилами невежества, не будет иметь никакого достоинства в глазах проницательных людей, если только он не привлечет к себе внимание людей мудрых благодаря этому трактату, и тогда они покроют полою прощения несовершенство этого пера и недостатки рассказа этого ничтожного благодаря счастью и благословию этого трактата. Я обращаю [внимание людей] на то, что в этом кратком изложении [трактата] могут быть допущены ошибки и /218б/ недостатки, которых всепрощающий и покрывающий грехи Аллах, <да возвеличится его величие>, простит благодаря

правде этого трактата, стихи:

О Аллах! О Аллах! Мы допустили ошибку
Ты не суди нас за то, что мы сделали.
О Аллах, я приступил к делу недостойным,
Слабым, но с надеждой на твое прощение

Известие о переселении его светлости Мауланы под защиту всемогущего и всемилостивого Аллаха и этот трактат были получены в то время, когда хан уехал в Ат Ваши для перемены климата, а меня оставил управлять делами страны. Сердца искренних друзей воспламенились от вести [о кончине Мауланы], и сердце произнесло эти слова, — стихи:

Как жаль, что он ушел к совершенным мира
из этого мира, и
Ушел он таким же чистым, каким пришел [в этот мир].

[427] От этого горя глаза проливали слезы, а сердца горели в огне, и это двустиише не смолкало в те дни:

В моих глазак от беспрестанного плача
не осталось влаги.
Если бы кровь сердца не пришла им на помощь.
то как бы они плакали.

В те дни утро покоя сменилось вечером разлуки и в то горестное время ко мне поступил этот трактат, и уста произнесли такие слова:

Букву написанную его благоухающим пером
если я найду.
То сделаю ее амулетом сердца и души в память о нем

И этот трактат полностью приводится здесь и вот он: Во имя Аллаха милостивого и милосердного!
Слава Аллаху, который укрепил людей — самое великое из своих созданий — ароматом зефира истин и знаний, и защитил их от мрака беспечности и лишений, и украсил их сердца светом руководства и точного знания, и занятием их сделав печаль, а утешением — веру. Благословение тому, кто послал его (пророка) для всех людей и демонов, усилил его слово свидетельствами айатов и доказательствами Корана [Да благословит Аллах] его, его потомков и сподвижников, /219а/ и людей науки и веры!

А за сим, говорит сей немощный, пребывающий в келье уединения и неизвестности Мухаммад, сын Бурханаддина, известный как Мухаммад Кази, что однажды в собрании того царевича, принадлежащего к племени Джамшида, обладающего достоинством Фаридуна, счастливого хакана, благочестивого шахиншаха, завоевателя мира, солнца сферы величия и могущества, плода древа счастья, души мира величия, средства покоя рабов и благоустройства городов, наездника поля отваги, помощника слабых и попечителя ученых, ценителя царства, ласкающего друзей и сокрушающего врагов, тени Аллаха Мухаммад Хайдара сына Мухаммад Хусайна гурагани, <да увековечит Аллах его царствование и власть его и да умножит его милость и доброту к искренним друзьям>. Стихи:

Во имя пророка и тайны святого
Пусть будут сильной его рука и высоким его
достоинство,
[428] От воздействия высших тел да не разрушится
Могущественная основа этого семейства.
Да подчинятся ему владыки мира.
Да будет судьба подвластна ему, а рок — его слугой.
Благословенностью Господа в райских садах
Да порадуется на него душа его отца.
Пока будет стоять мир, как 'Али с добрым именем,
Да здравствует он и да будет над ним мир,—

я заявил, что напишу книгу о правилах управления царством. Согласно этому немощным пером будет написано несколько строк о тяжких грехах и приведены слова ученых и мудрецов относительно условий управления государством. Я надеюсь, что благодаря бесконечной милости безграничного расположения его высочества он [своей] царской благожелательностью взглянет на этот трактат дервишей проникательными глазами одобрения и по-царски простит упущения искренних друзей и ошибки пера доброжелателей. Да защитит Господь всевышний того государя, завоевателя мира от бедствий и несчастий времени и перемен. И

пусть конь времени будет послушен ему, /2196/ и пусть [Аллах] сделает так, чтобы солнце его государства всегда сияло над головами его подданных, а тень его счастья была устойчивой.

На самом деле царем является тот, который не держится за богатство брэнного мира, ибо оно является преходящим, а не постоянным. Богатство есть то, когда торжествуют справедливость и доброта, и счастье веры достигает из этого мира райских садов. Об этом можно говорить без конца. Вернемся к грехам и правилам управления [государством] и к другим [вопросам].

Знай, что, [согласно словам]: <Аллах предписал совместное моление близких> ученые, открывающие законы, и их наблюдатели целью создания рода человеческого считают любовь Господа двух миров. Нет большего счастья, когда божий раб, уходя из этого мира, уносит с собой дружбу и любовь к славному Господу. Когда сердце очищается от колючек и мусора проступков и зерно истинной любви орошается водой воздержания и подвижничества согласно канонам избранных, <да осветит Аллах их души>, то оно, развиваясь, достигает степени любви, и все, что не относится к возлюбленному, полностью сгорает, — стихи:

[429] Любовь к [Аллаху] —это то пламя, которой,
когда возгорится,
Сжигает полностью все, что не относится
к возлюбленному.
Радуйся, о любовь нашей чистой страсти,
О ты, врачеватель от всех наших болезней,
О ты, средство от нашей гордости,
О ты, наш Платон и Гален.

И еще, о дорогой, что относительно грехов существует много противоречивых [мнений]. Некоторые приводят слова посланника, <да благословит его Аллах и приветствует>, который сказал, что существуют семь грехов. Первый — быть язычником, боже упаси от этого; второй — убить человека без основания; третий — порочить благочестивого человека; четвертый — присваивать необоснованно имущество сироты; пятый — заниматься ростовщичеством; шестой — бегство одного мусульманина от двух неверных во время боя с неверными; седьмой — ослушание родителей, т. е. неповиновение отцу и матери. Некоторые из уважаемых людей говорят, что к грехам относятся и те проступки, /220a/ которым законодатель и не дал точного определения, но отнес их к проступкам, подлежащим наказанию.

Однако шайх Абу Талиб Макки, который принадлежит к великим наблюдателям и слова которого подобны [айатам Корана], привел в своей книге «Кувват ал-кулуб»¹ («Сила сердец») единое мнение всех благочестивых людей, что [количество] грехов семнадцать, и их следует избегать, а все остальные — малые грехи — будут прощены. Четыре греха [из семнадцати] относятся к сердцу: первый — быть язычником, упаси боже от этого; второй — терять надежду на милость Господа, если даже у кого и много грехов; третий — считать себя неуязвимым от гнева Господа, полагаясь на свои многочисленные молитвы; четвертый — упорствовать в совершении грешных поступков.

Следующие четыре [греха] относятся к языку. Первый— лжесвидетельство; второй — лжеклятва, т. е. если правду преподносят как ложь, а ложь — как правду; третий — порочить благочестивого человека, четвертый— занятие колдовством.

Два следующих [греха] относятся к руке: первый— занятие воровством, второй — необоснованно проливать кровь. Три следующих [греха] относятся к желудку: первый — пить вино, второй — присваивать не по праву [430] имущество сирот, третий — заниматься ростовщичеством.

Два следующих [греха] относятся к половым органам: первый — прелюбодеяние, второй — содомия, еще один [грех] относится к ноге — когда один мусульманин бежит в день боя от двух неверных.

Еще один относится ко всему телу — это непослушание родителям, т. е. неподчинение отцу и матери. Тому, кто избегает этих семнадцати [грехов], прощаются все те, которые к ним не относятся. И это ближе к истине. Некоторые из авторитетных сведущих людей говорят, что отправление пятничной молитвы послужит искуплению мелких грехов до следующей пятницы.

[Таким образом], когда площадь сердца очистится от щепок и мусора, загрязняющих ее, а палисадник сердца освободится /220б/ от факела соперника, тогда сердце станет достойным того, чтобы владыка истинной любви воссел на его троне, и расстроил, как сказано [в айате] <поистине, цари, когда входят в селение, губят его>², прежний порядок и утвердился на арене рабства и покорности и без помех достиг свидания с возлюбленным.

Если кому-либо выпадет на долю стать попечителем дел рабов божьих и он удостоится чести управлять царством, то пусть он знает, что есть условия, без которых дела царства, как духовные, так и мирские, не обретут порядка. У подданных страны есть определенные права, которые должен обеспечивать государь, иначе он не избавится от мучений загробной жизни. Суть каждого из них будет вкратце изложена.

Условий управления царством десять. Первое — при решении какого-нибудь дела государь должен представить себя на месте подданного, а другого человека — правителем над собой, и тот приказ, который он не счел бы для себя приемлемым, он не должен считать его приемлемым и для другого человека.

Второе условие заключается в том, чтобы государь лучшей молитвой для себя считал удовлетворение нужд

мусульман, поскольку Пророк сказал: «Радовать мусульманина равносильно молитвам людей и духов». Следовательно, государем мусульман является тот, кто постоянно готов к осуществлению их нужд. Если он узнает, что какой-то мусульманин имеет к нему нужду и стоит у его ворот, то до тех пор, пока он не удовлетворит его, он не должен заниматься другими, и [431] ради своего покоя он не должен откладывать удовлетворение нужды мусульманина.

Третье условие заключается в том, чтобы государь в еде и одежде следовал бы образу жизни праведных халифов и не приучал свою особу к изысканной пище и к роскошным одеждам. Так, в тот день, когда эмир правоверных 'Али, <да будет доволен им Аллах>, /221a/ стал халифом, он пошел на базар, купил за три дирхема рубашку и отрезал части рукавов ниже кистей рук и подол — ниже щиколотки. Его спросили: «Почему ты так сделал?» Он ответил: «Это удобно для омовения, приличествует скромности, достойной подражания».

Четвертое условие заключается в том, чтобы разговаривать мягко, не допускать строгости без причины, не тяготиться многословием собеседника и не стыдиться бесед со слабыми и бедными. Рассказывают, что в пору правления халифа Ма'муна некто совершил проступок и сбежал. К Ма'муну привели его брата. Ма'мун приказал ему найти [сбежавшего] брата, в противном случае его убьют. Тот человек сказал: «О, эмир правоверных! Если твой наместник захочет убить кого-нибудь, а ты пошлешь указ отпустить его, то отпустит его наместник или нет?» Ма'мун ответил: «Конечно, отпустит». Тот сказал: «Я принес тебе приказ от Господа, который сделал тебя правителем всех обитателей мира», — [айат]: <И не понесет носящая ношу другой>. Ма'мун сказал: «Отпустите его, так как он привел доказательство».

Пятое условие состоит в том, чтобы государь в угоду людям не проявлял в своих решениях слабости и не допускал лицемерия и не поступался бы правдой и шариатом ради удовлетворения каждого. Пусть он знает, что особенность правления состоит в том, что половина народа всегда бывает недовольна правителем, потому что враждебную сторону нельзя удовлетворить правдой и невозможно, чтобы весь народ был доволен справедливым правителем. Когда государь действует бескорыстно и беспристрастно, то в своих повелениях он ищет согласия Аллаха и не думает о гневе людей, тогда и Аллах преславный будет доволен им и он же сделает довольным народ. Так, например, посланник, <да благословит его Аллах и приветствует> сказал: <Аллах будет доволен тем, кто ищет благоволения Аллаха, гнева людей, а удовлетворение людей — дело Аллаха>.

[432] Шестое условие состоит в том, что государь не был беспечен в отношении опасности, угрожающей стране, и пусть он твердо знает, что власть эмира и правителя является средством, с помощью которого /221b/ приобретаются вечное счастье и доброе имя. Большинство государей и правителей времени относятся к таким людям, которые, кичась призрачным счастьем бренного мира и следуя желаниям души, причиняют урон религии и из-за честолюбия пускают на ветер свою веру. Боже упаси! Следовательно, сейчас, когда бразды воли находятся в твоих руках, надо приложить усилия, чтобы мирское добро не стало зерном приманки для силка в загробной жизни и не упускать возможности осуществлять справедливость. Передаю, что каждый день правосудия справедливого правителя равен при сопоставлении всем его молитвам. И пусть он старается не лишать себя этого счастья.

Седьмое условие — надо, чтобы правитель имел склонность к общению и к беседам с просвещенными богословами и хотя такие люди в данное время редки, но желанны и, если посчастливится найти их в этом крае, то он должен стремиться к ним и считать советы этих людей счастьем своей жизни. Он должен воздерживаться от бесед с невеждами, лжецами и развратниками в образе благочестивых, ибо эти люди являются губителями веры. Существует предание о том, как однажды Харун ар-Рашид вызвал Шайха Шакика Балхи, <да осятит Аллах его тайну>, и попросил: «Дай мне какой-нибудь совет». Тот сказал: «О, эмир правоверных! У Господа есть дворец, который называют адом, и тебя он сделал привратником того дворца. Он дал тебе три вещи, чтобы с их помощью ты держал народ — это богатство, меч и плеть. Богатством ты должен поставить преграду к бедности нуждающимся, чтобы они из-за крайней нужды не чувствовали обреченности. Притеснителей ты должен истребить мечом, а развратников проучить хлыстом. Если ты поступишь так, то спасешься сам и спасешь народ. Если делать наоборот, то ты раньше всех отправишься в ад, а другие — вслед за тобой».

Восьмое условие — спесивостью и надменностью государь не должен отпугивать от себя народ, а, наоборот /222a/ добротой и справедливостью, проявляя сострадание к подчиненным и слабым, он должен добиться любви подданных. Пророк, <да благословит его Аллах [433] и приветствует> сказал: «Лучшие ваши Государи — те, которые любят вас и которых любите вы. Худшие ваши правители — те, которые считают вас врагами, и вы тоже считаете их своими врагами».

Девятое условие — государь не должен оставаться равнодушным к преступлениям жестоких управителей и ставить над подданными тирана с волчьим нравом. Как только он заметит гнет и злоупотребления кого-нибудь [своего управителя], он сразу же должен пресечь это и наказать, чтобы другим было неповадно. Он не должен допускать снисходительности в управлении государством и должен воспитывать должностные лица советом и наказанием.

Десятое условие — это пронизательность. Государь обязан смотреть вглубь происходящих событий, определять породившие их причины и предугадывать их последствия. Если они будут принадлежать к явным и очевидным вещам, то он должен разрешать их по шариату, а если вопрос будет запутан, то его тайну он должен постигнуть лучом пронизательности. Здесь он не должен полагаться на слова

рассказчиков, потому что вопросы, имеющие конец, нельзя объяснять языком бесконечных суждений. Знай, что у подданных мусульман имеются права, с которыми государь обязан считаться. Так, он должен быть сдержан с мусульманами и не кичиться своей властью. Пусть он твердо знает, что всемогущий и всевышний Господь считает врагами высокомерных и жестокосердных. Надо, чтобы государь не прислушивался к пересудам [людей], так как он будет потом раскаиваться в этом. В особенности к словам людей безнравственных, корыстолюбивых и завистливых, поскольку все они заводят разговор с корыстной целью. Завистник все хорошее считает плохим. Рассказывают, как однажды некто явился /2226/ к эмиру правоверных Али и стал кого-то поносить. Эмир правоверных сказал: «Мы это проверим. <Если ты сказал правду, то тебя накажем как доносчика, а если наврал, то накажем [как лжеца] (Добавлено по Л₂ 186а). Если покаешься, то простим. Тот человек сказал: «Раскаиваюсь, о эмир правоверных!»

И еще. Государь не должен гневаться на мусульман за их прегрешения и проступки. Если есть возможность простить, пусть он не откладывает этого, за [434] исключением проступка, причиняющего ущерб вере. Однако в мирских делах лучше прощать. Известно, что славный и всевышний Господь в день страшного суда простит грехи того, кто прощает других.

Известно также, как славный и всевышний Господь ниспослал откровение Йусуфу Сиддику, <да благословит его Аллах>: «О, Йусуф! Знай, за то, что ты простил своих братьев, мы возвысим твое имя».

Стих:

Растянули мы разговор, но так и остался
Рассказ о чарующей красавице, влюбленном и
возлюбленной
Сердце сказало мне:
«Я мечтаю о науке божественной тайны.
Обучи меня, если она тебе доступна».
Я сказал «Алиф».
Сердце спросило «А дальше?»
Я сказал «Ничего»
Если дома есть человек, то достаточно одной
буквы».
Конец [трактата].

ГЛАВА 58. УПОМИНАНИЕ О ВСТРЕЧЕ МАНСУР ХАНА И СУЛТАН СА'ИД ХАНА И О ЗАКЛЮЧЕНИИ МИРА МЕЖДУ НИМИ

Ту зиму [хан] провел в Йарканде в веселье и удовольствиях, как уже было упомянуто. Поскольку Турфан находится от Кашгара на расстоянии двухмесячного пути при среднем ходе [каравана], то прошел целый год, пока послы вели переговоры и установили условия и место встречи. В месяце мухаррам 922 (февраль 1516) года хан выехал в Аксу (Добавлено по Л₂ 156б). Стихи:

Когда забурлило море милости,
Воины выпили чашу благоденствий,
Он одарил всех главарей особыми халатами
И порадовал сердца всех дарами.

Выступив торжественно и в полном великолепия он прибыл в Кашгар. Сей раб [по дороге] упал с коня и сильно поранился, вывихнув правую руку у локтя. Произошла задержка на несколько дней /223а/ в Кашгаре из-за моего состояния. Когда острая боль стала стихать, хан уехал, а я на несколько дней остался в Кашгаре. Когда моя рука поправилась, я отправился вслед за ханом и догнал его в Джан Туба¹ (Приведено по Л₁ 186а (в Т и Л(—Туба)). Оттуда, двигаясь от стоянки к стоянке, хан направился в Уч. [435] Стихи:

Каждая стоянка, по дороге к которой
Твоя нога
рассыпает мускус,
Пусть будет светлой как солнце и луна
Всюду, куда ты отправишься по воле судьбы,
Пусть стремя твое будет как утро, завоевывающее мир

Так он прибыл в Уч. Ходжа султан в те дни находился в Уче. Аксу все еще не был благоустроен. [Имин Ходжа] вышел ему навстречу и по обычаю сделал ему подходящие подношения. Стихи:

Он поприветствовал его устами раба.

Изрек тысячу похвал и благих пожеланий
«Пусть высокое счастье содействует тебе,
И будь всегда властелином над врагами.»

Имин Ходжа султан пригласил хана, как счастье, в свой дом. Хан торжественно вступил в его дом. Тот по-царски устроил пиры и торжества. После этого,— стихи:

Оттуда хан довольный пустил коня в путь,
Ветер от пыли его копыт стал амбраносным,—

минуя Аксу, он в местности Джам² разбил палатки победоносного войска. Мансур хан прибыл с противоположной стороны в Арбат³ (Так по Т и Л₂ 1866; в Л₁ — Рабат), из которого до Джама семь фарсахов. Приехал Мир Джаббарберди и удостоился чести прислуживать хану. Они порешили так: с обеих сторон друг против друга в боевой готовности будут стоять войска. С обеих сторон в центре будут стоять заложники — из уважаемых людей. Оба хана возьмут с собой по тридцать человек и встретятся между двумя рядами воинов. Когда они договорились на этом, хан послал меня к Мансур хану в качестве залога, а Азизберди Ака был назначен для подсчета людей, /2236/ которые будут сопровождать Мансур хана. Когда я приехал к Мансур хану, он отнесся ко мне милостиво и с любовью, удостоил чести высоких почестей и проявил большое уважение. Стихи:

Когда с восточной стороны небесного шатра
Взошел шахин-шах, завоеватель мира,
С позолоченным мечом и золотистым щитом
Захватил он весь мир от края до края

[436] Когда владыка востока вступил на трон неба с десятью ступенями и блеском своих величественных шагов овладел всем миром, и устранил лицемерное двуличие пестрого небосвода, и удалил противостояние планет и противодействие ночи с лица земли, Мансур хан поставил ногу твердого решения в стремя согласия. Так как его трон был полностью изрешечен страхом, он, как мог, укрепил ворота осторожности цепями осмотрительности и отправился в путь с отрядом войска. Прибыв в условленное место, он вызвал Бабаджак султана и Шах Шайх Мухаммад султана, своих родных братьев, предупредил каждого из них об осмотрительности и осторожности и выступил. Азизберди Ака, стоя у дороги, отсчитал тридцать человек, а лишних отправил обратно. Таким же образом со стороны Мансур хана пошли как заложники Сахиб Даулат бегим, сестра Мир Джаббарберди, и Махим ханим, сестра Мансур хана. [Са'ид] хан тоже явился с другой стороны с тридцатью людьми. В месте [встречи] между двумя войсками протянули навесы. Стихи:

Созвали в одном месте собрание,
Создали райское убранство.

Мансур хан вышел первым и удобно устроился на троне в тени под навесом, покрывавшим землю словно птица Феникс тенью счастья. Стихи:

Как только он поставил ногу на золотой трон,
Целый мир склонил голову перед его троном.

Затем явился /224a/ [Са'ид] хан и воссел на место, соответствующее самой высокой степени уважения. Стихи:

Шел он подобно стройному кипарису,
С головы до ног — полон жизни.

Когда он приблизился, то опустился на колени в том месте, которое установлено обычаем моголов. Хотя Мансур хан был старшим братом, но он поднялся, пошел хану навстречу и заключил его в объятия. Стихи:

Поскольку сосну в стройности уподобили тебе,
Салман заключил ее в объятия в память о твоём стане.

Затем, взяв хана за руку, он направился к счастливому трону. Когда Мансур хан сел, хан поднялся и [437] вернулся туда, где он вначале преклонил колени. Стихи:

Из золотых вещей и корон золотых,

Из серебряных вещей, поясов и серег,
Из арабских коней с серебряной уздечкой,
Индийских сабель в ножнах золотых

он поднес столько, сколько подобает его величеству от такого государя. Эмир Джаббарберди в изящных выражениях доложил об этих подарках согласно существующему церемониалу. Мансур хан одобрительно выслушал все это и принял их. [Са'ид] хан несколько раз преклонил колени и встал, почтительно скрестив [на груди] руки. Мансур хан позвал его, усадил рядом с собой и сказал: «Хотя я по годам старше, но по сану ты мне как отец. Зачем все эти поклоны?» [Са'ид] хан опять поклонился, выразил почтение Мансур хану и сел в отдалении. Мансур хан вновь позвал его к себе и повторил настойчиво то, что сказал ему прежде. Он взял [Са'ид] хана за руку и потянул к себе. Хан вновь опустился на колени, затем сел рядом с ним. Стихи:

Сели вместе исполнить музыку
Два царевича подобно Луне и Юпитеру.

Мансур хан начал разговор и сказал: «Как перенес ты те несчастья изменчивого неба, /2246/ случившиеся в твоей счастливой жизни?» Хан, вновь проявив почтение, ответил: «Несчастье, которое в конце оборачивается счастьем, и разлука, которая завершается свиданием, заставляют забыть их горечь. Стихи:

Горечь, которую ты испытал в разлуке с ней
И сотни глотков яда, которые ты испил —
Все окажется приятным — дозволенным.
Если только разлука завершится свиданием

Слава всевышнему Аллаху—одно настоящее мгновение может загладить все то, что произошло на протяжении долгих лет».

Далее пошел разговор о важных делах государства, об укреплении дружбы. Все, что нужно было, они скрепили клятвой, заверили друг друга в упрочении единства и уз дружбы. Когда все дела были закончены, день уже подошел к концу. Мансур хан тоже преподнес [Са'ид] хану дары. Стихи:

[438] Из коней хорошей породы, стройного сложения,
То бегущих рысью, то идущих шагом
Если падет на них тень от хлыста.
Выскочат они с поля времени
Идут по горам легко, как по степи
Однако редко выходят из повеления вожжей
Из разных редких вещей дал он сотню верблюжьих тюков.
Харадж целой страны — на каждом верблюде

При расставании они вновь заключили друг друга в объятия, обменялись одеждой и конями. Достигнув своих желаний, счастливые, они расстались и вернулись в свои лагерь.

Когда Мансур хан вернулся к своему войску, то вызвал меня к себе и рассказал о встрече так, как было изложено выше. Он продолжал говорить об этом со мной, пока [мы ехали] от лагеря до высокой ставки. Он говорил о том, что встреча, как этого требовало время, была кратковременной, жажда желания не утолилась от такого свидания и обмена щедрыми дарами /225a/ Стихи:

Я думал — проведу несколько мгновений
в свое удовольствие
Но, увы, захватило мое дыхание
Как жаль, что на разукрашенном стоне свидания
Угостились мы на миг и нам сказали «Хватит»

Он говорил без умолку в таком духе до тех пор, пока мы не подошли к высокой ставке. Когда он славно расположился в великолепной ставке, минула уже половина первой части ночи.

Когда дарящий свет владыка мира — солнце озарило и осветило мир дарами лучей, то за мной от Мансур хана явился человек. Как только я был осчастливлен прислуживанием ему, он областал меня разными милостями, оказал мне почет и уважение, приличествующие со стороны его величества, и отпустил меня. Расставшись с Мансур ханом, я шел всю ночь и прибыл к [Са'ид] хану. Хан повторил то, что рассказал мне Мансур хан, и выразил сожаление о том, что они быстро расстались. Благодаря заключенному миру все воины и подданные, возможно, и все остальные люди, со спокойной душой занялись молитвой за процветание государства и устранение изъянов. Талантливые ученики, находившиеся в свите хана, сложили хронограмму. К их числу относится сохранившаяся в моей памяти **[439]** [хронограмма]: «Ду лашкар ба нишат» — «Два войска в радости» = 922 (1516).

ГЛАВА 59. УПОМИНАНИЕ О ВОЗВРАЩЕНИИ [СА'ИД] ХАНА ПОСЛЕ УСТАНОВЛЕНИЯ МИРА; О СОБЫТИЯХ, СЛУЧИВШИХСЯ ПОСЛЕ ЭТОГО, И О ПРИСЛУЖИВАНИИ БАБАДЖАК СУЛТАНА

Отделившись от войска в Сунгташе находящегося [на расстоянии] трехдневного пути от Уча в сторону Кашгара, [Са'ид] хан с передовым отрядом за шесть дней прибыл из Сунгташа в Йарканд. Любители развлечений и увеселения вновь устроили пиршества. Стихи:

О кравчий, носи вино, кубок и чашу, /2256/
Ибо прибыл в дом счастья царь, совершивший
путешествие

Таким образом, как уже было сказано раньше, каждый занялся развлечениями соответственно своему положению. Мисра:

У каждого в пору цветения есть свой угол в саду.

Славное прибытие [Са'ид] хана в Йарканд произошло тогда, когда повелитель четвертого неба установил свой царственный трон в доме Тельца, а повелитель цветов разбил палатку в степи. Стихи:

Палатку повелителя цветов разбили на лугу и в степи
Вставай, пойдем туда и пожалуемся на печаль
Облако апреля раскинуло навес под лазурным
небесным сводом
Тюльпан разостлал рубиновый ковер под
изумрудным зонтом

Навес из листьев покрыл поверхность цветника, голуби вступили в любовную игру, соловей пел тысячу песен о своей страсти к розе. Стихи:

Когда тюльпан нашел свое место на берегу ручья,
Песня соловья напоминала тысячу стенаний
Свеча красоты розы на рассвете
Воспламеняла душу соловья

Когда пора цветения роз достигла разгара, исполнилось два года, как [Са'ид] хан воссел на трон, и за это время зимой и летом он жил в арке Йарканда. Но поскольку в этом году его благотворный ум полностью освободился от забот об окраинах и [440] окрестностях [его владений], то, поступая согласно смыслу этих стихов:

В пору цветения тюльпанов
Ты поселись в цветнике и ищи берег ручья,
Устрой на миг пир вместе с розами,
Поведай свою тайну сладкоустой красавице,

Хан перебрался из города в Гулбаг, принадлежавший к любимым застройкам Мирза Аба Бакра. Стихи:

Вчера на пиру в цветнике была слышна песня
дикого голубя,
А луна из «ладов ушшак» — «влюбленных»
извлекала мелодию печали

Когда весеннее равноденствие сменилось горячащим натуру зноем лета, то у людей не было иного средства от зноя, как прибегнуть к тени дерева. /226a/ Воины и подданные пребывали в полном благоденствии, а столпы государства и вельможи его величества — в наивысшем великолепии. И, конечно, в каждой голове стали появляться идеи. Так, эмиры с разных сторон, собравшись для совета в ханском шатре, предложили: «Сейчас благодаря содействию всевышнего Аллаха мощь нашего государства достаточно сильна, чтобы одолеть врага и уничтожить его одним ударом. Если слуги его величества не отомстят врагам сей час, то когда же они сделают это? Если они не уничтожат врага сейчас, то когда смогут уничтожить его? Стихи:

Врата побед ты открой ключом благодеяний,
Если ты не откроешь, то кто откроет?

Сними ржавчину грусти с опечаленных сердец
Если ты не снимешь, то кто снимет?
Покажи лик желания из завитка локона согласия
Если ты не покажешь, то кто покажет?

К хану вернулось старое намерение и был издан обязательный для всех указ о том, чтобы снарядили войско. В конце лета [922/1516 г.] он направил поводыря в Андижан на войну с Суйунджик ханом. Все войско собралось в Кашгаре и выступило оттуда в полном сборе. Когда они прибыли в Туйуи Баши, хан решил устроить охоту и были отданы строгие распоряжения. На второй день сошелся круг [облавы]. Стихи:

Богатыри становились львами рычащими,
Прыгнут львы — и добыча под ними.
[441] По тому полю охоты, когда проехал шах,
Благоухала земля от пыли его [коня]
Охотники обвенчались с успехом.
И та земля лишилась диких баранов

Закончив охоту и оставив то место, они разбили счастливую палатку на юге Чадир-Куля. Туда пришло известие, что едет Бабаджак султан. Причиной его приезда было то, /2266/ что когда в начале весны Мансур хан встретился с [ханом], Бабаджак султан, будучи родным братом Мансур хана, возглавлял его лагерь, поэтому он не мог удостоиться чести услужения хану. Но когда настал месяц тир — конец июня, он испросил у Мансур хана разрешения навестить своего почитаемого брата Султан Са'ид хана, а то окажется, что [Бабаджак] не проявил к нему уважения. Мансур хан разрешил ему и он отправился, оставив свою родину Бай и Кусан.

Когда он вошел в пределы Кашгара, то узнал, что хан отправился в сторону Андижана против Суйунджик хана. Он тут же пустился вслед за ханом и догнал его в Чадир-Куле. У хана от большой любви к брату проснулись нежные чувства и, хотя Бабаджак султан был моложе его по годам, он вышел встретить его. Он обнял его и, проявив братскую ласку и отеческую любовь, сказал, — стихи:

«Как хорошо!
Счастье приветствовало твой приход,
Ангел, увидев твое лицо, помолился за тебя.

В то время, когда наше внимание было направлено на отмщение врагам, вызов брата при этом имел бы [разное] толкование. Слава всевышнему Аллаху, что благодаря искренности обеих сторон, то, что мы желали, осуществилось без лишних усилий. Теперь прибытие брата — это начало успеха и победы».

Оба брата, став рядом, бок о бок, как успех и победа, направились в Андижан. Прибыв в Арпа Йази (Приведено по Л₂ 189а (в Т и Л₁ 1596 текст испорчен)), они занялись охотой на куланов. Столько куланов, оленей и других зверей досталось счастливому войску, что степные звери и птицы на остатках их мяса устроили пиршество и ни один из них не вступил из за этого в драку. Стихи:

Кожа оленей целиком
Стала рудником золота от позолоченных стрел.
[442] Лук шахин-шаха, устроив засаду,
Каждой стрелой валил зверя /227а/

После охоты они устроили роскошный пир в приятном месте, свежесть которого превосходила сад Ирама, а воздух его заставлял летать птиц рая. Два брата, Бабаджак султан и Имин Ходжа султан, находились при хане, и состоялось великолепное собрание, стихи:

Устроили они роскошный пир,
Любители веселья попросили вина и музыку — руд
Было такое зажигающее пиршество,
что Солнце и Луна Любовались тем пиром.

Когда веселье подошло к концу, Бабаджак султан через моего дядю доложил: «Ранней весной я допустил неучтивость тем, что не смог удостоиться счастья явиться [к хану], о чем мечтал долгие годы. А потом, так как удобный случай был упущен, я счел долгом учтивости явиться в тот стольный город, опору государства, которым является Йарканд, и насурмить глаза пылью дворца. Когда я прибыл в пределы Кашгара, то услышал о вашем благословенном отъезде. И тотчас же поспешил за вами, не успев собрать войска и подготовить необходимое снаряжение. Если на этот раз поход будет отложен, то в следующий раз я приведу к вам хорошо снаряженное войско и всех султанов с их вооружением, которые находятся на той стороне. И вот тогда при возникновении дела я проявлю такое рвение, что врагам и друзьям станет ясно, что в свите его

величества [хана] есть слуги, которые считают для себя позором сравнение их с хусравами эпохи. Однако так как решение уже принято Вами, и отказ от него даже не придет в голову, то сей раб при любых обстоятельствах будет находиться при победоносном стремени и проявлять самоотверженность».

Когда хан услышал эти слова, он сказал: «Долгие годы в душе я всегда желал видеть [около себя] дорогого брата. Теперь в знак признательности за осуществление этой мечты нам следует вернуться обратно /2776/ и провести вместе несколько дней. А будущей весной мы выступим, подготовив [военное] снаряжение так, как описал наш дорогой брат, ибо сейчас нет никакой спешки, и нет ничего, чтобы мы могли упустить время. Враг останется там, где он сейчас находится. Мы можем выступить в любое время, когда захотим».

[443] После этого они повернули назад и из Арпа Йази направились в сторону районов Кашгара. Бабаджак султан вместе с ханом прибыл в Йарканд, и здесь они провели несколько дней. Хан пожаловал ему суйургал и оказал щедрые милости. Каждый эмир также старался услужить [Бабаджак султану] и поднес дары соответственно своему положению. Стихи:

Небо с готовностью вращалось.
Подвязав пояс для службы султану
Простор земли весь покрылся венцами.
Ширь земли полна лошадьми и войском.
Повсюду толпы и группы благородных.
Мир утомлен от множества горделивых

А затем, когда гостеприимный прием подошел к концу Бабаджак султан, достигнув своих желаний, получил разрешение вернуться к себе на родину и отправился туда. Это случилось в конце месяца тир (в первой половине июля) упомянутого (922/1516) года.

ГЛАВА 60. УПОМИНАНИЕ ОБ ОТПРАВЛЕНИИ ХАНА НА СВЯЩЕННУЮ ВОЙНУ С САРИГ-УЙГУРАМИ И О ПРИЧИНЕ ЕГО ВОЗВРАЩЕНИЯ

Эта зима, как было подробно изложено, прошла в полном наслаждении [жизнью] и удовольствиях. Наступила весна и повелитель небесного трона [Солнце], поставив ногу у подножия Овна, утвердился на троне Тельца. Цветущие деревья раскинули полотно лепестков и у подножия их выстроилось войско зелени. Полчища туч начали выпускать стрелы из дуги лука, и капли воды стали сверкать на листе трилистника, подобного щиту. Осевшая на верхушке каждой травинки капля дождя сияла, подобно солнцу. Утренний зефир и вечерний ветер приводили в порядок войско зелени /228a/ и заставляли сверкать деревья. От всего этого в каждом теле появилось оживление, а в каждой душе — желание.

Высокое положение и величие сана борцов за веру определены текстом Книги (Корана) и сунны таким образом, что нет нужды в подтверждающих документах для доказательства этого. <Поистине Аллах любит тех, которые сражаются на его пути рядами, как будто бы они — плотное здание>. Высокие помыслы хана всегда были направлены на проведение священных войн, и его ум был постоянно занят этим. Планы священных войн он всегда обсуждал вместе с эмирами.

[444] Так было установлено, что между Хотаном и Хитаем находится группа неверных, называемых сариг-уйгурами, и хан пошел на них священной войной. От Йарканда до Хотана двенадцатидневный путь. Большая часть стоянок не благоустроена и не заселена. Когда хан прибыл в Хотан, то здоровье его пошатнулось.

Священная война является одной из основ ислама и необходимой обязанностью. Хан хотел лично укрепить эту основу ислама, однако состояние его здоровья не позволило сделать это и, переложив эту обязанность на других и определив на это дело некоторых эмиров, он вернулся в Йарканд. На протяжении всего этого похода, как только наступало утро, подобно золотому диску солнца, начинала кружиться чаша утренней попойки. И к тому времени, как золотой диск солнца склонялся к закату, опьянение достигало предела. В конце дня, проснувшись ото сна опьянения, они с терзающим душу похмельем вновь передавали из рук в руки золотой кубок пурпурного вина, являвшегося предметом зависти луны и ревности вечерней зари. В это время рассудительность исчезала с простора мозга и потерявший разум шихна сильного опьянения /228b/ запускать руку гнета в мастерскую рассудка, так что чаще они не отличали день от ночи и ночь ото дня. Стихи:

Я явился на твою улицу пьяным и ушел Маджнуном,
И я не ведаю, как я пришел и как ушел.

После поездки и возвращения, о чем уже изложено, они славно расположились в Йарканде. В месяце тир (июнь — июль) этого [923/1517] года состоялся поход против киргизов. А эмиры, которые были посланы против сариг-уйгуров, в течение двух месяцев оставались в тех краях, расположенных между Хотаном и Хитаем, но, ничего не узнав о тех неверных, вернулись здоровыми, но без добычи.

ГЛАВА 61. РАССКАЗ О ПОХОДЕ ПРОТИВ КИРГИЗОВ И О ПРИЧИНЕ ВЗЯТИЯ В ПЛЕН МУХАММАД КИРГИЗА

При повествовании о захвате Кашгара было упомянуто о том, как Мухаммад киргиз, явившись из Моголистана, в те дни битв и сражений оказал услугу хану. После победы он захватил много добычи. И хан тоже одарил его многочисленными подарками, такими, [445] как сабельный пояс, золотые и серебряные вазы, чаши и другие предметы. Стихи:

Обильными дарами осыпал он его,
Милостями своими возвысил он его,
Такого венца и золототканного халата
Никто не найдет нигде, разве что в раю.

Когда Мухаммад киргиз возвратился в Моголистан, счастливый и нагруженный добром, то все киргизы полностью подчинились ему. Он совершал набеги на Туркестан, Ташкент и Сайрам и устраивал грабежи. Шейбанидские султаны, которые находились в тех краях, были бессильны отразить его. Однажды он напал на Туркестан и, устроив волчий набег, возвращался назад. В то время 'Абдаллах султан, сын Кучум хана, еще не был ханом, а был правителем [города] Туркестана. 'Абдаллах тотчас же пустился за ним в погоню и, когда он отошел на некоторое расстояние от города, все киргизы вернулись и завязался бой. После ожесточенной /229a/ битвы киргизы одержали верх и большинство людей 'Абдаллах султана они предали смерти, а его самого взяли в плен. Мухаммад султан продержал его один день, а затем, оказав почтение, отпустил вместе с оставшимися в живых в Туркестан. [Са'ид] хану он отправил несколько коней, оружие и другие достойные его дары с извинением: «Я давал обет: если кто-нибудь из султанов Шайбана попадет мне в руки, я освобожу его. Я остался верен своему обещанию. Надеюсь, что хан простит меня». Когда [Са'ид] хан услышал это, то пришел в ярость от этого его поступка, и в месяце тир (июнь — июль) того года, то есть 923 (1517), он повел войско в Моголистан для наказания Мухаммад киргиза. Стихи:

Он двинулся с места подобно волне морской,
Так, что быстроногий огонь не поспевает за ним.
Когда враг увидит издали его блеск,
Сердце его опечалится во время веселья.

Он собрал войско в Кашгаре. Воины шли группами, поспешно, стараясь обогнать друг друга. Ходжа 'Али бахадур в том войске был йазиком — авангардом. По-могольски «йазика» называют «бабаул» (В Л₁ 161a — баджаул, Л₂ 1906 — йабаул). Когда они достигли Кафир йари, туда прибыл из Аксу по дороге [446] Сариг Ат Ахури Имин Ходжа султан и насурмил глаза пылью победоносного войска. Ночью (Добавлено по Л₂ 1906) на совете все пришли к такому мнению, что хан должен выступить по дороге на Барс Каун (Барскун)¹, <а Имин Ходжа султан — по дороге на Джауку (Добавлено по Л₂ 1906; R 350)². <На следующий день (Добавлено по Л₂ 1906) Имин Ходжа султан двинулся по дороге на Джауку, а хан отправился по дороге на Барс Каун. Как только они спустились с перевала на Барс Каун вниз, Ходжа 'Али бахадур прислал схваченных им двух киргизов, от которых они узнали, что [киргизы] беспечно сидят на берегу Иссик Куля у устья реки Барс Каун, не ведая о враге. От Кашгара до Иссик Куля месяц пути. В тот день они шли быстро и во время победоносного намаза расположились около прохода, известного под названием Хаджар (В Л₁ 161a; Л₂ 1906 — Худжра (Хаджара—?)). Хан сам лично пошел вместе с несколькими уважаемыми людьми [разведать обстановку] и вернулся, увидев издали палатки и пастбища [противника]. /229b/ Стихи:

[Когда] диск солнца покати́лся во мрак,
и Иунус-солнце ушел в пасть рыбы,

таваджии оповестили всех, чтобы из каждых десяти человек четверо хорошо вооруженных людей стояли в центре войска, а шестеро были готовы к нападению. И каждый стал готовить военное снаряжение и занялся подготовкой к наступлению. Когда пришла половина ночи, они отправились друг за другом, сохраняя порядок. Когда утренняя заря начала пылать как круг раскаленного железа и султан востока победного утра, водрузив знамя солнца над чернотой войска запада, нанес ему поражение, войско [хана] построилось в боевой порядок в той степи. Ни один воин не двигался с установленного для него места и читал стих [Корана]: < Глухи, немые>³. Прошло какое-то время, в течение которого они слободали тишину и собирали войско, после чего внезапно из-под высокого знамени раздались звуки литавр, барабана, трубы, карная и свист всадников. Воины, назначенные на атаку, все разом отпустили поводья терпения. Стихи:

[447] Земля превратилась в пыль и поднялась до неба,
Мир стал морем разбушевавшимся,
От пыли коней, скачущих в ярости,

Наполнился родник солнца.
Раздались стоны и поднялся крик,
Издавались вопли и все забурило.

Нападающие устремились вперед, а те, кто был назначен в центр, пустились вслед за атакующими. Когда солнце достигло зенита, Така, брат Ходжа 'Али бахадура, который отличился в прошлом в услужении [хану], о чем кратко уже было упомянуто, захватил Мухамад киргиза и связанного доставил его к благосклонному ханскому взору. Хан сказал ему: «Хоть тебя по туре следовало бы казнить, однако из великодушия я дарю тебе жизнь». Был издан подлежащий к исполнению указ заковать его в цепь и отдать моему дяде. Воины завладели табуном лошадей, стадом /230a/ овец и караванами верблюдов и отпустили на свободу всех киргизов, которых они захватили в плен. Стихи:

Обычай таков: когда завоевывается какая-нибудь
страна,
Грабится имущество, а дом остается на месте.
А при этой победе с одобрения шаха, завоевателя
мира,
Было разграблено имущество вместе с домом и его
обитателями.

Проведя несколько дней в том месте при полном счастье и благополучии, хан спокойно, не спеша направился в стольный город Кашгар и, благодаря покровительству и защите преславного и всевышнего Господа, в начале зимы прибыл в Кашгар.

ГЛАВА 62. О ПРИБЫТИИ ДАУЛАТ СУЛТАН ХАНИМ, ДОЧЕРИ ЙУНУС ХАНА, ИЗ БАДАХШАНА В КАШГАР

При перечислении детей Йунус хана было упомянуто, что самой младшей из всех была Даулат Султан ханим, которая попала в руки Тимур султана, сына Шахибек хана, при разорении им Ташкента и находилась в его гареме. Когда Бабур Падишах захватил Самарканд, она присоединилась к нему. Когда Падишах уехал в Кабул, эта Даулат Султан ханим рассталась с Падишахом, который доводился ей племянником, и осталась в Бадахшане <с Мирза ханом, который тоже был ее племянником по сестре (Добавлено по Л₁ 161б; R 351). Мирза хан [448] относился к ней как к своей матери. Когда [Са'ид] хай вернулся в Аксу, то послал человека за Даулат Султан ханим, которая приходилась хану теткой по отцу. Он послал ей сто коней и соответственно этому одежду, вазы, серебряную и золотую посуду. Когда хан находился далеко в походе против киргизов, она приехала из Бадахшана в Йарканд. Вернувшись из похода против киргизов, хан удостоился чести встречи со своей уважаемой теткой и таким же образом все ее родственники — а ханим каждому из нас приходилась теткой по матери или по отцу — обрадовались благословенной встрече с ней. Она до конца своей жизни жила здесь в почете и уважении. Рассказ о последних днях ее жизни будет приведен в начале изложения истории о хане.

ГЛАВА 63. УПОМИНАНИЕ О ТОРЖЕСТВЕ [ПО СЛУЧАЮ] ЖЕНИТЬБЫ ИМИН ХОДЖА СУЛТАНА И ШАХ МУХАММАД СУЛТАНА

Когда Имин Ходжа султан прибыл из Турфана, хан сосватал за него дочь моего дяди /230b/ и счел нужным взять на себя устройство этого дела. А мой дядя, начиная с того времени, был занят подготовкой свадьбы. Этой зимой (924/1518 года) они стали готовиться к свадебному торжеству.

Шах Мухаммад султан, который был сыном Султан Мухаммад султана, сына Султан Махмуд хана, был еще ребенком, когда Шахибек хан предал мученической смерти его отца и деда вместе с другими людьми. Один из узбекских эмиров сжалился над ним и спас его. Когда [Бабур] Падишах прибыл из Кабула в Кундуз, то тот узбек, устроив побег, отправил Шах Мухаммад султана в Кундуз. Шах Мухаммад султан примкнул там к Падишаху и находился при нем до тех пор, пока тот не отправился в Кабул. Шах Мухаммад султан, получив разрешение у Падишаха, прибыл в Кашгар к [Са'ид] хану. [Это произошло] через год после захвата Кашгара. Хан обращался с ним как с сыном и почитал его больше, чем Баба султана, сына своего брата, и Рашид султана, своего родного сына. В эти дни, когда проходили свадебные торжества в связи с женитьбой Имин Ходжа султана на дочери моего дяди, в голову [Са'ид] хана пришла мысль выдать замуж за Шах Мухаммад султана свою сестру Хадича Султан ханим, о которой уже было рассказано и [449] которая после смерти от руки наемного убийцы, что все еще не известно, Джахангира Мирзы, сына Мирза Аба Бакра, пережив его, находилась в благодатной келье, величественном арке, под добродетельной защитой хана. Эти две значительные свадьбы были проведены в одно время. Доверенные лица убежища царства хана и высокие слуги принялись за свадебные дела, а эмиры совещались относительно этого и назначили, как принято древним обычаем и турой, ответственных за это людей. /231a/ Стихи:

Шатер круглый, подобно небу,
Небу с Луной, Венерой и Солнцем.
Внутри и снаружи утопает в золоте,
Украшен рубинами, жемчугом и драгоценными камнями

Днями по древнему обычаю могущественных хаканов они устраивали пиры в обществе высокочтимых эмиров, вельмож и именитых военачальников. Стихи:

На тот пир веселья, что был устроен,
Пригласили луноликих и желали их,
Проявляли любовь и утоляли желание,
Избирали друга и осушали кубок.

Ночами же знать и избранные друзья на особом пиру, от накала которого Венера на небосводе пустилась в пляс, а Луна с высоты неба взидала на него, пили словно сладкий напиток горькое вино из нежных рук кравчих, подобных Ширин, и, подобно Фархаду, клали головы на ноги друг друга. Стихи:

От кружения земли воздух потемнел [в глазах пьющих],
Земля подобно губам красавиц стала местом лобзания,
Победоносный и счастливый миродержец
Силой власти и счастьем молодости
Золото, одежду и царственный жемчуг
Раздавал без счета и предела,
И на нескольких подобных царских пирах
Опустошал он каждый день одну сокровищницу.

Так некоторое время они насаждались такими удовольствиями. За несколько дней было собрано все необходимое для обряда бракосочетания. Они устроили пир, на котором присутствовали многочисленная знать, уважаемые люди, приближенные и столпы государства. Вначале они заключили брачный договор между госпожой, дочерью моего дяди, и Имин Ходжа султаном. После этого мою тетю по материнской линии, [450] солнце благочестия и царственного целомудрия и великолепия, Хадича Султан ханом, которая была родной сестрой хана, выдали замуж за Шах Мухаммад султана. Обе они были редкостными жемчужинами ханской раковины и перлами хаканского рудника. Высокочтимая знать и высокоуважаемые люди вознесли руки с молитвой пожелания добра и искренними устами прочли суру «Фатиха». /2316/ Высокоуважаемые и почитаемые женщины приготовили все необходимое для брачной ночи. В те дни я построил себе дом, украсив тем, чем мог. Ученые сложили на это хронограммы. Одна из них сохранилась в моей памяти:

Этот дом напоминает райский сад,
И подобного ему нет больше на земле.
Дата постройки этого счастливого жилища
Как для обоих событий [заключена в словах]
«Ба даулат-и Мирза Хайдар» — «Благодаря счастью
Мирзы Хайдара» — 923/1517 г.

Поэты сложили хронограммы и на свадебное торжество, но они не сохранились в памяти.

ГЛАВА 64. УПОМИНАНИЕ О НАЧАЛЕ РАСПРЕЙ И РАЗДОРОВ МЕЖДУ [СА'ИД] ХАНОМ И МИРЗА ХАНОМ И О ПЕРВОМ ПОХОДЕ ХАНА В БАДАХШАН

Летом, которое последовало за данной зимой, хан повел войско на Бадахшан. Это произошло так. Как было сказано при изложении истории Мирза Аба Бакра, в конце правления Хусрау шаха Мирза Аба Бақр захватил расположенные на высоте [районы] хазаре Бадахшана, как-то Сариг-Чупан, Гунд¹, Парваз, Сарх, Йасар (?) и Шива-йи Шугнан (В Т — Шива-йи Шуан, Л₁ 1626 — Шива ва Шуар). Хусрау шах не успел ничего предпринять в отношении этого, как потерпел поражение от Шахибек хана. Но когда Шахибек хан, захватив области, окружил Хусрау шаха, то миры хазаре Бадахшана отказались подчиниться узбекам. Произошло несколько стычек, и они одержали верх над узбеками. В те дни все [места] от верхней теснины Бадахшана были захвачены Мирза Аба Бақром. После того, как Мирза хан установил свою власть в Бадахшане, из-за враждебности узбеков он оказался в безвыходном положении и не мог воспрепятствовать [451] захватам Мирза Аба Бакра. [Территория] от Танг-и бала — верхних теснин — до Сариг-Чуиана подпала под власть дивана Кашгара. [Содержание] стиха:

Когда твои враги заняты с другими,
Ты сиди со спокойной душой с другом —

точно соответствовало этому положению. В течение двенадцати лет [территория] от верхней теснины, отойдя от Бадахшана, относилась к Кашгару. После того, как [Са'ид] хан завоевал Кашгар, он ту область /232a/ разделил между эмирами как владение Кашгара. И он послал туда Мир Бек Мухаммада, о котором было упомянуто раньше. В его правление Вахан относился к хазаре Бадахшана. Жители Бадахшана называют этот край [между Бадахшаном и Ваханом] Даразуханом, а кашгарцы — Сариг-Чупаном. Даразуханцы не хотели подчиняться [Са'ид хану] и обратились к Мирза хану за помощью. <Они решили стать подданными Мирза хана (Добавлено по R 354), и Мирза хан, не задумываясь, присвоил ту область. Он говорил: «В действительности эта область принадлежит Бадахшану. Более того, Бадахшан состоит из этих хазаре. Мирза Аба Бакр захватил его силой. Как только власть Мирза Аба Бакра пала, эта область вновь вернулась к своему прежнему положению, стих:

Все возвращается к своему началу

А [Са'ид] хан говорил: «Вот уже двенадцать лет, как эта область оторвана от своей основы силой Мирза Аба Бакра и отошла к дивану Кашгара. Однако всевышний владыка, <да преумножится его величие>, своим всепокоряющим повелением подчинил нашей власти с помощью меча наших храбрых воинов владения Мирза Аба Бакра. Теперь, если благодаря тому, что мы являемся двоюродными братьями, у тебя появилось желание присоединить к своим владениям эту область, тебе следовало бы направить нам поздравления по случаю этой большой победы, а затем попросить так: «Вследствие моей слабости и нашествия Мирза Аба Бакра та область, т. е. Бадахшан, мною была потеряна, а сейчас, уповая на милость дорогого брата, я прошу, чтобы те владения он пожаловал мне в качестве сургала».

[452] Если бы ты вошел с этой двери, то братское сочувствие непременно удовлетворило бы твою просьбу, но ты грубо завладел вилайатом, замок завоевания которого я открыл ключом покоряющего мир меча, это далеко от установленных правил и близко к неучтивости!»

Несколько раз они обменялись такого рода посланиями. В конце концов дело завершилось тем, что [Са'ид] хан в то лето повел войско на Бадахшан. /232b/

В то время, когда было принято решение о выступлении, один из сыновей Мирза Аба Бакра, которого мой дядя держал [около себя] как собственного сына, сбежал. Ходили слухи, что он направился к Суйунджик хану, чтобы сообщить ему о выступлении [Са'ид] хана и побудить его пойти на Кашгар. По этой причине я остался в Кашгаре, чтобы заняться устройством дел того края. Сын Мирза Аба Бакра был убит по дороге посланными за ним в погоню людьми.

[Са'ид] хан пошел на Бадахшан и забрал все, что нашел в тех краях. Мирза хан из-за отсутствия сил и безвыходного положения укрылся в Кала-йи Зафар и грыз тыльную сторону руки зубами сожаления за содеянное, которое лучше было бы ему не совершать. Когда [Са'ид] хан увидел, что [Мирза хан] и его область потерпели крах, он, сжалившись, ушел. Мирза хан понял свое положение и больше не преступал границ умеренности. Та область по сей день принадлежит Кашгару.

Между этими двумя родственниками из-за тех нескольких нечестивцев (даразуханцев) поднялась пыль жестокости и рассыпался прах бытия. До конца их жизни отношения между ними оставались прохладными; чистота искренности была омрачена обидой. [Этот мир] изменил в постоянстве сначала Мирза хану, а потом [Са'ид] хану. Стихи:

Этот мир подобен падали,
Стервятников в нем тысяча тысяч,
То тот в этого вонзает когти,
То этот клюет того.
В конце концов все уйдут [из этого мира]
И от всех останется только падаль.

Короче говоря, [Са'ид] хан вернулся из Бадахшана в полном величии и великолепии и предался в своем стольном городе Йарканде разгульной жизни и сотням видов наслаждений и веселья.

[453] ГЛАВА 65. О ВТОРОЙ ВСТРЕЧЕ [СА'ИД] ХАНА С МАНСУР ХАНОМ

На следующий год Мансур хан решил навестить свою дорогую тетку по отцу Даулат Султан ханим и успокоить боль утраты дорогого отца счастливой встречей с ней. /233a/ [Хан] согласился с этим. [Мансур хан] летом того же года выехал в Аксу. Они встретились в той же местности, и в таком же порядке, как в первый раз, и заново подкрепили единство. Затем каждый из них вернулся в свой стольный город. Начиная с этого времени, т. е. с 926 (1519—1520) и до 928 (1521—1522) года, хан и народ жили в полном покое и благополучии, и за это время ничего не произошло, о чем можно было бы упомянуть.

ГЛАВА 66. О КОНЦЕ ДЕЛ БАБУР ПАДИШАХА ПОСЛЕ ЕГО ВОЗВРАЩЕНИЯ В КАБУЛ. СМЕРТЬ ЕГО БРАТА СУЛТАН НАСИРА МИРЗЫ. ПРИЧИНА РАЗНОГЛАСИЯ МЕЖДУ ЭМИРАМИ И БАБУР ПАДИШАХОМ

Излагая историю Бабур Падишаха, мы остановились на том, что он перебрался из Кундуза в Кабул, а его брат Султан Насир мирза из-за чрезмерного употребления вина отправился в мир вечный <в 921(1515—1516) году (Добавлено по R 356). Соответственно обстановке уста напевали эти слова:

Каждый раз, когда моя душа от похмелья предается
печали,
Я столько пью вина, что существо мое уходит в небытие

Так Газна осталась без Султан Насира мирзы. После смерти мирзы между эмирами (Добавлено по Л₁ 1636) в Газне начались раздоры, и дело дошло до насилия и мятежа. Могольские эмиры и другие люди, находившиеся на службе у Падишаха, все взбунтовались — как-то Мир Ширим— дядя Падишаха с материнской стороны, который всю свою жизнь провел у него на службе; его брат Мир Мазид, Джака, Кул Назар и, <кроме них (Добавлено по Л₁ 1636), из чагатайских и таджикских эмиров были Маулана Баба Башагири, его брат Баба шайх — этот Маулана Баба шайх принадлежал к общинникам самаркандского селения Башагир. Падишах уважал его до такой [454] степени, что когда захватил Мавераннахр, то поручил ему управление Самаркандом, Ура-тепой и четвертой частью Кухистана; Мир Ахмад Касим, о котором раньше было написано, его брат Катта бек, /2336/ первый из них был правителем Ташкента, а второй — Сайрама; Максуд гург, Султан Кули, Чунак и др. Все эти люди были уважаемыми эмирами и известными предводителями, в головах которых поселился сатана. Вместо здравомыслия они дали волю надменности и злобе, что является плодом их подлой природы. Они начали бунтовать и надели на свои шеи ошейник проклятия, оставленный Мир Аййубом. Вот краткое изложение [этого события]: после нескольких набегов и столкновений между ними и Падишахом произошло сражение. Когда ряды столкнулись, из Кундуза с многочисленным войском прибыл сын эмира Касима каучина эмир Камбар 'Али, и [правое] крыло мятежников потерпело поражение. Оправдалась поговорка: «Правый гнется, но не ломается, а неправый выпрямляется и ломается». Некоторые попали в плен и получили по заслугам, другие бежали в Кашгар в самом что ни есть худшем положении. Среди них были Мир Ширим <и Мир Мазид (Добавлено по Л₁ 1636) вместе со своими братьями. Они прибыли к [Са'ид] хану после заключения первого его перемирия [с Мансур ханом], и долго находились у него на службе, пребывая в подавленном состоянии. Мир Мазид из-за недостаточности средств существования уехал в Тибет с надеждой на добычу. В стычке (Приведено по Л₂ 1396 —дар джанг) в его голову попал камень от чего он и скончался.

Мир Ширим тоже посчитал невозможным дальнейшее пребывание [при Са'ид хане] и, <питая надежду на великодушие и свои прежние заслуги (Добавлено по Л₂ 1936), вернулся к Падишаху. Падишах с похвальными чертами своего характера, по своему благородству пошел ему навстречу, закрыл глаза гнева на его проступки, открыл благосклонные очи на прежние его заслуги и встретил его почестями. Стихи:

О ты, прибежище всех, оказавшихся в несчастье,
Твое великодушие дарит всем прощение.

Однако вскоре он распрощался с непостоянным миром.

[455] Падишах пребывал в Кабуле, затем направился в Кандагар. Кандагар находился в руках Шахбек Аргуна, сына Зуннун Аргуна. Как уже говорилось, он осаждал его пять лет. В конце концов [Шахбек Аргун] решил бежать, направился в Сиви¹, /234а/ оттуда в Татту², где взял (города) Уча³ и Бакар, как об этом будет упомянуто в своем месте. Падишах пришел в Кандагар, а затем направился в Индию. Он торговался туда несколько раз и возвращался обратно. Наконец, при Панипате⁴ произошло сражение между Падишахом и Ибрахимом сыном Искандара авгана⁵, который был в то время государем Индии. У [Ибрахима] в войске было больше лака — сто тысяч человек. Падишах разбил его с десяти тысячным войском. В руки Падишаха и его воинов попало столько сокровищ, что ими пользовался весь мир, начиная от Рума и кончая Хитаем. Румские золототканые шелка и вышитые китайские атласы, которые редки в этих странах, в Индии находятся харварами. Обо всем этом скоро будет рассказано.

ГЛАВА 67 УПОМИНАНИЕ О ЗАХВАТЕ МОГОЛИСТАНА И [ПОКОРЕНИИ] КИРГИЗОВ. НАЧАЛО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РАШИД СУЛТАНА

В 928 (1521 —1522) году [Сайд] хан задумал отправиться в Моголистан и подчинить киргизов. Для этого было несколько причин. Первая, в 923 (1517) году, как было упомянуто, он арестовал Мухаммад киргиза за то, что тот схватил в бою 'Абдаллах хана, сына Кучум хана, и отпустил, послав [хану] несколько неприемлемых извинений. За это он находился пять лет в заключении, а киргизы, оставшись без предводителя, совершали набеги на земли Туркестана, Сайрама, Андижана и Ахси. <Они были виноваты во

многих злодеяниях; забрали в рабство многих мусульманских женщин и детей (Добавлено по R 358). Хотя эти области находились под властью Шайбан [идов], и Шайбан был давнишним врагом [Са'ид хана], хану, человеку добродетельному и набожному, тяжело было [смотреть на это], и он хотел отвести это несчастье от мусульман во имя возвышения его степеней в обоих мирах.

Вторая [причина]. У Ходжа 'Али бахадура, об отваге и прекрасных качествах которого было уже [456] изложено, благодаря его происхождению была огромная тяга к Моголистану. Он всегда избегал города и стремился к степям Моголистана. Ходжа 'Али бахадур по обычаю был назначен атабеком при Баба султана, сыне Халил султана и племяннике хана, /2346/ и он воспитывал его с семи до пятнадцати лет.

Ходжа 'Али бахадур доложил хану: <<Слава всевышнему Аллаху>. Благодаря преуспеванию вечного государства у могольского улуса [количество] людей и скота достигло такого предела, что ширь степей Кашгара стала для них тесной и между людьми возникают ссоры из-за пастбищ. Если будет издан высочайший указ, то я, захватив с собой Баба султана, поеду в Моголистан, полностью подчиню его и приведу в порядок дела киргизов так, что у людей будут просторные пастбища и душевный покой». Это предложение понравилось [Са'ид] хану. Он испросил у эмиров совета и одобрения, и все единодушно одобрили это, кроме моего дяди, <да покровит Аллах его своим прощением>, который заявил: «Совет, в основном, хорош, но посылать Баба султана неразумно, потому что у улуса моголов врожденная тяга к Моголистану и, когда Моголистан будет под Вашей властью, все моголы будут стремиться туда. Когда же Баба султан окажется там, он будет обижен, если мы запретим <моголам поехать туда (Добавлено по R 359)>, а если мы не запретим это, то все моголы уйдут туда. Из-за этого могут возникнуть недовольства — прямой путь к раздорам. Другое дело Рашид султан — он ваш сын, и сколько бы он ни усиливался, Вам это не повредит. Если Вы сочтете нужным, то запретите людям ехать в Моголистан, и ему от этого плохо не будет. А если и будет, то пыль огорчения его не поднимется до ужасных событий».

Тем временем у Ходжа 'Али бахадура из-за чрезмерного употребления вина сгорели вены и он скончался. В связи с этим осуществление этого дела легло на Рашид султана.

Случилось так, что в те дни моя сестра, которая происходила от дочери главы сейидов Ховандзаде Султан Мухаммада /235a/ Арханги, была обвенчана с Баба султаном. Несмотря на это, мой дядя в интересах государства не держал сторону зятя и возложил дело на Рашид султана. По этой причине Баба султан обиделся [457] на моего дядю, но мой дядя не придавал этому значения и прилагал усилия в продвижении дела Рашид султана и составил план действия, о котором в дальнейшем будет написано.

Поскольку речь дошла до этого места, то ради полноты ее нужно рассказать немного о Моголистане. Об удивительном месторасположении Моголистана и его просторах не упоминает ни одна книга. Только название нескольких городов мельком упоминают в некоторых исторических сочинениях. В книгах ученых и мудрецов, вроде «Сувар-и акалим»¹ («Картины климатов мира») и «Та'риф-и булдан» («Описание стран»)², где дается описание стран, о Моголистане приводится кратко. Возможно, им не было известно положение этого края. Они написали столько, сколько им было известно. Сей раб изложит подробно.

**ГЛАВА 68. ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ «ТА'РИХ-И ДЖАХАНГУШАЙ»
(«ИСТОРИЯ ЗАВОЕВАТЕЛЯ МИРА»), РАСПОРЯДИТЕЛЯ ДИВАНА ХОДЖА АТАМАЛИКА
'АЛААДДИНА МУХАММАДА
ДЖУВАЙНИ, <ДА ПОКРОЕТ АЛЛАХ ЕГО СВОИМ
ПРОЩЕНИЕМ>, КОТОРЫЙ, ОПИСЫВАЯ МОГОЛИСТАН,
ПИШЕТ ТАК:**

В «Та'рих-и джахангушай» написано, что исконное местожительство татар [как сказано в айте]: <в долине, не имеющей злаков, у твоего дома священного>¹. Чтобы объехать эту территорию, требовалось семь — восемь месяцев. На востоке [Моголистан] граничит с Китаем, на западе — с вилайатом Уйгур, на севере — с Каракизом² и Салингаем³, на юге — со стороной Тангут (В Л₂ 1946 —Кашгар)⁴. Из этих четырех краев, о которых говорится в «Та'рих-и джахангушай», ныне точно известен только Китай. О вилайате Уйгур, о котором говорит [Джувайни], сейчас ничего не известно, даже не известно, где было это место. Ничего не известно и о Каракиз и Салингай — сейчас нет ни одного места с таким названием. Название Тангут часто встречается в исторических сочинениях моголов. /2356/ В начале своих завоевательных походов Чингиз хан послал войско в ту сторону. Угедей Кази тоже при завоевании стран отправлял людей в некоторые места, одно из которых было Тангут. Из содержания исторических книг явствует, что это был большой вилайат. В то время там был правитель по имени Шидарку. Во многих книгах утверждается, что в [458] его войске было восемь тысяч человек, однако в настоящее время установить это невозможно.

Точно так же авторитетные книги упоминают названия ряда городов, которые были в Моголистане, и подробно описывают их. К ним относится Баласагун. Как в «Сувар-и акалим» («Картины климатов мира») из городов Китая назван город Ханбалик, так в Моголистане и Кара Хитае назван этот город Баласагун. В авторитетных книгах и историях пишут, что Баласагун принадлежит к [числу городов], построенных Афрасийабом, и высоко превозносят его. В «Маджма' ат-таварих» («Собрание историй») сказано: «Баласагун до карахитаев находился под властью <отпрысков и потомков (Добавлено по R 363)> Афрасийаба, карахитай Гурхан отнял Баласагун у Илек хана, который принадлежал к роду Афрасийаба, и

сделал его своей столицей. В течение девяноста пяти лет Баласагун был столицей карахитаев, и все страны на этой стороне Джейхуна, расположенные к востоку от него, доставляли сюда харадж. Моголы называют Баласагун Каралигом. Автор «Сурах ал-лугат»⁵ («Ясность языка») в «Мулхакат-и сурах»⁶ («Дополнения к «Ясности языка») говорит: «Мой отец принадлежит к Хафизам Баласагуна», и он привел в своих «Дополнениях» имена ученых каждого города. В Самарканде он насчитал меньше десяти человек, а к Баласагуну он отнес столько великих людей и ученых и привел рассказы о некоторых из них, что разум отказывается верить тому, что все эти ученые могли жить в одно время и в одном городе. Сейчас о них в Баласагуне ничего не известно. /236а/ Я не слышал также о местности под названием Каралиг. Один из городов, упоминаемых в книгах,— Тараз. Там написано, что моголы называют Тараз «Йанги». Этот Йанги точно расположен в Моголистане. Людей из Йанги в Мавераннахре много и всех тех людей называют «йангилик». Однако в тех степях, которые они называют Йанги, сохранились следы нескольких городов: остатки куполов минарета, ханака и медресе. Но не известно, какой из этих древних городов назывался Йанги и как назывались другие.

Следующий значительный город — Алмалиг, который известен и сейчас. Там находится усыпальница Туглук Тимур хана, и видны приметы [прежней] [459] городской жизни. Купол усыпальницы хана очень высокий и украшен надписями. В памяти сохранилось одно полустипение из этих надписей: «Это здание — дело мастера шарбафа-ткача». Из этого видно, что этот мастер был из Ирака, так как в Ираке ткачество называют «шарбаф». Как мне помнится, в хронограмме на том куполе была приведена [цифра] семьсот шестьдесят (В Л₁ 1656 — 706) [1358—1359] с вычетом.

В Моголистане есть еще много городов, от высоких зданий которых сохранились следы, а некоторые из них сохранились целиком и не подверглись разрушению. В Джуде⁷ в одном месте имеются следы большого города. В нескольких местах сохранились минареты, купола и медресе. Поскольку никто не знает названия этого города, то моголы называют его Минара⁸. Там еще есть купол и каменная плита, на которой почерком насх выдолблено: «Это могила великого человека, доискивавшегося истины, и совершеннейшего шейха, сосредоточившего в себе передаваемые и постигаемые умом [истины], знатока основ и ответвлений законовещения Имама Мухаммада, баласагунского законоведа, скончавшегося в 711 (1311 — 1312) году. Написал это Умар ходжа Хаддад».

Джуд (В Т; Л₁ 1656 — Хур; Л₂ 1956 — Джу)— местность в Моголистане. Протяженность ее — месяц пути. Городов, подобных [Минара], много. В Моголистане /236б/ есть местность под названием Иумгал⁹, очень известная. Там имеется полуразвалившийся купол. В надписи на нем я прочитал: Шах Джалил б. Кусам б. Аббас...», остальное выпало, так что не известно, действительно ли это его могила или написано наугад, «Аллах знает лучше». Подобных этому памятников по всему Моголистану много. Что касается названий этих городов, то о них ничего не известно.

Могила Маулана Сираджаддин Абу Йа'куб Йусуфа (Добавлено по Л₂ 196а) Саккаки, автора «Мифтах» («Ключ»), имеет высокий купол, который построен в древности, ныне полуразрушен (Добавлено по Л₁ 1656) и расположен на берегу реки Тика¹⁰ (Приведено по Л₂ 196а; R 365 — Тика (в Т; Л₁ 1656 — Биля)), которая идет от озера Байкула¹¹ (В Л₁ 1656 — Пайкул; в Л₂ 196а — Кул). Там, кроме этого купола, ничего больше нет. Здесь либо был город, от [460] которого ничего не осталось, либо же, когда Чагатай хан схватил Саккаки и убил его, над его могилой построили это здание, «а Аллах знает лучше». История Саккаки изложена в исторических книгах.

О других местах Моголистана из того, что написано в исторических сочинениях и [других] книгах предшественников, ничего установить нельзя, и названий их никто не знает, однако та территория, которую сейчас называют Моголистаном, в длину и ширину составляет семи — восьмимесячный путь. Его восточная граница примыкает к земле калмаков — Барс-Кул¹², Эмиль¹³ и Иртиш¹⁴ (Приведено по Л₂ 196а (в Т написание искажено)). На севере он примыкает к Кукча-Тенгизу¹⁵, Бум Лишу и Караталу¹⁶ (Приведено по Л₂ 196а; (в Т и Л₁ 1656 — Карабал)), на западе граничит с Туркестаном и Ташкентом, на юге с Ферганой, Кашгаром, Аксу, Чалишем и Турфаном. Из этих четырех пограничных районов я видел южный. Из Ташкента до Андижана десять дней пути, от Андижана до Кашгара—двадцать дней, а оттуда до Аксу — пятнадцать дней. От Аксу до Чалиша — двадцать дней пути; от Чалиша до Турфана —десять дней, от Турфана до Барс-Кула — пятнадцать дней пути, так что Барс-Кул является восточной окраиной Моголистана. «Вся южная граница (Добавлено по R 366) при среднем ходе лошади равна трехмесячному пути и составляет девяносто стоянок. Остальные три стороны я не видел, но слышал от людей, проходивших там, что те стороны [по протяженности] больше этой, и вся та территория, составляющая семи-восьмимесячный путь, представляет собой большей частью горы и степи. Они настолько девственны и величественны, что сей раб /237а/ не в силах описать их красоту. Так, в горах и степях Моголистана бесчисленное множество цветов, названий которых никто не знает. Эти цветы, кроме Моголистана, в других местах не встречаются и поэтому их никто не описал. Климат большинства его краев летом умеренный, так что если [у человека] имеется одна рубашка, ему не понадобится другой одежды, а если на нем окажется еще другая одежда, то ему также не будет жарко. А в некоторых местах Моголистана климат переходит от умеренного к холодному.

В Моголистане много крупных рек, подобных Джейхуну или близких к нему, как, например, Ила, Эмиль, [461] Иртиш, Чулак, Нарин. Эти реки ничуть не уступают Джейхуну и Сейхуну. Большинство этих рек впадает в Кукча Тенгиз. Кукча Тенгиз — озеро, отделяющее Моголистан от Узбекистана. Длина его

составляет восемь месяцев пути, а ширина в некоторых местах — около тридцати фарсахов. Когда наступает зима и Кукча Тенгиз покрывается льдом, узбеки по льду приходят в Моголистан. Чтобы перейти лед, они два дня и две ночи идут с большой скоростью и точно так же при возвращении в конце зимы они идут с такой же быстротой. Однако в конце зимы это опасно и часто случается, что лед ломается и под лед уходит около ста — двухсот семей. Вода озера пресная¹⁷. Из него вытекает воды меньше, чем впадает — то, что вытекает, равняется одной части впадающей в него воды и течет по [территории] Узбекистана и впадает в Кулзум¹⁸ под названием Атил¹⁹ (Приведено по Л₂ 1966; R 366 (в Т; Л₁ 166а —Аил)). <В исторических книгах написано Атил, но среди узбеков она известна под названием Идил (Добавлено по Л₂ 1966).

Следующей из диювин Моголистана является Иссик Куль. В него вливается приблизительно столько же воды, сколько в Кукча Тенгиз. А путь вокруг Иссик Куля составляет двадцать дней и вода из него никуда не вытекает. Оно окружено горами. Все воды, /2376/ впадающие в него, пресны и вкусны, но стоит только им влиться [в озеро], как вода становится такой горькой и соленой, что невозможно пользоваться ею даже для омовения; если она попадет в глаза или рот, то начинает сильно жечь, а во рту появляется неприятный вкус. Вода озера настолько чиста и прозрачна, что если, например, налить ее в фарфоровую чашу, то на ее дне не появится никакого осадка. Что касается окрестных вод, то они пресны и вкусны. Там произрастают ароматные травы, цветы и плодовые деревья, а в горах (Добавлено по Л₁ 166а; Л₂ 1966; R 367) и степях много ланей и птиц. В Моголистане мало мест с подобным пейзажем и климатом.

С 916 (1510—1511) года из-за киргизов ни один могол не мог жить в Моголистане. В 928 (1521—1522) году по приведенным выше обстоятельствам [Са'ид] хан приложил большие усилия для захвата Моголистана, как будет изложено.

[462] ГЛАВА 69. ВОЗВРАЩЕНИЕ К НИТИ РАССКАЗА

Высокие помыслы хана всегда были направлены на [исполнение] двух дел, которые в его счастливом представлении должны были обеспечить достижение высоких степеней как в мире загробном, так и в земном. Если [у человека] высокие устремления и добрые помыслы, то душа его не удовлетворится исполнением одного [из тех дел]. И в основе всего того, что он делает в этом мире для обретения доброго имени, лежит укрепление религии и веры. И эти два дела следующие: обеспечение благоденствия народа и устранение подстрекателей смут и несчастий.

Цель этого вступления следующая. У людей, обеспечение которых по нормам справедливости являлось обязанностью хана, число скота увеличилось до такой степени, что пастбища в степях и горах Кашгара стали для них недостаточны. И [хан] для благополучия народа решил завоевать Моголистан и, кроме того, подчинить киргизов, большинство которых было лишено красоты религии и все помыслы и действия которых были неверными. В окрестностях Туркестана, Шаша и Ферганы мусульмане от их набегов и гнета жили в состоянии страха и подавленности. Хотя /238а/ эти области принадлежали узбекам Шайбана, старинным врагам хана, однако благодаря заботе хана о религии ислама и из-за сострадания к мусульманам он испытывал, огорчение от этого дела и хотел, чтобы мусульмане не терпели убытка, в то время как какие-то неверные извлекали для себя выгоду. Он хотел наоборот, чтобы выгоду для себя извлекали мусульмане, а неверные были бы подавлены.

От [осуществления] этих двух дел он ожидал достижения доброго имени в этом мире и спасения в будущем, <да воздаст Аллах ему добром>, стихи:

О боже, на того хана высокого происхождения
Своей благосклонностью и щедростью лей дождь милости,
Ибо мир доволен его справедливостью,
Разрушенный мир благоустроен им
Сними ты с него все его грехи,
Благоустрой все его добрые дела,
Ты сделал его в этом мире уважаемым,
[Так] сделай его таким же и на том свете.

Мирза Али Тагай, Ходжа 'Али бахадур и большинство эмиров были на стороне Баба султана и [463] пожелали, чтобы дела Моголистана и киргизов возложили на него по той причине, что отец Баба султана Султан Халил султан был [главой] киргизов, как уже было изложено, и он имел больше прав на это дело. Только один мой дядя был на стороне Рашид султана, сына хана, и [просил] передать ему это дело [похода]. Он приложил немало усилий для продвижения дела [Рашид султана] и укрепления его силы, а [Рашид султан] оставался таким же, каким был,— стих:

Своим советом я сам себе создал беду.

В конце концов недруги обрели власть, а доброжелателям выпало испытание,— стихи:

Ему выпал жребий согласия с врагами,

Слова друзей он перечеркнул пером отказа

Короче говоря, в 928 (1521—1522) году хан удостоил Рашид султана разных ханских милостей и атрибутов власти, а Мирзу 'Али Тагая — сана «улусбеги» Мухаммад киргиза, освободив из-под ареста, он поставил эмиром над киргизами, и из всех могольских племен были отобраны опытные люди, уважаемые эмиры и богатыри, подобные Рустаму. — стихи:

Воины без числа и счета,
Все с мечом и с острыми пиками /2386/

Литавры и знамена, монетный двор и шатры и все, что было необходимо [в том случае], придали торжественность и пышность ханской свите [Рашид султана]. Эмирам и воинам устроили угощение; веселились. Удостоив всех разными подарками, [Саид] хан дал [Рашид султану] несколько советов и наставлений, на которых зиждется власть, — стихи:

Ты кроме доброго имени ничего не ищи,
Ибо доброе имя никогда не стареет.
Стой на том, чего ты пожелаешь,
И думай о благополучии подданных
Пусть эти слова мои останутся тебе в память обо мне,
Пусть радуется сердце твое мощи государства

После советов и наставлений, которые так и не осели в ушах [Рашид султана], — стихи:

Для беспутных мира проповедь и наставления —
словно ветер,

[464] хан разрешил всем отправляться со своим скарбом и домочадцами. Во время отправления Рашид султана он сказал мне: «Надень на него одежду, подвяжи ему к поясу колчан и меч и посади его на коня, быть может, это будет ему добрым напутствием в тех делах, на которые я его направляю. Пусть будет он твоим учеником, а ты — его учителем Стихи:

Из тех людей, которых я обучал науке стрельбы,
Не было ни одного, который не стал бы целиться
в меня впоследствии.

Я обучал его благородному поведению и решительным действиям. Стих:

Лучше, чтобы твердость и мягкость сочетались.

Горечь лекарства, если не будет подслащена сахаром, не принесет пользы. Первое из этих правил, которым я обучал его, — благородное поведение — предназначалось друзьям, второе — решительность действий — недругам. Стихи:

В этом трактире развалин полно кувшинов вина,
И мой кувшин среди груды камней стал мишенью
Жестокости

Короче говоря, Рашид султана проводили наилучшим образом, хан распрощался с ним в Кашгаре. Стихи:

При прощании он заключил его в объятия,
Поцеловал его в лоб и глаза,
Счастливым царевич пустился в путь,
Сопутствуемый поддержкой творца.

Когда [Рашид султан] выехал в Моголистан, Мухаммад киргиз, выступив вперед, привел к нему большую часть киргизов. /239a/ Только немногие бежали в самые отдаленные районы Моголистана. С наступлением зимы [Рашид султан] остановился на зимовку в Кучкаре.

ГЛАВА 70. О РАСКАЯНИИ ХАНА, КОТОРОЕ НАЧАЛОСЬ БЛАГОДАРЯ БЕСПРЕДЕЛЬНОЙ МИЛОСТИ ВСЕПРОЩАЮЩЕГО ГОСПОДА

Ниспосланное в древнем Коране ясное указание всевышнего Господа: <Обратитесь к Аллаху [465] искренним обращением>— это предписание, следование которому обязательно для каждого человека. Однако, согласно [словам]: <Споспешествование [Аллаха] — явление редкостное, и оно будет оказано самым дорогим ему рабам>—это счастье не достается любому; его удостоится тот, кому споспешествует руководство извечного и помощь бессмертного [Аллаха]. Стихи:

О ты, чья мудрость — мой покровитель,
окажи мне поддержку,
Противен я стал сам себе, окажи мне поддержку,
До каких пор я буду раскаиваться, а потом нарушать
обет,
О, внушающий мне раскаяние и нарушение его!—
окажи мне поддержку.

Если какому-то власть имущему сопутствует такое счастье, то это есть милость, оказанная ему дарящим милости [Аллахом]—<да увеличится щедрость его>! Стихи:

Это есть неожиданный корабль, ты не сомневайся в этом,
Он — посланник с вестью о том, что мы прощены.

Всему сказанному соответствует счастливый исход дел хана. Как уже было вкратце упомянуто, страсть хана к употреблению хмельных напитков дошла до такой степени, что если, например, ему снилась трезвость, то он толковал это как необходимость пить. Выражение: <Толкование сна — в обратном значении> он считал применимым к себе. Тюркские стихи:

До того, как я испью чашу смерти,— в сердце моем
тот виночерпий,
До того, как наполнится моя чаша жизни,
она существует благодаря тому виночерпию.

И невозможно даже было представить себе, что хан сможет отказаться от этого дела. Однако с появлением божеской поддержки и руководства счастливая рука разорвала ворот несчастья. Хан дал зарок не нить хмельных напитков. Стих:

Тысяча благодарений за то, что он прощен
всепрощающим Господом.
И услышал он из уст гурии стих Корана:
<Обратитесь к Аллаху>.

Это был отказ от всего /2396/ хмельного. Через семь лет он полностью отказался от всех запретных вещей в присутствии господина Махдumi Нурана, и стих [466] [Корана]: <Обратитесь к Аллаху искренним обращением>² стал хронограммой для его полного покаяния (935/1528—1529 год) (Здесь несколько строк текста искажены переписчиками. В первой книге «Та'рих-и Рашиди» (л. 78а) указан год «неполного покаяния» хана — 928/1521—1522, зашифрованный в хронограмме; «Тубу ила-л-лах тавбатун» с вычетом букв «ба» и «ха», цифровое значение которых в сумме составляет цифру «семь». Здесь же для года «полного покаяния» хана, которое произошло через семь лет, эта же хронограмма приведена полностью). Это удивительное совпадение.

Подробности этого следующие. В конце зимы, весной, когда Рашид султан выехал в Моголистан, хан находился в Йанги-Хисаре. Мой дядя был при нем, а я находился в Йарканде. Я не раз слышал от хана, который говорил: «Однажды, когда ночь заканчивалась в попойке,— стихи:

Ночью он пьян, утром он пьян, весь день он
в похмелье.
Смотри, как он проводит свою славную жизнь—

под утро мне в голову пришла мысль, что настало время, когда ты должен вернуться к своему Господу. Когда у меня появилась эта мысль, я засомневался и подумал, что я перепил. Как может человек отказаться от этого и какое наслаждение в жизни без вина? С такими мыслями я заснул. Когда проснулся, то стал корчиться как змея и на похмелье попросил глоток вина. Когда его принесли, то вчерашняя мысль вновь ожила во мне; я позвал Саййид Мухаммад мирзу и сказал ему: «Мне стало тягостно это и я хочу покаяться». Мой дядя давно стал приверженцем ордена йасавийе и вел правильный образ жизни и огорчался таким поведением хана. Когда хан стал советоваться с ним по этому вопросу, дядя заплакал и стал горячо одобрять его намерение.

Хан, раскаявшись, вошел в собрание. Ночные сотрапезники все еще продолжали веселье. /240a/ Стихи:

Один не помнит себя, другой — полупьян.
Один читает стихи с бокалом в руке,
С одной стороны раздалась песня мутриба,
С другой стороны слышен призыв кравчего: «пей».
Хан приказал всем отправляться восвояси.
И разбить предметы веселья.
Они сломали чанг и порвали струны руда.
Каждый из них выкинул из головы песню,
Побросали они камни на питейные дома,
Выставили кувшины и поломали их.

[467] Кутилы и греховодники унижены и подавлены, праведные и улемы почитаемы и уважаемы, благочестивые люди заняты благодарением всемилостивого Господа. Дехкане и подданные в мольбе склонились к земле, а остальные люди вознесли руки к небу в раскаянии о содеянном, восклицая денно и нощно: «Прости, о боже» и добиваясь прощения. Стихи:

Юноша, опьяненный гордыней и воображением.
Теперь сел, подобно старикам, в углу для молитвы.

Согласно словам пророка <да благословит его Аллах и приветствует>: «Люди в вере своих царей», в сердцах всех людей появилось желание молиться, и они закрыли двери питейных домов и открыли ворота мечетей. Праведные моления поднялись от земли до небес, а милости божеские посыпались с небес на землю. <Да воздаст славный и всевышний Господь за это награду его чистой душе и да возвысит до высшего предела его степени>, ради Мухаммада и его благородных потомков.

ГЛАВА 71. О ТОМ, КАК ХАН РАДИ ДЕРВИШЕСТВА ХОТЕЛ ОТКАЗАТЬСЯ ОТ ЦАРСТВА, И О ТОМ, КАК ОН ИЗМЕНИЛ СВОЕ РЕШЕНИЕ

После того, как [Са'ид] хан удостоился чести покаяться и вошел в ряды [тех, о которых говорят]: <Аллах любит раскаявшихся>, он прибыл в Моголистан и в Кочкаре² присоединился к Рашид султану. Остановившись в Кочкаре, он отправил Рашид султана вместе с его эмирами и Мухаммад киргизом в самые отдаленные районы Моголистана. /240б/ Они собрали рассеявшихся по группам киргизов и успокоили душу на их счет. Весной хан вернулся в Кашгар. После этого он каждый год приезжал со всем двором в Моголистан для его укрепления и приведения в порядок дел Рашид султана. Следующей весной хан также отправился туда; большая часть улуса моголов, нуждавшаяся в его покровительстве, прилагала усилия в оказании [хану] услуг. Хан и Рашид султан провели зиму в Кочкаре. В конце зимы хан, оставив свой двор, вернулся в Йарканд. Причиной этого было то, что после покаяния хан много читал книг авторитетных суфиев, размышляя над их смыслом, и они оказывали на него сильное воздействие, особенно слова главы этого сословия Абу-л-Касима Джунайда Багдади, <да освятит Аллах тайну [468] его>, который сказал: «Тазкират ас-салихин» («Антология праведных») есть войско из воинов всевышнего Господа».

Хан всегда проявлял старание в этом деле и постигал смысл слов таких людей. Так, однажды [в собрании] хан читал «Макамь» великого Ходжа Бахааддина Накшбанда, <да освятит Аллах тайну его>, и дошел до того места, где его святейшество Ходжа говорит: «Однажды в юности до меня донесся глас: «Бахааддин, каким образом ты вступишь на этот путь? Надо вступить так, как говорим мы». Я сказал: «Нет. Будет так, как говорю я». Этот глас раздавался еще несколько раз, я повторял одно и то же, пока, наконец, не услышал ответ: «Хорошо, пусть будет так». После этого я с еще большим усердием стал исполнять то, что думал». Присутствующие на собрании сказали: «Какое удивительное великодушие!» А [Са'ид] хан добавил: «О, какая скромность!» [Бахааддин хотел сказать]: «Я слабый раб и не смогу справиться с этим делом, как того хочет Господь. Если будет разрешено то, что говорю я, то я вступлю на этот путь, а если нет, то из-за крайней слабости и невезения я не смогу /241a/ вступить на этот путь».

Итак, слова суфиев оседали в душе хана и сильно действовали на него. Из книг и трактатов этого сословия он уяснил для себя, что пока полностью не посвятит себя этому делу, он не достигнет того счастья. По этой причине сердце хана отошло от мирских и государственных дел и душа его полностью остыла к миру. Большую часть времени он стал проводить в уединении и только и говорил об этом. Но не всех он посвящал в это дело. Одним из его собеседников был мой дядя, <да будет Аллах милосерден к нему>. Дядя был последователем шейхов [ордена] йасавийе, выполнял его установления и воздерживался от неопределенной пищи. Чаще хан вел беседы при нем. Другим собеседником хана был Шах Мухаммад султан, его двоюродный брат и муж сестры, о чем вкратце уже было упомянуто. Мне тоже иногда доставалось место где-нибудь в последнем ряду собрания. Посторонние не допускались. Люди недоумевали: «Что это за совещание, где кроме этих четырех никто не участвует и совещанию этому нет конца?» Стихи:

Голову он положил на колени моего дяди,
а народ — в подозрении:
Возможно, они что-то замышляют?

[469] В конце концов они остановились на том, что хан поедет в Йарканд, привезет из Аксу Имин ходжа султана, своего брата, посадит его на трон царства и передаст ему весь улус. Сам же он, освободившись от всего, пустится в странствие — авось всевышний Аллах доведет его до какого-нибудь совершенного наставника. Мой дядя согласился подготовить все необходимое для путешествия в Мекку, как это было решено ранее и взялся сопровождать хана повсюду и всегда, где бы он ни находился; Шах Мухаммад султан и сей раб также будут вместе с ханом.

В то время, когда это намерение окрепло и решение стало окончательным, из Самарканда в Кашгар приехал Ходжа Мухаммад Йусуф, сын Ходжа Мухаммада Абдаллаха, сына Ходжа Насираддина 'Убайдаллаха, <да будет над ними милость Аллаха>. Эта новость дошла до Моголистана. /2416/ <Узнав об этом, хан приехал из Моголистана в Кашгар, чтобы увидеть Ходжу (Добавлено по Л₂ 1996). Ходжа был человеком набожным с высокими помыслами. Хан жаждал встретиться с ним в надежде на то, что найдет в нем то, что ищет. Хан выехал из Кочкара и в конце зимы прибыл в Йарканд, где удостоился чести встретиться с Ходжой. Когда он доложил Ходже о своем решении, тот сказал: «Об этом сказано великими людьми,— стихи:

Оставайся на своем царском троне,
И своим безупречным поведением будь дервишем.

В другом месте сказано,— стихи:

Положи на голову венец, а на плечи — стяг,
Старайся в познании и носи все, что хочешь.

Царство — величайшее средство и ближайший путь [к богу], но цари превратили его в средство удовлетворения чувственных наслаждений и свершения дьявольских дел. Царь устаивается воздаяния за доброе дело одним своим словом приказа, а дервиш не достигает его в течение всей своей долгой жизни. Находясь на царском троне, этой цели можно достичь быстрее и лучше при условии совершения добрых дел, что является обязательным для дервишества и отшельничества. Необходимо также полное подчинение своему духовному наставнику. Как говорит Шайх Абу-л **[470]** Джанаб Наджмаддин Кубра: «Если мюрид будет преданным, а его приверженность — истинной, то окажется он каким-то образом на востоке, а пир — на западе, всеславный и всевышний Господь погонит пира на двух конях и приведет его к мюриду. Если же он не будет искренним в своих устремлениях, то, даже находясь в одной комнате с пиром, он не удостоится счастья общения с ним. Я не жалею того, что знаю, но у меня нет права на то, чтобы сказать что-то от себя. Мой отец Ходжа Мухаммад Абдаллах написал кое-что для меня и я дарю это вам», — и он отдал это хану. Там было написано: «Главными условиями соединения с единым богом являются: малое количество пищи и немногословность в общении с людьми». Хан успокоился и избрал путь справедливости и добра. Он делал [на этом пути] все, что мог, и осуществилось то, что сказал ему Шайх Наджмаддин: /242а/ через некоторое время приехал его святейшество Ходжа Нуран, и хан добился того, чего хотел. Тем временем из Турфана прибыл Ходжа Таджаддин.

ГЛАВА 72. УПОМИНАНИЕ О ХОДЖА ТАДЖАДДИНЕ И ЕГО РОДОСЛОВНОЙ

Ходжа Таджаддин принадлежал к роду Маулана Аршададдина, а тот — к роду Ходжа Шуджааддин Махмуда, брата Ходжа Хафизаддин Кабира Бухари, последнего из муджтахидов. Во время нашествия Чингиз хана Маулана Шуджааддин Махмуда переселили в Каракорум и Моголистан. Этот Маулана Аршададдин принадлежит к его роду. Моголы приняли ислам благодаря Маулана Аршададдину, о чем будет изложено подробно, <если пожелает всевышний Аллах>, в основной части «Истории». Этот Ходжа Таджаддин один из потомков Маулана Аршададдина. Отца Ходжа Таджаддина звали Ходжа 'Убайдаллах. Он был мюридом Мир 'Абдаллаха Буширабади, человеком уважаемым и праведным. Ходжа Таджаддин вместе с отцом уехал в Мавераннахр, учился у Маулана 'Али 'Аррана Туей. В связи с тем, что Маулана ['Али] 'Арран Туей принадлежал к приверженцам его святейшества ишана ['Убайдаллаха Ахрара], Ходжа Таджаддин удостоился чести служения ему. Я слышал от Ходжа Таджаддина, который сказал: «Однажды я сидел возле его святейшества Ишана, и он сказал, что нужно воздерживаться от сомнительного куска [пищи]. Я посмотрел на **[471]** присутствующих в собрании. Сказанное могло относиться только ко мне, и я дал себе зарок воздерживаться [от сомнительной пищи]. С того дня я счел это для себя обязательным и пусть господа простят меня, что я не могу позволить себе есть за столом любого. Надеюсь, вы меня простите». Будучи долгое время на службе у его святейшества Ишана, Ходжа [Таджаддин] получил разрешение вернуться в Турфан. Ходжа приехал в Турфан. Султан Ахмад хан, <да освятит Аллах /242б/ его довод>, очень почитал его. После его смерти все его дети уважали и почитали Ходжа Таджаддина.

ГЛАВА 73. УПОМИНАНИЕ О ПОЛУЧЕНИИ ХОДЖА ТАДЖАДДИНОМ РАЗРЕШЕНИЯ ВОЗВРАТИТЬСЯ В ТУРФАН, О ПЕРЕМИРИИ ТАХИР ХАНА С КАЗАК-УЗБЕКАМИ И О ТОМ, ЧТО ПРОИЗОШЛО В ТЕ ДНИ

Когда Ходжа Таджаддин прибыл из Турфана, то [Са'ид] хан оказал ему подобающие ходже почет и уважение. Он пробыл в Йарканде год. После этого, удовлетворив его желания, Ходжу с почестями отпустили [в Турфан]. На следующую зиму выступил Рашид султан, совершил набег на калмаков, убил одного из их эмиров по имени Иаран Тайши (В R 373— Баран Талиш (Таиш)) и вернулся, удостоившись звания «гази» — борца за веру. Зимой он провел в Кочкаре. [Са'ид] хан вновь с небольшим количеством людей присоединился к нему. В середине зимы туда прибыл Тахир хан, о котором ранее было упомянуто при кратком изложении о казахских ханах. После обмена послами было решено, что он приедет к хану и привезет к нему Султан Нигар ханим, которая доводилась хану тетей по отцу.

Это та самая Султан Нигар ханим, о которой ранее было сказано, что она четвертая дочь Султан Йунус хана и что после смерти Султан Махмуда мирзы б. Абу Са'ида мирзы ее выдали замуж за казахского хана Адик султана б. Джанибек хана. У этой ханим от Мирзы Султан Махмуда б. Мирзы Султан Абу Са'ида был сын — Мирза хан. Он правил в Бадахшане и скончался естественной смертью в 917 (1511—1512) году (В Л₂ 2006—928/1520). Его сын Сулайманшах мирза ныне правит в Бадахшане. У этой ханим от Адик султана родились две дочери. Старшую выдали замуж за 'Абдаллах султана б. Кучум хана, но она вскоре скончалась. Младшую в то же [472] время отдали в жены Рашид султану, о чем будет изложено. После смерти Адик султана эту Султан Нигар ханим взял [в жены] Касим хан, брат Адик султана. После /243а/ смерти Касим хана ханство досталось Тахир хану, сыну Адик султана. Он настолько почитал ханим, что предпочитал ее родной матери. Ханим была благодарна ему за такое к ней отношение, но обратилась к нему с просьбой: «Ты для меня как сын и при тебе я никогда не вспоминаю и не желаю видеть другого сына, кроме тебя. Однако я стара и у меня нет сил выносить эту кочевую жизнь (Добавлено по R 374) в степях Узбекистана. Я хочу, чтобы ты доставил меня к моему племяннику Султан Са'ид хану, чтобы я могла провести остаток моей жизни в городе и умереть спокойно, забрав под подол ноги безопасности. Но так как твои дела из-за [враждебности] мангытов (В Л₂ 201а —узбеки) не процветают и из-за их выступления твое войско, составляющее десять лаков (1000 000), уменьшилось до четырех лаков (400 000) человек и у тебя нет больше сил противостоять им, я стану посредником [между вами] и представлю тебя могольским хаканам таким образом, что между вами установятся дружеские отношения и ты окажешься в стороне от удара мангытов и дела твои наладятся».

Это предложение понравилось Тахир хану, и он направился к границам Моголистана осуществлять план перемирия. Он приехал в Кочкар к [Са'ид] хану. Ради своей почтенной тети хан поднялся навстречу Тахир хану и сказал: «Хотя по предписаниям туры я не должен вставать перед тобой, однако в благодарность за то, что ты доставил мне мою благородную тетю, мне можно и встать». Тахир хан согласно этикету подошел, наклонив голову, и поздоровался. Хан одарил его царскими подарками и обласкал милостями и благорасположением. Его сестру, дочь ханим, он сосватал за Рашид султана. Ныне она находится в его гареме и у нее есть дети. «Старший ее сын — Абу-л-Карим хан сидит на троне, творя справедливость и добро (Добавлено по Л₂ 201а). О каждом из них будет сказано в своем месте.

При возвращении [хана] Мухаммад киргиза вновь схватили, связали и привезли в Кашгар. Причиной этого было то, что с его стороны обнаружались признаки неповиновения — /243б/ он собрался прибегнуть к защите [473] узбеков. Зэ это его держали в цепях, и он освободился из заточения только после смерти хана.

Хан теперь вернулся в Кашгар, а сего раба оставил в Моголистане, чтобы усмирять народ. Но сколько бы я ни старался, киргизы, не умиротворившись, вновь ушли в отдаленные места Моголистана и примкнули к Тахир султану; только некоторые из них остались.

В этом же году у хана родился сын.

ГЛАВА 74. О РОЖДЕНИИ СУЛТАНА ИБРАХИМА, СЫНА СУЛТАНА СА'ИД ХАНА

В месяце шаввал 930 (августа 1524) года в созвездии славы засиял свет счастья,— стихи:

Свет счастья от лучей могущества
Засиял от лика твоего подобно Солнцу и Луне.
Ты сказал бы: «Одна звезда в апогее Луны,
Сияя счастьем, взошла на трон».

[У хана родился сын] и его нарекли Султан Ибрахимом. Раб божий Ходжа Мухаммад Йусуф стал его [духовным] отцом, а Баба Сарик мирза, о котором упоминалось в описании битвы при Кашгаре, стал его атабеком. [По этому поводу] он устроил великолепные торжества и празднества, какие никто из эмиров до него не устраивал. Хан любил его больше других своих сыновей. В честь его рождения были составлены хронограммы, в том числе и эта, составленная мной:

Из райского сада пришла роза в сад сердца,
Красавец-царевич, какой цветок появился!
Если скажу: «Тень Аллаха» — не удивительно,
Так как дата его рождения в слове «Зил» («Тень»)
(930/1524).

О жизни Султана Ибрахима будет рассказано в своем месте.

ГЛАВА 75. ВТОРОЙ ПОХОД ХАНА НА АНДИЖАН

С наступлением весны, когда по повелению [айата]: <«Будь!» — и оно бывает»¹ простор земли украсился розами и великолепными цветами, а соловьи цветника страсти и желания вновь запели, /244a/ доброжелатели цветника государства посоветовали хану вторично отправиться в Моголистан и принять меры по упрощению дела Рашид султан. Хан из Йарканд направился в Моголистан. Когда он достиг Кашгара, сюда из [474] Андижана прибыл его святейшество Ходжа Нуран, и хан удостоился чести целования его ног. Покинув [Кашгар], его святейшество Ходжа уехал в Йарканд, а хан направился в Моголистан. В конце лета он прибыл в Иссик Куль. Там он узнал, что калмаки близко подошли к границам Моголистана. Хан, опираясь своей радеющей об исламе душой на славный аят: <Боролись на пути Аллаха>², быстро вдел ноги в счастливые стремяна и пустился в путь. Он прибыл в Кабкалар, от которого до Иссик Куля десять дней пути. Сюда из Кашгара от моего дяди явился человек с вестью о том, что скончался Суйунджик хан и узбекские султаны остались без предводителя и если хан приедет, то более подходящего момента, чем этот, для удовлетворения давней мести не представится. Причиной того, что мой дядя остался в Кашгаре, было то, что в упомянутую весну как-то из-за жары он велел разбросать на земле свежую зеленую траву и побрызгать ее ледяной водой. Улегшись на ней без одежды, он заснул. Когда проснулся, его схватил паралич и появилось онемение языка. Между тем по пути в Моголистан в Кашгар прибыл хан и его святейшество Ходжа [Нуран] из Андижана,— стихи:

Как прекрасно! Счастье поздравляет тебя
с приездом.
Ангел, увидев твое лицо, помолился за тебя.
Что мне сказать тебе? Как хорошо, что явился
ты с дыханием Иисуса.
И одним дыханием вылечил все мои недуги.

Есть поговорка: «Если больному суждено выздороветь, то приходит незванный лекарь». Так произошло и с моим дядей. Его святейшество Ходжа Нуран занялся его лечением с помощью дыхания, подобно Иисусу. Вот почему мой дядя остался на этот раз в Кашгаре. /244b/ Услышав о смерти Суйунджик хана, он послал человека к хану. Когда тот человек прибыл в Кабкалар, хан спешно повернул назад. Его семья находилась в Иссик Куле, он поехал туда, и вместе с семьей прибыл в Кочкар Уланг, а оттуда направился в Андижан,— стихи:

Собрал он войско сверх меры,
Вновь вспыхнула месть на кончиках стрел,
Звуки гнutoго медного карная
Подняли тревогу в сердцах.
Войско, превышающее число муравьев и саранчи,
Разгорячилось, подобно огню ада.

[475] Пройдя через перевал Иси³ (В Л₁ 171a— Данши; Л₂ 202a и R 376— нет), они прибыли в Узганд. Мой дядя тоже приехал с кашгарским войском,— стихи:

Все одеты в сталь и железо,
Мстительные, способные укротить дьявола.

Они взяли сильно укрепленную крепость Узганд и оттуда прибыли в Маду. Во всем Ферганском вилайате нет крепости более прочной, чем Маду. Она тоже быстро пала под натиском ханского войска. Оттуда они отправились в Ош.

Услышав о смерти Суйунджик хана, поднялись все жители тех краев, кто бы они ни были — ученые, ремесленники, крестьяне и другие. Полагая, что после смерти Суйунджик хана среди узбеков не скоро наступит согласие, они говорили: «Пока они (узбеки) придут к какому-нибудь решению, мы займемся делами Андижана и, укрепив его крепость, уйдем в горы. Так как они будут бессильны достать нас с гор, то не смогут заняться и осадой крепости».

Однако узбеки Шайбана, услышав о приближении хана к Андижану, без предварительного согласования друг с другом выступили в путь и на седьмой день появились со всех сторон [у крепости] как муравьи и саранча. [У хана] не было времени, чтобы укрепиться и подготовиться к битве, и он был вынужден со всеми людьми повернуть обратно. В том войске [хана] было, примерно, двадцать пять тысяч человек, а узбеков — более ста тысяч. Стих:

Пока не будет какого-нибудь разумного решения дела,
Избрать путь /245a/ безопасности лучше, чем вступить в бой,
Ты не подставляй себя под стрелу врага

(Четвертая строка стиха в Т неразборчива, в других списках опущена).

Людей, которых хан снял с места, он отправил в Кашгар, а сам поехал в Моголистан, где в Утлуке — известной местности Моголистана — находилась его семья. Соединившись с семьей и оставив в Моголистане Рашид султана, хан вернулся в Кашгар и там вновь удостоился чести служения Ходжа Нурану. Эти события произошли в 931 (1524—1525) году.

[476] ГЛАВА 76. ПОСЛЕДНЯЯ ПОЕЗДКА ХАНА В МОГОЛИСТАН, ПЕРЕСЕЛЕНИЕ МОГОЛОВ ИЗ МОГОЛИСТАНА В КАШГАР И НЕКОТОРЫЕ СОБЫТИЯ, ИМЕВШИЕ МЕСТО В ТЕ ДНИ

Поскольку Рашид султан оставался в Моголистане, зимовку он устроил в Кочкаре. А Тахир хан был в Узбекистане. Произошедшие там события вынудили его уехать в Моголистан, и он близко подошел к Кочкару. К нему присоединилась половина киргизов и он дал им место по соседству с собой. Рашид султан, испугавшись этого, в разгар зимы бежал из Кочкара и ушел в Ат-Баши.

Когда весть об этом дошла до хана, он в конце зимы выехал в Ат-Баши, присоединился к своему сыну в Катилише¹ Ат-Баши и этим успокоил людей. Весной узбеки ушли в восточную часть Моголистана, т. е. к Хассу и Кункашу².

Киргизы, остававшиеся с Рашид султаном, также желали присоединиться к киргизам, примкнувшим к узбекам. Хан оставил сего раба при Рашид султанине, а сам уехал из Иумгала и Кочкара в Ат-Баши. Хан уехал в Кашгар для того, чтобы собрать всех людей вместе, чтобы они воочию видели, что дело между ним и узбеками налаживается. А меня он оставил в Моголистане, чтобы я следил там за порядком среди людей. /245b/ Я находился при Рашид султанине до возвращения хана. Когда хан вернулся вместе со своей семьей из Кашгара и присоединился к нашим людям, он отправил меня в Кашгар с поручением привезти в Моголистан его благородную тетю Султан Нигар ханим, <чтобы она стала посредницей между ханом и Тахир ханом в мирном разрешении конфликта (Добавлено по Л₂ 202b). > Я уехал в Йарканд и привез ханим в Моголистан (Добавлено по R 378). Хан находился в Аксае.

Еще до моего возвращения хан узнал, что киргизы откололись от узбеков, и счел целесообразным подчинить их. Хан выступил из Аксае. Когда они проехали одну стоянку, Рашид султан заболел. Его святейшество Ходжа [Нуран] оказался там на прогулке. Когда его благословенная нога и оживляющее дыхание достигли того места, то та болезнь в три дня сменилась выздоровлением.

Я привез ханим и, вручив ее людям, спешно направился к войску и прибыл в тот день, когда хан снялся с той стоянки. Сей раб удостоился чести целования [477] стремени его святейшества Ходжа Нурана и служения ему. Господин Ходжа с почестями благополучно вернулся назад, а хан выступил в поход и прошел расстояние сорокадневного пути за двенадцать дней. Подробности этого следующие.

Когда мы прибыли в Ак Куйаш (Приведено по Л₁ 171b, Л₂ 203a (в Т — Ак Кутас, R 379 — Ак Кумас)), хан отправил меня с пятью тысячами человек сопровождать Рашид султана [в походе] против киргизов, которые находились в Аришларе. Прибыв туда, [мы увидели только] юрты и жилища киргизов; казалось, что они бежали со беем своим скарбом. Кое-что из их снаряжения и вещей было разбросано по сторонам. Мы предположили, что они, видимо, получили известие о нас. Но когда мы прошли дальше, то увидели несколько трупов убитых людей, лошадей и много поломанных стрел, валявшихся вокруг. Мы нашли одного полуживого человека, от которого узнали, что сюда явился Бабачак султан из Кусана и напал на киргизов. За три дня до нашего прихода произошло большое сражение и Бабаджак султан потерпел поражение. Киргизы, отослав свои семьи к узбекам, пустились в погоню за Бабаджак султаном. /246a/ Когда мы продвинулись еще вперед, то обнаружили около ста тысяч овец киргизов и увели их с собой. Поскольку киргизы присоединились к узбекам, то мы не стали преследовать их, вернулись назад и примкнули к ханской свите. Основной целью похода было [наказание] киргизов, а не наступление на узбеков, поэтому мы вернулись назад. За этим походом осталось название «овечье войско».

Что касается Тахир хана, то у него в то время было двести тысяч человек — его счастливые дни клонились к упадку, и его войско от десяти лаков (миллион) уменьшилось до двухсот тысяч. Он становился все более суровым и жестоким, поэтому сердца известных султанов отвернулись от него. У него был брат по имени Абу-л-Касим султан. Люди считали, что жестокости Тахир хана исходят от него, и однажды они разом покончили с ним рукою насилия. Все люди вмиг разбежались от [Тахир хана], так что кроме сына у него никого не осталось. И эти двое тоже бежали и примкнули к киргизам. Весть об этом дошла до хана, когда он

уже прибыл в Кашгар.

Причиной приезда хана [в Кашгар] было сообщение моголов о том, что киргизы объединились с узбеками [478] и что последние намереваются осесть в Моголистане. <Хан знал, что у него нет (Добавлено по R 379) достаточных сил для того, [чтобы противостоять] большому количеству узбеков, и оставаться им этой зимой в Моголистане было опасно. Вот почему хан привез в Кашгар Рашид султана и всех моголов Моголистана. В Кашгаре они узнали о беспорядках среди узбеков. Поскольку был конец весны, то возвращаться в Моголистан было трудно, и они остались в Кашгаре. До прихода весны Тахир хан, присоединившись к киргизам, увел тех, которые оставались в Ат-Баши, вместе с табуном [лошадей] моголов, находившихся в Моголистане.

ГЛАВА 77. О ПРИЧИНЕ БЕГСТВА БАБА СУЛТАНА И О КОНЦЕ ЕГО ДЕЛА

Баба султан, о котором уже было упомянуто — сын Султан Халил султана, брата хана. /2466/ Он был совсем маленьким, когда его отца утопили в реке Ахси в 914 (1508) году [по приказу] Джанибек султана. Впоследствии, когда хан взял Андижан, этот Баба султан находился в свите хана и пользовался таким уважением и почетом, что стал объектом зависти [собственных ханских] сыновей. Ходжа 'Али бахадур атака — опекун Баба султана, о котором уже упоминалось, притязал на Моголистан, предложив отправить туда Баба султана. Мой дядя изменил [его план] и возложил это дело на Рашид султана. На это Баба султан обиделся и сколько бы хан ни оказывал ему милостей, обида его росла изо дня в день, и по мере того, как росли успехи Рашид султана, все больше скручивалась жила зависти Баба султана. Вместе с тем действовали и коварные люди, которые бывают везде и сеют семена раздора на ниве сердец и сколько бы он ни размышлял, ничего не оставалось делать, как бежать.

Был некто по имени Мазид, человек дурного поведения. Хан относился к нему благосклонно, однако тот не справился с тем делом, которое хан ему поручил, и хан убрал его с той должности. Поскольку свое пребывание в Кашгаре он посчитал невозможным, то стал возлагать надежды на Баба султана и внушил ему всякий вздор. Баба султан из-за юношеского самомнения, и более всего по незнанию и неопытности, которые затмили его ясный ум, принимал это за правду. Среди [479] вздорных заявлений [Мазида] было и такое: «Ваше высочество султан с такими способностями [правителя] убивает впустую время в Кашгаре. Весь мир ищет доброго царя. Куда бы Вы ни пошли, Вас везде люди примут как государя с тысячью благодарностей, в том числе и Султан Вайс и Хатлане Хисара. Из-за того, что он не встретил хорошего государя, он сам сел на [трон] на свой страх и риск, но никто ему не подчиняется. Если Вы поедете к нему, то он Вас сделает государем и Ваше дело пойдет дальше. <Он возьмет весь /247а/ Бадахшан и так устроит дела, что и представить себе нельзя (Приведено по Л₂ 204а). Факт, что царствование в Хорасане и Мавераннахре более значительно, чем в Кашгаре и Моголистане. <И Вы можете добиться его» (Добавлено по R 380). И он нес подобные этому небылицы. Поскольку он не переставал об этом твердить, это понравилось Баба султану. Обольстившись его словами и нескольких подобных ему людей, зимой вышеупомянутого года он бежал из Йарканда. Хан же не стал устраивать за ним погони и сказал: «Если он найдет лучшего, чем я, хана, то пусть будет счастлив, а если нет, — то вернется».

Баба султан бежал к Султан Увайсу, — <тот не удостоил его внимания (Добавлено по Л₂ 204а), — оттуда в Бадахшан. Здесь он понял, что все, что ему наговорили, не соответствует действительности, и что те подлые люди говорили ему все для собственной выгоды. Сожалел [о случившемся], он вернулся в Кашгар. Но хан теперь не желал его возвращения, о чем вскоре будет написано. Поневоле он повернул назад и отправился в Индию. Там он тоже не удержал вожжи сдержанности. Бабур Падишах отдал ему Рухтак, являющийся значительным городом Хизар-Фирузы, но и здесь он повел себя дурно. Вскоре у него начался понос, который перешел в тяжелую болезнь и там же в 937 (1530—1531) году он скончался в возрасте двадцати четырех лет. Из-за того, что хан баловал его в детстве, ни один учитель не смог обучить его и он остался неучем, — стихи:

Какой-то царь отдал сына в школу,
Серебряную доску он поставил рядом.
Написал он золотом на доске
«Наказание учителя — лучше любви отца».

[480] Эти стихи подходят к нему. Однако он не был лишен дарования: метко стрелял и беседы с ним были приятными. Вначале он очень дружил со мной и был привязан ко мне настолько, что мы жили в одной палатке во время походов, а в городе — в одной комнате, потому что его тетя была замужем за мной, а моя сестра — за ним. По этой причине мы всегда запросто общались друг с другом. А его поступок произошел из-за совета моего дяди отправить в Моголистан Рашид султана, и у него возникли /247б/ враждебные чувства к хану. Сколько бы я ни уговаривал и ни упрекал его — все было бесполезно, и наша дружба стала слабеть. Когда он вернулся назад [из Бадахшана], хан послал меня сказать ему, чтобы он убирался. [Когда мы встретились, Баба султан] очень раскаивался и просил прощения, [говоря]: «Я противопоставил верным твоим советам дурные поступки и ложь дьяволов, испытал то, что должен был испытать» и когда я уходил, прочел это руба'и:

Хотя я совершил множество проступков,
Надеюсь, что твоя благосклонность поможет мне.
Ты говорил. «В день невзгод я окажу тебе поддержку».
Не жди более несчастного дня, чем сегодня.

Однако из-за того, что времени было мало, [мои советы] не помогли. Стих:

Если ты упустил время.
Сожаления твои уже не помогут тебе.

На этот раз я нашел его весьма подавленным и удрученным. Я надеялся что его поведение также изменится к лучшему. Однако в Индии, куда он уехал, он изменился в худшую сторону. Стихи:

Берегись плохого родственника, берегись!
Защити нас,
Господь, от мучений адского огня.

Его тело привезли из Рухтака в Бадахшан и похоронили в гробнице Шах Султан Мухаммада Бадахши, который доводился ему дедушкой.

ГЛАВА 78. УПОМИНАНИЕ О ШАХ МУХАММАД СУЛТАНЕ И О КОНЦЕ ЕГО ДЕЛА

Шах Мухаммад был сыном Султан Мухаммад [султана] сына Султан Махмуд хана, сына Йунус хана. В то время, когда Шахибек хан убил Султан Махмуд хана вместе с его [другими] сыновьями, о чем было [481] упомянуто, этот Шах Мухаммад султан был ребенком. Один из эмиров Шахибек хана сжалился над ним не убил его и спрятал. Когда Шахибек хан был убит и Бабур Падишах завоевал Мавераннахр, этот узбекский эмир устроил Шах Мухаммаду побег и отправил его к Падишаху, и он пребывал в услужении у Падишаха. Когда же Падишах вторично направился /248a/ в Кабул из-за нападения узбеков, Шах Мухаммад султан остался в Бадахшане при Мирзе хане. Услышав о завоевании Кашгара, он поехал служить к [Са'ид] хану. Хан соответственно [содержанию] стиха,—

Покрой тенью [покровительства] голову лишившегося отца,
Сдуй с него пыль и вытащи из него колючки
Когда заметишь, что сирота опустил голову.
Не целуй [при нем] лица своих детей,—

любил его больше своих, детей и окружил его постоянным отеческим вниманием. Он всегда жил в особой комнате для детей, а когда достиг юношеского возраста, то в доказательство своей любви к нему хан выдал за него замуж Хадичу Султан ханим, свою родную сестру. Между мною и им установились такие дружественные отношения и была такая крепкая любовь, что — стихи:

Я стал им, а он — мною
Одна душа в двух телах

Большую часть времени мы проводили в беседах друг с другом. Шах Мухаммад султан, Баба султан и сей раб постоянно в течение девяти лет находились вместе на службе у хана подобно зубцам [буквы] «син» в [слове] «Са'ид», никогда не разлучались и не отказывались ни от каких дел. Все, что мы имели из имущества, не считали собственностью только одного из нас, и все мы одинаково распоряжались им как полноправные владельцы. Если кто-то из нас совершал доброе дело, другой принимал это как должное. Если же кто-то допускал бестактность, другой не требовал от него извинений. Одним словом, что бы ни исходило от каждого из нас, мы были довольны друг другом. Вот о такой дружбе стих:

Если ты обидишь его он не потребует от тебя извинений,
Если ты окажешь ему услугу, он не поблагодарит тебя.

И действительно, в течение девяти лет такая любовь была прочной, а дружба непоколебимой. Но из-за [482] превратностей судьбы и изменчивости неба, как сказано об этом /248b/ в стихе:

Красавицы проявляют любовь, а также соблюдают верность. Однако ты не привязывайся душой к той любви, так как
они проявляют и жестокость

Не будь беспечным, ибо ты знаешь,
что ангелы небесные
Как соединяют друзей, так и разъединяют

Никогда два друга не соединялись так, чтобы кинжал разлуки не разрезал бы их связь, и ничто не могло помешать судьбе внезапно разъединить их,— стихи:

Где бы я ни привязывался душой, я становился пленником
разлуки.
С кем бы я ни связывался, он спешил покинуть меня

Подтверждением этих слов является то, что когда Баба султан бежал [в Бадахшан], о чем уже было сказано, то весной после той зимы с Шах Мухаммад султаном произошло странное дело. Вот подробности этого. В то время здесь был юноша по имени Баба Саййид, сын сестры Мирзы Мухаммад бекджака, и у Шах Мухаммад султана возникло к нему душевное влечение. Тот юноша, с самого начала преступив пределы умеренности, как бутон разорвал рубашку целомудрия и, подобно розе, не побоялся колючек упрека. И любовь между двумя сторонами окрепла. Сколько бы хан и я ни увещевали его и ни проявляли строгости, все было бесполезно. Страсть Баба Саййида от этого не проходила и он не успокаивался. Он стал подстрекать [Шах] султана на царство. Об этом пошли разговоры среди людей и каждый требовал обещаний и обязательств. Это дело с каждым днем разгоралось и закончилось тем, что кроме как изгнания [Шах] султана [из страны] другого выхода не осталось. Стихи:

Когда советы и наставления не действуют,
Дело доходит до применения силы.

Шах Мухаммад султана вместе с Баба Саййидом и несколькими мулазимами отправили в Каратегин. Для их сопровождения им дали двух эмиров эмира Мухаммади барласа и эмира Джанака. /249a/ В пути эмир Джанака проявил враждебность, хотел где-то арестовать Шах султана и по этой причине Мухаммади схватил его. Баба Саййид побуждал Шах Мухаммад султана освободить эмира Джанака, [говоря]: «Он подвергся этому [483] страданию ради твоего благополучия. Его надо силой освободить из рук Мухаммади [барласа]. Что может сделать с тобой Мухаммади?» Шах [Мухаммад] султан, обманутый этими словами, вернулся назад к людям, которые, опасаясь этого, вооружились. Шах султан крикнул им: «Освободите эмира Джанака!» Те ответили: «Кто бы ты ни был, уходи, в противном случае мы будем стрелять». [Шах] султан услышал эти слова, но не внял им и, как говорят: «Ночь темна — султан несправедлив», эти люди <боясь за себя (Добавлено по Л₂ 205a), стали стрелять. Одна стрела попала в грудь султана: он отступил, прошел немного <и свалился, подобно кусту розы (Добавлено по Л₂ 205a). Мухаммади забрал эмира Джанака, оставил Шах султана и вернулся, испуганный случившимся и растерянный, не зная, что делать дальше и как он будет [отвечать] за дело, совершившееся без приказа и с таким позором. Среди людей началось волнение. Некоторые из тех, кто дал тот совет [Шах] султану, бежали, а некоторых [Са'ид] хан успокоил обещаниями и клятвами.

Между тем Баба султан, который до наступления зимы бежал в Хатлан и Кундуз, узнал, что все то, что говорили Мазид и другие, было сущим вздором, выдумкой и бессмыслицей. Раскаившись, он вернулся назад. Хан отправил меня к нему навстречу и я вернул его назад и, снарядив, как удалось, необходимым для дороги простился с ним. Об этом уже было сказано.

Жена Шах Мухаммад султана Султан Нигар ханим, сестра хана, Даулат Султан ханим, которая доводится хану теткой по отцу, и Зинат Султан ханим — тетья Шах Мухаммад султана по отцу и жена хана, все приступили к хану с требованием: «Зачем ты приказал убить Шах Мухаммад султана?» Хан, раздраженный, поклялся в том, /249b/ что он не давал приказа. Они сказали: «Тогда отдай нам Мухаммади, чтобы мы могли отомстить ему за [Шах султана]». Хан согласился.

Мухаммади обратился ко мне и моему дяде за защитой. Он находился на службе у Рашид султана, и тот попросил меня, чтобы я постарался спасти его. Я взялся за это и все представил хану в лучшем виде: [Я сказал] «Султаны, которые были Вашими братьями, все ушли. Остался только один султан [Мухаммади] — он Вам как сын. Он подвергся обиде и сей раб тоже [484] терпит обиду из-за Мухаммади, который имеет родственную связь [со мной]». Хан поручил мне ведение этого дела.

Упомянутые ханумы, которые все были моими тетками по матери или их дочерьми, начали спорить, ругать меня и осуждать. Они говорили: «Что стоят узы родства с барласом, из-за которых ты проявляешь беспечность в таком важном деле? По родству Шах Мухаммад султан во много раз ближе тебе, чем он, потому что [Мухаммади] является сыном дяди твоего отца по матери, а Шах Мухаммад — сын твоего дяди по матери и к тому же твой друг. Твоя двоюродная сестре Хадича Султан ханим — его жена. Сестра его жены — дочь его дяди по отцу — твоя жена. Какой смысл изо всего этого держаться стороны Мухаммади?» Так как существуют небесный рок и божественное предопределение, я не внял ушам согласия этим верным словам своих родственников, променял правду на ложь и, не согласившись на месть, передал Мухаммади моему дяде, который укрыл его в горных ущельях Кашгара. По этой причине между мной и родственниками

возникла такая обида, что мы на некоторое время перестали общаться между собой. Как бы мне ни было трудно и тяжело, но я спас Мухаммади от рук ханумов и, тем самым, создал [будущего] палача для моего дяди и его детей,— полустишие: «Я создал себе беду». Я вновь и вновь повторяю: «Господи, помилуй меня!» Поскольку я поступил неправильно, то всеславный и всевышний Господь направил того же самого Мухаммади против нас. Поистине, несправедливость наносит только вред и урон. Тот же самый Мухаммади, которого я и мой дядя спасли от гибели, /250a/ не упустил мгновения в [своем старании] предать смерти моего дядю и его детей и уничтожить меня и мой дом, в котором за четыреста лет не было никаких нарушений. Пророк говорит: <Кто содействует притеснителю, над тем Господь установит власть того>. Посланник божий прав: делать добро плохим людям равносильно тому, что причинить зло хорошим. О боже, о боже! Прибегаю к твоей защите, чтобы я по мирским соображениям не совершал вредного дела и, тем самым, позабыл бы о загробной жизни; молю тебя о том, чтобы ты не возлагал на мои плечи дела, на исполнение которых нет твоего согласия; оставь меня самого по себе и оберегай от воздействия внешнего мира и его зла; поддержи меня содействием и помощью [485] мусульман и <избавь меня от бед притеснителей и разбуди от сна беспечных своей милостью, о всемилостливейший и милосердный>!

ГЛАВА 79. ВЫСТУПЛЕНИЕ РАШИД СУЛТАНА И АВТОРА СО СВЯЩЕННОЙ ВОЙНОЙ НА БАЛУР

По причине случившегося с Швх Мухаммад султаном дела среди моих родственников возникла размолвка. Зимой того же года хан приказал Рашид султану и мне выступить со священной войной на Балур. Чтобы на некоторое время удалиться от родственников, мы поспешно выступили на священную войну.

Балур — страна неверных. Большинство его [населения] живет в горных селениях, ни у кого из них нет религии и вероисповедания, они ничего не признают и ничего не избегают. Они делают все, что хотят и что им нравится. Балуристан на востоке граничит с Кашгаром и Йаркандом, на севере — с Бадахшаном, на западе — с Кабулом и Ламганом¹, на юге — с Кашмиром. В округности он составляет четырехмесячный путь. Весь он представляет собой горы, ущелья и теснины, и можно сказать, что во всем Балуристане не найдется и одного фарсаха ровной местности. Население его многочисленно. Ни одно поселение не живет с другим в мире; /250б/ они ведут постоянные войны между собой, которые большей частью ведутся так: их жены заняты хозяйством и полевыми работами, а мужчины — боями. Приготовив еду, жены приносят ее на место боев и с наступлением обеда заключается перемирие. Мужчины расходятся по домам, обедают и вновь возвращаются на поле боя, где сражаются до вечера. Вечером женщины вновь приходят к ним и устанавливают перемирие до восхода солнца — каждый возвращается к себе домой. Иногда перемирие не заключается, тогда, укрепившись дома и выставив на ночь караул, они соблюдают осторожность. Так проходит их жизнь.

Поскольку равнин и пастбищ там мало, то мало и скота; в небольшом количестве там держат коз и овец, из шерсти которых изготавливают одежду, и коров — для молока и масла: больше у них ничего нет. В каждом ущелье и у каждого племени свой язык и они не знают языка друг друга. Из-за того, что между ними ведутся постоянные войны, среди них мало людей, видевших другие места кроме своего села. В Балуре есть хорошие сады и множество фруктов, особенно хороши [486] гранаты — они в изобилии и очень вкусные. Есть один сорт граната, который, кроме Балура, нигде больше не встречается. Зерна у него белые, прозрачные, чистые, сладкие и приятные на вкус. Здесь также много меда.

Одним словом, ту зиму мы провели в Балуре и вели там тяжелые бои. Победа оказалась на нашей стороне, так что весной мы невредимо и с добычей вернулись и прибыли в Сариг-Чупан. Пятую часть добычи мы отложили [для хана], она составила более тысячи рабов.

Ранней весной 934 (1528) года мы прибыли к хану. В то лето Султан Нигар ханим, о которой немного уже было сказано повсюду в этой книге, скончалась от кровавой лихорадки, <да простит Аллах ее дурные поступки>. Я /251a/ нашел хронограмму ее смерти в слове «ху'лдаш» (934/1527—1528) — да будет ей рай.

ГЛАВА 80. ВТОРОЙ ПОХОД [САЙД] ХАНА НА БАДАХШАН И ПРИЧИНЫ СОБЫТИЯ, ПРОИСШЕДШИХ В ТЕ ДНИ

В 935 (1528—1529) году Бабур Падишах вызвал Хумайуна мирзу¹ в Индию. Это произошло так: Мирза хан б. Султан Махмуд мирза б. Абу Са'ид мирза скончался в Бадахшане, как уже было сказано. Он оставил после себя малолетнего сына по имени Сулайман. Бабур Падишах забрал его к себе, а Бадахшан отдал своему старшему сыну Хумайуну мирзе. Хумайун мирза правил в Бадахшане с 926 (1519—1520) по 935 (1528—1529) год.

В то время, когда [Бабур] Падишах покорил Индию и удалил из сада своих владений колючку бедствия от врагов, двое его сыновей — Хумайун мирза и Камран мирза — достигли поры юности. Камрана мирзу он оставил в Кандагаре, а Хумайуна мирзу вызвал к себе на тот случай, если вдруг с ним что-то случится, чтобы один из его сыновей находился при нем и чтобы рядом с ним был его преемник. По этой причине он вызвал Хумайуна мирзу в Индию. Однако жители Бадахшана сказали Хумайуну мирзе: «Бадахшан близко расположен к узбекам, а у узбеков на душе давняя ненависть к Бадахшану. Эмирам же не под силу защитить его». Хумайун сказал: «Вы говорите правду, но невозможно нарушить приказ отца, я постараюсь как можно

быстрее отправить сюда одного из братьев». Успокоив этим народ, он уехал в Индию. Вскоре после его отъезда народ потерял надежду и эмиры Бадахшана, такие, как Султан Увайс и другие, [487] послали гонца к небоподобному дворцу (Са'ид) хана с таким заявлением: «Хумайун мирза уехал в Индию, оставив вилайат Факиру 'Али. А Факир Али не сможет справиться с узбеками и спокойствие в Бадахшане /2516/ не наступит. Если бы хан в такое-то время явился — это то, что нужно, в противном случае мы приведем узбеков. Если узбеки направятся сюда, то никто не сможет противостоять, а если мы обратимся к ним с просьбой до их нашествия, то, возможно, это спасет нас. Кроме того, вилайат Бадахшан благодаря Шах Бегим, которая доводится бабушкой хану, принадлежит ему по наследству. Сейчас в мире нет человека, более достойного по праву этого наследства, чем хан». Они отправили столько подобных заверений, что хану стало ясно: если он не приедет к ним, то они обратятся к узбекам. В начале мухаррама 936 (начале сентября 1529) года хан направился в Бадахшан, а Рашид султана оставил в Йарканде.

По той причине, что Тахир хан остался один, как было упомянуто прежде, и зимой его люди киргизы рассеялись, хан проявил к нему великодушие и ничего не сказал. Когда он на некоторое время вернулся к киргизам, то вокруг него вновь собралось около двадцати трех тысяч узбеков, и он метался повсюду, где было возможно. Из осторожности [Са'ид хан], уезжая, оставил в вилайате Кашгар Рашид султана. Когда [Саид] хан прибыл в Сариг-Чупан, он послал меня вперед в качестве головного авангарда, а сам пошел следом. Сей раб приехал в Бадахшан и узнал, что Хиндал мирза, младший сын [Бабур] Падишаха, отправленный Хумайун мирзой из Кабула, прибыл и вошел в Кала-йи-Зафар за одиннадцать дней до [моего приезда]. Поскольку был сезон Козерога (декабрь) <и стояла сильная стужа (Добавлено по Ла 2076), то возвращаться назад было трудно. Мы дошли до Кала-йи-Зафар. Сколько бы мы не вели переговоры предлагая им отдать некоторые районы Бадахшана и говоря, что в конце зимы вернется хан, они не верили нам и подумали, что это обман. В конце концов мы решили напасть [на крепость]. До прибытия хана я обчистил окрестности Кала-йи-Зафар, забрал людей и все, к чему можно было приложить слово «вещь». Через несколько дней приехал и сам [Са'ид] хан. Он осадил Кала-йи-Зафар в течение трех месяцев, а из его [488] окрестностей /252a/ люди хана вынесли все, что осталось после меня.

В конце зимы многие эмиры, отправлявшие гонцов [к хану], поспешили к нему с извинениями: «Если бы Хиндал мирза не приехал, мы во всяком случае приступили бы к службе хану». Хан [на это] ответил: «У нас не было намерения враждовать с Бабур Падишахом; вы мне посылали настоятельные уведомления о том, что подчинитесь узбекам, а приход узбеков в Бадахшан причинил бы ущерб обеим сторонам. Вот почему я приехал. Раз так, то пусть каждый возвращается к себе». Хан оставил Кала-йи-Зафар и уехал в Кашгар.

Когда весть о прибытии хана в Бадахшан дошла до Индии до [Бабур] Падишаха, он очень огорчился и после долгих размышлений и раздумий отозвал Хиндала мирзу и, отправив Сулайманшаха мирзу [в Бадахшан], написал [Са'ид] хану: «Даже при наличии каких-то прав, это дело кажется несколько странным. Мы отозвали Хиндала и послали Сулаймана. Если эмиры признают право наследования, то пусть они, проявив благосклонность, отдадут Бадахшан Сулайманшаху, который мне и Вам как сын. Так будет лучше. В противном случае я снимаю с себя ответственность».

Когда Сулайманшах мирза прибыл в Кабул, он узнал, что [Са'ид] хан ушел [из Бадахшана] незадолго до этого. Согласно распоряжению Хиндал мирза сдал Бадахшан Сулайманшаху мирзе, а сам отправился в Индию. С того времени и по сей день Сулайманшах мирза правит в Бадахшане.

В начале весны [Са'ид] хан прибыл в Йарканд. Мой дядя по дороге заболел и когда он прибыл в Кашгар, у него оказалось несколько недугов: лихорадка, астма и постоянный жар. Лекарши, как господин Ходжа Нураддин, Абдалвахид Тахури, Кази Шамсаддин 'Али Кар-таиб и другие, были бессильны вылечить его. Его болезни дошли до такой степени, что <все уже потеряли надежду (Приведено по Л₂ 208a) на выздоровление. Тем временем из Турфана приехал его святейшество Махдуми Нуран, <да приветствует его Аллах>. /2526/ Причиной его поездки в Турфан было то, что Мансур хан как-то попросил его удостоить их своим приносящим счастье посещением. Обычаем его святейшества Нурана было то, чтобы к целованию его высокого порога спешили сами его [489] почитатели, однако данный случай имеет свое объяснение,— стихи:

С одной стороны твое достоинство будет ущемлено,
С другой — какая же это честь для нас.

Согласно просьбе Мансур хана его святейшество Ходжа Нуран поехал в Турфан, освежил прозрачной водой встречи всех своих почитателей тех мест, жаждающих в долине своих желаний, и вернулся в Кашгар,— стихи:

Как хорошо! Счастье сказало твоему приходу.
«Добро пожаловать»,
Ангел, увидев твой лик, сделал добрые пожелания.
Что мне сказать тебе? «Добро пожаловать, о обладающий
дыханием Иисуса,
Одним дуновением ты вылечил все мои болезни».

Состояние моего дяди дошло до того что он ежеминутно терял сознание. Части внутренних органов стали выходить с желчью. Приехав, его святейшество стал ухаживать [за моим дядей]. Через некоторое время приступы болезней стали ослабевать. Все что было сделано для лечения, принесло пользу. Поистине правдой является то, что [выздоровление] произошло не от лечения, а благодаря исключительному чуду и чистой святости, ибо болезнь дошла до такой степени, что естество ослабло, силы истощились, организм перестал принимать лечение и начал терять силу сопротивления болезни. А что тут может сделать лекарь?— Значит, это было исключительное дело.

Тем временем между его святейшеством Ходжа Нураном и господином Ходжа Мухаммад Йусуфом — его младшим братом, возникла размолвка из-за несоблюдения правил учтивости. Разрыв этот усугублялся. Однажды я пришел к Ишану [Ходжа Нурану] — у него сидел господин Ходжа Мухаммад Йусуф, а Ишан был в гневе. После того, как я сел, его святейшество Ходжа Махдуми Нуран /253a/ сказал: «Мухаммад Йусуф, почему ты поступаешь так? Если ты мюрид нашего отца, то я — мюрид Хазрата Ишана, т. е. Ходжа Убайдаллах Ахрара, <да освятит Аллах тайну его>, и, кроме того, у меня много [других] преимуществ перед тобой. Ты сосал молоко вместе с моим старшим сыном. Не говоря уже обо всем этом, меня поддерживает посланник божий и ты не можешь идти против меня». Господин Ходжа Мухаммад Йусуф сказал: «Я тоже надеюсь на его величество [пророка], <да благословит Аллах его [490] и приветствует>». Тогда его святейшество Ходжа Нуран спросил: «Ты согласен, чтобы посланник, <да благословит его Аллах>, разрешил наш спор?» Ходжа Мухаммад Йусуф ответил: «Да, согласен» Его святейшество Ходжа сказал: «Я тоже согласен» и больше ничего не произнес. На этом встреча закончилась. Его святейшество Ходжа Нуран в тот же день уехал в Бадахшан.

Однажды ко мне явился один человек и сказал. «Ходжа Мухаммад Йусуф болен и просит тебя придти». Я пошел к нему и увидел, что у него жар. Ходжа сказал мне: «Я знаю, что Ходжа Хованд Махмуд уже давно занялся мною. До этого от [духа] посланника, <да благословит его Аллах и приветствует> я получал поддержку. А теперь не знаю, что случилось — от тех милостей не осталось и следа. Я уверен, что не избавлюсь от этой болезни. Ходжа Хованд Махмуд—мой брат, более того, он мне вместо отца и он не должен был поступать так строго. Он предал забвению братские и отеческие чувства и любовь. Как жаль, тысячу раз жаль!» Он сказал еще несколько подобных слов, привел еще несколько историй и поручил мне своих домочадцев. Он подарил мне на память узбекский халап из верблюжьей шерсти и пояс. Сколько бы я ни пытался рассеять его мрачные мысли, пользы не было; он сказал: «В этом я твердо убежден и нет никакого сомнения». На шестой день его болезни четырнадцатого числа месяца сафара 937 (7 октября 1530) /253b/ года его святая душа переселилась в райский сад, <да помилует его Аллах>, простит его и благословит. Я нашел хронограмму [его смерти] в словах: «Таир-и бихишти» («Птица рая» — 937/1530). Хан отправил меня к его святейшеству Махдум-и Нурану. Я поехал и умолял его вернуться. Он великодушно внял просьбе и вернулся. Хан выехал ему навстречу и, склонив голову к его ногам, принес глубокие извинения, совершил при нем траур по Ходжа Мухаммад Йусуфу с пожертвованиями, угощением простого люда и чтением Корана в память покойного.

Однако Ходжа Махдум-и Нуран предпочел Йанги-Хисар. Хан тоже для служения ему выехал из Йарканда в Йанги-Хисар и провел там зиму. Почитатели и слуги ханского дворца ту зиму провели там вместе с ним и воочию видели с его стороны (Нурана) необыкновенные дела. Хан продолжал служить ему.

[491] ГЛАВА 81. УПОМИНАНИЕ О ПРИЧИНАХ РАЗРЫВА МЕЖДУ [СА'ИД] ХАНОМ И ИМИН ХОДЖА СУЛТАНОМ

Изложение деталей этого события — долгая история, их растягивание задержит главное. Одним словом, вот краткое содержание этих событий: Мирза 'Али Тагай, о котором было сказано при упоминании похода на Кашгар, питал к моему дяде, <да покроет его Аллах своим прощением>, беспредельную зависть и злобу, но внешне это не проявлялось. Сколько бы он ни старался клеветой и доносами воздействовать на хана — ничего не получалось. Как уже было упомянуто, хан выдал замуж за Имин ходжа султана дочь моего дяди и у них родились прекрасные дети. Этим полностью окрепли узы союза между моим дядей и султаном.

В голове Мирзы 'Али Тагая созрел коварный замысел: поскольку он не смог вмешаться в дело между ханом и мирзой —[моим дядей], то ему следует заняться Имин ходжа султаном и поднять пыль разлада между братьями [Имин Ходжой и Са'ид ханом], авось это поможет его цели, потому что если [мой дядя] Саййид Мухаммад мирза станет на стороне своего зятя [Имин Ходжи] и его детей, /254a/ то он должен будет порвать с ханом. Это как раз отвечало его (Мирза 'Али Тагая) намерениям. Если же [мой дядя] будет держаться стороны хана, то тем самым он закроет глаза отеческой любви на Имин Ходжа султана и его детей. Следовательно, и в этом случае [Мирзе] будет причиной беспокойство — дело Имин Ходжа султана расстроится, а [у Мирзы] исчезнет опора [в лице хана]. Руководствуясь этими соображениями, он приступил к делу и своими наущениями добился того, что Имин Ходжа султан стал опасаться хана, а хан — его.

Вот краткое изложение тех подробностей: когда [хан] выступил на Андижан, о чем уже было упомянуто прежде, [Мирза 'Али Тагай], выбрав удобный момент, намекнул Имин Ходжа султану: «Испытывая к Вам расположение, я стал замечать, что хан изменил к Вам свое отношение: он хочет посадить на Ваше место своего сына Рашид султана и <отдать ему (Добавлено по Л₁ 177a) область Аксу. Вы теперь, поверив моим словам, должны соблюдать благоразумие и осторожность в своем деле». Хану же он постоянно твердил:

«Имин Ходжа султан без всякой причины опасается Вас. Возможно, что он прибегнет к [492] помощи Ваших противников». Но хан не верит этому. Тогда [Мирза 'Али Тагай] говорит: «Если мои опасения верны, доказательством тому явится то, что Имин Ходжа султан в этом году совершит такое-то дело». И [Мирза 'Али Тагай] тайно посылает человека к [Имин Ходжа] султану и сообщает: «Сейчас время сделать такое-то дело». [Имин Ходжа] совершает это дело по своей простоте и глупости. Тогда Мирза 'Али Тагай докладывает [хану], что, мол, я доводил до вашего сведения, что Имин Ходжа султан сделает в этом году такое-то дело: теперь мое предположение подтвердилось.

С той поры, когда хан выступил на Андижан, и до последнего времени, что составило шесть лет, такого рода дела происходили не раз и из-за того, что слова [Мирзы 'Али Тагай] подтвердились — хан совершенно изменил свое отношение к Имин Ходжа султану. Сколько бы мой дядя и я ни упрекали за это Имин Ходжу султана и не допытывались: «Почему ты так поступил?» — он не давал нам ясного ответа, /2546/ причина этого была нам не известна.

В конце концов выяснилось, что все это было подстроено Мирза 'Али Тагаем. Когда Мирза 'Али Тагай увидел, что здоровье хана ухудшилось, он доложил: «Поскольку пребывание Имин Ходжа султана в Аксу может явиться причиной смуты, то будет лучше, если назначить на его место Рашид султана, а ему дать для управления какие-нибудь районы Бадахшана, и это будет в интересах государства. Однако я опасаясь, как бы мирзы не обиделись на меня. Если они согласятся, то это было бы самым подходящим для ханского благополучия, но, думаю, будет трудно сказать об этом мирзам» — под мирзами он подразумевал моего дядю и меня.

Хан сначала рассказал об этом мне. Я сказал: «В чем состоит преимущество Имин Ходжа султана перед другими слугами Вашего величества, чтобы от смещения его зависели бы интересы государства? Я не согласен, поскольку родственные отношения его одинаковы со слугами Вашего величества. Если дочь моего дяди его жена и у него есть дети, то дочь моего дяди по матери находится в Вашем гареме, и эти оба дела равнозначны. Вот уже двадцать три года, как я нахожусь у вас на службе и Вы отличаете меня среди других родственников по-отечески и по-братски разного рода дарами и любовью. Как я могу противопоставлять интересы Имин [493] Ходжа султана Вашим? Как бы то ни было, мною сделано то, что необходимо для блага государства».

После этого хан повел разговор об этом и с моим дядей. Мой дядя сказал: «Вашему светлому уму известно, что я во всем являюсь благожелателем Вашего могущественного государства и мига своей жизни я не представляю без своего господина. Могу ли я способствовать делу [Имин Ходжи] султана, от которого исходит развал основы вечного государства? Хотя сейчас не известно, какой он нанесет вред Вашему могущественному государству, однако, поскольку ханское верное мнение не ошибалось до настоящего времени, я буду следовать ему /255a/ и непременно выполняю все, что нужно в интересах дела».

Когда эти слова были высказаны, хан, указывая на меня, произнес: «Кажется будет уместно, если Мирза Хайдар отправится [в Аксу] с Рашидом, сместит Имин Ходжа султана и посадит на его место Рашида, а Имин Ходжу отправит сюда ко двору, а сам останется там до восстановления порядка в той области, и, устроив все дела Рашида, возвратится».

Через два дня после его приказа я отправился в Аксу. Когда мы прибыли в Уч, нас встретил Шахбаз мирза, о котором также было сказано при [изложении] похода на Кашгар. Когда мы миновали Уч, все люди Имин Ходжа султана поспешили встретить меня. Имин Ходжа султан стал посылать ко мне людей со словами: «Что стало с нашими родственными и братскими связями? Давайте хоть один раз встретимся с вами». Я отказал ему в этом и сказал, что от встречи никакой пользы не будет, поэтому не стоит приступать к бесполезному делу. Подготовив необходимые средства для дороги и переселения, я отправил его, дав ему в сопровождение нескольких надежных людей. Успокоив всех воинов и жителей Аксу, я как можно лучше уладил их дела, привел в порядок дела жителей, тамошнего войска и прежних слуг Рашид султана; упорядочил [налоговые] тетради Аксу, распределив сборы между селениями поровну так, что все люди успокоились. Я пробыл там шесть месяцев.

Когда дела устроились по желанию Рашид султана и он воочию убедился в моем старании в устройстве его дела и в моей любви к нему, он тоже проникся ко мне любовью, крепнувшей до этого на протяжении многих лет, так что в это время мы не разлучались с ним и /255b/ неискренности между нами не было. Все, что делал он, [494] нравилось мне, а все, что исходило от меня, он целиком одобрял душой. Рашид султан своей дружбой полностью исцелил то, что лежало у меня на душе от разлуки с моими прежними друзьями, т. е. Шах Мухаммад султаном и Баба султаном. Однажды он сказал мне: «Хотя давно в Моголистане по обычаю моголов и по приказу ханского величества между нами установилась дружба и мы обменялись конями, однако она не была подкреплена обетом. Теперь я хочу возобновить эту старую дружбу, подкрепив ее самой торжественной клятвой». Я тоже согласился и условия договора были составлены так. С моей стороны: до тех пор, пока будет жив хан, я буду находиться у него на службе. Не дай бог, если хан скончается, то я, кроме тебя, ни к кому другому больше не прибегну за помощью и буду считать тебя ханом вместо него. Условия со стороны Рашид султана: после хана я буду считать тебя своим старшим братом. Если ты открыто окажешь мне почести как хану, то я буду тайно почитать тебя так, как ты этого заслуживаешь, уважать и чтить тебя больше, чем хан, и заботиться о твоих родственниках так, как ты посоветуешь. Вот такими прочными [клятвами] были подкреплены наши обязательства,— стихи:

О красавица, не сдержавшая своего стона,
от твоего обещания мне
Никогда не достанется ничего, кроме сотни мук
О моя красавица, иди, скажи, ради бога,
Где то обещание и где твоя верность [обещанию]?

После завершения всех этих дел он разрешил мне вернуться, и я приехал к хану. Хан находился в Йанги-Хисаре. Он осыпал меня разными милостями, но не дал мне возможности съездить на мою дорогую родину — Йарканд. Он отправился на охоту в Тунун Ваши — пограничный район Моголистана, и взял меня с собой. Когда мы подъехали к месту охоты, то из Аксу приехал [Имин Ходжа] султан и охота состоялась. /256a/

У хана была хроническая болезнь — иногда у него появлялось вздутие живота; газы, действовавшие на живот и желудок, вызывали колики. Неблагоприятно действовал на него и холод. Возможно, на этой последней охоте произошло охлаждение желудка и живота, и та болезнь возобновилась с такой силой, как до этого не бывало. Тотчас же послали человека за моим дядей. Лекари высокого [ханского] стана сделали все, что [495] требовало время: лечение подействовало, и та болезнь отступила.

Мой дядя приехал, когда уже наступило облегчение. Но хан на сей раз был очень напуган болезнью. Он позвал моего дядю, Рашид султана и сказал им: «Я очень испугался этой болезни. До этого приступы бывали реже. Вот уже несколько лет, как она повторяется ежегодно. В этом году она возобновилась дважды и каждый раз тяжелее. Теперь я хочу, чтобы Рашид и Вы — имелся в виду мой дядя — взяли обязательство. У Мирзы Хайдара нет нужды в возобновлении обязательств, потому что я сам был посредником между ними в Моголистане и скрепил их дружбу, а потом они вновь договорились в Аксу так, как им подсказал разум». Для убедительности своих слов то, что хан сказал Рашид султану и моему дяде, он сказал это по-тюркски, и это было особенностью его натуры: «Мирза! Если со мной что-нибудь случится, то считай Рашид султана вместо меня. И ты, Рашид, относись к мирзе, как я» В разъяснение этого хан сказал несколько слов и повелел Рашид султану и моему дяде заключить соглашение, что и было сделано. Подробности этого растянут речь, а приведение подробностей явится причиной докучливости.

Хан провел зиму в Йанги-Хисаре, а сей раб уехал в Йарканд. Но когда я приехал из Аксу, хан уже вручил свою волю его святейшеству Махдум-и Нурану, и я нашел его занятым [этим].

ГЛАВА 82. О ВРУЧЕНИИ ХАНОМ СВОЕЙ ВОЛИ НАПРАВЛЯЮЩЕМУ НА ИСТИННЫЙ ПУТЬ ШИХАБАДДИН МАХМУДУ, ИЗВЕСТНОМУ КАК ХОДЖА ХОВАНД МАХМУД /256b/

После случая с Ходжа Мухаммад Йусуфом я постоянно побуждал хана вступить на путь тариката [суфийского братства] ходжагон [под руководством] его святейшегва Махдум-и Нурана. Хан говорил: «Я хочу этого всей душой. Я даже готов был ради этого дела оставить царство и дойти до стоп совершенного муршида — наставника, как всеславный Господь без всякого старания с нашей стороны привел сюда его святейшество Ходжу. Сколько бы я ни решался на это, я не мог себя считать достойным прямо просить его об этом. Я принял решение, что буду стараться изменить свою нравственность, чтобы как можно лучше подготовить себя к этому делу. И тогда его [496] святейшество Махдум-и Нуран без просьбы [с моей стороны] обратит на меня свое внимание. А если у меня не окажется способностей [к этому делу], то от моей просьбы не будет никакой пользы. Питаю надежду, что подобно тому, как всевышний Господь доставил его сюда без чьего-либо вмешательства, то и меня он доведет до этого святого дела без какой-либо просьбы. Если на мою долю выпадет такое счастье, то и у меня появится уверенность [на этом пути]».

Сколько бы я ни старался, [чтобы хан сам обратился с просьбой к Ходжа Нурану], хан давал один и тот же ответ. Потом я уехал в Аксу. Через несколько месяцев ко мне поступил [ханский] указ, относящийся к делам Аксу, и на его полях благословенной рукой хана была сделана запись; сейчас она находится у меня и я ее привожу здесь,— стих:

«Дыхание в груди моей может прекратиться без тебя,
Нет места в душе моей ни для кого, кроме тебя
Цель наша осуществилась по милости его святейшества
Ходжи без просьбы с нашей стороны.
Пусть об этом будет известно тому брату [Мирзе Хайдару]».

Я пребывал в Аксу, когда Ходжа Нуран, <да освятит Аллах его тайну>, сделал хана своим мюридом, а после этого он направился в Индию по бадахшанский дороге. Сей раб был лишен чести встретиться с ним и проститься. Раз речь дошла до этого, то необходимо рассказать о славной генеалогии его святейшества Ходжа Нурана и его жизни. Это вызвано несколькими обстоятельствами. Одно из них — то, что от упоминания его славного имени содержание нашей книги становится более ясным и красноречивым. Другое — в начале книги /257a/ в нескольких местах было упомянуто и еще раз будет повторено, что без

приведения слов этих избранных [суфиев] книга наша не будет иметь никакой ценности подобно тому, как купцы, возящие в разные места малоценные товары, стараются, чтобы среди этих товаров один был стоящий, привлекающий внимание покупателей, благодаря чему можно было бы пустить в дело вес остальные. Стихи:

Прими меня за счет [благочестия] других
О мой Аллах и Аллах всех

Следующее обстоятельство то, что, как явствует из книг представителей этого сословия, в день страшного [497] суда дела всех людей завершатся раем или адом и каждый из [святых] посредников будет заступаться за грешников. В конце останется один грешник. Никто за него не заступится, и он будет стоять в ожидании и надежде, когда Господь всемилостивый обратится к нему: «О грешный раб, в прошлой своей жизни в преходящем мере знаешь ли ты имя кого-нибудь из моих друзей?» Он ответит: «Да, о Господь мой, я почитаю такого-то, такого-то!» Последует повеление: «Иди в рай, я простил тебя ради его имени!» [Следуя этому], я также под любым подвернувшимся предлогом буду упоминать имена этих избранных [суфиев] и, быть может, Аллах простит меня за их добрые деяния. Стих:

Я слышал, что в день страха и надежды
Ведикедушный Аллах прощает дурных людей
благодаря добрым

В «Мунаджате»¹ Шайха Абу 'Али Даккака, <Да помилует его Аллах>, сказано: «О Господь! Если я достоин твоего прощения и милости и для меня не окажется места в раю в ряду твоих друзей, то, прикоснувшись рукой отказа к груди моей надежды, пошли меня в ад. Не отнимай у меня [суму] подаяния и посох, и я с сумой и посохом в платье суфия, что является одеждой твоих друзей, пойду в ад. Если я не достиг их сана, то в любом случае ты не отнимай у меня их одежды — стихи:

Стремятся к тебе сто тысяч жаждущих.
Так кто же удостоится свидания с тобой?
Тот, кто достиг его, обрел великое счастье,
А тот, кто не обрел его, /2576/ тому достаточно и
печали о том, что он не достиг его.

Раз сей раб не смог принадлежать к их числу, значит я буду в числе упоминающих их. То, что я пишу и произношу имена этих избранных [суфиев], и я рад этому — стихи:

О возлюбленный!
Мое желание — свидание с тобой
Если его не будет, то достаточно мысли о тебе
Если счастье свидания с тобой не суждено моей душе,
То имя твое на устах моих — это тоже хорошо.

И еще. Когда тетради времени будут свернуты и минувшие события сотрутся со страниц памяти, то от имени султанов и ханов кроме небольшого ничего не [498] останется. Когда же станет известно, что такой-то хан или хакан принадлежали к числу великих [суфиев] тогда, несомненно, он будет принят [Аллахом]. И это, возможно, послужит причиной прощения, <если будет угодно Аллаху>.

И еще. Когда те, которые ныне скрыты в тайне небытия, [впоследствии] посмотрят на жизнь своих предков, то будут подражать им и прибегнут к покровительству одного из избранных [суфиев], которые будут существовать до наступления дня страшного суда, и за эти их старания последует вознаграждение наставнику и наставнику наставника. И пишущему сии строки также достанется доля. <Аминь, о Владыка обоих миров>.

ГЛАВА 83. О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ЖИЗНИ ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВА ХОДЖА ХОВАНД МАХМУДА, <ДА ОСВЯТИТ АЛЛАХ ЕГО ТАЙНУ>

В этой книге везде, где упомянуто имя его святейшества Махдум-и Нурана, имеется в виду Ходжа Хованд Махмуд, <да освятит Аллах его тайну>. Имя его — Шихабалдин Махмуд, а благодаря уважению и почету он известен как Ходжа Хованд Махмуд. Его святейшество 'Ишан ['Убайдаллах Ахрар], <да освятит Аллах его дорогую душу>, в качестве благословения на счастье дал ему это имя потому, что отца его святейшества ['Убайдаллах Ахрара] звали Махмудом, а деда — Шихабалдином. [Шихабалдин Махмуд] является достойным сыном и верным преемником божьего раба Ходжа Мухаммада 'Абдаллаха, известного как Ходжака Ходжа, который был ученым и благочестивейшим человеком своей эпохи; скончался он в 908

(1502—1503) году в области Фергана, а [его тело] перевезли в Ташкент. /258a/ Ходжа Мухаммад 'Абдаллах является сыном полюса духовного руководства, предводителя наставников, близкого к чертогу Аллаха Ходжа Ахрар Насираддин 'Убайдаллаха, <да освятит Аллах их души>. В этой книге всюду, где написано «его святейшество Ишан», имеется в виду его святейшество Ходжа Ахрар. Я слышал из рассыпающихся жемчужины красноречивых уст его святейшества Малдум-и Нурана, который говорит: «Когда наш дед Ходжа 'Убайдаллах, <да освятит Аллах его тайну>, покинул мир, мне было двадцать семь лет, и я слышал от него, что «в Шахрисабзе [недалеко 499] от] Самарканда есть сад и там — тутовое дерево, прислонившись к которому сидел когда-то его святейшество великий Ходжа Бахааддин Накшбанд. Хазрат-и Ишан поэтому купил ради благодати этого сад. Перед этим деревом есть водоем. Однажды ночью на берегу того водоема сам Хазрат-и Ишан обучил Ходжа 'Абдаллах и меня зикру». И еще Махдум-и Нуран сказал: «При жизни Хазрат-и Ишана у меня заболел живот, и лекари Мавераннахра не могли меня вылечить. Я поехал в Хорасан. Его светлость шайх-ал-ислам, гордость рода человеческого Маулана Нуриддин 'Абдаррахман Джами, <да будет над ним милость Аллаха>, привел меня в свой дом. Я остался у него и возле него просмотрел несколько его трактатов». Из этих его слов сей раб понял, что Махдум-и Нуран обучался у Маулана [Джами]. Из трактатов Махдум-и Нурана, которые будут приведены нами здесь, видно, что его святейшество Махдум-и Нуран просмотрел бывшие в то время в обиходе книги. После смерти Хазрат-и Ишана [Ходжа 'Убайдаллаха] Малдум-и Нуран отправился в Ирак, где часто бывал в обществе казия Мир Хусайна Йазди и Мир Садрааддина Мухаммада. Уехав оттуда, он в течение шести лет учился в Ширазе у Маулана Джалаладдина Давани.¹ Книги по врачеванию /258б/ он изучил при Маулана 'Имададдине Мас'уде, который был учителем лекарей не только Ирака, но и всего мира. [Хазрат-и] Нуран рассказывал. «Вместе с Маулана 'Имададдин Мас'удом мы составили комментарий к «Тадж-рид»², и прочли его Маулана Джалаладдину, а вместе с Маулана Джалаладином мы составили комментарий к «Му'джиз»³ и прочли его Маулана 'Имададдину Мас'уду».

Практику хирургических операций Ходж'а Нуран прошел в Дар аш-Шифа в Ширазе. Оттуда он поехал в Рум. Там он тоже учился, оттуда поехал в Египет. Совершив хадж и сев на пути в Джидда на корабль, он приехал в Индию, в Гуджарат, оттуда—в Кабул, где в то время находился Бабур Падишах. Как уже было упомянуто, я тоже находился там. Это его путешествие длилось двадцать три года. Когда Бабур Падишах захватил Самарканд, он приехал туда. Когда же Бабур Падишах вновь уехал в Кабул, он оставался в Самарканде, пока в 931 (1524—1525) году не отправился в Кашгар, как уже было сказано.

[500] В те дни Ходжа Нуран рассказывал: «В Самарканде во сне я увидел Маулана Хаджи Касима, одного, из мулазимов Хазрат Ишана, как тот явился с двумя лошадьми, [говоря]: Хазрат Ишан [Ходжа 'Убайдаллах] поручил мне: «Скажи Хованд Махмуду, [пусть] он возьмет двух этих лошадей и отправляется в Кашгар». До его прибытия в Кашгар у моего дяди начались судороги, Ходжа Нуран приехал и полностью вылечил его. Он оставался в Кашгаре два года и его почитатели пользовались благодатью его благословений.

Мансур хан послал к нему людей с просьбой «Никто из махдумзаде — потомков Ходжа 'Убайдаллаха Ахрара не приезжал в эти уголки — в Турфан и Чалиш, являющиеся родиной мюридов и сыновей мюридов, их отцов. Здешние люди и этот край не удостаивались чести их посещения. Поскольку поездка их почитателей отсюда к ним невозможна, то если они осчастливят их своим приездом, то окажут покровительство своим рабам.

Ходжа Нуран внял просьбе Мансур хана и выехал /259a/ в Турфан. Он пробыл там около трех лет и осчастливил своих приверженцев в тех местах добрым знаком своих счастливых стоп.

Когда хан вернулся в Кашгар из бадахшанского похода, его святейшество Ходжа Нуран прибыл сюда из Турфана. У моего дяди началась водянка, о чем уже было изложено. Ходжа Нуран задержался в Кашгаре для лечения моего дяди. После его выздоровления, о чем уже было сказано, его святейшество Ходжа Нуран уехал в Йарканд. Божий раб Ходжа Мухаммад Йусуф не вышел ему навстречу, как было принято, и между ними произошла размолвка, завершившаяся тем, о чем уже говорилось. После кончины Ходжа Мухаммад Йусуфа его святейшество Ходжа Нуран направился в Йанги-Хисар. Хан тоже провел зиму в Йанги-Хисаре в услужении ему.

В ту зиму со стороны [Ходжа Нурана] имели место удивительные дела. А случилось вот что: до того, как он отправился в Турфан, с моей стороны и со стороны моих близких были допущены проступки, о которых мы сами не догадывались и только по выражению его лица поняли, что наступили неверно. Но, как известно, благородство являющееся одним из высоких качеств этого сословия, состоит в том, чтобы не доводить провинившихся до необходимости просить прощение. Он [501] так и сделал. Я постоянно находился среди его слуг. В те дни я сложил газаль, вот из нее три двустихия:

О, как счастлив тот, кто устроился у двери питейного дома,
Сделав капиталом своего бытия кубок красного вина.
Если благодать Святого Духа будет сопутствовать мне,
Я тоже смогу делать то, что делал Иисус
Я нуждаюсь в прощении, и нуждаются в нем только,
ангелы,
Ибо прощение не нужно тому, кто не совершил греха.

Когда я предстал перед счастливым взором Ходжа Нурана, то на его славном лице отразилось сострадание, и он удостоил меня ласкам, которых я считал себя не достойным. /2596/ В те дни он рассказывал мне, что находился при господине Маулави — он имел в виду его светлость Маулана Абдаррахмана Джамии. После смерти Маулави он нашел под его подушкой черновые записи. Одну из них [Ходжа Нуран] переписал и отдал мне, и я ее привожу здесь в качестве благословения на счастье. Он вручил ее сему низайшему в месяце раджаб 937 (февраль—март 1531) года в Йанги-Хисаре. (Последующий текст (с половины л. 2596 до половины л. 2696), содержащий запись Абдаррахмана Джамии в 12 строк и суфийский трактат шейха Ходжа Нурана, дан в перееказе)

[Черновая запись в 12 строк, принадлежащая перу Абдаррахмана Джамии, представляет собой риторическое обыгрывание букв арабского алфавита, составляющих слова мусульманского символа веры: «Ла илаха илла-л-лах» («Нет божества, кроме Аллаха»), а также букв в имени пророка Мухаммада, «Трактат», как Мирза Хайдар называет приведенное им сочинение Ходжа Нурана представляет собой собрание наставлений суфиям-дервишам в их повседневной жизни для достижения ими своей основной цели — духовного единения с Аллахом. Для подкрепления своих слов Ходжа Нуран ссылается на слова пророка Мухаммада, приводит хадисы и отдельные рассказы, как-то о пользе голода и вреде объедания, о необходимости одевать простые бедные шерстяные одежды, не предаваться плотским страстям и сосредотачивать свои мысли на Аллахе, постоянно поминая его. Суфий не должен питать любви к мирским благам, что отвлекает его мысли от Аллаха, однако ему не следует [502] отказываться от высокого сана, потому что он может использовать свое положение в интересах веры и мусульман.

ГЛАВА 64. ПОЕЗДКА ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВА МАХДУМ- /2696/ НУРАНА В ИНДИЮ И НЕСКОЛЬКО РАССКАЗОВ, ИМЕЮЩИХ К ТОМУ ОТНОШЕНИЕ

В ту весну его святейшество Махдум-и Нуран направился в Индию по бадахшанском дороге. Провожая его, [Са'ид] хан дошел до перевала Шахназ¹, что составляет семь-восемь дней пути, а сей раб был лишен этого счастья; я находился в Аксу. Когда я приехал к хану из Аксу, он сказал: «Во время прощания с его святейшеством Ходжа Нураном я попросил [его] прочесть благословение. Когда он воздел свои милосердные руки, чтобы произнести благословение, я попросил его оказать милость, прочитав сначала благоуханное благословение за Мирзу Хайдара, а затем удостоить тем же сего раба. Он удовлетворил мою просьбу и сначала произнес благословение за тебя, а после этого — за меня». Стихи:

Возлюбленная скрылась с глаз и в сердце вонзились
колючки [от разлуки с ней]
На сердце остались сотни пятен печати как воспоминания
о ней
Хотя нет надежды на возвращение жизни, которая ушла,
Все время глаза мои устремлены на дорогу в ожидании ее.

Люди, участвовавшие в проводах его святейшества Ходжа Нурана, рассказывали, что хан сколько бы стоянок ни проходил с его святейшеством Ходжой, все время горевал и всякий раз, когда [Ходжа] произносил слово, грусть так овладевала ханом, что у него невольно начинали литься слезы так, что это /270a/ передавалось присутствующим. Язык обстоятельств без слов говорил «эта разлука между тобой и мной» — в том значении, что разлука не сменится свиданием до наступления дня воскресения мертвых. Байт:

Возлюбленная вознамерилась убить меда мечом, разлуки,
Всякий боится вечера смертного часа а я — дня расставания

Так как для хана это свидание [с Ходжа Нураном] было последним и от того, что та разлука не обещала нового свидания, у хана было такое настроение.

Короче говоря, его святейшество Ходжа Нуран прибыл в Индию. Подступом к Индии были Кабул и [503] Лахор², которые принадлежали Камрану Мирзе, и он умолял [Ходжа Нурана] пожаловать в Лахор. Однако тот сказал: «В начале поездки у меня было твердое намерение навестить [Бабур] Падишаха, а теперь в связи со смертью Бабур Падишаха нам нужно выразить соболезнование Хумайун падишаху, и если мы вернемся после исполнения этого долга, Ваша просьба будет удовлетворена». И он уехал в Агру — столицу Индии. Его несущий радость приезд [Хумайун] падишах встретил с разными почестями.

В то время в Индии появился некий Шайх Пул³, и Хумайун падишах решил вручить ему свою волю по той причине, что имел большую склонность к оккультным наукам и желал научиться молениям и заклинаниям, Шайх Пул, обрядившись в одежду старца, пришел к нему и уверил его, что к истинной цели приближают моления и заклинания и, возможно, сама истинная цель является их плодом. Так как все это [Хумайун] нашел соответствующим своей натуре, он тотчас же сделался мюридом Шайха (Добавлено по Л, 188a).

Кроме того, был еще Маулана Мухаммад Паргари. Он был человеком образованным, однако до предела порочным и добивался всего, чего хотел, если даже это было недостойное дело. И тот Шайх,

согласовавшись с желаниями Муллы Мухаммада, прибегнул к его помощи. Маулана Мухаммад также действовал согласно желаниям Хумайун падишаха, натура которого поддавалась его лести. Когда после того события я на некоторое время /2706/ приехал к [Хумайун] падишаху, что вскоре будет описано, из того, что падишах рассказывал о своем пире, т. е. Шайх Пуле, я ничего не мог понять, кроме заклинаний и молений, <один Аллах это знает⁵>.

Так как [Хумайун] падишах стал истинным последователем Шайх Пула, то Маулана Мухаммад, даже сам падишах и его приближенные при встрече с его святейством Ходжа Нураном, приверженность к которому являлась наследственной [для падишаха], проявили небрежность и пренебрежение, и это послужило причиной отвращения от них его лучезарного сердца. Когда до этого Ходжа Нуран проезжал через Лахор, Камран мирза просил его избрать своим местожительством Лахор, и тот обещал, что так будет по возвращению [из Агры]. Теперь, согласно своему обещанию, он [504] из Агры направился в Лахор. Хумайун падишах и его приближенные уговаривали его остаться, однако он не согласился и уехал в Лахор. [Это произошло] в 943 (1586-1587) году.

Незадолго до этого я приехал в Лахор и удостоился счастья целования его ног. В те дни я много раз слышал из его рассыпающих жемчуг уст, как он говорил: «Я видел во сне, что появилось море и унесло все, что осталось после нас в Агре к Индии, а мы спаслись е большими трудностями». Через три года так и случилось, как он сказал, что вскоре будет описано.

После, разорения Индии [Ходжа Нуран] по кашгарской дороге благополучно добрался до Мавераннахра <Аллах всевышний да продлит тень милости его на многие годы над слабыми приверженцами и над головой ищущих пути истины во имя Мухаммада и его потомков>.

ГЛАВА 85. О ЧУДЕСАХ [ХОДЖА НУРАНА]

Я находился в собрании, на котором присутствовал и Маулана Мухаммад Паргари, прибывший в то время из Агры с посланием от Хумайун падишаха, когда [Ходжа Нуран] рассказал о своем упомянутом выше сне. Маулана Мухаммад стал плакать и просить прощения за небрежное к нему отношение. Он попросил, чтобы [Ходжа Нуран] отправил Хумайун падишаху письмо /271a/ и доучал ему этим. [Ходжа Нуран] написал [стих]:

О Хума¹, никогда не простирай свою благородную тень
Над той страной, где попугав меньше, чем коршунов.

И, удивительно, эти слова оказались пророческими: Хумайун падишах не покрыл тенью [как птица Хума] ту страну, где попугав меньше, чем коршунов, и отправился скитаться.

В Йанги Хисаре Кашгара я постился в месяце раджаб. Я сидел с [Ходжа Нураном], когда откуда-то принесли пищу и, не отказавшись, я разговелся. На следующий день я решил выполнить то, что хотел накануне. Когда я отправился к Ишану, повторилось то же самое. На третий день я вновь решил осуществить свое намерение и пошел [к Ходжа Нурану]. Снова возникла еда; [Ходжа Нуран] отделил ее часть и сказал: «Несите такому-то человеку, мы окончательно прервем его пост». И это было при том положении, что никто не знал, что я держу пост.

[505] Еще [рассказ] в те дни, когда я находился в Лахоре, сын Шаха Исма'ила по имени Шах Тахмасп² пришел из Ирака и отобрал у уполномоченных людей Камрана мирзы Кандагар, отдал его своим доверенным лицам и вернулся. Из-за этого события Камрана мирзу охватила глубокая печаль, и он сказал мне: «Я очень расстроен, расскажи об этом положении Ишану [Ходжа Нурану]. Я доложил ему об этом и, когда на следующий день я пришел к нему, он сказал: «Я увидел во сне его светлость [Ходжа Ахрара]. Он спросил меня: Отчего ты печален?» Я сказал: «Я печален из-за Камрана мирзы, потому что туркмены захватили Кандагар; чем это кончится?» Он приблизился ко мне, взял меня за руку и сказал: «Нисколько не печалься, потому что это легко закончится». Как он сказал, так и получилось: Камран мирза пошел на Кандагар, и человек Шаха Тахмаса, который сидел в Кандагаре, заключив мир, отдал Кандагар Мирзе Камрану и ушел. И это было удивительным делом для туркмен, так как их государи не позволяли своим подчиненным поступать без их ведома. Но как бы то ни было, все легко разрешилось.

Еще [рассказ]. Ханзада бегим, сестра Бабур Падишаха, имя которой уже упоминалось ранее в разных местах этой книги, /2716/ находилась в Кабуле. Она чем-то заболела и написала письмо [Ходжа Нурану] и попросила через меня, чтобы он испросил [у Аллаха] избавления от этой болезни. То письмо было написано неумело, и я заново написал его, как было положено, и отнес к [Ходжа Нурану]. Он сказал: «Я хочу поделиться с вами тайной». Я встал и поклонился. Он сказал: «Дайте мне то письмо, которое отправила бегим» — а между тем я написал его в уединенном месте, и о том никто не знал.

Я ограничился здесь тремя-четырьмя рассказами о [Ходжа Нуране] из числа тех, что я видел сам, а те рассказы, которые я слышал от людей, для краткости изложения здесь не приведены. Когда я направился в Кишмир, о чем вскоре будет сказано, он написал для меня несколько строк, и я надеюсь, что то письмо станет письмом освобождения этого раба в мире земном и загробном.

Конец благословенных воспоминаний о [Ходжа Нуране] завершается приведением того счастливого письма в добрый час и с благословением божьим. Господь преславный и всевышний да продлит на долгие годы

ть святости и благодати его над головами преданных [506] приверженцев <во имя Владыки рабов, Мухаммада и его славных потомков>. А то письмо следующее:

Во имя Аллаха милостивого, милосердного!

Я докладываю, что у сего грешного раба, отягощенного многими проступками, нет претензии на дервишество. Если кто-то является дервишем и разглагольствует об этом, то это не совместимо с дервишеством. Почему шествующий по пути тариката не должен заявлять об этом? Если какой-то человек желает вступить на путь дервишества, он должен выполнить определенные условия. Во-первых, так как дервиш является путником дороги загробной жизни, он неизбежно будет прославлять [Аллаха], будь это в душе или на языке. Значит сердце, язык и горло должны быть чистыми. Вам известно, что мы в эти дни говорим и что едим. Все, что нам дают и все, что мы сами находим,— мы едим. И от этого не стали чистыми ни наш язык, ни горло. /272a/ Наш язык, кроме поминания бога, <да возвеличится слава Его>, говорит много пустых слов, что не одобряется Господом. Одним словом, если человек, не придерживающийся этих условий, станет носить имя славного сословия дервишей, то совершит недозволенное.

Итак, из этого следует, что мы не являемся дервишами, однако мы являемся ими в той мере, как сказал его святейшество Маулана Джалаладдин Руми в наставлении и завещании своему сыну Султан Валаду:

Одного мига нельзя пробыть вдали от Него (Аллаха),
ибо удаленность от Него увеличивает опустошение [души],
Во что бы то ни стало ты не разлучайся с Ним,
Потому что от близости увеличивается любовь

Итак, сей раб — только передатчик слов дервишей и не является ни дервишем, ни муллой. Для каждого, кто поступает согласно словам божьих людей, будут уготованы блага земной и будущей жизни. <Ты слушай, что говорят, и не смотри на того, кто говорит> (В тексте после арабского изречения приведен персидский перевод)

После смерти господина нашего Маулана Нураддин 'Абдаррахмана Джамии, <да освятит Аллах его тайну и озарит его могилу>, у него в изголовье нашли записку. Вот одна из фраз, написанных его рассыпающим жемчуг пером: «Нет ни одного человека, мысли которого иногда не обращались бы к всевышнему и преславному Аллаху. Обращение его мыслей к Господу [507] доказывает истинность того, что каждый человек по сути своего творения пропущен через четыре начала. Одно из этих четырех начал то, что он знает, что сущность его явилась в бытие из небытия. Второе то, что это бытие и существование не зависят от его силы и воли, ибо если бы это было так, то он мог бы сделать себя вечным и нетленным. Третье: такова участь всех существующих созданий. Четвертое все, что из небытия стало бытием, само лишено силы создания и творения. И эти четыре начала присущи тому Творцу, который существует сам в себе, а не вне себя. Пусть [шествующий по пути тариката] также знает, что милости, оказываемые ему Творцом,— а именно существование и все, что относится к существованию из сил чувственных, мыслительных, внешних, внутренних и других — это великое блаженство, и оно исходит от бесконечных божеских милостей, <да будет он велик и превозвышен. И в этой степени [знания] /272б/ по велению [изречения]: <человек — раб милости> [у шествующего по пути тариката] мысли всегда притягиваются к своему началу. И это начало — влечение [к Аллаху]. И потом, если он подумает [о том, что] все, что случается из полезного и вредного — оно не является действующим в бытие, [то поймет, что] все это зависит от Творца, <да возвеличится слава Его>. А когда он постарается повторять это [в памяти], то влечение его [к Творцу] будет увеличиваться и становиться сильнее с каждым мгновением и привязанность его к преходящим вещам поколеблется, и он постепенно будет отрываться от них. Когда он подумает, что согласно человеческой натуре и особенностям человеческого рода он не сможет обойтись без наслаждения, а наслаждение зависит от желания, когда зависимое от желания дело должно быть совершенным и вечным, потому что привязанность мысли к делу несовершенному или брэнному принесет плоды печали в проявлении сокрытого. Пока не появились нежелательные явления, пусть он знает, что абсолютно совершенным, вечным и бесконечным является Господь, обладатель могущества и всех достоинств, потому что всякая красота, благодаяние и совершенство прочно только у Господа. И всякое совершенство и благодаяние, которые проявляются в [человеке], в действительности есть отражение красоты, благодаяний и совершенства преславного Господа, <да будет он велик и превозвышен> и заимствованы его рабом, потому что человек в своей сущности — это небытие, а у небытия [508] не бывает совершенства. Или так: то, что проявляется у человека, не считается совершенством и вместе с этим оно обречено на уничтожение и исчезновение.

И когда значение человека укрепится на этих упомянутых заповедях, то, несомненно, влечение [его к Богу] и его старание еще в другой раз набирают силу, потому что источником любви являются красота или милость, которые в действительности принадлежат Богу. Когда [идуший по пути тариката] продолжит свои раздумья о совершенстве и вечности Господа и об <ущербности, тленности и брэнности творений, то пусть он вникнет в слова: <нет божества, кроме Бога>, т. е. нет (Добавлено по Л₂ 216а; Л₃ 159а.) достойного предмета поклонения и желания, кроме Бога единого.

Когда эти упомянутые заповеди он сделает своей молитвой, тогда его старания ради преславного Господа и разрыв его со всем тем, что кроме Него, дойдут до такой степени, что его привязанность к преходящим

вещам окончательно оборвется и даже всё, кроме Аллаха, будет забыто. Если у кого-то после выполнения всех этих заповедей не проявится такого состояния, это означает, что он еще не достиг успеха в выполнении какого-то из упомянутых положений, /273a/ или он настолько усердствует в выполнении потребностей своего естества, что у него не осталось способности воспринимать их, <сохрани Аллах от этого>, и он присоединился к разряду животных — [айат]: <Они как скоты, даже более заблудшие>³. Несмотря на то, что он верует, из-за отсутствия способности воспринимать его понятия уподобляются [понятиям] животных, и его нрав соответствует нраву животных, как об этом говорит хадис Пророка <да будут ему наилучшие молитвы>.

С начала изложения четырех упомянутых заповедей до сих пор были приведены слова и наставления его святейшества Махдуми [Джами]. Теперь мы дошли до слов его святейшества Махдуми [Нуран]. Он сказал: «Нет человека, мысль которого не обращалась бы иногда к преславному Господу. Но обращение мысли к Господу имеет другое значение, и происходит оно с помощью зикра — упоминания. Цель зикра - упоминание преславного Господа. Однако каждый мусульманин иногда вспоминает преславного и всевышнего Господа. Что там мусульманин, когда даже неверующий иногда вспоминает Бога. Но с таким воспоминанием Бога человек [509] еще не становится дервишем, потому что если считать дервишем человека, иногда вспоминающего [Господа], то тогда всех людей, обращающихся к Богу, надо считать дервишами. На самом деле это не так и вот почему: человек, который вступил на путь дервишества, сначала должен принести искреннее покаяние и очиститься внешне и внутренне, что является условием на пути совершенствования и [следует из] наставления достигшего совершенства муршида».

И он [Махдуми] сказал, что среди ищущих истины известны три способа [для достижения этого]. Один из них — зикр. Самый лучший из зикров, по словам Пророка, <да благословит его Господь и да ниспошлет ему мир>, — <это [произнесение символа веры]: «нет божества, кроме Бога»>. Другой способ муракаба — созерцание, при котором считая бесподобного Господа совершенно удаленным от слов, голоса и от всего, что присуще Его творениям, [суфий] углубляется [в созерцание] таким образом, что в мыслях его ничего не появляется, кроме бога. А это трудное дело; кому же из счастливых настоящего мира и потустороннего оно удастся!

Третий способ — рабита — соединение. Он состоит из обращения [суфия] к лицу и внешнему облику человека, созерцание которых напоминает преславного /273б/ Господа. Так как цель постоянного обращения дервиша к всевышнему Богу увидеть его благословенное лицо, являющееся зеркалом, отражающим красоту Господа, то при обращении дервиша к лицу человека достигается то, чего он достиг бы при созерцании преславного Господа. Соединение — есть действие, исходящее из потребностей обеих сторон: раб созерцает Господа, следовательно, Господь также созерцает своего раба.

Есть одна община дервишей — риджа ал-Аллах, у которой внешне нет (Добавлено по Л₁ 190б; Л₂ 216аб; Л₃ 159а) пиров и мюридов, ее называют увайси. Пророк покровительствовал Увайсу Карани⁴, хотя никогда не видел его. Увайс Карани был при жизни Пророка, однако ему не посчастливилось встретиться и беседовать с ним. Однажды Пророк, <да благословит его Господь и да ниспошлет ему мир>, завещал эмиру правоверных Умару и эмиру правоверных 'Али, <да будет милостив к ним Аллах>: «После моей смерти навестите Увайса Карани, ибо преславный Господь в день воскресения из мертвых благодаря его [510] заступничеству многих людей допустит в рай». Впоследствии каждого, кто достигал какой-либо степени благодаря поддержке духа какого-либо шейха, называли увайси. Например, у Султан Байзида Вистами⁵ внешне нет пира, а влияние на него оказал дух Имам Джа'фар Садики⁶, таким же образом Шайх Абу-л-Хасан Харакани получил духовную поддержку от его светлости Султан Байзида Вистами. Это высокая степень и какому счастливцу она достанется!

Говорят, что созерцание — это благо божественное, по своему достоинству всеобъемлющее, а на долю сего раба достался лишь глоток от него.

Созерцание со стороны преславного и всевышнего Господа бывает двух видов: один из них — оберегание своих созданий от небытия и от захвата их тленностью, и содержание стиха [Корана]: <Аллах надзирает за всякой вещью>⁷ отражает этот смысл; второй - присматривание за тем, как его раб соблюдает предписания и запреты.

Созерцание со стороны раба бывает трех видов: первый — размышление над тем, что всевышний Господь все время присутствует в его делах и наблюдает, и плодом этого созерцания является его образ жизни, и это по терминологии суфиев и шествующих по пути совершенствования называется «созерцанием созерцания». /274a/

Второй — сохранение всех сил внешних, внутренних, чувственных и мыслительных с тем, чтобы приложить их к тому, для чего они созданы.

Третий — оберегание сердца от всего, кроме Аллаха, таким образом, чтобы чуждое никогда не находило путь к сердцу. Цель от созерцания здесь — обрести царство этой мысли, чем и заняты [суфии], шествующие по пути совершенствования, — такова их цель.

И еще. Некоторые дервиши при зикре произносят [символ веры] «калама-и таййиба» (Г. е. «Ашхаду ан ла илаха илла-л-лах ва ашхаду анна Мухаммадан расул аллах» (Исповедую, что нет божества кроме Аллаха и исповедую, что Мухаммад посланник Его).) громко про себя; некоторые «калама-и таййиба» произносят полностью. Те, которые произносят его полностью, [правильность этого] доказывают тем, что слова «Мухаммад ан расул-аллах» составляют часть [символа веры], поэтому его следует произносить полностью

по примеру эмира правоверных Абу Бакра Сиддика⁸, <да будет милостив к нему Господь>, который сказал: «Я никогда не [511] произносил первых слов [символа веры] без вторых». Мнение избранных ходжей, <да освятит Аллах их тайну>, также полное произношение слов [символа веры].

Эти упомянутые заповеди следует исполнять путнику-салику, шествующему по пути совершенствования. Однако основным является дело, а не слова. Суфии говорят: «До тех пор, пока ты не положишь на язык сахар, во рту у тебя сладко не станет». И еще, необходимо знать, что Господь преславный и всевышний воспитал своих избранных рабов двумя путями: один путь — бедность, другой — в одежде достатка. И каждый из этих двух путей имеет доказательство в стихах Корана и в хадисах Пророка.

В связи с тем, что я сказал, я вспомнил рассказ об обращении Хазрата Мусы к Творцу. Однажды Хазрат Муса, <да будет на нем благословение Аллаха>, обратился к Аллаху: «О Боже, укажи мне одного друга из своих друзей». И получил ответ: «Иди в такие-то развалины и ты увидишь одного из моих друзей». Хазрат Муса отправился в то разрушенное место. Там он увидел несчастного, немощного, изнуренного старца. Муса опять обратился к Аллаху: «О боже, покажи мне другого своего друга». Последовал ответ: «Иди в такой-то дворец и ты увидишь другого моего друга». Когда Хазрат Муса пошел в тот дворец, он увидел в том дворце ходжей, /2746/ которые проводят время как цари. Господь сказал: «Вот это другой наш друг». Когда вновь настало время моления, Муса сказал: «О Боже, один твой друг в такой бедности, а другой в достатке?!» Господь преславный сказал: «Благо для того друга — бедность. Если я сделаю его богатым, душа его сделается порочной. Я лучше знаю души своих рабов. Подданные, пребывающие в нужде, лучше подданных самодовольных, ибо бедные подданные — цель и желание Господа в отношении своего раба». Во всяком случае следует знать рабу божию, что земное, как золото и серебро, для того, чтобы обеспечить жизнь. В этом смысле его любовь к дирхему и динару до определенного предела не вредна. Так Муллаи Рум⁹, <да освятит Аллах тайну его>, в своем «Маснави» приводит байт:

Что такое богатство?—

Это значит забыть бога

Флейта — это и товар, и серебро, и дети, и жена.

Если дадут дервишу богатство Соломона, нужно, чтобы он не привязался к нему. Говорят, что расход на [512] стол Шайха Маджаддина Багдади ежегодно составлял двести тысяч динаров красного золота. Так передают. Значит, следует оберегать сердце от привязанностей ко всему кроме преславного Господа, ибо спасение на том свете, достижение вечного счастья и соединение со степенями потустороннего мира заключается в этом.

ГЛАВА 86. ОБ ИЗВИНЕНИИ [АВТОРА] И ОКОНЧАНИЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЯ ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВА МАХДУМ-И НУРАНА

Хотя сей раб не компетентен вести подобные рассказы, однако изложенное выше в силу необходимости соблности порядок в написании «Истории» сделало обязательным привести здесь рассказ о родословной его святейшества Махдум-и Нурана. И то, что будет написано, взято из книг представителей этой высокой родословной, а сей раб только собрал [эти сведения].

Из книг и трактатов этого великого сословия [суфиев], <да освятит Аллах их души>, известно, что существуют три способа совершения зикра: зикр душевный, зикр тихий и зикр громкий. То, что было предписано его светлостью убежищем пророческой миссии [Мухаммадом], <да благословит его Господь и да ниспошлет /275a/ ему мир>, были зикр душевный и зикр тихий. За время своей благословенной жизни двух человек из асхабов он возвел на трон шейхского достоинства и на престол наставничества и многих из асхабов отдал под их руководство. Зикр душевный он поручил его светлости поистине лучшему повелителю правоверных Абу Бакру Сиддику, <да будет милостив к нему Аллах>, а зикр тихий — благочестивому имаму душеприказчику посланника, владыки миров 'Али б. Абу Талибу, <да почтит Аллах лик его>.

Зикр громкий избрали благочестивые муджтахиды, <да освятит Аллах их души>, согласно времени и желанию народа. Они условились произносить громко такбир и громкий зикр, основываясь на том, что в некоторых особых случаях так произносил их пророк Мухаммад, <да благословит его Господь и да ниспошлет ему мир>, — как это случалось в праздник жертвоприношения.

В «Макамате» Ходжа Мухаммад (В Л₂ 2176; Л₃ 1606 — Имам Абу) Йусуф Йа'куба б. Айуб Хамадани, <да освятит Аллах тайну его>, его святейшество господин мира Ходжа 'Абдалхалик [513] Гидждувани' передает такое предание, что этот зикр (Добавлено по Л₂ 2176; Л₃ 1606) сначала от сердца пророка Мухаммада, <да благословит его господь и да ниспошлет ему мир>, дошел до сердца Абу Бакр Сиддика, а от сердца Абу Бакр Сиддика он достиг сердца Салман Фарса, а от сердца Салман Фарса он дошел до сердца Касим б. Мухаммад б. Абу Бакр Сиддика, а от сердца Касим б. Мухаммада он дошел до сердца Джа'фар Садик б. Мухаммад Бакира, <да будет милостив Аллах к ним>, а от сердца Джа'фар Садика он дошел до сердца Султан Байазид, а от сердца Султан Байазид Вистами он дошел до сердца Шайх Абу-л-Хасана Харакани, а от сердца Шайх Абу-л-Хасана Харакани он дошел до сердца Шайх Абу-л-Касима гурагани, а от сердца Шайх Абу-л-Касима гурагани он дошел до сердца Шайх Абу 'Али Фармади Туси, а от сердца Шайх Абу

'Али Фармади — к сердцу Ходжа Имам Абу Йусуфа Хамадани, а от сердца Ходжа Абу Йусуфа Хамадани он дошел до моего, 'Абдалхалик б. 'Абдалджамил, сердца.

И каждый шайх, который занимается душевным зикром, является последователем /2756/ эмира правоверных Абу Бакр Сиддика, <да будет милостив к нему Аллах>.

Его святейшество Ходжа Нуран, как упоминалось ранее, является мюридом своего великого деда Ходжа Насираддин 'Убайдаллаха, а он — мюрид Маулана Йа'куба Чахри, а он — мюрид великого Ходжа Бахааддин Накшбанда, а он — мюрид Мир Кулала, а он — мюрид Ходжа Мухаммад Баба-и Самаси, а он — мюрид Ходжа Али Рамитани, а он — мюрид Ходжа Махмуд (В Л₂ 218а, Л₃ 160б— Мухаммад) Анджира Фагнави, а он — мюрид Ходжа 'Арифа Ривгари, а он — мюрид господина мира 'Абдалхалика Гидждувани, <да освятит Аллах их души>.

Было бы уместно собрать здесь рассказы о каждом из этих великих представителей религии и знаменитых суфиях, <да освятит Аллах их души>, однако сколько бы я ни думал над этим, я не нашел в себе такой силы. Байт:

Возлюбленная твоя — луна на небе, а ты — прах из-под ног,
Где ты и где возлюбленная, о чем мечтаешь ты, о сердце?

Я истинно знаю, что то, что я написал здесь — превышает мою компетенцию, однако эта смелость была [514] проявлена по требованию повествования. За то, что нет на то согласия Аллаха, и посланника Аллаха, и друзей Аллаха я прошу прощения и возвращаюсь [к своей «Истории»].

О Аллах, ты знаешь и видишь, что может получиться у темного и невежественного человека! Байт:

О боже, о боже, мы совершили ошибку,
Ты не вини нас в том, что мы сделали.

После того, как его святейшество Махдум-и Нуран уехал в Индию, хан разрешил Имин Ходжа султану, которого привезли из Аксу и который находился в пределах Бадахшана, отправиться в Индию. Хотя это было сделано в интересах государства, однако разрыв родственных связей не привел к добру. Что бы там не было, Имин Ходжа султан уехал в Индию и там умер естественной смертью. Его старший сын Мас'уд султан отправился вслед за отцом в Индию. Из-за этого разрыва Хизр Ходжа султан, и Махди султан, и Исан Даулат султан — все скитаются где-то в Индии, и описание этого не связано с целью [настоящего повествования], и если на то будет божья воля, /276а/ то что-нибудь станет известно о них.

ГЛАВА 87. УПОМИНАНИЕ О ДАЛЬНЕЙШЕЙ ЖИЗНИ БАБУР (Добавлено по Л₁ 192а; Л₃ 161а.) ПАДИШАХА И ЗАВЕРШЕНИЕ ЕГО ДЕЛА

Краткое упоминание о жизни Бабур Падишаха было доведено до того места, где говорилось о времени завоевания им [Индии]. Стихи:

Захираддин Мухаммад Шах Бабур
Могущественный, как Искандар, величественный,
как Бахрам,
Счастливо завоевал землю Индии,
И дата его завоевания [в словах]: «фатх ба Даулат» —
«счастливое завоевание».

И столько попало в его руки сокровищ и владений, что все люди извлекли от этого пользу, и это в общем уже описывалось.

Я прибыл в Индию и занялся делами управления как будет упомянуто дальше.

Бабур Падишах овладел всем государством Султан Искандар Афгана². Один из раджей Индии — Рана [515] Санга³ прибыл с несколькими лаками войска. Бабур Падишах дал сражение, разбил его и в указах стал называть себя «гази» (борец за веру). После этого он направился в Читор. Там он вел крупные сражения с [неверными], одержал много побед и вернулся назад. Он претендовал на захват всей Индии, однако, как говорят: «Говори о том, что ты сможешь успеть сделать в жизни».

В течение 937 (1530) года несколько продолжительных болезней овладевали его благородным существом, и сколько лекари ни старались, пользы не было. Стихи:

Когда смерть выглядывает из алтаря,
масло миндаля только увеличивает сухость [тела],
Никакого исцеления не наступит от врача и врачевания,
Знай, что болезнь и здоровье — от бога.

Когда смерть для него стала неизбежной, он потребовал к себе Хумайуна мирзу, которого он, отозвал из

Бадахшана, увез с собой [в Индию] и передал ему всех эмиров и людей и отдал свою душу Создателю мира, <да сделает Аллах лучезарным его блеск и да озарит его гробницу>.

Когда Хумайун падишах воссел на трон вместо своего отца, в разных местах [царевичи], подобно Мухаммаду Заману мирзе сына Бади-аз-Замана сына Мирза Султан Хусайна, служившего Бабур Падишаху и доводившегося ему зятем, начали трубить в трубу неповиновения и забили в барабан несогласия. Хумайун падишах добрыми мерами всех усмирил и то, что осталось не завоеванным его отцом, он все завоевал и отправился в Гуджарат⁴. /2766/ Гуджарат он также взял, однако из-за вражды и отсутствия согласия между братьями он оставил дело Гуджарата и вернулся обратно. О том, что произошло после этого, будет сказано дальше.

ГЛАВА 88. УПОМИНАНИЕ О ВЫСТУПЛЕНИИ [СУЛТАН СА'ИД] ХАНА В ТИБЕТ

Когда его святейшество Махдум-и Нуран уехал в Индию, я приехал из Аксу, Рашид султан также приехал, как об этом уже упоминалось. Той же зимой Рашид султан со всеми чадами и домочадцами уехал в Аксу. Весной того же года [Са'ид] хан решил отправиться на священную войну в Тибет. До этого эмиры не один раз ходили туда, одерживали победы и привозили добычу, однако ислам в Тибете из-за [516] невежества тех эмиров не распространился. Неверных же в Тибете, кроме тех, которых покорили эмиры, было еще много. А в мыслях у хана постоянно жило намерение совершить священную войну ради Аллаха. Особенно в то время, когда он вступил на путь высокого тариката ходжей, <да освятит Аллах их души>, его высокие помыслы постоянно были направлены на то, чтобы наилучшим образом осуществилось то, в чем виделось счастье. Он всегда готов был заняться этим по любому поводу, в том числе и священной войной, самым главным столпом из столпов ислама и ближайшим путем к сближению со всеведующим Господом, поэтому в конце 938 (лето 1532) года он отправился на священную войну в Тибет.

Так как нить повествования дошла до этого места, то следует описать местоположение и территорию Тибета, потому что Тибет расположен в таком месте, куда могут добраться немногие люди. Из-за трудности тибетской дороги во всех отношениях, как из-за гор и полных опасности холодных перевалов, так и из-за недостатка воды, фуража и дров, а также из-за грабителей, которые считают разбой обычным делом, никто из путешественников не добирался туда и не мог узнать, каково там положение. По этой причине в таких известных книгах, как «Му'джем ал-булдан»¹, «Джам-и гитинамай», «Мулхакат-и Сурах» и других Тибет не описан подобно другим областям и [их авторы] представляли Тибет как один /277a/ вилайат и коротко сообщали о нем, поэтому мы осмеливаемся описать владения Тибета, чего нет ни в одной книге.

ГЛАВА 89. ОПИСАНИЕ ПОЛОЖЕНИЯ, ГОР И ПЕЩЕР ТИБЕТА, ВЕРОВАНИЙ И [РЕЛИГИОЗНЫХ] ТОЛКОВ [ТИБЕТЦЕВ]

Земля Тибета вытянута в длину. [Расстояние] от Рикан Банда (Приведено по Л₂ 2186; Л₃ 161a. В R, 404 — Рикан Баин), что означает «промежуток между севером и западом», в сторону Бакани, что означает «промежуток между югом и востоком», составляет восьмимесячный путь. Ширина его — не более одного месяца и не менее десяти дней [пути]. Граница его со стороны Рикан Банда подходит к Балуру, описание которого изложено [выше], а со стороны Бакани заканчивается на Хочжоу¹ и Саларе², которые относятся к Канджанфу³ Китая.

[517] Как прежде упоминалось при описании гор Моголистана и Кашгара, главная гора Моголистана, от которой ответвляются все остальные, идет с северной стороны Кашгара на запад и тянется по югу Кашгара. Уже писалось также о том, что вилайат Фергана находится к западу от Кашгара, и эта гора находится между ними, а то, что лежит между Кашгаром и Ферганой, называется Алаем.

К западу от Йарканда расположен Бадахшан. Между ними также проходит эта самая гора, и то, что находится между Йаркандом и Бадахшаном, называют Памиром. Его ширина в некоторых местах составляет семи—восьмидневный путь. Когда [люди] пройдут те места, они достигают подножия гор Йарканда, соединяющихся с Балуром, таких, как Раскам и Тагдумбаш (Приведено по Л₂ 219a; Л₃ 161b (в T — неясно)), а когда и их пройдут — дальше [начинается] земля Тибета. Бадахшан находится на западе летнего захода солнца от Йарканда, как уже упоминалось, а Кашмир — на западе зимнего захода от Йарканда, а между ними — та же гора. Между Йаркандом и Кашмиром находится вилайат, относящийся к Тибету, который называют Балги. В Балги верхняя часть той горы шире Памира, ее ширина составляет двенадцатидневный путь.

Перевал, поднимающийся со стороны Йарканда, называется Санджу, а спускающийся к Кашмиру — Аскарду⁴. /277b/ От этого перевала [Санджу] до этого [Аскарду] — двадцать дней пути.

К западу от зимнего захода солнца от Хотана расположены некоторые из индийских городов, такие, как Лахор, Султанпур⁵, Баджвара⁶, а упомянутая гора находится между ними. Между Хотаном и упомянутыми индийскими городами находятся Урдук⁷, Гуга и Аспати, принадлежащие Тибету, и по-видимому, эта гора доходит до Китая. На западе и юге от этой горы находится Индия: Бхира⁸, Лахор — до Бенгалии — все расположены у подножия этой горы. Все реки Индии берут начало из этой горы, истоки тех рек — в Тибете. На севере и востоке Тибета находятся Йарканд, Хотан, Черчен, Луб, Катак, Сариг уйгур, а дальше —

пустыня, граница которой соединяется с Канджу и Сакджу⁹ Китая. Все воды, текущие с гор Тибета на запад и юг, образуют реки Индии, как-то Нилаб¹⁰, Бхира¹¹, Джинаб, [Чинаб], Лахор, Султанпур, Баджвара¹², сливающиеся [518] в реку Синд¹³. Джун¹⁴, Ганг и другие реки проходят через Бенгалию и впадают в океан. Реки, текущие с гор Тибета в восточном и северном направлениях, как-то Йарканд, Ак-Каш, Кара-Каш (Добавлено по Л₂ 219а; Л₃ 162а; R 406), Керйа, Черчен и другие — все текут в Кук Надир¹⁵. Кук Надир — это озеро в пустыне, о котором уже упоминалось. Я слышал от некоторых моголов, которые видели то озеро, что его можно обойти кругом за три месяца. С другого его конца выходит большая река, она и есть Кара-Мурен (Приведено по Л₂ 219а; Л₃ 162а; R 407 (в Т; Л₁ 1936 — неясно)) Китая. Из написанного ясно, что Тибет расположен в очень высоких местах и реки, текущие по всем направлениям, образуются из его вод. С какой бы стороны человек ни шел в Тибет, ему приходится подниматься по высоким перевалам, которые не имеют спусков. Когда он поднимается на вершину, поверхность там ровная, за исключением некоторых перевалов, где имеются небольшие склоны. По причине [высокого расположения] Тибет чрезвычайно холодный, так что во /278а/ многих местах его, кроме ячменя и репы, ничего другого не сеют. И ячмень у него в большинстве случаев такой, что созревает за сорок дней, а если не успеет созреть, его побьет холод, так что зерно бывает пустым. В большинстве его мест трава держится зеленой только два месяца. В Тибете имеются некоторые места, где лето длится сорок дней, и те сорок дней таковы, что во второй половине ночи речки покрываются льдом. Во всем Тибете из-за чрезвычайной охлажденности воздуха ни деревья, ни даже травы не бывают высокими. <Топливом [для тибетцев] служит навоз коров и яков (Приведено по Л₂ 219б; Л₃ 162а).

Население Тибета делится на две группы: «йулпа», т. е. «житель деревни», и «джанпа», т. е. «житель степи». Однако жители степи обязательно подчиняются одной из крепостей (Приведено по Л₂ 219б; Л₃ 162а (в Т; Л₁ 1936 — вилайат)) Тибета. Образ жизни у кочевников в Тибете удивительный, такой, какого нет ни у одного народа. Первое: мясо и любую другую пищу они едят в сыром виде и никогда не варят. Второе: вместо зерна они дают лошадям мясо. Третье: тяжести и ноши они грузят на баранов, и баран поднимает примерно двенадцать шариатских манов [груза]. Они шьют переметные сумы, привязывают к ним шлею, нагрудный ремень и кладут на барана, и до тех пор, пока не [519] понадобится, они не снимают с них груз, так что зимой и летом он находится у барана на спине.

Джанпа зимой спускаются на запад и восток от упомянутой горы, где расположена Индия, и привозят туда китайские товары, а также тибетские — соль, выделанную кожу, цитварный корень, бумагу (Написание слова искажено, нами прочитано: «киртас»), золото и шали. Они торгуют с индусами горной части Индии. А из Индии они нагружают на баранов индийские товары: одежду, сладости, рис, пшеницу — и весной отправляются в Тибет. Не спеша, постоянно выпасая [по пути баранов], к зиме они достигают Китая. Те тибетские товары, которые необходимы Китаю, /278б/ они приобретают весной, а зиму проводят в Китае. Индийские и тибетские товары они обменивают в Китае. Потом весной они вновь привозят китайские товары в Тибет, на следующую зиму они приезжают в Индию, груз, который они грузят на баранов в Китае, они снимают с них в Индии, а то, что грузят в Индии, снимают в Китае. И, таким образом, они бывают одну зиму в Индии, а другую — в Китае. Так заведено абсолютно у всех джанпа. И бывает, что джанпа нагружают до десяти тысяч баранов, а на каждом баране можно посчитать по двенадцать манов, так что какое же получается большое количество товаров! И те товары они грузят один год в Индии, другой — в Китае. Куда бы они ни отправились, всегда все эти грузы и вьюки при них, не представляя для них никаких трудностей. Такое не наблюдается ни у одного народа и даже в некоторых местах вызывает сомнение.

Джанпа — многочисленный народ. Так, в одном его племени, которое называют «дулпа», свыше пятидесяти тысяч семей. И <имеется много (Добавлено по Л₂ 219б; Л₃ 162б) племен, подобных этому; я спрашивал у их уважаемых людей об их числе, но они не смогли назвать, <Аллах знает сколько их>.

Что касается жителей деревень, которых называют «йулпа», то они занимают такую область, как Балти — одну из областей Тибета; а Балти включает несколько районов, такие как Пурик, Хапула, Ашигар, Аскарду и Ладакс, каждый из которых имеет крепости и деревни. Большинство из областей Тибета, которые я встречал [на своем пути], я брал силой или же заключал с ними мир, заставив платить джизью, а некоторые [районы] Балти я видел во время охоты (Приведено по Л₂ 220а; Л₃ 163б (в Т — неясно)): Марйул¹⁶, Рудок, [520] Гуга, Лу, Бурас, Зунка, Минкаб, Зир Суд Канкар, Нисан, Хам, Алалай-Лутак, Тук, Лабук и Аскабрак — последний пункт моего путешествия. От Аскабрака до Бенгалии двадцать четыре дня пути, и Урсанг находится на востоке от Аскабрака, а Бенгалия — /279а/ на юге. Урсанг является кыблой и каабой всего Китая и Тибета. В Урсанге находится громадный языческий храм, и то, что я слышал о нем, не внушает доверия, и по этой причине об этом не будет написано, возможно, в этом больше лжи. А вообще это место — обитель знания и город набожных людей Китая и Тибета.

ГЛАВА 90. ОПИСАНИЕ УДИВИТЕЛЬНЫХ МЕСТ ТИБЕТА

Те области [Тибета], которые я видел, и его народ таковы, что сколько бы я ни хотел приступить к их описанию, ничего не получалось. Однако несколько удивительных вещей, которые я наблюдал сам или дошли до меня по слухам, будут описаны из-за их необычности. Среди них — золотые рудники. В большинстве мест обитания джанпа имеются золотые рудники и среди них удивительны два: один моголы называют «Алтунчи Тибет» — «Поставщик золота Тибета», — здесь работает часть упомянутого племени

дулла. Из-за чрезвычайно холодного климата там нельзя работать более сорока дней в году. На ровной земле сделаны траншеи, и они таковы, что там может ходить человек. И таких траншей много; конец одних из них соединяется с концом других. Говорят, что триста семей постоянно пребывают в тех траншеях. Если случается некоторым моголам проезжать там, они видят издали людей, а когда приближаются, то все они прячутся в траншеи, и никто их не находит. И внутри тех траншей не горит масло, кроме отборного бараньего сала, к которому не примешано нутряное. Из тех траншей они выносят землю и промывают ее в воде, а за верность этого я не ручаюсь. Говорят, что из одного решета земли того рудника бывает, что выходит десять мискалей золота. Один человек сам и землю копает, сам и выносит ее, сам промывает и за один день он просеивает двадцать решеток. Хотя это дело и сомнительно, однако я слышал это от большинства жителей (Добавлено по Л₁ 1946) Тибета, единодушно говоривших об этом, поэтому я и написал это.

И еще. [Район] Гуга имеет двести крепостей и деревень; /2796/ протяженность его составляет три дня пути, и [521] везде в Гуге имеется золото. В любом месте, если покопать и высыпать землю на подстилку, обнаружится золото. Самый маленький размер его бывает с чечевицу или с маш, а иногда оно встречается большой величины, с печень барана. В те времена, когда я обложил джизьей [жителей] Гуги, старейшины его рассказали, что недавно один человек пахал землю и в одном месте его плуг за что-то зацепился, и сколько он ни старался, вытащить не смог. Он сбросил землю и видит — камень, а в середине его — золото, за которое зацепился плуг. Тот человек оставил все это на том же месте и сообщил правителю. Вместе они отправились туда, вытащили камень, разбили его и извлекли из него полгоры тысячи тибетских мискалей чистого золота, а каждый тибетский мискаль составляет полтора обычных мискаля. Бог так чисто создал золото Гуги, что когда его берут из земли, обрабатывают, обжигают и чистят, оно почти не уменьшается — только на то, что берет с него огонь. Все это относится к категории удивительных вещей. Это кажется удивительным и знатокам золота — в мире они не могут указать ни одного такого места.

В большинстве владений Тибета в равной степени встречаются товары и китайские и индийские.

Другое из удивительных явлений Тибета — [болезнь] «дамгири» — «удушье», которучо моголы называют «ис». Это явление происходит во всех областях Тибета, однако там, где имеются крепости и деревни, его меньше. Состояние крайне неприятное для любого человека. Во всех положениях его дыхание настолько стеснено, а поясницу так жжет, как будто он с тяжелой ношей долго бежал на высокую гору. Из-за жжения в пояснице не удается легко заснуть, а когда сон овладевает [человеком], то до того, как его глаза сомкнет крепкий сон, он с тревогой просыпается из-за стесненности дыхания, жжения в пояснице и груди. И такие явления наблюдаются всегда у всех людей. Когда эта болезнь одерживает верх, происходит потеря сознания, [больной] бредит, а иногда бывает, что у него нет сил сказать ни слова, его лицо, руки и /280a/ ноги опухают. Часто, когда появляются эти изменения, больной умирает между рассветом и полуднем. Бывает иногда что в таком состоянии проходит несколько дней, и если за это время не придет его смертный час, и он доберется до крепости или до деревни, то, возможно, он будет жить, а иначе непременно умрет. Эта болезнь поражает не [522] жителей (Добавлено по Л₂ 220б; Л₃ 163а) Тибета, а жителям Тибета об этой болезни ничего не известно, и врачи их также не знают, почему это случается с нетибетцами, и никто не знает, как лечить эту болезнь. Чем холоднее погода, тем больше случаев этой болезни. Вот байт по поводу этой болезни:

Разлука и свидание с тобой — там тревога и мираж,
Удивительный там климат — никто не остался в живых.

Эта болезнь (Добавлено по Л₂ 220б; Л₃ 163а) не является специфичной для человека, точно так же она поражает всякое живое существо, в том числе и лошадей, о чем вскоре будет написано. Совершая набег по необходимости, один день мы ехали быстро. Когда утром мы проснулись, то [увидели], что в лагере мало лошадей. Оказалось, что в одну ночь погибло более тысячи лошадей. В моей конюшне находилось двадцать четыре отборных коня, которые шли порожняком и в ту самую ночь двадцать один из них погиб. Болезнь «дамгири» больше всего поражает лошадей. Об этой болезни, кроме Тибета, я больше нигде не слышал.

ГЛАВА 91. ОПИСАНИЕ ТИБЕТА. ВЕРОВАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ТИБЕТА

Духовенство [Тибета] называют общим именем лама, однако каждого своего ученого в зависимости от степени его знаний [тибетцы] называют разными именами, например, по-нашему «имам-и муджтахид», а они говорят «тункаба» и «киджува». Я много беседовал с ними через переводчика. Когда разговор доходил до тонкостей, переводчик оказывался бессильным понять и изложить их, поэтому беседа с ними оставалась незавершенной. И то, что я узнал об их верованиях, следующее. Они говорят, что извечно существующий преславный и всевышний Бог в начале сотворения [мира], создавая души, каждую душу обучил отдельно как приближаться к святости, какой путь ведет к раю и как спастись от ада — и все это он делал без слов и без посредника. И по требованию времен он несколько раз спускал души [на землю] и смешивал их с землей. И эти дающие рост силы /280б/ и растения на земле существуют по этой причине. Когда душа из высшей обители спускается на низшую ступень, она теряет свою [523] чистоту и разум и впадает в забвение. С течением времени из соков земли она переселяется в какое-нибудь из презренных тел, и это ее

переселение, хотя совершается на низкой ступени, однако по той причине, что она смешивается с землей, происходит ее развитие, и развитие в каждом теле идет как положено, и в каждом теле она как подобает осуществляет действие, приводящее к дальнейшему развитию. Если то действие она доводит до завершения, то переселяется из того тела в другое, лучшее, а если [в своем действии] она допустит упущение, она переселяется в тело худшее. Если тело совершит что то плохое, [душа] вновь смешивается с землей и некоторое время остается там, а затем таким же образом будет переселяться из одного тела в другое и будет развиваться до тех пор, пока не войдет в человеческое тело. Когда душа переселяется в человеческое тело, она входит в тело человека низкой ступени, в какого-нибудь простолюдина или раба, и таким же образом, совершенствуя все степени человеческого рода, достигает степени тела ламы. Там душа развивается таким образом, что у нее появляется осведомленность и знание прошлого, и она узнает, что сделанное ею в каждом теле способствовало развитию, а что явилось причиной падения. И эти осведомленность и знание являются степенью святости. Таким же образом благодаря обилию упражнений она достигает той степени, на которой она вспоминает Его (Бога) извечное учение, и все то, что она узнала от <Бога всевышнего и всесвятого> без посредничества языка и слов. Эта степень называется пророчеством, когда душа сообщает людям все, что слышала, <от Бога преславного и всевышнего>. Вот таковы их вера и религиозная община.

Душа не подвержена смерти, и жизнь ее вечна. До тех пор, пока не иссякнет ее материальная сила, существует ее тело, а когда материальная сила иссякнет, тогда исчезнет ее тело, и дух останется в чистом виде. Каждый, у кого духовная сила подобна этой, может увидеть ее (душу), однако глазом увидеть ее невозможно, поскольку глаза материальны. Это и есть основные догматы религии Шакья Муни¹. И это есть религия всех китайцев, и в Китае говорят: «Ша'йа Муни», а в Тибете говорят: «Шака Ту Ба» и «Шакья Муни». Однако в исторических книгах написано: «Шакья Муни». /281a/ В некоторых историях Шакья Муни считают одним из пророков Индии, а по утверждению некоторых людей он был врачом. По верованию [тибетцев] [524] человек попадает в рай не по вере и религии, а по своим делам. Если какой-то мусульманин сделает доброе дело, он попадет в рай, а если сделает дурное дело — попадет в ад. И у неверного то же самое. Они считают пророка [Мухаммада], <да благословит его Аллах и да ниспошлет ему мир>, великим, однако не согласны с тем, что все люди обязательно должны исповедовать эту веру. Они говорят: «Ваша вера истинна, и наша вера также истинна (Добавлено по Л₁ 195б; Л₂ 220б; Л₃ 163б), и к какой бы религии человек ни принадлежал, он должен совершать добрые (Добавлено по Л₁ 195б) дела. Говорят, что Шакья Муни сказал: «После меня будет сто двадцать четыре тысячи пророков, последний из которых будет носить имя Джана Касапа; он останется сиротой без отца и матери, и его религия распространится по всему миру. Когда он будет ниспослан, признание его станет обязательным для всех людей и счастливым будет тот народ, который первым примет его веру. А я завещаю своему народу, чтобы он из поколения в поколение передавал это мое завещание от одного к другому до благословенного времени его появления». И он внешне описал пророка и дал его портрет, который все люди сохраняют, чтобы, когда объявится пророк с таким обликом, поспешить раньше всех принять его веру.

В настоящее время главный идол, который [тибетцы] во всех языческих храмах помещают в передней части и наподобие которого создают все другие изображения, есть образ этого Джана Касапы. Они приписывают ему качества, в основном такие же, как у нашего пророка, <да благословит его Аллах и да ниспошлет ему мир>. Я сказал им: «То, что Шакья Муни сказал [о Джана Касапе] — это наш пророк, <да благословит его Аллах и да ниспошлет ему мир>». Они говорят «Шакья Муни сказал: «Он объявится после ста двадцати четырех тысяч пророков после меня (Добавлено по Л₃ 163б) и больше другого пророка после него <не будет (Приведено по Л₁ 196а; Л₂ 221а, Л₃ 163б). А из этих ста двадцати четырех тысяч пророков появилось малое число и большая часть их еще не объявилась».

Я настаивал на том, что они уже появились, однако /281б/ они с этим не согласились и поэтому остаются в заблуждении.

[525] И еще. В Зунке, которое является самым почитаемым местом в Тибете и где произрастает цитварный корень, я видел указ китайского императора, написанный китайским письмом. В одном его углу содержание передано тибетским письмом, а в другом — прекрасным насхом записан его перевод на персидский язык. Там сказано: «Его величество император шлет свою милость всему народу и говорит, что вот уже свыше трех тысяч лет, как Шакья Муни установил эту языческую религию». И там приведены какие-то загадочные слова, которые не всякому человеку удастся понять, и они сохранились здесь на память [людям]. Еще там записано распоряжение о ремонте храма. Короче говоря, там сказано, что Шакья Муни жил свыше трех тысяч лет тому назад. В этом указе записан год, другой, чем по хиджре, и который нам не известен. По состоянию износа указа видно, что ему, по-видимому, нет и ста лет, <а Аллах знает лучше>. Я был в Зунке в месяце ра-би' ал-авваль 940 (октябрь/ноябрь 1533) года.

И еще. [В Тибете] водится дикий як — страшное и крайне свирепое животное. Если он нападает на кого-нибудь — бьет ли рогами, лягнет ли ногами, топчет ли кого — в любом случае гибель того неминуема. А если эго ему не удастся, он высоко подбрасывает человека мордой таким образом, что тот летит вверх на двадцать газдов, а когда падает оттуда, то живым не остается. Мясо (Добавлено по Л₂ 221а; Л₃ 164а) одного яка составляет груз для двенадцати лошадей, и один человек ни за что не сможет поднять даже лопаточную часть [туши]. Как-то в пору моего казакования мы убили одного яка и разделили его на семьдесят человек. Каждому досталось такое количество мяса, что его хватило на четыре дня. Это животное не водится в других местах, кроме Тибета. Об остальных особенностях Тибета вскоре будет упомянуто в рассказе о

тибетском походе.

ГЛАВА 92. ОТПРАВЛЕНИЕ ХАНА НА СВЯЩЕННУЮ ВОЙНУ В ТИБЕТ

В укреплении предписаний, в закладке основ здания религии крепкой опорой и прочным фундаментом является священная война. На ее достоинства и обязательность ясно указано в Коране, /282a/ и этому соответствует неподражаемая речь Печати пророков [Мухаммада], <да благословит Аллах и да ниспошлет ему мир>.

[526] Во всяком случае, достоинство каждого исповедания измеряется количеством благочестивых дел и в этом исповедании (Ислама) душа бывает на краю гибели и несомненно никакое другое исповедание с ним не сравнится.

[В исламе] в дело укрепления веры и распространения религиозной общины входит священная война в такой степени, какой нет ни в одной другой религии. Достоинство [ислама] в том, что занятие священной войной присуще исключительно религиозной общине [Мухаммада], а если оно и было у прошлых религиозных общин и народов, то не в таком виде; хотя они иногда и отправлялись на священную войну, ничего из обретенных у неверных вещей им не было дозволено брать, кроме пролития крови. Отважные влюбленные дворца Вечности и возвышенные отличием приближенные порога Единства желание достичь этого счастья всегда прикладывали ко лбу преданности, как гребень, украшающий невест, и меняли драгоценную душу на это истинное желание. Такой обмен они считали своей конечной целью. Стихи:

Если бы можно было ценою жизни купить свидание с Тобой,
Всякий, кто обладает душой, стал бы искателем свидания
с Тобой

Суть этого вступления такова: после того, как хан раскаялся, он постоянно ждал, как бы ему лично, самому, выступить на священную войну. И хотя он ежегодно отправлял войско на священную войну, жажда самому совершить это доброе дело не утолялась. Наконец, в месяце зу-л-хиджа 938 (июль 1532) года он пошел священной войной на Тибет.

Как уже упоминалось в описании Тибета, его северная граница, составляющая Балти, опирается в Бадур и Бадахшан; на востоке его зимнего восхода солнца находится Йарканд; на западе — Кашмир.

Хан назначил меня в ту страну вместе с Искандар Султаном, а сам отправился по хотанской дороге в Алтунчи Тибет, известный как Дулла.

ГЛАВА 93. ПРИБЫТИЕ АВТОРА КНИГИ В ТИБЕТ И О ТОМ, ЧТО ПРОИЗОШЛО В ТЕ ДНИ

В конце месяца зу-л-хиджа упомянутого [938] (2 августа 1532) года я отправился в путь и в начале месяца сафар [939] (2 сентября 1532) года достиг [527] Нубры, которая является зависимым от Тибета вилайатом. Я отправил по этой окраине одного человека со всеобщим призывом [подчиниться]. Стихи:

Всеобщий призыв /282b/ присущ вере Мухаммада,
Счастлив тот, кто примет ее и обретет благо

Большинство ответило повиновением, кроме предводителей Нубры, которые проявили упорство и неповиновение; каждый укрепился в своей крепости. Главным среди предводителей [Нубры] был некий Бур Капа, он укрепился в главной крепости того вилайата — Хундар, и я осадил ту крепость.

Несколько дней я готовил осадные орудия взятия крепости — баллисты, щиты и тому подобное, — и когда наступил назначенный день, направился к крепости. Пятерня ислама скрутила руку неверных и в делах их наступил беспорядок [согласно стиху Корана]: <И скажи: «Пришла истина и исчезла ложь»>. Неверные оставили крепость, разбежались кто куда и исчезли. Мусульмане сколько было возможно преследовали их, и никто не спасся из того заблудшего племени. Бур Капу убили со всеми его воинами, а из их презренных голов воздвигли высокий минарет так, что от этой расправы дым из мозга неверных тех мест поднялся до неба. Больше ни у кого не осталось сил сопротивляться. Вилайат Нубра был целиком взят, в его крепости было введено наше войско, и завоевание завершилось подобающим образом.

Оттуда мы прибыли в вилайат Марйул. В Марйуле было два правителя — Лата Джугдан и другой — Таши-кун. Оба они поспешили подчиниться. В то время наступил период Созвездия Весов [мизан]. В мизане [938] (сентябрь—октябрь 1532 года) по всему Тибету холод достигает такой силы, что это время года в других местах в сравнении с этим — <самые жаркие дни лета (Приведено по Л₁ 1966). Я посоветовался с бывшими при мне эмирами относительно зимовки и такого места в Тибете, где зимой нашлись бы ячмень и сено для верховых животных и съестные припасы [для людей]. Они не смогли указать там ни одного такого места. Мнения сошлись на том, чтобы зиму пробывать в Кашмире. Если удастся завоевать Кашмир — это желанно, а если не удастся, то провести там зиму, а весной уйти.

[528] Когда было решено это дело, мы выступили из Марйула, присоединив к себе войско Тибета для увеличения числа воинов. /283a/ Между тем прибыл 'Абдал Кули йасавул, один из доверенных слуг [Са'ид]

хана, и привез известие о том, что хан также приехал сюда, но по дороге его благородное здоровье пострадало от удушья, что типично для той страны неверных, и он хочет, чтобы ты как можно скорее встретился с ним. Я тотчас же оставил войско и отправился к хану.

ГЛАВА 94. УПОМИНАНИЕ О ПРИБЫТИИ [СА'ИД] ВСЛЕД ЗА АВТОРОМ КНИГИ В ТИБЕТ, ВСТУПЛЕНИЕ ХАНА В БАЛТИ И УХОД АВТОРА КНИГИ В КАШМИР

Ранее говорилось, что [Са'ид] хан решил двигаться по хотанской дороге в Дулпу, а меня отправил в Балти. В то время величайшее светило и владыко четвертого неба находилось в знаке Льва¹, и хан месяц пути проходил по некоторым летовьям и по горным пастбищам Хотана, пока не наступил конец сезона Созвездия Девы². Люди, неоднократно посещавшие те места, доложили хану о том, что время упущено, теперь все воды и речки полностью замерзнут так, что нельзя будет найти воды. Не будет также и достаточного количества топлива, чтобы натопить воды и напоить вьючих животных и скот и нужно приложить много старания, чтобы найти навоз степных яков в таком количестве, которого хватило бы, чтобы сварить еду. По этой причине до этого несколько войск на этих дорогах остались без лошадей. Когда это обстоятельство стало известно хану, он сказал: «Отказ от намерения совершить священную войну явится причиной больших лишений в [деле] воздаяния за доброе дело. Если осуществить ее здесь затруднительно, то целесообразно отправиться нам следом за Мирза Хайдаром, и вместе с ним мы исполним дело газавата». Он уехал из Хотана и отправился по той же самой дороге, по которой прибыл и я. В дороге благословенное здоровье хана из-за удушья расстроилось до такой степени, что днями он бывал без сознания, а жизнь его держалась на последнем вздохе. Лекари применяли смягчающие и слабительные средства, и каждый раз, когда его естество смягчалось, он приходил в себя, а затем снова терял сознание. И в то время /2836/ он сказал эмирам и столпам государства: «Хотя у меня не хватило сил, чтобы совершить священную войну, но пусть не уменьшится моя решимость в этом.

[529] Когда я в конце концов удалюсь из общества живых и присоединюсь к умершим, дай Бог, чтобы я считался умершим на этом пути. И до тех пор, пока у меня еще будет дыхание, вы, не отказываясь от этого решения, несите меня на неприятельскую сторону, а когда от моей жизни ничего не останется, то поступайте, как хотите». В то же время он спрашивал обо мне и выражал горечь и печаль: «Сейчас у меня нет другой мечты, кроме той, что я прошу у всевышнего Бога, чтобы он до моей встречи с ним держал бы мою душу на привязи». В расстроенном состоянии он прочел стихи, которые отражали это состояние. И вот байт из тех стихов:

От моей жизни остался последний вздох и я хочу видеть
его лицо,
О, как долго не приходит тот неверный, чтобы казнить меня

И сколько бы раз в те дни он ни приходил в сознание, он непременно повторял эту мысль. И удивительное дело, несмотря на тяжесть его состояния, нельзя было нигде остановиться. Если задержаться, предположим, из-за больших холодов или из-за недостатка воды и фуража, то эта задержка стала бы причиной усиления той болезни. Лечение ее в том, чтобы любым способом добраться до места, где удушья бывает меньше. Там, где меньше встречается удушья, там и эта болезнь реже.

Как бы то ни было хана довели до места, где мало случаев удушья. Хан пришел в себя, тут и я приехал. После рукопожатий и объятий он расстрогался и сказал: «Ни друзей, ни детей, никого, кроме тебя, я не вспоминал и <слава Аллаху>, что я тебя увидел. Никакой привязанности сейчас у меня не осталось», — и он произнес байт:

Когда наступит смертный час [раскрывается смысл слов]
<все, что даровано Тобой,
Принадлежит нам, а мы принадлежим Тебе>.

И с того времени с каждым часом он приближался к здоровью и естественной силе и, когда он доехал до крепости (Добавлено по Л₂ 2226; Л₃ 165а) Нубра, благородная натура его полностью исцелилась, так что он поставил ногу благополучия на стремя счастья и верхом на коне въехал в Нубру.

[530] После этого (Отсюда большая лакуна в тексте рук. Т, перевод дан на основе текста Л₁ 1976—198а; Л₂ 2226—223а; Л₃ 165б; R, 421—423, Конец лакуны далее будет отмечен знаком /.) / собрались все эмиры и стали совещаться. Каждый докладывал хану то, что считал правильным. Я сказал следующее: «Как нам стало известно, в этих пределах нет места, где могли бы провести зиму свыше тысячи человек, а у тысячи человек нет возможности противостоять мятежам. Для пребывания большого войска другого места, кроме Кашмира, никто не указал, но так как по дороге в Кашмир мною горных перевалов, то у благородной природы [хана] не хватит на это сил. Если будет на то высочайшее повеление, пусть он благополучно и счастливо в сопровождении тысячи человек направит поведья счастья в сторону Балти, так как в Балти совсем нет горных перевалов и [болезни] удушья. А мне пусть он прикажет с остальным войском

отправиться в Кашмир, чтобы провести там зиму, а в начале весны я выполню то, что будет сообразно времени».

Хан из всех предложений одобрил это мнение и принял это решение. В начале отправления в Тибет было известно, что там нет места для большого войска, и было определено пять тысяч человек, из которых три тысячи находились при хане, а две тысячи — при мне. Из тех трех тысяч человек хан взял с собой тысячу человек и направился в Балти, а четыре тысячи человек он дал мне, и я направился в Кашмир. Он отправил со мной также Мир Даима 'Али, имя которого упоминалось во время кашгарского похода, и еще Баба Сарик мирзу и несколько других своих уважаемых людей.

ГЛАВА 95. <УПОМИНАНИЕ О ТОМ, ЧТО ПРОИЗОШЛО С ХАНОМ В БАЛТИ (Добавлено по Л₂ 223а; Л₃ 1656)

В конце месяца мизан [938 — сентябрь—октябрь 1532 года] [Са'ид] хан прибыл в Балти. Из глав Балти Бахрам джоу¹, надев ярмо покорности иа шею повиновения, счастливо поспешил к целованию трона в царской резиденции. Все другие главы Балти вступили на путь неповиновения, что было свойственно неверным и врагам. Сначала с помощью Бахрама джоу [хан] первым же натиском овладел крепостью Шигар, столицей всего Балти, и мужчины ее стали травой для кровавого меча счастливого войска, а их женщины и дети вместе [531] с имуществом стали добычей победоносных воинов. И еще. Везде, куда в тех горных владениях дотягивалась рука, не была упущена возможность захватить их, а там, где крепости были сильно укреплены, так что рука беды не могла дотянуться до них, они остались нетронутыми.

Из-за обилия снега в ту зиму с Кашмиром не было никакой связи, а непокорные неверные из-за своего интереса и злого умысла передавали ложные сведения. По этой причине хан и даже все войско, находившееся при нем, пребывали в печали и унынии до тех пор, пока в конце зимы из Кашмира не прибыл гонец и не принес известия о победе, и вся печаль и уныние сменились радостью и весельем. И все воины восторженно и беспрестанно повторяли стих Корана: <Хвала Аллаху, который удалил от нас печаль>².

В начале войны хан вернулся из Балти и отдал эмиру Канбару кукалдашу, имя которого упомянуто при описании похода на Кашгар, крепость (Добавлено по Л₂ 223а; Л₃ 1656) Нубру и всю ту область, завоевание которой начал и завершил я и которую передал хану. Тот же из-за недомыслия и из-за слабости в управлении разорил тот вилайат так, что он восстал: каждый укрепился в своем месте, а оставшееся там небольшое количество людей [Канбара] истребили (Конец лакуны в рук. Т (начало ее см. выше))/ и ни одной минуты не проводили без разбоя и злодеяния. По этой причине оставаться в Нубре было нецелесообразно, /284а/ и [хан] поехал в Марйул. Ташикун допустил нерадивость в службе [хану] и по этой причине у него отобрали крепость [Марйул], а самого казнили. И они находились там, когда я приехал к ним из Кашмира, о чем вскоре будет описано.

ГЛАВА 96. ПРИБЫТИЕ АВТОРА КНИГИ В КАШМИР И УПОМИНАНИЕ О СВЯЗАННЫХ С ЭТИМ [СОБЫТИЯХ]

Когда я с эмирами и новым войском, которое хан выделил для меня, выехал из Нубры и в пределах Марйула присоединился к своему войску, то мы быстрым маршем отправились в Кашмир. Все главы Тибета, встречавшиеся по дороге, выражали полную покорность и добавляли нам свое войско, умножая число нашего победоносного войска. Некоторые тибетцы Балти, живущие по дороге в Кашмир, стали нашими проводниками. Мы вошли в Кашмир в середине созвездия [532] Скорпиона¹ в месяце джумад-и сани 939 (29 декабря 1532— 26 января 1533) года через кашмирский перевал, который называется Зуджи. До этого правители Кашмира, узнав о выступлении нашего войска, захватили теснину Лара². Когда перевал [Зуджи] был нами пройден, я отправил вперед из войска четыреста своих опытных людей, прошедших испытание временем. Во главе этой группы я поставил Туман бахадур калучи, имя которого также упомянуто в рассказе о кашгарском походе. Когда они достигли теснины, то обнаружили, что в теснине находится кашмирское войско, а группа воинов сидит по эту сторону теснины в качестве караульных. Утром наш отряд напал на эту группу, они бежали и ушли в теснину. Наш отряд преследовал их. Кашмирское войско узнало о случившемся, когда наш отряд уже прибыл; оно не смогло удержать дорогу и бежало. Следом подошел я, и все наше войско с легкостью прошло через то узкое место. Через ночь мы достигли города Кашмира и расположились там. Поскольку речь дошла до этого места, то мне кажется уместным рассказать в общем о положении Кашмира, его правителях и государях, чтобы повествование стало более ясным.

ГЛАВА 97. ОПИСАНИЕ КАШМИРА /284б/

Кашмир — одно из известных владений мира. Он славится разными чудесами и редкостями и, несмотря на это, никто не знает, что он из себя представляет. В книгах прежних авторов о нем написано кратко и в действительности из того краткого изложения о нем известно очень мало.

Сегодня, в месяце мухаррам 950 (апрель—май 1543) года, когда я являюсь владельцем этой прекрасной страны и изучил ее во всех отношениях, все, что мною будет написано о нем, будет из [уст] очевидца. О прелестях [Кашмира]—одно удивительное совпадение: когда я во второй раз приехал в Кашмир и еще

полностью не овладел им, то по поводу завоевания и моего утверждения в Кашмире я погадал по Корану и вышел этот стих:

<...питайтесь уделом вашего Господа и благодарите Его!
Страна благая, и Господь милосердный!>.

Кашмирская долина со стороны Бакани [юго-запад], где расположен южный и восточный Мачин², тянется в сторону Рикан Баина [северо-восток]. Длина равнинной части около ста курухов, что составляет тридцать фарсахов, а ширина в некоторых местах — двадцать [533] курухов и в редких местах — десять курухов. В этих местах ее земли подразделяются на четыре категории: 1) поливные, 2) богарные, 3) сады и 4) ровные площади по берегам рек и озер, где растет луговой клевер вперемежку с фиалками и другими цветами. Здесь из-за большой влажности хорошего земледелия не получается и по этой причине эти площади не возделываются, но они сами по себе — одна из красот Кашмира.

Температура воздуха летом в высшей степени приятна, так что никогда не бывает нужды в опашале. Постоянно дует легкий ветерок, благоухающее дуновение которого улаживает душу, и всегда от освежающего утреннего ветра, который, как дыхание Иисуса, обладает свойствами оживления, опадают лепестки роз. Сладкоголосые соловьи постепенно распевают как бы аят [Корана]: <Он говорит: «Кто оживит части, которые истлели?»>³. Байт:

Ветер, который доносит дыхание возлюбленной,
Утомленному телу человека дарит душу.

Зимние температуры воздуха здесь /285a/ умеренные: несмотря на обилие снега, нет нужды в шубе, так как тот холод только подчеркивает в полной мере естественную теплоту. Когда не сияют лучи освещающего мир солнца, естество не отказывается от тепла огня, как сказано — байт:

Небо покрыто мглой, и естество мое встревожено,
Сегодня день вина, шатров и огня.

В Кашмире иногда бывает такой день. Весенняя погода там явно отражает смысл [стиха Корана]: <...и вдуну от Моего духа>⁴, а живительный ветерок отражает стих: <...[Аллах] изводит живое из мертвого>⁵. Зелень его степей похищает славу у райских лугов, а перед цветами и деревьями его садов блекнет сад рая. Реки его, текущие по обработанным садам, напоминают стих Корана: <...[введет вас в сады], где внизу текут реки>⁶. Огненные цветы его бросают упрек огню Халила. Байт:

Когда стан его стройный появился в саду,
Зажегся в цветнике от цветения розы огонь Халила

(Отсюда до середины л. 285б продолжается риторическое описание пригорода Кашмира, не добавляющее новых сведений к уже сказанному, поэтому в переводе это место опущено). /285б/

[534] ...В городе и в его пригороде имеется много прекрасных зданий из сосны и кипариса, большинство которых имеют самое малое пять этажей. Каждый этаж содержит апартаменты, жилые комнаты, террасы, балконы, башни и превосходные удивительные входы — сколько ни прикладывай труда и старания, описать это не удастся. Внешний вид у них такой, что каждый, кто взглянет на них, прикусит палец удивления зубами изумления и остановится пораженный той оригинальностью. Однако внутренняя их часть не равноценна внешней.

Проходы на рынках и улицы города целиком, покрыты шлифованным камнем. Его базары не такие, как в других городах,— в рыночных рядах нет других лавок, кроме как лавок с мануфактурами и мелочными товарами, а каждый ремесленник и всякий человек работает у себя дома. Хлебные, парфюмерные, питейные и разные /286a/ лавки съестных продуктов, которые составляют красоту рынков, там совершенно не в обычае.

Население города по численности равняется населению больших городов.

Из фруктов, помимо груш, черного крупного тута, черешни, вишни, имеются и все другие, особенно хороши яблоки. Фруктов там столько, что они могут удовлетворить все желания.

Одно из удивительных дел следующее: в Кашмире выращивают много тута из-за его листьев, благодаря которым производят шелк, однако кушать плоды его не принято и даже неловко. И еще. В период созревания фруктов их редко продают и покупают, владелец сада и тот, у кого его нет, одинаково пользуются им. В садах загородки редки, и нет обычая, запрещающего людям срывать фрукты.

ГЛАВА 98. ИЗ ЧУДЕС КАШМИРА

Первое и самое значительное из чудес Кашмира — это его языческие храмы. Во всем кашмирском владении имеется, по предположению, сто пятьдесят, а возможно, и больше храмов. Они сложены из обточенных камней совершенно без известкового раствора. Без алебастра и цемента камень положен на камень так

плотно, что между ними не пролезет и бумага. И каждый камень длиной от трех до двадцати газдов, высотой в один газ и шириной от одного до пяти газдов — такой, что уму непостижимо, как можно привезти его и [535] поднять на строение. Большинство [храмов] построено по одному плану. Имеется четырехугольная ограда, высота которой в некоторых местах доходит до тридцати газдов, а длина каждой стороны — примерно до трехсот газдов. Внутри ее поставлены колонны. На верху колонн — квадратные капители, а выше их сооружены подковообразные опоры. Большинство колонн, капителей и подковообразных опор — каждые в отдельности — сделаны из цельного куска камня. Своды держатся на колоннах, а ширина каждого свода — три или четыре газа. Имеются также портал и ворота. Снаружи и изнутри портала поставлены колонны высотой в сорок— пятьдесят газдов; подковообразные опоры и капители их вырезаны из цельного камня и положены сверху на четыре колонны, состоящие из одного или двух кусков камня так, что портал /2866/ внутри и снаружи приобретает вид двух галерей, покрытых одним или двумя камнями. И каждая галерея имеет в длину двадцать, а в ширину — восемь или девять газдов. Верх галереи, покрытый цельным куском камня, капители, карнизы, выступы — «собачьи зубы», внутренняя и внешняя облицовка — все украшено рисунками и изображениями, описать которые невозможно. Некоторые из них представляют смеющиеся и плачущие физиономии, такие, что человек поражается, [увидев их]. А в середине — высокий трон, высеченный из камня, а над ним — купол, целиком из камня, такой, что ни рассказать о нем, ни описать его невозможно. Ни одного такого здания никто в мире не видел и не слышал о таком — куда там сто-сто пятьдесят подобных этому.

И еще. В восточной части Кашмира есть вилайат под названием Барнаг¹. Там имеется холм, на вершине которого — углубление наподобие бассейна, на дне того углубления — скважина. Та скважина целый год сухая, но когда наступает сезон Тельца² (Добавлено по Л₁ 200а; Л₂ 225а; Л₃ 1676), из нее начинает вырываться вода два или три раза в день так, что наполняет тот бассейн и начинает стекать со всех сторон холма в количестве, достаточном для работы одной или даже двух мельниц, и вновь успокаивается, и, кроме скважины, воды больше нигде не остается. Когда проходит сезон Тельца, весь год она остается сухой. Сколько ни засыпали ее и ни укрепляли алебастром и известковым раствором, в свое время [вода] все прорывала и ее никак не могли закрыть.

[536] И еще. В Нагаме³ — одном из известных мест Кашмира — имеется величественное и такое высокое дерево, что если выпустить стрелу, то, возможно, она и не достигнет [вершины]. Если кто-нибудь возьмется за его тонкую веточку и потрясет ее, то затрясется все это огромное дерево.

И еще. В Див Саре⁴ — одном из важных владений Кашмира, имеется источник — размеры водоема двадцать на двадцать газдов (Добавлено по R 428), а вокруг него — тенистые деревья и замечательная зелень. [Люди] кладут в глиняный кувшин рис, крепко закрывают его горло, пишут там свое имя и бросают в источник, а затем садятся [и ждут]. Иногда [кувшин] остается [в воде] пять лет, иногда появляется в тот же день — /287а/ определенного времени для этого нет. Когда он появляется, [смотрят: если] тот рис выходит сваренным и горячим — это считают хорошим предзнаменованием, а если испорченным, иногда с глиной и песком, а бывает еще хуже и неприятнее, тогда это считают плохим предзнаменованием.

И еще. В Кашмире есть озеро под названием Улур⁵, окружность которого составляет семь фарсахов. Посередине его Султан Зайн ал-'Абидин⁶, один из государей Кашмира, построил здание. Сначала он насыпал там столько камней, что поверх их из плотно пригнанных камней сделал квадратную платформу в двести квадратных газдов и высотой в десять газдов, а потом воздвиг на ней красивые здания, насадил прекрасные деревья, и, действительно, в мире мало таких красивых и удивительных мест.

И еще. Тот же самый Султан Зайн ал-Абидир построил для себя в городе дворец, на языке Кашмира его называют Радждан. Он — двенадцатиэтажный, некоторые из его этажей имеют пятьдесят комнат, кабинеты, террасы и балконы. Такое великопное и величественнее здание все [построено] из дерева. Оно имеет больше комнат и выше всех дворцов мира, [таких как] «Хашт бихишт» Султан Йа'куба в Тебризе, «Баг-и заган», «Баг-и сафид» и «Баги шахр» в Герате; «Кок-сарай», «Аксаарай», «Баг-и дилкушаи» и «Баг-и булди» в Самарканде. И хотя не имеет такого стройного плана и изящества, как у них, но оригинальности в нем больше, чем у них.

Господин Маулави Шарафаддин 'Али Пазди в «Зафар-наме», восхваляя Кашмир, написал об отдельных [537] вещах, которые несколько отличаются от действительности. Причина в том, что сам господин Маулави Кашмира (Добавлено по Л₂ 225б; Л₃ 1676) не видел, а расспрашивал у путешественников и писал по их рассказам. А те люди рассказывали, не установив, как следует правды, и в этом причина имеющихся несоответствий [действительности]. Вот этот рассказ.

ГЛАВА 99. РАССКАЗ ИЗ «ЗАФАР-НАМЕ»

Кашмир — одно из известных населенных мест мира, а так как /287б/ он расположен в необычном месте, то мало кто добирался туда, кроме человека, целью которого является поездка именно туда. Некоторые особенности положения [Кашмира] установлены нами со слов заслуживающих доверия надежных повествователей и от жителей той земли и будут изложены после расследования и проверки. А определение его места среди климатов, его размеры и протяженность [будут описаны] с использованием книг, посвященных этому. <Да поможет Аллах! >

Кашмир — это вилайат, расположенный почти в середине четвертого климата, потому что начало этого

климата там, где широта составляет тридцать три градуса и пятьдесят четыре минуты (В «Зафар-наме», с. 702—703 — 37 минут), а широта Кашмира — тридцать пять градусов от линии экватора и долгота от Джазаир-и Са'да¹ сто пять градусов. Земля того вилайата вытянута в длину. Со всех сторон <он окружен мощными (Приведено по «Зафар-наме». С. 703) горами. Южная гора его тянется в сторону Дели и <к землям Индии (Добавлено по «Зафар-наме». С. 703), северная — в направлении Бадахшана и Хорасана; с запада распложены места обитания и расселения афганских племен, и восточная сторона примыкает к землям Тибета. Протяженность равнинной части страны с восточной границы до западной — около сорока фарсахов, а ширина ее с юга до северной границы — двадцать фарсахов. И на той самой равнине, расположенной среди гор, имеется тысяча (В «Зафар-наме», с. 703 — десять тысяч) благоустроенных селений, в которых много зелени, воды и замечательных родников. В народе говорят, что во всей стране, в горной и равнинной частях, имеется сто тысяч селений, застроенных домами и с [538] обработанными полями. Одно из свидетельств благотворности (Добавлено по «Зафар-наме» С. 703) климата той страны — красивая внешность и врожденное изящество красавиц той местности, которые вошли в пословицу. Об этом сказано так — рубай:

Ты — царица всех красавиц Кашмира,
Ты — улада сердца того войска (Приведено по «Зафар-наме» С. 703) (красавиц) Кашмира:
Той гурии, которая приятна душе, говорят
Ты не стоишь подошвы красавицы Кашмира.

В его горах и на равнинах растут разные фруктовые деревья, и плоды их чрезвычайно хороши и полезны. Однако так как климату Кашмира присуще похолодание и там выпадают обильные снега, то фрукты /288а/ теплых стран, такие как хурма, апельсин, лимон и подобные им, там не вызревают, но их привозят из близлежащих теплых стран. В середине этой равнины, в одном (В «Зафар-наме», с. 703 — в двадцати фарсах) фарсах от гор, одинаково как с восточной, так и западной стороны, находится город под названием [Сри] Нагар² (Приведено по R 431) и, который является резиденцией правителей той страны. По середине его, как в Багдаде, протекает большая река, количество воды в которой больше, чем в Тигре Багдада. Удивительно, что такая мощная река вся вытекает из одного родника и источник этот также находится в той стране и его называют «родник Вир». Жители тех мест проложили через ту реку около тридцати [плавучих] мостов, связав цепями лодки, и открыли дорогу. Семь таких мостов имеется в городе [Сри] Нагаре, являющемся столицей страны и резиденцией правителей.

После того, как эта река пройдет Кашмир, в одних местах ее называют Дандана, в других—Джумла³ (В «Зафар-наме», с. 704 — Джамму). В верхней части Мультана <она соединяется с рекой Чинава и обе, проходя Мультан, соединяются с рекой Рава, которая проходит с другой стороны Мультана (Добавлено по «Зафар-наме». С. 704). После этого к ним присоединяется река Сийах (R 431 — Сийаб), и все они около [города] Уча соединяются с рекой Синд. Отсюда все эти реки называют Синдом и на земле Татта они впадают в море Оман (Приведено по Л₁ 201а; R 431).

[539] Глубокая мудрость Аллаха заключается с том, что искусный архитектор [стихи Корана]: <[И землю] Мы распростерли и устроили на ней прочно стоящие и произрастили на ней всякие красивые пары>⁴ — воздвиг вокруг того обширного пространства стену из неприступных гор, благодаря чему жители той земли защищены от копьей нападения, не заботятся о ремонте стены и не думают о том, что с течением времени (Приведено по «Зафар-наме» С 704) под действием ветра и осадков <ей будет причинен ущерб (Добавлено по «Зафар-наме». С. 704).

Больших дорог в том вилайате три: одна — в сторону Хорасана, и та дорога чрезвычайно трудна, настолько, что по той дороге не удастся перевезти грузы и тяжести на спинах вьючных животных. И люди тех мест, которые занимаются этим, несут груз на своих плечах и за несколько дней они доставляют их в то место, где можно грузить на животных.

Дорога в Индию такая же. Дорога, которая ведет в Тибет, легче этих двух, однако на протяжении нескольких дней пути встречается много ядовитых трав, и всадникам /288б/ трудно проехать по той дороге, так как животные гибнут.

ГЛАВА 100. КОРОТКО ОБ ИСЛАМЕ В КАШМИРЕ И О ПРЕЖНИХ МУСУЛЬМАНСКИХ ГОСУДАРЯХ КАШМИРА

Ислам в Кашмире распространился недавно. Все жители здесь были индийцы и исповедовали религию Брахмы. Некий Султан Шамсаддин прибыл сюда под видом дервиша. Тогда правила здесь женщина, а в каждой области Кашмира сидел свой правитель. Султан Шамсаддин посчитал необходимым служить царице, и через некоторое время царица изъявила желание выйти за него замуж. После этого события с течением времени этот Султан Шамсаддин установил свою власть над всем Кашмиром, и [впоследствии] его сын Султан 'Алааддин занял его место. А после него Султан Ку'тбаддин б. Султан 'Алааддин стал преемником отца. В его время сюда приехал Амир-и Кабир 'Али ас-Сани, [известный как] Саййид 'Али Хамадани, <да освятит Аллах его тайну>. После этого приезда [Кутбаддин] прожил не более сорока дней. Затем его сын Султтан Искандар воссел на престол вместо отца. Он распространил религию ислама и

разрушил все языческие храмы. Его [540] сын Султан Зайн ал-'Абидин стал преемником отца и царствовал пятьдесят лет. Он старался благоустроить Кашмир и снисходительно относился ко всем племенам мира, не обращая внимания ни на неверие, ни на ислам. В его период Кашмир стал тем городом, который дошел до настоящего времени. В Кашмире имеется много мастеров в разных ремеслах, редко встречающихся в других городах, как-то: граверы, резчики по камню, стеклодувы, золотых дел мастера и другие ремесленники,— на которых на деревенских базарах нет спроса. Во всем Мавераннахре, кроме Самарканда и Бухары, нигде нет таких ремесленников, а в Кашмире они есть по всем видам ремесла и даже их много, и это дело рук Султан Зайн ал-'Абидина.

После Султан Зайн ал-'Абидина начался упадок Кашмирского царства. Кашмирские эмиры обрели силу и от власти кашмирских государей они не оставили ничего, кроме названия; дошло до того, что эмиры даже внешне перестали признавать их. И те несчастные султаны, посчитав за удачу спасение своей головы, покинувши родину и согласились на все. /289а/ Султану Надипу¹, который сегодня находится со мной, я оказываю больше внимания, чем оказывали [прежним государям] сановники этой страны. До Султан Зайн ал-'Абидина несколько человек носили имя государя, однако они не были самостоятельными.

ГЛАВА 101. УПОМИНАНИЕ О РЕЛИГИОЗНОЙ СЕКТЕ КАШМИРА

Жители Кашмира целиком придерживались ханифитского толка [в исламе]. В правление Фатх шаха¹ — отца Надир султана, сюда прибыл человек по имени Шамс из Талиша² в Ираке и назвал себя Нурбахши. Он распространил разрушительную секту, назвав ее «Нурбахши». Он открыто проповедовал неверие и разные ереси и распространил среди низких людей книгу под названием «Фикх-и ахват», которая не соответствовала [учению] ни одной из сект — ни у суннитов, ни у шиитов, <да будет проклятие людей, да не будет она угодна Богу>. [Последователи той секты] признают пророка (Добавлено по Л₁ 2016) и Айшу, которые являются знаменем рафизитов³, однако вопреки убеждению шиитов считают Амир Саййид Мухаммада Нурбахши повелителем времени и обещанным Махди; в противоположность шиитам они [541] признают всех великих святых, однако их считают суннитами (Приведено по Л₁ 2016; Л₂ 226а; Л₃ 168а; R 435), <да сохранит нас Аллах от убеждений неверия и ереси>.

Во всех своих молениях и делах, сделав подобные этим заимствования, чистую ересь они называли верой Нурбахши. Я видел группу шейхов Нурбахши в Бадахшане и все разузнал. Внешне они выглядели согласно установлениям пророка и целиком относились к суннитам и к мусульманской общине. Один из сыновей этого Мир Саййид Мухаммада Нурбахши показал мне его трактат, где тот пишет: «Их султаны, эмиры и невежды полагают, что внешняя власть не совместима со святостью и благочестием. Однако это абсолютное заблуждение, потому что все великие пророки и посланники [божий] правили, имея пророческую миссию, и проявили в этом деле похвальное старание, как Йусуф, Муса, Давуд, Сулайман и убежище пророческой миссии [Мухаммад], <да будут над ним молитвы и мир>, а из великих святых — Сиддик, Фаруг, Зи-и-Нурун и Муртаза, <да будет над всеми ними благоволение Божие>. Цель [от сказанного показать], что /289б/ [эти слова] противоречат секте Нурбахши в Кашмире и соответствуют [учению] суннитов и мусульманской общине. А ту книгу «Фикх-и ахват», которая распространена в Кашмире, я отправил улемам Индии, и на той же самой книге они написали фетву, она следующая: Фетва ученых Индии:

<Во имя бога милостивого, милосердного! О боже, покажи нам истину в реальности, ложь — в ее неприкрытости, и все вещи, как они есть>.

После чтения этой кинги и обдумывания [затронутых] в ней вопросов стало ясно, что ее автор придерживается ложного учения и выступает против Книги, и общеизвестной Сунны, и общего мнения народа и не относится ни к одной из сект людей истины. Он придерживается явно заявления:¹ <Бог приказал мне покончить с противоречиями среди верующих: [во-первых], в отношении ответвлений в шариате Мухаммада, [восстановив его] как было в свое время без прибавления и уменьшения; [во-вторых, восстановить] основные положения веры среди верующих и большинства людей мира>. Так он впадает в ересь и заблуждение. Уничтожение таких книг и запрещение их в мире является обязательным для людей, имеющих [для этого] силу.

[542] Искоренение и недопущение этого учения—одна из религиозных необходимостей, а препятствование и противодействие поборникам этой книги и последователям того учения является обязательным предписанием религии [ислама]. Если они будут упорствовать и не переменятся, то для удаления этих неприятностей на пути ислама и для отражения их злобы от мусульман необходимо прибегнуть к наказанию и убийству их, <чтобы поддержать истинную религию и сберечь праведный путь>. А если они покаются и оставят это учение пусть им прикажут стать последователями толка Абу Ханифы, <да будет милостив к нему Аллах и все>.

В настоящее время в Кашмире все суфии склоняются к ереси так, что они уже не знают, что дозволено, а что нет. Благочестие и святость они видят в бодрствовании по ночам и в воздержании от пищи. Все, что они находят, они кушают и берут все, не разбирая, что запрещено, а что дозволено. И все они вместе проявляют корыстолюбие и жадность, стремятся овладеть источниками вакфов, что идет вразрез с шариатом. Они постоянно мечтают о пророчестве, заявляют о чудесах наподобие «то будет», /290а/ «это будет» и сообщают о сверхъестественных явлениях будущего и прошлого. Они поклоняются друг другу и при наличии такого срама уединяются на сорокадневные [моления], знание и людей знания они хулят и питают отвращение к

ним, и шариат они считают вне тариката, так что эти приверженцы тариката нисколько не считаются с шариатом. Таких безбожников нигде в другом месте не встречалось. <Бог преславный и всевышний> да хранит всех мусульман от этих несчастий и бед в убежище своей чистоты и да наставит он всех на праведный путь шариата <во имя Мухаммада и его славных потомков>. <Слава Аллаху, который [ниспослал] эту помощь>: сейчас никто открыто не осмеливался произносить эти пустые речи, и все совершенно не признают [это учение] и причисляют себя к суннитам и к общине мусульман. Строгость сего раба им известна и если [что-либо подобное] появится, то, кроме казни, другого отношения к ним не будет. Я надеюсь, что это несчастье благодаря помощи всевышнего Аллаха и моим стараниям исчезнет, и все они внутренне воспримут ислам таким же образом, каким они сейчас внешне показывают себя мусульманами. <Аминь, о владыка обоих миров>.

Существовала группа еретиков, поклонявшаяся солнцу, которую называли «шамасин» — [543] «солнцепоклонники». Учение их заключалось в следующем: сияние солнца существует благодаря чистоте нашей веры, а мы существуем благодаря сиянию солнца. А если мы запачкаем чистоту нашей веры, солнце прекратит свое существование, а если солнце лишит нас своей благодати, наше существование также прекратится. Солнце существует с нами, а мы существуем с ним, без него для нас нет бытия, без нас для него нет бытия. Когда оно есть, наши дела ему видны, и поэтому, кроме правильного дела, никакое другое не допустимо. Когда наступает ночь, [солнце] нас не видит и ничего не знает о нас, а так как оно не знает, что делается ночью, то все, что делается ночью, тому нет порицания. И эту секту называют «шамасин». И все это я привел по рассказам.

Когда этот Мир-и Шамс объявился в Кашмире и испортил людей, у него было прозвище Шамсаддин. ((Добавлено по Л₂ 2276, Л₃ 169а)) /2906/ То, что ему дано прозвище якобы по небу, возможно, его имя было Шамасинаддин, а люди Кашмира ошибочно и для облегчения называли его Шамсаддин и таким же образом для облегчения чаще они называют его Мир-и (Добавлено по Л₁ 2026, Л₂ 2276, Л₃ 169а) Шамс.

ГЛАВА 102. ВОЗВРАЩЕНИЕ К ОКОНЧАНИЮ ПОВЕСТВОВАНИЯ

До того, как [приступить] к описанию и рассказу о жизни и положении Кашмира, изложение событий было доведено до того места, когда мы с легкостью прошли ущелье Лар и вошли в город. Войско Кашгара разбежалось, жители покинули город и ушли в горы и ущелья, а все имущество осталось на местах и в жилищах. Я остановился в Радждане, о котором уже упоминалось. Войско я поместил в огражденном месте Радждана, за стенами с бойцами, и в течение нескольких дней не было никаких признаков людей. Мы находились в том месте двадцать четыре дня, пока к лошадям и воинам не вернулась сила. Войско Кашмира сидело в двух фарсах к югу от города в середине болотистой местности, оттуда и появилось. Авторитетные люди советовали. «Охрана города нас не касается. Нам следует выйти наружу и выждать удобный случай, чтобы завязать сражение, потому что их войско по числу и [544] оружию превосходит наши возможности и силу, и войско Кашмира мы можем разбить только хитростью. Байт:

Так как дело венчается успехом благодаря
предприимчивости,
Ты не обманывайся бездействием врага.

Мы выступили из города, прошли перед их войском, описав круг, и расположились на востоке от Кашмира в местности под названием Баклана. Одним словом, с того времени — от месяца джумади II до ша'бана, что соответствует концу месяца тир¹, до весны мы убежали от войска Кашмира и от этого оно возгордилось и осмелело. И было так: если в начале каждый раз, когда мы перекочевывали из одного места в другое, они выжидали несколько дней, отыскивали надежное место напротив нас, тайно укрепляли то место всеми способами, которые знали, а ночью выступали и закреплялись там, то впоследствии они без боязни перекочевывали за нами в тот же день, когда перекочевывали мы. В конце концов, когда однажды в местечке Багбун (В Л₂ 2276 — Багбудан; R 438 — Баг Навин (Банин, Баун)) они смело /291а/ выступили и вышли на ровную местность, я обернулся и оказался перед ними. Подробности этого удлинит рассказ. Короче говоря, в одно мгновение подул ветер победы из места благоденствия и помощи милостивого, открывающего [двери счастья] Господа и стал сыпать на головы врагов прах и пыль унижения. Байт:

От множества убитых и свалившихся один на другого
Вся земля превратилась в гору от края до края.

Самым главным из правителей Кашмира был Малик 'Али. Вместе с несколькими влиятельными правителями, которые были военачальниками Кашмира, он возглавил отряд смертников, державших лицо повернутым к небытию, и все они погибли. Оставшиеся в живых люди бежали и ушли на вершину горы. Большинство из них были ранены, а у здоровых сердце от страха расколосось надвое. Они решили бежать в ту ночь, так как оставаться до завтра было нельзя. Военачальники войска были ошеломлены и растеряны. А со мной из-за божественного предопределения произошло удивительное дело. Оно заключается в

следующем: я знал о коварстве и мерзости природы Мирзы 'Али Тагай, но в этом деле он превзошел даже дьявола.

[545] Байт:

Что я могу сказать?

Все, что случилось со мной,—

Из-за моей глупости, происходящей от простоты души.

Короче говоря, Мирза 'Али Тагай явился ко мне и стал давать советы, кратко они таковы: «Хотя это войско и побуждало, оно все равно сражалось, а так как оно поднялось в горы, то ясно, что оно будет там укрепляться. Для нас же идти сражаться в горы неблагоприятно и не дело обретенную нами репутацию подставлять под удар ошибок. Путь для уничтожения войска состоит в том, что мы сейчас отправимся передовым отрядом в нижний Кашмир, где находится имущество противника. Когда мы пойдем на имущество и семьи воинов, то их пребывание здесь потеряет значение и тогда они поневоле должны будут спуститься вниз, чтобы защитить свое имущество. Те, у которых имущество находится наверху [в горах], не пойдут с ними вниз. Те, у которых имущество находится внизу, пойдут к своему имуществу, и они составят небольшое количество воинов. Когда они таким образом распадутся, то больше не соберутся и не будет нужды сражаться». Приняв эту трескотню /2916/, нашептанную дьяволом, за блеск власти и посчитав правильной ту нелепицу из нелепиц, я принял ложь того лжеца и закрыл дорогу истины перед своим мысленным взором. Согласившись с его лживой болтовней, я решил наутро выступить с отрядом. [Стихи]:

Так как я не устоял перед интригой дьявола,

Я упал с высоты головы вниз.

Утром мы отправились вниз. Пришел Мир Даим Али и, упрекая меня, сказал: «Какие трудности мы претерпели, чтобы добиться такого положения? Теперь, когда мы рассеяли сборище врагов и собрали их здесь, куда же ты идешь, оставив их здесь?» Я стоял в нерешительности, когда подъехал Мирза 'Али Тагай и спросил о причине остановки. Мир Даим 'Али повторил то, что сказал мне. Мирза 'Али Тагай обратил ко мне свое лицемерное лицо и сказал: Менять каждый миг свои решения — это занятие детей. Надо делать то, что решено». Байт:

Пока не наступит обещанный срок какого бы то ни было дела, [546]

Не принесет пользы помощь друга, каким бл он ни был другом

Доброжелательство и добрый совет Мир Даима 'Али, которые были истинной правдой, я не принял во внимание и послушался слов того негодяя, которые были явно неверными. Рубай:

Не относись одинаково к врагу и к другу,

Не верь слову каждого человека,

Ты должен знать как друга, так и врага,

Чтобы дело свое ты не расстроил и не ухидшил

Короче говоря, по наущению того глупца мы выступили от колодца Авеля и Бабеля и отравились в пределы Нагама. Мирза 'Али Тагай шел впереди. На второй стоянке поступило известие, что дороги вниз нет, а если и есть, то такая, что неблагоприятно вести по ней войско. Уйдя с одного места и застряв в другом, мы засели в местечке под названием Чарура (В Л₁ 2036 — Чардара, Л₂ 2286, Л₃ 170а — Джарруза, R 439 — Джарура).

Войско Кашмира очень обрадовалось нашему выступлению, [разбежавшиеся воины] собрались ото всюду, куда бежали, спустились с гор и засели в надежном, месте, огородившись ветками. Стихи.

Что выпало мне на долю от мучений острия меча,

Я был мертв, но Бог заново дал мне жизнь

Это событие произошло четвертого /292а/ ша'бана 939 (1 марта 1533) года. Один из ученых <того времени (Добавлено по Л₂ 2286, Л₃ 170а) нашел хронограмму [для этого события] в словах «Руз-и чахарум аз мах-и ша'бан» — «четвертое [число] месяца ша'бан».

Когда пришел месяц ша'бан и закончился сезон Тельца, все то, что в сильную стужу месяца Дея² выпало на перевалах из решета облаков сезона Козерога, растаяло от тепла солнца сезона Тельца.

Мирза 'Али Тагай по своей злобе будоражил сердце предводителей [войска] разговорами, в которых не одобрялось и осуждалось (Добавлено по Л₂ 2286, Л₃ 170б) завоевание Кашмира, пока он совершенно не отвратил сердца воинов от Кашмира, за исключением Мир Даима 'Али, на которого не действовало злословие того негодяя. [Мирза 'Али Тагай] собрал всех предводителей войска моголов, т. е. все [547]

низкое сборище сплетников. Главари того сборища, введенные в заблуждение, пришли к Мир Даиму 'Али и единодушно, в один голос, с шумом и криком заявили: «Доведи до сведения того человека»,— под «тем человеком» они имели в виду меня — «что мы — моголы и всегда занимаемся делами Моголистана. Излюбленным местом для могольского народа является степь, где нет никакого благоустройства; мы всегда предпочитали хохот совы на развалинах пению соловья в саду. Мы, подобно злосчастной сове, не селились в благоустроенных местах; нашими друзьями были <горные звери (Перевод условный (ср. R 439), слово написало неясно во всех списках)>, товарищем — кабан. Привычный для нас дом и понятное для нас жилище — расщелины на вершинах гор; наша одежда — шкуры собак и хищных зверей, наша пища — мясо птиц и диких животных, как сможем мы, потомки воинственного народа, объединиться с безумными неверными в Кашмире, представляющем собой райский сад, даже образец высочайшего рая, как говорят: <язычники не могут войти в рай>. Кроме того, от Кашмира до Кашгара очень далеко, а из-за дальности расстояния невозможно перевозить скарб и пожитки и не привычно для стада, а без этого стада мы станем плакать от нашей жизни; вдали от того стада нам станет невоготу и смерть нам покажется благом. /2926/ Итак, лучше, чтобы мы распустили это войско и ушли к [Са'ид] хану. Если хан убьет нас, то наш труп понесут наши люди, а если не убьет, то ни в какое другое место мы не направим поводья нашего желания, кроме Моголистана». Байт:

Если на этот раз я спасу свою душу от печати по тебе,
В другой раз я не буду мечтать о любви

Мир Даим 'Али пришел ко мне и повторил то, что они сказали. Я был поражен поведением тех неразумных людей. Мисра:

Манера какого народа и обычай какой страны это?

Рассказывают, что один чистильщик отхожих мест проходил перед парфюмерной лавкой и, почувствовав запах духов, потерял сознание. <Какой-то врач присутствовал при этом и сказал, что надо поднести к его носу [548] сосуд для исследования мочи. Он тотчас же пришел в себя и сказал (Добавлено по Л₁ 204а; Л₂ 229а, Л₃ 170б) — стихи:

Много лет я слышал
Похвалы благовониям и амбре,
Но было бы лучше, если бы я увидел навозную кучу,
Чем то, что я увидел на лотке парфюмера

Короче говоря, я сказал Мир Даиму 'Али: «Дальнейшее завоевание Кашмира прекращается. Эти неразумные люди приступят к такому делу, которое разрушит основы государства». Мир Даим 'Али сказал: «Когда [Са'ид] хан отправлял нас, он предупредил меня, что Мирза 'Али Тагай среди всех дел ханства выбирает то, что выгодно для него, а в отношении большинства других дел проявляет беспечность. Все важные дела ханства он откладывает ради исполнения своих личных дел, которые он сделал целью. Много раз я прощал ему эту вину и покрывал полою прощения низость этих дел. Намерения [нашего] ясного ума мы всегда сообразовывали с его желаниями. И это приводит к разброду [в нашем уме] и к появлению нежелательных происшествий. Если и на этот раз он поступит по своему обыкновению, то с помощью моего сына Искандар султана освободите его тело от дел жизни. В этом случае уничтожение его нельзя откладывать, потому что проступки его так и остались за ним». Когда ханский ярлык на уничтожение [Мирза 'Али Тагая], изданный со множеством подтверждений, будет исполнен, то больше ни у кого не останется лазейки для зла и проявления вражды и наступит полное согласие. Владение Кашмира, /293а/ которое никогда не было под властью могольских ханов, покорится завоеванию и за тобой останутся доброе имя и слава на долгие времена. У династии могольских хаканов ты заслужишь большую признательность себе, которую никто никогда не имел».

Я ответил: «Вот уже десять лет, как подданные хана целиком и полностьюверяют мне дела войска и присоединяют ко мне эмиров. <Слава всевышнему Аллаху>, до сих пор все дела завершались благополучно; не произошло ни одного дела, на которое можно было бы положить палец возражения и перст предостережения. Если произойдет это дело, низость его будет связана с моим именем. После этого каждый из эмиров, в чувстве страха которого имеется внушение дьявола, [549] уверится в том, что его присоединили ко мне, чтобы я исполнил дело ангела смерти, и он, чтобы спасти себя, проявит, конечно, большое старание, и мое пребывание рядом будет вызывать у человека страх за свою жизнь. А это не сообразуется с нормами человечности (В Л₂ 229б, Л₃ 171а, R 440 — мусульманства) и вместе с этим противоречит священному шариату».

Когда я оком соображения увидел в зеркале размышления, что есть только два выбора: один — убить Мирза 'Али Тагая и завоевать Кашмир и другой — не убивать его и оставить Кашмир, в конце концов я согласился оставить Кашмир. Правителям Кашмира я предложил мир. Я не внял советам умных людей и испытал из-за этого много страданий и увидел то, что увидел. Говорят, что если кто видит перед собой низкого врага и не убьет — сам себе враг. Байт:

В руках — камень, на камне — змея,
Безумием является раздумывание и промедление.

ГЛАВА 103. РАССКАЗ ОБ УХОДЕ АВТОРА КНИГИ ИЗ КАШМИРА И О ТОМ, ЧТО ПРОИЗОШЛО В ТЕ ДНИ

В то время султаном Кашмира был Мухаммад шах¹. Маликами Кашмира после упомянутого убитого [в столкновении с нами] 'Али мирзы были 'Абдал Макри, Каджичак, Лаухар (В Л₂ 229б; Л₃ 171а — Бокиджак, R 441—Йакчак) Макри и Рикиджак (Добавлено по Л₂ 229б; Л₃ 171б). Когда им был предложен мир, они были очень признательны /293б/ и даже не верили, что, завоевав такую прекрасную стану, ее можно вновь отдать — что за безрассудство! Короче говоря, украсив славным именем и титулами [Са'ид] хана хутбу и чекан монет, забрав мал Кашмира столько, сколько было собрано (Добавлено по Л₂ 229б; Л₃ 171б), взяв в жены для Искандар султана одну из целомудренных дочерей (Добавлено по Л₂ 229б; Л₃ 171б) Мухаммад шаха, каждый из нас встретился с равным себе [по положению] султаном и маликом Кашмира. Так, я встретился с Мухаммад Шахом и <по обычаю правителей (В R 441—«и по обычаю моголов») мы стали называть один другого «другом». Мир Даим 'Али встретился с 'Абдал Макри, Мирза 'Али Тагай — с Лаухар Макри, Баба Сариг мирза — с Каджичаком, а сын моего дяди, Махмуд мирза, о котором будет упомянуто дальше — с Рикиджаком (В R 441—Йакчак)—все [550] обменивались подарками и подношениями из того, что было возможно.

В последний день [месяца] шавваль мы отправились обратно по Ларской дороге, по которой прибыли сюда. Когда мы достигли пределов Тибета, большинство его жителей поспешили встретить нас подношениями и малом, кроме жителей одного из вилайатов Тибета— Карса. Там имелось ущелье, такое узкое, как сердце скупого, и в конце теснины шел ров, подобный стене вала, такой глубины и такой страшный, что сила воображения не может постичь этого. Туда вела узкая тропа, на которой в ясный день было темно, как ночью. Надеюсь на такое ущелье в своих горах и на то, что ни одно живое существо не сможет покорить это ущелье, они проявили непокорность и допустили пренебрежение в уплате мала. Во время полуденного намаза мы расположились неподалеку от них и всю ночь до утра готовились к бою.

Утром, когда золотые нити щита небесного свода протянули свои лучи с востока к земле для захвата крепости и покорения мира, войско вооружилось и издало боевой клич. Произошло сражение. Несколько раз неверные сбрасывали сверху руками камни (Приведено по Л₁ 205а; Л₂ 230а; Л₃ 171б) и прогоняли войско ислама. А войско ислама крепко подвязывало полу мужества поясом старания и ставило ногу твердости на гору войны с неверными. В конце концов порыв ветра ислама /294а/ как солому развеял ветром небытия крепость неверных, которая была подобна горе, так что большинство тех убийц неверных и проклятых упрямцев было перебито, а спасшиеся от меча полетели как порошок по ветру бегства и исчезли. Все, что было у них немного и говорящего из числа их имущества и семейства, досталось храброму войску ислама. От этого необъятный ужас поселился в сердцах других неверных и, сделав средством спасения своей жизни и детей все, что они имели, они положили на блюдо подношения и преподнесли нам. Мы собрали весь мал вилайата Пурик, являющегося одним из важных владений Тибета, и разделили между эмирами и воинами. Специально для хана мы отобрали немного редких вещей и направились в Марйул.

[551] ГЛАВА 104. ВОЗВРАЩЕНИЕ ХАНА ИЗ МАРЙУЛА В СТОЛИЦУ ЙАРКАНД И РАЗРЕШЕНИЕ АВТОРУ КНИГИ ОТПРАВИТЬСЯ В УРСАНГ

Стихи:

Хорошо, когда удастся свидеться с тобой,
Мои глаза освещаются твоей красотой,
Глаза мои, освободившись от темноты разлуки с тобой,
Освещаются утром свидания с тобой.

Расставание, в конце которого наступает встреча, и разлука, которая в итоге завершается свиданием, пронизательным людям не кажется несчастьем. Всадники страстных желаний и страданий толкуют такую разлуку как свидание, соединенное с разлукой, и в этой разлуке на пути (Добавлено по Л₁ 205а) к свиданию они прокладывают широкую дорогу из надежды соединения с радостью. Байт:

В утро свидания я живу встречей с тобой,
А в ночь разлуки я живу мыслями о тебе

[И все это] вопреки тому, что за свиданием рисуется разлука, как говорят — стихи:

Вдали [от друга] нет ничего, кроме надежды на свидание,
Вблизи от него охватывает страх потери,
Огонь разлуки сжигает сердце и душу,

Свеча надежды возрождает душу

Это положение соответствует удивительным событиям, пережитым сим рабом, необычность которых повергнет в изумление проникательных людей. Вот они: сей раб прибыл, одержав разные победы, и прахом ханского порога провел по своим глазам подобно лечебной сурьме.

Когда счастливый взгляд [Са'ид] хана пал на меня, от счастья встречи /2946/ на его лице стали проступать признаки радости. Он простер ко мне руки милости и раскрыл объятия радости. Я выразил ему такую преданность, выше которой невозможно представить себе. Я приблизился и ощутил счастье объятий. Обилие радости и большое счастье растрогали сердце. Хан некоторое время держал меня в объятиях, осыпая мою шею и плечо жемчужными каплями своей милости и любви. Я так же, рассыпая подобно каплям дождя перлы из [552] раковины искренности и чистоты, наполнил ими подол могущества и объятия счастья хана. Рубай:

От свидания с тобой разум мой в растерянности,
А от слез объятия мои наполнились жемчужинами.
Ты не стряхивай свой подол, если обидишься на меня,
Потому что от плача моего твои объятия наполнились
жемчужинами

После выражения почтения и выполнения церемоний приветствий хан подробно расспросил меня о делах. Я изложил все таким подробным образом, что в изложении моем отразились все мельчайшие детали происшедших событий. Когда подробности событий полностью дошли до высочайшего слуха [Са'ид] хана, он еще раз рассыпал жемчужины царской благосклонности и сказал: «Благодарность к тебе этого ханского семейства самая великая и истинная, потому что никто прежде из хаканов-завоевателей, от Чингиза до наших дней, не протянул руку господства к воротнику Кашмира. Сейчас благодаря твоему самоотверженному старанию и усердию минбары Кашмира украсились титулами могольских хаканов. Султаны и правители его поставлены в ряд с другими султанами мира, которые выражали покорность и повиновение в прежние времена и сейчас беспомощны перед властью могольских хаканов. И это великое и славное дело, признательность за которое обязательна как для нас, так и для всех могольских хаканов и для всех государственных мужей, особенно для наших детей, так как этим наше имя обрело славу, а гордость этого имени принадлежит им!»

На основании указа хана сей раб оставил войско и обрел счастье служения ему. На следующий день остальные эмиры и Искандар султан также удостоились чести целования высокого порога /295a/ [Прибыли также] все воины, на которых намекает [стих Корана]: <Он развединил моря, которые готовы встретиться>. Мал Кашмира, некоторое количество серебряных и золотых монет, отчеканенных со славным именем хана, вместе с добром других вилайатов тех пределов я преподнес хану в качестве подарка. Он милостиво все принял и по обычаю разделил. После церемоний проявления милостей к остальным воинам и уважаемым эмирам он созвал вельмож на совет. Каждый [553] высказал то, что пришло ему на ум соответственно положению и согласно обстоятельствам. Когда высочайший слух хана выслушал все речи, после некоторого раздумья он обратился ко мне: «Да будет тебе известно, что я всегда искренно говорил и истинно желал лично самому ради Аллаха совершить священную войну и из всех мусульманских [правителей] лично самому выполнить эту достойную обязанность. Моим намерением было и разрушение языческого храма Урсанг, являющегося местом поклонения всего Китая, тем более что никому из государей ислама не выпало на долю [завоевывать его] и мусульманам даже никогда не случалось ступить туда. Моего здоровья не хватило на это. В тех священных войнах, которые уже совершились, это намерение в какой-то степени осуществилось несмотря на то, что я постоянно чувствую в своей натуре и внутри себя сильную слабость, как это видно по моему внешнему виду. Теперь необходимо, чтобы ты передал меня под непорочную защиту всевышнего и преславного Аллаха и в качестве моего представителя подвязал полу усердия к поясу священной войны и выступил на разрушение того [храма], а я вернусь в привычное для меня место. Таким образом, все дела целиком поручаются тебе, а меня и своего дядю, так как мы оба стали старые, ты помести в уголке для молитв, где заключено сокровище блаженства, и возмись за дела этого государства, а мы будем тебя поддерживать своими добрыми молениями, а ты поддержи нас добрыми делами». Он много произносил таких речей и издал указ: «Мирза Хайдар облечен полномочиями взять с собой любого, кого пожелает, и никто не имеет права пренебрегать его приказом».

Когда был издан такой указ, я отпустил больших эмиров, /2956/ взял с собой моего брата 'Абдаллаха мирзу и сына моего дяди Махмуда мирзу, назначил в это войско Джанака мирзу и Бахрака мирзу, имена которых упоминаются в кашгарском походе, из остальных воинов я отобрал две тысячи человек и занялся этим делом. До того, как все было подготовлено, прошло шесть дней из [месяца] зу-л-хиджжа и столько же длилось мое пребывание [у хана]. В день расставания он позвал меня, когда был один, подарил мне в качестве суйургала столько особых одежд, сколько было под рукой, прибавил к тому дару несколько лошадей, пояс и несколько ножей в одних ножнах — оба были [554] изобретены им самим, весьма редкостные и оригинальные, и, вручая их мне, сказал: «Это из моих изобретений, я вручаю их тебе как память. Если ты благополучно возвратишься и найдешь меня в живых, то вернешь их мне, так как я даю

тебе их на время и поручаю хранить их для удачи. А если неизбежная печать для всех созданий будет поставлена на моей особе и если произойдет вечная разлука между мною и тобой, тогда это останется тебе на память [обо мне]». Я постарался проявить свое беспредельное почтение к нему и поводыя самообладания выпали из рук моего терпения. От засухи горя и печали влага, находившаяся в хранилище моего сердца, начала изливаться через глаза. Беспокойство и волнение упали на вату моего терпения и стойкости. Хан от чурствительности своего сердца также начал рассыпать жемчужины [слез]. После того, как мне удалось справиться с волнением, я сказал: «Какая сила сердца и спокойствие духа нужны, чтобы слышать произнесенные Вами слова и приступить к какому-нибудь другому делу, кроме услужения Вам? Я буду находиться у Вашего счастливого стремени до столицы государства — Йарканда. Когда же Вы в полном здравии и при поддержке счастья окажетесь в обители благополучия, тогда я вернусь к этому делу. А остальные воины пока займутся выпасом лошадей на одном из пастбищ Тибета». Хан сказал: «Откладывание дела противоречит здравому смыслу. Мои слова /296а/ ты воспринял неверно. Ни одна живая душа, без сомнения, не думает о смерти, и те слова продиктованы не какой-нибудь болезнью или недугом. Мои слова были сказаны на тот случай, если по дороге со мной что-нибудь произойдет, а если я благополучно доберусь до родных мест, то, конечно, в дальнейшем я буду избавлен от этих страхов. Так как разлука между нами продлится долго, а человек не защищен от того, что я сказал, то поскольку сейчас есть время для разговора, я и уведомил тебя о том, что уже сказал. То, что я сказал тебе, не предполагает того, чтобы ты шел со мной и вновь возвращался. Во всех случаях надо надеяться на бога и во всех делах полагаться на его волю. Я вручаю тебя богу и надеюсь, что мы снова благополучно встретимся друг с другом. К тому, к чему ты должен приступить, приступай решительно и прояви похвальное старание. Слава твоего доброго имени, получившего уже [555] известность благодаря завоеванию Кашмира, этим делом увеличится вдвое, а одобрение этого дела целиком будет связано с моим именем — и за все это в моем сердце благодарность тебе».

Он долго произносил подобные речи, затем отпустил меня и пустился в обратный путь.

ГЛАВА 105. УПОМИНАНИЕ О ЗАВЕРШЕНИИ ДЕЛ ХАНА И КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ЕГО ЖИЗНИ

Рубай:

Весь этот мир станет небытием,
Все, на что ты смотришь, исчезнет,
Тот, кто существует вечно, — бог,
Тот, кто превращается в тлей, — человек

Слова великих мудрецов: все, кроме Господа, <да будет он велик и превозвышен>, подвержено исчезновению, и суть небытия известна — исчезновение, а его отражение существует в воображении. Вчерашнего дня не было, [а в соображении] он был. То, что было невидимо, сегодня стало зримым, и видится оно без его бытия — что же из этого откроется завтра? Тот, который всегда был и всегда будет — это Он, и вуаль его не порвет колючка никакого происшествия. Рубай:

Каждый лик, покоряющий сердце, который покажется
перед тобой,
Будет восхищен небом с орбиты твоего глаза,
Отдай сердце тому, кто по сути своего существа
Был всегда с тобой и будет.

Предопределение всевышнего и всесвятого Творца направлено на то, чтобы каждый, имеющий душу, испил глоток из чаши отчаяния — < каждая душа подвержена смерти > — и от бодрствования существования заснул пьяным сном небытия. Рубай:

/296б/ Все те, которые ушли и пропали,
Все они исчезли по дороге небытия,
Они были кувшином вина в собрании друзей.
На один миг раньше нас они опьянели.

Никогда не распускался цветок в саду вечности, и никто не вдыхал аромат того нераспустившегося цветка. Только тот нашел дорогу в сад вечности, кто перешагнул через стену небытия и сбросил одежду бытия. Как это бренное тело может достичь моря вечности, [556] если ветер тленности не подготовит его, а глаз сможет увидеть из дверцы небытия цветник вечности? Место постоянного пребывания всех — обитель вечности, а место бегства всех — дома тленности. Устраиваться на том месте, с которого надо бежать, — ошибка. Байт:

В месте прохода потока небытия строит дом

Разве что сумасшедший, умный не построи
Воротник ни одного гордеца не уцелеет от руки смертного часа, разве что душа его

Стихи:

Я слышал, что блаженный Джамшид
Написал на камне у источника
У этого источника подобно нам отдыхали многие,
Очи ушли, только успев закрыть глаза
Они завоевали мир мужеством и силой
Но не унесли его с собой в могилу,
Мир о сын не есть царство вечное
Нельзя надеяться на постоянство его,
Когда чистая душа приготовится к уходу,
То нет разницы умереть на троне или на земле
Если ты и сто лет будешь жить, но в один день
Ты должен уйти из этого радующего сердце дворца

Цель этого вступления и этой речи — описать конец счастливой жизни [Са'ид] хана. Когда он решил упомянутые дела, то отправился из Марйула Тибета в Йарканд. Я проводил его на [расстояние] однодневного пути и поставил клеймо прощания на челе расставания. Огонь безнадежности так и пылал в сердце надежды. Несущий благоденствие взгляд хана до тех пор, пока я видел его, был обращен в сторону сего раба, а я отправился с тревожной душой, с глазами, полными слез, и с сердцем, сжигаемым огнем разлуки. Стихи:

О вращающееся небо, дело твое всегда такое
Обычай твой — насилие, притеснение, жестокость к нам (Текст неясен),
А религия твоя — разлучать любящих друзей
Такой удивительный у тебя обычай и что за религия
приносящая беду

В то время, как каждый миг раздувался огонь расставания и усиливалась печаль разлуки, в своем воображении я мечтал о встрече, так как многие такие ночи разлуки /297а/ сменялись утром свидания и такие мысли как-то успокаивали меня. Байт:

Эту мечту я рисую в своем воображении, а небо говорит
«О, какое богатое воображение и неосуществимая мечта!»

[557] А язык сердца, исходя из обстоятельств, говорил: «Это вечер той разлуки, утро которой будет днем воскресения из мертвых». Через четыре дня мне прислали письмо, написанное его благословенной рукой, о том, что он прошел перевал Сакри¹ и слабости, которой опасались, не было, и он благополучно остановился в Нубре, откуда уедет после праздника жертвоприношения. Там он приписал сочиненное им по-тюркски руба'и:

О утренний зефир отправься к моему цветку
распустившемуся,
Нет не к цветку, а к луне моей светящейся, как солнце,
Расскажи ему о моей тоске безутешной
И передай привет моему приемному сыну

Это были последнее письмо и послание. После исполнения положенных церемоний в праздник жертвоприношения они быстро уехали. Когда они прошли ледяные перевалы, в благородной натуре [хана] под действием ядовитости того адского воздуха наступила резкая перемена. Местность, на которой поражала болезнь удушья, от одного до другого конца составляла восьмидневный путь. Описание болезни удушья приведено при упоминании о Тибете. Эмиры согласились на том, что как спешка, так и задержка [сейчас] вредны и опасны, во всяком случае все же следует быстрее добраться до места, где не бывает удушья, возможно, до того времени естественные силы [хана] смогут оказывать сопротивление усилению болезни. Если же пребывание и продвижение через места, где существует болезнь удушья, будут продолжительными, то на такое промедление, возможно, сил [у хана] не хватит. Байт:

У тебя нет выхода кроме двух путей
Или ты умрешь или тебя потащат

Злосчастные неразумные эмиры, главой которых является Мирза 'Али Тагай, посадили больного государя на

коня и, поддерживая его со всех сторон, быстро отправились в путь. Хотя пребывание там было гибельным, однако надо было соорудить [для хана] паланкин, а они оправдали себя тем, что с паланкином невозможно перейти через высокие перевалы. Мисра:

Когда настанет день предопределения, нет пользы от старания.

[558] Восьмидневное /2976/ расстояние они прошли за четыре дня и, когда к полуденному намазу оказались в трех фарсах от того места, где та болезнь случается реже, его настиг [рок]. Кит'а:

Когда настанет время этому соединению
Распадется по частям,
Не останется места для разговоров,
Нет у человека сил спрашивать, «как» и «почему»

В тот час сила естества под воздействием болезни ослабла и болезнь от того схожего с адом климата, о котором говорилось раньше при описании Тибета,— байт:

Разлука и свидание с тобой —там самум и мираж,
Никто не мог жить там,— удивительный климат!—

полностью победила естество, и тот благочестивый государь, дервиш по натуре, могущественный и справедливый хан на призыв: < Вернись к твоему Господу довольный и снискавший довольство> — беспрекословно ответил: «Слушаюсь», — и его чистая душа отошла из этого грязного мира в мир чистый, <поистине мы принадлежим Аллаху и к нему мы возвращаемся!>, <да умножит Аллах его блеск и да освятит Аллах его могилу>. Стихи:

Жаль того счастливого шахиншаха,
Джамшида, раздающего короны и покоряющего страны,
Увы, земля больше не увидит
И за сто веков такого справедливого и набожного шаха,
Жаль того владыки мира с чистой верой,
Чести и убежища стран и людей

И это ужасное, сжигающее сердце событие произошло 16 зу-л-хиджа 939/9 июля 1533 года. После этого события злосчастное время и небо, хищное и опасное, как акула, произвели такие удивительные злоключения, упоминание о которых вскоре последует. А до этого мы обратимся к краткому изложению о жизни хана, его прекрасных достоинств, похвальных качеств и совершенных им благих деяний. Хотя все в этом сочинении связано с описанием жизни хана, однако, следуя порядку изложения, [сведения о нем] даны несвязно, здесь же разрозненные сведения будут приведены в сокращенном виде. Его благородная **[559]** родословная такова: Абу-л-Фатх Султан Са'ид хан газы, сын Султан Ахмад хана, сына Йунус хана, <сына Вайс хана (Добавлено по Л₂ 2326; Л₃ 1736; R 447), сына Шир 'Али хана, сына Мухаммад хана, сына Хизр хана ходжи, сына Туглук Тимур хана, <да умножит Аллах их блеск>. А от Туглук Тимура до Йафета сына Нуха, <да будет над ним мир>, изложено в «Маджма ат-таварих»⁴ и в «Предисловии»—«Мукаддима» — к «Зафар-наме» /298a/ и будет упомянуто и описано в основной части «Истории», <если захочет Аллах>, поэтому от повторения этого я воздержался.

Он родился в Моголистане в 892 (1486—1487) году. Его славное имя дал ему его великий дед Йунус хан. До четырнадцати лет он пребывал в Моголистане под защитой и опекой своего отца. Когда Султан Ахмад хан прибыл в Ташкент, чтобы встретиться со своим уважаемым братом Султан Махмуд ханом, он привез с собой и хана [Султан Са'ида]. Когда между Шахибек ханом и этими двумя упомянутыми ханами произошло сражение в Ахси и ханы потерпели поражение [Султан Са'ид] хан, раненный в сражении, попал в руки Шайх Байазид, который был правителем Ахси. Между Шайх Байазидом и Шахибек ханом существовал «волчий мир», что уже описано. [Шайх Байазид] продержал хана под арестом один год. Когда на следующий год сюда пришел Шахибек хан, он убил Шайх Байазид и его брата Танбала и захватил вилайат Фергану. В Ахси он освободил из-под ареста [Султан Са'ид] хана, взял его с собой и [Султан Са'ид] хан был вместе с Шахибеком, когда тот захватил Хисар и Кундуз. Когда же [Шахибек хан] вернулся из того же похода и выступил на Хорезм, то шестнадцатилетний хан с семнадцатью человеками бежал из Самарканда в Моголистан к своему уважаемому дяде Султан Махмуд хану. В конце концов после одной из битв в Моголистане он бежал и прибыл в Андижан. Правителем Андижана был ставленник Шахибек хана; он арестовал [Са'ид] хана с намерением убить его. Хан бежал от него и ушел в Кабул к своему двоюродному брату Бабур Падишаху. Когда Бабур Падишах направился в Хисар для освобождения Мавераннахра, то он послал [Са'ид] хана в Андижан и тот прибыл туда. Мой дядя, <да покроет его Аллах своим милосердием>, передал ему Андижан и стал служить ему. Когда узбеки **[560]** вновь завоевали Мавераннахр, хан оставил Андижан и пришел в Кашгар. С боем он взял Кашгар и царствовал там независимо на протяжении двадцати лет. В конце жизни он пошел со священной войной в Тибет <искренно, ради Аллаха Всевышнего> и /298b/ в 939 (1533) году умер от болезни удушья. Он прожил 47 лет, и в его волосах седина пробилась еще не

настолько, чтобы быть заметной. Он исповедовал ханифитский толк [ислама] по наследству [от своих предков].

В начале жизни, в дни юности, большое внимание он уделял людям праздным и испытывал огромную страсть к запретным вещам, а о похвальных поступках и благих делах он мало думал. Когда годы его благословенной жизни достигли тридцати семи лет, он отказался от всех удовольствий и запретных вещей и посвятил себя счастью служения святым людям. Он вступил на светлый путь тариката под руководством его святейшества, убежища руководства, господина Ходжа Шихабалдина, известного как Ходжа Хованд Махмуд, занялся этим благородным делом и проявлял похвальное старание в молениях и добрых деяниях. На всех интимных собраниях у него мало говорилось о чем-нибудь другом, кроме пути мистического совершенствования, и речи производили на него большое впечатление. Он очень старался в отношении справедливости и укрепления шариата; во всех делах он поступал согласно шариату и для него не составляло труда соблюдать его установления, наоборот, он любил их. Большинство его дел решалось в доме правосудия, и он чрезвычайно почитал ученых-улемов так, что султаны времени порицали его за это, а он отвечал им: «Проявление уважения или высокомерия допустимо в отношении рода человеческого вообще, а эта группа по своей природе не может равняться даже с низшим мулазимом и оказание им уважения, большого или малого, делается ради науки. Мое уважение к ним — это уважение к науке, и за это я не заслуживаю порицания. Проявлять высокомерие к науке — это невежество». Ко всякому благочестивому человеку и суфию он относился как к брату, не пренебрегал ими и не ставил себя выше их и не думал, что он государь. Он хорошо относился, ко всем и, хотя по отношению к другим людям он соблюдал величие государя, проявлял к ним такую доброту, что больше этого и представить себе было [561] невозможно. Двадцать четыре года /299a/ я находился при нем а услужении, и я не припомню в его отношении к кому-либо, за исключением считанного количества людей, ни непристойности, ни брани, ни пренебрежения. По отношению к некоторым рабам, исполнявшим обязанности подавальщика воды и подобные этому, если они допускали небрежность, заслуживающую порицания, он только хмурил свое благословенное лицо и смотрел на них с гневом, но слов произносил мало, а если ему хотелось поругать их, то он говорил только «дурной» или «нечистый» и, возможно, кроме этих бранных слов, других он не употреблял. Если он выражался по-тюркски, то говорил приблизительно также.

ГЛАВА 106. УПОМИНАНИЕ О СОБЫТИЯХ, ПРОИСШЕДШИХ В КАШГАРЕ ПОСЛЕ [СМЕРТИ] ХАНА

Стихи:

Небо — дракон, обвившийся вокруг себя,
Он — полон сил для наших мучений,
Захвачены мы его кольцами,
Как же мы избежим его пасти
Ты не увидишь человека, который бы не был им ранен,
Из сотни ни над одним он не сжалился,
От его гнева никто не ушел невредимым,
Где та грудь, которая не ранена им

Жалоба на противоречивую судьбу, рассказ о кривовертящемся небе, сетования и обида на недостойных потомков — в [тюркском] рубаи:

О красавица, какие только жестокости ты не причиняла мне,
Почему ни на йоту ты не сжалилась надо мной
Сто раз ты обещала мне верность, однако
Ни разу ты не была верна этим обещаниям

Увы, когда действия судьбы и рока определены таким образом, то у человека нет сил спрашивать «как» и «почему». Рубай:

В тот день, когда оседлали неукротимого коня неба,
Окрасили Юпитер плеядами,
Такой долей оделила нас канцелярия судьбы,
В чем наша вина, что нам выпала такая доля?

Короче говоря, после того, как хан вручил свою жизнь ангелу смерти, шейх дьяволов Мирза 'Али Тагай и мать дьяволов Ходжа Шах Мухаммад диван, которые вот уже много лет как свет в своих глазах [562] сменили на зависть, договорились между собой и отправили зятя Мирза 'Али Тагай Йадгар Мухаммада к Рашид султану в Аксу с письмом, содержащим нелепые и ложные сообщения, которые были клеветой на хана, и выдали их за завещание хана, сделанное им якобы при последнем вздохе. Он как будто сказал: «Я не

намеревался идти со священной войной в Тибет— это Саййид Мухаммад Мирза и Мирза Хайдар побуждали меня к этому. /2996/ Я не буду доволен своим сыном 'Абдаррашидом, если он не убьет их. Их смерть — это как бы месть за меня. Кроме того, до тех пор, пока они будут существовать, тебе не удастся укрепиться у власти. Они написали еще несколько по добным пустых фраз, долгие годы сидевших по злобности в жаровне их мозга, и отправили. А к моему дяде они послали другого человека с сообщением о том, что случилось с ханом и что теперь им делать, и все, что он укажет, ими будет выполнено, и они подкрепили эту ложь торжественной клятвой.

Когда это известие дошло до моего дяди, он очень разволновался и расстроился. Как положено, он приступил к церемонии поминания [хана] и отправился из Кашгара и Йарканд. Так как был сезон Льва [июль] и стояла чрезвычайная жара, хана быстро привезли [в Йарканд] и погребли в одной из комнат диванханы. В это время из Кашгара прибыл мой дядя. Он выразил глубокое соболезнование высоким господам из гарема и женам [хана] и выполнил все дела, связанные с его поминанием. Он устроил поминание и вне [гарема], и каждый из присутствующих эмиров просил его о заключении с ним договора и союза. В собрании вельмож, ученых-улемов, высокопоставленных лиц и эмиров мой дядя первым дал обещание, что будет относиться к ним лучше, чем во времена покойного хана, и они также поклялись, подкрепив это верой: «Мы также больше, чем прежде, будем проявлять старание в доброжелательстве и единстве». Особенно сильными клятвами подкреплял свою готовность служить, искренность, единомыслие и единство Мирза 'Али Тагай.

Когда люди успокоились, то повели разговоры о возведении на престол 'Абдаррашид хана и о держании им траура. Это решили прекрасным образом и ждали только прибытия Рашид хана. Когда сообщили о его приезде, был последний день месяца зу-л-хидджа. Мои дядя послал ему навстречу высокопоставленных, [563] известных людей, объяснил порядок и правила проведения траура и сказал: «Высочайший приезд в конце года и месяца, в среду, не будет благополучен. Пусть он остановится на эту ночь в окрестностях города, а завтра в первый день месяца мухаррам, в четверг, в начале 940 (23 июля 1533) года /300a/осчастливит нас честью своего прибытия». Эмиры отправились и договорились об этом [с Рашид ханом]. А Мирза 'Али Тагай пришел тайком [к Рашид султану] и доложил: «Так как я всем обязан [покойному] хану, то чувствую необходимость вопреки договоренности довести до Вашего сведения то, что Саййид Мухаммад мирза договорился со мной и с эмирами, и чтобы Вы поразмыслили над этим. Он условился с нами о том, что как только Рашид султан прибудет, мы поместим его рядом с его отцом, а ханом объявим Искандар султана, который находится в Тибете». Он сочинил еще несколько таких лживых сообщений и убедил хана настолько, что не осталось необходимости уточнять все по прибытии.

Утром, в четверг первого мухаррама 940 (23 июля 1533) года Рашид султан направился к могиле отца. Мой дядя надел траурную одежду, как сказано в рубай:

Оплакивая тебя, мир много пролил слез,
Тюльпан всю кровь своих глаз вылил себе в подол,
Роза разорвала воротник алой одежды,
Горлица обмотала свою шею черным войлоком,—

и сел у могилы хана, <да озарит Аллах его могилу>.

Рашид султан как был на коне, так и подъехал к двери дома, а мой дядя в это время вышел к нему навстречу, рвал свою бороду и усы, бросив на землю синюю чалму и обмотав шею черным войлоком, — стихи:

Сердце в крови, душа измучена, печень изранена
и грудь растерзала,
Скажи же сам, как мне не издавать горестных вздохов.
Я мечтал благовония своего савана сделать из праха твоего
порога,
Увы, смотри, несу я эту мечту в землю,—

восклидал: «О горе, о несчастье!». Рашид султан приказал схватить его. К нему кинулись со всех сторон, ударили мечом неправосудия по шее мусульманина и отделили голову от туловища. И 'Али Саййида, о котором раньше [564] упоминалось в нескольких местах, также подвергли мучительной смерти. Предав этих двух несчастных мученической смерти, [Рашид султан] спешился и отправился к могиле отца, оттуда он пошел к знатным господам гарема и в общем выполнил обряд поминания. В это же время он послал Мирза 'Али Тагай в Кашгар, и тот убил сыновей моих дядей /3006/ Хусайна, сына Саййид Мухаммада мирзы и (Добавлено по Л₂ 2346; Л₃ 175a) Мансура, сына Аба Бакра мирзы, и Султан Мухаммада (Приведено по Л₁, 2096, Л₂ 2346; Л₃ 175a; R 450 (в Т— Махмуд)) мирзу, сына Саййид Махмуда мирзы, возраст каждого из этих трех не достиг и двадцати лет.

Они ни минуты не проводили без того, чтобы не пограбить и не причинить [людям] обиды. За доброе отношение моего дяди и за его ревностную службу Рашид султан отплатил убийством. Обещания и договоры, которые были основательно подкреплены верой и страхом перед гневом Аллаха, он проглотил так же, как и их кровь. Байт:

Мир впал в неверие из-за тех двух локонов,
О мусульмане! Где же мусульманство?

Обычай у людей таков: поминание усопших они отмечают дозволенным [шариатом] убиением животных, однако Рашид султан [поминание] своего высокопочтительного отца отметил убийством моего дяди, его сыновей и 'Али Сайида. Кит'а:

У тирана скончался отец,
Кончину его он отметил кровью людей,
При его оплакивании вместо одного причитания
Он сотни раз смеялся и улыбался.

Помимо того, что Рашид султан убил и ограбил моего дядю, он еще недостойно обращался с людьми своего великого отца, что противно человеческой нравственности, поэтому я вынужден умолчать об этом и перейти к следующему рассказу.

Господин Маулана Шарафаддин 'Али Йазди описал в «Зафар-наме» деяния Султан Халила мирзы¹ — одного из внуков Амира Тимура, который впоследствии стал преемником своего великого деда на самаркандском престоле. Этот отрывок приводится здесь в точности.

[565] Несомненно, что после Султан Халила мирзы никто, кроме Рашид султана, подобным же образом не тиранил и не притеснял [людей]. Поскольку изложению этих событий мешает стыд, я не стал их описывать, и о них [пусть узнают], сравнивая с тем полным горести рассказом [Йазди]. Возможно, цель у упомянутого Маулана при описании тех скверных дел заключалась в том, чтобы у читателей и у наследников трона был образец для удержания себя от скверных дел и для занятия похвальными делами. Рассказ из «Зафар-наме»:

Паревич Султан Халил мирза так поступил с группой уважаемых [женщин], бывших по отношению к нему на положении матерей, что ни один умный человек это не одобрит. **/301a/** Каждую из них он принуждением и силой отдал [в жены] человеку, не годившемуся служить ее высокому порогу. Гурию он бросил в силос [злого дива] Агримана², а райскую птицу соединил на брачном ложе с коршуном; драгоценную жемчужину он поставил в один ряд с несостоящей раковиной, рубин хорошей воды он сравнял с йеменской раковиной. Стихи:

Он сделал такое дело и не устыдился
Ни перед людьми, ни перед богом
Если шаху не присущи честь и справедливость,
То он быстро развеет страну по ветру.

Как следует из этого неприятного рассказа, расположение к нему у большинства людей и войска было утрачено, и умы совершенно отказали ему в уважении.

Вместе с такими же скверными делами Рашид султан не упускал ни минуты, чтобы не причинить неприятностей и горя своим тегкам по отцу, принадлежащим к гарему пишущего эти строки, а также матери детей Шах Мухаммад султана, о которых ранее уже говорилось в нескольких местах и после этого еще будет упомянуто в своем месте. Мать детей Шах Мухаммад султана Хадича султан ханим была родной сестрой покойного [Са'ид] хана. Несмотря на то, что у нее были чахотка и водянка и она была прикована к постели, [Рашид султан] прогнал ее с детьми в Бадахшан. Не доехав до Бадахшана, она скончалась по дороге, испытав сотни трудностей и мучений, а ее дети — Исма'ил султан, Исхак султан, Йа'куб султан и Мухтарама **[566]** ханим, малолетние или грудные, одинокие, без близкого человека, прибыли в Кабул. Исан Тимур, о котором было сказано ранее и который находился в Индии на службе у Камрана мирзы, потребовал их к себе и с отеческим состраданием взял на себя заботу о воспитании племянников. Исма'ил султан погиб в сражениях в Индии; Йа'куб султан умер естественной смертью, Мухтараму ханим я обручил с Камраном мирзой, о чем будет упомянуто, а Исхак султан по этому же случаю до сегодняшнего дня находится у Камрана.

ГЛАВА 107. УПОМИНАНИЕ О МУХАММАДИ, КОТОРЫЙ ПРОИСХОДИЛ ИЗ БАРЛАСОВ И БЫЛ НЕ ТОЛЬКО АМИР АЛ-УМАРА РАШИД ХАНА, НО И ЕГО ПОВЕРЕННЫМ ВО ВСЕХ ДЕЛАХ

Он был сыном 'Али Мирака б. Дарвиш Хусайна **/301b/** барласа. В то время, когда [Са'ид] хан находился в вилайате Фергана, Рашид султан освободился из плена узбеков и присоединился к своему отцу. Его атабеком [Са'ид] хан сделал Гури барласа, которому Мухаммади доводился племянником. Гури барлас в те же дни умер естественной смертью, а его должность атабека по родству перешла к 'Али Мирак барласу. Спустя несколько лет после завоевания Кашгара 'Али Мирак барлас ушел на священную войну в Тибет, и должность атабека Рашид султана по наследству утвердилась за Мухаммади. Вскоре Рашид султана увезли

в Моголистан. Управление всеми делами передали Мирза Али Тагаю, а дела киргизов поручили Мухаммад киргизу. Этот Мухаммади, как уже было сказано, также находился на службе у Рашид султана. 'Али Мирак барлас доводился дядей с материнской стороны моему дяде, в связи с этим мой дядя и я старались способствовать успеху его дела. А Мирза 'Али Тагай был настроен против него, он боялся его злых намерений и коварных замыслов — неприязнь Мирза 'Али Тагая к моему дяде была больше из-за него. Мухаммади во всех случаях опирался на поддержку моего дяди, в конце концов Шах Мухаммад султан погиб от его руки. Это несчастье послужило [причиной] того, что жены и наследники Шах Мухаммад султана решили отомстить и казнить упомянутого Мухаммади, а мой дядя и я спасли его от той опасности. В связи с этим между мною, тетками с материнской стороны, детьми [567] теток и [другими] родственниками произошли неприятности, и все это явно было из-за Мухаммади.

Когда после смерти хана произошли все эти неприятные события, убийства и разорения, Мирза 'Али Тагай, хотя и приложил к этому старание, однако если бы не было на то согласия Мухаммади, Рашид султан никогда не совершил бы этих мерзких дел. Наоборот, во всех мерзостях Мухаммади проявлял даже большее усердие, [чем мирза 'Али Тагай]. Влияние его на Рашид султана было велико и на что бы он ни указывал, Рашид султан непременно все выполнял, даже если это было неверным, и не ослушивался его. Вся эта ложь и недостойные поступки совершались из-за него. Рашид султан предлагал знатым женщинам и женам хана, которые как бы считались матерями Рашид султана, Мухаммади [в мужья] и, если они не соглашались на это, то дело доходило до того, /302a/ что он разорял их и изгонял. Знатные женщины считали недостойным сожительство райской птицы Хума с вороной.

Свою сестру Бади ал-Джамал ханим он отдал в жены Буйдаш султану б. Адик султану узбек-казаку. Когда узбеки Шайбана, объединившись, разбили узбек-казаков, то Буйдаш султан как зять с надеждой вошел к Рашид султану. А тот стал угрожать ему смертью, если он не даст развода Бади ал-Джамал ханим. И у такого благородного царевича, который был вполне достоин этого брака, он отобрал [Бадиал-Джамал-ханим] и отдал Мухаммади. Из предков Мухаммади никто и близко не удостоивался такой чести. Это было совершенно недопустимым, потому что в таких делах как государи, так и подданные выбирают себе равных. Однако Рашид султан пренебрег всем этим и навлек позор на свое семейство. Он не отличил совершенного, одаренного речью человека от низкого, кричащего животного. Самое скверное из всего этого то, что он расторг брак [сестры] с человеком достойным и силой отдал ее недостойному человечешке. Стих [мисра]:

У какого народа такая манера, и где существует такой
обычай?

Вот таковы были влияние Мухаммади на Рашид султана и его власть, а причины этого не известны. У Мухаммади не было ни обилия прежних заслуг, ни [568] способностей и прозорливости в делах управления государством, ни красноречия в беседах, ни знания хороших манер, ни твердости в благородных качествах, он не отличался остроумием и веселостью на пирах, рассудительностью и храбростью в битвах, у него не было изящества и красоты, [чтобы радоваться] при встрече с ним, наоборот, [слова]: <с черным лицом в обоих мирах> — самое подходящее описание его> лица, как сказано в стихе:

О ты, у которого внутри черно так же, как и снаружи,
О ты, черный лицом и душой

Кислые речи его — сплошная ложь, зловещие слова его — целиком фальшивые. То, что изложено здесь — краткое описание его, и в этом справедливая [оценка его]. Правда в том, что все недостойные дела, которые совершил Рашид султан, были состряпаны Мухаммади. К Рашид султану претензий нет, за исключением того, что он без всякого основания слушался во всех делах Мухаммади. В эти дни /302b/ пришло известие о том, что Мухаммади распрощался с жизнью. Если это правда, то не исключено, что в руках Рашид султана окажутся поводья освобождения и, возможно, он уже узнал о дурных своих делах в прошлом и раскаялся <во имя Господа обоих миров>.

ГЛАВА 108. ПОХОД АВТОРА КНИГИ В УРСАНГ. УБИЕНИЕ МОЕГО БРАТА АБДАЛЛАХА МИРЗЫ И О ТОМ, ЧТО ПРОИЗОШЛО В ТОМ ПОХОДЕ

Когда хан направился в стольный город Йарканд, он отпустил меня, и я первые десять дней зу-л-хиджа 939 (с 24 июня по 4 июля 1533) года, проведя праздник жертвоприношения в Марийуле, выступил на разрушение языческого храма Урсанг. Мы преодолели двадцатидневный путь и не встретили поблизости ни одного неверного тибетца. Были лишь отдельные крепости, [а тибетцы], полностью полагаясь на их укрепленность и прочность, сидели там. Взять эти крепости удалось бы с трудом, результаты же от этого не оправдали бы затраченных усилий.

Оставив Искандар султана, моего брата 'Абдаллаха мирзу и сына моего дяди Махмуда мирзу с тяжелым грузом и ослабевшими мулами, я вместе с храбрыми людьми и сильными лошадьми быстро отправился. В первый день сафара в местности под [569] иазванием Барйанг (В Л₁ 211a — Бамайак; R 454 — Барманг) мы

обнаружили большой отряд из людей джампа (Приведено по Л₂ 236а; Л₃ 177а) Тибета и устроили на них набег, в результате чего триста тысяч баранов стали достоянием победоносного войска и соответственно этому в наши руки попало много пленных, лошадей и имущества. Согласно нашему желанию и по разным надобностям мы остановились на подходящем пастбище, чтобы подкрепить лошадей и чтобы Искандар султан, 'Абдаллах мирза и сын моего дяди Махмуд мирза догнали нас. Однако когда я ушел от той группы, они тоже, не спеша, направились в первый день мухаррама 940 (23 июля 1533) года к одной из упомянутых крепостей под названием Кардун. Положение тех презренных [внутри крепости] оказалось очень затруднительным и, обратившись за помощью к одному из раев Индии, они привели три тысячи пеших индийцев, вооруженных кинжалами, как говорят,—байт:

Да буду я жертвой тех двух глаз, которое, подобно
индийцам-разбойникам,
Вонзили во все сердца кинжалы из острия ресниц.

Искандар султан и мои братья выступили с двумя сотнями человек и шли так быстро /303а/ что из этих двухсот человек за ними поспевало небольшое количество людей. Мой брат Абдаллах мирза был отважным юношей, и до этого он совершил подвиг, неся службу при хане в Балти, заслужил награду, и все воины хана это признавали. Опьяненный этим успехом, он возгордился. Не дожидаясь войска и остальных людей, он прибыл с тремя воинами и необдуманно, бесстрашно устремился в центр трех тысяч [индийцев]; его окружили. В это время подоспел сын моего дяди Махмуд мирза с четырьмя воинами и застал брата в таком положении. Он также смело бросился [на врагов] и спас брата от гибели. 'Абдаллах мирза вновь напал [на врагов], его опять окружили, и Махмуд мирза еще раз бросился на них, чтобы спасти его, и его также окружили. В это время подоспели пять уважаемых бахадуров, они увидели двух братьев в таком положении и кинулись [на врагов] (Добавлено по Л₂ 236б; Л₃ 177а). Однако к этому времени рукою насилия они уже разрубили 'Абдаллаха на куски таким [570] образом, что каждый кусок его доспехов и одежды оказался в руках какого-нибудь неверного. Стихи:

Мед мученической смерти был выпит по его желанию,
Да будет дозволенным вино, которое он испил красиво,
Я был в этом мире и мой дорогой брат
<В цепи стиха и прозы — драгоценная жемчужина (Добавлено по Л₂ 236б; Л₃ 177а)

Когда стало известно о происшествии с моим братом, то, согласно смыслу стиха:

Невозможно бороться с предопределением,
Нельзя жаловаться на судьбу.
Творец делает то, что сам желает.
Нельзя приказывать Творцу,—

я прочитал стих Корана: <Мы принадлежим Аллаху, и к нему мы возвращаемся!>
Я пробыл на том пастбище несколько дней, так что люди и лошади отдохнули. Затем я отправил назад всю добычу, которая попала в руки и, выделив девятьсот человек отборных воинов, направился в Урсанг. От Марйула Тибета до него было два месяца пути. Когда мы отошли от тех мест на расстояние месячного пути, то достигли озера, окружность которого составляет сорок фарсахов. На его берегу имеется крепость, которую называют Кук-у-Лабук (Л₁ 211б — Тарсак ва Бахвак, Л₂ 236б; Л₃ 177б — Тук-у-Лабак, R 455 — Лук-у-Лабук), и там мы провели ночь. Когда наступило утро, все лошади оказались мертвыми, и только немногие из них были чуть живыми — метались и корчились. Так, у меня было двадцать семь лошадей и из этого числа /303б/ наутро в хорошем состоянии осталась одна лошадь; две другие были полуживыми, а остальные двадцать четыре — мертвы. Причина этого — болезнь удушья, уже описанная раньше. Когда утром мы выступили оттуда, на конях была только пятая часть войска, все остальные шли пешком. На второй день мы совершили нападение на вилайат (В Л₂ 237а, Л₃ 177б — крепость) под названием Ним (В Л₂ 237а, Л₃ 177б — Нимтач, R 455 — Хам (или Хари)) Люди тех мест говорили, что отсюда до Бенгалии двадцать четыре дня пути. В наши руки попало много рабов. В этом войске тотчас у девяноста человек были лошади, способные двигаться. С этими девятью десятками людей мы прошли четырехдневный путь и напали на местечко под названием Аскабрак. Около ста тысяч баранов, двадцать [571] тысяч яков и соответственно этому рабов и лошадей попало в наши руки. От Аскабрака до Урсанга оставалось восемь дней пути, но из-за того, что лошади в войске совершенно выбились из сил, нам поневоле пришлось вернуться. Через шесть дней, вновь присоединившись к войску в Ниме, мы стали возвращаться. Это произошло восьмого раби ал-авваля (Л₂ 237а, Л₃ 177б, R 455 — раби ал ахир). В последний день джумад ал-ахира в Тамлике, находящемся в двадцати днях пути от Марйула, мы догнали людей, с которыми ранее отправили добычу и трофеи. В Тамлик пришли люди из Гуга и заявили, что это самый главный вилайат Тибета и что все они согласны уплатить джизью. Они пригласили меня приехать к ним, чтобы определить джизью соответственно возможностям и доходам [вилаята]. На основании этого я отправился и за одну

ночь доехал от Тамлика до Гуга. Они оказали мне достойный прием и радушное гостеприимство. Я оставался там три дня. Определив для того места джизью в три тысячи тибетских мискалей, каждый мискаль которого составляет полтора шариатских мискаля, я возвратился назад. По дороге я получил известие о разорении моего войска, что вскоре будет описано.

ГЛАВА 109. УПОМИНАНИЕ О ПРИСКОРБНЫХ СОБЫТИЯХ, КОТОРЫЕ ПРОИЗОШЛИ В ТИБЕТЕ, И СМЕРТЬ СЫНА МОЕГО ДЯДИ МАХМУДА МИРЗЫ

Стихи:

Утро наше из-за тебя проходит в печали и вечер —
в трауре
Редко бывает, чтобы утро и вечер кого-то из-за любви
Проходили так.
Ты не слушай наш рассказ, ибо будет жаль
Что эта закваска печали падет на твой веселый нрав

Жестокие события /304а/ и удивительные обстоятельства, приносящие трудности, [как сказано в стихе] — байт:

До каких пор судьба будет накладывать пятна горя
на мое сердце
На еще свежее пятно она кладет другое.
Пятно, которое понемногу стало исчезать,
То пятно судьба оставляет и накладывает другое.

[572] Следующие одно за другим бедствия, несчастья и непрерывные горести как волны настигали нас. Байт:

Так как из этого лазурного моря человек не испьет
хорошей воды,
Мы насытились водопоем мира

Корабль обстоятельств погрузился в волны моря смятения и подвергся испытаниям в урагане несчастий и страданий. В добавление к этому посыпались на голову капли дождя волнений и смятений из облаков небесной сферы, приносящей трудности, что было [другим] бедствием. Байт:

Никогда не идет с небес дождь милости,
А всегда с этого неба несчастий идет печаль.

Когда коварное небо и переменчивая судьба начинают двуличничать, то человека с одной стороны настигнут огорчения, исходящие от близких людей, с другой — разные бедствия, и в этом нет никакого вмешательства человека и ничья рука здесь не приложена, стихи:

Если жестокость исходит от врага — вины в том нет,
В его насилии и гнете нет сомнения.
От тех жестокостей и несправедливостей, которые
посылает небо,
Во всем мире нет ни одной неразбитой груди

Подробности несчастий, которые произошли после смерти покойного [Са'ид] хана, лучше изложить кратко, потому что подробности этого <не дай бог> в глазах читателей, которые удостоят этот ничтожный список своего счастливого взгляда, предстанут как преступление границ и будут восприняты как краснбайство, потому что жестокость этих событий для собеседников, пребывающих на ложе спокойствия, возможно, покажется невероятной. Итак, следуя тому, как говорят: «Не настаивай на правде, которая похожа на ложь, а говори о лжи, которая похожа на правду» мы избегаем подробностей этих событий и приступаем к краткому их изложению.

Как только Рашид султан покончил с убиением, разорением и оскорблением моего дяди, его родственников и [других] знатных людей, он отправил человека в Тибет, снабдив его несколькими указами. Один был предназначен для его брата Искандар султана и содержал **[573]** следующее: «Мы даруем тебе вилайат Тибет, Мирза Хайдар и Махмуд мирза пусть также будут там». Каждой группе войск он послал другие указы следующего содержания: «Скарб и домочадцы каждого, кто останется в Тибете, /304б/ будут проданы здесь киргизам за лошадей. Как только будет получен этот приказ, вам следует разойтись и отправиться в

Йарканд».

В то время, когда прибыл этот злосчастный приказ, я находился в Гуге, как уже писалось об этом. Как только воинам стало известно о содержании письма, то посчитав время благоприятным для ухода, они все разом поспешно направились в Йарканд. Искандар султан и сын моего дяди Махмуд мирза бежали от них с небольшим количеством людей и остались там. Через два дня я прибыл на то место, откуда ушли люди. Искандар султан и сын моего дяди Махмуд мирза заявили, что лучше эту ночь провести здесь, так как некоторые из бежавших людей ушли поневоле и, возможно, при удобном случае отстанут и присоединятся к нам. Со мной было более ста человек, все богатыри и предводители воинства, отцы и деды которых служили [нашему семейству] и мне они тоже достались по наследству. В сражениях и битвах они много раз отличались среди равных, удостаивались даров и наград, пользовались милостями, и каждому был присвоен титул эмира, некоторые из них были моими молочными братьями и назывались именем «кукалдаш», и мне трудно было поверить в их неповиновение. Когда войско звезд ночи обратилось в бегство, искусный наездник неба один воссел на пегом коне неба, и я узнал, что, подобно войску звезд, которое неустойчиво и исчезает днем, все доверенные люди ночью убежали от меня.

Когда сияние солнца осветило поверхность земли, темную, как напасти судьбы, прибыли Джан Ахмад атака, о котором уже упоминалось до этого и который доводился мне молочным братом, и еще один человек из кукалдашей по имени Шах Мухаммад — один из уважаемых людей той группы. Они привели с собой пять шагирдпиша и, в общем, страх перед одиночеством рассеялся. Через некоторое время прибыли Искандар султан и сын моего дяди Махмуд (Добавлено по Л₂ 237б; Л₃ 178а) и со всех сторон собралось около пятидесяти человек. Оттуда мы [574] направились в Марйул. Было начало сезона Козерога, начало /305а/ зимы и стояла большая стужа, [такая] —байт:

Когда от холода [месяца] Дея утка
Пришла искать убежища у шашлычника

Стояли такие холода, что если их описать, то [люди] сочли бы это преувеличением. Короче говоря, из числа этих пятидесяти человек более сорока отморозили себе руки, ноги, уши и носы. С такими мучениями и трудностями за двадцать пять дней мы достигли Марйула. Главы Марйула Ташикун и Лата Джугдан, имена которых упоминались ранее в нескольких местах, поспешили оказать нам услуги. Так как раньше мы проявили жестокость к ним, допустив грабежи и убийства, то я опасался их, а они, наоборот, проявили усердие в оказании услуг и просили извинения. [Они] сказали: «Вот уже четыреста лет, как из поколения в поколение мы — подданные, а вы — государи; мы — рабы, а вы — покровители рабов. Если в период Вашего могущества и обилия великолепия из-за страха мы допустили какую-нибудь провинность, то встретить ее поучением,— обычай господ. И если каждый из глав Тибета в то время повиновался и служил Вам, то это было из-за страха, а сейчас наша служба Вам основывается на нашей верности и искренности; да будет Вам известно о том, кто в действительности верен Вам и чьи заверения в покорности — от сердца, а не от языка. Байт:

Многие говорили о своей любви к тебе,
О, я раб того человека, чье сердце едино с языком.

Они вручили (Добавлено по Л₂ 238а, Л₃ 178б) нам крепость Шайа¹ — столицу Марйула. Мы вошли в Шайа и, в конце концов, получили возможность отдохнуть. Там к нам присоединились несколько отставших от войска человек. Среди них был Маулана Дарвиш Мухаммад Каратаг, один из мулазимов Махдум-и Ходжа Мухаммад Йусуфа, упоминание о котором было сделано ранее. Этот Маулана Дарвиш Мухаммад был благочестивым и убежденным мусульманином. Он хорошо владел тибетским языком, находился в большой дружбе со всеми тибетскими главами, и наши дела с ними он разрешал [575] наилучшим образом. Из Кашмира прибыл некий хаджи, который впоследствии /305б/ будет упомянут в разных местах, и посчитал для себя обязательным служить мне. Вместе с ними собралось более шестидесяти человек.

Распавшееся войско уже ушло, однако по дороге из-за изменения погоды на их долю выпали такие трудности, что идти для большинства из них оказалось невозможным. Те, которые прилагали усилия для того, чтобы уйти, потеряли все свое имущество; около ста пятидесяти человек погибло от стужи, а оставшиеся полуживые ушли в Йарканд. Другая группа вернулась с дороги назад и в жалком состоянии прибыла в Маркйул. Снова собралось пятьсот человек, и нам досталось десять тысяч баранов. Наступило полное благополучие.

Перед тем, как прибыть в Марйул, я отправил к Рашид султану в Йарканд Джан Ахмад атака и Шах Мухаммад кукалдаша с дарами, добытыми в этой кампании. Я также послал несколько фраз, напоминающих о прежних наших обетах, и несколько вещей, которыми мы обменялись в знак дружбы,— темного цвета арабскую шубу и стальную секиру, которые дал мне Рашид султан. Стихи:

Пусть это напомнит тебе о нас, ибо о нас ты не вспомнил
ни разу,
Мое безрадостное сердце ты не обрадовал ни разу,

С тех пор, как ты стал шахом над нами,
Не поступал с нами по справедливости ни разу.
Что было, то прошло.

Байт:

Мы знаем, что неверность — обычай возлюбленной,
Мы хорошо знаем, что нет верности у красавиц

Когда кончилась та зима, Рашид султан послал Бидакана, сына Джан Ахмада атака, моего молочного брата, в сопровождении Хасана дивана, чтобы передать свои извинения и раскаяние — «все, что случилось, произошло по глупости и стало причиной стыда на этом и на том свете. Теперь для удовлетворения того дорогого друга я приношу извинения и отправляю Маулана Кудаша с двумя сотнями человек. Все, кто из [Ваших] слуг прибыли сюда, вернутся обратно, никто им не будет препятствовать». Он послал мне лошадь и несколько подарков. Из-за этих известий я [576] стал рассчитывать на его покровительство, и большинство тибетцев приняли это с покорностью.

В это время прибыл Маулана Кудаш и с ним несколько моих видных мулазимов. Опираясь на эту группу, мы направились в Балти, который примыкает к границам Кашмира. /306а/ Весь Балти наилучшим образом уплатил полагающийся с него мал.

Суру — одно из мест Балти, надежная опора и образец неприступности для тех краев. Маулана Кудаш попросил у меня разрешения собрать мал с того места. Я не согласился, потому что знал, что те неверные совершенно не желают, чтобы кто-нибудь видел их ущелье и место обитания. Они попросили извинения и заверили нас, что все, что положено из мала, они полностью доставят в то место, где мы находимся, и нет надобности приходить к ним. Однако если охотник судьбы положит в силки кончины зерно бренности, то ни одна чуткая птица не избежит того силка. Байт:

То, что предопределено тебе судьбой, ты получишь
полностью.

Если ты откажешься брать, то тебе дадут насильно

Надоедая своими просьбами, [Маулана Кудаш] в конце концов получил мое разрешение и уехал. В узком ущелье люди Суру подвергли его сотням унижений и без боя убили его вместе с двадцатью четырьмя уважаемыми людьми. Хотя в нашей армии было около семисот человек, однако из-за недостатка снаряжения и отсутствия сил нам не удалось отомстить за него. Стихи:

Ты посмотри на завершение своего дела,
Чтобы ни с какой стороны не было для тебя опасности,
Если нет сил для отмщения,
Не сворачивайся, подобно змее, [для нападения]

Со ртом, подобным полным яда зубам змеи, и с сердцем, подобным полным гнева желчному пузырю змеи, мы ушли из Балти в сторону Тибета в вилайат под названием Зангискар. Когда мы прибыли туда, посева еще не поднялись высоко и время для сбора урожая еще не наступило. До наступления сбора урожая прибыл один из глав Балти по имени Танги Сакаб, в прошлом оказывавший нам подходящие услуги, и сказал, что настало время устроить нападение на убийц Кудаша, т. е. людей Суру, увести их в рабство, [577] а мужчин подвергнуть истреблению. Мы тотчас же отправили в Марйул ослабевших людей, а с сильными выступили в путь. Так как на расстоянии одного дня дорога [в Марйул] была опасна, я послал сына моего дяди Махмуда мирзу, чтобы он провел людей через то место. Ночью он остановился там и, поскольку место было опасное, /306б/ держал свою лошадь неподалеку от себя. Во время сна пасущаяся лошадь близко подошла к его голове. Он прикрикнул, чтобы она отошла подальше, и лошадь лягнула его в лоб так, что кость размером с лошадиное копыто вдавилась вовнутрь. На следующий день он прибыл (Добавлено по Л₃ 214а; R 462) ко мне, и я, увидев его рану, способом могольских костоправов, держа его сломанную кость, занялся лечением. Об этом я сообщил Танги Сакабу, и Танги Сакаб прислал ответ: «Так как для Вашего прихода сюда возникли препятствия, то если Вы отправите к нам несколько человек, мы возьмем Суру, а пятую часть доставшейся добычи отошлем Вам, и это тоже явится достойной услугой».

Между Зангискаром — местом моего пребывания, и Сутом, где жил Танги Сакаб, было пять дней пути. Я отправил туда семьдесят человек во главе с Маулана Дарвиш Мухаммадом Каратагом, который был в большой дружбе с главами Тибета, и способного воина Нур 'Али дивана, но оба вернулись с дороги. Прежде чем было принято решение, прошло два месяца в обмене посланиями.

Рана Махмуда ухудшилась. Из-за холода ему было трудно оставаться в Зангискаре, и я был вынужден отправить его в Марйул, а сам задержался с расчетом на то, что когда Махмуд достигнет Марйула, я отправлюсь в Суру и, возможно, найду там средства к жизни. Когда Махмуд добрался до того места, где его в голову лягнула лошадь, он остановился там на ночь, а наутро перед тем, как сесть на лошадь, он обнажил

голову, чтобы наложить пластырь. Холодный воздух охватил его раненый мозг, у него закружилась голова и он потерял сознание. К полуденной молитве ко мне прибыл человек и сообщил об этом. Я быстро отправился к нему и в полночь прибыл,— он лежал без сознания. На следующий день он пришел в себя, сознание полностью прояснилось, и на следующий день он был в сознании, а на третий день стал [578] бредить. На вторую ночь [после этого], отказавшись от общества живых, он отправился по дороге небытия для беседы с умершими. Рашид султан, который был для меня как зрачок глаза, мечом насилия, подобного ресницам красавиц-угнетательниц, казнив моего дядю и его детей, /307a/ ранил мою душу и сердце, и язвы этого еще не зажили, [как произошла смерть Махмуда]. Я не знаю: изменчивая ли судьба учила его жестокости или сама училась у него? Байт.

Тот тиран, который выжег [на мне] сотни пятен
жестокости,
О боже, у кого он научился этому насилию и гнету?

Поверх этих ран [судьба-тиран] нанесла еще огненные пятна, подобные звездам на небе, и разве недостаточно было боли, что эти [мои] раны она прижгла еще пятнами разлуки с 'Абдаллахом, скребя их, посыпала солью?
Байт:

У меня и так сердце в страданиях и горестях,
Не сыпь еще соль на рану мою

Нет могучей руки, которая могла бы схватить [судьбу] за воротник, нет внемлющего столам, чтобы уберечь от ее гнета. Рубайт:

Крик и стон — от руки твоей, о колесо судьбы!
Ты не видишь верных тебе людей, и не ведаешь
благодарности,
Все дела твои — обида моему несчастному сердцу,
Перед тобой все одно — дьявол или ангел

Весь запас несчастий, который был припрятан судьбой за весь период моей жизни, которая переступила за тридцать и не достигла сорока лет, она разом обрушила на меня. Байт:

Развязывал свой груз на моей растерзанной груди
Каждый караван печали, который прибывал из страны
Любви

Однако в нашествии напастей и в свершении разных нежелательных дел заключено несколько тысяч мудрых смыслов. У дерева блага и счастья, призванного давать хорошие плоды и приносить довольство благоприятной весной, пронизывающий ветер в конце осени [579] сбивает урожай, а холод месяца Дея задерживает увядание плодоносного дерева до весеннего ветра благоденствия, который приведет его в движение, чтобы оно вместо увядших плодов прошлого года принесло новые. Когда я мудро взглянул на это глазами размышления, то понял, что с наступлением predetermined времени плоды на деревьях долго не удержатся, и опадание их в прах небытия наступит неизбежно, и /307b/ я прочел стих Корана: <Мы испытываем вас кое-чем из страха, голода, недостатка в имуществе и душах...>³ до [стиха]: <Мы принадлежим Аллаху, и к нему мы возвращаемся! >⁴.

В это время прибыл человек из того отряда, который я послал в Суру, и известил о том, что Нур Али дивана, договорившись со своими спутниками, схватил Маулана [Дарвиш Мухаммад] Каратага и отправился с ним к Багану. Баган был главой — джумом одной из областей Тибета, а Маулана Дарвиш Мухаммад Каратаг где-то [когда-то] предательски нанес ему раны, так что тот был близок к смерти. И те злодеи преподнесли того мусульманина в качестве подарка тому неверному, а сами, получив от него разрешение, отправились в Йарканд. Тот неверный острием палки прошил рот упомянутого Маулана и убил его. Затея с Суру в связи с этим была оставлена.

Я привез тело Махмуда [мирзы] в Марйул, а оттуда отправил его в усыпальницу его предков в Кашгар. Эти дела произошли в начале сезона Скорпиона; когда мы ушли в Марйул, было начало холодов в Тибете. Та зима, вплоть до весны, прошла в таких трудностях, что если их описывать, то заподозрят преувеличение.

Весной мы, семьдесят человек, из-за лошадей отправились в горную долину Утлук, которая по всему Тибету славилась прекрасной травой. Мы проводили там время в охоте на диких ослов и степных яков, а затем вернулись. Я оставлял Искандар султана с группой людей в Марйуле. Когда все собрались в одном месте и лошади подкормились и стали сильные, люди, не устояв перед трудностями и опасностями, все разом разбрелись и ушли в Йарканд. Из тех людей осталось пятьдесят человек — все остальные убежали. В это время из Йарканда прибыл Джан Ахмад-атака, которою я два года тому назад, во время своего возвращения

из похода в Урсанг, отправил к Рашид султану, как уже было упомянуто, и он привез приказ о том, [580] чтобы мы покинули Тибет. Причиной моей задержки здесь было следующее: если бы я подался куда-нибудь по собственной воле, то всю ответственность за нарушение обязательств возложили бы на меня, хотя сам он нарушил договор и обещание, подкрепленные верой и сильными клятвами, внешне выказывая верность им. Теперь он, превращая все это в забытый прах, /308а/ прислал приказ о бегстве. Стихи:

О государь, в то время, когда я уходил от тебя
Ответственность за клятву я возложил на тебя и ушел
Когда ты нарушил клятву и договоры,
Ответственность за все я возложил на тебя и ушел

Как только прибыл Джан Ахмад-атака, я направился в Бадахшан.

ГЛАВА 110. УПОМИНАНИЕ ОБ ОТПРАВЛЕНИИ АВТОРА КНИГИ ИЗ ТИБЕТА В БАДАХШАН

Ранее упоминалось, что из тех семисот человек осталось пятьдесят, остальные же, как только могли, бежали в Йарканд. Упоминалось также, что трудность тибетских дорог из-за недостатка фуража и дров, сильные холода и тяжесть пути своими крайностями были таковы, что здравый рассудок отказывался в это верить. Вместе с тем отсутствие возможности достать пищу, одежду, особенно подковы для лошадей, которые совершенно необходимы на тех дорогах, малое количество лошадей и ослабленность их дошли до такого предела, что оставаться в Тибете было невозможно. Мисра:

Ни уйти, ни остаться, ох, что это за положение!

И оставаться здесь, и пускаться в путь — оба дела были крайне трудными, однако в уходе была надежда, что придет конец трудностям, а в пребывании здесь нельзя было и представить себе их конца (Добавлено по Л₂ 240а; Л₃ 180а). Мисра:

Увы! Закрыли мне дорогу с шести сторон!

[Уход] в любую сторону — в Кашмир, и в Кашгар, и в Турфан, и в Индию был одинаково невозможен. Единственной стороной, где имела надежда на спасение, был Бадахшан, но никто из нас не знал дороги из [581] Тибета в Бадахшан, чтобы можно было уехать, минуя Кашгар. В группе людей, которая бежала в Йарканд, был некий Джахан Шах, и он как-то рассказывал, что слышал от людей горной части Йарканда, как они говорили, что от места под названием Таганак¹ (В Л₁ 215а — Маханак; Л₂ 240а; Л₃ 180а — Тагдумбаш; R 464 — Таг Нак (в коммент.— Токанак).) имеется дорога, которая ведет в Бадахшан Памира. Тогда я расспросил о ней, и мы отправились по дороге, которой не знали. Байт:

Разве можно пускаться в путь по дороге,
Которую никто не видел и не знает?

Несколько человек из тех оставшихся пятидесяти, потеряв силы, остались в Тибете. Я с двадцатью семью человеками отправился в путь; не хватало снаряжения для путешествия, лошади ослабли, дорога было трудная и, несмотря на сезон Девы, стял такой холод, что когда после захода солнца мы доехали до места /308б/ под названием Каракорум (R 465— Кара Курам), то протекавшая там большая река была полностью скована льдом и, где бы мы ни пробивали его, не было ни капли воды. Так мы старались до вечернего намаза. Лошадям, которые весь день шли по земле [где была опасность болезни удушья] и прибыли в местность, где не было воды, а трава была как исчезающая ртуть, мы дали немного ячменя, что было у нас, однако из-за отсутствия воды они не стали его есть. Джан Ахмад-атака сказал: «Я как-то видел родник, примерно около полфарсаха отсюда, надо идти туда». Он показал одно место среди льда, где надо было пробить, и когда пробили во льду дыру, там оказалась вода. У нас был один мул, самый сильный из всех вьючных животных. Из-за отсутствия воды зубы его сомкнулись и, сколько бы мы ни старались, он не смог выпить и глотка воды и погиб. Груз, который был на нем, так и остался. Вот до какой степени была трудна дорога! Мисра:

Мусульманин да не услышит, неверный да не увидит

Когда с такими трудностями мы доехали до места, откуда отделялась незнакомая нам дорога, ведущая в Бадахшан, Искандар султан испросил у меня разрешения: «Я пойду к Рашид султану, быть может, [582] братское сострадание, как птица Хума, накроет меня тенью милости, а раны, которые он до сих пор наносил мечом разрыва родственных связей, возможно, исцелит исполнением родственных обязанностей». Я сказал: «Твой брат не остался верен братству, предписанному Аллахом и являющемуся основой мусульманства, о чем свидетельствуют его деяния, о которых мы слышим. К этому еще добавились его упущения в мирских делах он поддался козням Мухаммади барласа, злобность души которого соединена с низостями его существа. Посчитав его за человека, он стал его единомышленником, поэтому никогда нельзя надеяться на узы родства с твоим братом и его милосердие». Рубай.

В его мирских делах и в дружбе нет верности,
Нет в нем чистоты ни внутри, ни снаружи,

От такого человека для людей верности
Нет ничего, кроме обиды, насилия и жестокости

Я произнес несколько подобных фраз, но поскольку трудности дороги и несчастья в Тибете дошли до предела, его пронизательный взгляд не видел верного пути, и он упорно настаивал на получении разрешения. Я поневоле отпустил его, присоединив к нему четырех человек. /309а/ Так как из двадцати семи человек пятеро отделились, я отправился по тому незнакомому (Добавлено по Л₂ 240б; Л₃ 180б) пути с двадцатью двумя человеками. Из-за того, что не было подков, несколько лошадей вышли из строя. В тот самый день, когда от нас отделился Искандар султан, в полуденный намаз мы убили одного степного яка. Из его шкуры мы изготовили обувь (Добавлено по Л₂ 241а; Л₃ 180б) для ног обессилевших лошадей и взяли мяса столько, сколько смогли унести. Из провизии у нас ничего не оставалось, кроме ячменного толокна, которого хватило бы на один-два дня, и (добыча яка) была милостью Дающего хлеб насущный, <да будет всеобщим его благодеяние>. Мы смогли взять с собой только то, на что хватило сил у вьючных животных, чтобы нести. У нас оказалось еды на пять дней, что составило, во-видимому, четверть яка. Остальное было брошено и, возможно, в течение недели те места оглашались призывными криками воронов, пировавших и дравшихся друг с другом. Так мы шли [583] наугад. На следующий день мы снова убили яка крупнее этого. На третий день опять выпало счастье. Мисра:

Дарующий хлеб насущный послал дневное пропитание.

Из рассказа упомянутого Джахан шаха я предполагал, что, возможно, за шесть дней мы дойдем до какого-нибудь населенного места. Однако на третий день, как мы отделились от Искандар султана, в полдень мы дошли до людей в несколько семейств. Они поспешили к нам навстречу и выразили радость. Мы спросили их о дороге. Они сказали, что эта долина называется Раскам (В Л₂ 241а; Л₃ 180б — Раскам) и отсюда до Памира пять дней пути. Когда мы встретились с теми людьми, то полностью отдохнули от трудностей нескольких лет. Они забрали ослабевших лошадей, а вместо них дали хороших коней, полных сил. Все, что они имели из пищи и напитков, они приносили нам, положив на блюдо подношения. Каждый из тех людей, кто видел меня, начинал плакать и говорил на своем наречии: «Благодарение Аллаху, что хоть ты один остался в живых из наших царевичей династии, существующей четыре столетия, все мы — жертвы твои». Со всеми чадами и домочадцами они кружились вокруг меня, и сколько бы я ни запрещал им это, не помогало. /309б/ Куда бы мы ни приходили, все те люди всей семьей сопровождали нас. За семь дней, оказывая нам безмерный почет и уважение, они довели нас до Памира и настаивали на том, чтобы таким же образом вместе дойти до Бадахшана. С большим усилием мы отговорили их от этого и отправились в Бадахшан.

Я приехал [в Бадахшан] к Сулайман шаху мирзе — сыну Мирза хана, сына моей тетки по матери, о котором и о завершении дел которого ранее уже упоминалось в нескольких местах. Он поспешил меня встретить, и оказал нам все услуги, на которые только был способен. Я воздал тысячу благодарений всевышнему Аллаху за то, что после таких трудностей мы добрались до убежища, мисра:

Я был мертв, а Аллах вновь дал мне жизнь,—

К тому же из страны неверных, о которой я говорил тысячу раз,— байт:

На улице соперников как я упомяну о луноликой?
Ведь та страна неверных, о Аллах, что мне делать?—

[584] мы прибыли в страну мусульман. Стихи:

Без тебя я не могу найти покоя ни на миг,
Милости твои не могу сосчитать
Если каждый волос на моем теле превратится в язык,
Даже одну благодарность из тысячи я не смогу выразить

Когда мы достигли Вахана² (В Л₂ 241б, Л₃ 181а — Варзухан), граничащего с Бадахшаном, ко мне пришел один из мулазимов Рашид султана, находившийся там с каким-то делом. Я сочинил кит'у по тюркски и отправил ее через него Рашид султану. Тюркские стихи.

Соглашение о верности, любви и милости —
Все это ты удивительно уничтожил,
В твоей вере жестокость — это милость,

Да благословит тебя Аллах, вот какие милости ты оказал.
Байт:

Если я начну стонать, из сердца камня исторгается стон.
Если я начну плакать, из черной земли поднимется
тюльпан

Цель написания этих слов — не жалоба на обиду, причиненную жестокими людьми, и везде, где они приведены, они подсказаны самим ходом изложения и являются подтверждением тому, что сказано великими людьми. Стихи:

Я слышал, что допустимо осуждать за глаза трех
[власть имущих] людей.
А прощать их — было бы четвертой ошибкой,
Один из тех трех — падишах, заслуживающий порицания,
От которого люди терпят несчастья

Если бы я описывал деяния какого-нибудь тирана, то для этого понадобился бы специальный рассказ. Если пожелает Аллах, описание жизни Рашид султана будет приведено в основной части «Истории» и здесь повторять это не стоит. Короче говоря, в это время он /310а/ оказал милость моей жене, которая доводится Рашид султану теткой по отцу, тем, что прогнал ее и выслал, присоединив к ней Искандар султана. Другая его милость заключалась в том, что он ее не обобрал и не ограбил, а отправил с тем, что было при ней в тот момент. В стесненных обстоятельствах и в трудном положении моя жена прибыла в Бадахшан. У моих домочадцев было [585] одно стадо скота. По рашидовой милости прибыли также около десяти человек, высланные вместе с семьями со всем своим скарбом.

Ту зиму я провел в Бадахшане, наслаждаясь покоем и отдыхом. Проведя весну в степях и горах Бадахшана, летом я прибыл в Кабул. Вслед за моими домочадцами [Рашид султан] выслал уважаемую жену [Са'ид хана] Зайнаб Султан ханим, которая была также его двоюродной сестрой по отцу, вместе с ее сыновьями — Ибрахим султаном, самым любимым из детей [Са'ид] хана, Мухсин султаном и Мухаммад Йусуф султаном. Все они собрались в Кабуле, а я уехал в Индию.

Когда я прибыл в Лахор, там сидел Камран мирза, сын Бабур Падишаха. Он встретил меня с почетом и уважением, какие только были возможны, и оказывал мне бесконечные царские милости. Так от смятения и страха мы достигли почета и уважения. Несколько байтов из «Бустана»³ [Са'ади] соответствуют этому положению, и мы приводим их. Стихи:

Один человек увидел во сне пустыню дня воскресения
из мертвых,
Земля от солнца была раскалена, как медь,
Вопли людей поднимались до небес,
Вскипая, мозг выходил с дыханием,
Но один из тех людей сидел в тени,
На плече у него — богатое платье с украшениями,
Тот человек спросил у него
«О украшающий собрание
людей,
Кто же был твоим заступником в этом собрании»
У меня была виноградная лоза у двери дома,
В тени той лозы спал блаженный человек,
В тот день страшного суда тот праведный человек
Выпросил у бога прощения за мои грехи
«О Господь, сжался над этим рабом,
Я благодаря ему нашел в свое время покой».
Когда Са'ади постиг эту тайну,
Поведал о ней госпотину Ширака,
Ибо все в тени его великодушия
Блаженствуют вокруг его скатерти милости,
Человек великодушный — это дерево плодоносящее.
Ты не позволишь, чтобы его сравняли с топливом с гор,
О ты, дерево плодоносное, какое ты прочное,
Ты плодоносишь и тень даешь
/310б/ [Бесплодное] дерево срубают топором,
А разве рубят дерево плодоносящее

Когда я прибыл к Камрану, утомленная душа моя обрела покой. Мисра:

Птица из клетки вырвалась в сад.

[586] Он великодушно областал меня разными царскими милостями, так что ушли все огорчения, выпавшие мне на долю из-за обилия трудностей и бедствий и превратившие мою жизнь в горечь; противоядием от этого стала его милость и успокаивающая сердце благосклонность. Стихи:

Хорошие качества шаха невозможно перечислить,
[Описания их] не вместятся в эту книгу.
Если бы обо всех них писал Са'ади,
То, вероятно, заполнил бы другую тетрадь

В это время один из сыновей Шаха Исма'ила пришел и овладел Кандагаром. Описание этого события следующее. Сам Мирза¹, один из сыновей Шаха Исма'ила (Добавлено по Л₂ 242а; Л₃ 181б, R 408), бежал с группой людей от своего брата Шаха Тахмаспа, прибыл к границам Систана и оттуда направился в Кандагар (Приведено по Л₂ 242а; Л₃ 181б, R 468 (в Т — Кундуз)). В Кандагаре сидел Мир Ходжа-йи калан⁵. Этот Ходжа-йи калан — сын Маулана Мухаммад садра, одного из великих столпов религии и государства Мирзы 'Умар Шайха б. Мирза Султан Абу Са'ида. Его (Мухаммад садра) сыновья после смерти Мирзы 'Умар Шайха по праву преемства находились при Бабур Падишахе и много славных дел было сделано их руками на службе у Бабур Падишаха. У них было много заслуг перед тем семейством: так, шесть братьев погибли один за другим в сражениях, которые вел Падишах, и остался один из братьев — этот Амир Ходжа-йи калан, человек образованный и храбрый. Твердостью своего мнения, украшающего государство, он держал в порядке дела Падишаха. Завоевание [Бабур] Падишахом Индии согласно божественному предопределению произошло благодаря его стараниям и усилиям. Короче говоря, он так укрепил Кандагарскую крепость, что сам Мирза в течение восьми месяцев, прилагая большие старания, пытался взять ее, но не смог. В конце восьмого месяца из Индии прибыл Камран мирза и у Кандагарской крепости произошло сражение. Благодаря храбрости и стараниям Амир Ходжа катана и настойчивости Камрана мирзы, победа оказалась на стороне последнего. Сам Мирза, разбитый и разгромленный, ушел в Ирак, а Камран мирза возвратился в Лахор. Сей раб в те дни тоже прибыл в Лахор. Та зима [587] прошла, а весной в Кандагар пришел Шах Тахмасп, чтобы отомстить за брата. Шах Тахмасп был таков, что каждый раз, когда он направлялся в Хорасан, /311а/ 'Убайдаллах хан, несмотря на свое могущество, а узбеки на свою многочисленность, предпочитали противостоять ему издалека и бежали от него. Байт:

Если тебе суждено отправиться в рай,
То они выберут себе ад

Мир Ходжа-йи калан не смог удержать крепость, во-первых, из-за того, что войско у Шаха Тахмаспа бычло мощным и многочисленным, и, во-вторых, из-за того, что прошлый год он восемь месяцев выдерживал осаду, во время которой были потрачены все защитные средства на ее укрепление. Кроме того, у него не было твердой надежды на то, что Камран мирза придет и освободит его из рук Шаха Тахмаспа. По этим причинам он оставил Кандагар и ушел в Уч и Татту, а оттуда прибыл в Лахор. Когда это известие дошло до высокого слуха Камрана мирзы, он решил отправиться в Кандагар. Все районы Индии, которые принадлежали ему, сановников дивана и должностных лиц он целиком передал сему рабу, вручив мне также доходы от всех владений и государственные дела, а сам благополучно отправился в Кандагар. Когда он достиг Кандагара, доверенные лица Шаха Тахмаспа по мирному соглашению вернули ему Кандагар и ушли в Ирак. Эта поездка [Камрана мирзы] длилась больше года. За это время, насколько было возможно, я проявлял должное усердие в управлении государственными делами. Я целиком следил за порядком во владении, за взиманием налогов, за подчинением непокорных, за охраной мятежных границ и укреплением основ ислама. Когда Камран мирза с полной победой вернулся с стольный град Лахор, он повысил мое жалование с пятнадцати лаков до пятидесяти и отличил меня среди равных умножением своей благосклонности ко мне. А один индийский лак равен двадцати тысячам шахрухи, а один шахрухи равен одному мискалю серебра, находящемуся сейчас в обращении.

ГЛАВА 111. УПОМИНАНИЕ О ХУМАЙУН ПАДИШАХЕ, СЫНЕ БАБУР ПАДИШАХА, И ЗАВЕРШЕНИЕ ЕГО ДЕЛА

Хумайун падишах — сын Бабур Падишаха, великий, знаменитый и старший из детей [Бабур] Падишаха. Я [588] встречал немного людей с его способностями и врожденными качествами, однако из-за частого общения с людьми порочными и мерзкими, главой которых был Маулана /311б/ Мухаммад Паргари, и другими, у него появились недостойные склонности, не свойственные его природе, например, пристрастие к опиуму. Все, что совершалось [Хумайун] падишахом и являлось предметом пересудов людей, связано с этим. Однако по своей ангелоподобной природе он объединял в себе разные совершенные качества: в жестоких сражениях отличался храбростью и стойкостью, подобной горе, в тонкостях пиршества ладонь его [щедрости], рассыпающая жемчужины, была подобна морю, его чистое сердце было рудником драгоценностей благородных деяний, а щедрая его рука — источником облака благодатной милости. Возможно, Анвари¹ именно о нем сказал байт:

Если сердце и рука подобны горю и руднику,
То эти сердце и рука государя.

Одним словом, он был до предела величественным и могущественным государем, полным нравственною величия и великодушия. Когда после своих несчастий я прибыл к нему в Агру, о чем еще будет сказано, люди говорили, что сейчас ничего не осталось от его прежнего славного и великолепного царствования. Но, несмотря на это, во время битвы при Ганге, все руководство в которой было передано мне, у него в услужении находились семнадцать (Приведено по Л₁ 217б; Л₂ 243а; Л₃ 182а; R 470 (в Т — семьсот тысяч)) тысяч шагирдпиша и из этого можно представить себе его великолепие.

Одним словом, краткое изложение тех событий таково. В то время, когда Камран мирза в первый раз пошел на Кандагар, [Хумайун] падишах двинулся на Гуджарат и овладел им. Из-за разногласий и отсутствия проницательности у его бестолковых эмиров он оставил Гуджарат и вернулся назад. От этого на красе правления падишаха появилось пятно, а на личности его как правителя — стыд, и представление людей о прочности его величия поколебалось в их сердцах. Вслед за этим он отправился на Бенгалию, чтобы как-то восполнить потери. Бенгалию он также завоевал, и пребывание его там затянулось.

[589] В Агре находился его младший брат Хиндал мирза. По той причине, что Шир хан² из Баркунды и Рохтаса³ направился к Агре, [Хиндал мирза] убил Шайх Пула, который был пиром [Хумайун] падишаха, как уже было упомянуто, прочел хутбу на свое имя и стал открыто бить по барабану власти ремнем неповиновения. Как сказано в пословице: «Везде, где появляется неповиновение, исчезает власть».

Когда известие об этом дошло до Бенгалии, **/312a/** [Хумайун] падишах передал Бенгалию Джахангиру кули б. Ибрахим бекджаку моголу с пятью тысячами человек, а сам направился в Агру. Однако, когда Хиндал мирза провозгласил хутбу на свое имя, никто из эмиров падишаха, находившихся в окрестных индийских городах, не выразил ему повиновения. По недомыслию и невезению он не пошел против Шир хана, а сначала отправился завоевывать владения [Хумайун] падишаха, как говорят: «Разберись с друзьями, а враг сам сделает свое дело». Сначала он пошел на Дели — столицу всей Индии. Правителями Дели были эмиры падишаха, и они не отдали ему Дели, обе стороны вступили в сражение, проявляя в отношении к врагам малодушие, а к друзьям — храбрость.

Пока Хиндал мирза был занят этим делом, Хумайун падишах из Бенгалии дошел до Чаусы и Байка⁴. Шир хан посчитал это удобным для себя моментом и преградил путь падишаху. Все лошади падишаха погибли в Бенгалии, воины ослабели и устали от сезона дождей. Три месяца он стоял напротив Шир хана. Неоднократно [от падишаха] к братьям прибывали гонцы с сообщением, что главой смуты в Индии является Шир хан, что сейчас он стоит здесь против него и пусть братья скорее придут, чтобы его уничтожить. Однако братья были заняты своей враждой, а враг — своим делом.

Когда известие об этом положении дошло до Камрана мирзы, он тотчас же двинулся с войском в Дели. Хиндал мирза бежал от него, а эмиры [Хумайун] падишаха вышли встретить Камрана мирзу. С приходом Камрана мирзы они в общем обрели силу. Но сколько бы умудренные опытом люди ни советовали отправиться в Чаусу помочь падишаху, недальновидные возражали против этого: «Поход на Чаусу станет причиной спасения падишаха и уничтожения врагов, а мы окажемся в затруднительном положении». Камран Мирза по своей молодости и из-за отсутствия опыта, как говорят в **[590]** стихе: «Да не командует войском никто, кроме пожилого» — возражения недалеких людей посчитал справедливыми и стал медлить с выступлением. Опытные люди говорили: «Так как поход откладывается, то нужно возвратиться, чтобы не погубить снаряжение войска. Пусть каждый возвращается к себе домой и займется подготовкой снаряжения к бою. **/312b/** Если Шир хан разобьет [Хумайун] падишаха, мы будем готовы отразить его, а если падишах уничтожит Шир хана — это же танно» [Недальновидные люди] с этим также не согласились [и сказали]: «Если Шир хан сокрушит падишаха, тот затаит на нас обиду». В качестве своего оправдания, выбрав [стих Корана] колеблясь между этим [и тем]⁵, они дошли до Агры. В Агре они пробыли больше месяца, когда туда прибыл потерпевший поражение и разбитый [Хумайун] падишах. В сезон дождей прибыли все братья и собрались в одном месте. Это произошло в сафаре 946 (1539) года⁶.

ГЛАВА 112. РАССКАЗ О БИТВЕ ПРИ ГАНГЕ

Когда братья собрались все вместе, они стали совещаться. Разговоры были долгими, однако описывать их бесполезно, потому что не было сказано ни одного слова, достойного быть записанным, как говорят: «Когда судьба омрачается, умы мутнеют». Камран мирза хотел вернуться, однако падишах, удовлетворяя самые невозможные просьбы Камрана мирзы, на эту не соглашался. Семь месяцев прошли в настоятельных просьбах, пока не потеряли время и Шир хан не подошел к Гангу с намерением дать сражение. Кит'а:

Смерть подошла и сидит пред тобой,
А ты хватаешься то за то, то за это,
По беспечности и недостатку опыта,
Подобного тебе простака никто не видел
Все свое величие и государство
Ты потерял из за каких-то глупостей

Во время тех споров и просьб Камран мирза сильно заболел. Климат Индии был для него неблагоприятен. Ложный аппетит и частая еда привели к плохому пищеварению. Из-за несварения пищи начался геморрой с

опухолью и трещинами в заднем проходе. А из-за опухоли в заднем проходе наступила также затрудненность мочеиспускания. Через два-три месяца от начала заболевания появились жар, рвота и раздражительность. По [591] этой причине из еды и питья ему стали давать [продукты] холодной натуры. Он совершенно ослабел, руки и ноги не двигались. Байт:

Я настолько исхудал, что под кожей, подобно струнам
чанга,
Можно было сосчитать все кровеносные сосуды
в моем теле

В его лечении господин Мир Абу-л-Бака (В Л₂ 244а, Л₃ 183а — Абу л Фатх), подобно Мессии, творил чудеса (Листы рукописи перебиты при переплете, следующий за л. 1126 лист попал в конец и перевернут (л. 3206а)).

/3206/ Камран мирза постоянно настаивал на том, чтобы вернуться в Лахор, а когда его болезнь усилилась, он твердо решил возвращаться. Возвращение Камран - мирзы было удачей для Шир хана и бедой для чагатайцев. Сколько бы [Хумайун] падишах ни убеждал его оставить для помощи большую часть войска и командующих в качестве вспомогательной силы, Камран мирза, напротив, старался увести с собой всех людей Агры, куда там оставить свое войско! Уже упоминавшийся вскользь Мир Ходжа-йи калан, которому подобало бы быть опорой государства в этом деле, сам старался уехать. Камран мирза под каким-то предлогом послал его вперед, а сам собирался отправиться следом.

Тем временем Шир хан подошел к берегу реки Ганг, и его войско перешло реку. Кутб хан, его сын, подошел к Атаве и Калпи. Те места принадлежали в качестве икта Касим Хусайну султану, который был из узбекских султанов Кафы¹ и Крыма, и Йадгар Насиру мирзе, сыну Султан Насира мирзы, брата Бабур Падишаха, о котором упоминалось ранее. Часть Калпи они отдал Камрану мирзе, который от себя отправил в этот вилайат Искандар султана. Эти три человека выступили против Кутб хана, сразились с ним, убили Кутб хана и одержали полную победу. [Хумайун] Падишах выступил из Агры к Гангу против Шир хана.

Камран мирза все свои дела целиком передал мне и предлагал вернуться в Лахор. [Он говорил]: «Ты прибыл сюда из Кашгара из за разногласий с родственниками, на службу которым ты потратил всю свою жизнь, а что тебе досталось от них, ты знаешь. Когда ты приехал, из-за нашего родства я отнесся к тебе как к брату и даже больше, я передал тебе все свои дела и [592] сделал тебя главным в решении государственных дел и, если в этом деле я сделал что-то не так, ты скажи, чтобы можно было исправить. Однако в такое время, когда враг /320а/ одержал победу над моими владениями, а болезнь — над царством тела, не убирай руку братского сострадания от важного дела милосердия, освободи меня от этих двух опасностей и доставь меня в Лахор».

С другой стороны, [Хумайун] падишах сдружился со мной и на могольский манер присвоил мне имя «друг» и ни с каким другим именем ко мне не обращался. В фирманах он писал так: «потомок великих султанов», «отпрыск уважаемых правителей», «средоточие похвальных качеств», «товарищ, лучше чем брат», «избранный друг» Мухаммад Хайдар Гураган, <да продлится его любовь>. Ни к кому из своих братьев и султанов времени, которые находились в услужении у [Хумайун] падишаха, он не обращался с такими эпитетами. Несмотря на то, что я еще находился на службе у Камрана мирзы, [Хумайун падишах] все свои дела вершил по моему совету. Он повторял мне: «Если Камран мирза говорит, чтобы ты сопровождал его [в Лахор], то это из-за усиления его болезни, а подумать как следует ему мешает нездоровье. Нет никакой необходимости, чтобы ты сопровождал его [в Лахор] и, конечно, никакое дело с отправкой в Лахор с тобой не связано. Если он ссылается на свою болезнь — ты не врач и не лекарство, а если он говорит о родстве, то твое родство с ним идет через родство с [Бабур] Падишахом и в этом отношении между мною и Камраном мирзой полное равенство. Ты сам подумай с точки зрения справедливости о правильности того, что я говорю. Дела всей Индии и судьба потомков Бабур Падишаха связаны со сражением между мною и Шир ханом. Предстоит такое дело, а ты из-за болезни Камрана мирзы отправишься в Лахор! Из этого последуют два вывода: первый, что ты испугался опасности и, сохраняя свою голову, под предлогом болезни Камрана мирзы оставил всех и ушел в безопасное место — все погибли, а ты спасся. И второй — ты двоюродный брат Бабур Падишаха, ты одинаково доводишься родственником [всем его детям, поэтому] следует, чтобы ты позаботился обо всех потомках [Бабур] Падишаха (Добавлено по Л₁ 219а; Л₂ 245а; Л₃ 1836). /313а/ В этом нашествии тревог ты ни о ком [593] не думаешь и, /313а/ что бы ни случилось с этими людьми, ты спокойно едешь в Лахор, а из Лахора уйдешь в любое безопасное место. Если это согласуется с дружбой и братством, тогда так и поступай. Правда, люди могут порицать тебя за то, что ты не довел Камрана мирзу до Лахора, несмотря на его болезнь, а, исходя из общих интересов, остался в войске для битвы при Ганге, но [это осуждение] меньше того, если скажут, что в такой битве, когда решаются все дела этой династии и служение которой для тебя обязательно, ты оставил все на одного меня и под предлогом болезни Камрана мирзы укрылся в безопасном месте. На самом деле, если здешние дела погибнут, Лахор первым падет под ударами того же меча».

Поразмыслив, я отдал предпочтение этим словам. Сколько бы Мирза Камран ни старался, я остался без его разрешения [с Хумайун падишахом]. Камран мирза в качестве помощи оставил примерно тысячу человек во главе с Искандар султаном и, забрав с собой из жителей Агры столько людей, сколько смог, отправился в

Лахор. Это само по себе способствовало усилению врага и поражению друзей.

Как бы то ни было, [Хумайун] падишах достиг берега реки Ганг, и около месяца падишах с одной стороны реки, а Шир хан — с другой противостояли друг другу. Общая численность войска с каждой стороны превышала два лака (В Л₂ 2456; Л₃ 184а — двенадцать лаков).

В итоге Мухаммад Султан мирза... (Здесь текст не ясен — упоминаются еще два имени: «Тимуридские мирзы Улуг мирза и Шах мирза»), внук от дочери Султана Хусайна мирзы, о котором упоминалось [при описании] Хорасана, договорился с Шир ханом и бежал к нему. В Индию он приехал на службу к Бабур Падишаху, [Бабур] Падишах отнесся к нему с большим уважением и встретил его разными царскими милостями. После смерти Бабур Падишаха он неоднократно проявлял непокорность Хумайун падишаху и, ничего не добившись, вновь возвращался к нему и [Хумайун] падишах прощал ему вину. Таким образом, [с его бегством] открылся путь [для других], /3136/ и каждый стремился убежать из войска. Удивительнее всего то, что эти безавшие безрассудные люди не шли к Шир хану и не надеялись на его милость, [они говорили]: «В войске жарко, мы пойдем и отдохнем в своих местах».

[594] Большая часть вспомогательных сил, оставленных Камраном мирзой, бежала в Лахор. Среди снаряжения, имевшегося у [Хумайун] падишаха, было семьсот повозок, каждую из которых тянули четыре пары быков, и на каждую повозку клали румийское орудие, которое выбрасывало ядра весом в пятьсот мискалей. В те дни я много раз наблюдал, как с вершины возвышенности они безошибочно попадали в едва только показавшегося всадника. И имелось еще восемь больших пушек, каждую из которых тащило восемь (Приведено по Л₁ 2196; R 474 (в Т — шесть)) пар быков. Каменные ядра для них не подходили — рассыпались, и в них применялись ядра из семи сплавов, каждое из которых весило пять тысяч мискалей, и стоимость каждого была один бадра — двести мискалей серебром. Ими стреляли на расстояние одного фарсаха.

Когда воины стали разбегаться, мы посоветовались и решили, что поскольку войско и без битвы распадается, то следует вступить в сражение, чтобы, если даже дело примет нежелательный оборот, люди не осуждали, что такую страну, как Индия, такие-то слепцы выпустили из рук, даже не вступив в сражение. И другое: если воины перейдут реку, никто больше не сможет бежать. По этим причинам мы перешли реку.

Оба войска проложили рвы. Каждый день неорганизованная чернь и индийцы с обеих сторон самовольно завязывали стычки.

В это время полил ливневый дождь и земля, где расположился лагерь того войска печали, пропиталась водой и необходимо было перебраться в другое место. Знающие люди говорили, что еще один такой дождь и наводнение ввергнут все войско в пучину смятения, поэтому следует расположиться напротив врага на высоком месте, чтобы потоки воды не заливали его. /314а/ Я походил по окрестностям, нашел подходящее место и мы собрались перейти туда. Я доложил, что сначала мы подвергнем врага испытанию, чтобы он не атаковал нас во время перемещения. Сражение во время перемещения нежелательно. Завтра, в десятый день [месяца мухаррама] в полном порядке мы выстроим ряды, но вперед не пойдем. Когда мы увидим, что враг вышел из рва и продвигается вперед, мы сами начнем бой и, в конце концов, между нами произойдет сражение. Это более приемлемо, так как мы выстроимся, выставим [595] вперед большие пушки и другие орудия, а между повозками разместим стрелков, которых около пяти тысяч. Если враг выйдет и атакует нас, то лучшего места и времени для сражения не будет. Если же враг не выйдет из рвов, то мы примерно до половины дня сохраним ряды. В тот день, когда станет известно, что враг не собирается выходить из рвов, мы вернемся на свои места. На следующий день таким же образом мы выстроим ряды, а обоз пройдет за этими рядами и разместится на новом месте, а мы прибудем туда следом за ним. Это, кажется, согласуется с осторожностью. Все опытные люди одобрили это мнение.

Десятого мухаррама 947 (17 мая 1546) года, в день ашура², мы приступили к осуществлению упомянутого плана и выстроились в ряд, подобный сердцам самих людей, трясущийся и неровный. Как было решено, повозки, мортиры и пушки находились в центре. Мухаммад хан Руми и его сын (Приведено по Л₂ 246а, Л₃ 1846) Устад 'Али Кулч, Устад Ахмад Руми и Хасан-халифа — эти люди были начальниками артиллерии — каждый в определенном месте поставил свои повозки и пушки и протянул цепи по установленному правилу. Были там и эмиры, не соответствующие своему званию. Кроме имени «эмир», в них не было ничего эмирского. Они имели сполна казну и власть, однако в них не было и частицы того, что составляет суть эмирства — рассудительности, знаний, великодушия, рвеня, доблести и храбрости. Меня /314б/ [Хумайун] падишах определил быть сбоку, с левой стороны от него, таким образом, что моя правая сторона примыкала к левому флангу падишаха. На правом фланге падишаха стояли отборные отряды из гвардии падишаха, а на моем левом фланге — все мои мулазимы. Я отобрал из мулазимов четыреста человек, испытанных в сражениях и битвах, воспитанных на опыте дней распрей, — все на резвых конях, одетые в доспехи и кольчугу. От меня до левого края центра войска стояли двадцать семь эмиров, имевших знамена (туг), а другую сторону войска можно представить себе по этой (Приведено по Л₂ 246а, Л₃ 1846). В день сражения, когда Шир хан выступил, также распределив свое войско по отрядам, из тех наших двадцати семи знамен не оказалось ни одного, потому что все именитые эмиры попрыгали в страхе, чтобы, не дай бог, враг не набросился на него. По такому [596] мужеству можно составить себе представление о храбрости эмиров и их руководстве.

Шир хан выступил с пятью отрядами, каждый по тысяче человек, а впереди него было три тысячи человек. Я определил все его войско — не менее пятнадцати тысяч человек, а чагатайское войско, по моему

предположению, составляло примерно сорок тысяч человек — все на резвых конях. Оно бурлило, подобно волнуемому морю, однако храбрость эмиров и предводителей войска была такой, как уже описывалось. Когда войско Шир хана вышло из рва, два его отряда, превосходившие по численности другие, остались на месте перед рвом, а три отряда выступили против нашего войска. С нашей стороны мы привели в движение центр [Хумайун] падишаха, чтобы он укрепился в том месте, которое я счел подходящим. Когда мы достигли того места, где нужно было остановиться, сделать это не удалось и вот почему: каждый эмир из чагатайского войска, богатый или бедный, имел слуг-гуламов, а если один эмир, который уже был описан, имел сотню наукаров, конечно, из близких ему людей, а наукары — гуламов, то в целом это составляло пятьсот гуламов. И эти гуламы в день битвы не знали ни где их господин, ни где они сами. И сколько бы ни кричали повсюду «стой», гуламы, потерявшие самообладание, не помнили ни себя, ни своих господ. /315a/ Когда какого-нибудь гулама бьют, чтобы он остановился, он, хватаясь за голову, бежит, выпустив поводья [самообладания]. Короче говоря, нам никак не удавалось остановиться. Гуламы, находившиеся сзади, стали теснить центр и погнали его до цепей между повозками, и все смешалось. Стал ясен смысл стиха Корана: < Когда будет распростерта земля плоско>³.

Итак, гуламы, стоявшие сзади, теснили людей, находившихся впереди, так что те в нескольких местах порвали цепь между повозками, и каждый, кто был у порванной цепи, волей-неволей оказался впереди нее, а те, перед которыми была цепь, остались позади нее. Ряды войска были нарушены. Таково было положение центра.

С правой стороны подошло три отряда Шир хана. К какому бы ряду воинов они ни приближались, еще до того, как они успевали выстрелить, те убегали, подобно соломе на ветру. Обратив, таким образом, в бегство ряды нашего войска, они достигли центра. [597] Находившиеся позади гуламы, которых хозяева направили вперед, сразу же побежали. Часть людей оказалась впереди повозок, а часть — за повозками. Ряды войска смешались: эмир оказался отделенным от наукара, а наукар — от эмира. В таком положении [отряды Шир хана], обратив в бегство правое крыло войска, достигли центра. Не выпустив и стрелы в сторону врага, разобщенные люди сразу же потерпели поражение. Вооруженное чагатайское войско, численность которого, кроме гуламов и шагирдпиша, я приблизительно определил в сорок тысяч, бежало перед десятью тысячами человек. Эта была битва, где ни один человек из друзей или врагов не получил ранения; Шир хан одержал победу, а чагатайцы потерпели поражение. Ни одна пушка не выстрелила, ни одно артиллерийское орудие не открыло огонь, и повозки так и не были приведены в действие.

Когда чагатайцы обратились в бегство, они пробежали один фарсах — [расстояние] между рекой Гангом и местом битвы. Все эмиры и бахадеры войска, не получив ни одного ранения, в полном здравии /315b/ достигли берега реки, а войско противника продолжало преследовать их. У чагатайцев не было времени сбросить с себя латы и верхнюю одежду, так они и бросились в воду. Ширина реки равнялась примерно расстоянию пяти выстрелов стрелы. Известные эмиры погрузились в море малодушия; кто остался — остался, кто погиб — погиб.

Когда мы перебрались через реку, [Хумайун] падишах, для услуг двора которого только в одну половину дня было семнадцать тысяч шагирдпиша, вышел из воды босой, с непокрытой головой, на лошади, на которую его посадил некто по имени Турди бек. Мисра:

Вечность — это вечность Аллаха и царство —
это царство Аллаха

У меня была примерно тысяча мулазимов, из них через реку перешло шестьдесят человек, все остальные были захвачены водоворотом небытия; из этого можно судить о состоянии всего войска.

Прибыв в Агру, мы не остались там; побежденные и разбитые, в таком состоянии, описание которого ничего не даст, кроме расстройств, мы уехали в Лахор.

[598] ГЛАВА 113. БЕГСТВО ЧАГАТАЙЦЕВ ИЗ ИНДИИ В ЛАХОР

В первый день месяца раби I 947 (6 июля 1540) года все султаны, эмиры и остальные люди собрались вместе. От обилия людей стало трудно передвигаться и находить место для жилья. У каждого были свои намерения и предложения. Всякий сведущий и несведущий человек предлагал свой план. Среди них были Мухаммад Султан мирза и Улуг мирза, еще до сражения бежавшие от берега Ганга. Не найдя места, где можно было бы остановиться, в жалком состоянии они прибыли в Лахор. Держась в стороне, они все еще проявляли враждебность и возглавили бродяг из подонков общества и беспутных индусов.

Хиндал мирза и Йадгар Насир мирза также строили глупые планы и занимались пустословием, [говоря] «Мы пойдем в Бакар и отберем его у Шах Хусайна Аргуна¹ и его же силами возьмем Гуджарат». Камран мирза также думал о том, какую хитрость придумать и какое средство применить, чтобы каждый из этих людей отправился куда-нибудь, а ему самому уехать в Кабул. Хумайун падишах некоторое время думал о согласии, однако поскольку /316a/ это дело было явно трудным, он потерял на это надежду.

Между тем, время от времени все собирались и устраивали совещания о совместных действиях, что на самом деле было лицемерием. В качестве свидетелей они приглашали на эти совещания знатных людей и известных лиц, чтобы те высказывали свои мнения и были очевидцами того, что никто не нарушит

принятого решения. Первым из тех людей был его святейшество господин и сын господина, глава рода [ученых], знаток по основным вопросам законовещения и их ответвлениям, объединяющий в себе постижимые разумом и изложенные [в книгах] знания, опора наставничества и руководства, кибла идущих по праведному пути, предводитель искателей истины, полюс святых, глава праведных и справедливых Шихабдин Махмуд, известный как Ходжа Хованд-и Махмуд, <да удлинится его тень над головами его приверженцев>; другой—его младший брат— наставник султанов, покровитель хаканов Ходжа 'Абдалхак и учитель пытливых ученых, глава мудрецов, ищущих истину, подмога мусульман, наследник пророков и посланников, принадлежащий к роду печати пророков [Мухаммада] Мир Абу л-Бака. Они были самыми [599] знающими среди ученых мира, и на сегодняшний день в обитаемой четверти мира в понимании законовещения они являются предводителями всех мужей знания. Присутствовали также и другие знатные люди, перечисление имен которых растянет изложение.

Как-то собрались все султаны, эмиры и другие люди. Сначала они выразили свое согласие [объединиться], затем составили письменное обязательство, на полях которого привели имена указанных выше господ в качестве свидетелей. После этого они стали совещаться. Прежде всего [Хумайун] падишах указал на меня: «Вы должны сказать, что считаете целесообразным предпринять, исходя из сегодняшней обстановки». Сей раб доложил: «Когда Султан Хусайн мирза скончался в Хорасане, восемнадцать его сыновей из-за отсутствия единства отдали Хорасан Шахибек хану и до сегодняшнего дня люди бранят их и все подданные проклинаят. К этому позору они еще все погибли, так что в течение одного года /3166/ никого из них не осталось, кроме Бади аз- Замана мирзы, который уехал в Рум. Покойный Бабур Падишах с большими трудностями завоевал обширную территорию Индии, передал ее вам и ушел [из этого мира]. Неужели теперь вы отдадите такую страну, как Индия, такому, как Шир хан? Сами поразмыслите, какая разница между Индией с ее доходами и Хорасаном, и какое различие между Шир ханом и Шахибек ханом! И какая обида на вас будет со стороны людей! Сейчас следует над этим глубоко подумать, опустив голову в карман размышления, и поднять голову из воротника храбрости, чтобы обрести уважение соеда людей. Раньше дело можно было легко устроить, но из-за пренебрежения и отсутствия единства это стало трудным. Поправить теперь дело невозможно без огромных жертв. То, что я думаю на сей счет, я доложу вам, и это связано с большими трудностями. Так как вы сами легкое дело сделали трудным, то теперь, если вы не проявите терпения в этих трудностях, они станут еще тяжелее. Мой совет таков: пока Шир хан прибудет в Лахор, пройдет еще четыре месяца. За эти четыре месяца вы распределите [районы] у подножия гор Индии между султанами, чтобы каждый в соответствии со своими силами взял на себя защиту определенного места. А сему рабу окажите поддержку, и я обязуюсь за два месяца овладеть Кашмиром. Пусть каждый выполнит дело, исходящее из его обязательства. Когда [600] придет известие о моем прибытии в Кашмир, пусть каждый отправит туда свою семью и скarb, а сам останется в горах. Мы укрепим подножия гор с того места, где расположена гора Сирхинд² (Приведено по Л₁ 2216; (в Т — Сирхинд).) до горы Саранг³. Большие пушки и [другая] артиллерия Шир хана являются его опорой и [основной] силой в его сражениях, их тянут повозки, которые никак не подойдут к горе, а он без тех орудий не станет сражаться. Его многочисленная войска распадется из-за нехватки зерна, и он поневоле вернется». Камран мирза нахмурился после этих слов и сказал: «То, что ты говоришь, хотя и не лишено основания, однако связано с большими трудностями». /317a/ Я ответил: «Извинение за это я принес в самом начале, дожив, что сейчас легкие дела уже позади, остались только трудности. Если кто-нибудь придумает дело более легкое, чем это, пусть скажет». Камран мирза сказал: «Сейчас у наших людей имеется двести тысяч семей. Если мы будем действовать по твоему совету, то вдруг то дело не удастся осуществить, тогда этим людям будет грозить гибель. Итак, лучше, если [Хумайун] падишах и все мирзы будут без обузы и уйдут или в горы, или в Кашмир, а семьи свои присоединят ко мне, чтобы я доставил их в Кабул. Освободившись от семей, я снова приду и присоединюсь к войску». Все удивились такому мнению: что стоит только что принятая клятва о единстве и что означают эти слова! Кто сможет отправить свою семью в Кабул, а сам остаться один? От Лахора до Кабула — реки, горы, разбойники. То, что предложил Камран мирза,— чистая нелепица. Сколько ни вели разговоры об этом, Мирза от своего не отказался. Намерение о единении вновь сменилось разногласием, и собравшиеся разошлись.

Так шло время, а Шир хан между тем подошел к берегу реки Султанпур. Каждый сам себе определил место. [Хумайун] падишах совещался со мной по этому поводу, и сей раб снова доложил ему: «И сейчас не поздно продвигать дело с Кашмиром. Как бы то ни было, отправьте меня вперед и выступайте следом за мной. Во всяком случае я гарантирую, что мы обязательно овладеем Кашмиром». Итак, [Хумайун] падишах дал мне разрешение и оказал помощь, чем мог. Я с четырьмя сотнями рабов и свободных людей направился в Кашмир.

[601] ГЛАВА 114. ПРИЧИНА ВЫСТУПЛЕНИЯ АВТОРА КНИГИ НА КАШМИР

Ранее уже упоминалось, что султаны Кашмира оказались беспомощными в руках своих эмиров. Каждый из них делал то, что хотел по собственному усмотрению. В то время, когда Камран мирза, как сказано выше, отправился в Кандагар против сына Шаха Исма'ила, правители Кашмира, враждовавшие между собой, прогнали из Кашмира Каджичака Абдала Макри /3176/ и Зангичака¹, и те пребывали у подножия горы Хинд. Они обратились ко мне за помощью, а Хаджи, о котором упоминалось при описании событий в Тибете,

выступил между нами посредником. Неоднократно и настойчиво я старался убедить Камрана мирзу насчет Кашмира. Ранее при отправлении [Камрана мирзы] из Агры в Дели было составлено войско, во главе которого был назначен некий Баба Чучак. Теперь из Агры в Лахор прибыл Хаджи вместе с Баба Чучаком для участия в походе на Кашмир. Баба Чучак из-за нерешительности и отсутствия способностей не смог выполнить этого дела. Он мешкал с выступлением до тех пор, пока не поступило известие о поражении при Ганге. Люди оказались в неопределенном положении, и Баба Чучак освободился [от необходимости] вести войско в Кашмир.

В те дни, когда все собрались в Лахоре, Хаджи несколько раз ездил между мною, [с одной стороны], и Абдалом Макри и Зангичаком — [с другой], и все дела устроил, как надо. Вот поэтому я проявлял такую настойчивость. Я показал [Хумайун] падишаху прошения, которые они присылали мне, и падишах в конце концов уверился в том, что, как только мы прибудем в Кашмир, он будет с легкостью завоеван.

ГЛАВА 115. УПОМИНАНИЕ О ЗАВОЕВАНИИ АВТОРОМ КНИГИ КАШМИРА И [РАССКАЗ] О ЧАГАТАЙЦАХ ПОСЛЕ ИХ УХОДА ИЗ ИНДИИ В КРАТКОМ ИЗЛОЖЕНИИ

Я договорился с [Хумайун] падишахом о том, что сначала с небольшим количеством людей отправлюсь в Наушахр¹, а когда малики — правители Кашмира присоединятся ко мне, то следом прибудет и Искандар Тупчи. Как только мы достигнем перевала, Амир Ходжа-йи калан, о похвальных качествах которого упоминалось прежде, войдет в Наушахр. После моего вступления в Кашмир Амир Ходжа-йи калан подойдет к подножию (Добавлено по Л₁ 222а; Л₂ 248б; Л₃ 186б) [602] Кашмирского перевала, а падишах соизволит расположиться в Наушахре. Когда дела будут завершены таким образом, пусть Камран мирза и все остальные отправляются туда, куда пожелают. На основании этого решения я выступил в путь.

В Наушахре ко мне присоединились все малики Кашмира. Искандар Тупчи находился в одном дне пути от Наушахра, а Амир /318а/ Ходжа-йи калан был в Сиалкуте. В тот же день, когда я послал к Искандару Тупчи человека, прибыло известие, что все люди ушли из Лахора. Я поспешно отправился в путь. Когда я достиг подножия Кашмирского перевала, Каджичак поднялся по одной дороге, мы — по другой, и без особых стычек мы вошли [в Кашмир].

Однако, когда Искандар Тупчи и Амир Ходжа-йи калан услышали об уходе [войска] из Лахора, Искандар обратился [за помощью] к Сарангу — одному из султанов (Добавлено по Л₂ 248б; Л₃ 186б) подножия горы Хинд, а Амир Ходжа-йи калан ушел из Сиалкута и присоединился к беглецам [из Лахора]. [Хумайун] падишах сколько ни старался придти в Кашмир, никто к нему не присоединился. Несколько безрассудных глупцов, а именно Хиндал мирза, Йадгар Насир мирза и другие повели падишаха в Татту и Бакар на Мирза Шах Хусайна, сына Шах бек Аргуна, сына Зуннун Аргуна. Мирза Шах Хусайн — это тот, о котором упоминалось ранее.

Когда Бабур Падишах силой отобрал Кандагар у Шах бек [Аргуна], тот прибыл в Уча и Татту и стал владеть всеми теми местами. Когда он умер, его сын, Мирза Шах Хусайн, занял место отца и долгое время занимался укреплением крепости и управлением делами. И действительно, он—человек рассудительный и расчетливый. Группа глупцов выступила против него, но ничего не смогла сделать. Хиндал мирза бежал в Кандагар. Правитель Кандагара встретил его (Приведено по Л₂ 249а; Л₃ 186б (в Т —не встретил)), и он стал претендовать на независимость. Камран мирза выступил против него из Кабула и после ряда неприятных дел был вынужден просить пощады у Камран мирзы и взялся служить ему. Вслед за ним Йадгар Насир Мирза и Касим Хусайн Султан также бежали от [Хумайун] падишаха и присоединились к Камрану мирзе. [Хумайун] падишах после бесчисленных трудностей и [603] безмерных напастей уехал в Ирак и в настоящее время не известно, что с ним стало. Что касается Камрана мирзы, то он находится в Кабуле в безвыходном положении от ударов судьбы.

/318б/ Остается уповать на Аллаха преславного и милостивого, что он каким-нибудь удивительным способом вновь возведет на трон царства Хумайун падишаха и даст народу благоденствие под сенью его милости <во имя Мухаммада и его славных потомков>. Такое царство, как у него, и величие мало кто имел, и вместе с тем бедствия и трудности, которые он испытал, мало кому из государей выпадали на долю. По предопределению Аллаха, когда дело великого государя приходит в расстройство, то это исходит от него самого, и если тот выдающийся обладатель царства при этом останется жив, то в спасении его головы заключена мудрость Аллаха. Так, отцу Хумайуна — Бабур Падишаху, как упомянуто в предыдущих частях этой книги, несколько раз удавалось овладевать троном Самарканда, а затем он терпел крупные поражения. Однако в тех поражениях голова государя оставалась невредимой. В конце концов всевышний Аллах удостоил его такой власти, что весь мир получил от него пользу, а его имя сохранилось среди султанов навечно. Так как Господь милостивый и всеведущий также сохранил жизнь Хумайун падишаху в водовороте этих опасностей, то, возможно, в этом заключены божественная мудрость и счастливый исход, <если захочет милостивый Аллах>.

ГЛАВА 116. РАССКАЗ О РАССТАВАНИИ АВТОРА КНИГИ С ХУМАЙУН ПАДИШАХОМ; О ЕГО ВСТУПЛЕНИИ В КАШМИР; О ЗАВОЕВАНИИ КАШМИРА; О СОБЫТИЯХ ТОГО ВРЕМЕНИ И О ЗАВЕРШЕНИИ «ТА'РИХ-И РАШИДИ»

По августейшему разрешению Его величества [Хумаюна], благодаря божественной поддержке, с согласия всех мирз, по изложенным выше причинам я направился в Кашмир. Как уже упоминалось, двадцать второго раджаба я перешел через перевал Кашмира. Год вступления в Кашмир я нашел в цифровом значении слов «двадцать второе раджаба» — «дар бист у дувим-и раджаб» [947/22 ноября 1540 года]. Был сезон Стрельца. Как только я вступил [в Кашмир], высокое небо из облаков (Добавлено по Л₂ 2496; Л₃ 187а), являющихся его наместником, поздравляя [604] меня, стало попеременно сыпать на головы людей капли дождя, подобные жемчужинам и перлам, и динары снега, подобные монетам шахрухи. Кит'а:

В ознаменование твоего прибытия
Каждая снежинка снега уподобилась динару,
Каждая туча, /319а/ которая появилась в небе,
Рассыпала у твоих ног монеты

От этих даров поверхность земли побелела, а в глазах у врагов потемнело. Благодаря милости Всевышнего та зима прошла спокойно. Однако Каджичак, который свою супругу — владение Кашмира — посчитал окончательно разведенной с ним, и больше не надеясь на нее, оставил семью под защитой Малик Абдала и Зангичака и ушел. Он думал, что наступят разные перемены, и, как было прежде, они не прекратятся за один год,— мисра:

Подобно коршуну, который шесть месяцев бывает самкой,
А шесть месяцев — самцом

Все люди Кашмира, будучи такого же мнения, как он, ушли вместе с ним. Они не знали извечного установления всеведущего Господа, [заключенного в айте]: <Скажи: О Аллах, царь царства>.— владетель стран мира, беспспорный владыка владык, <ты даруешь власть, кому пожелаешь, и отнимаешь власть, от кого пожелаешь >. Рубаи:

Извечный всемогущий и милостивый Господь,
Он — мудр и сведущ в делах всех людей,
У кого захочет — отнимет, кому захочет — даст,
А у раба его какое есть средство, кроме покорности.

Каджичак предположил невозможное, а именно, что Шир хан, возможно, своим могуществом и силой сможет изменить божественное предопределение, и прибег к его помощи. В начале весны, когда тучи войска зигзагов и сияний обнажили меч, подобный пламени, и из ружей грома с помощью огня молнии стали стрелять градом, подобным ружейным пулям, а войско зелени на поле сражения начало показывать острия, подобные кинжалу, и из-под зеленых листочков стали пробиваться цветы деревьев, Каджичак, добившись поддержки и помощи от Шир хана, выступил с большим войском. Когда известие об этом подтвердилось, Малик Абдал [Макри]— его опора и поддержка в этих делах — по причине [605] водянки переселился из мира бренного в постоянную обитель загробного мира, и все дела легли на Зангичака. Одним словом, испытывая всевозможные трудности, описание которых вызвало бы скуку, мы оставили семьи в крепости Андаркул (В Л₂ 250а — Бадаркул) и с отрядом людей, который на самом деле представлял собой неорганизованное сборище, отправились сражаться. Кит'а:

Я сокращаю рассказ, потому что у тебя
/319б/ Больше этого вызовет скуку
Один враг впереди, другой — позади,
Ты знаешь, что это за положение?

Короче говоря, в течение трех месяцев мы укрепляли надежные места. В конце концов Каджичак под защитой войска Шир хана почувствовал себя львенком, горделиво прошел выше укрепленного нами места и дошел до места, где мы остановились. Кашмирское войско с нашей стороны, казавшееся сплоченным, разбежалось, и осталось могольское войско. В тот день никто и не думал о сражении, большинство людей разбрелись по своим делам. Собралось около двухсот пятидесяти человек, а с небольшим количеством кашмирцев, присоединившихся к моголам, стало около трехсот человек и они стояли против пяти тысяч всадников и двух слонов. Пехотинцы [противника], которых было больше, чем всадников, зашли с тыла и стали грабить обоз. Особенности этой битвы и ее трудности были таковы, что если ее описывать, то читатель заподозрит красноречие и приукрашивание рассказа, поэтому, воздерживаясь от подробностей, мы ограничимся кратким изложением. Короче говоря, во время полученного намаза, в понедельник восьмого раби' II 948 (1 августа 1541) года смысл айата: <Разве ты не видел, как поступил Господь твой с владельцами слона?> отразил состояние противников, и глашатай божественного откровения прочитал для ушей наших душ аят: <Помощь от Аллаха и близкая победа>³. Господь, открывающий двери счастья, <да славится его

могущество>, обратил в бегство пять тысяч всадников и несколько тысяч пехотинцев перед войском в триста человек [согласно айату]: < Сколько небольших отрядов победило отряд многочисленный с дозволения Аллаха>⁴, <Правдив всевышний Аллах и Его великодушный посланник! >⁵ Стихи:

[606] Счастье — по милости всевышнего Судии,

А не в битве и сильной руке.

Победа и счастье — по Его милости, Бедствия и поражения — по Его повелению.

Удивительно, что хотя благодарность за Его милость обязательна, сей ничтожный раб не в силах этого сделать, [а если он сделает это], то этим он может уменьшить ту благодарность, которая выражена Ему великими людьми, приносить же извинения за свою неспособность таким, как я, ничтожным людям,— означает ставить себя с один ряд с теми великими людьми, а проявление (Текст в Т заклеен при реставрации листа и восстановлен по J₂ 2506 (частично прочитывается и в Т)) /321a/ такой неучтивости — дело ужасное. Рубай:

Я не способен выразить тебе благодарность должным образом,

А приносить извинения за такое небрежение еще труднее.

Молчать же насчет благодарности — это тоже нелегко.

От этих терзающих душу трудностей иссякли терпение и покой.

Дойдя до этого места, перо сломалось. Одним словом, хатиб Кашмира Маулана Джамаладдин (В J₂ 2506 — Джалаладдин) Мухаммад Йусуф хронограмму этого события нашел [в словах]: «фатх-и мукаррар»⁶ («повторная победа»), потому что до этого я уже приходил в Кашмир и одерживал победу, <как об этом уже упоминалось (Добавлено по J₂ 2506; R 480).

ГЛАВА 117. ЗАВЕРШЕНИЕ КНИГИ ОБРАЩЕНИЕМ К ГОСПОДУ РАБОВ

(Заключительная глава, занимающая три четверти листа 321a и полностью лист 321b и содержащая благодарность автора Аллаху за помощь в его труде, дана в пересказе)

Содержание: автор обращается к Аллаху как к Единому, Необходимосущему, Всемиловитейшему и Всепрощающему, которому рабы его за все данные им блага должны воздать благодарения, и за это Аллах прощает им их заблуждения. Принося свои благодарения Аллаху и прося у него прощение за свои заблуждения, автор обращается также к читателю с просьбой простить его за возможно допущенные им ошибки в своем сочинении.

ПРИМЕЧАНИЯ КНИГА ПЕРВАЯ [ВСТУПЛЕНИЕ]

1. Коран, LVI, 78(79) (Ссылки на Корана приведены по изданию И. Ю. Крачковского (М, 1986): первая цифра (римская) означает суру, вторая — айат).
2. «Зафар-наме» («Книга побед»). Широко известный в персоязычной исторической литературе труд по истории Тимура, написанный по официальным источникам и свидетельствам очевидцев многих событий. Автор труда — Шарафаддин 'Али Йазди (ум. в 858/1454 г.) закончил сочинение в 828/1425 г. и преподнес его преемнику Тимура — Шахруху (СВР, I, с. 57, Л: > 124 и сл.).
3. Туглук Тимур хан — моголистанский хан; даты жизни — 730/1329-1330—764/1362-1363 гг. Был возведен на престол в 748 1347—1348 г. и правил до конца своей жизни (Бартольд, Очерк истории Семиречья, с. 79 и сл.; Пищулина, Юго-Восточный Казахстан, с. 43; Акимушкин, Хронология правителей, с. 159; Зкппе, 167).
4. Барак хан — Чагатаид, годы правления в Чагатайском улусе — 663/1264—670/1271 (Бартольд, Борак-хан, с. 509 и сл.; Босворт, Мусульманские династии, с. 197, началом правления называет 664/ 1266 год).
5. Кебек хан — чагатайский хан, правил с 718/ 1318 по 726/1326 гг. Хотя по имеющимся сведениям Кебек хан до конца своей жизни оставался язычником, тем не менее он сделал решительный шаг к принятию мусульманской культуры, а над его могилой в Карши был сооружен куполообразный мавзолей (Бартольд, Улугбек, с. 32 и сл.; Босворт, Мусульманские династии, с. 197).
6. Абдаррашид хан — моголистанский хан с 940/1533 по 967/1559 — 1560 гг. (Бартольд, Отчет о командировке, с. 174 — 175; Акимушкин, Хронология правителей с. 159).
7. Султан Са'ид хан — Чагатаид, правитель Моголистана (род. в 892/1487 —ум. в 939/1533). В 920/1514 г. он подчинил себе Кашгар, разбив дуглата Мирзу Аба Бакра, и правил до конца своей жизни (939/1533 г.)

ГЛАВА 1

1. Коран, VII, 171 (172).
2. Коран, II, 208 (212).
3. Коран, II, 6 (7).
4. Коран, VI, 39 (39).
5. «Кашф ал-махджуб» («Раскрытие скрытого за завесой») — труд посвящен истории и сущности суфизма. Его автор — крупный теоретик суфизма джунаидского толка Абу-л-Хасан 'Али б. 'Усман б. Абу 'Али ал-Джуллаби ал-Худжвири ал-Газнави (ум. ок. 464/1071 г.). (СВР, III, №2116 и сл.).
6. Коран, VI, 122 (122).
7. Коран, VI, 122(122).
8. Коран, XVIII, 27 (28).
9. Ад — в Коране и мусульманском предании: один из древних погибших народов Аравии. В доисламской поэзии адиты упоминаются как пример гордыни, погубленной судьбой (Ислам, Энциклопедический словарь, с. 12).
10. Гератский старец («Пир-и Харави») — известный Гератский шейх Абу Исма'ил 'Абдаллах б. Абу Мансур Мухаммад ал-Ансари ал-Харави (396/1006— 471/1088). (Жуковский, Песни хератского старца; Бертельс, Суфизм, с. 67 и сл.; СВР, т. III, с. 151 № 2121 и сл.).
11. Исан Буга хан — Чагатаид; годы правления — 700/1309 — около 718/1318 (Босворт, Мусульманские династии, с. 197); В. В. Бартольд подвергает сомнению утверждение Мирзы Хайдара о том, что Исан Буга хан (сын Дува хана) был отцом Туглук Тимур хана, так как едва ли Исан Буга хан был жив после 1318 г. (Туглук Тимур хан родился в 730/1329—1330 г.). Шарафаддин 'Али Йазди в «Зафар-наме» отцом Туглук Тимура называет Ильходжу (Эмиль Ходжу) сына Дува хана, а Махмуд б. Вали в «Бахр ал-асрар» пишет, что Ильходжа (Эмиль Ходжа) был известен как Исан Буга (Бартольд, Двенадцать лекций, с. 165; Пищулина, Юго-Восточный Казахстан, с. 43; Акимусшкин, Хронология правителей, с. 156; Erskine, I, 38).

ГЛАВА 2

1. Эмир Буладжи — правитель Кашгарии при Исан Буга хане (см. гл. I, примеч. 11).
2. Моголистан — независимое феодальное государство, образовавшееся в середине XIV в. на территориях современных Юго-Восточного Казахстана и Кыргызстана (Семиречье и Тянь-Шань) в результате распада Чагатаидского государства. Оно объединило тюркские и тюркизированные монгольские племена и просуществовало до середины XVI в. Границы Моголистана, известные из «Та'рих-и Рашиди» Мирзы Хайдара (рук., л. 237а), менялись на протяжении XIV—XVI вв. Вначале в состав Моголистана входила обширная территория между Сырдарьей, Сарьсу, Балхашем, Иртышом и южными отрогами Центрального Тянь-Шаня, а затем только собственно Кыргызстана и большая часть Илийского края. К периоду окончательного распада Моголистана власть могольских ханов распространялась только на Кашгарию (Бартольд, Очерк истории Семиречья, с. 79 и сл.; Иванов, Очерки, с. 16; Чурас, Хроника, с. 155; Пищулина, Юго-Восточный Казахстан, с. 13; Ахмедов, Кутлуков. К выходу в свет «Хроники», с. 62—63).
3. Аксу — название города (при слиянии рек Аксу и Кукшаал) и реки (приток Яркендарьи, или Тарима) в Восточном Туркестане. (Бартольд, Аксу, с. 316; Корнилов, Кашгария, с. 177; 275; Мурзаев, Природа Синьцзяна, с. 336; Материалы, с. 522).
4. Манглай Субе. Слово «мангала» означает «авангард», «передовая часть». Сам Мухаммад Хайдар перевел его словом «афтабру» — «солнечная сторона», которое и ныне бытует в Узбекистане и Таджикистане в выражениях «офтобруя уй», что в переводе означает «дом, фасад которого обращен на юг». Следовательно, под «Манглай Субе» Мухаммад Хайдар понимал южную часть Моголистана. Область Манглай Субе была владением дуглатских эмиров и по словам Мухаммад Хайдара его предок получил ее в удел от Чагатая (Бартольд, Очерк Семиречья, с. 79; Его же. Киргизы, с. 512; Иванов, Очерки, с. 16; Ахмедов, Государство, с. 14; Петров, К истории движения, с. 125).
5. Кусан — одно из названий древнего городского поселения в Восточном Туркестане — Кучи или Кучара, лежащего на левом берегу речки Кунгат куксу, притока Шахардарьи. Крупный культурный и торгово-транзитный оазис Центральной Азии (Корнилов, Кашгария, с. 276; Бичурин, Собрание, III, с. 31; Материалы, с. 548; Чурас, Хроника, с. 281).
6. Тарбугур — город, расположенный на пути из Кашгара в Карашаар.
7. Самгар — селение в 25 верстах к востоку от Ходжента, где добывалась соль (Бартольд. Туркестан, с. 219; Масальский, Россия, с. 171).
8. Черчен (прочитано по Л₂ 7а; в Т — Хаирхан) — древний оазис на одноименной реке, относящийся к бассейну реки Тарим в Кашгаре, и название селения.
9. Сариг-уйгур — название области «желтых уйгуров» на юго-восточной границе Восточного Туркестана (восточнее Черчена) и южнее озера Лоб-нор (Материалы, с. 521).
10. Кашгар — название оазиса и самого значительного города Синьцзяна, центра Кашгарского округа; расположен на правом берегу реки Тюмень (Бартольд, Кашгар, с. 456—457; Ласточкин, Восточный Туркестан, с. 103—104; 138; Мурзаев, Природа, с. 342—343).

11. Хотан — название оазиса и города по среднему течению р. Тарим, на левом берегу Урун-каша, в южной части Синьцзяна.
12. Ёарканд (Яркент) — второй по величине город в Восточном Туркестане. Расположен в северо-восточной части оазиса в 12 верстах к северу от Яркентдарьи (Корнилов, Кашгария, с. 273).
13. Кашан (Касан)—ныне населенный пункт на р. Касансай в Наманганской области.
14. Ахсикет (Ахсикент, Акси)—древний город Ферганы и ее столица в X в.; был расположен на правом берегу Сырдарьи близ впадения в нее Касанса. Его развалины находятся около Намангана (Бабур-наме, с. 439; Бартольд, Ахсикент, с. 342; Материалы, с. 495; Беленицкий, Бентович, Большаков, Средневековый город, с. 202).
15. Ат Баш (Атбаш)—название хребта, долины, реки (левый приток Нарына) и древнего города, расположенного на холме близ впадения реки Кара Каин в Атбаш. А. Н. Бернштам на основе изучения развалин города пришел к выводу, что Атбаш был построен согдийскими мастерами В. В. Бартольд считает, что древний город Атбаш находился на месте Кошой-Кургана (Бернштам, Архитектурные памятники, с. 115; Бартольд, Туркестан, с. 213; Его же, Отчет о поездке, с. 58; Его же, Дуглат, с. 531; Пищулина, Юго-Восточный Казахстан, с. 118).

ГЛАВА 3

1. Каракорум — город в Монголии на Орхоне, основанный в XIII в. Угедеем (1229—1241) в качестве своей резиденции и первоначально называвшийся Ордубалык (ниже Каракорума находились руины древней уйгурской столицы Ордабалык). Бартольд, Каракорум, с. 443—444.
2. Луб (Лоб) и Катак (Катек)—древние города, засыпанные песком. Мухаммад Хайдар помещает их между Турфаном и Хотаном (л. 66). (Материалы, с. 521; Ласточкин, Восточный Туркестан, с. 97),
3. Турфан — название оазиса между впадиной Лукчуна и горными цепями Тянь Шаня и города, расположенного в этом оазисе, с давних времен имевшего большое значение в торговых сношениях между Китаем и Западом (Бартольд, Турфан, с. 521).
4. Байкул, возможно Айкул, — деревня, раскинувшаяся по обоим берегам р. Тушкандарьи в месте ее пересечения с дорогой из Аксу на Барчук (Маралбаши) и далее на Ёарканд (Яркент) (Чурас, Хроника, с. 295).
5. Коран, IX. 36 (36).

ГЛАВА 4

1. Джете — здесь синоним Моголистана.
2. Тармаширин хан — Чагатаид, правил в мавераннахрской части Чагатайского улуса в 1326—1334 гг. Убит в результате восстания кочевых племен, противников ислама (по ташкентскому изданию «Зафар-наме» — в 728/1327—1328 г.— с. 181; по английскому переводу Росса — в 738/1337—1338 г. —с. 15). (Босворт, Мусульманские династии, с. 198; Бартольд, Двенадцать лекций, с. 162).
3. Караит, кераит — племя, которое одни ученые считают монгольского происхождения, другие — тюркского, однако исследователь киргизов С. М. Абрамзон указывает на наличие общих этнонимов у киргизов и алтайцев. Он пишет, что у киргизов отмечен этноним кераит, а потомки средневековых караитов и их ветви представлены у южных и северных алтайцев. (Абрамзон, Киргизы, с. 52; Муканов, Этнический состав, с. 28—32; Howorth, p. 534—589).
4. Азканут, арканут — одно из тюркских племен, входившее в племенное объединение кунгират; проживало на севере Монголии.
5. Кангали, кангли — крупное племя, жившее по соседству с долиной р. Чу и принадлежавшее к одному из аборигенных тюркоязычных племен. Впоследствии племени было присвоено название «бекджак» («бекчик») по имени владельца этого племени. (Юдин, О родоплеменном составе, с. 53; А б р а м з о н, Киргизы, с. 38, 41).
6. Шахрисабз (Шахрисябз)—ныне город в Кашкадарьинской области Республики Узбекистан, в 140км к востоку от г. Карши.
7. Кеш — древнее название г. Шахрисабза.
8. Карши — ныне областной центр Кашкадарьинской области Республики Узбекистан, расположен в долине реки Кашкадарья, в 150 км к юго-востоку от Бухары. В древности этот город назывался Нахшеб и Несеф.

ГЛАВА 5

1. Сахибкиран («Обладатель двух счастливых планет») — эпитет Амира Тимура (1370—1405).
2. Джейхун — арабское наименование реки Аму-дарья.
3. Коран, XLVIII, 1 (1).
4. Коран, III, 153 (159).
5. Хузар — ныне Гузар, районный центр Кашкадарьинской области Республики Узбекистан.

ГЛАВА 6

1. Худжанд, Ходжент — один из древнейших городов на Сырдарье; ныне областной центр Республики Таджикистан.

2. Джувайн — город в Сеистане, к северо-западу от Сабзевара. (Бартольд, Историко-географический обзор Ирана, с. 89, 347).
3. Эмир Хусайн — владетель Балха и части его вилайата; внук Казагана, правившего Мавераннахром от имени подставных ханов Чингизидов в 1346—1358 гг. (История народов Узбекистана, I, с. 341).
4. Вахш — название среднего течения р. Амударья. Река Вахш начинается под именем Кизилсу около перевала Таумурун в восточном конце Алайской долины. Приняв ряд речек с Алайского и Заалайского хребтов, Кизилсу под названием Сурхаб входит в Каратегин. Близ селения Лангар Сурхаб принимает слева приток р. Хингоу, после чего, вступая в Бальджуан, получает название Вахш. (К о р ж е н е в с к и й, Средняя Азия, с. 110; Масальский, Россия, с. 116).
5. Дарбанд-и Аханин («Железные ворота») — известное ущелье в горах Байсун-тау, через которое шла главная дорога из Бухары и Самарканда в Балх. Здесь также проходили караваны, доставлявшие товары из Индии через Балх в Самарканд и Бухару. Шарафаддин 'Али Йазди, Бабур и наш автор иногда называют это ущелье монгольским словом Кахлага — см. гл. 10, прим. 3 (Бартольд, Дар-и Аханий, с. 431—432).
6. Кундуз — средневековый город на правом берегу р. Сурхаб, впадающей в Пяндж; входит в состав провинции Катаган Афганистана.

ГЛАВА 7

1 Калмак (калмык) — тюркское название одной из монгольских народностей, самоназвание которой — ойраты; основатели большой кочевой империи в Средней Азии на р. Или, просуществовавшей до середины XVIII в. Калмаки исповедовали буддизм. (Бартольд, Калмаки, с. 538 и сл.; Юдин, реценз. на: Ахмедов Б. А. Государство, с. 87).

ГЛАВА 8

1. Илийас ходжа — сын Туглук Тимура; после смерти отца в 764/1362—1363 г. ненадолго стал ханом Моголистана — убит эмиром Камарадином дуглатом в 765/1363- 1364 г. (Пищулина, Юго-Восточный Казахстан, с. 50 и сл.; Акимушкин, Хронология правителей, с. 159).

ГЛАВА 9

- 1 Таликан (Талихан) — главный город области Тохаристан, простиравшейся к югу от Амударьи и к востоку от Балха (Бартольд, Историко-географический обзор Ирана, с 47, 51 и сл).
- 2 Бадахшан — горная область на левом берегу Пянджа, истока Амударьи, занимающая бассейн р. Кукча с притоками. Для открытия морского пути в Индию значение Бадахшана как транзитного центра было весьма значительным, так как на его территории скрещивались караванные пути из Китая в Индию, Иран и Европу. Бадахшан издавна славился разработками лазурита и копиями рубина в верхнем течении Кукчи, (Бартольд, Бадахшан, с. 342—346).
- 3 Коран, IV, 127 (128).
4. Арханг — местность в верховьях Амударьи к северо-востоку от Таликана, недалеко от современного Хазрат Имама
5. Сали Сарай — местность на северном берегу р. Амударья, которую можно идентифицировать с современным селом Саран, находящемся в 12 милях ниже устья Кукчи, выше Термеза. (Бартольд, Двенадцать лекций, с. 164)
- 6 Хатлан (Хутталан) — область на Памире между реками Вахш и Пяндж
7. Дашт-и Кулак (Гулак) — по словам самого Мухаммад Хайдара (л. 153 б) — одна из местностей Хатлана. Гулак — деревня Гул-и Зиндан, расположенная на пути между Пул-и Сангином и Бальджуаном.
8. Коран, VI, 96 (96)
9. Джала — пункт к северу от Пул-и Сангина (см. сл. прим 10)
10. Пул-и Сангин («Каменный мост») построен на двух выдающихся скалах через р. Вахш до выхода ее в Кургантюбинскую долину, где река зажата горами и ширина ее сужается до нескольких метров (К о р ж е н е в с к и й, с. 110; М а е в, с. 356).
11. Коран, II, 250 (249).
12. Коран, XCIII, 1 (1)
13. Коран, XCIII, 2 (2).
- 14 Коран, LXXXVII, 4 (4).
15. Коран, XCIX, 1 (1).
16. Коран, II, 19 (20).
- 17 Коран, XXXVIII, 32 (33).
- 18 Коран, CI, 1 (1)

ГЛАВА 10

1. Коран, III, 11 (13)
2. Куджрат. Приведено по ташкентскому изданию текста «Зафар-наме», л. 107а. Во всех остальных списках — Худжрат.
3. Кахлага — монгольское название Дарбанд-и Аханин (см. прим. 5, гл. 6).

4. Джигдалик — название селения и реки (ныне Кичиурударья) в Сурхандарьинской области Республики Узбекистан

ГЛАВА 11

1. Коран, XXXVIII, 25(26).
2. Коран, XII, 101 (100).
3. Коран XLVIII, 27 (27).

ГЛАВА 12

1. Здесь игра слов, основанная на форме написания букв арабского алфавита — прямого алифа (I) и согнутого дала (>), сравниваемых с положением рук при натяжении тетивы тука.
2. Коран, LXVII, 5 (5).
3. Коран, XII, 101 (100).
4. Бахрин (баарин, барин) — монгольское племя под именем баарин было известно при Чингиз хане. После Чингиз хана основная масса бааринов с зависимыми от них кипчакско-киргизскими племенами оказалась в составе улуса Ак-Орды и на Тянь-Шане. В конце XIV в. они входили в состав кипчакско-киргизского улуса, в XV в. кочевали в большом количестве по Тянь-Шаню, входя в объединение тяньшанских моголов. (Петров, К истории движения, с 88; Султанов, Кочевые племена, с. 11; Howorth, History, p. 397).
5. Коран, XXXIX, 74 (74).
6. Коран, IX, 25(25).
7. Коран, V, 24(21).
8. Коран, III, 122 (126)
9. Бам (Джам) — река к юго-западу от Самарканда
10. Коран, XVII, 84 (82).
11. Билкис — персонаж мусульманских преданий, упоминаемая в Коране царица страны Сабы; соответствует библейской царице Савской, которую заставил уверовать в Аллаха царь Сулайман (Соломон) (Ислам, Энциклопедический словарь, с. 41 и сл.).
12. Сулайман — коранический персонаж, благочестивый и мудрый древний царь, библейский Соломон, сын Дауда. (Ислам, Энциклопедический словарь, с. 212).

ГЛАВА 13

1. Коран, XIII, 38 (38).
2. Коран, XVIII, 12 (12).
3. Коран, XIII, 41 (41).

ГЛАВА 14

1. Коран, II, 213
2. Чинас (Чиназ)—ныне районный центр в Ташкентской области Республики Узбекистан.
3. Коран, IX, 25 (25).
4. Санг-и джада — желчный камень рогатого скота, силою которого, по поверьям кочевников Монголии, Тибета и тюрков Центральной Азии, можно вызвать или прекратить дождь, произнеся над ним соответствующие заклинания. (Материалы, с. 514, прим. 57).
5. Сулайман (библейский Соломон, см. гл. 12, прим. 12) — по преданию великий царь и маг, которому Аллах подчинил ветры и заставил служить ему шайтанов и джиннов
6. Коран, XIII, 12 (11).
7. Коран, XXXIII, 38(38).
8. Шибарту — перевал через Гиндукуш, часто упоминаемый в «Бабур-наме». Возможно, это современный перевал Шибар (2987 м), находящийся на Трансгиндукушском тракте на небольшой поперечной перемычке, соединяющей продольные полосы гор Кохи-Баба и Западного Гиндукуша. (Современный Афганистан, с. 9; Бабур-наме, с. 154 и сл.).

ГЛАВА 15

1. Коран, XCIV, 5 (5) — 6 (6).
2. Баклан (Баглан)—селение в Тохаристане недалеко от впадения речки Баглан в р. Кундуз в шести днях пути от Балха по направлению через Хульм в Семенган (Бартольд, Туркестан, с. 117).

ГЛАВА 16

1. Эмир Камарадин — из племени дуглат, после смерти Туглук Тимура (748/1347-1348—764/1362-1363) захватил верховную власть в Моголистане и более двадцати лет правил на большей его части (Пищулина, Юго-Восточный Казахстан, с. 58 и сл.).

ГЛАВА 17

1. Так в ташкентском списке; в Л₁ 21а — Кузмара; в Л₂ 27а, Л₃ 16б; R 39 —Кумзах.

2. Алматы — название селения, располагавшегося у подножия Заилийского Алатау на месте современного города Алматы.
3. Айша Хатун — название реки в Кыргызстане.
4. Сайрам — один из древних городов в среднем течении Сырдарьи, на месте древнего Исфиджаба. Ныне поселок в 20 км к востоку от Чимкента (Материалы, с. 501, прим. 157; Бабур-наме, с. 441).
5. Исследователи отождествляют остатки древнего городища Йанги (Тараза) с Аулие-Ата (Джамбул). (Бартольд. Отчет о командировке в Среднюю Азию, с. 115, примеч 12; Сенигова, Основные пути, с. 70).
6. Адуи-Кузи — приведено по ташкентскому изданию «Зафар-наме», с. 310
7. Шибурган — город на севере Афганистана.

ГЛАВА 18

- 1 Рабат-и Катаган находился в северной части Афганистана.
2. Джаруч (Чарун), Чарын — приток Или.
3. Дуглат — племя монгольского происхождения, длительное время играло видную роль в политической жизни Моголистана и Кашгарии. (Бартольд, История турецко-монгольских народов, с. 214; Его же, Дуглат, с. 520; Материалы, с. 522, прим. 22).
4. Аргашлар — местность на р. Чарын. В ташкентском издании «Зафар-наме» (с. 922) — «Барка-йи Гурийан»; Росс, 41 — Бирках-и Гурийан (в тексте) и в сноске по тюркской рукописи — Аршал Атар.
5. Ила — р. Или, образуется от слияния Кунгеса и Текеса; впадает в озеро Балхаш.
6. Пайтак (Байтак)—селение в Андижанской области Республики Узбекистан.
7. Уч Фарман — в Л₁ 23а и R 42— Уч ва Фирман; Л₂ 29б — Уч Бархан. По сведениям самого автора Мухаммад Хайдара Уч Бархан находится «в трех фарсах от Кашгара» (л. 44а).
8. По ташкентскому изданию «Зафар-наме» — Буйан Ага.
9. Кара Касмак, т. е. Кара Кастек в Кыргызстане.
10. Арпа Йази — название двух рек: Арпа и Иазы. Первая впадает в Ала-Бугу — основной приток Нарына. Путь из долины Ат-Баши на перевал Иасси и далее на Узганд шел через долину р. Арпа.

ГЛАВА 19

1. Коран, IV, 3 (3).
2. Перевал Йасси (йазы) находится в Ферганском хребте на пути из долины Ат-Баши через долину р. Арпа далее на Узгенд. (Масальский, Россия, с. 69; Мушкетов, Поездка, с. 4).
3. Узганд (Узчанд, Узген) — древний город Ферганы (в X в. был столицей государства Караханидов). Ныне — районный центр Ошской области Республики Кыргызстан.
4. Коран, LXVII, 11 (11).
5. Коран, XXXVII, 142 (142)
6. Имена сыновей добавлены по ташкентскому изданию «Зафар-наме», с. 326.
7. Коран, XXXIV, 16 (17).

ГЛАВА 20

1. Курзван — название местности к востоку от Балха.
2. Добавлено по ташкентскому изданию «Зафар-наме», с. 327 — Андхуд.
3. Фарйаб — река между Балхом и Мерверрудом.
4. Кят — ныне Беруни, районный центр Республики Каракалпакстан.
5. Хас находился между Кятом и Нузкатом. [Бартольд, Туркестан, с. 204—205].
6. Рабат-и Малик — находится в степи Малик к востоку от Бухары и к западу от Кермине; построен в 471/1078—1079 г. караханидским ханом Шамс ал-Мулк Насром (1068—1080 гг.). (Бартольд, История культурной жизни, с. 246—247; Его же, Туркестан, с. 308, прим. 4).
7. Кермине — значительный город между Бухарой и Самаркандом, ныне — районный центр Бухарской области Республики Узбекистан.
8. Стихотворение отредактировано по ташкентскому изданию «Зафар-наме», с. 328: в первой строке исправлен текст, четвертая строка добавлена.
9. Коран, XXII, 78.
10. Дашт-и Кипчак — обширная территория, охватывавшая в XI—XV вв. степные пространства от Днепра до Иртыша. Здесь Восточный Дашт-и Кипчак, т. е. степи к востоку от Волги. (М а т е р и а л ы, с. 497).

ГЛАВА 21

1. Приведено по ташкентскому изданию «Зафар-наме», с. 329.
2. Коран, II, 250 (249).
3. Коран, LXXVIII, 9 (9).
4. Санг-Кул (Сан-Кул, Санкол) — название озера в системе гор, расположенных в верховье Нарынского бассейна в северо-западной части Центрального Тянь-Шаня. Озеро находится в западном ответвлении хребта Терской Алатау. (М а с а л ь с к и й, Россия, с. 59; Корженевский, Средняя Азия, с. 64; Военно-стат. описание, с. 11; Мушкетов, Поездка с. 1).

ГЛАВА 22

1. Коран, II, 150 (155).
2. Коран, II, 151 (156).

ГЛАВА 23

1. Караджик (Карачик)—название горной цепи, отроги главного кряжа семиреchenского Алатау. На современных картах значится как Каратау. (Военно-стат. описание, с. 58; Материалы по Киргизии, с. 133).
2. Отрар — древний город на левом берегу Сыр-дарьи, неподалеку от впадения в нее р. Арысь. В X— XIII вв. — важный торговый центр и узел караванных путей. Был razорен монголами, затем восстановлен, но не достиг прежнего значения и в XVI в. перестал существовать. (Бартольд, История изучения, с. 275; Кларе, Древний Отрар, с. 114; Пищулина, Присырдарьинские города, с. 21; Le Strange, с. 485).
3. Ак-Сума, Ак-Сумба — высокая башня на южном склоне Каратау, построенная еще до Тимура.

ГЛАВА 24

1. В тексте: «Бугам-и Иссик Куль» — Боомское ущелье (слово «боом»—алтайское, означает «теснина»). Через это ущелье, протянувшееся на 70 верст, пролегает путь из Чуйской долины к озеру Иссик-Куль. (Материалы по Киргизии, с. 105, 134; Рязанцев, Киргизия, с. 17; Зеланд, Кашгария, с. 5)
2. Кочкар — название одного из главных притоков реки Чу на юго-западе Иссик-Куля. (Корженевский, Средняя Азия, с. 114—115)
3. Йумгал, очевидно Джумгал, — название реки, гор, котловины, лежащей к западу от Иссик-Куля. (Рязанцев, Киргизия, с. 12).

ГЛАВА 26

1. Хизр ходжа хан — сын Туглук Тимура — моголистанский хан с 791/1389 по 802/1399-1400 гг. (Акимовский, Хронология правителей, с. 159).
2. Кунджи — среди коренных монгольских племен Рашидадин называет и племя «купджин» (Рашидадин, I, кн 1, с. 78).
3. Чалиш — город в Восточном Туркестане, современный Карашар (Материалы, с. 528, прим. 126).
4. Караходжа — древний город) развалины его находятся в 40—45 км к юго-востоку от Турфана, у подножия горной цепи Туяк-таг и носят название Шахр-и Идикут. (Обручев, От Кяхты, с. 224; Материалы по Киргизии, с. 108).
5. Керйас, Керйа (Керия)—название реки, города. Река начинается в Тибетском нагорье. Город находится на левом берегу реки в 165 км от Хотана и является крайним пунктом Кашгарии. (Корнилов, Кашгария, с. 275; Ласточкин, Восточный Туркестан, с. 105; Скряин, Китайская Центральная Азия, с. 71).
6. Шахибек хан — Мухаммад Шайбани хан, внук Абу-л-Хайр хана (род. в 855/1451—ум. в 916/1501 г.). В 80-х гг. XV в. стал во главе узбекского государства и осуществил завоевание Мавераннахра. Основатель династии Шенбанидов (История Узбекской ССР, т. I, с. 509 и сл.).

ГЛАВА 27

1. Мухаммад хан — второй сын Хизр Ходжа хана, могольский хан (1408—1416), при котором ислам окончательно утвердился среди моголов. (Бартольд История турецко-монгольских народов, с. 214; Его же. Тюрки, с. 593; Пищулина, Юго-Восточный Казахстан, с. 94 и сл.)
2. Чадир-Кул (Чатыркуль)—озеро в Ферганском хребте
3. Таш Рабат —название ущелья, перевала, реки и здания. Перевал расположен на хребте Ат Баш к востоку от Чатыркуля и является наиболее удобным. Одна из дорог из Нарына в Кашгар шла через этот перевал. Здание Таш Рабат расположено в 80 км от селения Ат-Баш и в 18 км к югу от Великого Киргизского хребта, в ущелье горного хребта Ат Баш в Атбашинском районе Тянь-Шаня, недалеко от перевала к озеру Чатыркуль. (Зеланд, Кашгария, с. 16—17; Корнилов, Кашгария, с. 84; Масальский, Россия, с. 67; Бернштам, Архитектурные памятники, с. 109—116).
4. Шахрух (1409—1447)—сын Тимура, наследовал власть после смерти отца (1405 г.) и номинально считался главой единой тимуровой державы, однако фактически она состояла из двух государств: одного — с центром в Герате, столице Хорасана, другого—с центром в Самарканде, столице государства Тимура, хотя назначая своего сына Улугбека правителем Самарканда Шахрух рассматривал его как своего наместника, а не как независимого государя. (История Узбекской ССР, т. I, с. 461).
5. Улугбек — сын Шахруха, родился в 1394 г., с 1409 г. стал наместником отца в Самарканде, а с 1411 г. фактически самостоятельный правитель. Наследовал власть после смерти отца с 1447 по 1449 г. (Бартольд, Улугбек; Ахмедов. Улугбек; История Узбекской ССР, т. I, с. 463 и сл.).
6. «Зидж-и Гурагани»—«Астрономические таблицы Улугбека» составлены Улугбеком (род. 1394 — ум. 1449 гг.) при участии выдающихся самаркандских астрономов — Кази-Заде Руми, Гинасаддин Джамшида и 'Али Кушчи.

ГЛАВА 28

1. Шир Мухаммад хан б. Мухаммад хан — моголистанский хан, правил с 824/1421 по 828/1424—1425 гг. (Акимушкин. Хронология правителей, с. 159; П и щ у л и н а, Юго-Восточный Казахстан, с. 101 и сл.).
2. Вайс (Увайс) хан б. Шир 'Али углан — моголистанский хан. правил дважды: в 821/1418—824/1421 и 828 1124—1425 гг. (в 831/1428 г. убит) — Акимушкин. Хронология правителей, с. 159; Пищулина. Юго-Восточный Казахстан, с. 100 и сл.

ГЛАВА 31

1. Кара Каинлик (Кара-Каин)— левый приток р. Атбаш. (Масальский, Россия, с. 67).

ГЛАВА 32

1. Минг Лак (Минг Булак)—местность с таким названием имеется в районе Мерке (Джамбульская область) западнее Большого Юлдуза, в бассейне рек Чонгол и Карагол, стекающих с хребта Халыктау, и в других местах Моголистана. (Материалы, с. 521, прим. 11).
2. Противником Увайс хана в то время был не Исан Тайши, родившийся в 1417 г. (в 1428 г. Увайс хан уже был убит), а по-видимому киргизский хан Эсеху (1415—1425). Ханом калмаков Исан Тайши стал в 1455 г. (Петров. К истории, с. 156, 160—161, 166, 168—171; Пищулина, Юго-Восточный Казахстан, с. 113).
3. Тарим — самая крупная река Южного Синь-цзяна, протекающая по Кашгарской котловине, длина ее — 2750 км. Истоки реки, носящие название Рискем, начинаются с большого ледника, расположенного на одном из отрогов Каракорума. После слияния реки с Кашкадарьей она получает название Тарим. (Калмыкова, Западный Китай, с. 35; Бартольд, Тарим, с. 497—498).
4. Ходжа Бахааддин Накшбанд — известный бухарский шейх, основатель суфийского ордена накшбандий. (О биографии и личности шейха Бахаадди-на см.: Семенов, Бухарский шейх Бахауддин 1318—1389 гг.; СВР, III, с. 256, № 2394; с. 260, №2409; Абдаррахман Джами, Нафахат ал-унс, с. 389).

ГЛАВА 33

1. Бай — город на северо-востоке от Аксу в Синьцзяне, в предгорьях хребта Халпктау. Н. Я. Бичурин называет его Пай или Асиянь, китайцы — Балчень. (Мурзаев, Природа, с. 338).
2. Чу — река, вытекающая с гор Терской-Алатау; в своем верхнем течении называется Кочкар; прорывается через ущелье Боом.
3. Султан Хусайн мирза Байкара (873/1469—911/ 1506) —Тимурид, в результате феодальной борьбы овладел Гератским престолом и около сорока лет был государем Герата и восточной половины Ирана. (История народов Узбекистана, 1, с. 392 и сл.; Якубовский, Черты общественной и культурной жизни эпохи Алишера Навои).

ГЛАВА 34

1. Бакабулунг — название двух речек в Кыргызстане, из которых ни одна не протекает вблизи Иссык-Куля. Одна из них находится на некотором расстоянии на северо-западе от озера, другая является притоком низовья Чу. (Росс, с. 72).

ГЛАВА 35

1. Иразин — один из беков тумана Барин (Бабур-наме, с. 20).
2. Йунус хан (873/1468—1469—892/1487)—могольский хан, старший сын Вайс хана, утверждает свою власть после смерти своего брата Исан Буги хана в 866/1462 г. сначала в западной части Моголистана, а с 1472 г. во всем Моголистане. В 1482—1485 гг. Йунус хан захватывает Сайрам и Ташкент. Умер в 892/1487 г. в Ташкенте и здесь же похоронен. (Бартольд. Очерк истории Семиречья, с. 87 и сл.; Пищулина, Юго-Восточный Казахстан, с. 122 и сл.; с. 268—270; Акимушкин, Хронология правителей, с. 159).
3. Исан (Эсен) Буга хан (ок. 833/1429-1430— 866/1461—1462)—могольский хан, младший сын Вайс хана. (Бартольд. Очерк истории Семиречья, с. 87 и сл.; П и щ у л и н а. Юго-Восточный Казахстан, с. 117, 120 и сл.; Акимушкин. Хронология правителей, с. 159).
4. Мирак Туркман — один из беков тумана Чарас («Бабур-наме», с. 20).

ГЛАВА 38

1. Чагатаи — название, сохранившееся только за кочевниками Мавераннахра, составлявшего западную часть улуса Чагатая, хотя в восточной его части имели гораздо больше значения ханы, считавшиеся потомками Чагатая (кочевники этих областей назывались моголами, их страна — Моголистан). — Бартольд. Двенадцать лекций, с. 169.
2. Артудж (совр. Артиш)—под этим названием известны два населенных пункта: один — Верхний Артиш — в 35 км, другой — Нижний Артиш — в 45 км к северо-востоку от Кашгара. В Нижнем Артише, по преданию, находится могила Сатук Богра хана. (Чурас. Хроника, с. 318; Мирзаев. Природа, с. 337).

ГЛАВА 39

1. Уйгур, уйгуры — название древнего тюркского народа, пришедшего на Тянь-Шань с берегов Орхона и

Селенги после того, как их северные соседи, киргизы, в середине IX в. разгромили их державу и установили над Монголией свое господство. Не желая подчиняться победителям, часть уйгуров ушла тогда в район Турфана.

После подчинения уйгурского государства Чагатаидами господствовавшие в Кашгарии мусульмане преследовали буддистов, силой насаждая ислам.

Уйгуры отличаются от сариг-уйгуров, проживавших между Хотаном и Тангутским государством. (Петров. К истории движения, с. 51; Тихонов. Хозяйство, с. 22—25; Skraïne, p. 116).

2. Ак-Куйаш — название местности и реки, которую В. В. Бартольд отождествляет с р. Или. (Улугбек, с. 108). Летней резиденцией Чагатая было место Куйаш (букв. «Солнце») в долине р. Или по соседству с Алмалыком. (Бартольд. Очерк истории Семиречья, с. 60).

3. Алабуга — название реки и местности. Алабуга— основной приток Нарына, впадающий в него к востоку от Ферганы на территории Республики Кыргызстан. Севернее Ферганы на одном из притоков реки Касансай, впадающей в Нарын, имеется селение Алабуга. (Материалы, с. 522, прим 23; Материалы по Киргизии, с. 104).

4. Местность Кой-Суй находилась на северном берегу Иссык-Куля, в устьях небольших речек с тем же названием, между станциями Чоктал и Чолпан. (Бартольд. Отчет о поездке, с. 63, 67 и др.; Материалы, с. 522, прим. 24).

5. В настоящее время на озере Иссык-Куль нет ни одного острова, однако на северо-восточной оконечности его в месте впадения в него речки Кой-Су (см. предыдущее прим. 4) имеется полуостров, который, по мнению геологов, мог в недавнее время быть островом. Кирпичи и разные археологические предметы, находимые на берегу и на дне озера, подтверждают это. (Бартольд. К вопросу об археологических исследованиях, с. 106).

6. Чурас — племя монгольского происхождения, играло видную роль в политической жизни Моголистана. (Об истории его см.: Чурас, Хроника; Петров. К истории движения).

7. Амасанджи Тайши — предводитель калмыков, как доказывает в своих работах К. И. Петров, был сыном не Исана Тайши, а киргизского хана Эсэху (ум. в 1425 г.)—см.: Петров. К истории движения, с. 156, 160 и др.; Материалы, с. 522, прим. 27).

8. Булгачи — племя булагачин упоминает Рашидаддин как «живущее у самого края страны киргизов». Рашидаддин сообщает также, что в его время это племя называли монгольским, однако название его появилось гораздо позже. Племя булгачи вошло в состав киргизов. (Рашидаддин, I, кн. 1, с. 77, 121—122; Петров, К истории движения, с. 42].

9. Абу-л-Хайр (род. в 1412, ум. в 1468 г.)—Джучид, потомок младшего сына Джучи, Шайбана; в 1428 г. провозглашен ханом Восточного Дашт-и Кипчака и подчинил своей власти обширную территорию от Сибири до Сырдарьи, которую удерживал под своей властью в течение сорока лет. (История Узбекской ССР, т. I, с. 504 и сл.; Бартольд. Абул-хайр, с. 489; Ахмедов. Государство кочевых узбеков).

10. Границей между «Узбекистаном» и «Моголистаном» в XV в. считалось озеро Балхаш. (Бартольд. История турецко-монгольских народов, с.312). Мирза Хайдар имел в виду степи к северу от Аральского моря. (Материалы, с. 522, прим. 28).

11. Султан Абу Сид мирза (855/1452—873/1469) — Тимурид, захватил власть в Мавераннахре в 1451 г. при поддержке представителей среднеазиатского дервишизма во главе с Ходжа Ахраром. (Бартольд. Улугбек, с. 163 и сл.; История Узбекской ССР, т. 1, с. 478 и сл.).

12. Абу Са'ид установил свою власть в Хорасане в 863/1458—1459 г. (Бартольд. Улугбек, с. 170; Его же. Мир Али-Шир, с. 210).

13. Джанибек хан и Кирай (Гирей) хан — будущие основатели Казахского ханства (после смерти Абу-л-Хайр хана в 874/1469—1470 г.) были дальними родственниками, имея лишь общего прадеда — Урус хана. Находясь в оппозиции к Абу-л-Хайр хану, в 863/1458—1459 г. они отделились от узбекского улуса и со своими сторонниками и частью его населения откочевали в западные пределы Моголистана. (Султанов. Кочевые племена, с. 113—114).

14. Имеется в виду долина реки Чу, на западе Моголистана. Козы Баши — название горного пастбища на Курдае против Даргана (Таргана). (Материалы, с. 523, прим. 33).

15. Бурундук хан — сын Кирай (Гирей) хана, стал казахским ханом не ранее 878/1473—1474 г. (год смерти его отца) и не ранее осени 1511 г. был изгнан, удалился к своей дочери в Самарканд и умер на чужбине. (Вяткин. Очерки, с. 81; Султанов. Кочевые племена, с. 114—115).

16. Касим хан — сын Джанибек хана, род. около 1445 г., о годе смерти разные источники приводят противоречивые сведения— от 924/1518 до 935/1528 г. Вельяминов-Зернов, по-видимому, округляя эти данные, пишет: «около 1520 г.» Стал ханом в 1511 г., отличался военным талантом и организаторскими способностями; объединив большое количество племен, укрепил ханскую власть. (Вяткин, Очерки, с. 81; Султанов, Кочевые племена, с. 115—116).

17. Джучи хан — старший сын Чингиз хана, которому при разделе завоеванных земель между сыновьями Чингиз хан отдал владения на запад от Иртыша, «до тех земель, до которых доходили копыта монгольских коней». (История народов Узбекистана, т. I, с. 326).

18. Мамаш хан —сын Касим хана, правил с 924/1518 по 928/1521—1522 г. (Султанов. Кочевые племена, с. 116).

19. Тахир хан — сын Адик султана сына Джанибек хана. Провозглашен ханом после смерти Мамаш хана, не позднее 930/1523—1524 г. Отличался крайней жестокостью, не обладал ни дипломатическим, ни военным талантами и не пользовался влиянием. В 1526 г. вместе с сыном и небольшим числом казахов ушел к киргизам, где и умер — не ранее 938/1531 — 1532 г. (Султанов. Кочевые племена, с. 116).

20. Буйдаш — сын Адик султана, брат Тахира, стал ханом после Тахира. Погиб во время похода на Мавераннахр в 967/1559—1560 г. (Бартольд, История турецко-монгольских народов, с. 215; Султанов, Кочевые племена, с. 116—117).

ГЛАВА 40

1. 'Абдаллах мирза — внук Шахруха, сын Ибрахим султана был возведен на тимуридский престол в Самарканде после смерти узурпировавшего власть сына Улугбека Абдаллатифа в 854/1450 г. В период своего недолгого царствования 'Абдаллах пытался вернуть политическую и культурную жизнь Самарканда и Мавераннахра ко дням правления Улугбека. В 855/1451 г. он погиб в бою с войсками Абу Са'ида (855/1451 — 873/1469), установившего с этого времени свою власть над Самаркандом и Мавераннахром. (История Узбекской ССР, т. I, с. 478—479; Бабур-наме, с. 20, 65; Материалы, с. 162, 164 и сл.; Босворт, Мусульманские династии, с. 217).

2. Мирза Бабур Каландар — это Абу-л-Касим Бабур, внук Шахруха, сын Байсункара; в 1452 г. захватил Гератский престол и владел им до своей смерти в 1457 г. (История народов Узбекистана, т. I, с. 383).

3. Баг-и Заган («Сад ворон») — сад-парк, находился в северных от города Герата предместьях и служил постоянной резиденцией Шахруху в течение всего периода его правления. Он был также местом наиболее пышных праздников и увеселений. (Белениц-к и и. Историческая топография Герата, с. 193).

4. Султан Махмуд хан (1388—1402) — второй подставной хан при эмире Тимуре, сын умершего Суйургатмиша. (История Узбекской ССР, т. I, кн. I, с. 331)

ГЛАВА 41

1. Сочинение Маулана Шарафаддина 'Али Йазди «Хулал-и мутарраз дар фанн-и му'амма ва лугаз» Бертельс называет основным пособием по му'амма. (Бертельс, Навои и Джами, с. 42).

2. Поэма, известная в просторечии под названием «Касидат ал-Бурда», «Касида-йе Бурда» («Поэма о плаще» [Мухаммада]), или чаще «ал-Бурда» египетского поэта Абу 'Абдаллах Шарафаддин Мухаммада б. Са'ид ал-Бусири (ум. в 694/1294 г.) приобрела необычайную популярность в мусульманском обществе и стала предметом обязательного изучения в школе. Поэме приписывались «целебные» и «магические» свойства. Благодаря такой популярности она многократно комментировалась, переводилась и обрабатывалась, создавая новые стихотворные произведения, включающие основной текст. (СВР, т. II, с. 85, До 944).

3. Иезд — древний иранский город: округ Иезда принадлежал к области Фарс, политического значения город не имел (исключая XI—XIII вв. — время династии Атабеков), зато свое торговое значение сохранил до сих пор. (Бартольд, Историко-географический обзор Ирана, с. 167 и сл.).

4. Фарс — область в южном Иране. (Бартольд, Историко-географический обзор Ирана, с. 102 и сл.).

5. Азербайджан — в древности составлял северозападную часть Мидии; самостоятельное значение получил только после Александра Македонского, когда здесь утвердился перс Атропат, по имени которого стало называться и все владение — Азербайджан. Столицей области в эпоху арабских географов был город Ардебил, а с XIII в., со времени государства монголов, — город Тебриз, который сохранил свое значение и в XV в. (Бартольд, Историко-географический обзор Ирана, с. 203 и сл.).

6. Казвин — древний иранский город, расположен на главной дороге от берега Каспийского моря из Решта в столицу Персии Тегеран, чем и определяется его значение, которое он сохранял на протяжении многих веков. (Бартольд, Историко-географический обзор Ирана, с. 199 и сл.).

7. Шираз — один из древних городов области Фарс в южном Иране. Арабские географы приписывают основание Ширази арабам (из военного лагеря), однако в окрестностях города найдены скульптурные изображения Ахеменидов и Сасанидов. а также крепость сасанидского происхождения. Перед походом Тимура в конце XIV в. Шираз был одним из самых больших городов мусульманских стран (Бартольд, Историко-географический обзор Ирана, с. 155 и сл.)

ГЛАВА 42

1. Исан Даулат бегим — бабка Бабура и Мирзы Хайдара по материнской линии. Бабур писал о ней: «Среди женщин по уму и рассудительности мало найдется таких, как моя бабка Исан Даулат бегим. Она была очень умная и рассудительная женщина; большинство дел решали по ее совету». (Бабур-наме, с. 37). Отцом Исан Даулат бегим Бабур называет Шир Хаджи бека, главу тумана Сагаричи (Там же, с. 20).

2. Бекчик (бекджак) — тюркоязычное племя, обитало на территории, ограниченной на западе Дашт-и Кипчаком и на востоке Моголистаном, и первоначально носило название кангли. Во время завоевания Мавераннахра Туглук Тимур ханом (1348—1363) во главе племени кангли стоял Бекджик, оказавший Туглук Тимуру значительные услуги, и после смерти последнего вместо этнонима кангли появилось название бекджик, бекчик, очевидно, по имени Бекджика. Позднее это племя вошло в состав как казахов, так киргизов и узбеков. (Валиханов, I, с. 553—554; Юдин, О родоплеменном составе, с. 53; Абрамзон, Киргизы, с. 38, 41, 60, 62).

3. Михр Нигар ханим — старшая дочь Йунус хана, неоднократно упоминается в «Бабур-наме» (с. 20, 21 и др.).
4. Йеттиканд (Джеттикент) — древний город у восточной границы Ферганы, по дороге к перевалу Иаси (Ясы). (Материалы, с. 523, прим. 46).

ГЛАВА 43

1. Сансиз мирза (Саниз мирза) — дуглат, брат деда автора «Та'рих-и Рашиди» Мухаммад Хайдара мирзы. Владел Кашгаром с 862/1457—1458 г. Умер в 869/1464—1465 г. (Рук. л. 48а—49а; Материалы, с. 523, прим. 49).
2. Йанги-Хисар — город в Восточном Туркестане к югу от Кашгара. (Материалы, с. 548, прим. 30)
3. Дуст Мухаммад хан — сын Исан (Эсен) Буги хана, могольский хан с 866/1461—1462 по 873/1468—1469 гг. (Пищулина, Юго-Восточный Казахстан, с. 123, Акимушкин, Хронология правителей, с. 159).
4. Мирза Аба Бакр, дуглат — старший сын Саниза мирзы; после смерти отца в 869/1464—1465 г. подчинил своей власти все владения дуглатов в Кашгарии и правил там независимо до 1514 г. (Пищулина. Юго-Восточный Казахстан, с. 269; Материалы, с. 528, прим. 116).

ГЛАВА 44

1. Ходжа Шариф Кашгари — это, по-видимому, Ходжа Мухаммад Шариф, Хазрат Ходжа, глава суфийского ордена увайсийа в Кашгарии в XVI в. Ум. в 973/1565—1566 г. в Йарканде в возрасте 95 лет. (Материалы, с. 232 и сл.; с. 533, прим. 8).
2. Чалиш (Джалиш) — город в Восточном Туркестане, современный Карашар. (Бартольд. Очерки истории Семиречья, с. 83; Материалы, с. 528, прим. 126).

ГЛАВА 45

1. Мансур хан — Чагатаид, сын Ахмад хана, внук Йунус хана; правил Восточным Моголистаном с 1504 по 1544 г. (в 909/1503—1504 г.—Моголистаном от имени отца, с титулом хана). После завоевания Кашгара и Йарканда (Яркенда) другим сыном Ахмад хана Са'идом в 1516 г. произошло примирение между братьями—Мансур остался владельцем Турфана и Чалиша и верховным правителем Восточного Туркестана — ум. в 950/1543—1544 г. (Бартольд. Очерк истории Семиречья, с. 92; Материалы, с. 528, прим. 120; Акимушкин, Хронология правителей, с. 159).
2. Кара-Тукай — местность на Сырдарье. (Материалы, с. 524, прим. 57).
3. Бурудж-углан — Мирза Хайдар называет его сыном Абу-л-Хайр хана, что, по-видимому, ошибочно, так как среди сыновей Абу-л-Хайра не было ни одного с этим именем. По другим источникам в этой битве на Сырдарье против Йунус хана сражался внук Абу-л-Хайра, сын его старшего сына Йадгар хана, имя которого было Буреке султан. Возможно, что Бурудж-углан и Буреке султан — одно лицо. (Материалы, с. 524, прим. 58).

ГЛАВА 47

1. Султан Ахмад мирза, Тимурид, старший сын Султан Абу Са'ида, утвердился в качестве правителя в Мавераннахре (с центром в Самарканде) после смерти своего отца в 1469 г. и правил до 1494 г. (История Узбекской ССР, с. 487).
2. Султан Махмуд мирза — Тимурид, сын Султан Абу Са'ида мирзы, после смерти своего брата Султан Ахмада мирзы правил в Мавераннахре с 899/1494 по 906/1500 г. (Босворт. Мусульманские династии, с. 217).
3. Мирза Умар Шайх — Тимурид, один из сыновей Султана Абу Са'ида, получил от своего отца в качестве суюргала так называемый Ферганский удел и правил там почти независимо от центральной власти. Истории этого правления посвящено специальное исследование С. А. Азимджановой «К истории Ферганы второй половины XV в.».
4. Кутлук Нигар ханим — вторая дочь могольского хана Йунуса, мать Захираддин Мухаммад Бабура, умерла в 911/1505—1506 г. Сведения о ней имеются в «Бабур-наме» (с. 18, 19 и др.).

ГЛАВА 48

1. Ахси (Ахсикет)—древний город, его развалины находятся около Намангана (еще в XVII в. Наманган был только селением в окрестностях Ахси) — Бартольд. История культурной жизни, с. 277; Материалы, с. 495, прим. 42
2. Местечко Тека Сакраткан, по сведениям Бабура, находится к северу от Андижана, на берегу р. Сыр-дарья. (Материалы, с. 526, прим. 79).
3. Маргинан (Маргелан)—один из древнейших среднеазиатских городов в 12 км к северу от города Ферганы.
4. Ходжа Насираддин 'Убайдаллах б. Махмуд (по прозвищу Ходжа Ахрар)—известный среднеазиатский шейх, глава суфийского ордена накшбандийа в Мавераннахре, род. в 1404 г., умер в 1490 г. (О нем см.: Чехович. Самаркандские документы XV—XVI вв., с. 14 и сл.).
5. Мухаммад Кази — прозвище Маулана Мухаммада б. Бурханадина Самарканди, известного ученика знаменитого шейха Ходжа Ахрара и автора его биографии под названием «Силсилат ал-арифин ва тазкират

ас-сиддикин», написанной около 897/1491 — 1492 г. Умер Мухаммад Кази в 922/1516 г. (Чехович, Самаркандские документы XV—XVI вв., с. 15 и др.).

ГЛАВА 54

1. Катур — так Бабур и Мирза Хайдар называют наиболее многочисленное из кафирских племен племя кати, населявшее восточную и западную части Кафиристана (История Афганистана, т. II, с. 301; Бабур-наме, с. 155).

ГЛАВА 56

1. Султан Махмуд хан — старший сын Султан Йунус хана, правил с 892/1487 по 914/1509 г. в Западном Моголистане. В 914/1509 г. убит по приказу Шайбани хана. (Часто упоминается в «Бабур-наме» — с. 12, 13 и др.; Акимушкин, Хронология правителей, с. 157, 159).

2. Шах Султан Мухаммад Бадахши — представитель бадахшанских шахов, ведущих, по преданию, свой род от Александра Македонского (Бабур-наме, с. 21).

3. Искандар Зу-л-карнайн сын Файлакуса — так называли на Востоке Александра Македонского, сына Филиппа.

4. Мирхонд (Мухаммад б. Хаванд шах)—род. в 837/1433, ум. в 902/1498 г., автор многотомной всеобщей истории от «сотворения мира» до дней автора под названием «Раузат ас-сафа» («Сад чистоты»), и его внук Хондамир (Гийасаддин б. Хумамаддин)—ум. в 942/ 1535 г., автор нескольких исторических трудов, главным из которых является «Хабиб ас-сийар...» («Друг жизнеописаний...») — всеобщая история с легендарных времен до начала XVI в. — принадлежали к Гератскому литературному кругу, которым покровительствовал Алишер Навои. В распоряжение обоих историков Навои предоставил свою библиотеку и живо интересовался их работой— так, из предисловия к труду Мирхонда следует, что он написан по предложению Алишера Навои. (Якубовский, Черты общественной и культурной жизни, с. 28—29; СВР, т. I, с. 31, № 39; СВР, т. V, с. 21, № 3474; с. 29, № 3491).

5. Султан Ахмад хан — младший сын Йунус хана, был известен под именем Алача хана. Бабур приводит историю возникновения этого прозвища: Султан Ахмад хан несколько раз побеждал калмаков и истребил много их людей, поэтому его называли «алачи», что на языке калмаков и моголов означает «убийца» — со временем «Алачи» превратилось в «Алача» (Бабур-наме, с. 21—22).

6. О жизни дочерей Йунус хана — Султан Нигар ханим и Даулат Султан ханим пишет и Бабур. (Бабур-наме, с. 22 и др.).

ГЛАВА 57

1. Анка — мифическая огромная птица, живущая по преданию на горе Каф.

2. Ош — древнейший город Ферганы, расположен в южных предгорьях Алайского хребта, восточнее города Андижана. Ныне — областной центр Республики Кыргызстан. Описание города того времени имеется у Бабура (Бабур-наме, с. 12).

ГЛАВА 59

1. Шахрухия — город построен Амиром Тимуром на развалинах старого города Бенакета, разрушенного монголами; был расположен на правом берегу Сырдарьи недалеко от впадения в нее р. Ангрэн. Название города Тимур дал в честь своего младшего сына Шахруха. До нас дошли только развалины города. (Бартольд. Туркестан, с. 226; Его же, Бенакет, с. 371).

2. Тир — четвертый месяц иранского солнечного года, соответствует июню.

3. Фана — седьмая, высшая ступень духовного совершенства в учении суфиев; состоит в совершенном поглощении в созерцании бога, в полном уничтожении и забвении как самого себя, так и всего окружающего (Ислам. Энциклопедический словарь, с. 251).

ГЛАВА 60

1. Каракуз бегим — прозвище старшей дочери Султан Ахмада мирзы б. Султан Абу Са'ида мирзы, которую звали Рабийа Султан бегим. О судьбе Каракуз бегим сообщает Бабур: она была отдана в жены Султан Махмуд хану б. Султан Йунус хану, а после гибели его и вместе с ним ее сына Баба хана стала женой Джанибек султана. (Бабур-наме, с. 30).

2. Шайх Хаванд Тахур (в просторечии Шейх ан-таур)—известный ташкентский шейх, происходил из семьи потомственных шейхов; умер, примерно, в 761/1359—1360 г. Его мазар в Ташкенте считается местной святыней — по его имени эта часть города называлась «шайхантаурской» (Семенов, Ташкентский шейх Хаванд-Тахур; История народов Узбекистана, II, 131). Ныне — Шайхантаурский район города Ташкент.

ГЛАВА 61

1. Чир — река Чирчик, правый приток р. Сыр-дарья, в долине которого расположен Ташкент.

ГЛАВА 62

1. Хуб Нигар ханим — третья дочь могольского хана Йунус хана; мать Мирзы Хайдара; о ней также пишет Бабур в своем сочинении. (Бабур-наме, с. 21 и др.).

2. Ханзада бегим — родная сестра Бабура, старше его на пять лет; о ее судьбе Бабур сообщает в своем сочинении (Бабур-наме, с. 19 и др.).
3. О Мирза хане (ум. в 927/1521 г.), сыне Султан Махмуда мирзы и Султан Нигар ханим, дочери Йунус хана, впоследствии правителя Бадахшана, упоминается во многих местах сочинения Бабура. (Бабур-наме, с. 21, 23 и др.).
4. Ура-Тепе — древний город, всегда имевший важное торговое и стратегическое значение, — издавна через него проходил торговый путь из Ферганы в Самарканд.

ГЛАВА 63

1. Среди эмиров Султан Ахмада мирзы Бабур называет Мухаммад Мазид тархана, младшего брата Дарвиш Мухаммад тархана, и пишет, что несколько лет он был правителем Туркестана — Шайбанн хан отнял Туркестан именно у него. Бабур дает такую характеристику Мухаммад Мазид тархану «Его имения и распоряжения были хороши, но он был бесстыдник и развратник». (Бабур-наме, с. 33).
2. Бабур сообщает, что матерью Султан Ахмада мирзы б. Султан Абу Са'ида мирзы была дочь Урда Буга тархана, старшая сестра Дарвиш Мухаммад тархана и Мухаммад Мазид тархана. (Бабур-наме, с. 28).
3. Гибель 'Умар Шайха мирзы, отца Бабура, описана в сочинении Бабура (Бабур-наме, с. 16).
4. Мирза Байсункар — второй сын Султан Махмуда мирзы б. Султан Абу Са'ида мирзы (род. в 882/ 1477—1478 г.—ум. в 905/1499—1500 г.); писал стихи под тахаллусом «Адили». Бабур посвятил ему специальную главу в своих «Записках», в которой описал его жизнь и высоко оценил его. (Бабур-наме, с. 84 и сл.)
5. Сражение под Камийаем (местность около Самарканда) между Султан Махмуд ханом и Байсункар мирзой подробно описано Бабуром (Бабур-наме, с. 43).
6. Сумма числовых значений букв в словах: «Лаб-и дарйа-йи Худжанд» составила 914, т. е. 914/1509 год.

ГЛАВА 64

1. Арлат (аралат, арулат)—племя монгольского происхождения. (Рашидаддин, т. I, кн. 1, с. 169; Шарафнама-йи шахи, с. 66), однако в исторических трудах по истории Средней Азии XVI—XVIII вв. упоминается и узбекское племя аралат. (Рашидаддин, т. I, кн. 1, с. 169, прим. 1; Материалы по Киргизии, с. 211).
2. Эмир Султан 'Али Чурас в описываемое время — предводитель рода чурас. (Чурас, Хроника, с. 25).
3. Сут Им бахадур — приближенный Султан Ахмад хана, называемый еще Сут Имган (Эмган) бахадур. (Материалы, с. 209, 601).

ГЛАВА 65

1. Мир Джаббарберди — эмир из племени дуглат.
2. Уч — город, расположенный западнее города Аксу, бывшего во времена Мирзы Хайдара одним из главных городов Восточного Туркестана. (Бартольд, Турфан, с. 522).
3. Чарун чалак — по-видимому, имеются ввиду левые притоки р. Или в Алматинской области Республики Казахстан — Чарын и Чилик. (Материалы, с. 528, прим. 125).
4. Город Камул (Хами) расположен в пограничной с Китаем части Восточного Туркестана и не относился к собственно Китаю, однако в результате завоеваний по сохранившейся китайской карте 1331 г. Камул (или Хами) уже находился в китайских владениях. (Бартольд. Очерк истории Семиречья, с. 46; Его же. История культурной жизни, с. 261).

ГЛАВА 67

1. Шайх Байзиду и его старшему брату Султан Ахмад Танбалу посвящено немало страниц в «Бабур-наме», так как Бабуру много раз приходилось сталкиваться с их враждебными действиями против него.
2. Хусрау шах — из туркестанских кипчаков. В молодости он находился в услужении при беках, затем стал наукером Мазид б. Аргуна, а присоединившись к Султан Махмуду мирзе б. Султан Абу Саиду мирзе, сильно возвысился. Во времена Султан Махмуда мирзы число его личных наукеров достигало нескольких тысяч, и ему были подвластны все области от Аму-дарьи до гор Гиндукуша, кроме Бадахшана. Бабур характеризует его как неумного, нечистого, развратного и вероломного человека, ради жизненных благ способного на любую подлость. Так, после смерти своего благодетеля Султан Махмуда мирзы, опасаясь за свои владения, он погубил двух его старших сыновей. Умер Хусрау шах в 910/1504—1505 г. (Бабур-наме, с. 41 и сл.).
3. Шах Исма'ил (907/1501—930/1524 гг.). — основатель Сефевидского государства в Иране. В 1510 г. в битве близ Мерва разгромил узбеков, где был убит и Шейбани хан. (История Ирана, с. 172; Босворт. Мусульманские династии, с. 226).
4. Тулук — местность в двух фарсах: от Андижана (Рук., л. 74а, Бабур-наме, с. 124).
5. Хисар-и Шадман (или Хисар) —«Шадман» («радостный») его эпитет — главный город Хисарской области, находился в верхней части долины р. Кафиринган, притока Амударьи. Ныне Хисар-и Шадман (Гиссар)—районный центр Республики Таджикистан. (Бартольд Гиссар (Хисар), с. 401 и сл.).
6. 'Убайдаллах хан, Шейбанид (940/1533-1534 — 946/1539-1540) — племянник Мухаммад Шайбани хана, сын его младшего брата Махмуд султана. (История Узбекской ССР, т. I, с. 518, Босворт, Мусульманские династии, с. 207).

7. Мир Наджм-и Сани («Второй Наджм») — почетное прозвище (в честь арабского полководца конца VII в.) одного из опытейших военачальников Шаха Исма'ила I эмира Наджмаддин Йар Ахмада Исфгани, сокращенно Наджм-и Сани, отправленного в Мавераннахр на помощь Бабур Падишаху в 918/1512 г. (Материалы, с. 529, прим. 139).

8. Суйундж Ходжа хан (Суйундж Ходжа султан, Суйунджик хан, Суйунджик султан) — сын Абу-л-Хайр хана, дядя Шайбани хана получивший от последнего в управление Ташкент. После гибели Шайбани хана в 1510 г. был избран главой династии, однако в том же году был заменен новым ханом — Кучкунджи ханом (916/1510—937/1530-1531 гг.). Умер Суйундж Ходжа в 931/1525 г. (История Узбекской ССР, т. I, с. 517; Бартольд. Абулхайр, с. 490).

9. Гиждуван — небольшой городок в 40 км к северо-западу от Бухары; ныне районный центр Бухарской области Республики Узбекистан.

10. Сумма числовых значений букв в словах. «Ду лашкар-и банишат» («два радостных войска») составляет 923, т. е. 923/1517 год.

11. Мухаммад киргиз — глава киргизов, содействовал могольскому хану Султан Са'ид хану (920/1514—940/1533 гг.) во многих его предприятиях и дважды был арестован им за доброжелательное отношение к представителям Шайбанидского дома: первый раз в 923/1517 г. — освобожден через 5 лет в 928/1521—1522 г. и второй раз — «когда прибег к защите узбеков» (год неизвестен) и освобожден только после смерти Султан Са'ид хана (ум. в 939/1533 г.) — см. рук, лл. 234а, 238а, 243а—б.

12. Начиная с могольской эпохи наименование мангит упоминается как племенное название тюркских и тюркизированных народов. В XVIII в. из него вышли родоначальники новой династии Бухарского ханства. (Бартольд, Мангыты, с. 556).

13. Балур (Болор) — название горной страны, сохранившееся теперь только в названии горной цепи Болор-таг. Ныне это Нуристан (бывш. Кафиристан) — отлоги южного склона Центрального Гиндукуша, входящего значительной частью в состав Афганистана. (Бартольд, Кафиристан, с. 21; Чурас, Хроника, с. 308; Современный Афганистан, с. 9, 13). Мирза Хайдар приводит границы Балура, (рук., л. 250а)

14. Кафиристаном (ныне Нуристан) называлась высокогорная область на южных склонах Гиндукуша, разделенная на несколько долин реками, текущими с севера на юг. Общая площадь области в современных границах расселения племен кафиров (ныне нуристанцев) в северо-восточном Афганистане определяется примерно в 9,5 тыс. км². Эту территорию населяли племена и родовые группы, отличавшиеся друг от друга по диалектам, но известные под собирательным наименованием «кафиры» («неверные»). Это название было дано их соседями-мусульманами по религиозному признаку, так как вплоть до конца XIX в. жители Кафиристана оставались язычниками. (История Афганистана, т. II, с. 300).

15. Балти — имеется в виду Балтистан, или Малый Тибет, куда шли дороги из Хотана и из Бадахшана через Вахан. (Бартольд, Тибет, с. 510, 512).

16. Мухаммад шах — правитель Кашмира; приходил к власти четыре раза: 894/1489—895/1490; 903/1498—904/1499; 905/1500—932/1526; 935/1529—939/1533 гг. (Босворт, Мусульманские династии, с. 254).

17. Урсангом Мирза Хайдар называет г. Лхассу. Это название встречается у восточных авторов наряду с названием Лхасса — Гурсанг в «Худуд ал-алам», по-видимому, соответствует Урсангу. (Бартольд, Тибет, с. 511—512).

18. Болезнь, которая началась у Султан Са'ид хана в Тибете, Мирза Хайдар называет «дамгири» («удушье»). Заболевание это связано с разреженностью атмосферного воздуха на большой высоте и описано у ряда авторов. (Росс, с. 413).

ГЛАВА 68

1. Имеется в виду Ходжа Мухаммад б. Хасан

б. 'Ала ал-'Аттар — внук 'Алааддина 'Аттара (ум. в 802/1400 г.), первого преемника основателя суфийского ордена накшбандийа бухарского шейха Бахааддина Накшбанда (ум. в 791/1389 г.). Ходжа Хасан-и 'Аттар упоминается в «Тазкира» Даулатшаха как главный из шейхов времени Улугбека. Ходжа Ахрар был его мюридом. Ходжа Хасан-и 'Аттар умер в Ширазе в 1423 г. (Письма-автографы Абдаррахмана Джами, с. 23; Бартольд. Улугбек, с. 124).

2. Коран, XVI, 8(8).

ГЛАВА 69

1. Мухаммади б. 'Али Мирак барлас известен также тем, что ему был посвящен выполненный в Кашгаре перевод с фарси на тюрки сочинения Мухаммад Муджир Ваджихадина «Мифтах ал-джинан» («Ключ к раю»), неоднократно издававшийся литографическим способом в Средней Азии. (Материалы, с. 187).

2. Подсчет числового значения букв во фразе: «катала фи-л-мухаррам» («двое убиты в [месяце] мухаррам») дает 940/1533—1534 г.

3. Коран, II, 151(156).

4. Битва при Бадре имела место во второй год хиджры. В долине ручья Бадр мусульмане из Медины во главе с Мухаммадом напали на караван язычников-курайшитов, возвращавшийся с товарами из Сирии в Мекку. Мусульмане одержали победу, а курайшиты обратились в бегство. (Большаков, История халифата, т. I, с. 96 и сл.).

5. Арабское племя курайш (курайшиты), к которому принадлежал и Мухаммад, жило в Мекке и благодаря имевшемуся здесь языческому храму, носившему название Ка'ба, было очень богато и занимало исключительное положение в этой области. (Бартольд, Ислам, с. 87).

6. Аби-л-Ас (Абу-л-Ас) — муж дочери Мухаммада Зейнаб оказался в числе пленников в сражении при Бадре. (Большаков, История халифата, т. I, с. 108 и сл.).

7. Каратегин, Каиртегин — местность в долине по среднему течению Вахша, называемому здесь Сурхаб, к северу от Дарваза. Ныне составляет часть Гармской области Республики Таджикистан. (Бартольд, Каратегин, с. 445).

КНИГА ВТОРАЯ [ВСТУПЛЕНИЕ]

1. «Джами ат-таварих» Фазлаллаха Рашидаддина — известный многотомный труд по всеобщей истории и в особенности по истории монголов. Автор его. Фазлатлах Рашидадин (казнен в 718/1318 г.) — прославленный историк, государственный деятель и врач эпохи иранских Ильханов от Абака хана (663/1265— 680/1282) до Абу Са'ида (715/1316—736/1335) включительно (СВР, т. I, с. 21, № 22). «Суеар-и акалим» — название IV тома «Джами ат-таварих».

2. «Та'рих-и гузида» Хамдаллаха Мустауфини Казвини (ум. в 750/1350 г.) — краткая всеобщая история компилятивного характера, написана в 744/1343 г. (СВР, т. I, с. 26, № 29).

3. Под «Та'рих-и манзум» Мирза Хайдар имеет в виду известное двухтомное историческое сочинение XV в. «Матла ас-са'дайн ва маджма ал-бахрайн», принадлежащее перу историографа Тимуридов 'Абдарразака Самарканди.

ГЛАВА 1

1. Подсчет числового значения букв в словах «шах-и шарк» и «нур-и чашм-и шах» дает 905/1499— 1500 г.

2. Кара-китаи (как называют их мусульманские писатели) или китаи — народ тунгусского происхождения с примесью некоторых монгольских элементов. В 20-х годах XII в. вытесненные из своей обширной империи с центром в северном Китае и Монголии они двинулись в Семиречье и на Тянь-Шань, где создали свое государство. С. М. Абрамзон считает, что один из пластов сложения киргизской народности связан с киданским вторжением. (Бартольд, Очерк истории Семиречья, с. 48—56; Вяткин, Очерки, 57; Петров, К истории движения, с. 48—50; Абрамзон, Киргизы, с. 47—48).

3. Коран, XLVIII. 29(29).

4. Усрушана — древнее название области, занимавшей почти все земли от Самарканда до Ходжента. (Бартольд, Туркестан, с. 221 и сл.).

5. Ура-Тепе — см. кн. первая, гл. 62, прим. 4. Перенос названия Усрушана на Ура-Тепе встречается и у Бабура. (Бабур-наме, с. 18).

6. Султан Йа'куб б. Узун Хасан (883/1478—896/ 1490) — правитель из туркменской династии Ак-Коюнлу. (Босворт, Мусульманские династии, с. 223;).

ГЛАВА 2

1. Тимур султан — Мухаммад Тимур султан, сын Шайбани хана, ум. в 920/1514 г.; часто упоминается в «Бабур-наме», с. 22 и др.

ГЛАВА 3

1. Кучум султан (Кучкунджи султан), Шайбанид — дядя Шайбани хана, правил в Туркестане в 916/1510— 936/1530 гг. (История Узбекской ССР, т. I, с. 517; Босворт, Мусульманские династии, с. 207).

2. Агра — город в северной Индии, на правом берегу р. Джамны; был столицей империи Бабуридов в период ее наибольшего расцвета (XVI—XVII вв.).

ГЛАВА 4

1. Тус — город в Хорасане (о нем см.: Бартольд, Историко-географический обзор Ирана, с. 114 и ст.).

ГЛАВА 5

1. Саратан — зодиакальное созвездие Рака, в которое Солнце вступает в июне.

2. Мизан — созвездие Весов, знак зодиака, в котором Солнце бывает в сентябре.

3. Бади аз-Заман мирза (ум. в 923/1517 г.) — сын Султана Хусайна мирзы, конфликтовал с отцом из-за наместничества в Астрабаде, в результате чего из-за придворных интриг погиб сын Бади аз-Замана Мухаммад Мумин. После смерти Султана Хусайна Бади аз-Заман стал его преемником вместе с другим его сыном — Музаффар Хусайном. (История народов. Узбекистана, т. I, с. 405 и сл.).

ГЛАВА 6

1. Махмуд султан — младший брат Шайбани хана; о передаче ему Кундуза Шайбани ханом сообщает и Бабур. (Бабур-наме, с. 180).

2. Истиджаб — см. кн. 1, гл. 17, прим. 4.
3. О правителе Сайрама Ахмаде итарджи пишет в своих мемуарах и Бабур. (Бабур-наме, с. 110).

ГЛАВА 7

1. Коран, IV, 88(86).
2. Сумма числовых значений букв в словах «Шаш-и мухаррам» («шестое мухаррама») дает 888/1483 г.
3. Алишер Навои (род. 17 рамазана 844/9 февраля 1441 г., ум. в 906/1501 г.) — великий узбекский поэт основоположник узбекской классической литературы. (Бертельс, Навои и Джами).
4. Здесь, вероятно, описка или пропуск в тексте: Байсункар мирза и Султан 'Али мирза — внуки Султана Абу Са'ида мирзы, дети его сына Султан Махмуда мирзы, о чем сам Мирза Хайдар пишет впереди (см. рук., л. 88 и Росс, с. 174 (перевод и прим. 2)).
5. Гури (Гур) — по данным Казвини, относящимся, примерно, к 1340 г. — туман, входивший в состав гератских владений. (История Афганистана, т. 1, с. 316).

ГЛАВА 8

1. Маулана Абдаррахман Джами — Нураддин 'Абдаррахман б. Низамаддин Ахмад Джами (род. в 817/1414 — ум. в 898/1402 г.), классик персидско-таджикской литературы, знаменитый поэт и выдающийся мыслитель, автор многочисленных поэтических и философско-богословских произведений. (Бертельс, Навои и Джами, с. 209 и сл.; Стори, с. 560; Рукописи произведений Джами).
2. Хамза султан (ум. в 917/1511 г.), Шайбанид, сын Султан Бахтийара б. Хизр хана. Служил Хусайну Байкаре, затем Бабуру, а в 906/1500 г. перешел на сторону Шайбани хана. (З и м и н, Кала-и Дабуси, с. 7; Бабур-наме, с. 47, 51 и др.; Материалы, с. 35, 127 и др.).
3. Махди султан, Шайбанид — брат Хамзы султана, правитель Кара Куля до прихода туда войска Шейбани хана. Убит Бабуром в 907/1511 г. (Бабур-наме, с. 47, 51 и др.; Материалы, с. 35; 127 и др.).
4. Узун-Ахмад — в литературе встречается мазар на р. Узун-Ахмад, правом притоке Нарына, ниже Сусамырского ущелья, а также чахарбаг с этим же названием. (Материалы, с. 519, прим. 27).

ГЛАВА 9

1. Гоус — Стрелец, название зодиакального созвездия, в котором солнце бывает в ноябре.
2. Султан Хусайн мирза не был внуком Мирзы Джахангира, он был правнуком другого сына Тимура — Умар Шайха.
3. В тексте ошибка: не сорок восемь, а тридцать восемь лет.
4. Ходжа 'Абдаллах Ансари — см. кн. первая, гл. 1, прим. 10.
5. Маулана Са'даддин Кашгари (ум. в 860/1456 г.) — известный Гератский шейх суфийского ордена накшбандийа, духовный руководитель 'Абдаррахмана Джами, под началом которого тот находился до самой смерти шейха. Одна из двух дочерей Маулана Са'даддина стала женой Джами. (СВР, т. III, с. 270, № 2438; Бертельс, Навои и Джами, с. 112, 213, 216; Абдаррахман Джами, Нафахат ал-унс, с. 408).
6. Маулана Низамаддин Хамуш — ученик шейха 'Алааддин 'Аттара (о нем см. Нафахат ал-унс, с. 404 и сл.; Фахраддин 'Али, Рашахат, с. 108—117).
7. Ходжа 'Алааддин 'Аттар (ум. в 802/1400 г.) — его имя Мухаммад б. Мухаммад ал-Булари; известный шейх ордена накшбандийа, ученик Бахааддина Накшбанда. (Нафахат ал-унс, с. 394; СВР, т. III, с. 264, № 2420).
8. Шайх Абу-л-Мансур Матуриди (ум. в 332/944 г.) — средневековый теолог, уроженец селения Матурид, в пригороде Самарканда. (Бабур-наме, с. 59, 417).
9. «Нафахат» — имеется в виду сочинение «Нафахат ал-унс мин хазарат ал-кудс» («Ароматные веяния духовной близости с вершин святости») 'Абдаррахмана Джами, представляющее собой собрание биографий выдающихся суфийских шейхов VIII—XV вв. Труд написан по просьбе Алишера Навои в 883/1478—1479 гг. (Рукописи произведений Джами, с. 55).
10. «Силсилат ал-'арифин» — сочинение Маулана Мухаммада Кази (ум. в 922/1516 г.), ученика и последователя Ходжа 'Убайдаллах Ахрара (ум. в 895/ 1490 г.), представляющее собой житие этого шейха. (Рашахат, с. 344; Чехович, Самаркандские документы XV—XVI вв., с. 15).
11. Мир 'Абдалаввал-и Нишапури (ум. в 905/1500 г.) — зять и сподвижник известного среднеазиатского шейха Ходжа 'Убайдаллах Ахрара; автор сочинения под названием «Масму'ат», представляющего собой житие этого шейха. (Чехович, Самаркандские документы XV—XVI вв., с. 14; Письма-автографы Абдаррахмана Дж а м и, с. 17 и сл.).
12. Ходжа Мухаммад Парса (ум. в 822/1419) — Мухаммад б. Мухаммад б. Махмуд ал-Хафизы ал-Бухари, известный под именем Ходжа Мухаммад Парса, сподвижник известного бухарского шейха, основателя суфийского ордена накшбандийа Ходжа Бахааддина Накшбанда. (Нафахат ал-унс, с. 397; СВР, т. III, с. 256, № 2394; с. 264, № 2420 и др.).
13. Маулана Йа'куб — известный шейх того времени Йа'куб Чархи в Бадахшане и Чаганиане; является учителем Ходжа 'Убайдаллах Ахрара. Встреча Ходжа Ахрара с Йа'кубом Чархи описана в «Рашахат». (Рашахат, с. 241 и сл.; История народов Узбекистана, т. I, с. 376).
14. Этим «пяти выдающимся» ученым посвящена отдельная глава в сочинении Васифи «Бадаий' ал-вака-йи»

- (с. 1176 и сл.)—их имена он приводит там в таком порядке: Маулана Нураддин 'Абдаррахман Джами, Маулана Камаладдин Шайх Хусайн, Маулана Шамсаддин, Маулана Дауд и Маулана Му'ин Туни — вместо Бурханаддина, как в «Та'рих-и Рашиди», в «Рашахат» (с. 336 и сл.)—Маулана Бурханаддин Хутталани. О Маулана Шайх Хусайне писал и Бабур. Он говорил о нем как о большом ученом и сообщал, что его возвышение произошло при Султан Абу Са'иде Мирзе (855/1451—873/1469), при котором он исполнял обязанности мухтасмба, и по этой причине при Султан Хусайне мирзе (873/1469—911/1506) он подвергся унижениям. (Бабур-наме, с. 206).
15. Джами принадлежат три дивана. Первый носит название «Фатихат ал-шабаб» («Начало юности»), завершен в 884/1479—1480 г.; второй—«Васитат ал-акд» («Средняя жемчужина ожерелья»), к его составлению Джами приступит в 884/1479—1489 г, и третий — «Хатимат ал-хайат» («Завершение жизни») составлен в 896/1490—1491 г. (Рукописи произведений Джами, с. 17).
16. Матурид (Магирид)—древнее селение в окрестностях Самарканда, сохранившее свое название до настоящего времени. (Чехович, Самаркандские документы XV—XVI вв. с. 392).
17. Маулана 'Абдалгафур Лари (ум. в 912/ 1505 г.)—известный ученик 'Абдаррахмана Джами и ученый того времени. Его перу принадлежит ряд сочинений по суфизму. (СВР, т. III. с. 181, № 2193; с. 282, № 2469, с. 285, № 2474; СВР, т. VI, с. 177, № 4387; с. 503, № 4913; с. 505, № 4916).
18. Комментарии («Шарх») к сочинению 'Абдаррахмана Джами «Нафахат ал-унс» 'Абдалгафур Лари написал для сына своего учителя— Зинааддина Йусуфа. Комментарий содержит объяснения трудных мест и арабских выражений в тексте сочинения Джами, а также дополнительные биографии суфиев, не вошедшие в «Нафахат». Этот комментарий известен под разными названиями: «Такмила-йи «Нафахат ал-унс» («Добавление к «Ароматным веяниям»); «Хашина-йи «Нафахат унс» («Глоссы к «Ароматным веяниям») и т. п. (СВР т. III, с. 282, № 2469; СВР, т. VI, с. 503, № 4913).
19. Кроме упомянутого «Шарха» («Комментария») к «Нафахат ал-унс» 'Абдалгафур Лари написал еще одно «Дополнение» к этому сочинению (или, как сказано Мирза Хайдаром, к «Шарху»), которое содержит жизнеописание его учителя 'Абдаррахмана Джами и известно также под несколькими названиями: «Хатима» («Заключение»), «Тазкира-йи Маулана Джами» ("Жизнеописание Маулана Джами») и т. п.— СВР, т. III, с. 285, № 2474; СВР, т. VI, с. 505, № 4916.
20. Поэма «Йусуф и Зулайха» Абдаррахмана Джами закончена в 888/1483 г. и входит в его «Смерицу» («Хафт ауранг»). Поэма посвящена Султану Хусайну и проникнута суфийской идеологией. (Рукописи произведений Джами, с. 63).
21. При подсчете цифрового значения букв в словах: «Аш'ар-и дилфириб» («Пленяющие сердце стихи») получается число 898/1492—год смерти 'Абдаррахмана Джами.
22. «Шавахид ан-набувват» — известное агиографическое произведение 'Абдаррахмана Джами, содержащее жития пророка Мухаммада и его последователей; написано в 885/1480—1481 г. (Рукописи произведений Джами, с. 44).
23. «Хафт аурангх» («Семерица»)—объединяет семь больших поэм 'Абдаррахмана Джами «Силсилат ал-захаб», «Саламан ва Ибсал», «Тухфат ал-ахрар», «Субхат ал-абрар», «Йусуф ва Зулайха», «Лайли ва Маджнун», «Хираднама-йн Искандари». (Рукописи произведений Джами, с. 63).
24. «Шарх-и кафийа» — сочинение написано в 897/1492 г. на арабском языке для сына Джами Зинааддина Йусуфа и представляет собой комментарий на учебный трактат по арабской грамматике «Ал-кафийа фи-нахв» («Достаточная книга по синтаксису») Ибн ал-Хаджиба (ум. в 645/1248 г.). «Шарх-и кафийа» имеет также название «Ал-фаваид аз-Зийаийа» («Наставления Зийаадину»), но больше всего он известен под сокращенным названием «Шарх-и Мулла» («Комментарий Муллы») и имел широкое распространение в медресе Средней Азии как учебное пособие. (Рукописи произведений Джами, с. 46).
25. «Сорок хадисов» — сочинение представляет собой собрание сорока хадисов — приписываемых Мухаммаду изречений; арабский текст каждого хадиса сопровождается стихотворным переводом Джами на персидский язык. Написано в 886/1481 —1482 г. (Рукописи произведений Джами, с. 15).
26. «Лавах» — собрание суфийских положений и изречений в прозе и стихах. (Рукописи произведений Джами, с. 26).
27. «Шарх-и Лама'ат» — комментарий на книгу «Лама'ат» известного поэта Фахраддин Ибрахима 'Ираки Хамадани (1217—1289 гг.). Имеет также название «Аш'атал- лама'ат». В данном сочинении Джами разбирает труд Фахраддина 'Ираки, сопровождая его подробным философским комментарием. (Рукописи произведений Джами, с. 8).
28. «Шарх-и Фусус ал-хикам» («Комментарий на «Геммы премудростей») написан на арабском языке на одну из основных философских работ известного шейха Мухийаддина ибн ал-Араби (ум. в 638/1240 г.) под названием «Фусус ал-хикам» («Драгоценные камни мудрости») — Рукописи произведений Джами, с. 42).
29. «Шарх-и мимийа» — полное название этого сочинения «Шарх-и касида-йи мимийа-йи хамарийа-йи Фаризийа» («Комментарий на «Винную касиду» Ибн ал-Фариза с рифмой на «м»); представляет собой комментарий на известное мистическое стихотворение одного из виднейших арабских суфийских поэтов 'Умара Ибн ал-Фариза (ум. в 632/1234—1235 г.). Написано в 875/1470—1471 г. (Рукописи произведений Джами, с. 43).
30. «Шарх-и рубаи'ят» («Толкование четверостиший») — пояснения Джами к своим суфийским четверостишиям; написано в 878/1473—1474 г. (Рукописи произведений Джами, с. 40).

31. Три дивана — см настоящую главу, прим. 15.
32. Джами написал четыре работы по теории составления и разгадывания логогрифов (му'амма): «Рисала-йи му'амма-йи кабир» («Большой трактат о логогрифах»), написан в 856/1452 г.; позднее появились «Рисала-йи му'амма-йи мутавасит» («Средний трактат о логогрифах»), и «Рисала-йи му'амма-йи сагир» («Малый трактат о логогрифах») и в 890/1485 г. «Рисала-йи му'амма-йи манзум» («Стихотворный трактат о логогрифах») — Рукописи произведений Джами, с. 30.
33. «Инша» — труд известен также под названиями «Муншаат» («Письма»), «Рук'ат» и содержит письма Джами к его современникам, с основным к высокопоставленным лицам. (Рукописи произведений Джами, с. 54).
34. Маулана 'Алааддин мактабдар — имеется в виду, по-видимому, Маулана Ходжа 'Алааддин 'Али Самарканди, один из лучших Гератских учителей, у которого некоторое время учился и 'Абдаррахман Джами. (Бертельс, Навои и Джами, с. 211).
35. 'Абдалхалик б. 'Абдалджамил-и Гиждувани (ум. в 575/1179 г.) — один из основоположников и теоретиков дервишеского ордена ходжаган. (С В Р, т. III, с. 172, № 2174 и др.).
36. О Шайх 'Абдалкабире Йамани пишет и Фахраддин 'Али в «Рашахат» (с. 198 и сл.).
37. Маулана Шамсаддин Мухаммад Зауджи (род. в месяце ша'бан 820/сентябрь 1417 г.) — происходил из селения Зауджи в 9 фарсах к западу от Герата (Р а ш а х а т, с. 187 и сл.).
38. О Шайхе Пуране пишут Васифи (Б а д а й и' а л-в а к а й и', с. 1264) и Бабур, который сообщает, что Шайбани хан (906/1500—916/1510) после завоевания Герата жестоко обошелся там со всеми людьми, в том числе и с Шейх Пураном. (Бабур-наме, с. 239 и сл.).
39. Маулана Джалаладдин Байазид (Абу Йазид — в «Нафахат») Пурани (ум. в месяце зу-л-ка'да 862/в июне 1464 г.). Был близок с Джами. (Нафахат ал унс, с. 502; Бертельс, Навои и Джами, с. 2'6).
40. Васифи в своем произведении называет Мир Могола в числе крупных и влиятельных сановников своего времени, а Бабур сообщает, что отцом Мир Могола был 'Абдалваххаб шигаул. (Бадан' ал-вакаи', с. 536. 560; Бабур-наме, с. 44, 93).
41. Фирдауси (род. между 932 и 936 гг.; ум. в 1020 или 1025 гг.) — гениальный поэт из Туса (Хорасан), автор мирового шедевра, эпической поэмы «Шах-наме», главным источником которой был эпос восточно-иранских и среднеазиатских народностей. Написанию «Шах-наме» Фирдауси посвятил более тридцати лет своей жизни и, начав поэму в период правления династии Саманидов, завершил ее, когда государство Саманидов пало и к власти в Хорасане пришел представитель новой, тюркской династии Газневидов — Султан Махмуд (998—1030 гг.).
- В словах Мирзы Хайдара нашла свое отражение существовавшая в восточных хрониках легенда о том, что якобы Фирдауси в целях обеспечения своего материального положения ищет богатого и щедрого заказчика для поэмы и находит его в лице Султан Махмуда, который обещает за каждый байт уплатить по золотому динару. Однако слова своего он не сдержал, и поэт умирает в нищете. (Бертельс, История, с. 169 и сл.; Рипка Ян, История, с. 153 и сл.).
42. Маулана Абу Са'ид Убехи — уроженец Убеха (Хорасан). В молодости приехал в Самарканд, занимался точными науками в медресе Улугбека, впоследствии стал последователем Ходжа 'Убайдаллах Ахрара. (Письма-автографы 'Абдаррахмана Джами, с. 23; Р а ш а х а т, с. 341 и сл.).
43. Шайх Зайнаддин Хавафи — известный Гератский шейх; умер, по сообщению Фасиха Хавафи, 2 шаввала 838/1 мая 1435 г. и похоронен в Герате. (Мудж-мал-и Фасихи, с. 158).
44. Шайх Шихабалдин Сухраварди (ум. в 632/ 1234 г.) — известный багдадский суфий; полное имя его — Шайх Шихабалдин Абу Хафс 'Умар б. Мухаммад ал-Бакри ас-Сухраварди (СВР, т. III, с. 190 и сл., №№ 2215, 2216; с. 194, № 2219).
45. Маулана Са'даддин Тафтазани — полное имя его Са'даддин Мас'уд б. 'Умар ат-Тафтазани (ум. примерно в 792/1389—1390 г.); известный ученый, работы которого по логике, теологии и т. п. пользовались большой популярностью на Востоке. Был вывезен Тимуром в Самарканд. (СВР, т. III, с. 80, № 1971; Муджмал-и Фасихи, с. 108, 256).
46. Мир Саййид Шариф Джурджани — полное имя его 'Али б. Мухаммад ас-Саймид аш Шариф ал-Джурджани (ум. в 816/1413 г.), известный ученый, автор различных работ по законоведению, философии, астрономии и др. Преподавал в одном из медресе Шираза, откуда в 790/1388 г. был вывезен Тимуром в Самарканд. После смерти Тимура он вернулся в Шираз, где и умер. (СВР, т. III, с. 65, № 1947; Бертельс, Навои и Джами, с. 80: М у д ж м а л-и Ф а с и х и, с. 111)
47. Ходжу Маулана Исфাহани упоминает в своем сочинении и Фахраддин 'Али. (Р а ш а х а т, с. 166).
48. Среди ученых своего времени Васифи называет имя Мир 'Абдалкадира (Саййид 'Абдалкадир) — Бадаий' ал-вакайи', с. 1058, 1293.
49. Бабур горорит о Мир (Мулла) Джамаладдин мухаддисе как об известном ученом времени Султан Хусайна Байкары, непревзойденном знатоке науки о хадисах. В событиях 911/1505—1506 года он представляет его как очень старого человека. (Бабур-наме, с. 207; Бадаий' ал-вакайи', с. 1058, 1293).
50. Более подробные сведения о Мир 'Атааллахе Мешхеде дает Бабур. Он сообщает, что Мир 'Атааллах хорошо знал арабскую словесность и что его перу принадлежит «Трактат о рифме», написанный по-персидски, а также рассуждение о поэтических фигурах под названием «Чудеса поэтического искусства» (Бабур-наме, с. 207; Бадаий' ал-вакайи', с. 646, 1058, 1293).

51. Среди ученых своего времени упоминает Мир Ибрахима Васифи (Бадайти' ал-вакайти' с. 1058, 1293).
52. Имя Маулана (Мулла) Мас'уда Ширвани среди ученых времени Султан Хусайна Байкары называют Бабур (Бабур-наме, с. 207) и Васифи (Бадайти' ал-вакайти', с. 646).
53. Васифи дает высокую оценку учености Асамаддин Ибрахима, которому посвящает несколько страниц в своем произведении. (Бадайти' ал-вакайти', с. 199 и сл.).
54. Подробнее о Мир Мухаммад-и Мир Йусуфе пишет Бабур. (Бабур-наме, с. 207—208; Бадайти' ал-вакайти', с. 1058, 1293).
55. О Маулана Ибрахиме Ширвани Васифи говорит как об известном самаркандском мударрисс. [Бадайти' ал-вакайти', с. 423).
56. Среди известных самаркандских мударриссов Васифи называет и Маулана Мир Калана. (Бадайти' ал-вакайти', с. 423).
57. Васифи упоминает Мир (Амир) Абу-л-Бака среди «мударрисов и великих людей Самарканда». (Бадайти' ал-вакайти', с. 423).
58. Ходжа Хафиз Ширази — Шамсадин Мухаммад Хафиз-и Ширази (ум. в 791/1389 г.)—знаменитый лирик, прославленный мастер газали (Рипка Ян, История, с. 254 и сл.; СВР, II, № 1086—1093).
59. Ходжа Хусрау — известный индо-персидский поэт из Дели Амир Хусрав-и Дехлеви (ум. в 725/ 1325 г.)— СВР, т. II, с. 113, № 1001; с. 119, № 1011 и др.
60. У Алишера Навои четыре тюркских дивана и один персидский.
61. Мирза Хайдар имеет в виду сочинение Навои, известное под названием «Насаим ал-мухаббат мин шамаим ал-футувват» («Зефиры любви, [доносящиеся] от ароматов благородства»). Этот труд Навои, написанный в 901/1495—1496 г., представляет собой узбекскую редакцию «Нафахат ал-унс» 'Абдаррахмана Джамии с дополнениями, взятыми из произведений Фаридаддин 'Аттара «Тазкират ал-авлийа». (Алишер Навоий кулзума асарлари каталоги, 67-бет; СВР т III с. 290. № 2484).
62. «Хамса» («Пятерица») — включает в себя пять поэм. Создателем этого жанра был великий азербайджанский поэт Низами (Шейх Низами-йи Ганджази, ум. в 597/1200 или в 605/1209 г.). «Хамса» вызвала много подражаний поэтов последующих веков, которые Мирза Хайдар называет «ответами». Имеется «Хамса» и у Алишера Навои. (СВР, т. II, с. 49, № 840; СВР, т. VII, с. 75, № 5057; Алишер Навоини кулзума асарлари каталоги, 30-бет).
63. Амир Шайх Ахмада Сухайли (Шенхим Сухей-ли) упоминает и Бабур. (Бабур-наме, с. 208; Бертельс, Навои и Джамии, с. 32).
64. Хусайн 'Али Джалаира Суфайли среди поэтов Султан Хусайна мирзы упоминает и Бабур. (Бабур-наме, с. 208).
65. Джамаладдин Салман Саваджи (ум. в 778/ 1377 г.)—выдающийся поэт-панегирист династии Джалаиридов, жил и работал преимущественно в Табризе. Признанный мастер касид. (Рипка Ян, История, с. 252; СВР, т. II, с. 144, № 1074).
66. Захир Фарйаби (ум. в 1202 г. в Табризе)—известный поэт, как и Салман Саваджи признанный мастер касид. (Бертельс. Навои и Джамии, с. 30, 43, 449).
67. Йаджудж и Ма'джудж — название варварских народов Северной Азии (то же, что библейские Гог и Магог); для защиты от их вторжения, по преданию, Александр Македонский (Искандар) построил стену.
68. Асафи — Ходжа Асафи б. Ни'маталлах-и Кухистани (ум. в 923/1517 г.) был личным другом Алишера Навои и учеником по стилю стиха Абдаррахмана Джамии. (Бабур-наме, с. 208; Бадайти' ал-вакайти, с. 138 и др.; СВР, т. II, с. 234, № 1320; СВР, т. VIII, с. 162. № 5737).
69. Ахи — Бабур сообщает, что Ахи сочинял хорошие газали, и у него имеется диван. (Бабур-наме, с. 210).
70. Мир Шахи — Амир Ага-Малик б. Джамаладдин эмир Шахи-йи Сабзавари (ум. в 857/1453 г.)—из числа сабзаварских сарбадаров. Алишер Навои вел с ним переписку. (Бертельс, Навои и Джамии, с. 73; Мажолисун нафоис, с. 30; СВР, т. II, с. 167, № 1136).
71. Хилали — Бадраддин Хилали-йи Астрабади (убит в 936/1529 г.), тюрк из Астрабада, попал в Герат, где получил образование и вращался в литературном кругу Алишера Навои. Имеет диван и суфийскую поэму, известную под названием «Шах-у-гада» («Шах и нищий»), или «Шах-у-дарвиш» («Шах и дарвиш»). (Мажолисун нафоис, с. 103; Бадайти' ал-вакайти', с. 138 и др.; Бертельс, Навои и Джамии, с. 35, 384; СВР, т. II, с. 243, № 1344; СВР, т. VI, с. 250, V 4506; с. 252, № 4512).
72. Камаладдин Биннаи — талантливый поэт из Гератскою круга поэтов Алишера Навои. Прославится своими колкостями и грубыми выходками по адресу Навои, не желая признать факт возможности создавать не староузбекском языке совершенные художественные произведения. Васифи в своих мемуарах много места уделяет Биннаи и его взаимоотношениям с Навои. (Бадайти' ал-вакайти'; Бабур-наме, с. 208; Мажолисун нафоис, с. 87; Бертельс, Навои и Джамии, с. 175; Салье М. А. Кемаль-ад-дин Биннаи и его покровители. Альманах «Дар», Ташкент, 1944).
73. Маулана Сахиб — Алишер Навои пишет, что Маулана Сахиб родом из Кабутдждама, писал му'амма и был талантливым шахматистом. Приводит также образцы его творчества. (М а ж о л и с у н н а ф о и с, с. 105).
74. Лутфи (ум., по-видимому, в 870/1465—1466 г.) — известный узбекский поэт второй половины XIV — первой половины XV в., наиболее крупный предшественник Алишера Навои в области староузбекской

поэзии. (СВР, т. II, с. 170. № 1148; т. VII, с. 65, № 5047; Мажолисун нафоис, с. 72).

75. Сайфи — по сообщению Алишера Навои Сайфи приехал из Бухары в Герат для учения. Здесь он увлекся написанием стихов, которые приобрели известность. В качестве примера Навои приводит тот же стих, что и Мирза Хайдар. (М а ж о л и с у н н а ф о и с, с. 86).

76. Ахли — Маулан Мухаммад Ахли Ширази (1455—1535-1536) поэт, у которого кроме простых по форме газалей имеются две небольшие поэмы («Шам'у-парване» — «Свеча и мотылек» и «Сихри-ии халал» — «Дозволенная магия»), чрезвычайно технически сложные, что затемняет смысл произведений до крайнего предела. (Бертельс, Навои и Джами, с. 34; Рипка Ян, История, с. 272; Бабур-наме, с. 210; Бадаи' ал-вакай', с. 138).

77. Нургиси — Навои сообщает, что родом он из Мерва и приводит образцы его творчества (Мажолисун нафоис. 123).

78. Бабур сообщает, что Мир Мухаммад Салих писат хорошие стихи и по-тюркски. (Бабур-наме, с. 210).

79. Маулана Шахиди (уб. в 979/1571 —1572 г.). Рукопись извлечений из его дивана хранится в Институте востоковедения Академии наук Республики Узбекистан. (СВР, т. II, с. 257, № 1377).

80. Фираки — Бабур упоминает поэта по имени Ходжа Абу-л-Баракат-и Фираки и приводит образцы его творчества. (Бабур-наме, с. 103).

81. Хайдар Калича — родился в Хорасане; жил в период правления в Иране шахов Исма'ила I (907/1502—930/1524) и Тахмаспа I (930/1524—984/1576). Некоторое время находился при дворе правителя Синда (Индия) Мирзы Шах Хусайна, к концу своей жизни уехал оттуда и поселился в Сеистане. (С В Р, т. VI, с. 254. № 4516).

82. Мир Хусайн му'аммаи — Хусайн б. Мухаммад ат-Хусайни ан-Нишапури (ум. в 904/1498—1499 г.), уроженец Нишапура, значительную часть жизни прожил в Герате. Широко известный его трактат по составлению му'амма «Му'аммийат-и Хусанни» («Хусайновы логогрифы, или шарады») был написан по просьбе Алишера Навои, а 'Абдаррахман Джами, ознакомившись с ним, принял его систему по классификации шарад. (Бабур-наме, с. 209; С В Р, т. V, с. 155, № 3714; т. VI, с. 328, № 4634).

83. Слава Герата как литературного центра в значительной степени связана с именем сына Шахруха Байсункара (ум. в 1433 г.). Байсункар занимал при своем отце должность везира и это давало ему возможность оказывать покровительство писателям, поэтам и художникам. Он создал придворную библиотеку, в которой трудились лучшие каллиграфы и миниатюристы и проводилась подлинно научная текстологическая работа — здесь был составлен сводный текст знаменитой поэмы Фирдауси «Шах-наме». (История народов Узбекистана, т. I, с. 395).

84. Мирза Бабур Каландар — это Абу-л-Касим Бабур, сын Мирзы Байсункара и внук Шахруха. В 1452 г. в условиях феодальной раздробленности он захватил Гератский престол и владел им до самой своей смерти в 1457 г. (История народов Узбекистана, т. I, с. 383).

85. 'Али ибн Абу Талиб (уб. в 40/661 г.) —последний из первых четырех правоверных халифов. (Босворт, Мусульманские династии, с. 27).

86. О живописце Шах Музаффаре сообщает и Бабур. (Бабур-наме, с. 211).

87. Камаладдин Бехзад (1455—1537) — выдающийся живописец средневековья, крупнейший мастер миниатюрной живописи, изучению творчества которого посвящено много работ как отечественных, так и зарубежных ученых. Библиография работ о Бехзаде опубликована в «Материалах» научной конференции: «Камаладдин Бехзад, к 525-летию со дня рождения», Ташкент, 1984.

88. О выдающейся личности Ходжа 'Абдаллах Марвариде, талантливого миниатюриста, каллиграфа, музыканта, а также государственного деятеля, составившего очень ценный для исторической науки сборник документов своего времени см. работы Ю н у с х о д ж а е в о й М. «Абдулло Марварид», Тошкент, 1979; об Абдаллах Марвариде как об известном каллиграфе Герата, современнике Камаладдина Бехзада см. также в «Материалах» конференции: «Камаладдин Бехзад, к 525-летию со дня рождения», Ташкент, 1984.

89. Коран, XXI, 22(22).

ГЛАВА 14

1. Керман — юго-восточная область Ирана и город того же названия; до прихода арабов (VII з.)—столица области. (Бартольд. Историко-географический обзор Ирана, с. 140 и сл.).

ГЛАВА 15

1. Кала-йи Зафар — крепость на левом Кукча. (Бартольд, Бадахшан, с. 345). 2. Коран, XIV, 15(12). берегу

ГЛАВА 19

1. Тирмах — месяц июнь.

ГЛАВА 20

1. Кук Кашане — название здания своеобразной архитектуры, построенного из жженого кирпича с орнаментацией из синей кошмы, расположенного вблизи Сыгнака, километрах в восьми по направлению к Тюмень-Арыку в Казахстане. (Материалы, с. 516, примеч. 21).

2. Тилман — горная река в Афганистане, к юго-западу ст Кабула.

ГЛАВА 21

1. Узун Хасан (857/1453—882/1478) — наиболее выдающийся представитель династии Ак-Коюнлу, распространивший свою власть на весь Иран до Хорасана, на Ирак и Персидский залив. (Босворт, Мусульманские династии, с. 223).
2. Пишдадида — первая династия (по Фирдауси) в Иране, основанная мифическим царем Хошангом. (Фрай, Наследие Ирана, с. 01—62).
3. Кийаниды — другая мифическая династия в Иране при Зороастре.
4. Эмир Камбар (ум. в 935/1528 г.) — правитель Мерва, затем Кундуза при Шайбани хане. (Бабур-наме, с. 179, 180).
5. Коран, XVIII, 77(78).

ГЛАВА 22

1. Аб-Дара. Бабур в своих мемуарах упоминает два пункта под таким названием: один в Гиндукуше, другой в Хисаре. Мухаммад Хайдар, очевидно, имеет в виду Аб-Дара хисарский. (Бабур-наме, с. 154, 179, 235).
2. Бамийан — название реки, долины, провинции и города в Афганистане, в 150 км к северо-западу от Кабула.
3. Тукуз Тарам — название переправы через Аму-дарью. Бабур упоминает «верхние переправы у Тукуз-Улума» через Аму. Очевидно, эта переправа находится на Вахше близ Курган-Тюбе (Бабур-наме, с. 146).
4. Коран, XXXV, 31(34).

ГЛАВА 25

1. Коран. XV, 46(46).
2. Коран, X, 11.

ГЛАВА 26

1. Маду (Мадви)—современное селение Мады в Ошской области (в 11 км от Оша) Республики Кыргызстан. (Бернштам, Археологические памятники, с. 17; Куропаткин, Кашгария, с. 219, Материалы по Киргизии, с. 23).

ГЛАВА 28

1. «Та'рих-и джахангушай» 'Ала'аддин Ата Малика б. Баха'аддин Мухаммада ал-Джувайни (623/1225—681/1283) — история монголов от возвышения Чингиз хана до экспедиции Хулагу хана против исмаилитов в 654/1256 г. (Сторн, т. II, с. 759—700).
2. Чагирак — имеется в виду место проживания многочисленного и богатого кочевого племени чагирак— Ферганская долина, выше Андижана. (М а ш р а п о в Т. Т. «Та'рих-и Рашиди» Мирзы Хайдара о ферганских киргизах//ОНУ. 1986. № 12. С. 44 и сл.).

ГЛАВА 29

1. Кул-и Малик — расположен между Бухарой и Самаркандом.
2. Йетти-кудук. В «Зафар-наме» упоминается Йетти-кудук вблизи Джизака(Дизаха)—ташкентское издание «Зафар-наме», с. 272.
3. Коран, II, 250(249).

ГЛАВА 30

1. Бисканд — Пскент, город в 46 км к юго-востоку от Ташкента.

ГЛАВА 32

1. Сайрам — см. кн. первая, гл. 17, прим. 4.

ГЛАВА 33

1. Сарайчук — город на Урале, близ устья Яика.
2. Каратал — название реки, впадающей в оз. Балхаш с юга.

ГЛАВА 34

1. Коран, II, 19(20). 656
2. Джуд — по-видимому, имеется в виду местность по берегам реки Чу (Джу)— Бартольд, Рецензия, с. 71.

ГЛАВА 38

1. Султан Салим I—турецкий султан, правил с 918/1512 по 926/1520 гг. (Босворт, Мусульманские династии, с. 185).

2. В тексте «Ибир ва Сибир» — искаженное переписчиком написание слова «Аспара» (см. Материалы, с. 374; Чурас, Хроника, с. 102, прим. 40). Аспара — ныне село Чалдывар. Городище древней Аспары расположено к западу от Чалдывара, на р. Ашпара в Чуйской долине, на границе Казахстана и Кыргызстана. (Бартольд, Древнетюркские надписи, с. 30); Бернштам, Археологические памятники, с. 18; Его же, Археологический очерк, с. 69).

ГЛАВА 40

1. «Маджмат ат-таварих» — имеется в виду сочинение «Джами ат-таварих» Рашидаддина (645/1247—1248-718/1318).
2. Сатук Багра хан — первый представитель тюркской династии илек-ханов (Караханидов), принявший ислам. Годом его смерти считается 344/955 г. (Бартольд, Туркестан, ч. 1, с. 315; Его же, Кашгар, с. 456; Его же, Богра хан, с. 506; Чурас, Хроника, с. 265).
3. Кучлук сын Тайанг хана наймана — в 1211 г. лишил власти гурхана кара-китаев. (Бартольд, Кара-Китай, с. 546).

ГЛАВА 41

1. Султан Мухаммад-хорезмшах (596/1200—617/ 1220 гг.), погиб в конце 1220 г. на одном из островов Каспийского моря. (Бартольд, Двенадцать лекций, с. 132).
2. Эмиль — река в Тарбагатае, впадающая с востока в озеро Алакуль. Долина реки известна своими пастбищами. Близ современного г. Чугучака, недалеко от впадения реки в озеро, стоял ныне не существующий г. Эмиль, основанный кара-хитаями. (Чурас, Хроника, с. 155; Калмыкова, Северо-Западный Китай, с. 65; Материалы по Киргизии, с. 139).
3. Кийалик (Кибак, кийак) — местность западнее Копала в Семиречье, к северу от Или.
4. Бишбалик — город находился севернее современных городов Урумчи и Турфана в Синьцзяне. В XIII в. Бишбалик был наряду с Караходжой (ок. нынешн. Турфана) столицей уйгурского правителя. (Бартольд, Бишбалик, с. 374—376; Петров, К истории движения, с. 51, прим. 110).
5. Алмалик (Алмалык) — ныне город к северо-западу от г. Кульджи в Синьцзян-Уйгурском автономном округе КНР. В XVI в. город был в развалинах. (Пантусов, Город Алмалык, с. 162, 171; Пищулина, Юго-Восточный Казахстан, с. 134).
6. Финакет (Бенакет, Бенакент) — город, разрушенный монголами, впоследствии восстановленной Тимуром под названием Шахрухна, в честь своего старшего сына Шахруха. Ныне развалины Шахрухана находятся на правом берегу Сырдарьи, в 15 км выше впадения в нее р. Ангрэн. (Бартольд, Туркестан, с. 226; Материалы, с. 501, прим. 141).
7. Баласагун — город-крепость, развалины которого расположены в 12 км к юго-западу от г. Токмач на р. Чу. В 1117—1218 гг. он был столицей кара-хитаев и назывался Хасун Орду. В 1218 г. был переименован монголами в Гобалик; в XIV в. город прекратил свое существование. А. Н. Бернштам, обследовавший в 1938—1939 гг. городище Ак-Бешим около Токмака, идентифицировал его с Баласагуном. (Бартольд, Баласагун, с. 355; Бернштам, Археологические памятники, с. 7, 41; Беленицкий, Бентовит, Большаков, Средневековый город, с. 11; Байнаков, Ерзакович, Древние города, с. 31—32).
8. Джинудж (Хшу, Хишу?)—река выше Чу
9. Ханбалик, т. е. Пекин.
10. Коран, II, 168(173).
11. Сам Мухаммад Хайдар на лл. 231б, 232а своего сочинения говорит, что эта местность находится в Бадахшане и что бадахшанцы называют ее Даразуханом, а кашгарцы — Сариг Чупаном.

ГЛАВА 42

1. Керйа (Керия) — см. кн. первая, гл. 26, прим. 5.
2. Хуха (Джарйа), очевидно, Чира — район к востоку от Хотана (в Хотанской области). (Материалы по Киргизии, с. 191).
3. Куш Гумбаз, очевидно, Кук Гумбаз — селение в Чира. (Чурас, Хроника, с. 163, 278).
4. Кизил — селение в Кашгарии, на дороге из Йарканды в Йанги-Хисар, в 75 км к северо-западу от Йарканды. (Материалы, с. 554, прим. 23).
5. Кук Рабат — селение в 35 км от Йарканды (Яркенда). (Скрайн, с. 66).
6. Сариг Кул (Сарыколь) — область западной и юго-западной окраины Восточного Туркестана; долина по восточному склону Сарыкольского хребта Памирского нагорья в бассейне рек Туманчи, Ташкурман и их составляющих. (Чурас, Хроника, с. 283; Военно-статистическое описание, т. II, с. 31; Мурзасв, Природа, с. 350).
7. Кара Каш и Урунг Каш — притоки Хотан-дарьи; первый начинается к югу от Карангутага — хребта Куэн-Луны, второй — к югу от Гобалика. (Корнилов, Кашгария, с. 187).
8. Йусуф Кадр хан, сын Богра хана, Караханид, владетель Кашгара, умер в 424/1032 г. (Бартольд, Двенадцать лекций, с. 80).

ГЛАВА 43

1. Туйун Баши — пограничная область между Моголистаном и Кашгарией. С перевала Туйун начинается граница Кашгарии с Ферганой. (Корнилов, Кашгария, с. 58).
2. Река Туйун Баши берет начало на восточном склоне перевала Суяк и название Туйун получает после впадения в нее ручья Каракурумбулак от высоты Туйун-тюбе. (Корнилов, Кашгария, с. 293).

ГЛАВА 44

1. Сариг Кул, гора — см. гл. 42, прим. 6.

ГЛАВА 47

1. Санджу — название хребта в Куэн-Луэ; перевала, расположенного на пути от Кильянского хребта в долину Кара-каша; реки, вытекающей из ледников северного склона перевала, и ныне одноименного районного центра. (Корнилов, Кашгария, с. 129, Ласточкин, Восточный Туркестан, с. 26; Скряин, с. 125; Мурзаев, Природа, с. 349—350).
2. Карангутаг — главный хребет центрального Куэн-Луэ между прорывами рек Кара-каш и Урун-каш до перевала Су-баши. Там производилась разработка залежей нефрита. (Корнилов, Кашгария, с. 12; Ласточкин, Восточный Туркестан, с. 24, 54; Скряин, с. 125; Мурзаев, Природа, с. 342; Материалы, с. 518, 567. прим. 3).

ГЛАВА 50

1. Коран, VI, 164(164).

ГЛАВА 55

1. Коран, XIX, 5(5)
2. Коран. XV, 53(53).

ГЛАВА 57

- 1 «Кувват ал-кулуб» — сочинение по суфизму Абу Талиба Мухаммада б. 'Али (ум. в 386/996 г.).
2. Коран, XXVII, 34(34).
3. Коран, XXXV, 19(18).

ГЛАВА 58

1. Джан Туба — гора в Тарбагатае и равнина, распочоженная на высоте 2100 м. (Обручев, По горам, с. 116; Скряин, с. 111).
2. Джам — селение в 32 км от г. Аксу по дороге в Бай в Восточном Туркестане. (Корнилов, Кашгария, с. 344; Куропаткип, Кашгария, с. 276; М а т е р и а л ы, с. 550, прим. 62).
3. Арбат — селение в Восточном Туркестане на пути из Аксу в Бай, к востоку от Джама (М а т е р и а л ы, с. 558, прим. 22).

ГЛАВА 59

- 1 Сунгташ (Сангташ) — перевал на восточной «конечности Кунгей-Алатау. Городище Сангташ расположено на правом берегу реки Иссык-Ага недалеко от выхода ущелья в долину Чу. (М а с а л ь с к и й, Россия, с. 706; К о ж е м я к о, Раннесредневековые города, с. 16).

ГЛАВА 60

1. Коран, IХI, 4(4).

ГЛАВА 61

1. Барс Каун (Барскаун) — перевал на западном участке Терскей-Алатау в верховьях речек Барскаун, южного притока озера Иссык-Куль, и южный Барскаун, правого притока речки Яик-таш, верховья Большого Нарына. (Корнилов, Кашгария, с. 81, 337; Военно-статистическое описание, I, с. 227). Есть город Барсхан на берегу Иссык-Куля. (Бартольд, Отчет о поездке в Среднюю Азию, с. 32; Его же, Барскаун, с. 377; Его же, Иссык-Куль, с. 437—438).
2. Джауку — перевал на пути из Пржевальска в Уч-Турфан. (Военно-статистическое описание, II, с. 5).
3. Коран, VI, 39(39).

ГЛАВА 64

1. Гунд — приток Амударьи, в своем начале он называется Аличур. (К о р ж е н е в с к и й, Средняя Азия, с. 108—109)

ГЛАВА 66

1. Сиви — город недалеко от Мультана в Индии.
2. Татта (Тхапа)—область и город по нижнему течению Инда. (История Индии в средние века, с. 241 и сл.; Ашрафян. Делийский султанат, с. 203 и др.).

3. Уча (Уч) и Бакар (Бхаккар)—древние города, расположенные к северо-западу от Мультана в Индии.
4. Битва при Панипате произошла 21 апреля 1526 г. (История Индии в средние века, с. 382).
5. Султан Ибрахим — сын Султана Искандара Лоди (ок. 923/1517—932/1526 г.), убит в битве при Панипате. (Бабур-наме, с. 309—311; Босворт, Мусульманские династии, с. 244).

ГЛАВА 67

1. «Сувар-и акалим»— IV том «Джами ат-таварих» Рашидаддина Фазлаллаха (645/1247—1248— 718/1318 г.)—географическое описание мира с описанием дорог и почтовых станций монгольской империи и картой, начерченной по системе, которая была разработана самим Рашидаддином. (Стори (Брегель), с. 306).
2. «Тариф-и булдан» — географическое описание стран. Авторство труда установить не удалось.

ГЛАВА 68

1. Коран, XIV, 40(37).
2. Каракиз — название перевала на горе Кок Ёарим-тау. (Военно-статистическое описание, II, с. 9).
3. Салингам — Селенгай, река в Монголии.
4. Тангут, в XI в. одному тибетскому народу, тангутам, удалось отнять область нынешнего Ганьчжоу в Китае у уйгуров и основать здесь свое государство, которое впоследствии было покорено монголами; области с тех пор было присвоено наименование Тангут. (Бартольд, Двенадцать лекций, с. 51).
5. «Сурах ал-лугат» — имеется в виду известный арабско-персидский словарь «Сурах мин ас-Сихах» Абу-л-Фазла Мухаммада б. Умар б. Халида, по прозванию Джамал ал-Карши (род. в Алмалыке в 628/1230 — 1231 г.), представляющий собой сокращенную переработку и перевод на персидский язык известного толкового арабского словаря «Сихах ал-лугат» Абу Наср Исмаила б. Хаммад Фараби Джаухари (ум. в 393/ 1003—1004 г.). Словарь Джамала ал-Карши завершен в 1282 г. (Б а е в с к и й, с. 89).
6. «Мулхакат ас-Сурах» — историко-географический словарь того же Джамала ал-Карши; дошел до нас не полностью. (Бартольд, Мулхакат ас-сурах, Соч., т. VIII, с. 98 и сл.).
7. Джуд, (здесь Чу — см. кн. вторая, гл. 34, прим. 2).
8. Минара (Бурана)—городище расположено на обоих берегах р. Бурана, в 15 км к югу от г. Токмака, на восточной окраине села Дон-Арык. Название «Бурана», вероятнее всего, происходит от неправильного произношения слова «минара» — названия минарета (V—XI вв.), развалины которого находятся на месте старого поселения Кирмирау, у Токмака. (Бернштам, Археологические памятники, с. 19, 40—41).
9. Ёумгал (Джумгал) — см. кн. первая, гл. 24, прим. 3.
10. Тика, возможно, река Текес, начинающаяся у Иссык-Куля. (Росс, с. 365, прим. 2).
11. Байкол — очевидно название местности. (Бартольд, Рецензия, с. 72)
12. Барс Кул — озеро Баркуль, расположено к северу востоку от Хами (Комула). — Материалы, с. 530, прим. 167.
13. Эмиль — см. кн. вторая, гл. 41, прим. 2.
14. Иртиш (Иирташ) — река, относящаяся к системе р. Тарим; берет начало в ледниках у южного склона хребта Терсей-тау. (Военно-статистическое описание, I, с. 43).
15. Кукча Тенгиз — озеро Балхаш.
16. Каратал — река, впадающая с юга в озеро Балхаш.
17. Академик Л. С. Берг, обследовавший озеро Балхаш в 1903 г., пришел к заключению, что оно до недавнего времени было пресным. (Берг, Отчет, с. 10—11).
19. Кулзум — Каспийское море.
20. Атил (Итил, Идиль) —по мнению В. В. Бартольда, очевидно, речь идет о реке Волга, о верховьях которой мусульманские авторы всегда имели самое смутное представление. (Бартольд, Рецензия, с. 72).

ГЛАВА 70

1. Коран, LXVI, 8(8).
2. Коран, LXVI, 8(8).
3. Ёасавийе — суфийский орден, получивший известность благодаря особо чтимому шейху Ахмаду Ёасави (ум. в 562/1167 г.).

ГЛАВА 71

1. Коран, II, 222(222).

ГЛАВА 75

1. Коран, VI, 72(73).
2. Коран, II, 215(218).
3. В тексте «Иси». Здесь имеется в виду перевал Ясы на пути из долины Ат-Баши в Узгенд.

ГЛАВА 76

1. В Л₁ 171 а — «Рабат перед Ат-баши».
2. Кункаш-Кунгес — приток в верховье р. Или. Хас — озеро и обширная впадина в горах Куэн-Луния

границе Синьцзяна и Цинхя. (Мурзаев, Природа, с. 339; Корженевский, Средняя Азия, с. 115)

ГЛАВА 79

1. Очевидно, современный Ламган, кишлак близ г. Куляб в Таджикистане. Развалины старинной крепости с остатками третьего ряда окружавших ее некогда стен находятся в 25 верстах к юго-западу от Курган-Тюбе на берегу Вахша; у развалины крепости имеется переправа через Вахш. (Масальский, Россия, с. 738; Маев, Географический очерк, с. 356).

ГЛАВА. 80

1. Хумайун мирза — старший сын Бабура, наследовал власть отца в Индии после его смерти в 937/1530 г. и правил с перерывом (947/1540—962/1556) до 963/1556 г. (Босворт, Мусульманские династии, с. 268, История Индии в средние века, с. 383 и сл.; Синха, Банерджи, История Индии, с. 214).

ГЛАВА 82

1. То есть «Тайные моления» Абу 'Али Даккака Нишапури (ум. в 405/1014—1015 или в 406/1015—1016 г.).

ГЛАВА 83

1. Маулана Джалаладдин Давани — Джалаладдин Мухаммад б. Ас'ад Сиддики Давани, (ум. в 908/1502—1503 г.), известный как автор «Ахлак-и Джалали», родился в 830/1426—1427 г. в Давани, около Казеруна; был казием Фарса и преподавателем в медресе Дар ал-Айтам в Ширазе (Стори, с. 845).
2. Очевидно, «Таджрид ал-ака'ид» Насираддин Мухаммада Туси (ум. в 673/1273 г.).
3. «Муджиз». Автором его является Абу-л-Фазл Мухаммад б. Аби Йазид Тайфур Саджаванди ал-Газнави (ум. в 560/1164—1165 г.). (Сипахсалар, I, с. 193)

ГЛАВА 84

1. Шахназ — название реки, местности и пункта к западу от Кашгара, через который шла дорога в Бадахшан. (Чурас, Хроника, с. 131; Росс, с. 398, прим. 2).
2. Лахор — древний город, известен с VII в., особого расцвета достиг в период правления Бабуридов в XVI—XVII вв.
3. Шайх Пул — был хорошо известен в Индии как святой и чудесник. Убит в Агре в 1537 г. приверженцами Хиндала мирзы. (Beale, с. 310; Росс, с. 399, прим. 1).

ГЛАВА 85

1. Здесь игра слов — обыгрывается имя собственное Хумайун и имя нарицательное Хума — мифическая птица, приносящая счастье тому, на кого при полете упадет ее тень.
2. Шах Тахмасп I (930/1524-984/1376) — Сефевид, правил в Иране после смерти своего отца Шаха Исма'ила I. (Босворт, Мусульманские династии, с. 226).
3. Коран, VII, 178(179).
4. Увайс Карани (ум. в 22/643 г.) — основатель суфийского ордена увайсийя, современник Мухаммада; согласно легенде вел в пустыне жизнь отшельника, и Мухаммад, умирая, завещал ему свой плащ. (С В Р, т. III, с. 139, №2102).
5. Султан Байазид Бистами (Абу Язид Бистами) — ум. в 261/875 или в 264/878 г. — признанный суфийский авторитет, о котором до нас не дошло почти никаких более или менее достоверных сведений. (СВР, т III, с. 223; № 2293).
6. Джа'фар Садик (ум. в 148/765 г.) — шестой шиитский имам.
7. Коран, XXXIII, 52(52).
8. Абу Бакр Сиддик (11/632—13/634 г.) — первый из четырех преемников пророка Мухаммада, известных под титулом «правверных халифов». (О нем см. Большаков, История халифата, т. I, с. 189 и сл.).
9. Мулла-йи Рум — Джалаладдин Руми (ум. в 672/1273 г.), известный суфийский шейх, основатель ордена маулави, поэт. Его перу принадлежит знаменитая суфийская поэма «Маснави» («Двустиишие») в шести книгах, сопровождаемая многочисленными притчами, рассказами и проч. (СВР, т. II, с. 65, № 884).

ГЛАВА 86

1. 'Абдалхалик б. 'Абдалджамил-и Гиждувани (ум. в 575/1179 г.) — один из основоположников и теоретиков дервишеского ордена ходжагон. Он составил биографию своего наставника Ходжа Йусуфа Хамадани (ум. в 535/1140 г.) «Макамат-и (или «Манакиб-и) Ходжа Йусуф Хамадани» — СВР, т. III, с. 172, №2174.

ГЛАВА 87

1. Подсчет числового значения букв в хронограмме «фатх ба даулат» («счастливое завоевание») дает 930/1524 год, что разнится от действительной даты, известной в истории, на два года — 932/1526.
2. Султан Искандар Авган — Сикандар (Искандар) II б. Бахлул (855/1451—894/1489 гг.), второй правитель из индийской династии Лоди. (Босворт, Мусульманские династии, с. 244).
3. Рана Санга (Санграма Сингха) — один из могущественных раджей Индии, основным владением

которого был Читор (Мевар, Удайпур); оказывал сильное сопротивление войскам Бабура, однако 27 марта 1527 г. в битве при Кхануа потерпел полное поражение. (История Индии, с. 213; Бабур-наме, с. 315; Веале, с. 329; Азимджаиова, Государство Бабура, с. 123).

4. Гуджарат — особенно богатая провинция, чему способствовало и ее географическое положение — торговые и морские связи с другими побережьями Индийского океана. В 890/1573 г. Гуджарат был присоединен к Могольской империи (первое завоевание) — Босворт, Мусульманские династии, с. 257.

ГЛАВА 88

1. Му'джам ал-булдан — известный географический словарь Йа'кута (Якута) — его имя — Шихабдин Абу Абдаллах ал-Хамави (ум. в 626/1229 г.). В сочинении собран обильный материал, перечисляются почти все города и важные селения мусульманских стран. (К р а ч к о в с к и й, Арабская географическая литератур; с. 330 и сл.; Бартольд, Туркестан, с. 82).

ГЛАВА 89

1. Хочжоу — город в Китае на правом притоке р. Хуанхэ («Желтой реки»).

2. Салар — народность, ныне проживающая в провинциях КНР Чинхай и Ганьсу (численность — более 62 тысяч) — см.: О Китае, Национальные меньшинства Китая. Пекин, 1983.

Здесь Мирза Хайдар имеет в виду места, населенные народностью салар.

3. Канджанфу — позднее Синганфу (у Бичурина — Сианьфу) — столица провинции Китая Шенси. (Бичурин, Собрание сведений по исторической географии, с. 285; Росс, с. 404).

4. Топоним Скардо существует поныне, однако перевала под таким названием в настоящее время здесь нет. (Бартольд, Тибет, с. 512; Спейт, с. 419).

5. Султанпур — новое название города Варангал, столицы Теминганы, переименованного делийским султаном Мухаммад Тутлаком в Султанпур после его победоносного похода туда в 1321 — 1323 гг. (Ашрафян, Делийский султанат, с. 67).

6. Баджвара — древний индийский город вблизи р. Сатледж, недалеко от Пхилора. (Росс, с. 405, прим. 5).

7. Урдук — город Рудок, ныне важный торгово-транзитный пункт на пути из Кашмира в Тибет и далее в Синьцзян через перевал Каракорум.

8. Бхира — город на левом берегу реки Джелам, часто упоминается Бабуром. (Бабур-наме, с. 259 и др.; Росс, с. 406).

9. Канджу и Сакджу Китая — это большой город Ганьчжоу и оазис Сучжоу провинции Ганьсу. (Обручев, От Кяхты, с. 109).

10. Название Нилаб мусульманские историки вплоть до XVII в. относили к р. Инд (Росс, с. 406).

11. Бхира — ныне р. Джелам.

12. Река Баджвара — Сатледж (Росс, с. 406; Спейт, с. 43).

13. Синд — Инд.

14. Река Джун — Джамна.

15. В тексте Кук Надир (в переводе Росса: «Кук Наур»). Если Мухаммад Хайдар имел в виду бессточное соленое озеро Кукуноор — самое большое озеро Тибетского нагорья, то он ошибается в своем заявлении о впадении в него реки Кара-Каш, которая в действительности впадает в оз. Лобнор. Он неправ и в том, что река Керия впадает в Кукуноор — она теряется в песках. (Росс, с. 406, прим. 5; Обручев, От Кяхты до Кульджи, с. 150 и сл.).

16. Названия Марйул ныне не существует. Относительно определения данного наименования в научной литературе существуют разные мнения: одни считают, что оно применялось к собственно Ладаку вместе с Нуброй и др.; другие — только к Ладаку, третьи переносят его на весь Балти (Балтистан). Д. Росс предполагает, что это название относилось только к главному городу Ладака — к г. Леху. (Росс, с. 410, прим. 1).

ГЛАВА 91

1. Шакья Муни — одно из многочисленных имен Будды, основателя и проповедника буддизма.

ГЛАВА 93

1. Коран, XVII, 83(81).

ГЛАВА 94

1. Зодиакальный знак Льва соответствует месяцу июлю и считается неблагоприятным созвездием. Здесь июль — август 938/1532 года.

2. Зодиакальный знак Девы приходится на август — сентябрь 938/1532 года.

ГЛАВА 95

1. Джоу — по свидетельству Н. Я. Бичурина — древняя административная единица, может обозначать область, областной город и даже «местность», «территория», «страна» (Собрание сведений по исторической географии, с. 739). Здесь слово джоу в значении «правитель».

2. Коран, XXXV, 31(34).

ГЛАВА 96

1. Зодиакальный знак Скорпиона приходится на октябрь — ноябрь, что не соответствует указанному тут же Мухаммад Хайдаром месяцу джумад-и сани.
2. Узкое труднодоступное ущелье на пути реки Синд к р. Джелам называлось Ларом. (Росс, с. 423, прим 3).

ГЛАВА 97

1. Коран, XXXIV, 14(15).
2. Мачино в ту эпоху назывался южный Китай, а северный — Хитай (термин «Чин» — «Син», арабов — европейское «Чина» означает Китай в собственном смысле слова) — Рашидаддин т. I, кн. 1, с. 160; М а р к о П о л о, Путешествие, с. 158 и сл.
3. Коран, XXXVI, 78(78).
4. Коран, XV, 29(29).
5. Коран, VI, 95(95).
6. Коран, LXVI, 8(8).

ГЛАВА 98

1. Вилаят Барнаг (Вирнаг)—в восточной части Кашмира, отличался замечательными природными условиями. (Росс, с. 428, прим. 1).
2. Зодиакальный знак Тельца соответствует апрелю — маю.
3. Нагам — небольшое селение к югу от Сринагара (Росс, с. 428, прим. 2).
4. Див Сар (Део Сар) —ныне несуществующее название района в верховьях р. Джелам (Росс, с. 428, прим. 3).
5. Описание озера Улур, самого большого в Кашмире, приводит Илайес (см. Росс, с. 429, прим. 1).
6. Султан Зайн ал-'Абидин (823/1420 — 875/1470 гг.)—вошел в историю как просвещенный правитель; отличался веротерпимостью к индусам, под его покровительством был осуществлен перевод с санскрита на персидский язык «Махабхараты» и стихотворной хроники Кашмира «Раджатарангини» («Поток царей») и т. п. (История Индии, с. 180; Босворт, Мусульманские династии, с. 254 и сл.).

ГЛАВА 99

1. Джазаир-и Са'да («Острова счастливых», «Острова обитаемых») — здесь древние арабские географы помещали начальный меридиан. На локализацию Джазаир-и Са'да указывает И. Ю. Крачковский: «Это— море, по которому не плавают корабли; шесть островов, которые находятся на нем напротив земли ал-Хабаш [Абиссиния] — острова обитаемые и называются также «Острова счастливых» (Крачковский, Арабская географическая литература, с. 102; Росс, с. 430, прим. 2).
2. Сринагар (букв. — «святой город») — ныне административный центр и главный город штата Джамму и Кашмир в Индии. Расположен вдоль обоих берегов р. Джелам, выполняющей роль главной улицы; город пересекается рядом каналов с лодочным сообщением (иногда Сринагар называют «азиатской Венецией»).
3. Джумла — современная р. Джелам (у ряда восточных авторов она фигурирует под названием «Джамд» — Хафиз-и Аbru, 'Абдарраззак Самарканди и написание «Джумла», как справедливо заметил Росс (с. 431, прим. 1), по-видимому, искаженное «Джамд».
4. Коран, I, 7(7).

ГЛАВА 100

1. Имя Надир обычно выбито на монетах Кашмира, в исторических же сочинениях оно чаще встречается в форме Назак (Назук) — Росс, с. 434, прим.
2. Босворт приводит следующие даты правления Назука: 933/1527—935/1529; 947/1540 —вторично и 958/1551—959/1552 — третье правление (Мусульманские династии, с. 254).

ГЛАВА 101

1. Фатх-шах приходил к власти дважды: в 895/1490—903/1498 гг. и в 904/1499—905/1500 гг. (Босворт, Мусульманские династии, с. 254).
2. Талиш — область на севере персидской провинции Гилян. (Бартольд, Талыш, с. 494).
3. Рафизиты — одно из распространенных прозвищ шиитов (Ислам, Энциклопедический словарь, с. 198).

ГЛАВА 102

1. Тир — четвертый месяц персидского солнечного года — июнь.
2. Дей — десятый месяц персидского солнечного года — декабрь.

ГЛАВА 103

1. Мухаммад шах приходил к власти четыре раза: 894/1489—895/1490 гг.; 903/1498—904/1499 гг.; 905/1500—932/1526 гг.; 935/1529—939/1533 гг. (Босворт, Мусульманские династии, с. 254).

ГЛАВА 104

1. Коран, LV, 19(19).

ГЛАВА 105

1. Илайес отождествляет перевал Сакри с двумя известными перевалами — Кардунг (севернее города Леха) или Дигар (к востоку от Кардунга) — Росс, с. 44.5, прим. 3.
2. Коран, LXXXIX, 28(28).
3. Коран, II, 151(156).
4. «Маджмаг ат-таварих» — имеется в виду сочинение «Джами' ат-таварих» Рашидаддина.

ГЛАВА 106

1. Халил-Султан б. Мираншах (807/1405 до 812/1409) — внук Амира Тимура, для которого он образовал государство, включив в него Грузию, Армению и Арран. Однако Халил-Султан, участвуя в последнем походе Тимура на Китай, этим не воспользовался и, будучи популярен среди войска, захватил Самарканд. Был низложен сыном Тимура Шахрухом (807/1405— 850/1447 гг.)— Бартольд, Место прикаспийских областей, с. 745; Босворт, Мусульманские династии, с. 217.
2. Агриман (Ахримап) — имя бога зла и властителя дивов в древней религии зороастризма.

ГЛАВА 108

1. Коран, II, 151(150).

ГЛАВА 109

1. Шайа — поселение около 8 миль к юго-востоку от Леха, на правом берегу Инда. Выше селения на холме находилась резиденция правителей Ладаха (Росс, с. 460, прим. 1).
2. Сут (Сот)—группа деревень, обычно называемых Каргил; Сут, возможно, другое название Каргил (Росс, с. 462, прим. 1).
3. Коран, II, 150(155).
4. Коран, II, 151(156).

ГЛАВА 110

1. Таганак — пункт на р. Йарканд (Таканак — на карте), ниже Кулан-улди (Росс, с. 464, прим. 1).
2. Вахан — историческая область по обоим берегам верхнего Пянджа и его притоков между Ваханским хребтом и Гиндукушем.
3. «Бустан» — известное сочинение, принадлежащее перу знаменитого персидского поэта Шейха Муслихаддин-и Са'ади-йи Ширази (ум. в 690/1291 г.)— С В Р, т. II, с. 83, № 934 и сл.).
4. Сам Мирза б. Шах Исма'ил Сефеви (род. в 923/1517—ум. в 984/1576 г.) известен в истории в основном как поэт и историк литературы — его перу принадлежат жизнеописания и антология персидских поэтов «Тухфа-йи Сами» («Самов подарок»), написанный в 957/1550 г. и представляющий собой ценный источник. (СВР, т. I, с. 128, № 308; Рипка Ян, История с. 334).
5. Мир Ходжа-йи калан — Бабур постоянно упоминает его в своих «Воспоминаниях» и пишет о нем как о близком ему и доверенном человеке. (Бабур-наме, с. 163, 254 и др.).

ГЛАВА 111

1. Анвари — тахаллус выдающегося мастера панегириков Аухададдин 'Али б. Вахпдаддн Мухаммад б. Исхак Анвари (род. около 1126 г. в Абиварде; год смерти примерный—1169). Жил и творил при дворе Сельджукида Санджара (511/1118—552/1157) — Рипка Ян, История, с. 195 и сл.
2. Шир хан Сур (род. прим. в 1472 или 1486 г.), первоначальное имя Фарид — афганский вождь из южного Бихара, успешно боролся с Хумайуном, ему даже удалось изгнать его на время из Индии. После победы над Хумайуном Шир хан короновался на царство, основав династию Суридов; годы его правления — 947/1540—952/1545 гг. (История Индии, с. 215 и сл.; Босворт, Мусульманские династии, с. 244).
3. Рохтас—сильная крепость в Пенджабе, построенная Шир ханом (История Индии, с. 217).
4. Так во всех списках и в переводе Росса (с. 470)—по-видимому, непонятое или испорченное переписчиками Буксара (Баксара) — решающее сражение между Хумайуном и Шир ханом произошло у Чаусы близ Буксары 27 июля 1539 года. (История Индии, с. 216).
5. Коран, IV, 142(143).
6. Точная дата этого события — 27 июля 1539 года. (История Индии, с. 216).

ГЛАВА 112

1. Кафа — средневековый город на южном побережье Крымского полуострова — ныне Феодосия. (Бартольд, Кафа, с. 453 и сл.).
2. День Ашура — день траура (10 мухаррама) по шиитскому имаму ал-Хусайну, погибшему в сражении при

Кербела 10 октября 680 г. (Ислам, Энциклопедический словарь, с. 33).

3. Коран, LXXXIX, 22(21).

ГЛАВА 113

1. Шах Хусайн Аргун — третий и последний представитель династии Аргунов; правил с 1524 по 1554 г. (Росс, с. 483, прим. 2).

2. Область Сирхинд находилась в наследственном владении семьи афганских военачальников династии Лоди. (История Индии в средние века, с. 271; Бабур-наме, с. 316).

3. Саранг — здесь имя собственное (упоминается еще раз в тексте на л. 318а). Султан Саранг — глава такхаров, горных племен Пенджаба, примкнувших к Бабуру и ставших его союзниками, чтобы избавиться от ига Даулат хана, наместника Лахора. (История Индии в средние века, с. 382; Росс, с. 479, прим. 1).

ГЛАВА 114

1. Чак и Макри — два влиятельных дома в Кашмире, начиная с середины XIV столетия с начала правления первых исламских султанов (Шах Мир) соперничество которых было причиной наибольших беспорядков. (Росс, с. 482, прим. 1).

ГЛАВА 115

1. Наушахр — селение у подножия холмов Раджаори (Росс, с. 483, прим. 1).

ГЛАВА 116

1. Коран, III, 25(26).

2. Андаркул — по мнению Илайеса правильное произношение «Индракот» и находилось это место, по видимому, недалеко от современной Барамулы. (Росс, с. 485, прим. 2).

3. Коран, LXI, 13(13).

4. Коран, II, 250(249).

5. Коран, XXXIII, 22(22).

6. Хронограмма дает 938 год, что расходится с упомянутым выше самим автором 948 годом (л. 320 б).

ГЛОССАРИЙ

Авмак (аймак, омак) — восточно-тюркское слово, имеющее примерно одинаковое значение со словом «иль» и чаще встречающееся в тюркских диалектах. Первоначально оба слова означали «племя», но позже употреблялись и для обозначения больших племенных союзов как политических объединений.

Ансары (мн. ч. от «насир» — арабск. «помощник») — сподвижники Мухаммада, а именно жители Ясриба (Медины), поддерживавшие Мухаммада после хиджры и предоставившие убежище ему и другим мусульманам, переселившимся из Мекки — мухаджирам

Арк — цитадель, крепость.

Асхабы—сподвижники Мухаммада (см. ансары).

Атабек — наставник, опекун наследных принцев.

Аталик — букв., «заступивший место отца», высшее должностное лицо при наследнике престола.

Ахтаци — одна из десяти учрежденных Чингиз ханом придворных должностей «заведующего поставок овец»; у Рашидаддина то же самое лицо именуется конюшим придворных табунов.

Бадж — дань, а также дорожная пошлина (в XVI — XVIII вв. известная также под словом «рахдари»).

Бакавул — придворная должность стольника, следившего за исправным состоянием государевой кухни.

Бахадур — со времен Чингиз хана один из титулов феодализованной военно-кочевой знати; употреблялся и в первоначальном исконном значении — «богатый», «герой».

Бахши — термин многозначен. Одинаково прилагался как к уйгурским писцам, находившихся при дворе Тимуридов вплоть до последних представителей этой династии, так и к буддийским монахам.

Берат — документ, выдававшийся ханом сборщикам налогов и дававший право на сбор с населения установленного количества налога в пользу казны.

Вакф — недвижимое имущество или иная собственность, завещанные на богоугодные и благотворительные дела.

Вилайат—административная единица; область, в которой имелся правитель — хаким, назначавшийся главой государства.

Газ (гяз)—мера длины, приблизительно равная 90 см.

Газават — священная война за мусульманскую веру.

Гази—воин, сражавшийся за мусульманскую веру, участник газавата (см. газават).

Газ-и мата — мера измерения длины материи.

Гиджак — народный смычковый инструмент с тремя, четырьмя и семью струнами.

Гулам — название воина личной гвардии халифа, а также местных владельцев на Востоке. Гвардия в основном формировалась из купленных рабов (гуламов).

Гураган — от монг. слова «зять»; так называл себя Тимур и некоторые из его потомков, породнившиеся, следуя его примеру, с домом Чингиз хана.

Гурхан— титул правителя кара-китаев.

Гушаки — угол комнаты, отгороженный материей, куда в день свадьбы усаживали жениха и невесту.

Даруга — правитель, ханский наместник в городе; в обязанности даруги входило общее управление, наблюдение за правильным поступлением налогов и исполнением повинностей. В XV—XVI вв. термин «даруга» употреблялся в более широком значении — правитель, управляющий, заведующий вообще.

Дастархан — обеденная скатерть, низкий обеденный стол.

Дервиш — общин термин для обозначения члена суфийского братства, синоним термина суфий. Дервиши делились на две большие группы: бродячие, постоянно странствовавшие, жившие в обители под руководством «святого старца» (шайх пир), или дома, которые занимались своими делами, но были обязаны отправлять особые молитвы братства и присутствовать на общем зикре в обители.

Дехкане — в тот период этот термин означал собственника земли, и мелкого и крупного.

Джанпа — название кочевого населения Тибета.

Джариб — единица измерения земельной площади, в средневековом Иране различная для разных местностей. По Хамдаллаху Казвини — 2 900 м².

Джете — букв. «разбойник», «скиталец». Пренебрежительное название моголов Чагатаями, осевшими в Мавераннахре, за то, что те сохраняли кочевой, «варварский», «разбойничий» образ жизни.

Джизна — подушная подать с иноверцев в мусульманских государствах.

Джубба — верхняя одежда, халат.

Диван — термин, заимствованный у сасанидской Персии, для обозначения счетоводства и канцелярии. Слово «диван» употреблялось также в значении собрания документов, которые удостоверяли права отдельных родов или категорий лиц на содержание из казны. Диван — также собрание стихотворений какого-либо поэта.

Диванхана — помещение, где размещался диван. Диваны располагались обыкновенно в здании, где жил государь.

Динар — название монеты, претерпевшей эволюцию от золотой (примерно до XIV в.) и серебряной до медной (с конца XV в.). Золотой динар содержал в среднем 4,25 гр. золота.

Дирхем — серебряная монета и мера веса.

Дутар — старинный двухструнный музыкальный инструмент.

Закат — налог с имущества, взимаемый, согласно шариату, в пользу бедных.

Зикр — в обычной молитве верующих зикр — многократное поминание Аллаха. Суфийские братства создавали свой ритуал зикра.

Зиндан — тюрьма, представлявшая собой обычно глубокую яму, вырытую в земле.

Икта — «отрезок», «надел» — система земельных пожалований служилой военно-феодальной знати.

Имам — духовный руководитель, глава мусульманской общины, а также почетное прозвище видных религиозных авторитетов, руководителей крупных общин, основателей религиозных направлений, толков и школ.

Инша — сборники писем, представлявших образцы эпистолярной прозы.

Ислими — название орнамента, основанного на соединении выюнка и спирали. Канонизированная орнаментальная форма — растительные и геометрические арабески.

Ихрам — одеяние, надеваемое при входе в пределы Каабы в Мекке — кусок материи, которым паломник обертывает свое тело.

Йангалик — обычай, когда брат женился на жене своего умершего брата. Этот обычай наблюдал и Скряин, совершивший поездку в Синьцзян в 1921—1924 гг.

Йулпа — название оседлого населения Тибета.

Ка'аба — главная святыня ислама, здание в центре двора мекканской ал-Масджид ал-Харам.

Казакование — словом «казак» в Центральной Азии в XV в. называли как мятежных претендентов на престол, которые во главе своих сторонников вели жизнь искателей приключений, так и отряды кочевников, отделившихся от своих государей и находившихся с ними в состоянии войны.

Каландар — бродячий и нищенствующий дервиш, исполнявший минимум религиозных предписаний. Синонимом термина «Каландар» в Центральной Азии служило слово «дервиш».

Канун — струнный музыкальный инструмент.

Караунас («метис») — пренебрежительное название моголами осевших в Мавераннахре Чагатаев после распада улуса Чагатая за смешение их с местным оседлым населением и утрату кочевых традиций.

Касаба — селение, район. В раннем средневековье в Центральной Азии это слово употреблялось для обозначения административных центров округов.

Кедхуда — хозяин дома («кед» — «дом»).

Кибла — направление к Мекке, сторона, в которую мусульмане обращаются при молитве.

Кинтар — мера веса, приблизительно равная 45 кг.

Кукалдаш (кукилташ) — молочный брат. Кукалдаши весьма почитались и часто приравнивались к ближайшим родичам хана, позднее кукалдаш был одной из близких к хану должностей.

Курултай — съезд, совещание наиболее влиятельных представителей правящего дома и феодальных группировок по вопросам первостепенной государственной важности.

Курул — термин, которым обозначали ханское кладбище в качестве запретного места. В монгольскую эпоху

в Центральной Азии словом «курук» обозначалось все заповедное и запрещенное, куда был закрыт доступ посторонним — дворец государя, его гарем, участки земли, составлявшие частную собственность. Ныне им обозначают заповедники.

Курух — мера измерения расстояния, равная одной третьей части фарсанга, приблизительно около 2 км.

Куфи — вид почерка арабского письма.

Кушун туг — войсковое знамя.

Мазар — мавзолей и место погребения; гробница, могила.

Мал — в качестве налогового термина употреблялся в двух значениях: налог вообще и поземельная подать (синоним хараджа).

Ман андижанский — мера веса. Как указывает сам автор, один андижанский ман состоял из 64 чариков, а один чарик — из 400 мискалей. Один мискал равен 4,6 гр. Следовательно, андижанский ман равен, по подсчетам, 117,760 кг.

Медресе — высшее мусульманское учебное заведение.

Мил-и шар'и — шариатский мил, равен 4000 шагам.

Мискал — мера веса, равная 4,6 гр.

Михраб — ниша во внутренней стене мечети, указывающая направление на Мекку.

Муамма — логогриф.

Муджтахид — ученый-богослов, имевший право выносить самостоятельные решения по важнейшим вопросам фикха.

Мулазим — букв. «неизменно находившийся при ком-либо»; низший служитель, исполнявший различные поручения при крупном должностном лице.

Муршид — духовный наставник у суфиев.

Мухтасиб — должностное лицо, важнейшая функция которого — контроль за торгово-ремесленной деятельностью и поведением людей в общественных местах.

Мюрид — последователь, ученик суфийского шейха.

Нагара — вид музыкального инструмента, литавры.

Наиб — заместитель, наместник.

Най — флейта.

Намаз — молитва.

Насх — название почерка в арабском письме.

Нуйан, нуйаны — феодал; термин по значению соответствует арабскому «эмир» и тюркскому «бек».

Пир — духовный наставник, глава суфийского ордена.

Рабат — первоначально укрепленное место на границе мусульманских владений, куда стекались «борцы за веру», впоследствии небольшие укрепления и даже караван-сарай.

Ра'ийаты — податное сословие, т. е. оседлое земледельческое население, а также низшие и средние слои горожан.

Риджал ал-Аллах («люди Аллаха») — суфии, дервиши.

Руд — музыкальный инструмент.

Саз — струнный щипковый музыкальный инструмент.

Сетар — струнный музыкальный инструмент.

Суйургал — удел, даваемый государем в потомственное владение своим вассалам, феодальное пожалование, дар, подарок.

Сульс — вид почерка арабского письма.

Сунна — постановления и предписания Мухаммада, его действия и слова, сохраненные в преданиях и служащие руководством для мусульман-суннитов.

Такбир — провозглашение формулы «Аллаху акбар» («Аллах велик»).

Тарикат — путь духовного совершенствования суфия.

Тугра — турецкий термин для обозначения печати, заимствован персидской бюрократической системой.

Туман (основное значение — десять тысяч) — в качестве термина употреблялся в значении крупной войсковой части, которая в свою очередь подразделялась на хазаре (тысяча), сада (сотня) и даха (десяток).

Позже на этой основе возникло административное деление территории на туманы — округа, с которых вербовались десять тысяч (обычно менее) воинов, либо взимались налоги на содержание такого их количества.

Туман туг — т. е. знамя десяти тысячного войска.

Тура — название уложения Чингиз хана; закон, обычай, обычное право.

Уд — струнный музыкальный инструмент.

Улемы — богословы.

Улус — коллектив или группировка, составлявшие, как правило, этно-политическое целое; улусы у кочевников выделялись в удел представителям правившей династии.

Улусбеги — должность правителя улуса.

Фарсах — мера измерения расстояния, равная 6—7 км.

Фатиха — название первой суры Корана.

Фетва — юридическое заключение муфтия, основанное на шариате.

Фидаи — букв. «жертвующий жизнью» — представитель одной из шиитских сект (исмаилиты), широко использовавшей в практике политической борьбы террор.

Хадж — паломничество в Мекку.

Хакан — верховный правитель, глава тюркских племен.

Халифа — преемник, заместитель. У суфиев наместник пира или ишана в определенной местности.

Ханака — обитель дервишей.

Харадж — натуральный поземельный налог, доходивший иногда до $\frac{2}{3}$ урожая.

Харвар — тяжесть, поднимаемая одним ослом.

Хафиз — человек, знающий и читающий наизусть весь Коран.

Хачирбар — тяжесть, поднимаемая одним мулом.

Хирка — власяница; обычная одежда дервиша.

Хутба — проповедь, которая произносится во время пятничной молитвы, праздников жертвоприношения и в особых случаях.

Чанг — старинный струнный музыкальный инструмент, напоминающий арфу.

Шагирдпиша — термин, обозначал представителей служилого сословия без чинов и званий, находившихся в услужении для разных мелких поручений при военно-административных чинах (правителях областей и т. п.), которые за усердную службу получали звания и переходили в сословие чиновных лиц (амалдаран).

Шариат — мусульманское право.

Шииты — общее название разных группировок мусульман, признающих 'Али б. Аби Талиба и его потомков единственно законными наследниками и духовными преемниками пророка Мухаммада.

Шустман — роспись, осуществляемая двумя способами: кончиком кисточки (дамшуи) и всей кистью плашмя (мийаншу).

Юрт — территория кочевого племени.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамзон. Киргизы — Абрамзон С. М. Киргизы и их этнические и историко-культурные связи. Л., 1971.
- Аведова. Сведения о технике живописи — Аведова Н. А. Сведения о технике живописи в энциклопедии Ваджнда Али Из истории живописи Средней Азии, традиции и новаторство. Ташкент, 1984.
- Агаджанов. Очерки — Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. Ашхабад, 1969.
- Азимджанова. Государство Бабура — Азимджанова С. А. Государство Бабура в Кабуле и в Индии. М., 1977.
- Азимджанова. Черты социально-экономической жизни — Азимджанова С. А. Черты социально-экономической жизни Ферганы на рубеже XV—XVI веков // Труды Института востоковедения. Вып. III. Ташкент, 1954.
- Акимушкин. К вопросу о внешнеполитических связях — Акимушкин О. Ф. К вопросу о внешнеполитических связях могольского государства с узбеками и казахами в 30-х годах XVI—60-х годах XVII в. // Палестинский сборник. Вып. 21 (84). Ближний Восток и Иран. Ленинград, 1970.
- Акимушкин. Персоязычные источники — Акимушкин О. Ф. Персоязычные источники по истории Восточного Туркестана // «Филология и история тюркских народов» (тезисы докладов). Тюркологическая конференция. Л., 1967.
- Акимушкин. Хронология правителей — Акимушкин О. Ф. Хронология правителей восточной части Чагатайского улуса (линия Туглук Тимур хана) // Восточный Туркестан и Средняя Азия/Под ред. Б. А. Литвинского. М., 1984.
- Алишер Навоий кулёзма асарлари каталоги — К. Муниров, А. Носиров. Алишер Навоий кулёзма асарлари каталоги. Тошкент, 1970.
- Альхамова З. А., Давидович А., Литвинский Б. А., Массон М. Е. Историко-археологическое изучение мавзолея Юнус-хана в Ташкенте // Труды САГУ. Археология Средней Азии. Новая серия. Вып. 61. Кн. 6. Ташкент, 1953.
- Ахмедов. Государство — Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков. М., 1965.
- Ахмедов Б. А. К изучению политической истории Киргизии XV в. // Общ. науки в Узбекистане. 1961. Лв 5.
- Ахмедов. Улугбек — Ахмедов Б. А. Улугбек и политическая жизнь Мавераннахра первой пол. XV в. // Из истории эпохи Улугбека. Ташкент, 1965.
- Ашрафян. Делийский султанат — Ашрафян К. З. Делийский султанат. М., 1960.
- Бабур-наме — Бабур-наме (Записки Бабура) / Перевод М. Салье.. Отв. ред. С. А. Азимджанова. Ташкент. 1958.
- Бадаи' ал-вакайи'—Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакайи'. Критический текст, введение и указатели А. Н. Болдырева. Т. I-II. М., 1961.
- Баевский — Баевский С. П. Описание таджикских и персидских рукописей Института народов Азии. Вып. 4. Персидские толковые словари (фарханги). М., 1962.
- Байпаков, Ерзакович. Древние города Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древние города Казахстана. Алма-Ата, 1971.
- Бартольд. Абулхайр — Бартольд В. В. Абулхайр. Соч. Т. II (ч. 2). М., 1964.

- Бартольд. Аймак — Бартольд В. В. Аймак. Соч. Т. V. М., 1968.
- Бартольд. Аксу — Бартольд В. В. Аксу. Соч. Т. III. М., 1965.
- Бартольд. Ахсикент — Бартольд В. В. Ахсикент. Соч. Т. III. М., 1965.
- Бартольд. Бадахшан — Бартольд В. В. Бадахшан. Соч. Т. III. М., 1965.
- Бартольд. Баласагун — Бартольд В. В. Баласагун, Соч. Т. III. М., 1965.
- Бартольд. Балхаш — Бартольд В. В. Балхаш. Соч. Т. III. М., 1965.
- Бартольд. Бенакет — Бартольд В. В. Бенакет. Соч. Т. III. М., 1965.
- Бартольд. Бишбалик — Бартольд В. В. Бишбалик. Соч. Т. III. М., 1965.
- Бартольд. Борак-хан — Бартольд В. В. Борак-хан. Соч. Т. II (2). М., 1964.
- Бартольд. Гиссар (Хисар) — Бартольд В. В. Гиссар (Хисар). Соч. Т. III. М., 1965.
- Бартольд. Дар-и Аханий — Бартольд В. В. Дар-и Аханнн. Соч. Т. III. М., 1965.
- Бартольд. Двенадцать лекций — Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких пародов Средней Азии. Соч. Т. V. М., 1968.
- Бартольд. Древнетюркские надписи — Бартольд В. В. Древнетюркские надписи и арабские источники. Соч. Т. V. М., 1968.
- Бартольд. Дуглат — Бартольд В. В. Дуглат. Соч. Т. V. М., 1968.
- Бартольд. Иран — Бартольд В. В., Иран. Исторический обзор. Соч, Т VII. М., 1971.
- Бартольд. Иртыш — Бартольд В. В. Иртыш. Соч. Т., III. М., 1965.
- Бартольд. Иссык-Куль — Бартольд В. В. Иссык-Куль. Соч. Т. III. М., 1965.
- Бартольд. Историко-географический обзор Ирана — Бартольд В. В. Историко-географический обзор Ирана. Соч. Т. VII. М., 1971.
- Бартольд. История изучения — Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. Соч. Т IX. М., 1977.
- Бартольд. История культурной жизни — Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Соч. Т. II (ч. 1). М., 1963.
- Бартольд. История турецко-монгольских наротов — Бартольд В. В. История турецко-монгольских народов. Конспект лекций, читанных студентам Казахского высшего педагогического института в 1926/1927 учебном году. Соч. Т. V. М., 1968.
- Бартольд. История Туркестана — Бартольд В. В. История Туркестана. Соч. Т. II (ч. 1). М., 1963.
- Бартольд. Казак — Бартольд В. В. Казак. Соч. Т. V. М., 1968.
- Бартольд. Калмыки — Бартольд В. В. Калмыки. Соч. Т. V. М., 1968.
- Бартольд. Кара-китай — Бартольд В. В. Кара-китай. Соч. Т. V. М., 1968.
- Бартольд. Каракорум — Бартольд В. В. Каракорум. Соч. Т. III. М., 1965.
- Бартольд. Каратегин — Бартольд В. В. Каратегин. Соч. Т. III. М., 1965.
- Бартольд. Кафа — Бартольд В. В. Кафа. Соч. Т. III. М., 1965.
- Бартольд. Кафиристан — Бартольд В. В. Кафиристан. Соч, Т. VIII. М., 1973.
- Бартольд. Кашгар — Бартольд В. В. Кашгар. Соч. Т. III. М., 1965.
- Бартольд. К вопросу об археологических исследованиях — Бартольд В. В. К вопросу об археологических исследованиях в Туркестане. Соч. Т. IV. М., 1966.
- Бартольд. Кипчаки — Бартольд В. В. Кипчаки. Соч. Т. V. М., 1968.
- Бартольд. Киргизы — Бартольд В. В. Киргизы. Исторический очерк. Соч. Т. II (ч. 1). М., 1963.
- Бартольд. К истории орошения — Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана. Соч. Т. III. М., 1965.
- Бартольд. Мангыты — Бартольд В. В. Мангыты. Соч. Т. V. М., 1968.
- Бартольд. Место прикаспийских областей — Бартольд В. В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Соч. Т. II (ч. 1). М., 1963.
- Бартольд. Мир Али-Шир — Бартольд В. В. Мир Али-Шир и политическая жизнь. Соч. Т. II (ч. 2). М., 1964.
- Бартольд. Мулхакат — Бартольд В. В. Мулхакат ас-Сурах. Соч. Т. VIII. М., 1973.
- Бартольд. Отчет о командировке в Среднюю Азию — Бартольд В. В. Отчет о командировке в Среднюю Азию. Соч. Т. IV. М., 1966.
- Бартольд. Отчет о командировке — Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестан. Соч. Т. VIII. М., 1973.
- Бартольд. Отчет о поездке — Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью, 1893—1894 гг. Соч. Т. IV. М., 1966.
- Бартольд. О христианстве в Туркестане — Бартольд В. В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период. Соч. т II (ч. 2). М., 1964.
- Бартольд. Очерк истории Семиречья — Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья. Соч. Т. II (ч. 1). М., 1963.
- Бартольд. Рецензия — Бартольд В. В. The Tarikh-i Rashidi of Mirza Muhammad Haidar, Dughlat. A history of the Moghuls of Central Asia Cor. Т. VIII. М., 1973.
- Бартольд. Система — Бартольд В. В. Система счисления орхонских надписей в современном диалекте. Соч. Т. V. М., 1968.
- Бартольд. Талыш — Бартольд В. В. Талыш. Соч. Т. III. М., 1965.
- Бартольд. Тараз — Бартольд В. В. Тараз. Соч. Т. III. М., 1965.
- Бартольд. Тарим — Бартольд В. В. Тарим. Соч. Т. III. М., 1965.
- Бартольд. Татары — Бартольд В. В. Татары. Соч. Т. V. М., 1968.

- Бартольд. Тибет — Бартольд В. В. Тибет. Соч. Т. III. М., 1965.
- Бартольд. Туркестан — Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч. Т. I. М., 1963.
- Бартольд. Турфан — Бартольд В. В. Турфан. Соч. Т. III. М., 1965.
- Бартольд. Тюрки — Бартольд В. В. Тюрки. Соч. Т. V. М., 1968.
- Бартольд. Улугбек — Бартольд В. В. Улугбек и его время. Соч. Т. II (ч. 2). М., 1964.
- Бартольд. Хайдар-мирза — Бартольд В. В. Хайдар-мирза. Соч. Т. VIII. М., 1973.
- Бартольд. Хотан — Бартольд В. В. Хотан. Т. III. М., 1965
- Бартольд. Чаганыан — Бартольд В. В. Чаганиан. Соч. Т. III. М., 1965
- Бартольд. Чагатайская культура — Бартольд В. В. Чагатайская культура. Соч. Т. V. М., 1968
- Бартольд. Чу — Бартольд В. В. Чу. Соч. Т. III. М., 1965.
- Беленицкий. Историческая топография Герата XV в.— Беленицкий А. М. Историческая топография Герата XV в. Алишер Навои, сборник статей. М.; Л., 1946.
- Беленицкий, Бентович, Большаков. Средневековый город — Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
- Берг Отчет — Берг Л. С. Предварительный отчет об исследовании озера Балхаш летом 1903 г. Отд. оттиск из «Изв. Им-пер. Русск. Геогр. общ-ва». Т. XI. Вып. 4. Спб., 1904.
- Бернштам. Археологический очерк — Бернштам А. Н. Археологический очерк Северной Киргизии. (МИИ киргиз и Киргизистан). Фрунзе, 1941.
- Бернштам. Архитектурные памятники — Бернштам А. Н. Архитектурные памятники Киргизии. М.; Л., 1950.
- Бертельс. История — Бертельс Е. Э. История персидско-таджикской литературы. М., 1960.
- Бертельс. Навои и Джами — Бертельс Е. Э. Навои и Джами. Избранные труды. М., 1965.
- Бертельс. Суфизм — Бертельс Е. Э. Суфизм и суфийская литература. Избранные труды. М. 1965.
- Бичурин. Собрание — Бичурин (Иокиф) И. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Соч. Т. I—II. М.; Л., 1950; т. III. М.; Л., 1953
- Большаков. История халифата — Большаков О. Г. История халифата. Т. I. М., 1989.
- Босворт. Мусульманские династии — Босворт К. Э. Мусульманские династии. Справочник по хронологии и генеалогии. М., 1971,
- Валиханов.— Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений В 3 т. Т. 1. Алма-Ата. 1961.
- Вельяминов-Зернов— Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. Ч. I—II. Спб., 1863—1866.
- Владимирцов. Общественный строй — Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.
- Военно-статистическое описание — Военно-статистическое описание Туркестанского военного округа. Военно-географическое обозрение. Т. I. Составил Григоров А. М. Ташкент, 1912; Т. II. Составил Покровский Н. В. Ташкент, 1914.
- Давидович. Материалы — Давидович Е. А. Материалы для характеристики денежной реформы Улугбека // Из истории эпохи Улугбека. Ташкент, 1964.
- Дмитриева, Мугинов. Описание — Дмитриева Л. В., Мугинов А. М., Муратов С. Н. Описание тюркских рукописей Института народов Азии. Т. I. История / Под ред. Кононова А. Н. М.. 1965.
- Ерзакович. О позднесредневековом городище Аспара — Ерзакович Л. Б. О позднесредневековом городище Аспара // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968.
- Жуковский В. А. Песни хератского старца. Восточные заметки. Спб.. 1895.
- Зафар-наме — Шарафадин 'Али Йазди. Зафар-наме / Подготовка к печати, предисловие, примечания и указатели А. Урунбаева. Ташкент, 1972.
- Зеланд. Кашгария — Зеланд Н. Кашгария и перевалы Тянь-Шаня. Путевые записки. Записки Запад.-Сибир. отдела Им-пер. Рус. Геогр. общ-ва. Кн. IX. Омск. 1888.
- Зимин. Кала-йи Дабуси — Зимин Л. А. Кала-йи Дабуси. ПТКЛА. Год XXI, 1917.
- Иванов. Очерки — Иванов П. П. Очерки по истории Средней Азии. М., 1958.
- Ибрагимов. К истории Казахстана — Ибрагимов С. К. К истории Казахстана в XV в. // Вопросы филологии и истории стран советского и зарубежного Востока. М 1961.
- Ибрагимов. Еще раз о термине — Ибрагимов С. К. Еще раз о термине «казак» // Труды ИИАЭ АН КазССР. Т. 8. Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. Алма-Ата, 1960.
- Иванов. История изучения — Иванов А. А. История изучения Мавераннахрской (среднеазиатской) школы миниатюры. II // Древность и средневековые народов Средней Азии (история и культура). М., 1978.
- Ислам. Краткий справочник — Ислам. Краткий справочник. М, 1983
- Ислам. Энциклопедический словарь — Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991.
- Исмаилова. Искусство оформления — Исмаилова Э. М. Искусство оформления среднеазиатской рукописной книги XVIII—XIX вв. Ташкент, 1982.
- История Афганистана — Массон В. М., Ромодин В. А. Истории Афганистана. Т. I—II. М, 1964—1965.
- История. Ирана — История Ирана. М., 1977.
- История Индии — Свиха Н. К., Банерджи А. Ч. История Индии / Перевод с английского под ред. Антоновой К. А. М., 1954.
- История Киргизии. Т. I. Фрунзе, 1963.

- История народов Узбекистана. Т. II. Ташкент, 1947.
- История народов Узбекистана (с древнейших времен до начала XVI в.). Т. I. Ташкент, 1950.
- История Узбекской ССР. Т. I. Кн. 1. Ташкент, 1955
- История Узбекской ССР (с древнейших времен до середины XIX в.). Т. I. Ташкент, 1967.
- Казиев. Художественно-технические материалы и терминология—Казиев А. Ю. Художественно-технические материалы и терминология средневековой книжной живописи, каллиграфии и переплетного искусства. Баку, 1966.
- Калмыкова. Западный Китай — Калмыкова В. Г., О в д и е н к о И. Х. Северо-западный Китай. Географический очерк. М., 1957.
- Камаладдин Бехзад. К 525-летию со дня рождения // Материалы научной конференции. Ташкент, 1984.
- Кларе. Древний Отрар — Кларе. Древний Отрар и раскопки, произведенные в развалинах его в 1904 г. ПТКЛА. Год IX, 1904.
- Кононов. Родословная туркмен — Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л Гази хана хивинского. М.; Л., 1958.
- Коран — Коран Перевод и комментарии И. Ю. Крачковского. М., 1986.
- Корженевский. Средняя Азия — Корженевский Н. Л. Средняя Азия. Краткий географический очерк. Ташкент, 1941.
- Корнилов. Кашгария — Корнилов. Кашгария, или Восточный Туркестан. Ташкент, 1903.
- Костенко. Туркестанский край — Костенко Л. Э. Туркестанский край. Спб., 1880.
- Крачковский. Арабская географическая литература — Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература. Избр. соч. Т. IV. М.; Л., 1957.
- Куропаткин. Кашгария — Куропаткин А. Н. Кашгария. Спб., 1879.
- Лэн-Пуль — Лэн-Пуль Стенли. Мусульманские династии, хронологические и генеалогические таблицы с историческими сведениями/Перевел с английского с примечаниями и дополнениями В. Бартольд. Спб., 1899.
- Маев. Географический очерк — Маев В. Географический очерк Гиссарского края и Кулябского бекства. Географич. известия. Т. XII. Вып. 4.. 1876.
- Мажолисун нафоис — Алишер Навоий. Мажолисун нафоис. Илмий танкидий мати, тайёрловчи Суйима Раниева. Тошкент, 1961.
- Малов. Язык — Малов С. Е. Язык желтых уйгуров. Тексты и переводы. М., 1967.
- Масальский. Россия — Россия. Полное географическое описание нашего отечества / Под ред. В. П. Семенова-Тян-Шанского. Т. XIX. Туркестанский край. Составил Масальский В. И. Спб., 1913.
- Материалы — Материалы по истории казахского ханства XV— XVIII вв. Составители: С. К. Ибрагимов. Н. Н. Мингулов. К. А. Пищулина, В. П. Юдин. Алма-Ата, 1969.
- Материалы по Киргизии — Материалы по истории киргизов и Киргизии / Под ред. В. А. Ромодина. Вып. 1. М., 1973.
- Материалы по Туркмении — Материалы по истории туркмен и Туркмении XVI—XIX вв. Иранские, бухарские и хивинские источники. Т. II / Под ред. акад В. В. Струве, А. К. Боровского. А. А. Ромаскевича и П. П. Иванова / Труды ИВ, VIII. Источники по истории народов СССР М.: Л., 1938.
- Матлаи са'дайн — Абдуразок Самаркандий. Матлаи са'-дайн ва мажмаи бахрайн. Форс-тожик тилидан таржима, кириш суз ва изохла лугатлар тарих фанлари кандидати А. Уринбоевники. Тошкент, 1969.
- Махмуд б. Вали. Бахр ал-асрар — Махмуд ибн Вали Море тайн относительно доблестей благородных. (География) / Введение, перевод, примечания Б. А. Ахмедова. Ташкент, 1977.
- Мингулов. Мухаммад Хайдар — Мингулов Н. Мухаммад Хайдар Дуглат // Великие ученые Средней Азии и Казахстана. Алма-Ата, 1965.
- М у г и н о в. Описание — Мугинов А. М. Описание уйгурских рукописей Института народов Азии. М., 1962,
- Муджмал-и Фасихи — Фасих Ахмад б. Джалаладдин Мухаммад ал-Хавафи. Муджмал-и Фасихи (Фасихов свод) / Перевод, предисловие, примечания и указатели Д. Ю. Юсуповой. Ташкент, 1980.
- Мукминова Р. Г. К вопросу о переселении кочевых узбеков в начале XVI в. Изв. АН УзССР. 1954. № 1.
- Мукминова. О некоторых источниках — Мукминова Р. Г. О некоторых источниках по истории Узбекистана начала XVI в. // Труды Института, востоковедения УзССР. Вып. III Ташкент. 1954.
- Мурзаев. Природа — Мурзаев Э. М. Природа Синьцзяна и формирование пустынь Центральной Азии. М., 1966
- Мушкетов. Поездка — Мушкетов Д. И. Поездка в Нарынский край и в Кашгарию. Петроград, 1918.
- Народы мира—Народы мира. Этнографические очерки. Народы Средней Азии и Казахстана. Т. 1 / Под ред. Толстова С. П. Жданко Т. А. Абрамзона С. М., Кислякова Н. А. М., 1962
- Нафахат ал-унс — 'Абдаррахман Джамии. Нафахат ал-унс мин хазарат ал-кудс 'Мукаддима, тасхих ва та'ликат — д-р Мухаммад Абиди. Техран. 1370 (1991).
- Обручев. От Кяхты — Обручев В. А. От Кяхты до Кульджи. Путешествие в Центральную Азию и Китай. М.: Л., 1940
- Обручев. По горам — Обручев В. А. По горам и пустыням Средней Азии М.; Л., 1948.
- Пантусов. Город Алмалык — Пантусов Город Алмалык М., 1910.

- Пантусов «Та'рих-и Амийнийе» Муса Сайрами. Издание Пантусова Н. Н., Казань, 1903.
- Персидские и таджикские рукописи Института народов Азии АН СССР — Акимушкин О. Ф., Кушев В. В., Миклухо-Маклай Н. Д., Мугинов А. М., Салахетдинова М. А. Персидские и таджикские рукописи Института народов Азии АН СССР. Краткий алфавитный каталог / Под ред. Миклухо-Маклая Н. Д. Ч. I. Л., 1964
- Петров. К истории движения — Петров. К. И. К истории движения киргизов на Тянь-Шань и их взаимоотношений с ойратами и XIII—XIV вв. Фрунзе, 1961.
- Петрушевский. Земледелие — Петрушевский И. П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV вв. М.; Л., 1960,
- Петрушевский. Ислам. Петрушевский И. П., Ислам в Иране в VII—XV вв. Л., 1966.
- Письма-автографы 'Абдаррахмана Джами — Письма-автографы 'Абдаррахмана Джами из «Альбома Навои» / Введение, перевод, примечания и указатели А. Урунбаева. Ташкент, 1982.
- Пищулина. Присырдарьинские города — Пищулина К. А. Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV—XVII вв. // Казахстан в XV—XVII вв. (Вопросы социально-политической истории). Алма-Ата, 1969.
- Пищулина. Юго-Восточный Казахстан — Пищулина К. А. Юго-Восточный Казахстан и середине XIV — начале XVI в. Алма-Ата, 1977.
- Прошлое Казахстана — Прошлое Казахстана в источниках и материалах (V в. до н. э.— XVIII в. н. э.). Сборник 1 / Под ред. проф. Асфендиарова С. Д. и проф. Кунте П. А. Алма-Ата; Москва, 1935.
- Пулат Кодир. Улка тарихи. Кисм I. Урумчи, 1947.
- Рашахат — Рашахат айн ал-хайат. Мусанафа-и Фахраддин 'Али б. Хусайн ал-Ва'из ал-Кашифи ал-машхур би-с-Сафи. Матба'а-йи Нул Кашур. Каунпур, 1911.
- Рашидаддин — Рашидаддин. Сборник летописей. Т. I, Кн. 1 / Перевод с персидского Л.А. Хетагурова, ред. и примечания проф. А. А. Семенова. М.; Л., 1952.
- Рипка Ян. История — Ян Рипка. История персидской и таджикской литературы. М., 1970.
- Рукописи произведений Джами — Рукописи произведений "Абдаррахмана Джами в собрании Института востоковедения Академии наук Узбекской ССР. Ташкент, 1965.
- Рязанцев. Киргизия — Рязанцев С. Н. Киргизия (эконом.-географическая характеристика). М., 1946.
- СВР — Собрание восточных рукописей АН Узбекской ССР. Т. III / Под ред. и при участии чл.-кор. АН УзССР, действ. члена АН ТаджССР, докт. ист. наук, проф. Семенова А. А., Ташкент, 1955.
- СВР — Собрание восточных рукописей АН УзССР. Т. VI / Под ред. и при участии докт. истор. наук, проф. Семенова А. А. и канд. истор. наук Вороновского Д. Г. Ташкент, 1963.
- Семенов. Бухарский трактат — Семенов А. А. Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях носителей их в средневековой Бухаре. СВ. Т. V. М.; Л., 1948.
- Семенов. Бухарский шейх Баха-уд-дин 1318—1389 г.— Семенов А. А. Бухарский шейх Баха-уд-дин 1318—1389 г. // Восточный сборник в честь А. Н. Веселовского. М., 1914.
- Семенов. Гератское искусство — Семенов А. А. Гератское искусство в эпоху Алишера Навои // Родоначальник узбекской литературы. Сборник статей об Алишере Навои. Ташкент, 1940.
- Семенов. Гератская художественная рукопись — Семенов А. А. Гератская художественная рукопись эпохи Навои и ее творцы // Алишер Навои. М.; Л., 1946.
- Семенов. Очерк — Семенов А. А. Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени // Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Вып. II. Труды АН ТаджССР. Институт истории, археологии и этнографии. Т. XXV. Сталинабад, 1954.
- Семенов. Ташкентский шейх Хавенд Тахур — Семенов А. А. Ташкентский шейх Хавенд Тахур (Шейх-Антаур) и приписываемый ему «Кулях», ПТКЛА. Год XX (вып. 1), Ташкент, 1915. С. 25—31.
- Сенигова. Основные пути — Сенигова Т. Н. Основные пути формирования топографии раннесредневекового Тараза (V—IX вв.) // Известия АН КазССР. Серия общ. наук. 1966. № 5.
- Сипахсалар — Фихрист-и китабхана-йи мадраса-йи Ала-йн Сипах-салар, талиф-и Ибн Йусуф Ширази. Т. I. Тихран, 1313.
- Скрайн — Скрайн. Китайская Центральная Азия (Синьзянь). М., 1935.
- Современный Афганистан — Современный Афганистан. М., 1960.
- Спейт О. Х. К. Индия и Пакистан. Общая и региональная география. / Перевод с английского Шмелева А. Б. М., 1957.
- Стори — Стори Ч. А. Персидская литература. Библиографический обзор В 3 ч. Перевод, переработка и дополнения Брегеля Ю. Э.. М., 1972
- Султанов. Кочевые племена Приаралья в XV—XVII вв. (вопросы этнической и социальной истории). М, 1982.
- Султанов. Некоторые замечания — Султанов Т. И. Некоторые замечания о начале казахской государственности // Известия АН КазССР. Серия общ. наук. № 1. Алма-Ата, 1971.
- Тагирджанов. Описание — Тагирджанов А. Т. Описание таджикских и персидских рукописей восточного отдела библиотеки ЛГУ. Т. I. История, биография, география, Л., 1962.
- Талибеков. Кочевое общество — Талибеков С. Е., Кочевое общество казахов в XVII — начале XX в. Политико-экономический анализ. Алма-Ата, 1971.

- Та'рих-и джахангушай Джувайни — Ala uddin Ata Malik-i Juwaini, Edit with an untroduction, notes and indices... by Mirza Muhammed ibn Abdul - Wahhab-i Qazwini (GMS, XVI, I—II—III). Leiden—London, 1912, 1916, 1937.
- Тегеран. Университет — Фихрист-и китабхана-йи маркази-йи Данишгах-и Тихран, нигариш-и Мухаммад Тага Даниш Пажух, Тихран, муджаллад IX (№№ 2121—2629), 1340.
- Тихонов. Хозяйство — Тихонов Д. И. Хозяйство и общественный строй уйгурского государства X—XIV вв. М.; Л., 1966.
- Туманович. Герат — Туманович Н. И. Герат в XVI—XVIII веках. М., 1989.
- Шаниязов. Узбеки-карлуки — Шаниязов К. Узбеки-карлуки (историко-этнографический очерк). Ташкент, 1964.
- Хинц. Мусульманские меры — Хинц В. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. М., 1970.
- Черданцев. Районы — Черданцев Г. Н. Среднеазиатские республики и районы Средней Азии. М., 1928.
- Чехович. Самаркандские документы XV—XVI вв.— Самаркандские документы XV—XVI вв (О владениях Ходжа Ахрара в Средней Азии и Афганистане) / Факсимиле, критический текст, перевод, введение, примечания и указатели Чехович О. Д. М., 1974.
- Чурас. Хроника — Шах-Махмуд ибн Мирза Фазил Чурас. Хроника / Критический текст, перевод, комментарии, исследование и указатели Акимушкина О. Ф. М., 1976.
- Шараф-наме-йе шахи - Шараф-наме-йе шахи Хафиз-и Таниш Бухари / Факсимиле рукописи, перевод с персидского, введение, примечания и указатели М. А. Салахетдиновой. Ч. I. М, 1983.
- Юдин. О родоплеменном составе — Юдин В. П. О родоплеменном составе могулов Могулистана и Могулии и их этнических связей с казахскими и другими соседними народам / Изв. АН КазССР. Серия, общ. наук. Вып. 3. 1965.
- Юдин. Рецензия — Юдин В. П. Рецензия на работу Б. А. Ахмедова «Государство кочевых узбеков» (М., 1965); Известия АН КазССР. Серия общ. наук. 1966. № 2.
- Якубовский. Черты общественной и культурной жизни эпохи Алишера Навои — Якубовский А. Ю. Черты общественной и культурной жизни эпохи Алишера Навои // Алишер Навои. Сборник статей. М.; Л., 1946.
- Arnold T. W. Mirza Muhammad Haydar Dughlat on the Herat School of painters (Persian miniature painting including a critical and descriptive Catalogue of the miniatures exhibited at Burlington house January-march, 1931 by Laurence Binyon J.V S Wilkinson and Basil gray London Oxford University press, Humphrey milford, 1933; Appendix 11, pp. 189—191.
- B e a l e — An oriental biographical dictionary by Thomas William Beale, London, 1894.
- Elliot. Bibliographical Index—Elliot H. M. Bibliographical Index to the historians of Muhammadan India, vol I, Calcutta, 1849.
- Elliot. History — Elliot H. M. The history of India as told by its own historians. The Muhammadan period. Ed. by prof. John Dowson. Sulil Gupta (India), Calcutta, Second Edition, 1953.
- Erskine — Erskine W. History of India under the two first sovereigns the house of Taimur, Babur and Humaiyn, vol. I—II, London, 1854.
- Ethe—Ethe H Catalogue of the Persian manuscripts in the Library of the India Office, vol. I—II, Oxford, 1903—1937.
- Le Strange — Le Strange G. The Lands of Eastern Caliphate, Cambridge, 1905.
- Pertsch — Die Handschriften-verzeichnisse der Koniglichen Bib-liothek zu Berlin, W. Pertsch Band IV, Berlin, 1888.
- R i e u — R i e u. C. Catalogue of the Persian Manuscripts in the British Museum, vol. I—III, London, 1879—1883.
- Skrine. The Heart of Asia—Skrine F. H., Ross E. D. The Heart of Asia. A History of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the Earliest time, London, 1899.
- Smirnow — Manuscripts turks de L'Institut des Langues orientales decrits par W. D. Smirnow, Saint-Petersbourg, 1897
- The Tarakh-i Rashidi —The Tarikh-i Rashidi of Mirza Muhammad Haidar Dughlat. A. History of the Moghuls of Central Asia. An English version, ed. with commentary, notes and map by N. Elias. The translation by E. Denison Ross.
- H o w o r t h. History — Ho worth H. H. History of the Mongols from the 9th to the 19th century, pt. 1, the Mongols proper and the Kalmuks, London, 1876; pt II, The so-called Tartars of Russia and Central Asia, Division I—II, London, 1880.
- H o w o r t h. The Northern — H o w o r t h H. H. The Northern Frontiers of China From —Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britania, 1875—1877.